ISSN 0869 – 0049

# Московский журнал международного права

В ЭТОМ НОМЕРЕ:
ПРОФЕССОРА, ДОКТОРА НАУК


- КЛЕАНДРОВ М.И. СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАМКАХ СНГ НАДО РАЗВИВАТЬ
- МИХАЙЛОВ В.Н. ЮБИЛЕЙ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ – УРОКИ ПОЛУВЕКА
- МАЛЕЕВ Ю.Н. РАЗБОР ПОЛЕТОВ НАД МЕЖДУНАРОДНЫМ ГУМАНИТАРНЫМ ПРАВОМ
- ГАНЮШКИН Б.В. ЕЩЕ РАЗ О НОВОМ В КОНСУЛЬСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ
- ТИУНОВ О.И. ВЫСКАЗЫВАЕМ СВОИ МЫСЛИ ПО ВОПРОСАМ ТЕОРИИ
- ЛОБАНОВ С.А. О НОВОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ РОССИИ
- БОРИСОВ К.Г. РАССМАТРИВАЕТ ПРАВО РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ
- ФИЛЛИС БЕННИС (США) ОБЛИЧАЕТ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРАВА, ПОЛИТИКУ НАТО НА БАЛКАНАХ


В ОЧЕРЕДНЫХ НОМЕРАХ:


- Десятилетие "Московского журнала международного права" – в первом квартале 1991 года вышел наш первый номер
- Лора Олсон (Международный Комитет Красного Креста) Как надо решать задачи по международному гуманитарному праву: тяжело в ученье – легко на работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель
**Ю. М. КОЛОСОВ** (Москва)
Члены Редсовета:
**А.Х. АБАШИДЗЕ** (Батуми),
**Н. И. АКУЕВ** (Алматы),
**Э. Д. БЕЙШЕМБИЕВ** (Бишкек),
**И. И. БЕРГХОЛЬЦАС** (Рига),
**В. Г. БУТКЕВИЧ** (Киев),
**Г. В. ИГНАТЕНКО** (Екатеринбург),
**А. Л. КОЛОДКИН** (Москва),
**В.В. КОЧАРЯН** (Ереван),
**Г. И. КУРДЮКОВ** (Казань),
**С. А. МАЛИНИН** (Санкт-Петербург),
**Л.В. ПАВЛОВА** (Минск),
**В. П. ПАРХИТЬКО** (Москва),
**А. Х. САИДОВ** (Ташкент),
**Л.А. СКОТНИКОВ** (Москва),
**А. В. ТОРКУНОВ** (Москва),
**А. А. ТРЕБКОВ** (Москва),
**М. О. ХАИТОВ** (Ашхабад),
**Ю. Ю. ШАТАС** (Вильнюс),
**В. Н. ЯКОВЛЕВ** (Ижевск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
**В. П. ПАРХИТЬКО**
Члены Редколлегии:
**Л. Б. АРХИПОВА**,
**К. А. БЕКЯШЕВ**,
**И. П. БЛИЩЕНКО**,
**А. А. ГРОМЫКО-ПИРАДОВ**,
**И. И. КОТЛЯРОВ**,
**В. И. КУЗНЕЦОВ**,
**Е. Г. ЛЯХОВ**,
**Ю. Н. МАЛЕЕВ**,
**А.И. МУРАНОВ**,
**В. Г. НЕСТЕРЕНКО** (заместитель главного редактора, ответственный за английское издание),
**Т. О. РАМИШВИЛИ**,
**В. А. РОМАНОВ**,
**Ю. М. РЫБАКОВ**,
**Г. П. ТОЛСТОПЯТЕНКО**,
**Б. Р. ТУЗМУХАМЕДОВ** (первый заместитель Главного редактора),
**И. Г. ФОМИНОВ**,
**О. Н. ХЛЕСТОВ**

---

Издание "Московского журнала международного права" осуществляется при финансовой поддержке международной юридической фирмы "ММЦП & К°"
Контактные телефоны: 290-42-22; 290-27-57.
Адрес в INTERNET: http: // mice.ym—com.net

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ "СОЮЗЮРИСТОВ"

Адрес редакции: 117454, Москва, проспект Вернадского, 76
телефон: 434-94-13/телефакс: 434-94-52
Адрес английской редакции: 121019, Москва Г-19, а/я 32
НЕСТОР АКАДЕМИК ПАБЛИШЕРЗ Лтд.
телефон 915-62-22; телефакс 915-16-38.

---

© "Московский журнал международного права"
Свидетельство о регистрации № 01130 от 25 мая 1992 г.

# Московский журнал международного права

# Moscow Journal of International Law

**Научно-теоретический и информационно-практический журнал**

**Издается с 1991 года на русском языке и с 1995 года — на английском, с1997 года введен на обоих языках в систему INTERNET:** ***www.diplomat.ru/mjilaw/***

Выходит один раз в три месяца

№ 4/2000/40
октябрь-декабрь


## СОДЕРЖАНИЕ


**Вопросы теории**

Манжосов А.А. Международно-правовые аспекты регулирования политической ситуации ..... 5

Клеандров М.И. (Тюмень). Какие международные суды нужны для СНГ? ..... 21

**Международное частное право**

Муранов А.И. Некоторые проблемы признания и приведения в исполнение решений морской арбитражной комиссии при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации ..... 35

Приезжая Н.В. Оговорка о публичном порядке: применение в международном коммерческом арбитраже ..... 66

Кристиан де Бри (Франция). Многостороннее соглашение по инвестициям появится снова ..... 76

**Международное ядерное право**

Михайлов В.Н. Ядерному оружию России — полвека ..... 82

Молодцова Е.С. Особенности регулирования безопасного для окружающей среды использования ядерной энергии ..... 89

**Международное и внутригосударственное право**

Зименко Б.Л. Согласование норм внутригосударственного и международного права в правовой системе России ..... 94

**Международно-правовые вопросы СНГ**

Симонян Г.В. (Ереван). К вопросу о признании юрисдикции Экономического Суда СНГ государствами — членами Содружества ..... 104

**Международные организации**

Лукьянцев Г.Е. (Женева).К вопросу о членстве России в международных правозащитных институтах в связи с событиями на Северном Кавказе ..... 112

**Новая Европа**

Слугин А.А. Эволюция отношений Россия (СССР) — Европейские Сообщества (ЕС) и подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС 1994 года ..... 120
Горшкова С.А. (Страсбург). Интегрирование России в европейское правовое пространство (о выполнении Россией правовых обязательств перед Советом Европы) ..... 152

**Международное гуманитарное право**

Котляров И.И. Деятельность командиров и юридических советников в свете требований международного гуманитарного права ..... 165
Рогожин С. Социологический анализ норм международного гуманитарного права ..... 173
Имплементация международного гуманитарного права — задача первостепенной важности. Выступление Пьера Келлера, вице-президента Международного Комитета Красного Креста ..... 182

**Международное уголовное право**

Бирюков П.Н. (Воронеж). Российское законодательство о выдаче преступников: проблемы и перспективы ..... 186

**Международная безопасность**

Свинарев В.В. Правовое положение российских военных баз за рубежом . 194
Беннис Филлис (США). Империя против ООН. Соединенные Штаты подрывают международное право ..... 210
Аманжолов Ж.М. (Алматы). К вопросу о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии ..... 215

**Морское право**

Малеев Ю.Н., Сокиркин В.А. Арктические проливы как вид международных проливов sui generis ..... 223

**Права человека**

Рубина И.Е. (Петрозаводск). Деятельность государств в области ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин ..... 232
Сотрудничество Северных стран по вопросам осуществления равноправия мужчин и женщин ..... 240

**Консульское право**

Ганюшкин Б.В. Неприкосновенность личности работников консульских учреждений ..... 248

**Право религиозных конфессий**

Борисов К.Г. Понятие и содержание права религиозных конфессий и его международно-правовые основы ..... 268

**Экономическое и научно-техническое сотрудничество**

Алексеев И.Ю. Электронная торговля: правовые проблемы предпринимательской деятельности в Интернете ..... 275

**Трибуна преподавателя и студента**

Кочарян В.В. Мои восхищение, уважение и... замечания (О книге Р.М. Тимербаева "Россия и ядерное нераспространение". — М. "Наука", — 1999. —383 с.) ..... 279
Соколова-Щербачева И.Г. После первого курса мы стали настоящими студентами ..... 281

Суворова Диана. Нормативно-правовые акты по ядерному праву Украины. (Ядерне законодавство. Збирнік нормативно-правовых актів (станом на 1 січня 1998 р.). "Ін юре",Київ, 1998 р., 608 с.) . . . . . 283

**Кто есть кто в нашей науке и практике**

Воронцов Юлий Михайлович (Москва) . . . . . 286
Гаджиева Нигяр Акиф кызы (Баку) . . . . . 287
Геворкян Карен Альбертович (Ереван) . . . . . 288
Куликов Александр Вадимович (Москва) . . . . . 289
Морозов Николай Александрович (Владивосток) . . . . . 290
Трубников Вячеслав Иванович (Москва) . . . . . 291
Цыпленкова Анна Вячеславовна (Йошкар-Ола) . . . . . 292

**Книжная полка**

Моисеев Е.Г.Нужное практическое пособие (К.А. Бекяшев, М.Е. Волосов. Международное публичное право. Практикум. М. — "Проспект", 2000. — 240 с) . . . . . 294
Тиунов О.И. Вопросы теории международного права и современность (Черниченко С.В. Теория международного права. Том II. Старые и новые теоретические проблемы — М., 1999. — 531 с.) . . . . . 298
Малеев Ю.Н По каким правилам следует убивать (заметки на полях одной работы) (По поводу фолианта Эрика Давида "Принципы права вооруженных конфликтов" — Москва — МККК — 2000, 718 с.) . . . . . 304
Бутенко А.В. Многостраничный труд о юриспруденции Нидерландов. (Рецензия на книгу "Голландская правовая культура". Издательство "Легат", Москва, 1998. Отв. ред. В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова) . . . . . 320
Шкулева Н.В. Миграция — проблема постсоветская. (Отв. ред. В.А. Тишков. Миграция и новые диаспоры в постсоветских государствах. — Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. — 240 с.) . . . . . 323
Вычугжанина А.А. Международное право в схемах. (Панов В.П. Международное право. Учебные материалы. — М.: ИНФРА, 1997. — 192 с.) . . . . 325
Вычугжанина А.А. Международное частное право в нашей жизни. (Костенко Н.И. Международное частное право. Курс лекций. — М.: Издательство МНЭПУ, — 2000. — 152 с.) . . . . . 327
Бойков Д.А. Интеграция и право в Европе. (Рецензия на монографию А.Я. Капустина "Европейский союз: интеграция и право". — М. Изд-во РУДН, 2000—436 с.) . . . . . 328
Полтавцева Е.А. Большой объем информации, но... для специалистов (Рецензия на книгу Г.М. Тансыкбаевой "Международное гуманитарное право" Учебник для высших учебных заведений. — Ташкент. — "Эльдинур", — 1999 — 153 с.) . . . . . 330

**Хроника**

Линников А.С. Европейское право в России: международный семинар "Современные тенденции развития права Европейского Союза и российское юридическое образование" . . . . . 331
Сеидов А.В. Гуго Гроций знал: будущее — за международным правом!. . 334

**Страницы истории**

Красов С.И. (Самара). Политические и гуманитарные аспекты куйбышевского периода деятельности Наркомата иностранных дел СССР (1941— 1943 гг.) . . . . . 337

**Письма в редакцию**

Янковский О.И., Минчина М.Г. (Ростов-на-Дону). Поговорим о космическом праве . . . . . 341

**Документы**

Лобанов С.А. Военная доктрина России и международное право ... 346
Военная доктрина Российской Федерации ... 350
Соглашение между правительством Российской Федерации и Объединенным институтом ядерных исследований о местопребывании и об условиях деятельности Объединенного института ядерных исследований в Российской Федерации ... 367
Карева Е.А. Учрежден "Союз юристов России" ... 380
Устав Общероссийской общественной организации "Союз юристов России" ... 381
Международный общественный трибунал по преступлениям НАТО в Югославии. Вердикт, г. Киев (Украина), 23 января 2000 года ... 392
Вердикт, г. Белград (Югославия), 29 марта 2000 года ... 401
Выводы и рекомендации конференции независимых экспертов-юристов стран-членов СНГ "Проблема самоопределения и отделения в современном международном праве". Вступительная статья-отчет о конференции А.В. Сеидова ... 411

**Международная частноправовая практика юридической фирмы "ММЦП & К°"**

Монастырский Ю.Э. Судебный процесс в Нидерландах по иску о взыскании долга крупного российского банка ... 416
Муранов А.И. История приведения в исполнение в России одного из решений арбитражного института торговой палаты Стокгольма ... 423

**Информация**

Главное открытие уходящего века ... 458
Ажажа В.Г. Человечество, как носитель Разума, во Вселенной не одиноко ... 459

**Некролог**

Похлебкин Вильям Васильевич ... 462

* * *

Премии "Московского журанала международного права" за 2000 год .. 482
Предметный указатель статей и материалов, опубликованных в "Московском журнале международного права" в 2000 году ... 484

*"Московский журнал международного права" является правопреемником "Советского журнала международного права", созданного в 1991 году как общесоюзный журнал юристов-международников СССР. После 1992 года, выходя под названием "Московский" (по месту его издания), журнал сохранил в составе своего Редакционного совета ученых из стран, расположенных на территории бывшего СССР, и на его страницах могут находить отражение как точки зрения самих юристов, так и официальные позиции их государств.*

*Отбор и содержание материалов журнала определяются Редколлегией. Вместе с тем публикация материала в "Московском журнале международного права" не всегда означает, что Редколлегия разделяет точку зрения автора. При перепечатке материала или его части, а также при цитировании ссылка на наш журнал обязательна.*

# Вопросы теории

## МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

А.А. Манжосов*

Назначение любой правовой нормы заключается в воздействии на поведение людей. Каждая норма является приказом: делай то, — не делай это. Такие инструкции или запреты, другими словами — нормы поведения, должны проводиться в жизнь. В процессе жизни люди как социальные субъекты, взаимодействуя между собой, создают различные ситуации, которые они же пытаются урегулировать с помощью права. Для норм международного права это так же справедливо, как и для внутреннего национального законодательства, например, для уголовного кодекса или правил дорожного движения. Тот факт, что в отношении международного гуманитарного права это правило касается в первую очередь суверенных государств, не меняет существа вопроса: нормы налагают обязанности.

В условиях, когда государства не могут или не хотят решать возникшую и ставшую в своем развитии кризисной политическую ситуацию[1] за столом мирных переговоров, в ход пускается оружие. Война — это проявление грубого насилия одним субъектом против другого субъекта с целью удовлетворения собственных потребностей, интересов, целей за чужой счет. Война неизбежно приводит к безмерным страданиям и тяжелым материальным потерям. Как зафиксировано в решении Нюрнбергского трибунала по делу о главных военных преступниках Второй мировой войны, война есть зло по определению.[2] Сегодня ни у кого (находящегося в здравом уме) не возникает желания попытаться оправдать войну как таковую.

Тем не менее, государства воюют между собой, а люди, потерявшие надежду найти справедливость, удовлетворение своих потребностей, интересов, целей, поднимаются с оружием в руках против правительств. И никто не осудит, например, государство, которое в силу сложившейся политической ситуации ведет войну, пытаясь отразить посягательства на свою независимость, или народ, восставший против тирании.

На современном этапе развития человеческого общества представ-

* Сотрудник МИД РФ.

ляется очень важным рассмотреть вопрос о возможности и способности права влиять на политическую ситуацию в ее крайнем негативном состоянии — состоянии войны. Другими словами, способно ли право не допустить развитие политической ситуации до состояния войны, то есть, помочь в урегулировании политической ситуации — предотвратить войну. В том числе, и вопрос о возможности и способности права положительно влиять на политическую ситуацию во время боевых действий и их последствий.

Следует отметить, что правила, ограничивающие деятельность сторон, находящихся в конфликтной политической ситуации, существовали практически во всех цивилизациях. Законы, устанавливающие защиту определенных лиц в период вооруженных конфликтов, можно обнаружить практически в любой стране и любой цивилизации мира. Эти категории включали женщин, детей и лиц пожилого возраста, разоруженных комбатантов[2a] и военнопленных. Запрещались нападения на определенные объекты, — например, места отправления культов — и вероломные методы ведения боевых действий, в частности такие, как использование ядов.

В тоже время, не представляется возможным найти документальные свидетельства того, где и когда появились первые правовые гуманитарные нормы и, тем более, невозможно назвать автора Международного гуманитарного права.[3] Здесь и далее под Международным гуманитарным правом понимается раздел права, который касается защиты жертв вооруженных конфликтов и содержит международные нормы, регулирующие ведение военных и полицейских действий при разрешении кризисной, прежде всего, политической ситуации. Еще до появления государств, в тех случаях, когда борьба между племенами, кланами или сторонниками тех или иных вождей не велась с целью полного уничтожения противника, возникли, зачастую непреднамеренно, правила, целью которых было стремление уменьшить последствия насилия. Такие правила, предвестники современного Международного гуманитарного права, легко обнаружить во всех культурах. Чаще всего их можно найти в основных литературных памятниках (как, например, в индийском эпосе "Махабхарата"), в религиозных писаниях (таких, как Библия или Коран) или в наставлениях по воинскому искусству (в древнеиндийском сборнике предписаний Законы Ману и японском средневековом кодексе поведения Бусидо). В 1557 году Россией было заключено соглашение со Швецией о создании смешанной комиссии для "учинения после бывшей войны в обидных делах управы"[4]. В средневековой Европе благородное рыцарство установило строгие правила ведения боя, и не в последнюю очередь — в собственных интересах. Идеи рыцарства дожили и до наших дней. Достигавшиеся нередко в прошлом сторонами в конфликте соглашения о судьбе пленных были предвестниками многосторонних сегодняшних соглашений. Подобные правила существовали — и по сей день существуют — и в культурах, не имеющих письменных памятников.

Итак, во всем мире с незапамятных времен облеченные властью правители, религиозные деятели, ученые и военные начальники пыта-

лись влиять на отрицательную динамику развития политической ситуации, уменьшить тяжкие последствия ее экстремального состояния — войны путем введения норм, обязательных для всех.

Тем не менее, лишь в девятнадцатом столетии, когда войны стали вестись многочисленными национальными армиями, которые использовали новые, более разрушительные виды оружия, оставляя на полях сражений ужасающее число раненных, было разработано "право войны", основанное на многочисленных договорах. Зарождение современного универсального, в основном писаного, Международного гуманитарного права неразрывно связано с именами двух людей — Анри Дюнана[5] и Френсиса Либера[6] — которые примерно в одно и то же время, не подозревая о существовании друг друга, внесли решающий вклад в концепцию и содержание современного Международного гуманитарного права.

Оба они, и А. Дюнан, и Ф. Либер, взяли за основу идею, выдвинутую Жан Жаком Руссо в опубликованном им в 1762 году трактате "Об общественном договоре". "Война — это отношение не между людьми, а между государствами, и люди становятся врагами случайно, не как человеческие существа и даже не как граждане, а как солдаты". И далее Руссо делает логический вывод, что с солдатами можно воевать только до тех пор, пока они сами воюют. А как только они сложили оружие, "они вновь становятся просто людьми". И их следует щадить.[7]

Руссо формулирует основной принцип, на котором строится Международное гуманитарное право, а именно: целью военного воздействия (силового влияния) на сложную политическую ситуацию никогда не должно быть физическое уничтожение противника. Применять силу можно только против комбатантов, так как цель военных действий заключается в положительном изменении политической ситуации, прекращении боевых действий, победе над вооруженными силами противника, а не в уничтожении его народа. Но и против солдат противника силу можно применять только до тех пор, пока они оказывают сопротивление. Любой солдат, сложивший оружие или вынужденный сделать это из-за ранения, уже не является противником и не может, выражаясь языком современного Международного гуманитарного права, быть объектом военного нападения. В любом случае бессмысленно мстить простому солдату, так как он не несет ответственности за возникновение и осложнения в политической ситуации, приведшие к войне. Таким образом, была заложена идейная основа для возрождения в 19 веке Международного гуманитарного права.

В своей книге "Воспоминание о Сольферино" Анри Дюнан выступил с двумя практическими предложениями, требующими конкретных действий: заключить международное соглашение о придании статуса нейтральности медицинскому персоналу и создать специальную постоянную организацию для практической помощи раненым на войне.[8] Первое предложение привело к принятию Женевской конвенции от 22 августа 1864 года "Об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны", а второе — к основанию Красного Креста. Другим очень важным событием для формирования правовых мер

влияния на политическую ситуацию стала разработка Кодекса Либера (1863 г),[9] подробного и самостоятельного документа, включающего в себя все нормы и обычаи войны и утверждающего гуманитарные принципы, которые имели большое значение для развития современных правовых механизмов воздействия на политическую ситуацию в таких ее фазах развития, как предвоенное, военное и послевоенное время.[10]

В начале 60-х годов прошлого столетия начался процесс заключения международных договоров с целью выработки положительного правового влияния на политическую ситуацию и создания правил ведения войны. Дважды в Женеве в 1864 году и в Санкт-Петербурге в 1868 году созывались международные конференции с целью заключения договоров, каждый из которых касался конкретного аспекта права войны. Вслед за этими конференциями в 1899 и 1907 годах в Гааге при активном участии Российской стороны были созваны две мирные конференции, которые послужили начальным пунктом создания современной кодификации Международного гуманитарного права, как совокупности норм Гаагского и Женевского права. Гаагское право касается ведения военных операций, а Женевское право регулирует вопросы защиты жертв войны.

С тех пор правовые нормы, направленные на регулирование состояния политической ситуации в ее экстремальном состоянии — войны, постоянно развивались, и приспосабливались к реальностям новых конфликтных ситуаций и войн. Международное сообщество государств после пережитой трагедии Второй мировой войны объявило в Уставе Организации Объединенных Наций, что прибегать к вооруженным силам для разрешения сложной политической ситуации — незаконно, и признало тем самым незаконность ведения военных действий в каких-либо иных целях, нежели в целях самозащиты или в целях защиты коллективной безопасности с санкции Совета Безопасности ООН. "Все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом несовместимым с целями Объединенных Наций" (ст. 2)[11].

В настоящее время, наряду с Уставом ООН, основными источниками Международного гуманитарного права являются Четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и два Дополнительных протокола к ним от 10 июня 1977 года (Протокол I касается международных вооруженных конфликтов, Протокол II относится к вооруженным конфликтам немеждународного характера)[12], а также Гаагские конвенции, которые можно разделить на три категории: к первой категории относятся конвенции, цель которых — избежать отрицательной эскалации политической ситуации в сторону войны, насколько это возможно, или, по крайней мере, установить очень строгие условия до начала боевых действий. К этой категории можно отнести: Конвенцию о мирном разрешении международных споров, Конвенцию об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, Конвенцию об открытии военных действий.

Ко второй категории юридических документов, принятых в Гааге,

относятся соглашения, конкретно предусматривающие защиту жертв войны, а именно: Конвенция III "О применении начал Женевской конвенции" от 22 августа 1864 года к морской войне; Гаагская конвенция IV от 18 октября 1907 года "О законах и обычаях сухопутной войны", которая заменила предыдущую Гаагскую конвенцию II 1899 года.

Третью и последнюю категорию составляют конвенции, устанавливающие несколько основных правил ведения боевых действий, которые в 1977 году нашли свое отражение в части III Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 года. Наиболее важными для регулирования политической ситуации и недопущения ее эскалации в сторону войны являются основополагающие статьи, в соответствии с которыми право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы и средства ведения войны не является неограниченным; запрещается: использование ядов и отравленного оружия; вероломство; убивать или наносить ранения противнику, который, сложив оружие и не имея больше средств защищаться, сдается в плен; заявлять о том, что никому не будет пощады; использовать оружие, снаряды, материалы, которые способны причинить излишние страдания; незаконно пользоваться флагом парламента, национальным флагом или военными знаками различия и форменной одеждой противника. Необходимо упомянуть о нормах, запрещающих разграбление, и главу, посвященную лазутчикам и флагам парламентера.

Особо следует отметить такую категорию правовых норм, призванных регулировать политическую ситуацию, как "смешанный тип права". К этой категории следует, прежде всего, отнести два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям и Конвенцию о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 1954 г.) и др.

В современном мире важное значение для правового воздействия на политическую ситуацию с целью недопущения эскалации сложной кризисной ситуации в сторону войны имеют подписанные 8 июня 1977 года два Дополнительных протокола к Женевским конвенциям. Эти Протоколы имели своей целью дополнить конвенции путем совершенствования защиты гражданского населения во время боевых действий и расширения применения Гуманитарного права, с тем, чтобы они распространялись на новые состояния политической ситуации.

Так, если Протокол I, касающийся международных вооруженных конфликтов, включая национально-освободительные войны, обеспечивает защиту гражданского населения от последствий военных действий (особенно от необоснованных бомбардировок), то Женевские конвенции 1949 года ограничиваются защитой от злоупотреблений властью. Для этих целей из Гаагских конвенций были взяты различные нормы, касающиеся поведения комбатантов и ведения боевых действий. В Протокол I было внесено положение, в котором в недвусмысленных выражениях устанавливались обязанность сторон в конфликтной ситуации предоставлять необходимую гуманитарную помощь гражданскому населению. Если стороны не в состоянии удовлетворить потребности населения, то они должны обеспечить беспрепятственный пропуск всех поставок гуманитарной помощи, необходимых для выживания населе-

ния. Данное правило применяется при всех обстоятельствах, даже в отношении населения противной стороны или населения, проживающего на оккупированной территории. Необходимо создать условия для деятельности гуманитарных организаций и предусмотреть меры защиты персонала, оказывающего гуманитарную помощь. Более того, гражданский медицинский персонал, транспорт и больницы пользуются теперь той же защитой, которая уже была предусмотрена в Конвенциях для военного медицинского персонала и военных медицинских учреждений. Организации гражданской обороны также находятся под защитой. Статусом военнопленных наделялись те категории комбатантов, которые ранее не имели на него права, такие, как бойцы нерегулярных вооруженных формирований, если они во время кризисной или боевой ситуации действуют согласно определенным правилам (соблюдают законы и обычаи войны, открыто носят оружие и т. п.).

Протокол II дополняет статью 3, общую для четырех Женевских конвенций, и содержит более подробные нормы, применимые к ситуациям, которые не предусматриваются Протоколом I, а именно, к вооруженным ситуациям немеждународного характера определенной напряженности. Особое значение имеют основные гарантии защиты всех лиц, которые не принимают или прекратили принимать участие в военных действиях, общий принцип, заключающийся в том, что гражданское население должно находиться под защитой, и нормы, относящиеся к раненым, больным и потерпевшим кораблекрушение, а также к медицинским учреждениям и персоналу. Эти положения, упрощенные и приспособленные к конкретному контексту конфликтной политической ситуации немеждународного характера, основываются на положениях, содержащихся в Протоколе I.

Важное место в урегулировании политической ситуации и недопущении перерастания ее в вооруженный конфликт, а в случае военных действий снижении его конфликтности, минимизации последствий от военных действий принадлежит Праву прав человека. Хотя и Международное гуманитарное право и Право прав человека предназначены для защиты личности, между ними есть определенные различия в сфере действий, целях и применении. Международное гуманитарное право применяется в случаях, когда политическая ситуация переросла в вооруженный конфликт, как международный, так и внутренний. Оно состоит, с одной стороны, из стандартов защиты жертв конфликтов, так называемого Женевского права, и, с другой стороны, из норм, касающихся средств и методов ведения боевых действий, называемых Гаагским правом. К настоящему времени эти два вида норм были в основной своей массе объединены в соответствии с требованиями современности в Дополнительных протоколах к Женевским конвенциям, принятым в 1977 году.

В противоположность этому, Право прав человека имеет целью гарантировать каждому человеку в любой политической ситуации, во всякое время уважение его прав и свобод (как гражданских, так и политических, экономических, социальных и культурных) с тем, чтобы обеспечить его полноценное развитие в обществе и чтобы там, где это

необходимо, предоставлять ему защиту от произвола властей, несущих за него ответственность и призванных создавать благоприятную политическую ситуацию для своего народа. Выполнение этих прав во многом зависит от внутренней правовой системы, и основные из них закреплены конституциями государств. Тем не менее, Право прав человека также относится к международно-правовым механизмам обеспечения стабильной политической ситуации, защите прав человека в любой политической ситуации, а именно к нормам, которые государства обязуются соблюдать в отношении прав и свобод отдельных лиц и народов, обеспечивая тем самым стабильность политической ситуации в обществе.

Можно утверждать, что Международное гуманитарное право создано специально с целью защиты основных прав (таких, как право на жизнь, безопасность, на охрану здоровья и т. д.) жертв и некомбатантов в условиях вооруженных конфликтов. Это — чрезвычайное право продиктовано экстремальным состоянием политической ситуации — состоянием вооруженного конфликта, тогда как Право прав человека в основном имеет целью гармоничное развитие каждой личности и общества в целом, как в стабильной, так и экстремальной политических ситуациях. Они достигают наивысшего расцвета в дни мира, то есть в нормальной, стабильной политической ситуации, но не прекращают своего существования и во время вооруженного конфликта.

Таким образом, Международное гуманитарное право и Право прав человека являются мощным правовым механизмом формирования и влияния на политическую ситуацию в современном мире.

Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года[13] ни в одном из своих положений не касается вопроса уважения прав человека в ходе обострения политической ситуации до состояния вооруженного конфликта. А в разработанных приблизительно в то же время Женевских конвенциях 1949 года[14] отсутствует упоминание о правах человека. И все же невольно, была установлена связь между этими двумя отраслями международного права: Женевскими конвенциями и Конвенциями по правам человека. С одной стороны, можно проследить в Женевских конвенциях 1949 года тенденцию к тому, чтобы их положения рассматривались не только как обязательства для выполнения Высокими Договаривающимися Сторонами, но и как личные права, предоставляемые покровительствуемым лицам. В одной из статей каждой из четырех Конвенций предусматривается, что покровительствуемые лица, не могут отказаться от прав, которые им предоставляют Конвенции (ст. 7 первой, второй и третьей Конвенции и ст. 8 — четвертой). Более того, статья 3, общая для четырех конвенций, обязует стороны применять, как минимум, некоторые гуманитарные нормы во время немеждународных вооруженных конфликтов. Таким образом, она устанавливает порядок отношений между государством и его собственными гражданами и, следовательно, вторгается в политическую ситуацию, где традиционно господствует Право прав человека.

С другой стороны, некоторые из международных договоров по правам человека содержат положения, касающиеся их имплементации во время возрастания кризисной составляющей в политической ситуа-

ции. Статья 15 Европейской конвенции 1950 года "О защите прав человека и основных свобод"[15] предусматривает, что во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации, можно применять меры в отступлении от некоторых прав, закрепленных в Конвенции, за исключением семи неотъемлемых прав, которые составляют "неизменное ядро" (право на жизнь, свободу, безопасность, правосубъектность, неприкосновенность, запрет расовой дискриминации и рабства). Аналогичные положения можно найти и в статье 4 Международного пакта ООН "О Гражданских и политических правах".[16] Международные договоры по правам человека должны применяться и в случаях перерастания политической ситуации в вооруженный конфликт. Там, где политическая ситуация не перерастает в вооруженную борьбу, то есть отсутствует реальная угроза жизни нации, что может иметь место, когда государство ведет военные операции ограниченного масштаба на территории другого государства, все положения конвенции о правах человека по-прежнему должны действовать наравне с Международным гуманитарным правом.

Долгое время ни в литературе по международным отношениям, ни в правовой литературе не уделялось должного внимания соотношению этих двух отраслей Международного права. Только в конце 60-х годов, когда один за другим вспыхивали международные конфликты — национально-освободительные войны в Африке, конфликты на Ближнем Востоке, войны в Нигерии и Вьетнаме, в ходе которых применялись нормы права Войны и Право прав человека, было осознано существование взаимосвязи между ними и их влияние на политическую ситуацию в целом. На Международной конференции по правам человека, созванной ООН в 1968 году в Тегеране, официально была подтверждена связь между Правом прав человека и Международным гуманитарным правом, их роли в урегулировании политической ситуации. В Резолюции XXII, принятой 12 мая 1968 года и озаглавленной "Соблюдение прав человека в вооруженных конфликтах", Конференция призвала к более строгому применению существующих конвенций в период обострения политической ситуации и к заключению последующих мирных договоренностей. Данной резолюцией было положено начало деятельности ООН в области правового воздействия на политическую ситуацию и к мирному ее урегулированию.

Современное слияние Международного гуманитарного права и Права прав человека свидетельствует о том, что международная общественность стремится выработать действенный правовой механизм положительного влияния на политическую ситуацию с целью укрепления мира и безопасности на планете. Международное гуманитарное право и Право прав человека являются мощным правовым механизмом формирования и влияния на политическую ситуацию не только в ситуациях вооруженных конфликтов; их нормы, касающиеся оказания помощи и предоставления защиты жертвам вооруженных конфликтов, применимы и к политическим ситуациям, которые можно охарактеризовать как массовые беспорядки и напряженность внутри страны.

Политическая ситуация не превращается внезапно в вооруженные

конфликты. Они являются результатом ухудшения соблюдения законности и порядка в стране, за что основную ответственность несут государственные и, прежде всего, правоохранительные органы. Практическая деятельность сотрудников правоохранительных органов, осуществляемая ими в связи с демонстрациями, заканчивающимися насилием, массовыми беспорядками и напряженной политической ситуацией, которая может перерасти в гражданскую войну, требует от них знания норм гуманитарного права, прав человека и умения в своей оперативной деятельности по управлению политической ситуацией руководствоваться ими. И хотя выполнение функции поддержания правопорядка может быть временно приостановлено в силу перерастания политической ситуации в фазу вооруженного конфликта, последующее расследование фактов нарушения прав войны естественно повлечет за собой ответственность по закону. Это также можно рассматривать как еще один рычаг механизма положительного влияния на развитие политической ситуации.

В данной работе, как уже отмечалось, под понятием политической ситуации, переросшей в вооруженный конфликт немеждународного характера, понимается вооруженное противостояние, имеющее место в пределах территории государства, между правительством, с одной стороны, и вооруженными повстанческими группами — с другой. Лица, входящие в состав таких групп — назовем мы их повстанцами, мятежниками, революционерами, сепаратистами, борцами за свободу, борцами за веру, террористами или каким-либо другим именем, — сражаются с целью захвата власти, или за достижение большей автономии в пределах государства, или за отделение и создание собственного государства, то есть за изменение политической ситуации в свою пользу. Причины возникновения подобных конфликтов, способных привести к негативной эскалации политической ситуации и превращения ее в войну, весьма разнообразны, однако, часто нарушение политической стабильности в стране является следствием несоблюдения прав меньшинств или других прав человека со стороны правящих режимов. Другим случаем дестабилизации политической ситуации может быть полный распад правительственной власти в стране, в результате которого различные группировки начинают между собой борьбу за власть. В этом контексте можно говорить о силовой конфронтации внутри государства, которая, тем не менее, может быть отражением международных конфликтов и напряженности в политической ситуации высокого уровня (регионального или международного).

Следует особо отметить, что международное внимание к политической ситуации в пределах государства очень быстро сталкивается с сильным противодействием, вытекающим из убеждения правительства, что внутренние проблемы должны решаться без вмешательства извне. Вопрос стоит о значении суверенитета государства в международном сообществе. Основной атрибут суверенитета заключается в праве соответствующего правительства по своему усмотрению решать внутренние проблемы, вызвавшие к жизни напряжение в политической ситуации.

В современный период международное сообщество, безусловно,

осознало, что необузданное насилие и смертоносное оружие причиняют во время гражданских войн такие же страдания и разрушения, как и во время войн между государствами. Страшный пример гражданской войны в Испании вызвал появление в Международном гуманитарном праве первого положения, специально предназначенного для вооруженных конфликтов немеждународного характера — общей для всех четырех Женевских конвенций 1949 года статьи 3.

Следует учитывать и то, что после второй мировой войны колоссальное развитие получила идея прав человека. Международное право в области защиты прав человека вполне сознательно и обдуманно "вмешивается" во внутренние дела государств. При всех различиях между Международным гуманитарным правом, применяемым во время немеждународных вооруженных конфликтов, и Правом прав человека не следует забывать, что и то и другое право имеют общую цель — обеспечить уважение человеческого достоинства в любой политической ситуации. Поэтому с исторической точки зрения вполне логично, что всего лишь через год после провозглашения в 1948 году ООН Всеобщей декларации прав человека были приняты нормы гуманитарного права, относящиеся к конфликтам, дестабилизирующим политическую ситуацию внутри государств. Представляемые ими механизмы воздействия на экстремальную политическую ситуацию были расширены через 30 лет в Протоколе II в значительной степени благодаря Международному пакту "О гражданских и политических правах" 1966 года[17].

За государством, конечно, остается право применять силу для стабилизации политической ситуации, восстановления на своей территории закона и порядка. В международном праве нет ограничений суверенитета государства по отношению к внутренней политической ситуации, в том числе и конфликтам, аналогичным содержащемуся в Уставе ООН — запрещению прибегать к силе для решения международных споров. Оно лишь ограничивает методы, которыми можно восстанавливать политическую ситуацию, законность и порядок. Это значит, что право государства выбирать средства и методы теперь не является неограниченным.

Вот на этом фоне и возникли основные нормы международного права способные воздействовать на политическую ситуацию. Это:

— Общая Статья 3 четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, которая представляет собой перечень правил. Эти правила, как это было заявлено Международным судом в его решении от 27 июня 1989 года по поводу спора между Никарагуа и США, являются выражением основных принципов гуманности. Статья 3 имеет обязательный характер не только в качестве нормы международного договорного права, но и как выражение общих "не писаных" принципов права, участвующих в формировании политической ситуации сторон.

— Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12 августа, принятый 8 июня 1977 года. Этот короткий, состоящий из 28 статей документ, развивающий сжатые положения статьи 3, расширяет гуманитарную защиту во время гражданской войны, непосредственно регулирует состояние политической ситуации немеждународного

характера. Однако статья 3 остается применимой во всей полноте для участников Женевских конвенций и носит обязательный характер, в особенности для государств, не ратифицировавших Протокол II. Впервые в истории права, относящегося к внутренней политической ситуации, во время ее обострения, Протокол II кодифицирует запрет нападать на гражданское население и применять силу против отдельных гражданских лиц. Следует подчеркнуть, что хотя проект Протокола II во время Дипломатической конференции 1974—1977 годов подвергся тщательному обсуждению и даже был отвергнут на пленарном заседании, а затем существенно изменен и представлял собой сокращенный и более слабый по содержанию текст, который и был принят на основе консенсуса, в настоящее время он ратифицирован более 110 государствами мира. Забота государств о своем суверенитете явно одержала верх над гуманитарными соображениями, и многие были разочарованы утратой ряда качеств проекта Протокола. Тем не менее, существенным достоинством утвержденного текста является то, что он устоял в ожесточенных политических схватках и после горячих дискуссий был, наконец, принят даже теми государствами, которые в начале отвергали его. Протокол II потерял в нормативном содержании, но выиграл в том, что касается его приемлемости для стран "третьего мира", где особенно велика вероятность перерастания политической ситуации в гражданскую войну.

— Обычное право. Наряду со скромным по объему "писаным" международным договорным правом существуют "не писаные" правила обычного права, приобретающие особое значение для ограничений насилия во время урегулирования внутренней политической ситуации. Однако, как чаще всего бывает с нормами обычного права, нелегко документально обосновать применение этих принципов, так как здесь надо учитывать и тщательно изучать потребности, интересы, цели и действия, участвующих в кризисной политической ситуации сторон.

— Специальные соглашения между находящимися в конфликтной ситуации сторонами. Статья 3 Женевских конвенций призывает участвующие в гражданской войне стороны заключать специальные соглашения о том, чтобы полностью или частично применять в сложившейся политической ситуации положения, применяемые для международных конфликтов.

Следует отметить, что правовой механизм разрешения политической ситуации во время вооруженных конфликтов немеждународного характера имеет одну примечательную особенность, заключающуюся в том, что для ее урегулирования правовые нормы должны быть обязательными для обеих сторон, то есть для правительства и для повстанцев. Однако, международное право имеет обязательную силу только для его субъектов, которыми, главным образом, являются государства. Поэтому повстанцы, вообще говоря, могут иметь правовой статус с правами и обязательствами согласно Международному праву, но только в том случае, если они признаны таковыми. Не подлежит сомнению, как с теоретической, так и с практической точек зрения, что международное гуманитарное право налагает обязательства и на повстанцев, так в решении Международного суда Никарагуа против США, в качестве само

собой разумеющего факта принято, что Статья 3 налагает обязательства на "контраст". Это позволяет избегать постановки вопроса — политически очень взрывоопасного — о признании повстанцев. Поэтому в общей части Статьи 3 четко сказано: применение ее положений не затрагивает юридического статуса находящихся в конфликте сторон, образующих политическую ситуацию.

В современных условиях вопрос вопросов заключается в том, при каком уровне населения политическая ситуация перестает быть внутренней проблемой государства и перерастает в объект, регулируемый международным правом.

В "Комментариях к Женевским конвенциям" под редакцией Пикт, в которых анализируются дискуссии на Дипломатической конференции 1949 года, содержится ряд важных выводов.[18] Согласно им Статья 3 применима, когда правительство и повстанцы противостоят друг другу в боях с участием большого количества людей и с применением оружия. Правительство, как правило, использует в таких политических ситуациях армию по той причине, что не может контролировать ситуацию обычными полицейскими силами. Повстанцы в такой политической ситуации ведут борьбу с существующим режимом путем проведения военных операций, что предполагает определенную степень организованности. Протокол II содержит разъяснение, что "к случаям нарушения внутреннего порядка и возникновения обстановки внутренней напряженности, таким, как беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные акты аналогичного характера" сами по себе не являются вооруженными конфликтами и поэтому не подпадают под действие Международного гуманитарного права. Только в том случае, когда воюющие организованы и находятся под управлением лиц, ответственных за их действия, можно реально рассчитывать на то, что международные нормы будут уважаться и применяться для урегулирования политической ситуации.

Статья 3, являясь очень гибким инструментом права, может быть самым лучшим международным ответом на внутренние конфликты, которые политически всегда чрезвычайно взрывоопасны. Лишь слегка обозначенные условия ее применения дают возможность в конкретной политической ситуации потребовать соблюдения Статьи 3, не давая точной правовой оценки фактической политической ситуации. Благодаря этому, власти иногда бывают избавлены от необходимости признать шаткость своих позиций в конкретной политической ситуации.

Таким образом, согласно действующему сегодня Международному гуманитарному праву есть два типа гражданских войн: немеждународные вооруженные конфликты высокой интенсивности, к которым применимы одновременно и общая Статья 3 и Протокол II, и другие внутренние вооруженные столкновения, к которым применима лишь Статья 3.[19] Такое состояние права, как механизма регулирования политической ситуации, нельзя признать удовлетворительным. Это затрудняет правовое регулирование внутренних конфликтов и неизбежно ведет к осложнениям политической ситуации.

Следует отметить, что практически все политические ситуации,

переросшие в гражданские войны, так или иначе связаны с международными событиями, и лишь за редкими исключениями внутренние конфликты не остаются "за закрытыми дверями". Воздействие третьих государств на внутреннюю политическую ситуацию может принимать любые формы, вплоть до вооруженного вмешательства. В результате внутренняя политическая ситуация превращается в "войну по доверенности", которая зачастую ведется в интересах сторонних государств. Международное право — в его общепринятом толковании — не возражает против вмешательства третьего государства на стороне и по инициативе правительства. Вмешательство же на стороне повстанцев рассматривается как незаконное вмешательство во внутреннюю политическую ситуацию и, следовательно, рассматривается как нарушение международного права.

Политические ситуации, трансформировавшись в гражданские войны, а затем и в интернациональные немеждународные вооруженные конфликты, ставят перед Международным гуманитарным правом необычные проблемы, которые в настоящее время не всегда удается быстро разрешить. Поэтому на практике праву приходится довольствоваться соображениями целесообразности, согласно которым нужно применять правила, подходящие к каждому конкретному типу и находящихся в конфликте. В случае интернационализации внутренней политической ситуации возникают следующие правовые взаимоотношения:

— между правительством и повстанцами — согласно Статьи 3 и Прòтоколу II;

— между правительством и третьим государством, принимающим участие в конфликте на стороне повстанцев — согласно праву международных конфликтов;

— между третьим государством, принимающим участие на стороне правительства и повстанцами — согласно Статьи 3 и Протоколу II;

— между государствами, принимающими участие в конфликте на обеих сторонах, должно применяться право международных конфликтов.

Эти решения, основанные на уроках практики, кажутся очевидными (за исключением, возможно, третьего случая, в котором фактически присутствует международный компонент). Однако, до сих пор стороны, участвующие в гражданских войнах, редко принимали их во внимание при попытках разрешения кризисной политической ситуации. Основные трудности возникают обычно в связи с проблемой взятых в плен повстанцев (по терминологии противной стороны: бандитов, террористов и т. д.). По нашему мнению одно из возможных решений — обращаться с взятыми в плен повстанцами как с военнопленными, не представляя им де-юре статуса военнопленных.

Рассмотрение области применения Статьи 3 Женевских конвенций к разрешению критических политических ситуаций показало, что Международное гуманитарное право применимо к внутренним конфликтам только тогда, когда военные действия достигают определенного уровня интенсивности. Все, что ниже этого уровня, уже не вооруженный

конфликт, а всего лишь, массовые беспорядки, волнения, напряженность, бунты и т. д., то есть понятия, характеризующие политическую ситуацию до начала гражданской войны. Такие состояния политической ситуации не являются на прямую объектами Международного гуманитарного права, тем не менее, вызывают обеспокоенность с гуманитарной точки зрения, возникающими во время гражданских войн. Необходимо помнить, что с правовой точки зрения права человека должны пользоваться защитой в любой политической ситуации. Но как об этом сказано в различных конвенциях по правам человека, эта защита может быть существенно ограничена в случае объявления чрезвычайного положения, что в значительной мере снижает роль права в урегулировании политической ситуации. Поэтому представляется, что хорошо разработанные процедуры и механизмы международного контроля за соблюдением договоров о правах человека в любой политической ситуации будут способствовать как соблюдению прав человека, так и урегулированию политической ситуации любой сложности.

Нарушение норм международного права военнослужащими вооруженных сил государства при "урегулировании" кризисной политической ситуации влечет за собой ответственность этого государства по Международному гуманитарному праву. Это значит, что государство должно нести ответственность перед потерпевшими и мировым сообществом за последствия всех без исключения противоправных действий каждого военнослужащего его вооруженных сил, участвующих в разрешении кризисной политической ситуации. Государство-нарушитель должно восстановить законность и при необходимости возместить потерпевшему субъекту Международного права причиненные убытки.[20] Здесь следует особо отметить огромную роль в урегулировании политической ситуации, которую международное сообщество отводит структурам Организации Объединенных Наций, и, прежде всего, Совету Безопасности ООН, Международному суду в Гааге и таким региональным структурам, как Совет Европы, ОБСЕ и другим.

Женевские конвенции и Дополнительный протокол 1 предусматривают, что некоторые серьезные правонарушения, совершенные во время урегулирования международной политической ситуации вооруженным путем, должны считаться уголовными преступлениями. В этих документах перечислен ряд действий, которые должны наказываться как серьезные нарушения.[21] Среди них — преднамеренное убийство, пытки и другие виды бесчеловечного обращения с лицами, пользующимися покровительством (например, с военнопленными, с гражданскими интернированными лицами, жителями оккупированных территорий), а также нападения на гражданское население или отдельных гражданских лиц, ведущие к смерти, серьезным увечьям или нанесению ущерба здоровью. Серьезные нарушения такого рода рассматриваются как военные преступления.

В случае предполагаемого нарушения Женевских конвенций и Дополнительных протоколов к ним против обвиняемого должно возбуждаться уголовное дело. Уголовное преследование может осуществляться только в том случае, если внутреннее законодательство предусматривает

наказание за рассматриваемые действия, определяет меры наказания и устанавливает необходимые процедуры, что является одной из обязанностей государств — участников Конвенций.

После Нюрнбергского трибунала, на международном уровне важным шагом на пути создания механизма привлечения к уголовной ответственности лиц, причастных к преступлениям в ходе разрешения кризисной политической ситуации, было Решение Совета Безопасности ООН от 22 февраля 1993 года о создании Специального международного трибунала по Югославии, а в 1994 году был создан Специальный международный трибунал в отношении Руанды. Летом 1998 года в Риме под эгидой ООН состоялась Дипломатическая конференция по утверждению Международного уголовного суда. Конференция приняла Римский Статут Международного уголовного суда, предусматривающий условия вступления в силу и юрисдикцию нового института Международного права, категории преступлений, подсудных ему, механизмы осуществления его деятельности. Суд призван дополнить национальные системы уголовного правосудия в случаях, когда соответствующие судебные процедуры могут отсутствовать или оказываются неэффективными при рассмотрении последствий разрешения кризисных политических ситуаций.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод, что при урегулировании политической ситуации за несоблюдение положений права предусматривается ответственность, как на национальном, так и на международном уровне. Следует отметить, что основное различие между национальным (внутренним) законодательством и международным правом проявляется именно на уровне его соблюдения, иными словами в том, как контролируется его применение и пресекаются нарушения. Если государство имеет механизмы для проведения в жизнь на своей территории (властные структуры, суды, полицию и т. д.), способные воздействовать на политическую ситуацию, то международное сообщество состоит, с одной стороны, из большого числа отдельных государств, а с другой — из международных организаций, таких как, например, ООН, ОБСЕ, Совет Европы. Все вместе они несут ответственность за стабильную политическую ситуацию, обеспечение безопасности и сохранения мира.

---

[1] В работе за основу принято понятие политической ситуации, данное в Энциклопедическом словаре "Политология". М., 1993., с. 354.

[2] См.: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 2-х томах. М., 1955; Нюрнберг вчера и сегодня. М., 1971; H-H. Jescheck. War Crimes — Bernhardt (ed.) Encyclopedia of Public International Law. 1982.

[2a] Согласно Дополнительного протокола 1, раздела 11, статьи 43. Лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте являются комбатантами. См.: Женевские конвенции от 12 августа и Дополнительные протоколы к ним. М., 1997., с. 240.

[3] См.: *Х.П. Гассер* Международное гуманитарное право. М., 1995 г.; Международное право. Под ред. М., 1987. E. Bello. African Customary Humanitarian Law. Geneva, 1980.

[4] См.: Международное право. Под ред. Н. Т. Блатовой.; М., 1987., с. 21.

[5] См., *А. Дюнан.* Воспоминание о битве при Сольферино. М.; 1995.

[6] См., *R. S. Hartigan.* Lieber's Code and Laws of War. Chicago; 1983.

[7] См., *Ж. Ж. Руссо.* Об общественном договоре. Книга 1, глава 4, М., 1956.

[8] См.: *А. Дюнан.* Воспоминание о битве при Сольерино. М., 1995.

[9] Френсис Либер немецкий эмигрант, юрист, по поручению президента США Авраама Линкольна, свел в единый кодекс правила ведения боевых действий, с тем, чтобы они применялись во время гражданской войны в США. В результате в 1863 году были опубликованы "Инструкции полевым войскам США" (Приказ по строевой части № 100), известные сегодня как Кодекс Либера. Более подробно см.: R. S. Hartigan. Lieber's Code and the Laws of War. Chicago, 1983.

[10] Более подробно об истории Международного гуманитарного права и Международного Комитета Красного Креста см.: Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца. М.: 1995; Эмблема. История и современность МККК. М.; 1998; Международный журнал Красного Креста (1984—1999), Женева; M. Walzer. Just and Unjust Wars. N. Y., 1977; G. Best. Humanity in Warfare. London, 1980; W. O'Brien. The Conduct of Just and Limited War. N. Y., 1981: J. Pictet. Development and Principles of Humanitarian Law. Dordrecht/Geneva, 1985; P. Bjissier. History of the International Committee of the Red Cross; from Solferino to Tsushima. Geneva, 1985; A. Durand. History of the International Committee of the Red Cross: from Solferino to Hiroshima. 1984, и др.

[11] См.: Действующее международное право. В 3-х томах. М.; 1997, Том 1, с. 9.

[12] Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные Протоколы к ним. М.; 1997 г., с. 320.

[13] См.: Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю. М. Колосов и Э. С. Кривчикова. Том 2. — М.; 1997, с. 510.

[14] См.: Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. — М.; 1997.

[15] См.: Действующее международное право. В 3-х томах. Составители Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. Том 2. — М., 1997, с. 108-124.

[16] См.: там же, с. 21-39.

[17] См.: там же, с. 21-39.

[18] Commentary Published under the General Editorship of Jean Pictet. Fourth Convention, Article 3, pp. 35-36; N. Y., 1998.

[19] Обзор различных типов конфликтов см.: D. Schindler. The Different Types of Armed Conflicts According to the Geneva Convention and Protocols. RCDAI, vob. 163 II, 1979.

[20] Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. Протокол 1, Статья 91, с. 279. М., 1997.

[21] См.: Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. I Конвенция, Статьи 49, 50; II Конвенция, Статьи 50, 51; III Конвенция, Статьи 129, 130; IV Конвенция, Статьи 146, 147; Протокол I, Статья 85.

*Сатья поступила в редакцию в феврале 2000 г.*

# КАКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СУДЫ НУЖНЫ ДЛЯ СНГ?

М.И. Клеандров*

В целом сегодня в российском обществе (и, видимо, в общественном сознании других государств-участников СНГ) превалирует достаточно пессимистический взгляд на будущее СНГ. Для этого есть серьезные основания; тем не менее есть и объективные предпосылки для осторожного оптимизма относительно будущих интеграционных, пусть разноскоростных, разновекторных и пр. процессов в СНГ.

За время своего существования СНГ — с точки зрения организационно-правового обеспечения — прошло немалый путь, который схематично можно представить в виде нескольких этапов, каждый из которых характеризуется важным действием: 1) объявлением о создании СНГ с одновременным прекращением СССР; 2) юридическим оформлением опорно-правового "каркаса" СНГ — Устава Содружества; 3) заключением договора об Экономическом союзе; 4) созданием первого органа СНГ с определенными надгосударственными полномочиями — Межгосударственного экономического комитета — МЭКа; 5) решением о создании Таможенного союза и т.д. С большой долей условности можно сказать, что каждый из перечисленных исторических этапов есть определенная веха, свидетельствующая о намерении обеспечить качественно более высокий, по сравнению с предыдущим, уровень интеграционных процессов и уровень интеграции в СНГ — интеграции межгосударственной, межведомственной, межхозяйственной и межличностной одновременно.

Сегодняшнее же состояние СНГ — с точки зрения уровня и степени его интеграции, точнее — организационно-правового обеспечения интеграционных процессов можно охарактеризовать следующими показателями: а) создан, юридически оформлен и реально действует правовой фундамент СНГ, "скрепляющий" суверенные государства в Содружество; б) созданы и действуют, хотя подчас и недостаточно эффективно, органы и институты Содружества, призванные обеспечивать в СНГ координацию в экономической, оборонной, научной, образовательной, культурной и иных областях на межгосударственном и более низких уровнях; в) заключены, хотя процентов на 80 не исполняются, многочисленные многосторонние межгосударственные и межправительственные соглашения в рамках СНГ, к тому же нет механизма ответственности за их неисполнение; г) набирает "обороты" процесс заключения двух-, трех-, четырехсторонних межгосударственных и межправительственных соглашений и договоров между государствами СНГ, направленных на установление качественно более тесных интеграционных отношений (по сравнению с отношениями между другими государствами Содружества) на разных уровнях и в разных сферах (типичный пример — Союзное государство Беларусь-Россия). Таким образом, в

---

* Член-корреспондент Российской Академии Наук, подробнее об авторе см. № 1 нашего журнала за 1998 год.

рамках Содружества процессы интеграции становятся разновариантными, разносубъектными, разновекторными и разноскоростными, более того — они становятся доминирующими; д) в развитии интеграции наметился переход от бессистемного "шараханья" с элементами авантюризма к стратегическому планированию на основе утвержденного Перспективного плана интеграционного развития СНГ; е) создаются и Межпарламентской Ассамблеей СНГ принимаются рекомендательные (модельные) законодательные акты, в том числе — кодексы для всех государств Содружества; ж) созданы и действуют специальные юридические органы СНГ — Экономический Суд, Правовой консультативный совет и Научно-консультативный центр частного права СНГ.

Интеграционные процессы, идущие в СНГ на многих уровнях, не всегда динамичны, прямолинейны и равнопоступательны. Тем не менее уже сегодня уровень и степень интеграции, как и инфрастуктура, обеспечивающая интеграционные процессы в СНГ, внушительны. В то же время сегодня СНГ — не только не государство, в том числе конфедеративное (высказанная в литературе точка зрения, согласно которой конфедерация является "лишь достаточно слабым и неустойчивым союзом независимых государств, не имеющим международной правосубъектности, единых органов власти и управления, единой правовой системы и т.д. У нее могут быть один или несколько органов, права и компетенция которых ограничены целями, обусловившими создание конфедерации: оборона, установление общих таможенных тарифов и пошлин и др. Юридическая расторможенность по воле ее членов — главный правовой признак конфедерации"[1]) применительно к сегодняшнему СНГ означает, что оно — конфедерация, что вряд ли правильно), но пока и не союз государств, степень межгосударственного объединения в котором на порядок выше (по общепринятым критериям), чем в межгосударственных образованиях типа сообщество (Европейский союз на первоначальном этапе своего интеграционного развития именовался Европейским Экономическим сообществом) или содружество. Но условия для перехода на качественно более высокий уровень межгосударственной интеграции в СНГ налицо, и главное здесь условие — не политика, не экономика и даже не "общий враг за бугром" (который сейчас отчетливо — на южных рубежах СНГ — просматривается), а единая в совсем недавнем прошлом общность советских людей, сравнительно общая мораль, нравственность, менталитет, история и т.д., что не может не сказываться сегодня на "общеэсэнгэшном" пространстве и будет сказываться впредь, а отсюда — обязанность политиков эту данность воспринимать и ею руководствоваться.

Вообще любой союз государств — Экономический, Таможенный, Торговый и др. в СНГ здесь не исключение — это достаточно высокая стадия интеграционного объединения государств. Другое дело, что степень интеграции и в межгосударственном союзе может быть различной и в своем развитии пройти несколько этапов. Но тем не менее следующая, после союза государств, стадия межгосударственной интеграции, это уже государственное образование, вначале конфедеративное, потом федеративное, а затем и унитарное, и СНГ вовсе необязательно все эти стадии проходить. Сегодня же, по крайней мере, реальная аморфность

интеграции государств в Содружестве еще столь велика, что о подлинном вхождении государств во вторую фазу межгосударственной интеграции — союз государств (пусть — Экономический союз) говорить преждевременно. В значительной мере успех в продвижении по пути усиления интеграционных процессов в СНГ на всех уровнях будут зависеть от того, каким образом, какими способами, в каких формах, по каким процедурам будут решаться различные спорные вопросы — возникающие в межгосударственной сфере, между другими субъектами разных государств Содружества и т.д. — на пространстве СНГ.

Пожалуй, на сегодня можно назвать лишь две категории споров, для разрешения которых предусмотрены соответствующие механизмы, приводимые "в движение" существующими судебными органами. Это: а) экономические споры между хозяйствующими субъектами разных государств Содружества, которые, в соответствие с межправительственным Соглашением о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (Киев, 20 марта 1992 г.) разрешают национальные арбитражные, хозяйственные, экономические суды и другие судебные органы государств Содружества; б) межгосударственные экономические споры, возникающие при исполнении экономических обязательств, предусмотренных соглашениями, решениями Совета глав государств, Совета глав правительств Содружества и других его институтов, и о соответствии нормативных и других актов государств-участников Содружества, принятых по экономическим вопросам, соглашениям и иным актам Содружества, которые разрешает Экономический Суд СНГ. Кроме того, рядом отдельных многосторонних межгосударственных и рядом двухсторонних (например, межправительственное Соглашение между Россией и Кыргызстаном от 9 апреля 1993 г. о сохранении специализации промышленных предприятий) межгосударственных соглашений государств Содружества предусмотрено, что споры по ним (частично или целиком — неэкономического характера) также будут решаться Экономическим Судом СНГ. Все же остальные категории и виды споров в СНГ, межгосударственные или находящиеся на межгосударственных "стыках", не имеют межгосударственного механизма своего разрешения. Правовая природа этих споров в СНГ различна; они "вытекают" и из международно-правовых, и из гражданско-правовых и из иных правовых отношений; различаются они и по предмету, и по субъектному составу, и по другим критериям. В основном для пространства СНГ это качественно новые споры.

Классическим примером здесь могут служить трудовые споры в органах, институтах СНГ. Речь идет о трудовых спорах между работодателем — органом, институтом Содружества, с одной стороны, и работником этого органа — межгосударственным служащим, который де-юре должен быть защищен от национальной юрисдикции государства местонахождения своего работодателя, как минимум — в части выполнения им своих служебных обязанностей. Правовое положение "штатных" работников органов и институтов Содружества определяется (далеко не в достаточной степени) прежде всего в положениях и уставах (и иных актах) об этих органах и институтах. Более подробная регламентация по данному вопросу содержится в Общем положении о межгосударствен-

ных (межправительственных) органах СНГ, утвержденном решением Совета глав правительств Содружества 21 октября 1994 г. Важным представляется юридическое закрепление в Общем положении правила, согласно которому служащие межгосударственного (межправительственного) органа СНГ не подлежат юрисдикции государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при исполнении служебных обязанностей.

Штатная численность некоторых органов и институтов Содружества составляет десятки людей, общая штатная численность всех органов и институтов СНГ — сотни сотрудников в ранге международных служащих. Для сравнения — в органах Европейского Союза работает сегодня около 20 тыс. человек. Так что вопрос о том, кто и как будет разрешать трудовые споры с участием тех сотрудников органов и институтов СНГ, которые обладают иммунитетом от национальной юрисдикции, отнюдь не надуманный. В структурах Европейского Союза такие споры разрешает Суд Европейского Союза, точнее — его Суд первой инстанции; иногда судебное дело по трудовому спору там тянется по 3 года, а предмет требований с наших позиций бывает удивительным, например, о возмещении ущерба, вызванного непереводом несколько лет назад (до подачи судебного иска) служащего одного из органов ЕС, ныне пенсионера, на вакантную в то время должность более высокой и лучше оплачиваемой должностной "ступеньки".

Конечно, органы и институты Содружества комплектуются специалистами высокой квалификации, к сутяжеству обычно не предрасположенными. Да и трудовой спор — в первых его стадиях — может и должен быть рассмотрен традиционным путем — небезызвестной комиссией по трудовым спорам, а затем, при необходимости — профкомом, созданным в органе, институте Содружества как работодателе. Но при недостижении в них согласия (тем паче, если они вообще не созданы) межгосударственный служащий СНГ должен иметь возможность межгосударственной судебной защиты своих трудовых и связанных с ними прав и законных интересов.

Можно также назвать латентные межгосударственные территориальные споры в СНГ. На уровнях глав государств и глав правительств, министров иностранных дел и др. в Содружестве принято множество соглашений, решений, деклараций, меморандумов и т.д. о незыблемости государственных границ и неприкосновенности территорий государств СНГ, отказе от территориальных притязаний и т.п. Но беда в том, что в межгосударственном территориальном споре почти всегда, за, быть может, редчайшими исключениями, оба спорящих государства, претендуя на одну и ту же территорию, считают ее своей; каждое государство в этом случае не считает себя нарушителем договоров и соглашений о неприкосновенности чужих территорий и каждое, даже направляя вооруженные силы в этот очаг международного конфликта, действует сообразуясь с патриотическим лозунгом: "чужой земли нам не надо, но своей не отдадим ни пяди".

Исключительные особенности государственных границ в СНГ заключаются в том, что они — фактически не межгосударственные границы, что по сути дела государственных границ между союзными республиками в СССР не было. Известно, что границы большинства

союзных республик в 20-е годы "кроились" произвольно и в деталях документально не закреплялись, особенно в ходе так называемого "национального размежевания" в Средней Азии. Ныне много территорий по несколько десятков и даже сотен квадратных километров на границах суверенных государств СНГ с точки зрения их государственной принадлежности не определены и это общеизвестно. Соответствующей демаркацией границ в СНГ не занимаются. Считать, что и дальше конфликтов, могущих перерасти в межгосударственные споры, не будет, вряд ли следует; точнее — надеяться на это можно, но готовиться к худшему повороту событий нужно. Альтернатива судебному спору — переход разрешения территориального конфликта мирными средствами в межгосударственный территориальный спор, разрешаемый вооруженными силами. В юридической литературе прямо указывается, что конфликты на территории СНГ порождены в основном обострением вопросов национально-территориального размежевания после распада СССР[2]. Как отмечается в периодической печати, эксперты Федеральной пограничной службы РФ прогнозируют сейчас вероятность территориальных проблем у России с Украиной и Грузией, Азербайджаном и Казахстаном[3]. Немало общеизвестных территориальных противостояний — пока, слава богу, мирных — между Казахстаном и Узбекистаном, между Таджикистаном и Кыргызтаном (в последнем случае территориальные притязания усугубляются дефицитом водных ресурсов и общими (в прошлом) ирригационными сооружениями) и т.д. Конечно, есть в Содружестве Объединенные Вооруженные силы, нет и явно в будущем не будет недостатка в политиках, желающих стать миротворцами, в том числе — из дальнего зарубежья, поэтому имеется надежда, что в случае обострения межгосударственного территориального спора удастся "приглушить", "потушить" или даже предотвратить военный способ его разрешения, но, во-первых, надежда эта — не стопроцентная вероятность, чему история, к сожалению, знает немало подтверждений, а во-вторых, и при положительном итоге процесс разрешения данного межгосударственного территориального спора должен протекать в правовом русле. И здесь наиболее оптимальное решение — судебный способ разрешения спора в международных судебно-процессуальных формах.

Каждое из государств Содружества ныне считает себя правовым и для каждого из них не все равно — выполнять решение о прекращении территориального конфликта, вынесенное, например, группой посредников, представителями ОБСЕ и т.п., являющееся сугубо политическим решением, или не выполнять судебное решение, сугубо правовое, вынесенное международным судом в полном соответствии с его компетенцией, которой данный суд наделен в том числе и государствами-участниками конкретного территориального спора. Внутригосударственные территориальные споры — это дело самого государства, так сказать — его проблемы, если, конечно, там не нарушаются права человека.

Споры (дела) о соответствии законов государств Содружества межгосударственным соглашениям и иным актам Содружества. Во множестве межгосударственных соглашений, договоров, деклараций и пр., принятых на уровне глав государств (и уровнем ниже) СНГ провозгла-

шена приоритетность международных актов над национальным законодательством. Это общий принцип права, он закреплен и конституционно: например, часть 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации гласит: "Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора". И такой подход ни в коей мере не ограничивает суверенитет государства. Но как быть в реалии, если выясняется: тот или иной закон (его отдельная норма) или даже положение Конституции конкретного государства Содружества находится в противоречии (в несоответствии) с межгосударственным актом (договором, соглашением и пр.) СНГ? Последовательность принятия (заключения) несоответствующих друг другу национальных законов и межгосударственных соглашений может быть самая различная — закон мог быть принят (или изменения в ранее принятый закон могли быть внесены) позже заключения межгосударственного соглашения (равно — его ратификации) или наоборот — не суть важно. Главное — несоответствие есть, обнаружилось, и надо решить, как данною коллизию разрешить?

Это — не схоластическое теоретизирование: ни создание общего правового пространства СНГ, ни построение государств Содружества в качестве правовых невозможно без полного соответствия внутреннего национального законодательства государств Содружества международно-правовым актам и прежде всего — актам самого Содружества. А это требует, в свою очередь, механизма "отслеживания" противоречивости национального законодательства (всей законодательно-нормативной базы) каждого государства Содружества актам СНГ. И, безусловно, необходим судебный механизм рассмотрения дел о таком несоответствии в случае его обнаружения. Безусловно, обе функции должны выполнять межгосударственные органы СНГ. В роли механизма "отслеживания" мог бы выступать Правовой консультативный совет СНГ. Видимо, вопрос о несоответствии национального законодательного акта межгосударственному акту СНГ предварительно должен быть рассмотрен национальным конституционным судом страны, принявший этот законодательный акт.

Межобластные споры. Достаточно широко распространилась практика заключения двух- и более сторонних договоров между приграничными областями разных государств Содружества. Например, в январе 1995 г. между Витебской и Новгородской областями было заключено двухстороннее соглашение о долгосрочном торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве, предусматривающем, в частности, содействие в установлении прямых хозяйственных связей, оказание услуг в коммерческой и маркетинговой сферах, разработку программы по углублению научно-технических и культурных связей, организацию взаимопомощи по ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф и т.п. Это не тот случай, когда договор подписывают руководители двух государств (или их уполномоченные представители) в интересах своих приграничных областей — названное соглашение подписали руководители администраций обеих областей. Это и не декларативный "протокол о намерениях", и не политический договор о дружбе и взаимопонимании. Это полнокровный договор с

серьезной доминантой в нем конкретных организационно-экономических обязательств каждой из сторон. В январе 1995 г. протоколом о взаимовыгодном двустороннем сотрудничестве между Харьковской и Московской областями (подписанными председателем Харьковского облсовета и главой администрации Московской области) предусмотрено создание ряда совместных предприятий, реализация Московских инвестиционных программ в Харьковском регионе и пр. Встает вопрос о механизме разрешения споров, возникающих при неисполнении и/или ненадлежащем исполнении договоров между областями разных государств СНГ.В рассматриваемой плоскости лежит и проблема механизма разрешения споров по соглашениям между субъектом Российской Федерации и государством Содружества (в 1994 г., например, Тюменская область заключила договоры об экономическом сотрудничестве с Узбекистаном, Казахстаном, Таджикистаном и т.д.), между субъектом Федерации и автономной республикой государства Содружества и т.д. Вряд ли здесь речь идет о спорах между участниками публичных — международных отношений; но в принципе можно говорить об участниках частных — гражданско-правовых отношений — для России в реалии на базе ст. 124 ГК РФ, а для государств Содружества — в потенции, когда и если в их ГК будет воспринята редакция ст.148 модельного для государств Содружества ГК. Федеральный закон "О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации" от 2 декабря 1998 г. носит внутригосударственный характер, он регулирует отношения между Российской Федерацией и ее субъектами и вопрос о механизме разрешения внешнеэкономических споров с участием субъекта Федерации оставляет, естественно, вне своего правового воздействия.

Межотраслевые (межведомственные) споры в СНГ. Речь идет о спорах по условиям соглашений, заключенных министерствами, ведомствами, иными отраслевыми органами государственного управления стран СНГ. Такие двух- и более сторонние межотраслевые соглашения широко практикуются в Содружестве, более того — в ряде случаев их заключение прямо предусматривается межправительственными соглашениями. Например, статьей 2 Соглашения от 9 сентября 1994 г., заключенного главами правительств всех 12-ти государств Содружества, определяющего вопросы поставок товаров для обеспечения национальных гидрометеорологических служб государств-участников СНГ, предусмотрено, что объемы товаров, подлежащих вывозу (ввозу), определяются двусторонними договорами (контрактами) между национальными гидрометеорологическими службами государств-участников СНГ. Статьей 1 Соглашения от 9 декабря 1994 г. о товарообороте и производственной кооперации в области машиностроения на взаимоувязанной основе главы правительств 11-ти государств Содружества (за исключением Туркменистана) прямо поручили машиностроительным министерствам и ведомствам с согласия предприятий заключать ежегодно соглашения о товарообороте продукции машиностроения, включая сырье, материалы для ее изготовления и производственную кооперацию. Статьей 1 межправительственного Протокола о механизме реализации Соглашения об общих условиях и механизме поддержки развития производст-

венной кооперации предприятий и отраслей государств-участников СНГ от 15 апреля 1994 г. признано "целесообразным содействовать развитию взаимовыгодной специализации производства на основе долгосрочных отраслевых и межотраслевых соглашений", при этом в качестве Приложения №1 к данному Протоколу правительствами согласовано Примерное соглашение о производственной кооперации между министерством (ведомством) одного государства СНГ и министерством (ведомством) другого государства СНГ. Характерно, что в ст.7 этого Примерного двустороннего "межотраслевого" соглашения определено следующее: "все спорные вопросы, которые могут возникнуть между предприятиями при поставках продукции в соответствии с настоящим Соглашением, будут разрешаться на условиях, предусмотренных во внешнеторговых контрактах (договорах)", что само по себе весьма спорно. Но главное — ни слова не сказано о том, в каком порядке и кем будут решаться спорные вопросы между самими министерствами (ведомствами) — участниками данного Соглашения.

Далее. Совет глав правительств государств Содружества принял 9 декабря 1994 г. решение о развитии выставочно-ярмарочной деятельности в СНГ. Хорошо известно, что споры об условиях договоров купли-продажи, поставки и другие, могущие возникнуть в процессе их заключения на выставках и ярмарках, должны быть разрешены в самые короткие — по сравнению с другими категориями споров — сроки, до завершения работы самих выставок и ярмарок. Когда выставка, ярмарка замыкается "рынком" одного государства, для целей разрешения "преддоговорных" споров создается арбитраж ярмаркома, либо эта функция возлагается на сам ярмарком. При проведении международных ярмарок такой способ также нередко применяется, но процедура укомплектования арбитража ярмаркома представителями государств, фирм или отраслей, которые участвуют в ярмарке, сложна; сам процесс разрешения там преддоговорных споров на всех этапах, включая рассмотрение жалобы на решение, обычно где-либо не "прописан" и создается на месте, нося тем самым разовый характер, к тому же орган, разрешающий эти — безусловно, правовые — споры судебным ни в какой части не является. Да и в процессе исполнения договора нередко сторонам необходимо судебное толкование его положений. Оптимальным выходом из положения было бы "подключение" к разрешению преддоговорных споров на международных выставках и ярмарках международного судебного органа СНГ в форме, например, проведения выездных заседаний одной из коллегий Суда.

Общим положением о межгосударственных (межправительственных) органах СНГ, утвержденным решением Совета глав правительств Содружества от 21 октября 1994 г. предусмотрено, что эти органы могут наделяться правами юридического лица, обладать обособленным имуществом, приобретать права и принимать на себя обязательства по договорам, быть истцом и ответчиком в судах, наделять создаваемые ими органы правами юридического лица, если это установлено соответствующими уставами и положениями об этих органах. Они обеспечиваются служебными помещениями и необходимым имуществом в порядке и на условиях, определяемых по соглашению с государством пребыва-

ния. А те из них, которые наделены правами юридического лица, могут для решения возложенных на них задач образовывать и иметь в своем распоряжении фонды и резервы, распоряжаться валютой и другими финансовыми активами как внутри, так и вне государства пребывания. Таким образом, органы и институты Содружества выступают в качестве широкого круга участников гражданских правоотношений, стороной в гражданско-правовых и предпринимательских договорах. Это договоры аренды, найма, подряда, купли-продажи и множества иных с предприятиями, организациями, учреждениями, предпринимателями, гражданами и другими субъектами как государства своего местопребывания, так и других государств Содружества. Но ведь это межгосударственные органы с определенным иммунитетом от национальной юрисдикции государства их местопребывания. Могут ли национальные судебные органы государств решать гражданско-правовые споры с их участием? Вряд ли.

Гражданско-правовые (имущественного, прежде всего, порядка) споры могут возникнуть и у органов, и у институтов Содружества между собой (по договору совместно арендуемого, например, помещения, оборудовании и пр.); споры здесь могут возникнуть с самим государством Содружества (любым, не только своего местопребывания), либо с его административно-территориальной единицей.

Наконец, органы и институты Содружества правомочны принимать (издавать) акты, а в ряде случаев — и акты квазираспорядительного характера (МЭК, например). По идее акты органов и институтов Содружества должны быть приняты в пределах их компетенции и соответствовать актам самого Содружества, прежде всего — создающим его "опорно-каркасную решетку", в частности — Уставу СНГ и договорам о создании Экономического, Таможенного и др. союзов. Данные "опорные" акты есть своеобразная конституция СНГ, это акты высшей иерархической силы для других актов Содружества, тем более для актов органов и институтов Содружества. Следовательно, в СНГ должен действовать международный судебный орган, во-первых, правомочный разрешать гражданско-правовые споры с участием органов, институтов Содружества, а во-вторых, выполняющий роль межгосударственного "конституционного" суда — правомочным проверять соответствие актов органов и институтов Содружества и, быть может, ряда актов самого Содружества, основополагающим актам СНГ, а при несоответствии — выносить судебное решение об их отмене.

Споры и дела, вытекающие из создания и деятельности транснациональных объединений СНГ. Здесь нужно учесть, что: а) формально ряд видов споров этой категории может быть рассмотрен национальными арбитражными, хозяйственными судами государств Содружества на основании Киевского (от 20 марта 1992 г.) Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности; б) в учредительных документах транснационального объединения СНГ может быть заложен иной порядок разрешения споров; в) как сами транснациональные объединения СНГ, так и хозяйствующие субъекты, в них входящие, а также их филиалы и отделения без прав юридического лица должны обладать некоторым иммунитетом от национальной арбитражно(хозяйственно)-судебной системы государства их

местонахождения, что послужит дополнительным стимулом инвестирования из иностранных источников в объединение.

Ведь речь идет о спорах и делах: между учредителями разных государств Содружества (где в числе учредителей есть государственные органы) одного транснационального объединения; между хозяйствующими субъектами разных государств Содружества, входящими в состав одного транснационального объединения; между хозяйствующим субъектом, входящим в состав транснационального объединения, с одной стороны, и органом управления этого объединения, с другой; между филиалами, отделениями одного транснационального объединения; о соответствии учредительных документов транснационального объединения СНГ актам Содружества либо актам органов, институтов Содружества; о толковании норм учредительных документов транснационального объединения СНГ; о признании экономической несостоятельности (банкротстве) транснационального объединения СНГ, проведения санации, назначения внешнего (арбитражного) управляющего и т.д.; о признании деятельности транснационального объединения противоречащей актам Содружества, например, в части антимонопольных ограничений. Все эти дела и споры должен, безусловно, решать международный судебный орган Содружества.

Наконец, есть категории споров, которые не могут быть по тем или иным причинам "включены" в обязательную юрисдикцию межгосударственного судебного органа СНГ, но разрешение их в нем целесообразно. Вопрос может быть решен путем предоставления этому судебному органу правовых возможностей разрешать нижеперечисленные виды споров в режиме третейского судопроизводства. Это: а) межгосударственные споры, вытекающие из двух- и многосторонних межгосударственных соглашений (по поводу нарушения соглашений либо их толкования), когда, например, одной стороной в споре является государство-участник Соглашения о статусе Экономического Суда СНГ от 6.07.92 г., а другой: либо государство-участник Содружества, но не участник Соглашения от 6.07.92 г.; либо государство-неучастник Содружества; б) споры, прежде всего имущественные, вытекающие как из двусторонних договоров и соглашений, так и из деликта, где одной стороной является орган, институт Содружества, а другой: либо государство, не участник Содружества; либо министерство, ведомство государства-неучастника Содружества; либо хозяйствующий субъект государства-неучастника Содружества; либо гражданин государства-неучастника Содружества.

Все перечисленные категории и группы дел можно, с определенной долей условности, отнести к экономическим. Поэтому, в принципе, вопрос о механизме их разрешения может быть решен путем радикального реформирования и расширения компетенции Экономического Суда СНГ, тем более, что Совет глав государств Содружества еще 28 апреля 1998 г. издал поручение о разработке проекта новой редакции Положения об этом суде. Но пока юрисдикция Экономического Суда СНГ распространяется даже далеко не на всех государств-участников СНГ, что отмечается в литературе[4]. Поэтому — в качестве альтернативы — вопрос может быть решен и путем создания

принципиально нового международного судебного органа, для которого подойдет наименование: Суд Содружества или Высший Суд Содружества (термин "высший" не обязательно предполагает наличие "низших" звеньев).

Исходя из совокупного объема содержательной компетенции Высший Суд Содружества должен будет структурироваться (либо — Экономический Суд СНГ должен быть реформирован) и работать в режиме специализированных коллегий. Предположительно должны быть созданы следующие коллегии:

- Коллегия по разрешению межгосударственных экономических споров. На нее могла бы быть возложена функция дачи толкований актов Содружества, актов органов и институтов Содружества и отдельных актов бывшего СССР — на период взаимосогласованного их применения. Практически вся компетенция сегодняшнего Экономического Суда СНГ (за исключением функции по разрешению споров о соответствии нормативных и других актов государств-участников СНГ, принятых по экономическим вопросам, соглашениям и иным актам Содружества) может быть "вмонтирована" в сферу полномочий этой коллегии. Кроме того, Коллегия смогла бы разрешать споры, вытекающие из двусторонних соглашений: между государством Содружества, с одной стороны, и областью (иной территориальной единицей) иного государства Содружества, с другой; между областями (иными территориальными единицами) разных государств Содружества; между министерствами (ведомствами) разных государств Содружества. Дела в нее могли бы поступать после рассмотрения их МЭКом Экономического союза или от него непосредственно либо — для "межотраслевых" споров — от "курирующих" органов, институтов Содружества;

- Коллегия по разрешению трудовых споров и иных споров, вытекающих из трудовых отношений. Это споры — между органом, институтом Содружества, с одной стороны, и работником органа, института Содружества, обладающим иммунитетом от национальной юрисдикции, с другой. Дела в Коллегию могли бы поступать после прохождения традиционных для наших трудовых споров инстанций — созданных и действующих в органах, институтах Содружества комиссий по трудовым спорам и профкомов;

- Коллегия по разрешению межгосударственных территориальных споров. Дела в эту коллегию могли бы поступать: от спорящего государства; от органа, института Содружества; от смешанной межгосударственной комиссии, созданной для ведения работ по демаркации государственной границы;

- Коллегия по рассмотрению дел о соответствии законодательных актов (включая конституции) и других нормативных правовых актов государств Содружества актам самого Содружества, а также актам органов, институтов Содружества, носящим обязательный характер. Эта коллегия также сможет рассматривать дела о соответствии актов органов, институтов Содружества Уставу СНГ, иным межгосударственным соглашениям, другим актам Содружества. Коллегия могла бы разрешать споры между государством Содружества и органом, институтом Содру-

жества, а также между органами, институтами Содружества; давать судебные толкования актам Содружества, актам органов, институтов Содружества. Дела в эту коллегию должны, видимо, поступать после их рассмотрения и дачи по ним квалифицированного заключения из Правового консультативного совета СНГ;

- Коллегия по хозяйственным (предпринимательским) спорам, в которой должны разрешаться все споры, вытекающие из соглашений, деликта и возникающие по иным основаниям, связанные с транснациональными объединениями СНГ: между транснациональным объединением СНГ и государством Содружества; между транснациональным объединением СНГ и областью (иной крупной административно-территориальной единицей) государства Содружества; между транснациональным объединением СНГ и органом, институтом СНГ; между учредителями (в числе которых - государственный орган) транснационального объединения СНГ; между хозяйствующим субъектом и филиалом, отделением одного транснационального объединения; между хозяйствующими субъектами разных государств Содружества, входящими в состав одного транснационального объединения СНГ; между хозяйствующим объектом, входящим в состав транснационального объединения СНГ, и органом управления этого объединения; между хозяйствующим объектом, входящим в состав транснационального объединения СНГ, и государством Содружества. Коллегия сможет рассматривать дела о несоответствии учредительных документов транснационального объединения СНГ актам Содружества, либо актам органов, институтов Содружества; о несоответствии деятельности транснационального объединения СНГ межгосударственным соглашениям, например — в области антимонопольных ограничений; об экономической несостоятельности (банкротстве) транснационального объединения СНГ; кроме того, в ведение коллегии могут быть переданы для рассмотрения и иные споры: между государством Содружества и хозяйствующим субъектом другого государства Содружества (не входящего в состав транснационального объединения СНГ); между хозяйствующим субъектом государства Содружества и органом, институтом Содружества, а также между гражданином государства Содружества и органом, институтом Содружества. Коллегия могла бы взять на себя (в форме, например, выездных судебных заседаний) разрешение преддоговорных споров на международных ярмарках, выставках. Коллегия могла бы давать судебные толкования и выносить консультативные заключения по учредительным документам транснациональных объединений СНГ, договорам и соглашениям между субъектами, споры между которыми входят в ее компетенцию. Дела в эту Коллегию могли бы в отдельных случаях поступать после дачи по ним заключений органов, институтов Содружества, прежде всего — МЭКом, после принятия спорящими сторонами мер по досудебному урегулированию споров и т.п.

В Высшем Суде Содружества (равно — в реформированном Экономическом Суде СНГ) целесообразно предусмотреть трехстадийную процедуру рассмотрения споров (прохождения дел): Предметная коллегия (первая инстанция) — Президиум (кассационная инстанция) — Пленум

(надзорная инстанция), что обеспечит решениям Суда возможный максимум "устойчивости". Вместе с тем отдельные вопросы, например, судебное толкование актов Содружества, вынесение консультационных заключений по запросам Совета глав государств СНГ, могут стать предметом непосредственного рассмотрения Президиумом и даже Пленумом Суда, минуя коллегии.

Президиум Суда может быть сформирован в нескольких вариантах: а) полный состав судей всех коллегий Суда; б) состав судей только одной, предметной коллегии плюс председатели всех других коллегий плюс председатель Суда; в) председатели всех коллегий Суда плюс председатель Суда; г) состав судей одной, предметной коллегии плюс председатели тех Высших (Верховных) Судов государств Содружества, деятельность которых соответствует профилю коллегии, например, коллегии же по рассмотрению дел о соответствии законодательных актов государств СНГ актам Содружества соответствует деятельность Конституционных судов государств Содружества (а где их нет — Верховных Судов), следовательно, в состав этого варианта Президиума Суда Содружества войдут председатели Конституционных (или Верховных) Судов государств СНГ и т.д. При вариантах б) и г) состав Президиума Суда Содружества будет переменным, что необычно, но в данном случае целесообразно — просто будет несколько составов Президиума.

Что касается Пленума Высшего Суда Содружества, то его состав не должен быть переменным, членами Пленума должны быть все судьи всех составов коллегий Суда Содружества и все председатели Конституционных, Высших арбитражных (хозяйственных и иных высших органов, разрешающих в государствах Содружества экономические споры) и Верховных Судов всех государств Содружества.

Такой подход к формированию Президиума (имеется в виду последний вариант) и Пленума Высшего Суда Содружества позволяет, с одной стороны, квалифицировать вторую и третью его инстанции как коллегиальные органы, где будет обеспечена более высокая степень координации взаимодействия всех трех ветвей судебной власти в каждом государстве Содружества, с другой стороны - в отдельных случаях - как орган (здесь речь - о третьей инстанции) в иерархии судебных процедур более высокий, чем высшие судебные органы всех трех ветвей судебной власти государств Содружества, а отсюда, с третьей стороны, как орган (здесь речь о всех трех инстанциях), нуждающийся в наделении его правомочиями вынесения обязательных к исполнению решений. Совет глав государств СНГ имеет полное право и реальную возможность наделить Высший Суд Содружества (и реформированный Экономический Суд СНГ) свойствами надгосударственного органа, что, безусловно, будет способствовать углублению интеграционных процессов в Содружестве.

Разумеется, реальный механизм обеспечения принудительного исполнения решений Суда Содружества придется серьезно отрабатывать на практике. В отличие от Суда Европейского Союза, где все решения исполняются автоматически, в нашем постсоветском обществе всех без исключения государств Содружества, где "в законе" правовой нигилизм, а в деятельности отдельных учреждений подчас торжествует правовой

цинизм, проблемы с обеспечением исполнительного производства даже национальных судов не скоро исчезнут, что уж говорить об исполнительном производстве международного суда. Но эта проблема решаема, в том числе — в части решений Высшего Суда Содружества. В зависимости от того, какая Коллегия выносит решение, и от предмета спора обеспечивать принудительное решение Суда Содружества будут органы, институты Содружества, национальные суды государств Содружества и соответствующие органы государственной власти и управления государств Содружества. В документах о Суде Содружества, которые утвердит Совет глав государств СНГ, вопросам исполнительного производства должно быть уделено самое серьезное внимание.

Наделение Суда Содружества правом вынесения обязательных к исполнению решений (впрочем, относительно отдельных категорий дел и споров может быть предусмотрено право вынесения лишь рекомендательных решений) проблему разрешения споров с участием сторон, на которых обязательная юрисдикция Суда Содружества не распространяется, не решит. Поэтому следует наделить Суд Содружества правом работать в режимах третейского судоустройства и третейского судопроизводства, и как институциональный третейский суд, и как третейский суд ad hoc, для рассмотрения как межгосударственных споров, так и споров с иным субъектным составом.

Процедура урегулирования и разрешения межгосударственного территориального спора в СНГ от, к примеру, рассмотрения трудового спора с участием органа, института СНГ, отличаться должна существенно. Поэтому необходима будет тщательная проработка регламента деятельности каждой коллегии Суда Содружества, включая вопросы внесудебной и досудебных стадий урегулирования споров каждой категории. Но в целом процедуры работы всех коллегий на всех стадиях должны быть инкорпорированы в единый процессуально-процедурный акт типа Процессуального кодекса Суда Содружества.

---

[1] *Ржевский В.А.* О юридической природе форм нового Содружества Независимых Государств.//Государство и право. — 1992. - №6. — с.34.

[2] *Бекмурзаев В.А.* Миротворческая роль России в урегулировании вооруженных конфликтов в СНГ.//Государство и право. — 1994. — №12. — с.3.

[3] *Чернышев С.* Территориальные притязания выходят из анабиоза.//Газета "24", 1995, 28 февраля.

[4] *Симонян Г.В.* К вопросу о признании юрисдикции Экономического Суда СНГ государствами-членами Содружества Независимых Государств.//Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2000. - №4. — с.103-109.

г. Тюмень

*Статья поступила в редакцию в июне 2000 г.*

# Международное частное право

## НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ МОРСКОЙ АРБИТРАЖНОЙ КОМИССИИ ПРИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. Муранов*

Любому, знакомому с российской правовой системой не понаслышке, известно, какое большое количество пробелов, неточностей и несуразностей содержится в российских правовых актах. Отдельную, весьма значительную проблему представляет наличие частых противоречий между различными правовыми актами как разных уровней, так и одинаковой юридической силы. В настоящей статье анализу будет подвергнуто только одно такое противоречие, а именно противоречие между некоторыми действующими в России правовыми актами применительно к признанию и приведению в исполнение на территории России решений Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ (далее также именуемой "МАК"). В основном речь пойдет о следующем, достаточно узком вопросе: на основании какого исполнительного документа должно осуществляться принудительное исполнение решений МАК — выдаваемого государственным судом исполнительного листа или же какого-то иного документа?

Следует специально указать, что данный подлежащий рассмотрению вопрос, несмотря на то, что может казаться слишком узким и малозначительным, на самом деле является весьма наглядной иллюстрацией того, какими недостатками обладает современное российское регулирование деятельности третейских судов вообще, а международного коммерческого арбитража в частности, и по каким направлениям должно идти его совершенствование. И не следует думать, что значение данного вопроса исключительно теоретическое. Нет, как известно, каждое противоречие в нормативном регулировании рано или поздно проявляется в причудливом виде на практике. Ниже, после некоторых вступительных замечаний и пояснений, будет рассказано об истории попытки приведения в

*Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (Университета) МИД РФ, партнер международной юридической фирмы "ММЦП & К°". Подробнее об авторе см. в № 4 нашего журнала за 1999 г.

исполнение одного из решений МАК, демонстрирующей, как противоречия между законами способны в реальной жизни повлиять на права кредитора, в пользу которого МАК было вынесено решение.

Но прежде всего было бы целесообразно сказать о МАК несколько слов для того, чтобы читатель, о ней не знающий, получил хотя бы общее представление о том, в чем состоит ее специфика как особого правоприменительного и юрисдикционного органа, действующего на территории России.

## ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

### Статус МАК

Статьи 1 и 2 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже"[1] соответственно предусматривают:

*" Статья 1. Сфера применения.*

*1. Настоящий Закон применяется к международному коммерческому арбитражу, если место арбитража находится на территории Российской Федерации. Однако, положения, предусмотренные статьями 8, 9, 35 и 36, применяются и в тех случаях, когда место арбитража находится за границей.*

*2. В международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться:*

*споры из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон находится за границей, а также*

*споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации. ...";*

*"Статья 2. Определения терминов и правила толкования.*

*Для целей настоящего Закона:*

*"арбитраж" означает любой арбитраж (третейский суд) независимо от того, образуется ли он специально для рассмотрения отдельного дела или осуществляется постоянно действующим арбитражным учреждением, в частности Международным коммерческим арбитражным судом или Морской арбитражной комиссией при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (приложения I и II к настоящему Закону);*

*"третейский суд" означает единоличного арбитра или коллегию арбитров (третейских судей);*

*"суд" означает соответствующий орган судебной системы государства;...".*

Далее, Приложением 2 "Положение о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" к Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже"[2] устанавливается: *"1. Морская арбитражная комиссия является самостоятельным постоянно действующим арбитражным учреждением (третейским судом), осуществляющим свою деятельность по разрешению споров, отнесенных к ее компетенции статьей 2 настоящего Положения, в соответствии с Законом Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже". ...*

*2. Морская арбитражная комиссия разрешает споры, которые вытекают из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающих из торгового мореплавания, независимо от того, являются сторонами таких отношений субъекты российского и иностранного права либо только российского или только иностранного права. ...*

*3. Морская арбитражная комиссия принимает к рассмотрению споры при наличии соглашения между сторонами о передаче их на ее разрешение.*

*Комиссия принимает к рассмотрению также споры, которые стороны обязаны передать на ее разрешение в силу международных договоров Российской Федерации. ...*

*7. Морская арбитражная комиссия при Торгово-промышленной палате Российской Федерации является преемником Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР, образованной в 1930 году, и, в частности, вправе разрешать споры на основании соглашений сторон о передаче их споров в Морскую арбитражную комиссию при Торгово-промышленной палате СССР".*

Итак, согласно Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже" МАК имеет статус институционного третейского суда в сфере торгового мореплавания.

При этом существенным моментом является то, что МАК может выступать как в роли международного коммерческого арбитража, так и в роли обычного третейского суда, по своей сути аналогичного упоминаемым во "Временном положении о третейском суде для разрешения экономических споров"[3], предназначенного для решения споров во внутреннем российском частноправовом обороте и рассматривающим такие споры между субъектами только российского права, которые не подпадают под перечень споров, разрешаемых международным коммерческим арбитражем согласно пункту 2 статьи 1 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже"[4]. В этом состоит одна из специфических особенностей МАК в отличие от Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ (далее также именуемого "МКАС"), который всегда выступает в качестве международного коммерческого арбитража благодаря тому, что состав споров, указываемых в пункте 2 Приложения 1 "Положение о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" к Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже", которые могут передаваться по соглашению сторон на рассмотрение МКАС[5], совпадает с тем составом споров, которые могут передаваться в международный коммерческий арбитраж согласно пункту 2 статьи 1 этого же Закона. Конечно же, сказанное не следует понимать как противопоставление самих терминов "международный коммерческий арбитраж" и "третейский суд": последний в широком смысле охватывает и первый. Речь идет о другом: о противопоставлении международного коммерческого арбитража, разрешающего споры в международном торговом обороте, третейским судам, разрешающим споры во внутриэкономическом обороте, причем на основании именно различий в сферах, где они действуют. При этом каждый из них является третейским судом.

Что же касается статуса МАК в ретроспективе, то следует указать еще на такой момент: будучи созданной при ТПП СССР еще в 1930 году, МАК на протяжении около шестидесяти лет являлась одним из двух авторитетных постоянно действующих в СССР третейских судов[6] (наряду с Внешнеторговой арбитражной комиссией при ТПП СССР, созданной в 1932 г., в 1987 г. переименованной в *"Арбитражный суд при ТПП СССР"* [7], который затем продолжал свою деятельность при ТПП РФ[8] и, наконец, в 1993 был переименован в *"МКАС"* [9]).

Оба указанных момента имеют немаловажное значение для рассматриваемого в настоящей статье вопроса.

### Вопрос о документе, на основании которого должно приводиться в исполнение решение МАК

Прежде всего, следует отметить, что в Законе РФ "О международном коммерческом арбитраже" не содержится ответа на вопрос о том, на основании каких исполнительных документов решение МАК должно в России принудительно исполняться. Так, пункт 1 статьи 35 "Признание и приведение в исполнение арбитражного решения" этого Закона ограничивается следующим указанием:

*"Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в* ***компетентный суд*** *письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36"* (выделение мое — **М.А.**). Однако при этом ни в такой статье 35, ни в статье 36 ничего не говорится о том, какой суд является компетентным для решения вопроса о признании и приведении в исполнение арбитражного решения. Верховный Суд республики в составе России, краевой, областной, городской суд, суд автономной области и суд автономного округа по месту арбитража, о котором упоминается в статье 6 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже", таким компетентным судом автоматически являться не может, поскольку в той же самой статье Закона функциями по рассмотрению вопроса о признании и приведении решения международного коммерческого арбитража в исполнение он не наделен, хотя при этом он обладает иными полномочиями, в частности, правом рассматривать вопрос об отмене решения международного коммерческого арбитража и правом решать вопрос о наличии либо отсутствии у международного коммерческого арбитража компетенции рассматривать спор.

Равным образом в данном Законе ничего не говорится о том, на основании каких документов орган принудительного исполнения должен исполнять арбитражное решение — на основании документа, принятого компетентным судом по результатам рассмотрения ходатайства об исполнении, или же на основании какого-то иного документа. Однако, представляется само собой разумеющимся, что коль скоро для принудительного исполнения арбитражного решения этот Закон требует обращения в компетентный суд, то очевидно, что такое исполнение должно осуществляться на основании исполнительного документа, таким судом выданного.

Однако, не все так просто: если мы обратимся, например, к статье 339 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. (далее также именуемого ГПК РСФСР), то мы там обнаружим очень интересное положение, опровергающее только что сделанный вывод. Данная статья гласит: *"Исполнительными документами являются:*

1) *исполнительные листы, выдаваемые на основании решений, приговоров, определений и постановлений судов (судей), мировых соглашений, утвержденных судом, решений товарищеских судов,* ***решений третейских судов по спорам между гражданами, решений Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате СССР и арбитражей, специально образуемых для рассмотрения отдельных дел,*** *решений иностранных судов;*

*1-1) судебные приказы;*

*2) исполнительные надписи нотариальных органов;*

*3) исполнительные листы арбитражного суда, выдаваемые в предусмотренных законом случаях на основании судебных актов арбитражного суда и решений третейских судов;*

***4) надписи председателя Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР о вступлении решения в законную силу;***

*5) не оплаченные в срок платежные требования, акцептованные плательщиком;*

*6) удостоверения, выдаваемые по трудовым спорам профсоюзными комитетами предприятий, учреждений, организаций на основании решений комиссии по трудовым спорам или постановлений профсоюзных комитетов предприятий, учреждений, организаций и удостоверения профсоюзных комитетов предприятий, учреждений, организаций по спорам о возмещении вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца;*

*7) постановления, выдаваемые комиссиями по делам несовершеннолетних, о денежных взысканиях;*

*8) постановления, выдаваемые административными органами, о производстве взысканий с граждан в бесспорном порядке;*

*9) решения исполнительных комитетов районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов о принудительной продаже второго дома, принадлежащего гражданину на праве личной собственности;*

*10) решения исполнительных комитетов городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов о взыскании с государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций ущерба за потравы посевов и повреждение насаждений;*

*10-1) решения Советов Министров автономных республик, исполнительных комитетов краевых, областных, районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов о взыскании с совхозов, промышленных, транспортных, строительных и других государственных предприятий, объединений и хозяйственных организаций независимо от их подчиненности своевременно не внесенных отчислений средств на строительство, реконструкцию, ремонт и содержание местных автомобильных дорог (включая областные);*

*11) постановления прокуроров о выселении в административном порядке граждан, самоуправно занявших жилое помещение или проживающих в домах, грозящих обвалом"* (выделение мое. — **М.А**).

Итак, исходя из смысла Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже", принудительное исполнение решения МАК должно осуществляться на основании документа, выданного компетентным судом, в то время как согласно ГПК РСФСР этого не требуется: достаточно, чтобы председатель МАК совершил надпись о вступлении решения в силу (ранее такие надписи оформлялись в виде отдельного документа на бланке, заверявшемся печатью МАК). Противоречие между двумя нормативными актами одного уровня налицо.

Следует особо подчеркнуть, что используемые в пункте 1 статьи 339 ГПК РСФСР слова *"решений арбитражей, специально образуемых для рассмотрения отдельных дел"* на решения МАК распространяться не могут. Данными словами в ГПК РСФСР обозначаются решения арбитражей *ad hoc*[10], то есть третейских судов, специально формируемых для разрешения конкретного дела, а не решения институционных, постоянно действующих арбитражных учреждений, к которым относится МАК[11]. Очевидно и то, что применительно к решениям МАК не могут быть использованы и слова пункта 1 статьи 339 ГПК РСФСР *"решения третейских судов по спорам между гражданами"*: под последними имеются в виду решения третейских судов, действующих согласно Приложению № 3 "Положение о третейском суде" к ГПК РСФСР.

Теперь перейдем к истории реально имевшей место попытки приведения в исполнение одного из решений МАК. При этом единичной в России она не являлась.

## ИСТОРИЯ ПОПЫТКИ ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ ОДНОГО ИЗ РЕШЕНИЙ МАК

Данное решение было вынесено в декабре 1995 г. в пользу одного российского лица против другого российского лица. В добровольном порядке должник решение исполнить отказался. Кредитор обратился в МАК с просьбой разъяснить порядок исполнения решения МАК в такой ситуации. В июне 1996 г. МАК сообщила кредитору следующее: *"Деятельность Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ в настоящее время определяется Законом РФ "О международном коммерческом арбитраже" от 7 июля 1993 г. (Ведомости Верховного Совета РФ, № 32, 1993). Об этом говорится, в частности, в п. 1*

*Положения о Морской арбитражной комиссии, являющегося Приложением II к указанному Закону.*

*С учетом этого, в соответствии со ст. 35 Закона решение Морской арбитражной комиссии признается обязательным, и подлежит исполнению на основании письменного ходатайства, подаваемого стороной в компетентный суд, каковым является народный суд по месту нахождения другой стороны (должника) либо ее имущества. Соответственно, исполнительным документом является теперь не надпись председателя Морской арбитражной комиссии о вступлении ее решения в законную силу, как было прежде (п.4 ст. 339 ГПК), а исполнительный лист, выдаваемый судом по предъявлении решения к исполнению (решение МАК, как и любые другие арбитражные решения, на которые распространяется Закон от 7 июля 1993 г., "признаются обязательными" в силу закона, как об этом прямо указано в п. 1 ст. 35).*

*Таким образом, в отношении всех арбитражных решений, на которые распространяется Закон от 7 июля 1993 г., включая решения Морской арбитражной комиссии, функции исполнительного производства, равно как и оформления исполнительных документов (в порядке п.1 ст.339 ГПК), возложены на народные суды.*

*Что касается Морской арбитражной комиссии, мы можем лишь направить Вам удостоверение того, что решение, вынесенное Морской арбитражной комиссией, было направлено надлежащим образом и вручено ответчику. Такое удостоверение при этом прилагается"*[12].

Кредитор обратился в Василеостровский районный федеральный суд г. Санкт-Петербурга с письменным ходатайством о приведении в исполнение вынесенного в его пользу решения МАК. Однако в марте 1997 г. данный суд в лице судьи и судебного исполнителя прореагировал на такое ходатайство следующим образом: *"Василеостровский федеральный суд Санкт-Петербурга возвращает документы для надлежащего оформления согласно ДЕЙСТВУЮЩЕЙ инструкции об исполнительном производстве, утвержденной приказом министра юстиции СССР от 15.11.85 года № 22, гл.I, п.23.6 /отсутствует надпись Морской арбитражной комиссии о вступлении решения в законную силу/".*

И действительно, пункт 23 формально в России не отменявшейся Инструкции об исполнительном производстве[13], утвержденной Приказом Минюста СССР от 15 ноября 1985 г. № 22 "Об утверждении Инструкции об исполнительном производстве", повторяя ГПК РСФСР, предусматривал, в частности: *"Исполнительными документами являются:*

*1) исполнительные листы, выдаваемые на основании решений, приговоров, определений и постановлений судов, мировых соглашений, утвержденных судом, решений товарищеских судов, решений третейских судов по спорам между гражданами, решений Внешнеторговой арбитражной комиссии и арбитражей, специально образуемых для рассмотрения отдельных дел, решений иностранных судов; ...*

*6) надписи председателя Морской арбитражной комиссии о вступлении решения в законную силу; ...".*

Кредитор обратился в МАК с просьбой выдать ему надпись председателя МАК о вступлении решения в законную силу. В мае 1997 г. им был получен следующий ответ: *"... сообщаем, что в отличие от ранее действующего порядка, в настоящее время в свете Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" от 7 июля 1993 г., в Приложении II к которому содержится новое Положение о МАК (Ведомости ВС РФ, № 32, 1993), председатель МАК не выдает документов на исполнение решений Комиссии, ибо их выдача возложена на компетентный суд (ст. 35), каковым является народный суд по месту нахождения должника или его имущества. Что касается самого арбитражного решения, то оно в силу ст. 35 признается обязательным и подлежащим исполнению, по смыслу — со дня получения решения*

*сторонами. Что же касается исполнительных документов, сроков их выдачи и т.д., то эти вопросы входят в компетенцию суда.*

*В связи с отказом суда в рассмотрении просьбы пароходства о выдаче исполнительного листа полагаем, что надлежащий путь — это подача жалобы на указанный отказ".*

После обращения кредитора в Санкт-Петербургский городской суд заместитель председателя этого суда 22 июля 1997 г. направил председателю Василеостровского районного федерального суда г. Санкт-Петербурга письмо, в котором, в частности, говорилось: *"Направляю в Ваш адрес документы..., неосновательно возвращенные судьей..., для приведения в исполнение решения Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате... .*

*Обращаю Ваше внимание на то, что в соответствии со ст. 35 Закона РФ от 07.07.93 "О международном коммерческом арбитраже" арбитражное решение приводится в исполнение компетентным судом на основании ходатайства стороны и заверенной копии арбитражного решения.*

*Компетентным судом является районный суд по месту нахождения должника — в данном случае Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга. Ходатайство... и заверенная копия арбитражного решения имеются.*

*Требование судьи... о необходимости получения надписи Морской арбитражной комиссии о вступлении решения в законную силу противоречит Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже", которым не предусмотрены срок и порядок вступления арбитражного решения в законную силу, но из смысла которого следует, что арбитражное решение подлежит исполнению, если должник, получивший решение, его не оспаривает.*

*Поскольку Морская арбитражная комиссия сообщила, что ответчик решение получил и его не оспаривал, предусмотренные ст. 26 Закона от 07.07.93 основания для отказа в приведение в исполнение арбитражного решения отсутствуют у Василеостровского районного суда нет причин для отказа... в исполнении арбитражного решения".*

После этого, оказавшиеся, очевидно в затруднительной ситуации, судебный исполнитель Василеостровского суда обратился за разъяснениями в Управление юстиции Санкт-Петербурга. Заместитель начальника этого Управления в своем письме от 15 октября 1997 г. сообщил: *"В связи с обращением судебного исполнителя с вопросом о правовом обосновании принудительного исполнения решения Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ... без представления взыскателем надписи Председателя названной палаты разъясняю.*

*Ст. 5 Положения "О международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" и ст. 5 Положения "О морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" содержат лишь формально тождественные условия исполнения решений этих правоприменительных органов:*

*а) добровольное,*

*б) принудительное (при неисполнении в добровольном порядке).*

*Следует иметь в виду, что обе эти статьи не содержат в себе процедуры принудительного исполнения. Они отсылают для определения этого порядка к закону или международным договорам.*

*Поскольку в нашем случае сторонами по делу являются субъекты российского права, то ссылки на международные договоры лишены правового смысла. Следовательно, здесь уместна ссылка только на закон.*

*Грамматически тождественное выражение "закон", употребленное законодателем в ст. 5 Положения "О международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" и ст. 5 Положения "О морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации",*

*надо полагать, вводит взыскателя в смысловое заблуждение, результатом которого является отождествление им разных процедур исполнения решений разных субъектов правоприменительной деятельности (Арбитражного суда при ТПП и Арбитражной комиссии при ТПП), что противоречит ст. 339 ГПК РСФСР, так как п.1 названной статьи в качестве исполнительного документа по исполнению решения Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате называет исполнительный лист, а п.4 этой же статьи для исполнения решения Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате предполагает наличие надписи председателя данной Комиссии, а не исполнительного листа.*

*П.1 ст. 35 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" предполагает при исполнении арбитражного решения учитывать положения не только названной статьи, но и ст. 36 данного Закона, которая в п.2 содержит требование непротиворечия исполнения арбитражного решения публичному порядку Российской Федерации.*

*Попытка пренебрежения этими требованиями неизбежно ведет к нарушению процессуального законодательства и принципу публичного порядка.*

*Изложенные аргументы приводят к необходимости отказа взыскателю в его просьбе о принудительном исполнении решения Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате РФ до представления надлежащих, то есть предусмотренных п.4 ст. 339 ГПК РСФСР, документов".*

Таким образом, в итоге всей этой переписки выявилось два мнения: согласно первому (разделявшемуся судьей и судебным исполнителем Василеостровского районного федерального суда, а также Управлением юстиции Санкт-Петербурга), для исполнения решения МАК в силу статьи 339 ГПК РСФСР была необходима надпись председателя МАК о вступлении этого решения в законную силу, тогда как согласно второму (разделявшемуся МАК и Санкт-Петербургским городским судом) функции МАК ограничивались вынесением решения, после чего исполнительный лист на принудительное приведение этого решения в исполнение должен был по ходатайству кредитора выдавать суд общей юрисдикции первой инстанции.

Соответственно, небольшой и несложный, казалось бы, вопрос, порожденный противоречием в российском законодательстве, в итоге привел к тому, что кредитор оказался лишен возможности эффективно исполнить вынесенное в его пользу решение МАК. При этом истории, аналогичные приведенной, в действительности, как уже говорилось, случались не раз и не исключено, что они могут повториться.

Так кто же в конечном итоге был прав?

## ПОРЯДОК ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ МАК

Чтобы правильно и полно ответить на поставленный вопрос, его необходимо разбить на два подвопроса.

Первый должен звучать так: сохраняет ли в свете современного российского законодательства силу норма пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР *("Исполнительными документами являются: ...*

*4) надписи председателя Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР о вступлении решения в законную силу; ...")?*

Второй следует сформулировать следующим образом: какой государственный суд компетентен приводить в исполнение решения МАК?

### Пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР в свете современного российского законодательства

Анализ современного российского права позволяет придти к выводу о том, что норма пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР должна рассматриваться как

утратившая силу, несмотря на то, что формально она не отменена, равно как формально не отменены и ссылающиеся на нее подзаконные нормы.

Какой аргумент может быть приведен в пользу того, что данная норма обладает силой? По большому счету только один: ее наличие в ГПК РСФСР. Безусловно, данный аргумент с формально-юридической точки зрения является очень сильным. Тем не менее, ему могут быть противопоставлены доводы, общая совокупность которых указывает на утрату данной нормой силы ввиду, в частности, принципа *Lex posterior derogat priori*. Рассмотрим их поочередно.

**1.** Прежде всего, пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР следует рассматривать как противоречащий Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже". Как уже говорилось, пункт 1 статьи 35 "Признание и приведение в исполнение арбитражного решения" этого Закона предусматривает: *"Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36"*. Конечно же, данную норму нельзя признать исчерпывающим образом регулирующей рассматриваемый вопрос. Тем не менее, ее смысл достаточно ясен: коль скоро для принудительного исполнения арбитражного решения данный Закон требует обращения в компетентный суд, то очевидно и логично, что такое исполнение должно осуществляться по результатам рассмотрения таким судом ходатайства о признании и приведении решения в исполнение и должно основываться на документах, этим судом в конечном итоге принятых. Очевидно, что такими документами могут быть только определение о приведении решения в исполнение и выдаваемый на его основании исполнительный лист.

**1.1.** Сказанное подтверждается положениями Указа Президиума Верховного Суда СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей"[14]. До вступления в силу Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" вопросы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений регулировались именно этим Указом (теперь же он применяется в части, не противоречащей Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже"). Так вот, последний предусматривает, что по итогам рассмотрения ходатайства о разрешении привести в исполнение иностранное решение суд общей юрисдикции выносит определение о таком разрешении или об отказе в нем, и затем на основании этого определения выдается исполнительный лист: "*2. Вопрос о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда рассматривается по ходатайству взыскателя Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, — по месту нахождения его имущества. ...*

*5. Выслушав объяснения должника и рассмотрев представленные документы, суд выносит определение о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда или об отказе в этом. ...*

*8. На основании решения иностранного суда и вступившего в законную силу судебного определения о разрешении принудительного исполнения этого решения выдается исполнительный лист, который направляется в народный суд по месту исполнения судебного решения"*.

Безусловно то, что данный Указ на приведение в исполнение решений МАК не распространяется. Однако очевидно и то, что положения Указа могут быть использованы в рассматриваемой ситуации по аналогии.

**2.** Далее, сегодня нельзя не учитывать нормы Федерального закона от 21 июля

1997 г. № 119-ФЗ "Об исполнительном производстве"[15]. Его статья 7 предусматривает: *"1. Исполнительными документами являются:*

***1) исполнительные листы, выдаваемые судами на основании:***

*принимаемых ими судебных актов;*

***решений Международного коммерческого арбитража и иных третейских судов;***

*решений иностранных судов и арбитражей;*

*решений межгосударственных органов по защите прав и свобод человека;*

*2) судебные приказы;*

*3) нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов;*

*4) удостоверения комиссии по трудовым спорам, выдаваемые на основании ее решений;*

*5) оформленные в установленном порядке требования органов, осуществляющих контрольные функции, о взыскании денежных средств с отметкой банка или иной кредитной организации о полном или частичном неисполнении взыскания в связи с отсутствием на счетах должника денежных средств, достаточных для удовлетворения требований взыскателя, если законодательством Российской Федерации не установлен иной порядок исполнения указанных исполнительных документов;*

*6) постановления органов (должностных лиц), уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях;*

*7) постановления судебного пристава-исполнителя;*

*8) постановления иных органов в случаях, предусмотренных федеральным законом"* (выделение мое. — **М.А.**). Таким образом, коль скоро МАК, как уже говорилось, является и третейским судом, и международным коммерческим арбитражем, ее решения должны принудительно исполняться на основании исполнительного листа, выданного компетентным государственным судом после рассмотрения соответствующего ходатайства.

Данный закон согласно своей статье 94 вступил в силу через три месяца со дня его официального опубликования. Его текст был опубликован в "Российской газете" от 5 августа 1997 г. и в "Собрании законодательства Российской Федерации" от 28 июля 1997 г., № 30. Соответственно, лица, участвовавшие в описанной выше истории, не имели возможности использовать его в своей аргументации, за исключением заместителя начальника Управления юстиции Санкт-Петербурга, позиция которого была выражена в письме от 15 октября 1997 г. По какой-то причине в этом письме статья 7 Федерального закона "Об исполнительном производстве" не была учтена, что свидетельствует о неправильности выраженного в данном письме подхода.

**2.1.** Следует особо подчеркнуть, что подпункт 8 пункта 1 статьи 7 Федерального закона "Об исполнительном производстве" (*"постановления иных органов в случаях, предусмотренных федеральным законом"*) не следует понимать как распространяющийся на пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР (*"надписи председателя Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР о вступлении решения в законную силу"*): этому даже формально препятствует хотя бы то, что такую надпись *"постановлением"* назвать нельзя, равно как и то, что ранее в МАК осуществление подобных надписей никакими постановлениями не оформлялось, хотя эти надписи и совершались в виде отдельного документа (не говоря уже о том, что такое распространение невозможно с точки зрения сущностного смысла указанного подпункта 8).

**3.** На сегодняшний день пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР надлежит рассматривать как противоречащий статье 8 "Требования, предъявляемые к исполнительным документам" Федерального закона "Об исполнительном производстве" (*"1. В исполнительном документе обязательно должны быть указаны:*

*1) наименование суда или другого органа, выдавшего исполнительный документ;*

*2) дело или материалы, по которым выдан исполнительный документ, и их номера;*

*3) дата принятия судебного акта или акта другого органа, подлежащего исполнению;*

*4) наименования взыскателя-организации и должника-организации, их адреса; фамилия, имя, отчество взыскателя-гражданина и должника-гражданина, их место жительства, дата и место рождения должника-гражданина и место его работы;*

*5) резолютивная часть судебного акта или акта другого органа;*

*6) дата вступления в силу судебного акта или акта другого органа;*

*7) дата выдачи исполнительного документа и срок предъявления его к исполнению.*

*2. Исполнительный документ, выданный на основании судебного акта, подписывается судьей и заверяется гербовой печатью суда.*

*Исполнительный документ, выданный на основании акта другого органа, подписывается должностным лицом этого органа, а в установленных федеральным законом случаях — лицом, выписавшим исполнительный документ. Исполнительный документ заверяется печатью органа или лица, его выдавшего.*

*3. Содержание судебного приказа и нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов определяется Гражданским процессуальным кодексом РСФСР и Семейным кодексом Российской Федерации. Эти акты подписываются лицами, принявшими или удостоверившими их, и заверяются печатью").*

Как видно из этой статьи, отсутствие указанных в ней реквизитов исполнительного документа допускается только для судебного приказа и нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов.

Соответственно, коль скоро все такие реквизиты в надписи о вступлении решения МАК в законную силу никогда не указывались, то даже если бы председатель МАК и совершил подобную надпись, она в свете статьи 8 Федерального закона "Об исполнительном производстве" не являлась бы исполнительным документом.

**4.** Далее, пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР следует рассматривать как противоречащий пункту 1 статьи 118 Конституции РФ (*"Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом"*), равно как и аналогичным нормам некоторых других российских законов[16]. Кроме того, пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР следует рассматривать как не соответствующий в определенных случаях пункту 3 статьи 35 Конституции РФ (*"Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда"*).

Не имеется никаких сомнений в том, что термин *"суд"*, используемый в Конституции РФ, не совпадает по смыслу с этим же термином (в сочетании с определением *"третейский"*), встречающимся в Законе РФ "О международном коммерческом арбитраже" и Гражданском кодексе РФ. Совпадение их словесной формы не должно вводить в заблуждение по поводу различного их смысла.

Из этого следует, что третейские суды в России правосудие не осуществляют. У них несколько иная функция: по терминологии статьи 11 Гражданского кодекса РФ они производят *"защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав"*: *"Экономические споры, отнесенные законом к ведению арбитражных судов, могут рассматривать и третейские суды. Однако, осуществляемая ими деятельность по защите прав организаций не является правосудием..."*[17].

Интересно отметить, что в замечаниях на проект федерального закона "О биржах и биржевой деятельности"[18], приведенных в письме Правительства РФ от 29 декабря 1997 г. № 5194п-П6[19], было указано: *"7. Пункт 3 статьи 24 проекта "Арбитражная комиссия при бирже (биржевая арбитражная комиссия) осуществляет правосудие путем разрешения экономических споров и иных дел, отнесенных к ее компетенции законодательством о третейских судах и положением об арбит-*

*ражной комиссии при бирже (биржевой арбитражной комиссии)" не согласуется с частью 1 статьи 118 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (Конституционным судом, судами общей юрисдикции, арбитражными судами)".*

Соответственно, следует признать, что понятие *"защита нарушенных или оспоренных гражданских прав"* шире термина *"правосудие"*. В противном случае, неизбежен вывод о том, что между Конституцией РФ вместе с рядом других законов и Законом РФ "О международном коммерческом арбитраже" и Гражданским кодексом РФ существует противоречие.

На самом же деле никакого противоречия нет: просто разные правовые акты вкладывают в понятие *"суд"* различный смысл, исходя при этом исключительно из удобства словоупотребления или же привычки. Само собой разумеется, что иногда это вызывает неудобства. Кроме того, это свидетельствует о том, что российское государство и право до сих пор не выработали какой-либо целостной позиции по отношению к месту и роли третейских судов в России. Вероятно, именно этим объясняется то, что до сих пор не вступил в силу федеральный закон "О третейских судах", хотя его проект[20] уже давно находится в Государственной Думе Федерального Собрания РФ и даже принят ей в первом чтении[21].

Соответственно, в дальнейшем следует либо терпеть такое неудобство, прибегая к привычному понятию *"третейский суд"*, либо вместо последнего использовать какой-то иной термин, например, *"третейское учреждение"*.

Задачей настоящей статьи не является подробное выяснение того, какую деятельность осуществляют третейские суды, и почему она не может быть названа *"осуществлением правосудия"*. Тем не менее, в качестве предположения можно высказать следующую мысль: коль скоро согласно Гражданскому кодексу РФ государственные суды также осуществляют *"защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав"*, но при этом их деятельность, в отличие от деятельности третейских судов, является осуществлением правосудия, то следует признать, что понятием *"правосудие"* обозначается такое итоговое качество результатов защиты нарушенных или оспоренных гражданских прав, как их безусловная способность быть осуществленными принудительно при помощи государства. В таком случае все встает на свои места: третейские суды, действительно осуществляя защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав, тем не менее, не могут самостоятельно придавать результатам такой защиты итоговое качество подобной безусловной способности. Последняя может быть придана им. Соответственно, ходатайство заинтересованной стороны о признании и приведении решения международного коммерческого арбитража в исполнение или о выдаче исполнительного листа на основании решения обычного третейского суда для решения экономических споров как раз и преследует цель получения третейским решением безусловной принудительной силы.

Но если все это именно так, то нельзя не придти к выводу о том, что МАК как третейский суд не имеет полномочий самостоятельно придавать исполнительную силу вынесенным ей решениям.

Соответственно, ни в коем случае нельзя утверждать, что МАК следовало в описанной истории действовать утилитарно и, заботясь не о "формальностях", а об успешной защите прав кредитора, осуществить по его просьбе надпись о вступлении решения МАК в силу. Председатель МАК не мог так поступить и правильно сделал, что не поступил: в противном случае была бы нарушена Конституция РФ.

**5.** Признание пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР действующим означало бы наделение МАК особым статусом, приданием ему исключительности по сравнению с другими международными коммерческими арбитражами, в частности, МКАС. Между тем, Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" в

принципе устанавливает общий режим для признания и приведения в исполнение для всех арбитражных решений, и в нем нет ничего, что могло бы давать основания утверждать, что решения МАК могут исполняться именно так, как это следует из пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР.

**6.** Также нельзя не упомянуть и о позиции Высшего Арбитражного Суда РФ в данном вопросе. Так, в письме от 25 августа 1993 г. № С-13/ОСЗ-268 "В связи с принятием Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" он высказал следующее мнение применительно к МКАС и МАК: "*Признание и приведение в исполнение решений этих арбитражных учреждений производится общими судами*"[22]. Конечно же, данное указание нормативной силой не обладает, но является весомым аргументом в пользу того, что пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР силу утратил.

**7.** Кроме того, следует упомянуть, что Государственной Думой Федерального Собрания РФ Постановлением № 3930-II ГД[23] в первом чтении был принят проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О судебных приставах" и "Об исполнительном производстве"[24], внесенный Президентом РФ письмом № Пр-297 от 3 марта 1998 г.[25]. Так вот, пункт 10 статьи 1 проекта этого закона предусматривает применительно к ГПК РСФСР: *"В главе 38 статьи 338, 339, 344 — 365 и 367 исключить"* (выделение мое — **М.А.**). Следует ли объяснять, почему это было сделано?

**8.** В качестве еще одного аргумента в пользу отсутствия у пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР силы можно привлечь соображения исторического характера.

На всем протяжении своего функционирования МАК отличалась от Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР тем, что обладала компетенцией рассматривать споры в том числе и только между субъектами отечественного права (хотя с 1987 г. Арбитражный суд при ТПП СССР (так была названа Внешнеторговая арбитражная комиссия при ТПП СССР), а затем и Арбитражный суд при ТПП РФ и, наконец, МКАС также стали обладать такой компетенцией, объем которой, правда, в различные периоды времени был неодинаков). Соответственно, Внешнеторговая арбитражная комиссия при ТПП СССР обладала компетенций рассматривать споры только между субъектами права различных стран[26].... Объясняется это тем, что, ввиду важности торгового мореплавания в СССР и его специфического характера, был необходим специализированный орган для разрешения возникающих в нем споров, и последний был создан в виде не государственного, а специализированного третейского суда, в который могли обращаться субъекты как отечественного, так и иностранного права.

С этим аспектом был связан ряд других существенных отличий статуса МАК от статуса Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ.

Так, решения МАК, если при их вынесении существенно нарушались или неправильно применялись действующие законы, могли быть отменены Верховным Судом СССР (после 1991 г. соответственно Верховным Судом РФ) по жалобе заинтересованной стороны, поддержанной протестом определенных лиц (или же только по протестам последних): "В месячный срок со дня вынесения Морской арбитражной комиссией мотивированного решения любая из сторон вправе подать на это решение в Верховный Суд СССР жалобу, а Генеральный прокурор или его заместители — принести протест (с направлением копии жалобы или протеста в Комиссию).

Если в решении Морской арбитражной комиссии допущено существенное нарушение или неправильное применение действующих законов, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР отменяет по протесту

Председателя Верховного Суда СССР, Генерального прокурора или заместителей это решение и возвращает дело в Морскую арбитражную комиссию для нового рассмотрения в ином составе арбитров..." [27].

В то же время, решения Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ являлись окончательными и обжалованию не подлежали (другой вопрос, как это соотносилось, например, с положением статьи 151 Конституции СССР 1977 г. о том, что "Правосудие в СССР осуществляется только судом" и аналогичными нормами других нормативных актов СССР и России. Равным образом, такое положение являлось малообъяснимым с 1987 г., когда Арбитражный суд при ТПП СССР и Арбитражный суд при ТПП РФ получили возможность рассматривать споры между субъектами только отечественного права).

В чем же была причина такой разницы в статусе между МАК и Внешнеторговой арбитражной комиссией при ТПП СССР (а впоследствии Арбитражным судом при ТПП СССР и Арбитражным судом при ТПП РФ)?

Прежде всего, когда в 1930 г. готовилось положение о МАК[28], его разработчики, учитывая, что на тот момент Великобритания обладала наиболее, пожалуй, развитым арбитражным регулированием, приняли во внимание правила английского права, согласно которым решения арбитражей могли быть обжалованы в государственный суд.

Кроме того, автор настоящей статьи полагает возможным утверждать, что отечественное право, устанавливая вышеуказанные различия, могло, вероятно, изначально исходить из того, что нежелательно осложнять исполнение решений по спорам, в которых одной из сторон всегда является иностранное лицо, возможностью их обжалования: вряд ли бы такая возможность способствовала быстрой и эффективной защите в СССР прав как иностранных, так и отечественных субъектов, равно как и развитию внешней торговли СССР. При этом соображения социалистической законности значения не имели: поддержание последней в отношениях с иностранными лицами приоритетом для советского права не являлось.

*Но если это было так, то, поскольку в МАК за разрешением споров обращались и субъекты только отечественного права, последнее, возможно, исходило из того, что за решениями МАК необходим больший контроль, тем более что он, по большому счету, не мог повредить интересам отечественных лиц. Более того, этого же контроля требовал и принцип социалистической законности, распространявшийся, прежде всего, на советских лиц.*

Но коль скоро это же самое нельзя было сказать об интересах иностранных лиц (а они также могли обращаться в МАК), то в качестве компромисса был избран такой подход, при котором решения МАК могли быть обжалованы, но только в Верховный Суд, причем только при помощи протестов определенных лиц и только в месячный срок. Но данный компромисс этим не ограничивался: МАК (в виде, возможно, своего рода "компенсации") было предоставлено право придавать принудительную силу своим решениям путем совершения Председателем МАК надписи об их вступлении в законную силу. Можно утверждать, что если решение МАК не отменялось, то есть если ни одна из сторон спора не считала, что ее права решением нарушены, ни тем более государство в лице тех, кто мог принести протест, или в лице Верховного Суда не было расположено соответственно требовать отмены такого решения или отменять его, то тем самым государство фактически санкционировало данное решение, молчаливо придавало ему исполнительную силу, ввиду чего затем оно не могло ни самоустраняться, ни наделять МАК полномочиями в отношении придания данному решению принудительной силы. В самом деле, такой подход обладает определенной логикой, в то время как выдача исполнительных листов для приведения в исполнение

решений МАК государственными судами означала бы, что государство уже вторично одобряет такие решения. Вероятно, для того, чтобы избежать подобной нелогичности, возможность осуществлять правосудие (по смыслу этого термина в современной Конституции РФ) и была передана государством МАК. Таким образом, в данном плане МАК была приравнена по статусу к государственным судам.

То, что МАК действительно в данном аспекте могла рассматриваться как имеющая статус, во многом аналогичный статусу государственных судов, следует и из статьи 76 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1968 г.: "Распоряжение начальника порта о задержании судна или груза по требованиям, перечисленным в статье 75 настоящего Кодекса, действительно в течение трех суток. Если в течение этого срока не состоится постановление суда или председателя Морской арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате о наложении на судно или груз ареста, они подлежат немедленному освобождению".

Подобного права придавать принудительную силу своим решениям не было у Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ. Но следует учитывать, что в то же время их решения являлись окончательными и обжалованию не подлежали. Правда, при этом для их реализации согласно пункту 1 статьи 339 ГПК РСФСР было необходимо обращение в народный суд первой инстанции за исполнительным листом, однако последний выдавался без каких-либо сложностей.

Тем самым создавалась особая система исполнения решений двух указанных третейских судов, в которой были свои собственные "сдержки и противовесы"[29].... Тем не менее, несомненно одно: решения МАК все-таки подлежали большему государственному контролю, чем решения Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ.

Соответственно, встает вопрос: коль скоро в 1993 г. Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" допустил обжалование решений и МКАС и МАК, то разве можно утверждать, что государство, поставив решения МКАС под больший контроль, отказалось от контроля над решениями МАК? Однако, именно это утверждает точка зрения о том, что пункт 4 статьи 339 ГПК сохраняет силу. Между тем, исходя из предшествующей логики, которой придерживалось отечественное право, ситуация в новых экономических и правовых условиях должна быть несколько иная: увеличивая свой контроль над решениями МКАС, государство неизбежно должно было увеличить контроль над решениями МАК или, по меньшей мере, не отказываться от него, а это могло быть достигнуто только за счет лишения председателя МАК права совершать надпись о вступлении решений МАК в законную силу.

**9.** Наличие пункта 4 статьи 339 в ГПК РСФСР объясняется обычным недосмотром законодателя, не искушенного в международном частном праве, а не какой-то преследуемой государством особой правовой целью.

Конечно же, можно указывать на то, что в ГПК РСФСР после вступления в силу Федерального закона "Об исполнительном производстве" изменения вносились уже три раза (Федеральным законом от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в законы и иные правовые акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального конституционного закона "Об арбитражных судах в Российской Федерации" и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[30], Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 90-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР"[31] и Федеральным законом от 4 января 1999 г. № 3-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР",

Гражданский процессуальный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР"[32]) и что при этом самым первым из них изменялась и статья 339 ГПК РСФСР (причем пункт 4 этой статьи остался неизменным). Более того, согласно статье 95 Федерального закона "Об исполнительном производстве" Правительство РФ должно было в течение двух месяцев со дня официального опубликования этого закона подготовить и внести в установленном порядке предложения о внесении изменений и дополнений в законодательство России в связи с принятием данного закона. Тем не менее, соответствующий проект был внесен в Государственную Думу Президентом РФ, причем, как уже упоминалось, только в марте 1998 г., то есть на несколько месяцев позднее указанного срока.

Однако, следует еще раз повторить, что никакого глубокого смысла во всем этом нет, а есть обычная неторопливость государственных властей и их невнимание к специфическим вопросам международного частного права.

А чтобы доказать это, необходимо сослаться на пункт 26 Инструкции Госналогслужбы РФ от 15 мая 1996 г. № 42 "По применению Закона Российской Федерации "О государственной пошлине"[33]. Он предусматривает: "*С подаваемых ходатайств об отмене решений Морской Арбитражной Комиссии при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации госпошлина взимается в порядке и размерах, установленных с кассационных жалоб на решения суда*".

При этом в данной Инструкции ни слова не говорится о МКАС или других международных коммерческих арбитражах, действующих в России, хотя статья 34 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" допускает возможность подачи ходатайства об отмене решения любого из таких международных коммерческих арбитражей. Кроме того, в самом Законе РФ "О государственной пошлине" подобной нормы никогда не имелось и сейчас не имеется. Не имелось подобной нормы и в ранее действовавшей Инструкции Госналогслужбы РФ от 13 марта 1992 г. № 5 "О государственной пошлине" (с изменениями от 27 августа 1992 г., 26 октября 1993 г., 9 декабря 1994 г.). Более того, и в СССР при обжаловании решений МАК государственная пошлина никогда не взималась[34]. Ввиду всех этих факторов крайне сложно понять, почему в Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 появился пункт 26.

Объяснение его появления может состоять только в том, что разработчики данной Инструкции знали, что согласно ранее действовавшим нормативным актам о МАК на ее решения сторона спора могла подать жалобу в Верховный Суд, в то время как решения Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ быть обжалованы не могли. Соответственно, по какой-то непонятной причине неведомый разработчик Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 решил связать с уплатой государственной пошлины подачу жалобы именно на решения МАК без учета того, что к тому моменту уже действовал Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже", согласно которому МАК являлась не более чем одним из ряда других международных коммерческих арбитражей.

Еще более интересно то, что, несмотря на такое указание Инструкции Госналогслужбы РФ № 42, Президиум Верховного Суда РФ в Постановлении № 30пв-97 решил, что "Ходатайство об отмене решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации подлежит оплате государственной пошлиной применительно к подп.8 п.1 ст.4 Закона Российской Федерации от 9 декабря 1991 г. "О государственной пошлине" (с изменениями и дополнениями)"[35].

Таким образом, согласно Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 размер государственной пошлины должен составлять 50 процентов от размера государственной пошлины, взимаемой при подаче исковых заявлений (жалоб) неимущественного характера, а по спорам имущественного характера — от размера

государственной пошлины, исчисленной из суммы, оспариваемой стороной или другим лицом, участвующим в деле (именно такая сумма установлена для пошлин с кассационных жалоб на решения суда пунктом 10 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" в его ныне действующей редакции, изложенной в Федеральном законе от 31 декабря 1995 г. № 226-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине"[36] с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине"[37]). Согласно же указанию Президиума Верховного Суда РФ размер пошлины должен составлять 15 процентов от минимального размера оплаты труда (подпункт 8 пункта 1 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" в его ныне действующей редакции, изложенной в Федеральном законе от 31 декабря 1995 г. № 226-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине" с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине"). При этом в данном подпункте 8 говорится, что он распространяется на оплату пошлиной жалоб *"на решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, иных организаций, должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан"*. Иными словами, МКАС предложено считать *"иной организацией"*, решения которой можно обжаловать.

Впрочем, совсем нельзя исключать того, что позиция Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 и позиция Президиума Верховного Суда РФ друг от друга не отличаются. Дело в том, что до вступления в силу Федерального закона от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине" вышеупомянутый пункт 10 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" являлся в такой статье пунктом 8. После же вступления указанного Федерального закона в силу такой пункт 8 стал пунктом 10, а пунктом 8 стал пункт 6 статьи 4. Коль скоро Постановление № 30пв-97 было принято Президиумом Верховного Суда РФ в 1997 г. и точная дата его принятия неизвестна, можно допустить, что это случилось до 21 июля 1997 г., то есть до того момента, когда вступил в силу Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О государственной пошлине". Если это так, то тогда Президиум Верховного Суда РФ, утверждая 6 мая 1998 г. обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. (по гражданским делам), данный нюанс не учел, и ссылаясь на подпункт 8 пункта 1 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине", в действительности имел в виду тот подпункт, который стал 10, но был 8, и который-то и имелся в виду в пункте 26 Инструкции Госналогслужбы РФ № 42.

Однако, в таком случе с позиций Президиума Верховного Суда РФ согласится невозможно[38]. Прежде всего, встает следующий вопрос: неужели для определения суммы государственной пошлины для оплаты ходатайства об отмене международного коммерческого арбитража следует сначала определить, какой была бы государственная пошлина, если бы спор рассматривался не международным коммерческим арбитражем, а судом общей юрисдикции?

Впрочем, исходить из ошибочности позиции Президиума Верховного Суда РФ не следует. Во-первых, последняя презюмироваться просто не может. Во-вторых, ходатайство об отмене решения международного коммерческого арбитража вполне можно считать жалобой *"на решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, иных организаций, должностных лиц, нарушающих права и свободы граждан"*. В-третьих, об этом же говорят содержащиеся в пункте 2 обзора судебной практики

Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. (по гражданским делам) слова *"Закона Российской Федерации от 9 декабря 1991 г. "О государственной пошлине" (с изменениями и дополнениями)* (выделение мое — М.А.): дело в том, что в статью 4 Закона РФ "О государственной пошлине" изменения вносились только Федеральным законом от 19 июля 1997 г. № 105-ФЗ. Никаких других изменений не было и Президиум Верховного Суда РФ, утверждая 6 мая 1998 г. обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. (по гражданским делам), не мог об этом не знать.

Соответственно, кто же тогда прав: Президиум Верховного Суда РФ или Госналогслужба РФ? Представляется, что первый: норма пункта 26 Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 не должна рассматриваться как действующая. И дело здесь не только в том, что в Законе РФ "О государственной пошлине" ничего специально не говорится об оплате пошлиной ходатайств об отмене решений международного коммерческого арбитража[39]: имеет значение еще и то, что в данную Инструкцию упоминание о ходатайствах об отмене решения МАК попало случайно.

Вместе с тем, нельзя не отметить и то, что Президиуму Верховного Суда РФ не следовало ограничиваться упоминанием об оплате пошлиной только ходатайств об отмене решений МКАС: в самом деле, ему следовало говорить об оплате пошлиной вообще всех ходатайств об отмене решений международного коммерческого арбитража. Иначе может получится абсурдная ситуация: согласно Президиуму Верховного Суда РФ ходатайства об отмене решений МАК должны оплачиваться пошлиной в одном размере, а согласно пункту 26 Инструкции Госналогслужбы РФ № 42 (если рассматривать его как действующий) ходатайства об отмене решений МКАС — в совершенно другом. При этом дополнительно будет еще непонятно, какой должна быть пошлина для обжалования решений других международных коммерческих арбитражей, действующих в России.

Сказанное является еще одним примером некоторой склонности российской правовой действительности к парадоксам.

Но это еще не все, и дело доходит буквально до смешного: в подпункте 8 пункта 2 статьи 399 проекта специальной части Налогового кодекса РФ[40], внесенного Правительством РФ и принятого Государственной Думой в первом чтении, предусматривается: *"государственная пошлина с подаваемых ходатайств об отмене решений Морской Арбитражной Комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации уплачивается в порядке и размерах, установленных с кассационных жалоб на решения суда"*. Ранее аналогичная норма имелась в проекте Налогового Кодекса РФ, внесенном депутатами Государственной Думы Ю.Н. Паршаковым и В.В. Жириновским[41].

Дальнейшие комментарии по этому поводу излишни.

**Некоторые предварительные выводы:** Таким образом, следует придти к выводу, что пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР в свете современного российского регулирования должен рассматриваться как недействующий по причине его явного и действительного противоречия позднейшему законодательству. Несмотря на всю свою историческую специфику, статус МАК сегодня не может быть в чем-то исключительным и не должен отличаться от статуса других международных коммерческих арбитражей в России, ввиду чего ее решения должны приводиться в принудительное исполнение при помощи исполнительных листов, выдаваемых государственным судом на основании таких решений по ходатайству заинтересованного лица.

Иными словами, в описанной выше истории в отношении вопроса о действии пункта 4 статьи 339 ГПК РСФСР Санкт-Петербургский городской суд и МАК были правы, а судья и судебный исполнитель Василеостровского районного федерального суда г. Санкт-Петербурга, а также Управление юстиции Санкт-Пе-

тербурга — нет. При этом следует особо отметить, что позиция последнего, как видно из его приведенного выше письма, состоит в том, что ГПК РСФСР якобы устанавливает для приведения в исполнение решений МКАС и МАК различные процедуры, и последние ни в коем случае нельзя отождествлять: в противном случае, при исполнении решения МАК будет иметь место не только нарушение процессуального законодательства, но и нарушение принципа публичного порядка. Любому, даже поверхностно знакомому с категорией *"противоречие публичному порядку"* в контексте международного частного права, понятно, что ничего общего рассматриваемый вопрос с этой категорией не имеет.

Прежде всего, пункт 3 статьи 339 нельзя отнести не только к нормам публичного порядка, то есть к тем положениям, которые выражают суть основ общественной и нравственной организации российского общества, но даже, как следует из вышеизложенного, к действующим нормам российского права. Кроме того, соответствующая норма пункта 1 статьи 35 "Признание и приведение в исполнение арбитражного решения" Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже", использующая понятие *"публичный порядок"* (*"1. В признании или приведении в исполнение арбитражного решения, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, может быть отказано лишь: ...*

*2) если суд найдет, что:*

*... признание и приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречат публичному порядку Российской Федерации"*), на самом деле имеет в виду вовсе не **процессуальные аспекты** решения вопроса о признании и приведении арбитражного решения в исполнение, но те, явно недопустимые с точки зрения господствующих в России основ правопорядка и нравственности, **материально-правовые итоги**, которые могут иметь место на территории России в результате признания и приведения такого решения в исполнение. Таким образом, Управление юстиции Санкт-Петербурга ошибочно отождествило понятие *"публичный порядок России"* с понятием *"процессуальное законодательство России"*. Между тем, как указала Судебная коллегия Верховного Суда РФ *"Содержание понятия "публичный порядок Российской Федерации" не совпадает с "содержанием национального законодательства Российской Федерации"*[42] (но только при этом данное высказывание нельзя понимать так, что публичный порядок России следует противопоставлять законодательству России: выражающие такой публичный порядок нормы и положения являются неотъемлемой частью данного законодательства, и иначе быть не может).

Впрочем, Управление юстиции Санкт-Петербурга совместно с судьей и судебным исполнителем Василеостровского районного федерального суда г. Санкт-Петербурга придерживались, очевидно, принципа формализма, который в сфере процесса действительно играет важную роль. При этом в российских условиях он имеет еще большее значение. Конечно же, положительным эффектом данный принцип обладает только в условиях отсутствия противоречий между нормативными актами. При наличии же таких противоречий он скорее играет разрушительную роль, и тогда единственным способом его нейтрализовать является умение правоприменительных органов использовать общие принципы права, глубоко анализировать действующее законодательство, руководствуясь принципом разумности и справедливости.

Между тем, российские правоприменительные органы и многие субъекты права таким общим принципам (включая *Lex posterior derogat priori* — Последующий закон отменяет предыдущий — *лат.*) и даже Конституции РФ предпочитают подзаконные нормативные акты. В связи с этим следует подчеркнуть, что пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР нашел закрепление в двух подзаконных актах: в уже упоминавшейся Инструкции об исполнительном производстве, утвержденной

Приказом Минюста СССР от 15 ноября 1985 г. № 22 "Об утверждении Инструкции об исполнительном производстве" (в России не отменявшейся), а также в действующих "Правилах безналичных расчетов в народном хозяйстве" от 30 сентября 1987 г. № 2, пункт 283 которых предусматривает: *"При взыскании средств на основании исполнительных и приравненных к ним документов взыскатели представляют в банк инкассовое поручение (0401001) со ссылкой на дату и номер исполнительного или приравненного к нему документа...*

*Поручения, основанные на приказах арбитража, решениях суда или исполнительных надписях, учиненных нотариусами, предъявляются при соответствующих подлинных исполнительных документах или их дубликатах. В исполнительных документах должно содержаться полное и точное наименование взыскателя и плательщика, размер взыскиваемой суммы, а также указано, с какого счета плательщика подлежит списанию взыскиваемая сумма. Решение или копия решения арбитража или суда не заменяет приказа арбитража или исполнительного листа.* ***Решения Морской арбитражной комиссии приводятся в исполнение, если они снабжены надписью председателя этой комиссии о вступлении решения в законную силу и оттиском печати"*** [43] (выделено мною — М.А.).

Соответственно, на практике нельзя исключать возникновение ситуаций, когда при попытке принудительного исполнения решения МАК судебный пристав или особенно банк потребует от взыскателя представления решения МАК и надписи председателя МАК о вступлении этого решения в законную силу. Чем это в итоге может кончиться для взыскателя, в свете вышесказанного объяснять излишне.

**Государственный суд, компетентный приводить в исполнение решения МАК**

Теперь необходимо выяснить вопрос о том, какой государственный суд компетентен выдавать исполнительные листы на основании решений МАК.

Как уже говорилось, Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" прямого ответа на данный вопрос не содержит: пункт 1 его статьи 35 ограничивается указанием на необходимость обращения в *"компетентный суд"* (*"Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36"*).

Соответственно, для получения ответа на интересующий нас вопрос следует обратиться к иным актам, прежде всего, к Федеральному закону "Об исполнительном производстве". Как уже упоминалось, его статья 7 предусматривает: *"1. Исполнительными документами являются:*

*1) исполнительные листы, выдаваемые судами на основании:*

*принимаемых ими судебных актов;*

*решений Международного коммерческого арбитража и иных третейских судов;*

*решений иностранных судов и арбитражей; ...".*

Однако, в этой статье используется общий термин *"суд"* и не указано, какой именно из государственных судов компетентен выдавать исполнительные листы на основании решений международного коммерческого арбитража и иных третейских судов. При этом из статьи 1 и пункта 3 статьи 6 этого же Федерального закона соответственно следует, что понятие *"судебные акты"* применимо к судебным актам как судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов, а понятием *"суд"* охватываются как первые, так и последние[44].

Таким образом, для получения более детального ответа необходимо, очевидно, обратиться к актам, регулирующим деятельность российских судов общей юрисдикции и государственных арбитражных судов[45].

Сразу же можно без труда обнаружить, что государственные арбитражные

суды не могут считаться компетентными рассматривать ходатайства о признании и приведении решений МАК в исполнение. По общему правилу, в соответствии со статьей 25 "Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров" государственные арбитражные суды обладают компетенцией выдавать исполнительные листы для принудительного исполнения решений обычных третейских судов для разрешения экономических споров: *"В случае неисполнения ответчиком решения в установленный срок исполнительный лист выдается арбитражным судом республики в составе Российской Федерации, края, области, города, арбитражным судом автономной области, автономного округа, на территории которых находится третейский суд"*. Однако, согласно статье 1 этого же "Временного положения" оно *"не распространяется на организацию и деятельность ... Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации"*[46]. Конечно же, слова *"организация и деятельность"* могут толковаться как не имеющие в виду аспект рассмотрения вопроса о признании и приведении решений МАК в исполнение, однако, такое толкование вряд ли будет правильным. Кроме того, в пользу недопустимости такого толкования свидетельствует позиция Высшего Арбитражного Суда РФ, выраженная применительно к МКАС и МАК в письме от 25 августа 1993 г. № С-13/ОСЗ-268 "В связи с принятием Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже": "*Признание и приведение в исполнение решений этих арбитражных учреждений производится общими судами*"[47].

Соответственно, государственный арбитражный суд если и сможет когда-нибудь получить компетенцию выдавать исполнительные листы для принудительного исполнения решений МАК, то это произойдет никак не ранее внесения изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ или же после принятия специального федерального закона о третейских судах в Российской Федерации[48] (впрочем, согласно имеющемуся на сегодня проекту федерального закона "О третейских судах в Российской Федерации"[49] он на международный коммерческий арбитраж не распространяется).

Таким образом, при помощи метода исключения остается предположить, что государственными судами, компетентными выдавать исполнительные листы для принудительного исполнения решений МАК, являются суды общей юрисдикции.

В пользу этого также свидетельствует пункт 1 статьи 339 ГПК РСФСР, в котором говорится, что исполнительными документами являются исполнительные листы, выдаваемые на основании решений Арбитражного суда при ТПП СССР (преемником которого является МКАС[50]). При этом очевидно, что данная статья не может не исходить из того, что исполнительные листы выдаются судами общей юрисдикции. Учитывая, что Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" устанавливает по общему принципу одинаковую процедуру признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража, следует признать, что исполнительные листы на основании решений МАК также должны выдавать суды общей юрисдикции.

Остается определить, какой это должен быть суд с точки зрения родовой (или, если так можно выразиться, "иерархиационной") и территориальной подсудности.

В приведенной выше истории МАК и Санкт-Петербургский городской суд исходили из того, что с точки зрения родовой подсудности таким судом должен быть суд первой инстанции. Представляется, что данная точка зрения является неправильной. Поскольку прямое регулирование данного вопроса в российском праве отсутствует, для поиска ответа на него опять-таки не остается ничего иного, как прибегнуть к аналогии закона и общим принципам.

Во-первых, согласно статье 6 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" судами, компетентными рассматривать вопрос об отмене решений

международного коммерческого арбитража, действующего в России, являются суды общей юрисдикции второй инстанции, а именно Верховный Суд республики в составе России, краевой, областной, городской суд, суд автономной области и суд автономного округа по месту арбитража. Было бы несколько странно, если бы вопрос об отмене решения МАК рассматривал Московский городской суд, а очень близкий к нему вопрос о признании и приведении решения МАК в исполнение рассматривался судом первой инстанции. Такое положение вещей совсем не содействовало бы единообразию судебной практики (которая сегодня в данной сфере насущно необходима) и в ряде случаев могло вести к ущемлению прав кредитора, в пользу которого вынесено решение. Что же касается прав должника, то они вряд ли бы нарушались рассмотрением вопроса о признании и приведении решения МАК в исполнение Московским городским судом: коль скоро должник оговорил компетенцию МАК, находящейся в Москве, и для защиты своих прав должен был в Москве присутствовать, для него не должно быть излишне обременительным посетить и Московский городской суд.

Во-вторых, следует сослаться на уже упоминавшийся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей". Его пункт 2 гласит: *"Вопрос о разрешении принудительного исполнения решения иностранного суда рассматривается по ходатайству взыскателя* ***Верховным Судом союзной республики (в республиках, не имеющих областного деления), Верховным Судом автономной республики, краевым, областным, городским судом, судом автономной области и судом автономного округа*** *по месту жительства (нахождения) должника, а если должник не имеет места жительства (нахождения) в СССР либо место жительства (нахождения) должника неизвестно, — по месту нахождения его имущества"* (выделение мое — **М.А.**). Данный Указ продолжает действовать в России в части, не противоречащей последующему законодательству, а его процитированный пункт 2 применим также и к исполнению решений иностранных арбитражей. Соответственно, он может быть применен к признанию и приведению в исполнение решений МАК по аналогии. В самом деле, было бы не совсем логично, если бы сегодня вопрос о приведении в исполнение решений иностранных международных коммерческих арбитражей рассматривали суды одной инстанции, а вопрос о приведении в исполнение решений российских международных коммерческих арбитражей — суды другой инстанции. По меньшей мере, это не соответствовало бы пункту 1 статьи 1 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже", согласно которому *"Настоящий Закон применяется к международному коммерческому арбитражу, если место арбитража находится на территории Российской Федерации. Однако, положения, предусмотренные статьями 8, 9,* ***35 и 36****, применяются и в тех случаях, когда место арбитража находится за границей"* (выделение мое — **М.А.**). Коль скоро понятие *"компетентный суд"* в статье 35 данного Закона, равно как и условия признания и приведения арбитражных решений в исполнение в статье 36 этого закона, используются по отношению к решениям международных коммерческих арбитражей, как иностранных, так и российских, то было бы логично, если бы таким компетентным судо de lege lata (с точки зрения действующего закона — *лат.*) был суд второй инстанции (конечно же, de lege ferenda — с точки зрения закона, принятие которого желательно — *лат.*), положение может быть и иное. Однако, в таком случае положение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 года № 9131—XI "О признании и исполнении в СССР решений инстранных судов и арбитражей" о компетентном суде должны будут утратить силу).

Что же касается аспекта территориальной подсудности, то, исходя из приведенных выше аргументов, можно утверждать, что именно Московский городской суд, а не какой-либо иной обладает компетенцией выдавать исполнительные

листы на основании решений МАК. Иными словами, компетенцией рассматривать ходатайства о признании и приведении в исполнение решений действующего в России международного коммерческого арбитража должен обладать суд общей юрисдикции второй инстанции по месту нахождения такого. Очень существенно то, что только в таком случае может быть обеспечено единство судебной практики по данному важному вопросу. Такое единство тем более необходимо в условиях, когда длительность широкомасштабного опыта признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража у российских судов насчитывает, по большому счету, еще только несколько лет. Равным образом, в данном случае по уже указанным причинам не нарушались бы права ни одной из сторон спора, по которому международным коммерческим арбитражем было вынесено решение. Ввиду этого предлагаемый Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей" критерий компетенции суда общей юрисдикции второй инстанции по месту нахождения должника или его имущества должен быть отвергнут. Наконец, можно указать и на то, что "Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров" также использует критерий компетенции государственного суда по месту нахождения третейского суда.

Таким образом, можно утверждать, что в приведенной выше истории МАК и Санкт-Петербургский городской суд правильно исходили из того, что пункт 4 статьи 339 ГПК РСФСР силу утратил, но в то же время неверно полагали, что выдавать исполнительные листы на основании решений МАК компетентен суд общей юрисдикции первой инстанции по месту нахождения должника или его имущества. Представляется, что на выработку такой позиции могла повлиять предшествующая практика выдачи исполнительных листов на основании решений Внешнеторговой арбитражной комиссии при ТПП СССР, Арбитражного суда при ТПП СССР и Арбитражного суда при ТПП РФ, когда такие листы выдавались народными судами первой инстанции по месту нахождения должника или его имущества.

Правда, все сказанное выше является наиболее верным применительно к тем случаям, в которых МАК, вынося решение, действовала как международный коммерческий арбитраж. Между тем, как уже неоднократно упоминалось, она может действовать и как обычный третейский суд для решения внутренних экономических споров. Однако, при этом упомянутое "Временное положение о третейском суде для разрешения экономических споров" на МАК, действующую в таком качестве, тем не менее, не распространяется. Представляется, что это правильно и применять это "Временное положение" к МАК, ввиду исторических и правовых особенностей последней, все же не следует. В то же время, не вызывает сомнений то, что каким-то образом двойная природа МАК должна быть в российском законодательстве учтена. Вплоть же до этого момента следует исходить из того, что выдавать исполнительные листы на основании решений МАК компетентен Московский городской суд.

## НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

На основании вышесказанного можно придти к заключению о том, что в российском праве, особенно в той его части, которая посвящена международному частному праву вообще и международному коммерческому арбитражу, в частности, содержится достаточно большое количество пробелов, неточностей и несуразностей.

В дополнение к уже сказанному по поводу последних можно указать еще и на отсутствие регулирования вопроса об уплате государственной пошлине в

отношении ходатайств о признании и приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража. Возможность подачи таких ходатайств, как уже говорилось, прямо установлена Законом РФ "О международном коммерческом арбитраже". Так вот, Закон РФ "О государственной пошлине" содержит норму о том, что с заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда подлежит уплата государственной пошлины в размере пятикратного размера минимального размера оплаты труда. Казалось бы, все хорошо — международный коммерческий арбитраж является третейским судом. Однако, все дело в том, что указанная норма содержится в пункте 2 статьи 4, который посвящен взиманию пошлины по делам, рассматриваемым государственным арбитражным судом. Между тем, как было показано выше, ходатайства о признании и приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража следует подавать в суды общей юрисдикции. Соответственно, не остается ничего иного как придти к выводу о том, что подобные ходатайства не подлежат оплате государственной пошлиной, равно как не подлежат оплате пошлиной и ходатайства о приведении в исполнение решений третейского суда, действующего согласно приложению № 3 к ГПК РСФСР. Впрочем, нельзя исключать того, что приведенная норма пункта 2 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" будет использована сторонниками взгляда о том, что компетентными рассматривать ходатайства о признании и приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража являются государственные арбитражные суды. Но даже если когда-нибудь Законом РФ "О государственной пошлине" и будет установлена государственная пошлина для оплаты ходатайства о признании и приведении в исполнение решения международного коммерческого арбитража, то очевидно, что она не должна отличаться от размера пошлины, установленной для оплаты заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейских судов других видов. Равным образом, если сегодня при подаче ходатайства о признании и приведении в исполнение решения МКАС, МАК или другого международного коммерческого арбитража заявителю будет предложено уплатить государственную пошлину, то последняя в любом случае не может быть выше пятикратного размера минимального размера оплаты труда.

Таким образом, прежде всего, речь должна идти о том, что все такие пробелы, неточности и несуразности следует как можно скорее исправить, даже если в действительности они затрагивают относительно небольшое количество участников правового оборота. Мелкие недостатки нормативного регулирования, будучи следствием пренебрежения законодательной власти правом, имеют свойство накапливаться в критическую массу, не говоря уже о том, что они либо мешают правоприменительной деятельности, либо по тем или иным причинам многократно увеличиваются последней.

Как бы бессмысленно это ни выглядело, следует еще раз призвать законодательную, исполнительную и судебную ветви власти к тщательности в решении правовых вопросов, особенно в сфере международного гражданского и торгового оборота, в которую вовлечен и международный коммерческий арбитраж.

Сказанное тем более актуально, если учитывать склонность российской правоприменительной практики к формализму и нередко проявляемое нежелание творчески решать возникающие проблемы.

Одним из конкретных средств достижения упомянутых целей мог бы стать специальный детальный закон о третейских судах в Российской Федерации, в котором особое внимание было бы уделено специфике различных видов таких судов, а также вопросу о приведении их решений в исполнение. Современное регулирование данных вопросов весьма далеко от совершенства и казуистично: деятельность различных третейских судов регламентируется отдельными актами,

принятыми в различное время и содержащими отличающиеся друг от друга нормы. Более того, принятый Государственной Думой в первом чтении проект Федерального закона "О третейских судах"[51] также далеко не совершенен и вызывает ряд вопросов.

Наконец, нельзя не упомянуть и о необходимости уточнения в какой-либо приемлемой форме (в том числе в форме истолкования высшими судебными инстанциями) Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" в отдельных его аспектах. Принятие этого Закона явилось для российского права крупным событием. Дело не только в том, что он регламентирует очень важный институт международного торгового оборота, с течением времени приобретающий все большую значимость. Значение данного Закона состоит еще и в том, что он был принят на основе типового закона ЮНСИТРАЛ (Комиссии ООН по праву международной торговли) о международном торговом арбитраже 1985 г. и является одним из инструментов унификации права международной торговли[52].

Вместе с тем, нельзя не признать, что некоторые положения данного типового закона были восприняты в российском праве по отдельным аспектам несколько механистически. Например, статья 35 "Признание и приведение в исполнение арбитражного решения" Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" дословно повторяет статью 35 типового закона ЮНСИТРАЛ, в том числе слова *"компетентный суд"*, так что в итоге в российском праве возникла неясность по поводу того, какой суд является компетентным для признания и приведения в исполнение арбитражных решений. При этом в статье 6 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" точно определены государственные суды, компетентные рассматривать вопрос об отмене решений международного коммерческого арбитража, действующего в России: ими являются суды общей юрисдикции второй инстанции, а именно Верховный Суд республики в составе России, краевой, областной, городской суд, суд автономной области и суд автономного округа по месту арбитража.

Вопрос о суде, компетентном рассматривать вопрос о признании и приведении в исполнение решений международного коммерческого арбитража, приобрел особую актуальность в последнее время, когда в России начала складываться конкурирующая судебная юрисдикция в сфере признания и приведения в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений[53]. Как известно, в России споры с участием иностранных лиц могут разрешать как государственные арбитражные суды, так и суды общей юрисдикции. Однако, при этом вопросы признания и приведения в исполнение иностранных решений по частноправовым вопросам рассматривали и рассматривают, исходя из содержания действующего законодательства, суды общей юрисдикции. Тем не менее, государственные арбитражные суды, получив в 1995 г. компетенцию рассматривать споры с участием иностранных лиц, теперь все чаще утверждают о наличии и у них компетенции рассматривать вопросы признания и приведения в исполнение таких решений (правда, только по экономическим спорам) и, более того, уже начали использовать этот подход на практике (в связи с этим, приведенная выше норма пункта 2 статьи 4 Закона РФ "О государственной пошлине" об оплате пошлиной заявлений о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда может приобрести новое, неожиданное звучание). Таким образом, ввиду того, что в каждом из данных двух видов судов может иметься собственное понимание проблем такого признания и приведения в исполнение, выбор российского суда того или иного вида может стать определяющим в успешности попытки добиться признания и приведения в исполнение в России конкретного иностранного решения.

Соответственно, коль скоро лишить государственные арбитражные суды компетенции рассматривать вопросы признания и приведения в исполнение

иностранных решений не только маловероятно, но и не необходимо, следует каким-либо образом разграничить компетенцию между этими двумя видами судов в данной области подобно тому, как их компетенция была разграничена в сфере разрешения споров. Но тогда возникает ситуация, в которой не обойтись без совершенствования Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже": иначе рассматривать вопрос об отмене всех без исключения решений международного коммерческого арбитража, действующего в России, будут суды общей юрисдикции второй инстанции, а рассматривать вопросы признания и приведения в исполнение таких решений смогут, в том числе, и государственные арбитражные суды. Допущение подобного отсутствия единообразия вряд ли можно приветствовать.

Можно упомянуть и о том, что, благодаря точно такому же, несколько механистическому подходу в использовании формулировок типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже применительно к российским условиям, теперь статья 28 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" формально допускает неограниченную "автономию воли" в коллизионном аспекте для субъектов, являющихся исключительно российскими, причем даже в том случае, когда в споре отсутствует какой-либо иностранный элемент: **1)** если стороны спора являются участниками российского предприятия с иностранными инвестициями (сравни пункт 2 статьи 1 данного Закона (*"В Международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться: ...*

*споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации")* с пунктом 1 статьи 28 этого же Закона (*"Третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора. Любое указание на право или систему права какого-либо государства должно толковаться как непосредственно отсылающее к материальному праву этого государства, а не к его коллизионным нормам"*). При этом такой пункт 2 статьи 1 данного Закона можно при желании толковать таким образом, что споры между исключительно российскими участниками российского предприятия с иностранными инвестициями с другими исключительно российскими субъектами права, причем никак с таким предприятием с иностранными инвестициями не связанными, также могут оказываться передаваемыми в международный коммерческий арбитраж, ввиду чего на основании упомянутой статьи 28 эти лица могут без ограничений заранее выбрать применимое к их отношениям право. Тем не менее, представляется, что такое толкование является неправильным. Кроме того, следует признать, что обращаться в МКАС для решения спора участники предприятия с иностранными инвестициями могут только в том случае, если их спор вытекает из отношений участия в таком предприятии); **2)** если спор возник из торгового мореплавания (сравни окончание первого предложения пункта 2 "Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации", являющегося приложением 2 к этому Закону (*"Морская арбитражная комиссия разрешает споры, которые вытекают из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающих из торгового мореплавания, независимо от того, являются сторонами таких отношений субъекты российского и иностранного либо только российского или только иностранного права"*) с уже приводившимся пунктом 1 статьи 28 этого же Закона).

Тем не менее, не следует считать, что российский законодатель намеревался допустить неограниченную "автономию воли" в коллизионном аспекте для внутрироссийского частноправового оборота (хотя в принципе ничто этому не

мешает при условии, что в таком случае иностранное право должно применяться только в части, не урегулированной обычными императивными нормами российского права. Однако, вряд ли такое допущение было бы разумным и необходимым). Соответственно, в правоприменительной практике следует исходить только из того, что неограниченная "автономия воли" в коллизионном аспекте допустима только для правоотношений с иностранным элементом и, следовательно, правило пункта 1 статьи 28 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" применимо только к таким отношениям. Иными словами, в ряде случаев у МКАС и МАК должна отсутствовать возможность применять иностранное право в рассматриваемом ими споре, даже если стороны на таком применении настаивают, ссылаясь на пункт 1 статьи 28 упомянутого Закона.

Наконец, следует упомянуть и о имеющемся в Законе РФ "О международном коммерческом арбитраже" противоречии между пунктом 2 его статьи 1 (*"В Международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться:*

*споры из договорных и других гражданско-правовых отношений..., если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон находится за границей, а также*

*споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации")* и пунктом 2 "Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации", в котором упоминается о том, что *"Морская арбитражная комиссия разрешает споры... независимо от того, являются сторонами таких отношений субъекты российского и иностранного либо только российского или только иностранного права"*. Очевидно, что круг субъектов, упоминаемых в первом случае, может не совпадать с кругом субъектов, упоминаемых во втором.

Представляется, что подобное положение является результатом недостаточно выверенных усилий по адаптированию формулировок типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже 1985 г. применительно к российским условиям, среди которых фигурирует исторически специфический статус МАК, более шестидесяти лет разрешавшей споры как между отечественными и иностранными субъектами права, так и исключительно между отечественными.

С течением времени подлежат приемлемому решению и вопросы, связанные с наличием у МАК как статуса международного коммерческого арбитража, так и статуса обычного третейского суда для решения внутренних экономических споров. На сегодняшний день недостаточно гибкое приспособление формулировок типового закона ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже применительно к российским условиям привело к тому, что сегодня МАК обладает весьма необычным статусом. Она является международным коммерческим арбитражем и в то же время обладает ипостасью обычного третейского суда для решения внутренних экономических споров. В последнем случае на нее, однако, не распространяется регулирование, применимое к полностью аналогичным третейским судам, но зато распространяются особые правила, регулирующие международный коммерческий арбитраж. Безусловно, статус МАК был уникальным на протяжении всей историии ее существования, но в то же время нельзя не признать, что такая уникальность была обусловлена спецификой советских реалий, уже прекративших свое существование. Стоять на месте невозможно, и когда-нибудь решать все эти вопросы будет необходимо, с какими бы сложностями разработки детального и особенного регулирования это не было связано. В противном случае, неизбежно возникновение тех или иных вопросов, один из которых может быть следующим: применим

ли Закон "О третейских судах" (в случае его принятия) к МАК, действующей в качестве обычного третейского суда для решения внутренних экономических споров?

Сказанное говорит о том, что использование во внутреннем национальном праве осуществленных на международном уровне рекомендательных разработок является, безусловно, полезным и необходимым, но в то же время не отменяет необходимости учета национальной специфики.

---

[1] *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*, 1993, № 32, ст. 1240.

[2] Там же.

[3] Утвержденным Постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 года № 3115-1 "Об утверждении Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров" (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 30, ст. 1790). Федеральным законом от 16 ноября 1997 г. № 144-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 47, ст. 5341) в текст Положения внесены изменения.

[4] *Пункт 2 Приложения 2 "Положение о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" к Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже" устанавливает:* "Морская арбитражная комиссия разрешает споры, которые вытекают из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающих из торгового мореплавания, независимо от того, являются сторонами таких отношений субъекты российского и иностранного либо **только российского** или только иностранного права" *(выделение мое — М.А.). Между тем, пункт 2 статьи 1 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже" предусматривает: "В международный коммерческий арбитраж могут по соглашению сторон передаваться:*

*споры из договорных и других гражданско-правовых отношений, возникающие при осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон спора находится за границей, а также*

*споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации".* Вполне понятно, что субъекты только российского права, упоминаемые в пункте 2 "Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации", могут и не являться предприятиями с иностранными инвестициями или их участниками, как того требует пункт 2 статьи 1 Закона "О международном коммерческом арбитраже", для того, чтобы спор мог быть передан в международный коммерческий арбитраж. В результате не остается ничего иного, как признать, что МАК может выступать в качестве обычного третейского суда для решения споров, возникающих во внутреннем российском частноправовом обороте.

[5] Пункт 2 Приложения 2 "Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации" к Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже" устанавливает: *"В Международный коммерческий арбитражный суд могут по соглашению сторон передаваться:*

*споры из договорных и иных гражданско-правовых отношений, возникающие при*

*осуществлении внешнеторговых и иных видов международных экономических связей, если коммерческое предприятие хотя бы одной из сторон спора находится за границей, а также*

*споры предприятий с иностранными инвестициями и международных объединений и организаций, созданных на территории Российской Федерации, между собой, споры между их участниками, а равно их споры с другими субъектами права Российской Федерации".*

[6] Более подробно об истории МАК см. работы: *Лебедев С.Н.* 50-летие советского морского арбитража. — Торговое мореплавание и морское право. Выпуск 10. — М., 1982, с.4-14; интервью с Лебедевым С.Н. (Законодательство, 1998, № 11, с. 2-5). Другая информация по данному вопросу может быть найдена при помощи статьи: *Лебедев С.Н.* Библиографический указатель публикаций, посвященных организации и деятельности Морской арбитражной комиссии (1931-1981 гг.). — Торговое мореплавание и морское право. Выпуск 10. — М., 1982, с. 67-76.

[7] Пункт 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 декабря 1987 г. № 8135-XI "Об Арбитражном суде при Торгово-Промышленной Палате СССР" устанавливал: *"Переименовать Внешнеторговую арбитражную комиссию при Торгово-Промышленной Палате СССР в Арбитражный суд при Торгово-Промышленной Палате СССР"* (Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1987, № 50, ст. 806).

[8] Постановление Верховного Совета РФ от 20 января 1993 г. № 4323-1 "Об Арбитражном суде, Морской арбитражной комиссии и диспашерах при Торгово-промышленной палате Российской Федерации" предусматривает: *"1. Установить, что Арбитражный суд, Морская арбитражная комиссия и диспашеры при Торгово-Промышленной Палате СССР продолжают свою деятельность при Торгово-промышленной палате Российской Федерации"* (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 5, ст. 159).

[9] Постановление Верховного Совета РФ от 7 июля 1993 г. № 5339-I "О введении в действие Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже" устанавливает: *"2. Переименовать Арбитражный суд при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации"* (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 32, ст. 1241).

[10] В переводе с латинского языка: *"для данного случая".*

[11] *Гражданское процессуальное законодательство.* Комментарий. — М., 1991, с. 577.

[12] Здесь и в последующих цитируемых документах сохранены, как правило, язык, стиль, орфография и пунктуация оригиналов. При этом такие документы по возможности приводятся максимально полно, однако, с учетом целей настоящей статьи. В частности, для целей соблюдения конфиденциальности наименования сторон не приводятся. Документы МАК приводятся с разрешения ее председателя.

[13] *Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР,* 1987, № 11. На сегодняшний день данная Инструкция фактически утратила силу в связи с принятием Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ "Об исполнительном производстве". Однако, формально опять-таки отменена она не была. Соответственно, можно считать, что сегодня она действует в части, не противоречащей указанному Федеральному закону.

[14] *Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик,* 1988, № 26, ст. 427.

[15] *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1997, № 30, ст. 3591.

[16] Так, пункт 1 статьи 1 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ Э "О судебной системе Российской Федерации" предусматривает: *"1. Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных, народных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия"* (Российская газета, 1997, 6 января; Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 1, ст. 1).

[17] *Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации.* Со вступительной статьей председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации профессора Яковлева В.Ф. — М., 1998, с. 2.

[18] Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[19] Не опубликовано. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[20] Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[21] *Собрание законодательства Российской Федерации,* 1998, № 9, ст. 1076.

[22] *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации,* 1993, № 10.

[23] *Собрание законодательства Российской Федерации,* 1999, № 19, ст. 2313.

[24] Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[25] Не опубликовано. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[26] Постановление ЦИК и СНК СССР от 17 июня 1932 г. "О Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате". — Собрание законодательства СССР, 1932, № 48, ст. 281; Пункт 1 "Положения о Внешнеторговой арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР", утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1975 г. № 1351-IX. — Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1975, № 17, ст. 269.

[27] Пункт 13 "Положения о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате СССР", утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1980 г. № 3062-X (Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1980, № 42, ст.868). Данное Положение утратило силу согласно пункту 4 Постановления Верховного Совета РФ от 7 июля 1993 г. №5339-I "О введении в действие Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже".

[28] Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 декабря 1930 г. — Собрание законодательства СССР, 1930, № 60, ст. 637.

[29] Следует еще раз повторить, что все сказанное в предыдущих трех абзацах является предположением автора настоящей статьи.

[30] *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1997, № 47, ст. 5341.

[31] *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1998, № 26, ст. 3010.

[32] *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1999, № 1, ст. 5.

[33] *Российские вести,* 1996, 11 и 16 июля.

[34] См., например, Постановление Совета Министров СССР от 29 июня 1979 г. № 648 "О ставках государственной пошлины" с последующими изменениями (Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик: 1979, № 20, ст. 122; 1987, №, 28, ст.100; 1989, №, 35, ст.161; 1990, № 7, ст. 35).

[35] Пункт 2 обзора судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 1998 г. (по гражданским делам), утвержденного Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 6 мая 1998 г. — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1998, № 9.

[36] *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1996, № 1, ст. 19.

[37] *Собрание законодательства Российской Федерации*, 1997, № 29, ст. 3506.

[38] См., например, работу: *Фалилеев П.* Надо ли платить госпошлину при подаче ходатайств об отмене решений Международного коммерческого арбитража? — Российская юстиция, 1997, № 12.

[39] Данное обстоятельство может давать основания утверждать, что такие ходатайства вообще не подлежат оплате государственной пошлиной. См., например, работу: *Фалилеев П.* Надо ли платить госпошлину при подаче ходатайств об отмене решений Международного коммерческого арбитража? — Российская юстиция, 1997, № 12.

[40] Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[41] Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[42] Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 сентября 1998 г. "Вывод городского суда о противоречии решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации публичному порядку Российской Федерации признан неправильным" (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1999, № 3).

[43] Цит. по: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[44] Соответственно: *"Настоящий Федеральный закон определяет условия и порядок принудительного исполнения судебных актов судов общей юрисдикции и арбитражных судов (далее — судебные акты), а также актов других органов, которым при осуществлении установленных законом полномочий предоставлено право возлагать на граждан, организации или бюджеты всех уровней обязанности по передаче другим гражданам, организациям или в соответствующие бюджеты денежных средств и иного имущества либо совершению в их пользу определенных действий или воздержанию от совершения этих действий"; "Неисполнение указанных в пункте 2 настоящей статьи требований является основанием для наложения судом общей юрисдикции или арбитражным судом (далее — суд) на банк или иную кредитную организацию штрафа в порядке и размере, определенных федеральным законом".*

[45] Вполне очевидно, что из всех российских государственных судебных органов только суды общей юрисдикции и государственные арбитражные суды могут обладать компетенцией рассматривать вопрос об исполнении решений третейских судов вообще и решений МАК, в частности. Другие государственные судебные органы, указанные в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ "О судебной системе Российской Федерации" (Собрании законодательства Российской Федерации, 1997, № 1, ст. 1), например, Конституционный суд РФ, конституционные (уставные) суды субъектов РФ, военные суды, такой компетенцией не обладают.

[46] *"Настоящее Положение не распространяется на организацию и деятельность Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации и Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации".* Преемником Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ является МКАС.

[47] *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации,* 1993, № 10.

[48] Пункт 2 статьи 7 Федеральный закон от 5 мая 1995 г. № 71-ФЗ "О введении в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, № 19, ст. 1710) устанавливает: *"Впредь до принятия федерального закона о третейских судах в Российской Федерации выдача исполнительных листов по решениям третейских судов производится в порядке, установленном Временным положением о третейском суде для разрешения экономических споров, утвержденным постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 24 июня 1992 года № 3115-1".*

[49] Не опубликовано. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[50] Пункт 4 "Положения о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации", являющегося приложением 1 к Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже".

[51] Не опубликован. См.: Справочная правовая система ГАРАНТ. Версия 4.07.

[52] *Howard M. Holtzmann, Joseph E. Neuhaus* A Guide To the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration. Legislative History and Commentary. — Deventer, Boston, The Hague, 1994.

[53] Подробнее см.: *Муранов А.И.* Проблема определения суда, компетентного рассматривать вопрос о приведении в исполнение в Российской Федерации иностранных решений по коммерческим спорам. — Московский журнал международного права, 2000, № 1.

*Статья поступила в редакцию в октябре 1999 года.*

# ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ: ПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Н.В. Приезжая*

Автономию воли сторон при выборе применимого права в процессе разрешения спора в значительной мере ограничивает принцип, согласно которому применение закона, выбранного сторонами, не может нарушать публичный порядок страны, где это применение должно осуществляться. Публичный порядок, связанный с местом арбитражного разбирательства или с местом исполнения решения, является тем пределом применимости иностранного закона, выбранного сторонами, который признается всеми правовыми системами.

Охрана основ всеми признанного устройства, мирового порядка и общественной морали свойственна как любому государству в отдельности, так и региональным и международному сообществам в целом. Статья 6 французского гражданского кодекса гласит, что "нельзя нарушать частными соглашениями общественный порядок и добрые нравы".[1]

Под публичным порядком понимается соблюдение государственных интересов. В широком смысле слова публичный порядок можно приравнять к законодательной политике, и, следовательно, под противоречием общественному порядку понимается все, что относится к противоправной деятельности, ограничению свободы, коммерческой деятельности и естественных или законных прав, все, что препятствует

* Аспирантка Московской государственной юридической академии.

правосудию или нарушает закон и все, что противоречит общественному устройству, и следовательно, недействительно и не должно исполняться. Вообще, под противоречием публичному порядку понимается противоречие основам государственного устройства, в том числе императивным нормам его законодательства, морали и общественной нравственности, на публичный порядок ссылаются, когда было нарушено право защиты одной из сторон. В принципе, любые императивные нормы нацелены на утверждение принципов, имеющих функциональное значение для правовой системы их происхождения, и могут рассматриваться как составляющие публичный порядок соответствующего государства.

Следовательно, принимая решение о том, что данный спор не может быть предметом арбитражного разбирательства, суды в определенной мере затрагивают вопрос публичного порядка, ибо императивные нормы, в том числе и нормы, регулирующие вопрос передачи отдельных категорий споров на арбитражное разбирательство, составляют часть публичного порядка государства. Многие правовые системы исключают подведомственность арбитражу споров о патентах, передаче ценных бумаг, о нарушении антимонопольного законодательства и другие.

По законодательству ряда стран недействительны оговорки, когда стороны подчиняют соглашение двум одновременно действующим правовым системам. Необходимо иметь в виду, что далеко не в каждой стране решение, вынесенное дружественным посредником, может быть исполнено. Так, согласно договоренности, достигнутой между чехословацким истцом и турецким ответчиком, спор между ними был разрешен "дружественным посредником" на основании выбранного сторонами применимого права, но в исполнении этого решения в Турции было отказано, т.к. турецкое законодательство признает только решения, вынесенные на основании закона, несмотря на тот факт, что обе стороны согласились на разрешение спора дружественным посредником.[2]

Общим условием осуществления автономии воли является запрещение сторонам совершать злоумышленный обход закона. Выбор закона не должен иметь единственную цель — исключить императивные нормы, применение которых к договору в противном случае было бы обязательным.

Публичный порядок выполняет две функции: защитную, защищающую от применения иностранного закона, который нарушает принципы публичного или частного права, общего для цивилизованных наций и выражающего объективную мораль и справедливость; и активную, позволяющую правоприменительному органу применять нормы национального права независимо от того, что законом, свойственным договору, является право иного государства.

Говоря о публичном порядке, можно выделить три уровня:

а) национальный публичный правопорядок;

б) публичный правопорядок сообщества;

в) международный публичный правопорядок.

Каждый международный и национальный суд и арбитраж должен уважать и придерживаться принципов публичного порядка разрешения

споров. Международный публичный порядок не ставит своей целью заменить право, которое окажется применимым, в конце концов, во многих случаях арбитраж не может точно определить применимое право. Определение "ordre public réellement international" (международный публичный порядок — фр.) не отличается ясностью. Можно сказать, что впервые публичный порядок был разделен на международный и внутренний Ф. Савиньи. Он вычленил, во-первых, императивные нормы, которые "вводятся только в интересах лиц, являющихся обладателями прав", а во-вторых, нормы, не только установленные в интересах отдельных лиц, но и покоящиеся на моральных основаниях или на "публичном интересе"[3].

Современная правовая теория рассматривает две концепции публичного порядка: позитивную и негативную. Негативная концепция предполагает, что публичный порядок выражается через неприемлемые средства самого иностранного закона, в связи с чем его применение может нанести существенный ущерб правопорядку страны. Такая концепция закреплена в законодательстве Германии, Австрии, Венгрии, КНР, Российской Федерации. Опираясь на негативную концепцию, судебные органы, определив, что применение иностранного закона противоречит публичному порядку, применяют соответствующую правовую норму страны суда.

Согласно позитивной концепции публичный порядок составляет определенную совокупность материально-правовых норм государства, которые в силу своей когентности устраняют действие норм иностранного права.[4] Позитивная концепция публичного порядка принята во Франции (ст. 6 ФГК). Эта концепция критикуется М.Х. Бабаевым[5] из-за ее противоречивости и несовместимости с практикой, поскольку, по его мнению, на практике реально применяется лишь негативная концепция. Тем не менее, представляется, что международный публичный порядок удобнее всего характеризовать именно с позиции позитивной концепции, ибо публичный порядок мирового сообщества составляют именно некие общие принципы правопорядка. Нет сомнений, что такие принципы международного права, как уважение прав суверенных государств, основных свобод человека, являются основными нормами, составляющими международного публичного порядка.

В связи с этим хотелось бы упомянуть известное решение арбитража при Международной Торговой Палате № 1110, вынесенное по спору между германской и британской фирмами.[6] В 1950 году правительство Аргентины пригласило ряд корпораций для участия в тендере на увеличение мощности электрической сети в г. Буйнос-Айрес. Ответчик — британская корпорация, имеющая офис в Аргентине, заплатила за участие в тендере 23 тысячи фунтов. В то время в стране правительственные договоры заключались не с теми, кто предложил наилучшие условия, а с теми, кто давал взятки соответствующим должностным лицам. Истец воспользовался услугами ответчика как посредника, хорошо знающего людей, связанных с данным вопросом. В результате истец "выиграл" тендер, истратив на "комиссионное вознаграждение" 10% от стоимости договора, тогда как мог заплатить 1-2% от стоимости

договора, если бы давал взятки самостоятельно. В 1955 году, в связи с изменением политического режима и отставкой прежних должностных лиц, истец стал персоной "non-grata" (неугодной — *лат.*). В 1957 г. британская корпорация опять участвовала в тендере, но более успешно, и в результате получила подряд на исполнение контракта на строительство электростанции в пригороде Буйнос-Айреса, стоимостью 4 миллиона фунтов стерлингов. Германская фирма потребовала 10% от стоимости договора, поскольку считала, что успехи ответчика обусловлены ее усилиями за 6 лет до этого. Стороны обратились в Суд при Международной Торговой Палате в Париже. Судьей по этому делу был назначен Гунар Лагрегрен. Когда вопрос был исследован, арбитр поднял вопрос своей компетенции, поскольку, несмотря на то, что обе стороны дали свое согласие на рассмотрение дела в арбитраже, рассмотрение спора, основанного на правонарушении, противоречило бы основным принципам международного сообщества. В решении было сказано: "Невозможно отрицать существование общего принципа права, признанного цивилизованными нациями, согласно которому договоры, серьезно нарушающие добрые нравы или международный публичный порядок, являются незаконными или, по крайней мере, не подлежащими принудительному исполнению, а поэтому не могут быть санкционированы судами или арбитрами."

Известный западный ученый профессор Голдман предложил, что международный публичный правопорядок в отношении международного коммерческого арбитража должен также включать в себя принцип соблюдения денежных обязательств.[7] В международных отношениях, в странах, основанных на доктрине "соблюдения договора", ссылаясь на этот принцип, отказываются признавать национализацию или конфискацию собственности иностранным государством до тех пор, пока не выплачено справедливое и адекватное вознаграждение.

Говоря о публичном порядке сообществ, в первую очередь, хотелось бы затронуть проблемы публичного порядка в таких региональных сообществах как СЭВ и ЕС.

Публичный порядок СЭВ в области арбитражного разбирательства был установлен такими известными документами как Московская Конвенция о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из экономического и научно-технического сотрудничества между хозяйственными организациями стран-членов СЭВ 1972 года и Объединенные правила арбитража 1975 года стран-членов СЭВ, содержащих унифицированные правовые нормы в области международного коммерческого арбитража. В соответствии с этими документами сам вопрос подведомственности и подсудности споров, вытекающих из внешнеэкономических связей, являлся составной частью публичного порядка.

Публичный порядок СЭВ характеризовался обязательной юрисдикцией арбитражей при торгово-промышленных палатах государств-участников Конвенции по месту нахождения ответчика при рассмотрении гражданско-правовых споров, возникающих между "экономическими организациями в области экономического и научно-тех-

нического сотрудничества в рамках Конвенции". Изменить это правило можно было только путем подчинения спора юрисдикции арбитражного суда при торгово-промышленной палате третьей страны, которая тоже является участником Конвенции. Решения таких арбитражных судов имели такую же юридическую силу как окончательные решения государственных судов этих государств. В исполнении решения могло быть отказано, если арбитражное решение вынесено судом, не имеющим соответствующей компетенции, предусмотренной Московской Конвенцией, при этом осталось неясным, что является приоритетным, если возникнет конфликт между публичным порядком СЭВ и национальным публичным порядком государства-участника. Статьи 85 и 86 Римского Договора, провозгласившего ЕЭС, учредили европейский публичный порядок, и национальные суды государств, теперь уже членов ЕС, применяя право ЕС, автоматически обращаются к публичному порядку Сообщества.

Изучение практики применения права Сообщества в Арбитраже при Международной Торговой палате показывает, что в, основном, эти споры, относятся к антимонопольному праву, и, в частности, к нарушению статей 85 и 86 Римского договора. Как следует из проведенного исследования, арбитры обращаются к антимонопольному законодательству ЕС при рассмотрении различных дел: антимонопольное законодательство ЕС применяется как арбитрами — гражданами ЕС, так и арбитрами из других государств, когда разбирательство имеет место на территории Сообщества и за его пределами, и даже в тех случаях, когда применимым правом является право государства, не являющегося членом ЕС. Тем не менее, кажется, что некоторые арбитры колеблются в отношении своих полномочий в этой области. Некоторые арбитры применяют антимонопольное законодательство без ограничений, а некоторые считают, что поскольку санкции за нарушение антимонопольного законодательства ЕС могут налагаться только судом, то такие споры неподведомственны арбитражу. Следует отметить, что нарушение публичного порядка ЕС, включающего, в частности, императивные нормы антимонопольного законодательства, по общему правилу препятствует рассмотрению дела в арбитраже, поскольку такие споры подведомственны исключительно судам государственным.

Все это видно из промежуточного решения по делу N 6106 (1990)[8], в котором юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством государства-члена ЕС, будучи ответчиком, возражало против подведомственности арбитражу спора между ним и истцом — юридическим лицом, находящимся под юрисдикцией государства, не являющегося членом ЕС. В споре, относящемся к соглашению о продаже акций третьей компании — производителю дисков, оспариваемое соглашение содержало оговорку об исключении конкуренции, в соответствии с которой продавец акций (ответчик) согласился не конкурировать с покупателем (истцом) или каким-либо из его дочерних предприятий в ЕС, США, Канаде и Мексике в течение пяти лет с даты заключения сделки по продаже акций. Арбитражное разбирательство было возбуждено покупателем, который, в частности, считал, что продавец не

соблюдал оговорку об исключении конкуренции. Ответчик в своем отзыве указал, что, во-первых, данное дело не подведомственно арбитражу, и просил арбитраж прекратить разбирательство, указав, что этот спор рассматривается в суде его страны.

Также ответчик заявил, что оговорка об исключении конкуренции противоречит положениям ст. 85 Римского договора. Арбитражный суд, состоящий из председательствующего — швейцарского арбитра и двух французских арбитров, обратился вначале к итальянскому праву, как к праву, применимому к договору, а затем к французскому, как к праву места суда. В соответствии как с итальянским, так и с французским правом арбитры вправе решить, что соглашение не противоречит статьям 85 и 86 Римского договора только в случаях, когда арбитры убеждены, что имеются нарушения, дело должно исключаться из подведомственности арбитражу. Следовательно, до момента принятия решения подведомственен ли спор о нарушении статей 85 и 86 Римского договора арбитражу, арбитры должны принять решение имело ли место такое нарушение. Изучив материалы дела, арбитражный суд пришел к выводу, что нарушений вышеназванных статей Римского договора не было, следовательно, спор может быть рассмотрен арбитражем, в противном случае, исходя из того, что за нарушение антимонопольного законодательства ЕС наказание может быть назначено только судом государственным, спор не был бы подведомственен арбитражу.

Во втором случае юридическое лицо ЕС (истец) возбудило дело о неподведомственности арбитражу одного из встречных исков ответчика — юридического лица не-ЕС[9]. Спор возник из лицензионного соглашения, в соответствии с которым истец выдал третьей стороне — юридическому лицу не-ЕС (не вовлеченному в разбирательство) лицензию, а последняя в свою очередь выдала лицензию ответчику (юридическому лицу не-ЕС). Лицензионное соглашение, подписанное истцом, ответчиком и третьей стороной, предусматривало, что ответчик может использовать технологию истца только в скандинавских странах.

Истец хотел расторгнуть соглашение о выдаче последующей лицензии, поскольку ответчик не соблюдал свои договорные обязательства. В арбитражном разбирательстве истец требовал возмещение убытков, а также возврат документов, переданным им ответчику. Ответчик отверг иск и выдвинул несколько встречных исков, один из которых основывался на том, что истец нарушил положения статьи 86 Римского договора. Ответчик указал, что истец вместе с его материнской компанией пытались занять доминирующее положение на рынке путем исключения из него ответчика. В промежуточном решении арбитражный суд, состоявший из трех арбитров, не граждан ЕС, с местом арбитража в Лозанне, указали, в частности, что возражения против иска возникли из нарушения ст. 86 Римского договора и, следовательно, дело неподведомственно арбитражу. Следует отметить, что хотя дело рассматривалось не гражданами ЕС, правом страны места арбитража было швейцарское (Швейцария не является членом ЕС), но, тем не менее, они были вправе рассматривать спор, вытекающий из нарушений статей 85 и 86 Римского договора, принимая во внимание законодательство и практику как

Швейцарии, так и ЕС. Основывая свое решение на положениях статьи 19 Закона Швейцарии о международном частном праве, арбитражный суд указывает, что следует также принимать во внимание некоторые другие нормативные акты, кроме тех, которые применимы к сущности спора. Было отмечено, что по швейцарскому праву вопрос подведомственности арбитражу вопроса антимонопольного законодательства сильно отличается от этого вопроса по праву ЕС, в соответствии с которым споры о наличии, действительности или прекращении международных картельных соглашений подведомственны арбитражу без ограничений.

На национальном уровне публичный порядок основывается на принципах международного публичного порядка и публичного порядка региональных сообществ.

В Германии в вопросах публичного порядка действующее законодательство разделяет внутренний и международный публичный порядок. Германское законодательство не содержит точного определения такой категории, которая исключала бы применение иностранного закона, если это противоречит добрым нравам и политике германского правительства (ст. 6 EBGB). Имперский суд Германии еще в 1918 г. дал свое толкование этой оговорки, констатировав, что к ней можно прибегать в тех случаях, когда различия между политическими и общественными взглядами, являющиеся основаниями для иностранного и германского закона, настолько значительны, что применение иностранного закона может подорвать устои германской политической и экономической жизни. Германский суд, как правило, признает и приводит в исполнение арбитражное решение, основанное на lex mercatoria (торговом праве — *лат.*), по крайней мере, когда применение определено автономией воли.

В Англии по делу Saxby vs. Fubbon 1909 г., 2 K.B. 208 (C.A.) судья Вильям заявил, что "для отказа в применении какой-либо нормы иностранного закона необходимо, чтобы такое применение противоречило основам морали, которая считается преобладающей в этой стране, независимо от статутного права". Английские суды не признают договор, если признание явится враждебным актом по отношению к дружественному государству, т.е. нарушит соблюдение принципа международной вежливости, или в соответствии с таким договором на какую-либо сторону будет возложена обязанность исполнить обязательство, которое было бы противоправным в месте его исполнения. Такой подход является традиционным для английской судебной практики, считающей подобное применение естественным следствием теории о "праве, свойственном договору", т.е. с учетом правил валютного законодательства, ограничения процентов по обязательствам, антимонопольного законодательства, аннулирования определенных долгов.

Российское законодательство придерживается весьма ограниченной концепции публичного порядка в контексте международного частного права. Основы гражданского законодательства 1991 года предусматривают, что иностранное право не применяется в случаях, когда его применение противоречило бы основам российского правопорядка (статья 158 Основ гражданского законодательства 1991 года), т.е. требуется,

чтобы само применение иностранного закона к конкретному случаю носило такой характер, который не может быть принят в рамках российского публичного порядка. В силу этого, при рассмотрении споров, вытекающих из внешнеторговых отношений, российскими государственными судами оговорка о публичном порядке применяется редко, в исключительных случаях. Статья 36 Закона РФ о международном коммерческом арбитраже предусматривает отказ в исполнении решения, принятого на основании lex mercatoria, по причине противоречия публичному порядку.

В Швейцарии, согласно закону о международном частном праве, отсылка к иностранному законодательству, сделанная в соответствии с указанным законом, включает все положения, которые по этому законодательству не могут быть исключены лишь по той причине, что такое положение носит публично-правовой характер (ст. 13).

Национальное законодательство всегда предусматривает право государственного суда по иску одной из сторон отменить решение арбитража или отказать в признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений в случае, если решение противоречит публичному порядку государства или спор не может быть предметом разбирательства по законодательству этого государства. Такие основания установлены в статьях 34 и 36 Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже", в разделах 68 и 103 (3) Закона об арбитраже Великобритании 1996 года, и т.д. Необходимо иметь в виду, что, ссылаясь на публичный порядок, может быть отказано в исполнении решения в любом государстве. Практически все внутригосударственные акты, устанавливающие порядок признания и получения разрешения на приведение в исполнение иностранных арбитражных решений, содержат в качестве обязательного условия предписание, которое сводится к тому, чтобы иностранное арбитражное решение не содержало положений, противоречащих общественному порядку. Основной международно-правовой документ, регулирующий данный процесс — Конвенция 1958 года, предусматривает в качестве одного из оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения противоречие признания и исполнения решения публичному порядку страны. Следует также иметь в виду, что ссылка на противоречие публичному порядку может быть использована на основании принципов международного частного права даже без специального указания в международных договорах.

Таким образом, ссылка на публичный порядок может быть использована национальными судами в двух случаях: в случае отмены решения арбитража и в процессе признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. Рассмотрим подробнее две эти ситуации.

Вступление решения арбитража в законную силу по законодательству государства, на территории которого оно было вынесено, является одной из предпосылок исполнения решения. Следовательно, передача на рассмотрение в арбитраж спора, который не может быть предметом арбитражного разбирательства, приведет к тому, что решение арбитража

утратит свою исполнимость. В последнее время нормативные акты ряда государств, регулирующие арбитражное разбирательство, предусмотрели право сторон, не являющихся гражданами или юридическими лицами, подпадающими под юрисдикцию государства—места проведения арбитражного разбирательства, исключать юрисдикцию государственного суда по вопросу отмены вынесенного арбитражного решения. Такая тенденция вызвана стремлением полностью исключить международный коммерческий арбитраж из-под юрисдикции национального суда государства — места проведения разбирательства.

Согласно традиционной концепции, арбитраж осуществляется в соответствии с законодательством места его проведения, и, следовательно, будет ограничен публичным порядком государства — места разбирательства.

С другой стороны, в современной правовой науке сформировался такой подход, который отрицает наличие lex fori в международном коммерческом арбитраже, т.е. наличие правовой системы, имеющей приоритет для арбитров, как это имело место многие годы. Согласно этой теории необходимо учитывать тот факт, что право, выбранное сторонами, должно применяться в полном объеме, включая императивные нормы. В последнее время арбитры все чаще принимают во внимание иностранные императивные нормы как фактическое обстоятельство, подлежащее оценке в соответствии с применимым правом, либо непосредственно применяют такие нормы. В соответствии со статьей 9 Резолюции Института международного права 1991 года "Выбранное сторонами право подлежит применению без ущерба для императивных норм права места арбитража, которые должны применяться в данной ситуации, независимо от права, применимого к договору"[10]. Следовательно, современная концепция транснационального публичного порядка предусматривает исключительное и полное применение избранного права, а также широкий подход к применимому праву, выбранному сторонами, т.е. включение всех норм, в т.ч. и социальных и экономических, с целью обеспечить такое применение закона, которое было бы аналогично его применению в стране, где оно существует, т.е. с учетом фактов и общественных условий, существующих в стране.

Применимое право безусловно должно соотноситься с публичным порядком места, где, возможно, придется исполнять вынесенное решение. Вначале хотелось бы обратиться к известному делу между пакистанским банком (ответчик) и индийской компанией (истец). Банк выдал гарантию, стороны, исходя из принципа автономии воли сторон, подчинили выдачу банковской гарантии индийскому праву. По выпущенной гарантии банк не заплатил, поскольку между Пакистаном и Индией началась война, и вступил в силу чрезвычайный пакистанский закон, запретивший производить какие-либо платежи в Индию. Индийская компания, в соответствии с достигнутым ранее соглашением сторон, обратилась в арбитраж. Местом разбирательства была Швейцария, арбитром по данному делу был избран профессор Пьер Лялив. В результате изучения материалов дела арбитр, основываясь на том, что применимым правом при разрешении спора является индийское и,

следовательно, пакистанский закон не отменил действительность гарантии, и, более того, поскольку противоправность исполнения не была установлена "законом, свойственным договору", не было оснований для освобождения гаранта от его обязательств, вынес решение, согласно которому пакистанский банк обязан был совершить выплату в соответствии с гарантией, несмотря на то, что закон его собственного государства не разрешал этого. При вынесении решения арбитр не принял во внимание императивные нормы государства, где решение должно было исполняться. Стоит ли говорить о том, что возможность исполнения такого решения в Пакистане равна нулю. И, следовательно, данное решение утратило одну из важнейших черт решения — его исполнимость.

Вопрос о том, противоречит ли признание решения публичному порядку, должен быть исследован в отношении публичного порядка государств, в котором ходатайствуют о признании. Момент, когда должно быть проведено исследование вопроса о соответствии, должен совпадать с моментом представления ходатайства о признании. Однако, может иметь место и такая ситуация, когда вопрос о времени будет решаться в соответствии с национальным законодательством. Определение по вопросу о соответствии решения публичному порядку не должно быть обязательно окончательным (в смысле невозможности изменения этого критерия в какое-либо другое время).

С другой стороны, когда в национальный суд обращаются с просьбой о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, в процессе рассмотрения такого ходатайства суд должен опять рассмотреть право сторон передать спор в арбитраж и возможность рассмотрения дела в арбитраже. Это правило не должно подлежать расширительному толкованию. Необходимо различать случаи, когда само решение противоречит публичному порядку (что не является законной причиной для отказа), и когда признание решения противоречит публичному порядку (что является законной причиной для отказа). В первом случае суд должен был бы пересматривать решение по существу, что запрещено, и делать это со ссылкой на публичный порядок государства исходного решения, т.е. делать то, что не имеют право делать суды другого государства. Статья 16 Римской Конвенции 1980 года гласит, что "отказ от применения права какой-либо страны, указанной в настоящей Конвенции, может последовать только, если такое применение явно не совместимо с публичным порядком места нахождения суда", т.е. не иностранный закон как таковой должен противоречить публичному порядку, а его конкретное применение в рассматриваемом споре. Кроме того, противоречие публичному порядку должно быть очевидным, а потому требующим специального обоснования в решении. Но, принимая во внимание все вышеизложенное, нельзя не отметить тот факт, что нельзя применить критерий соответствия публичному порядку, когда вопрос касается совместимости решения, вынесенного иностранным судом, и решения, вынесенного судом своего государства.

[1] Французская Республика: Конституция и законодательные акты. Под ред. В.А. Моршакова. — М., 1989.

[2] ICC Awards, N 1525, Doc. N 410/1708, 15.02.69, discussed Supra, para 143. — Site *Julian D.M. Lew* "Applicable Law in International Commercial Arbitration" N. Y. 1978. p. 570.

[3] *Вольф М.* Международное частное право. — М.,1984. — стр. 188.

[4] Международное частное право. Современные проблемы. Под ред. Богуславского М.М. — М., 1994. — стр. 464—465.

[5] Там же. — стр. 465

[6] ICC Awards, N 1110, Doc N 410/1056, 15.01.63. — Site *Julian D.M. Lew* "Applicable Law in International Commercial Arbitration". N.Y. — 1978. p. 553.

[7] Site *Julian D.M. Lew* "Applicable Law in International Commercial Arbitration". N.Y. 1978. p. 540.

[8] International Commercial Arbitration in Europe. — ICC Publication N 537. — Paris, 1994. — p. 51—52.

[9] International Commercial Arbitration in Europe. — ICC Publication N 537./ Case N 6858. (1991). — Paris, 1994. — p. 40—41.

[10] *Мосс Джудитта Кордеро.* "Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража". — М., 1996. — стр. 64.

*Статья поступила в редакцию в апреле 2000 года.*

# МНОГОСТОРОННЕЕ СОГЛАШЕНИЕ ПО ИНВЕСТИЦИЯМ ПОЯВИТСЯ СНОВА

Кристиан де Б р и*

Под прикрытием конфликтов и кризисов, в бархатной тишине кабинетов вынашиваются планы между США, Европой и Всемирной торговой организацией (ВТО), нацеленные на устранение последних препятствий на пути свободной игры "рыночных сил" и на подчинение государств и народов безудержной экспансии транснациональных корпораций (ТНК). Учтя уроки поражения первой попытки навязать странам и народам Многостороннее соглашение по инвестициям (МСИ), деловые круги и технократы упорно стараются (и успешно) протолкнуть со второй попытки все тот же МСИ.

Еще при неостывшем трупе МСИ, положенном на полки Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), ультралиберальные доктора Джэкили (фантастические персонажи из романа Стивенсона) под руководством отставного вице-президента Европейской комиссии тетчеристского динозавра Леона Бриттена пытаются

*Обозреватель газеты "Монд дипломатик" (Париж, Франция).

клонировать нового монстра, радуясь тому, что из их бюретки выйдет новый Дракула 2000 года.

В большом секрете и в срочном порядке действуют две лаборатории с допуском туда только серых блуз и под безобидными вывесками: "Трансатлантическое экономическое партнерство (ТЭП)" и "раунд тысячелетия Всемирной торговой организации".

Первая из этих организаций была создана 16 сентября 1998 года и продолжает близкую англичанам и американцам идею растворения Европейского союза в зоне свободной торговли с Соединенными Штатами после первой неудачи в этом направлении в 1994 году. Следующая неудавшаяся попытка в этом направлении была осуществлена 11 марта 1998 года Европейской комиссией, предложившей пробирочный зародыш под названием Новый трансатлантический рынок (НТР), который был похоронен министрами иностранных дел Пятнадцати стран-участниц ЕС 27 апреля того же года.

Без предварительного мандата, как и в предшествовавших случаях, сэр Леон Бриттен вернулся в свою лабораторию по клонированию, чтобы создать новый вариант своего любимого детища. Детище это состоит из 27 страниц и называется рекомендациями Европейской комиссии "относительно переговоров по соглашениям по устранению технических препятствий на пути торговых обменов" между Европейским Союзом и Соединенными Штатами, сокращенный вариант которого был утвержден Советом и давал Комиссии право вести переговоры от имени стран-членов, а также Европейским Парламентом в сентябре и ноябре 1998 года, и результат обещает быть поучительным.

Под прикрытием устранения "технических препятствий на пути торговых обменов", среди которых числятся правила санитарной и социальной защиты, а также защиты окружающей среды, предусматривается "достичь общего соглашения, способствующего безусловному доступу на рынки всех секторов и всех видов поставок" товаров и услуг, включая здравоохранение и просвещение. Захват государственных секторов в этом плане не исключается. Государства и местные регионы обязаны, как это сказано на неподражаемом жаргоне Европейской комиссии, "дать объяснения по всем отклонениям от исполнения соглашений в форме отрицательной свободы", под чем подразумевается, что "соглашения, по которым ведутся переговоры, касаются как всего комплекса территорий договаривающихся сторон, независимо от их конституционной структуры, так и всех уровней власти". Обязательство ложится на плечи местных органов власти европейских стран, но не представляет никакой угрозы для Соединенных Штатов, так как в соответствии с Вашингтонским соглашением такие обязательства на отдельные штаты не распространяются.

Целью этих ухищрений является постепенная разработка минимально согласованных регламентаций "на базе рекомендаций предприятий", которые бы "создали для них новые рынки". И все это должно иметь форму "полюбовного соглашения", на которое можно положиться. Так как с самого начала авторы этой разработки тесно связаны с ТЭП, то ТНК оказывают в течение последних четырех лет очень большое влия-

ние на содержание проектов их соглашений благодаря сильному институциональному лобби в форме Трансатланик Бизнес Диалог (ТАБД), объединяющего сливки крупнейших корпораций обоих берегов Северной Атлантики, последняя из двухгодичных встреч которой состоялась в городе Шарлотта штата Северной Каролины в ноябре 1998 года.

Чтобы сбить с толку общественность, на скорую руку были сварганены такие организации, как Трансатлантик Консима Диалог, Трансатлантик Лабур Диалог и Трансатлантик Анвиронмент Диалог с целью ввести в заблуждение потребителей, профсоюзы и защитников окружающей среды и, конечно же, им всем предложили жесткие условия, разработанные деловыми кругами из ТАБД, которые и пальцем не пошевельнут, чтобы взять на себя какие бы то ни было обязательства, за исключением, скажем, кодекса хорошего поведения, но и то факультативного и без санкций.

В таких "рамках" переговоры ведутся в полнейшей тайне, чтобы не насторожить общественное мнение и чтобы петля ТНК на шею государств и народов была наброшена. Промышленные изделия, услуги, государственные рынки, интеллектуальная собственность и т.д. — в дюжине областей, шаг за шагом прорабатываются "соглашения о взаимном признании" (СВП), технические по форме, но политические по содержанию и имеющие целью ликвидировать протекционистскую защиту Европы, особенно в области продовольствия, окружающей среды и здравоохранения.

Как только то или иное СВП подписано, правительство обязано ликвидировать все противоречащее ему законодательство, а процедура такой работы уже хорошо отработала встречи "на уровне кабинетов для поддержки политического импульса" и между "старшими должностными лицами, к которым при необходимости могут присоединиться группы ad hoc или специализированные группы", которые с помощью консультантов деловых кругов решают все вопросы.

Как мы видим, переговоры ведутся в тени, без демократического контроля и подписать окончательный документ собираются в спешке, хотя ТЭП преследует те же цели, что и МСИ: кинуть к ногам капитала все стороны человеческой деятельности, без каких бы то ни было ограничений и препятствий, лишить Европейский союз, целые государства и местные регионы возможности вести самостоятельную политику — экономическую, социальную, культурную, по защите окружающей среды.

Однако, документ, подписанный на трансатлантическом саммите в Лондоне 18 мая 1998 года, имеет другую цель — установить Кондоминимум США — ЕС с целью навязать свою волю остальному миру, в особенности странам Юга, на переговорах в рамках Всемирной торговой организации. Необходимо также сказать, что война за захват и покорение мировых рынков транснациональными корпорациями с обоих берегов Атлантики, поддерживаемых правительствами, становится все более и более дикой, и ТНК не утруждают себя соблюдением законов. Примерами этого могут служить: американские экстерриториальные законы Хельмса-Бартоки и Д'Амато-Гильмана, противоречащие между-

народному праву; проигранная Европейским Союзом банановая война, превратившая Ломейские соглашения в клочок бумаги; атака на мясо с гормонами и генетически модифицированные организмы (ГМО), распространяемые в нарушение санитарных норм. Это только несколько свежих и преданных гласности примеров среди множества других.

Так, патронат американской фирмы по продовольствию Гроусери Мэньюфэкчерс оф Америка решил атаковать европейские нормативы по "экологическому этикетажу" и другие законы по защите потребителя, которые, по мнению патроната, "отражают местные культурные ценности и являются дискриминационными по отношению к международной конкуренции". Это как раз роль СВП, ведущегося в рамках ТЭП, и имеющего своей целью урегулирование всех конфликтов в пользу деловых кругов даже и в том случае, если речь идет о явном одурачивании Европейского Союза.

Будучи удовлетворенным работой своей первой лаборатории (ТЭП), ненасытный сэр Леон Бриттэн, вместо того, чтобы отправить текущие дела отставной Европейской комиссии, активно готовит успех своей второй лаборатории — Раунд тысячелетия. Задачей являлось превратить конференцию министров 131 страны-членов ВТО в огромный рынок глобализации, на котором будет осуществляться в перемешку торговля по устранению последних препятствий на пути движения капитала. К первоначально объявленной программе работы конференции — пересмотру соглашений, подписанных в Марракеше в 1994 году и касающихся сельскохозяйственной продукции, услуг, промышленной собственности, без предварительного объявления добавлялись государственные рынки, конкуренция, контроль товаров и... инвестиции.

По интеллектуальной собственности и сельскохозяйственной продукции целями являются: абсолютное соблюдение права патентования в области семеноводства, в особенности сои и трансгенетического риса, монополизированных крупными американскими фирмами, и жесткое лимитирование прав стран-членов на создание запасов по борьбе с голодом, предоставление иностранным фирмам тех же прав и возможностей, что и национальным фирмам, как на местном уровне, так и в региональном или общенациональном масштабе, с предоставлением в конечном счете льгот самой "совершенной" фирме. По конкуренции: снятие государственного контроля над иностранными фирмами, в особенности, в том, что касается их слияния с другими фирмами. По упрощению контроля над торговыми операциями (trade facilitation) в портах и аэропортах: чтобы ограничиваться проверкой одного образца или одного контейнера. По инвестициям: содержатся те же положения, что и в первоначальном проекте МСИ, за исключением арбитража.

Во всех сферах ТНК форсируют принятие решений с помощью ТАБД и Круглого стола европейских промышленников, к которым присоединился новый и активный лобби — Business Investment Network. Сиэтл превратили в "Манеж тысячелетия" ("Millenium Menu-So Round"), который Международная торговая палата активно рекламировала среди мировой общественности, а г-н Бриттэн в турне по Юго-Восточной Азии, чтобы убеждать строптивые страны — Индию, Пакистан, Индо-

незию... Но, поваленные кризисом и тесно зависимые от МВФ, большинство стран Юга оказали весьма слабое сопротивление. Кажется, что сценарий определен заранее, и в нем кондоминимум США — Европейский Союз заказывает музыку.

В этой работе сливается воедино как метод ведения переговоров, так и практика ВТО. Кондоминиум хотел бы, чтобы страны-участницы конференции подали список своих ходатайств, уступок и заявок на выступления. После чего Генеральный совет, исполнительный орган ВТО, за закрытыми дверями определит содержание и ход самой конференции. На многочисленных неформальных заседаниях, список участников которых нигде не публикуется, осуществится окончательная шлифовка проектов соглашений, к которой заранее присоединится молчаливое согласие наиболее слабых стран.

"Прозрачность", "дерегламентация", "либерализация", "открытие рынков", "хорошее управление" касаются только государств и простых граждан, а ТНК на себя таких обязанностей не возлагают. Никто не подал даже проекта международного соглашения с предложением положить конец беззаконию, которое постоянно творит ТНК в "деловых джунглях": секреты различных соглашений и картелей; демпинг и манипуляции переводными ценами; спекуляция и преступления посвященных в высшие тайны; финансовый криминал, уход от налогов и отмывание денег; шпионаж и пиратство; незаконная слежка, эксплуатация трудящихся и репрессии против профсоюзов; разграбление и приватизация национальных достояний; коррупция международных рынков и государственных аппаратов...

Таким образом, мы видим, что ничто и никто не мешает транснациональным корпорациям полностью завладеть планетой и подчинить человечество диктатуре капитала. Сами они, наиболее могущественные, почти исключительно сосредоточены в странах Севера (США, Канада, ЕС, Япония), находятся в стадии ускоренного слияния и концентрации, пользуются безоговорочной поддержкой преданных их делу правительств и международных организаций, имеют под своим контролем почти все средства массовой информации и коммуникации и встречают сопротивление только кое-где. На этом фоне они ведут яростную конкуренцию по захвату монопольного контроля над рынками. Подчинение народов неумолимой логике дохода является отныне единственной политикой крупных держав и контролируемых ими международных организаций — ОЭСР, МВФ и ВТО. Эта политика провоцирует ужасные и абсолютно безнаказанные опустошения: разрушение социальных структур народов, лишенных самых элементарных прав и обреченных на исход и вырождение, развал наиболее слабых государств, раздавленных политикой структурной перестройки и тяжестью внешнего и внутреннего долга, не способных гарантировать безопасность своим гражданам и обеспечить функционирование минимальных государственных служб. Результатом всего этого является возврат к варварству и к этническим конфликтам, многочисленные кризисы, ведущие к резкому падению уровня жизни и взрыву безработицы (в одной только Восточной Азии последний кризис выбросил на улицу 25 миллионов

человек); повсеместному росту неравенства и нищеты, включая и такие известные своим богатством страны, как Соединенное Королевство Энтони Блэйра.

Для подавления малейшей попытки сопротивления новым хозяевам мира ими разработана специальная доктрина и содержатся огромные полицейские и военные силы для использования как против криминальных элементов, рождающихся на почве нищеты, так и против строптивых государств. А не мешало бы хотя бы раз предстать перед "правдивой комиссией" преступникам постоянных экономических войн, которых мы наблюдаем выходящими украдкой из своих персональных самолетов и исчезающими в лимузинах с затемненными окнами.

Для спасения своих собратьев — пресытившихся воровских баронов, погоревших на спекулятивных фондах (скажем, на LTCM), новые хозяева мира за считанные часы находят миллиарды долларов, а для помощи в очистке питьевой воды для более чем одного миллиарда жителей планеты, от отравления которой ежедневно гибнут 25 тыс. человек, они не пожертвуют и десятой части. Кровавые диктаторы Ближнего Востока, Балкан и других частей света, для борьбы с которыми в гуманных целях нас постоянно призывают в самых изощренных выражениях, блекнут по сравнению с их ежедневными деяниями. "Вода — это жизнь!" — кричит дорогостоящая реклама концерна Вивенди-экс Дженераль, процветающего на мутной воде и обещающего за большие деньги чистую.

В срочном порядке организуется сопротивление этому силовому давлению транснациональных корпораций с использованием уже имеющегося опыта по провалу МСИ и в этих целях проводится координация международных усилий по сбору информации и совместных действий профсоюзов и других ассоциаций социального характера, депутатских запросов и распространению своей информации. Ближайшей целью является наложение моратория на все переговоры по торговле, установление контроля за деятельностью ТНК, создание международного экономического суда и "дератификация" уже подписанных соглашений. Нельзя терять из вида также необходимость проведения реформы Всемирной торговой организации, деятельность которой является постоянным нарушением фундаментальных принципов деятельности демократических государств.

*Статья поступила в редакцию в ноябре 1999 г.*

# Международное ядерное право

## ЯДЕРНОМУ ОРУЖИЮ РОССИИ — ПОЛВЕКА

В.Н. Михайлов*

Мы отметили полувековой юбилей события, сам факт которого в свое время официально замалчивался. Действительно, через месяц после того, как на Семипалатинском полигоне в Казахстане 29 августа 1949 г. прошли успешные испытания первой советской атомной бомбы — РДС-1**, было опубликовано Сообщение ТАСС, где проведение атомного взрыва в СССР отрицалось. ТАСС был уполномочен заявить: "В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов, ... которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств", — далее в Сообщении со ссылкой на заявление министра иностранных дел В.М. Молотова от 6 ноября 1947 г. говорилось: "Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 г.". Вот так! Не 49-й, а 47-й. Однако фактический, а не "советский" отсчет своего существования отечественное ядерное оружие (ЯО) ведет именно с августа 49-го года. В этом историческом факте отразилась вся сложность и драматичность той эпохи. Почему после крупнейшего триумфа отечественной науки, техники, промышленности, после блестящего завершения усилий сотен тысяч людей по всей стране, после ликвидации атомной монополии США об этом не только не было заявлено публично, но даже наоборот — на высшем государственном уровне в свет запускалась дезинформация? Что это — каприз, "секретомания", недомыслие? Нет, за всем этим стояла суровая действительность двойного бытия партии и народа.

Пример другой политики — это триумф и ликование народов Индии и Пакистана сразу после проведения ядерных подземных испытаний в этих странах в 1998 г.

Забыть прошлое — не иметь будущего. И поэтому можно ли забывать, что наша атомная проблема решалась в условиях не просто исторического "цейтнота", но и в условиях сильнейшей политической

*Академик Российской Академии Наук

** "Россия делает сама" — РДС, сокращение, придуманное И.В. Курчатовым для обозначения "изделия" — атомной бомбы.

конкуренции двух разных систем. Приходилось создавать информационную неопределенность всеми возможными способами—вплоть до дезинформирующих сообщений ТАСС. Озадачить Америку и весь мир неоднозначностью информации и тем самым еще раз показать всем мудрость Партии — вот что имело значение!

Кстати, И.В. Сталин так и не подписал решение о проведении первого ядерного испытания, ...на то был Л.П. Берия. Вождь всегда должен быть вне ошибок! Это — главное! Неудача стала бы роковой для многих участников всех рангов.

Во имя максимального ускорения сроков создания РДС-1 ученые-атомщики активно использовали в своей работе разведывательные данные, добытые за океаном. Мы выражаем героям разведки свои восхищение и благодарность. Очень подробная информация, полученная путем разведки, оказала важное влияние на успех дела.

А как же в этом отношении США? Да, они собрали весь цвет ученых со всего мира, включая английских, и разработанные в Англии данные атомного проекта. Но никакие разведданные не помогли бы нам, если бы общий потенциал страны (экономический, научно-инженерный, человеческий) уже не был бы подготовлен к решению этой грандиозной проблемы двумя предыдущими десятилетиями индустриального и культурного развития.

Отечественные физики уже перед войной имели ряд первоклассных научных центров в Москве, Ленинграде, Харькове и добились выдающихся результатов. Необходимо напомнить, что в Кавендишской лаборатории Резерфорда в Кембридже работали П.Л. Капица и будущий главный конструктор и научный руководитель первого нашего оружейного центра в Арзамасе-16, будущий академик Ю.Б. Харитон. Юлий Борисович даже проводил совместные исследования с будущим руководителем английской ядерной программы Дж. Чедвиком! А в 1937 г. в Париже в лаборатории Марии Склодовской-Кюри работала наша исследовательница Зинаида Васильевна Ершова (впоследствии начальник лаборатории по получению $^{239}$Pu для первой ядерной бомбы). В сентябре 1936 г. во Второй Всесоюзной конференции по ядерной физике в Москве приняли участие такие выдающиеся физики XX века, как Паули (Цюрих), Оже (Париж), Вильямс (Манчестер), Пайерлс (Кембридж). Так что наши ученые были мирового класса!

Думаем, интересно и полезно напомнить и о судьбе серии статей Я.Б. Зельдовича и Ю.Б Харитона о теории цепного распада урана. Две статьи были опубликованы в журнале "Успехи физических наук" еще в 1940 и 1941 гг. Третья — "Механизм деления ядер. Часть 11" — появилась в том же журнале только через сорок три года после написания!

В 1940 г. была создана Урановая комиссия при Президиуме АН СССР, и уже тогда академик Вернадский писал: "Работы по физике атомного ядра привели в самое последнее время к открытию деления атомов элемента урана под действием нейтронов, при котором освобождается огромное количество внутриатомной энергии". Замечательно то, что накануне войны Вернадский думал о мирном, а не военном значении

нового открытия и отмечал: "Это должно в корне изменить всю прикладную энергетику".

Первопроходцы атомного проекта делали могущественное оружие, но думали они о мире. И не могло быть иначе в стране, которая только что победила в войне, понеся колоссальные потери.

Среди тех, кто непосредственно работал над первой РДС в глуши заповедных среднерусских лесов и на Южном Урале, были и военные — генералы Н.Л. Духов, П.М. Зернов, Б.Г. Музруков, В.И. Алферов; будущие академики и генералы, а тогда капитаны Е.А. Негин и Е.И. Забабахин; были и сугубо гражданские люди — И.В. Курчатов, Г.Н. Флеров, Ю.Б. Харитон, Я.Б. Зельдович, К.И. Щелкин, Е.П. Славский, Н.А. Доллежаль, А.П. Александров; были и те, кто не носил погоны, но связал свою судьбу с делом обороны Родины еще до начала атомных работ — Д.А. Фишман, В.Ф. Гречишников и сотни других высококлассных ученых, экспериментаторов, конструкторов, технологов и рабочих.

Говорить о первом испытании можно лишь как о венце усилий героических и самоотверженных людей.

Владимир Федорович Гречишников успел много сделать как конструктор танковых дизелей, поработать над первой атомной бомбой, принять участие в создании первых термоядерных зарядов, стать одним из основателей Уральского атомного центра в Челябинске-70 (ныне Снежинск), стать лауреатом Сталинской и Ленинской премий, Героем Социалистического Труда. А в сорок один год (!) он скончался от разрыва сердца. Вот какой была цена первых атомных работ, когда спрессовывались не только производственные сроки, но и жизни людей.

Успех испытания РДС-1 означал не только рождение ЯО России. В этот августовский день получила аттестат зрелости новая комплексная отрасль отечественной экономики—атомная индустрия.

В менее чем пятилетний срок была проведена огромная работа. И самая краткая летопись этих дней вряд ли оставит равнодушным даже человека, далекого от науки и инженерных дел. Вот лишь три памятные записи.

5 ноября 1945 г. Л.А. Арцимовичем (Лаборатория № 2 АН СССР) на 60-т магните достигнуто обогащение урана до 12 — 15% и получено за сутки 70 мкг $^{235}U$. Что такое тонна и сутки — понятно любому. А микрограмм? Это — миллионная часть грамма! Почти невидимая пылинка — за сутки! И это было тогда большим достижением, хотя для бомбы требовались десятки килограммов $^{235}U$ с обогащением до 90%!

В ноябре того же 45-го года Чирчикский электрохимический комбинат довел месячный выпуск так называемой тяжелой воды до 28,4 кг (при плане 26 кг). Два с половиной ведра за месяц! Вот с чего начиналось то производство, которое уже через полгода должно было давать в месяц 150 т важнейшего ядерного компонента.

Декабрь 1947 г. Три сотрудника Радиевого института Академии наук СССР — В.Д. Никольская, Р.Е. Картушева и М.Е. Кревинская — на пилотной установке № 5 (ВНИИНМ) получают 73 мкг плутония.

А в 1948 г. на этой же установке были накоплены две партии раствора плутония уже в 1,2 и 2,65 мг. Но до нужных килограммов было еще далеко.

Строились новые заводы в Сибири, на Урале, перепрофилировались старые заводы. "Атомная" география охватывала всю страну: Москва и Подмосковье, Украина, Казахстан, Ленинград, Нарва, Чепецк, Усть-Каменогорск, Горький, Сухуми...

В апреле 1947 г. было принято постановление о начале строительства полигона для испытания первой советской атомной бомбы — в ста с небольшим километрах от г. Семипалатинска. Как память о первых строителях полигона, начинавших здесь в морозы и пургу, на берегу Иртыша позже встал скромный обелиск. Атомщикам России приходилось быть скромными с любой точки зрения, потому что вся их жизнь проходила, так сказать, на "секретном листе".

1949 год стал решающим. В апреле на уральском комбинате № 817 (ныне Производственное объединение "Маяк") был получен первый королек металлического плутония массой почти в девять граммов (наконец-то — граммов!), и после этого началось нарастающее накопление плутония для первого заряда. Всего за 26 дней до испытания были получены необходимые килограммы плутония.

К концу июля закончилась подготовка полигона. И вскоре начался обратный отсчет времени — до 7 ч 00 мин 29 августа 1949 г. оставались считанные дни.

Как уже говорилось, гром тогда раздался лишь над казахстанской степью, а советский народ так ничего и не узнал о первом испытании атомной бомбы. И лишь 8 марта 1950 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР К.Е. Ворошилов объявил, что СССР обладает атомной бомбой. Однако, испытания в этом году (как и в 1952-м) не проводились вообще. В 1951 г. были проведены два испытания: 24 сентября и 18 октября — первое воздушное испытание, когда бомба РДС-3 перед подрывом была сброшена с самолета-носителя Ту-4. Программа 1953 г. включала 5 испытаний, а открывалась она 12 августа первым термоядерным взрывом в СССР — "сахаровским"— мощностью одного взрыва в двадцать Хиросим.

К этому времени в ядерном арсенале страны имелись, по сути, считанные единицы реальных боевых образцов ЯО. Однако главное было сделано — на планах атомной войны против России был поставлен жирный и решительный крест. А перед молодым ядерным оружейным комплексом встали новые задачи совершенствования оружия по всем направлениям: увеличение мощности, снижение габаритов и массы, эксплуатационная безопасность. Отечественные ядерщики теперь стремились уже не к слому атомной монополии, а к обеспечению ядерного паритета. Но основная цель при этом оставалась прежней—надежное обеспечение безопасности страны и укрепление глобального мира.

С той поры минуло полстолетия. Ядерные вооружения (ЯВ) стали постоянным фактором мирового общественного процесса. На штабных картах "отгремело" не менее трех ядерных "войн", где "использовалось"

не менее трех поколений ЯВ. Однако, огнем реального ядерного взрыва земля опалялась лишь на ядерных полигонах, площадь каждого из них — около 10 тыс. км$^2$.

Да, ЯВ развивались как орудие глобальной конфронтации, а иногда служили ее источником. И они же не позволяли (вспомним Карибский кризис) доводить конфликты до "горячей" фазы.

Однако, прошлое — это лишь база информации и опыта для перспективного анализа. Важно понять, какое место должны занимать ЯВ в жизни мирового сообщества и России в будущем? И есть ли им место в этом будущем вообще?

Историческая обстановка, в которой происходило развитие ЯВ, мало благоприятствовала объективному рассмотрению ядерных проблем. У нас и на Западе писали и сейчас много пишут и говорят о ЯО. И нередко вокруг него нагнетается атмосфера мистического страха и апокалипсических настроений. Вряд ли это тот подход, который является обоснованным после более чем полувекового глобального мира.

Гарантированная глобальная стабильность — вот итог прошедших пятидесяти лет! Важно отметить, что всегда было так: реально каждое новое оружие применялось. Но в случае ядерного оружия — по мере его развития и совершенствования, впервые в военной истории все яснее обнаруживались, с одной стороны, невозможность его практического использования, а с другой — все большая невозможность новой глобальной войны. И именно вследствие наличия ЯВ в военно-политических арсеналах великих держав.

Весной 1992 г. в "Российской газете" (7 и 8 мая) была опубликована программная статья "Ядерное оружие", где был дан общий взгляд на роль и значение ЯО в современном мире. Осенью 1992 г. одно из положений статьи было повторено в газете "Красная Звезда" в статье "Ракетно-ядерное оружие России необходимо и вполне по карману". В полувековую годовщину Первого ядерного испытания эта мысль все также актуальна и верна: "Ракетно-ядерное оружие — это действительно надежное средство обеспечения глобальной стабильности в обозримом будущем....Вне зависимости от того, противостоят ли в какой-либо области обладающие им государства".

В этой формуле определено основное: ЯО официальных ядерных держав (и оружие России, в частности) стало одним из ключевых элементов стабильного миропорядка. Сейчас все яснее очерчиваются военно-политические функции ЯВ великих ядерных держав как оружия не боевого, а "политического", как средства надежного исключения эскалации политической напряженности в крупномасштабные вооруженные конфликты. Да, ЯО функционирует в сфере военной, но смысл его существования — только в неприменении, только в недопущении глобального конфликта ни при каких обстоятельствах. Одновременно ЯВ России абсолютно гарантируют не только национальный суверенитет, но и вообще невозможность внешней агрессии против России. Последняя задача — и есть кардинальная оборонная задача Российского государства. И можно ли в свете последних событий отрицать, что это насущнейшая наша задача?

Первые полвека существования отечественного ЯО открывались славно и достойно. С конца августа 1999 г. начинаются вторые полвека его истории. И мы просто не имеем права скрывать от России, что начинаются они сложно и неоднозначно. С одной стороны, создаются новые образцы высокоточного обычного вооружения. Военно-техническая доктрина НАТО вошла в стадию специальных стандартов расширяемого связного интерфейса для создания сверхточного оружия на основе сверхвысокой производительности бортовых вычислительных комплексов (суперЭВМ) и освоения нанотехнологии в электронике и металловедении. Это оружие сегодня становится оружием наказания непослушных. Оружие империи XXI столетия! С другой стороны, от своих ядерных арсеналов не отказывается ни одно ядерное государство. В Соединенных Штатах и во Франции проведены масштабные мероприятия по модернизации национальных ядерных оружейных комплексов. Оптимизирует свои ядерные силы Великобритания, активно работает в ядерной сфере Китай. В мире появляются новые ядерные державы. А мировая политическая ситуация чревата новой нестабильностью, так как создаются новые технологии разработки и испытаний ЯВ на базе научно-технического прогресса: субкритические эксперименты на ядерных полигонах, суперЭВМ для математического моделирования сложных процессов развития и протекания ядерного и термоядерного взрывов, мощные лазерные, рентгеновские и гамма-установки. Все это основы новой технологии, технологии XXI столетия, в том числе стремление разработать ЯО реального применения сверхмалой мощности при высокой точности поражения цели боевым блоком.

У создателей ядерного оборонного щита Отечества сегодня не совсем юбилейное настроение. Вспоминается многое и крупное, но когда мыслями обращаешься в перспективу, то возникает чувство озабоченности и тревоги и за обычные и за ядерные вооружения, потому что при всей очевидности концептуальной стороны вопроса повседневная практика жизни российского военного и ядерного оружейного комплекса очень далека от того, что необходимо стране для спокойного взгляда в непростое будущее планеты.

За последнее десятилетие Россия столкнулась с рядом серьезных угроз самому существованию народа и государства. Вдвое снизился валовой национальный продукт. В глубоком упадке наука, образование и наиболее высокотехнологичные отрасли промышленности. Проводившаяся в жизнь десятилетиями политика государственного атеизма и разрушение системы традиционных для России ценностей привели к потере ориентации, духовному кризису и падению нравственности.

Сегодня велики угрозы невоенного характера — экономическое, информационное и культурное давление.

У всех нас вызывает глубокую озабоченность расширение НАТО на Восток, положение в других сопредельных с Россией и СНГ регионах.

По прогнозу, XXI век будет веком борьбы не столько идеологических

систем, сколько цивилизаций с опорой на религиозный фактор. Обостряется борьба за ограниченные ресурсы нашей планеты. Кризис, в котором сейчас находится Россия, имеет глубокий, многосторонний и долговременный характер. И на все это время необходима надежная защита России и СНГ от внешних угроз.

Наши вооруженные силы ослаблены настолько, что лишь ЯО, уже созданное великими трудами и жертвами всего народа, в современной ситуации является единственным эффективным средством обороны, гарантом обеспечения национальной безопасности.

Ядерное оружие способно обесценить боевые качества всех современных обычных систем вооружения.

Следует отметить, что в критической ситуации распада СССР и формирования принципиально новых структур управления Россией нам удалось сохранить ядерный оружейный комплекс и не допустить возникновения в нем каких-либо чрезвычайных ситуаций: обеспечить ядерную безопасность в условиях отмирания старых структур власти. И сегодня Российская Федерация является обладателем уникальных ядерных оружейных коллективов, технологий и производств. Мы можем с уверенностью утверждать, что наша система ЯВ по своим техническим качествам не уступает никому в современном мире. В настоящее время в сложнейших экономических условиях наши специалисты работают над решением важных проблем сохранения и модернизации ЯО в интересах обеспечения безопасности России.

Особое значение для мира будет иметь создание нового поколения ЯО сверхмалой мощности и с малым воздействием на окружающую среду. И не должно быть двусмысленности в том, что такое оружие может быть реально применено в любом случае масштабного военного конфликта с использованием обычных вооружений или средств массового поражения в целях уничтожения государства или в целях существенного ухудшения условий жизни его народа.

Мы должны адекватно ответить на вызовы таких технологий будущего.

Тревожит и то, что нередко ядерные оружейные проблемы остаются за пределами общественного внимания в России, в лучшем случае, появляясь на его периферии. А российские ЯВ заслуживают самого пристального, заинтересованного и конструктивного общенационального отношения к себе.

Осознание важности ядерного военно-политического аспекта обеспечения интересов Российского государства должно стать той общей платформой, от которой не откажется ни один ответственный политический деятель. В этом утверждении нет милитаристского оттенка — за ним весь российский геополитический опыт. В различные исторические эпохи у разных социальных слоев населения могли быть и были различные, и даже антагонистические, интересы, но оборонный интерес России во все времена все в нашем Отечестве понимали в общем-то одинаково.

Ядерное оружие — единственный вид оружия, который после августа 1945 г. лишь развивался, но никогда уже более не применялся. Оно и

впредь не должно иметь права на реальное применение, однако, в обмен на право сдерживающего присутствия в мире. Ради этого мы сохранили ядерный оружейный комплекс России и сегодня приняли вызов по созданию новых технологий XXI века. И только тогда атаки на Хиросиму и Нагасаки будут оставаться первыми и последними ядерными атаками человечества в последней в его истории глобальной войне. Собственно, ради этого и решалась наша атомная проблема в израненной Великой войной стране. Ради этого жили и творили многотысячные коллективы и блестящие, выдающиеся умы. Ради этого дрожала земля Семипалатинского ядерного полигона августовским утром 49-го года.

Сейчас нас отделяют от этого часа уже полстолетия, но те чувства и стремления, которые двигали Первыми, не устарели и не поблекли. Их можно сформулировать просто: "Мир, спокойствие и процветание России и всем народам мира".

*Статья поступила в редакцию в октябре 1999 года из "Бюллетеня Центра общественной информации по атомной энергии".*

# ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОГО ДЛЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ

Е.С. Молодцова*

Регулирующая роль — основная роль права. В теории права она определяется как "регулятивная функция"[1]. "В системе функций права, — говорится в курсе "Общей теории государства и права", — главенствующее, определяющее место занимает регулятивная функция."[2] Под регулятивной функцией понимается установление позитивных правил поведения, организации общественных отношений[3], упорядочение общественных отношений, юридическое воздействие на них[4]. Таково специальное, юридическое понятие регулирования. Разумеется, что такое регулирование может осуществляться только при помощи юридических механизмов, прежде всего, — правовых актов. В международном праве регулирование, то есть упорядочение международных отношений в той или иной области, осуществляется с помощью норм международного права, которые облекаются, главным образом, в форму международных договоров или обычаев. В международном ядерном праве существуют договоры, которые регулируют вопросы безопасного для окружающей среды использования ядерной энергии. К таким договорам относятся Конвенция о ядерной безопасности 1994 года,

*Доцент кафедры международного права Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, подробнее об авторе см. в № 1 нашего журнала за 1997 год.

Объединенная конвенция о безопасности обращения с радиоактивными отходами и безопасности обращения с отработавшим топливом 1997 года, а также Конвенция об оперативном оповещении о ядерной аварии 1986 года, Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 года и Конвенция о физической защите ядерного материала 1989 года. В этом же ряду должны быть указаны договоры, на основании которых созданы и функционируют международные ядерные (атомные) организации. Одна из особенностей международного регулирования ядерной деятельности, безопасной для окружающей среды, состоит как раз в том, что в нем особую роль играют международные межправительственные организации — речь, прежде всего, должна идти об универсальном Международном Агентстве по Атомной Энергии (МАГАТЭ) и региональном Европейском Сообществе по Атомной Энергие (Евратоме). В их деятельности в этом плане проявляется, так называемая, нормотворческая[5] и регулирующая функция[6] международных организаций. Вместе с тем, документы, принимаемые международными организациями в процессе регулирования, могут иметь обязательную для Государств-членов силу, а могут и не иметь такой обязательной силы (то есть они могут не являться "правовыми актами"), и это заставляет обратиться к вопросу о том, в какой же мере такая деятельность международных организаций является нормотворчестовом и регулированием.

Авторы, исследующие проблему нормотворчества международных организаций, несколько по-разному определяют ее проявление, а также ее результаты. Так, профессор Шибаева Е.А., обозначив эту деятельность как "нормотворческая функция международных организаций в системе международно-правового регулирования", подразделяет ее на два направления: во-первых, это "заключение договоров с участием международных организаций", и, во-вторых, это "участие международных организаций в нормотворческом процессе государств"[7]. Ко второму направлению цитируемый автор относит: 1) принятие текстов многосторонних конвенций в рамках и под эгидой международных организаций и 2) принятие международных административных и технических регламентов[8]. При этом в рамках второго вида нормотворчества этот автор выделяет, во-первых, принятие собственно международных административных и технических регламентов, а, во-вторых, подготовку "технических норм (правил)" (ИКАО и ВОЗ), которые содержатся в международных стандартах и медико-санитарных правилах. Несмотря на то, что Е.А. Шибаева относит стандарты и правила к одному виду нормотворчества международной организации вместе с административными регламентами, она отделяет их от последних[9]. И дело здесь не только в юридической обязательности регламентов и необязательности стандартов — автор видит главное различие между ними в порядке подготовки и принятия[10]. Такая позиция, состоящая в разделении регламентов международных организаций и стандартов и медико-санитарных правил была воспринята не всеми авторами. Так, другой автор — Т.М. Ковалева, которая также относит так называемые "административно-регламентационные акты, издаваемые международными организациями" к проявлению нормотворческих полномочий (принятие

международной организацией нормоустановительных (нормосодержащих) постановлений)[11], вместе с тем, не разделяет регламенты и стандарты. Наоборот, она подчеркивает, что "для названия данной категории решений будет использоваться общее понятие <регламенты> *или* <стандарты>"[12]. При этом, очевидно, что она признает лишь терминологическое различие между регламентами и стандартами, объяснимое лишь традицией, сложившейся в данной организации[13]. Другой автор, Т.Н. Нешатаева, вообще все акты международных организаций называет резолюциями-рекомендациями и с очевидностью включает в этот круг документов кроме регламентов и стандартов еще и резолюции международных организаций[14] (вместе с тем, известно, что в рамках одной и той же организации принимаются резолюции-рекомендации (высшим или пленарным органом) и вырабатываются и издаются административные или технические регламенты, правила или стандарты, которые имеют свою собственную, отличную от резолюций процедуру[15]).

Нам представляется важным делать различия между регламентами и стандартами как разными актами международных организаций. Права Е.А. Шибаева, когда, говоря о регламентах (МСЭ и ВПС), она сравнивает их с международными договорами[16]. Действительно, и по процедуре принятия и по юридической обязательности регламенты очень похожи на международные договоры. То, что регламенты (МСЭ и ВПС) принимаются на административных конференциях, на которых представлены все Государства-члены, делает их сравнимыми с тем способом, каким принимаются тексты многосторонних конвенций, которые готовятся международным органом или в рамках международной конференции, а затем принимаются на сессии такой конференции всеми Государствами-участниками. Акт о принятии конвенции завершает процесс согласования текста. Конвенция открывается для подписания, которое может происходить прямо на конференции или после ее завершения до вступления документа в силу. Регламенты тоже принимаются на административных конференциях и тоже подписываются представителями соответствующих ведомств Государств-членов. Это последнее обстоятельство означает, по заключению Е.А. Шибаевой, непосредственное выражение воли Государства в акте подписания регламента. Этот вывод, по всей видимости, оспаривается Т.М. Ковалевой. Она считает, что раз международная организация обладает собственной правосубъектностью и собственной волей, то регламенты, принимаемые ею, могут быть только односторонним актом международной организации. Однако, представляется, что вопрос о правосубъектности и о собственной воле международной организации не делает административный регламент всего лишь односторонним актом международной организации. Действительно, на этапе выработки и представления регламента на административной конференции — это односторонний документ, в котором отражена только воля организации. Но будучи подписанным представителями Государств-членов, такой акт превращается в акт согласования воль Государств-членов, в котором присутствует также и воля международной организации. Поэтому такие акты очень близки к многосторонним конвенциям. Однако, различие между регламентом и международным

договором, на наш взгляд, все же есть. Оно заключается в следующем. Международный договор, наряду с международным обычаем — это основная форма существования норм международного права. В эту форму (так же как и в форму обычая) на протяжении длительного времени облекались те правилами, которые непосредственно регламентирует вопросы создания, действия и прекращения самих этих форм. Если регламент МСЭ является международным договором, то он должен подчиняться правилам, выработанным в международном праве, в отношении создания, действия и прекращения международных договоров. Однако, вряд ли это обстоит таким образом. Скорее, регламент — в плане таких вопросов, как выработка, исполнение и прекращение — будет подчиняться только тем правилам, которые содержатся в специальном, отдельно взятом договоре, а именно в Конвенции МСЭ или документах, принятых на ее основе. В этом, на наш взгляд, состоит существенное отличие регламентов международных организаций — МСЭ в данном случае — от международных договоров.

Стандарты, принимаемые международными организациями, отличаются от регламентов тем, что регламенты в известном смысле, как это определено выше, похожи на международные договоры, а стандарты не имеют такого сходства с международными договорами, даже несмотря на то, что среди них есть такие стандарты, которые носят обязательный характер — стандарты ИКАО применительно к полетам над открытым морем. Это последнее обстоятельство не делает даже такие стандарты похожими на международный договор, они все равно представляют собой односторонний акт международной организации. В этой связи встает вопрос о том, почему стандарты, принимаемые международными организациями, следует относить к нормотворческой и регулирующей функциям международных организаций, как это делает, в частности, такой автор, как Е.А. Шибаева.

Стандарт — это, прежде всего, технический норматив, определенное правило, которое не является автоматически обязательным для Государств-членов. В МАГАТЭ стандарты обязательны для применения только самим Агентством в его собственной деятельности. Вместе с тем, стандарты МАГАТЭ могут приобретать обязательный для Государств-членов характер, так как они предназначены для включения в национальное законодательство, как это предусмотрено, например, в рамках ИКАО и МАГАТЭ, или и в национальное законодательство и в международные соглашения Государств-членов. Поэтому они могут рассматриваться как подготовительный этап в создании нормы права, как своего рода полуфабрикат правовой нормы. Во-вторых, за стандартами следует признать и такое их важное предназначение, как "<...> создание *однообразных* норм и правил для регулирования отношений государств в специальных областях <...>".[18]

Следовательно, с учетом того, что стандарты предназначены для того, чтобы быть обращены в такие формы, которые означают обязательность содержащегося в них правила, за ними можно признать право на нормотворчество. Во-вторых, они являются проявлением регулирующей функции международной организации, так как направлены на создание *однообразных* норм и правил для регулирования отношений

государств в специальных областях. Оценивая значение стандартов в процессе регулирования, на наш взгляд, следует принимать во внимание также понятие регулирования в несколько более широком смысле, чем это следует из его специального, юридического значения. Такое обычное значение термина "регулирование" состоит в том, чтобы "упорядочивать, <...> направлять развитие, движение чего-нибудь с целью приведения в порядок, в систему"[19]. Стандарты, как представляется, не только упорядочивают техническую сторону проблемы, с которой связано их принятие, но и воздействуют в этом же духе "приведения в порядок, систему" в отношении развития нормотворчества в соответствующих областях.

**Заключение**

Главной особенностью регулирования природоохранных аспектов мирной ядерной деятельности является активное участие в этом процессе, наряду с Государствами, международных межправительственных организаций, которые осуществляют при этом свои нормотворческие и регулирующие функции.

---

[1] См. *Алексеев С.С.,* Проблемы теории права, Курс лекций в двух томах, Т. 1, Свердловск, 1972, С. 96—98, Общая теория государства и права, Академический курс в 2-х томах, Т. 1, Ответ. ред. *Марченко М.Н.,* М., С. 57-62.

[2] Общая теория государства и права, Академический курс в 2-х томах, Т. 1, Ответ. ред. *Марченко М.Н.,* М., С. 59.

[3] Там же.

[4] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, М., 1966, С. 5.

[5] См. *Шибаева Е.А., Поточный М.* Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. 2-е издание, перераб. и дополн. М., 1988. С. 76.

[6] Там же.

[7] *Шибаева Е.А.,* Право международных организаций, М., 1986, С. 106.

[8] Там же, С. 110-117.

[9] Там же, С. 114-117.

[10] Там же, С. 116.

[11] *Ковалева Т.М.,* Правотворчество межгосударственных организаций и его виды, Калининград, 1999, С. 10.

[12] Там же, С. 103 (сноска 249).

[13] Там же. Правда, при этом автор допускает неточности: в МАГАТЭ, например, не используется понятия "международные правила".

[14] *Нешатаева Т.Н.* Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании, М., 1998, С. 92.

[15] Это относится и к МСЭ (статья 8 Устава МСЭ предусматривает принятие "решений" Полномочной конференцией МСЭ, а статьи 4 и 54 — Административных регламентов МСЭ), и к ИКАО (статья 49 Чикагской конвенции предусматривает принятие "решений" Ассамблеей ИКАО, а статьи 54 — принятие стандартов и рекомендуемой практики Советом ИКАО).

[16] *Шибаева Е.А.,* Право международных организаций, М., 1986, С. 115.

[17] *Талалаев А.Н.,* Право международных договоров (в 3-х книгах). Действие и применение договоров, М., 1985. Венская конвенция о праве международных договоров, Комментарий, Составитель и автор комментариев *А.Н. Талалаев,* М., 1997.

[18] *Шибаева Е.А.* Международные организации универсального характера. *Шибаева Е.А., Поточный М.* Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. 2-е издание, перераб. и дополн. М., 1988. С. 130 (курсив добавлен автором).

[19] *Ожегов С.И.,* Словарь русского языка, Издание 18-е, стереотипное, М., "Русский язык", 1987, с. 585.

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 года.*

# Международное и внутригосударственное право

## СОГЛАСОВАНИЕ НОРМ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Б.Л. Зимненко*

В российской юридической науке широко признано, что международное и внутригосударственное право представляют собой самостоятельные нормативные системы, находящиеся в постоянном взаимодействии между собой.

Как справедливо отмечал профессор Е.Т. Усенко, "советская доктрина международного права исходит из того, что международное право и право внутригосударственное представляют собой две самостоятельные правовые системы, не подчиненные одна другой".[1] Профессор С.В. Черниченко подчеркивает, что "для нас важен принцип, а он достаточно ясен. Объективные границы международного права указывают на то, что международное право и внутригосударственное право — различные правовые системы, не имеющие примата одна над другой, действующие в различных плоскостях, в различных юридических измерениях".[2]

Самостоятельность указанных систем определяется объектом правового регулирования, субъектным составом, методом принуждения и создания правовых норм. Национальное право регулирует отношения, складывающиеся между субъектами внутригосударственного права. К примеру, в соответствии с Гражданским кодексом РФ Российская Федерация, ее субъекты, муниципальные образования в лице соответствующих органов, граждане и юридические лица являются субъектами гражданского права. В свою очередь, как отмечает профессор В.И. Кузнецов, "международное право является особой правовой системой, состоящей из принципов и норм, регулирующих отношения между ее субъектами".[3] Профессор Р.А. Мюллерсон подчеркивает, что "наиболее полным, по нашему мнению, было бы деление общественных отношений в зависимости от их связи с государством на

*Кандидат юридических наук.

три категории: 1) межгосударственные отношения; 2) международные отношения негосударственного характера; 3) внутригосударственные отношения... Если межгосударственные отношения регулируются нормами международного права, то сторонами последних двух являются субъекты национального права".[4]

Таким образом, международное и внутригосударственное право являются самостоятельными нормативными системами. Из указанного положения вытекает два важных вывода: а) внутригосударственный нормативный акт не может являться источником международного права; б) международный договор или обычай не являются источниками внутригосударственного права. Однако, то обстоятельство, что норма международного права не может непосредственно являться моделью для поведения граждан и юридических лиц, не означает, что международное право вообще не может оказывать регулирующего воздействия на внутригосударственные отношения. Нормы международного права могут быть использованы при регулировании отношений внутри государства, но это происходит исключительно при помощи национального права. Р.А. Мюллерсон указывает, что "международное право в целом, за исключением тех норм, которые адресованы международным организациям, осуществляется при содействии национального права".[5]

Следовательно, международное право может регулировать внутригосударственные отношения и, следовательно, применяться судебными органами только в том случае, если государство с помощью национального права санкционирует такое действие норм международного права. Государство тем самым наделяет нормы международного права юридическим свойством регулировать отношения между субъектами национального права.

Данный процесс происходит с целью согласования норм международного и внутригосударственного права. Как подчеркивает профессор С.В. Черниченко, сущность согласования "всегда одинакова: приведение государством своего внутреннего права в соответствие с международным с целью обеспечить выполнение предписаний, дозволений и запретов, установленных последним".[6]

Необходимо отметить, что российская юридическая литература неоднозначно именует процесс согласования норм внутригосударственного и международного права. Наиболее часто предлагаются следующие термины: "рецепция", "трансформация", "национально-правовая имплементация" или просто "имплементация". Практически все авторы понимают под этими наименованиями механизм осуществления (реализации) норм международного права. Р.А. Мюллерсон указывает, что "национально-правовая имплементация является способом реализации норм международного права".[7] Профессор А.С. Гавердовский отмечает, что "в международном праве для обеспечения понятия "осуществление" норм международного права широкое распространение получил термин "имплементация".[8] В.Г. Буткевич обращает внимание на то, что "трансформацию следует рассматривать прежде всего как юридическую форму связи двух систем права".[9]

Представляется, что процесс реализации норм международного права в порядке согласования международного и внутригосударствен-

ного права было бы логичным именовать национально-правовой имплементацией. Понятие имплементации (реализации) шире по объему и включает в себя как национально-правовую имплементацию, так и иные механизмы реализации международно-правовых норм, не связанные с согласованием норм международного и национального права. Трансформация является механизмом, благодаря которому нормы одной системы становятся нормами другой системы. Однако, согласование норм международного и внутригосударственного права может и не влечь за собой появление в национальном законодательстве новых внутригосударственных нормативных актов, а в праве — новых норм, к примеру, как это происходит в результате действия отсылочных норм (п. 4 ст. 15 Конституции РФ).

В настоящее время в отечественной юридической литературе также не сложилось однозначного мнения в отношении способов (форм) согласования. К примеру, С.В. Черниченко различает с точки зрения формы официальную и неофициальную трансформацию, а в отношении юридической техники — инкорпорацию, легитимацию и отсылку.[10] Л.Х. Мингазов отмечает, что "в практике государств используются различные способы и средства имплементации в форме отсылки, инкорпорации, трансформации".[11] Р.А. Мюллерсон пишет об инкорпорации и отсылке как способах согласования норм международного и внутригосударственного права.[12] А.С. Гавердовский замечает следующие формы имплементации норм международного права: рецепцию, инкорпорацию, отсылку.[13]

Представляется, что действующее законодательство РФ, как и практика, дает возможность говорить о двух основных формах (способах) согласования международного и внутригосударственного права: отсылке и инкорпорации.

Как справедливо подчеркивает Р.А. Мюллерсон, "когда государство принимает на себя международно-правовые обязательства, и нормы, содержащиеся в них, предполагается использовать при регулировании внутригосударственных отношений, то возможны два основных варианта помощи национального права... Государство может включить в свое национальное законодательство норму, которая отсылает субъектов внутригосударственного права к правовым моделям, сформулированным в нормах международного права. Этот способ согласования принято называть отсылкой. Второй возможностью является принятие государством норм национального законодательства. Так как в этой ситуации вводятся новые нормы внутригосударственного права, то этот способ именуют инкорпорацией".[14]

В соответствии с п. 3 ст. 5 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации" "положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты".[15] Следовательно, законодатель допускает положение, согласно которому на территории Российской Федерации возможно как непосредственное действие меж-

дународного договора, так и реализация международно-правовых норм посредством издания конкретизирующих внутригосударственных правовых актов. В первом случае подразумевается отсылка, а во втором — инкорпорация.

Правотворческая практика государств указывает на существование нескольких форм (видов) отсылок.

Отсылка может относится ко всему международному праву, к какому-либо виду источников международного права или к определенной категории норм международного права.

Конституция США предусматривает, что международные договоры являются частью права страны. В силу ст. VI Конституции США "все международные договоры, которые заключены или будут заключены от имени Соединенных Штатов, являются высшим правом страны".[16] Согласно ст. 55 Конституции Франции "международные договоры или соглашения, должным образом ратифицированные или одобренные, имеют силу, превышающую силу закона, с момента опубликования, при условии применения каждого соглашения или договора другой стороной".[17] В отличие от Конституций США и Франции, Конституция ФРГ объявляет частью права Федерации общие нормы международного права. Статья 25 Конституции ФРГ гласит "общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории".[18] Конституция Российской Федерации предусматривает составной частью правовой системы России международные договоры и общепризнанные принципы и нормы международного права.

Другая форма отсылки — к части (отрасли) международного права, регулирующей определенные отношения. В силу п. 2 ст. 7 Гражданского кодекса РФ "международные договоры РФ применяются к гражданским правоотношениям непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание внутригосударственного акта".[19]

Представляется, что возможно говорить также о двух категориях отсылочных норм: материальных и процессуальных.[20]

Как было выше показано, норма национального законодательства может объявлять международно-правовые нормы частью права страны. В этом случае можно говорить о материальных отсылочных нормах. Однако, норма, предусмотренная внутригосударственным правом, может быть направлена и на решение процессуального вопроса: нормой международного права или национально-правовой нормой надлежит руководствоваться правоприменителю при возникновении несоответствия между ними. Гражданский кодекс РФ содержит материальную и процессуальную отсылочные нормы. Кодекс о браке и семье РФ предусматривает только процессуальную отсылочную норму. В соответствии со ст. 6 Кодекса "если международным договором РФ установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора".[21]

Сущность отсылки состоит в указании национального закона на то, что отношения, возникшие или возникающие между субъектами наци-

онального права, должны регулироваться правовыми моделями, содержащимися в нормах международного права, тем самым происходит согласование.[22] Как справедливо подчеркивает А.С. Гавердовский, "такое указание закона отнюдь не может рассматриваться в качестве санкции на непосредственное действие норм международного права".[23]

Нормы международного права могут регулировать только межгосударственные отношения. Несмотря на то, что отношения между субъектами внутригосударственного права подпадают под регулирование международного права, данные отношения не становятся межгосударственными.

Как было выше отмечено, профессор С.В. Черниченко рассматривает отсылку как вид трансформации. Однако, профессор Р.А. Мюллерсон подчеркивает, "отсылка во всех случаях не трансформирует нормы одной правовой системы или отрасли права в нормы другой системы или отрасли".[24] О какой трансформации может идти речь, если во внутригосударственной нормативной системе не появляется новых правовых норм? В силу известного конституционного положения российского законодательства международные договоры становятся частью именно правовой системы, а не внутреннего законодательства. Отсылка не создает нового внутригосударственного нормативного акта и новой нормы национального права, а наделяет положения, предусмотренные в источнике международного права, юридическим свойством регулировать отношения с участием субъектов национального права. В противном случае мы были бы вынуждены признавать международный договор, действие которого в рамках национальной нормативной системы опосредуется отсылкой, частью законодательства страны со всеми вытекающими последствиями.

С.В. Черниченко указывает, что "отсылка... к правилам международного договора не ведет к полному отражению во внутригосударственном праве, полному "копированию" всех элементов международно-правовых норм, закрепленных в договоре. Возникающая в результате норма внутригосударственного права не будет и не может быть полностью... внешне идентична "копируемой" международно-правовой норме".[25] Однако, если во внутригосударственном праве непосредственно происходит копирование международно-правовых норм и, следовательно, создание национальных норм, то в этом случае необходимо говорить об инкорпорации, а не отсылке. В результате отсылки не возникает самостоятельного внутригосударственного нормативного акта. Более того, Конституция РФ объявляет международные договоры и общепризнанные нормы частью именно правовой системы, а не права страны, тем самым отрицая какую-либо возможность появления в результате отсылки внутригосударственных норм. Таким образом, при отсылке отсутствуют какие-либо элементы трансформации норм международного права в нормы внутригосударственного права.

Отсылка может применяться при регулировании международных отношений негосударственного характера (гражданско-правовые отношения с "иностранным элементом"), а также чисто внутригосударственных отношений.[26] Представляется, что определение характера регулируемых отношений имеет значение для последствий применения

процессуальной отсылочной нормы. Что же происходит с законом, если правила международного договора противоречат правилам, содержащимся в законе?

Если договор регулирует международные отношения негосударственного характера, то правила договора необходимо рассматривать как специальную норму, а правила закона — как общую. Согласно общим принципам права специальная норма отменяет общую. В этой ситуации положения закона продолжают действовать, однако, в конкретной ситуации приоритет в применении отдается специальной норме, предусмотренной в международном договоре. Как справедливо отмечает профессор Т.Н. Нешатаева, "специальное правило международного договора рассчитано на конкретную ситуацию, конкретных участников правоотношения, ограничено во времени и пространстве и... не может претендовать на роль правил, изменяющих российское законодательство в общем порядке".[27]

К примеру, как следует из Венской конвенции о международной купли-продажи товаров 1980 года, указанная Конвенция применяется к отношениям сторон, находящихся в различных государствах. Купля-продажа товаров, как известно, определяется также нормами гражданского законодательства Российской Федерации, включая Гражданский кодекс. Однако, Гражданский кодекс РФ не содержит положений, специально регулирующих международную куплю-продажу товаров. В случае, если предметом судебного рассмотрения будет внешнеэкономическая сделка, действие которой было подчинено российскому праву, то суд обязан применить положения Венской конвенции, являющиеся специальными по отношению к нормам, предусмотренным гражданским кодексом РФ. При рассмотрении дела в порядке надзора Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что "арбитражный суд при разрешении спора, вытекающего из внешнеэкономической сделки, регулируемой по соглашению сторон российским правом, но отношения по которой подпадают под действие международного договора, участником которого является Российская Федерация, руководствуется в силу п. 4 ст. 15 Конституции РФ (ст. 7 ГК РФ) нормами международного договора. Вопросы, не урегулированные международным договором, регулируются российским правом".[28] Следовательно, в указанной ситуации правила договора не отменяют закон в буквальном смысле, а применяются согласно одному из общих принципов права: lex specialis derogat lex generalis (специальный закон отменяет общий — *лат.*).

Иная ситуация складывается, когда участники договора решили распространить регулирующие свойства положений, содержащихся в международном договоре, на внутригосударственные отношения.[29]

Здесь правила договора отменяют правила закона, которые не подлежат применению ни при каких условиях. К примеру, Женевская конвенция о простом и переводном векселе 1930 года содержит нормы, одной из целей которых является оказание единообразного регулирующего правового воздействия на отношения с участием субъектов национального права в рамках одного государства. Если внутренний закон содержал бы правила, отличные от положений Конвенции, то применению подлежали правила Конвенции, которые, в свою очередь, отме-

нили бы действие соответствующих норм закона. Необходимо подчеркнуть, что сам договор не может отменить закон, так как они являются источниками самостоятельных нормативных систем. Однако, национальное законодательство с помощью отсылки наделяет правовые модели, содержащиеся в договоре, свойством отменить тот или иной закон, противоречащий международно-правовым нормам. Может возникнуть впечатление, что нормы договора приводят к недействительности положений закона. Но действующее российское законодательство не допускает возможности признания положений, содержащихся в законе, недействительными. К примеру, Конституционный Суд РФ, установив, что положения закона противоречат конституционным положениям, признает соответствующие положения закона неприменимыми, но не недействительными.

Нельзя согласиться с мнением Р.А. Мюллерсона, утверждающего, что "было бы нецелесообразным применять отсылку к международному договору, когда речь идет о регулировании внутригосударственных отношений".[30] По его мнению, нормы договора, имеющие целью достижения определенного урегулирования внутригосударственных отношений, и режим, создаваемый нормами национального права для регулирования аналогичных отношений, полностью перекрывают друг другу, и, следовательно, их соотношение, в случае возникновения коллизии, должно подчиняться принципу: позднейший закон отменяет более ранний. Однако, как известно, данный принцип может привести к ситуации, когда государство с помощью принятия соответствующего внутригосударственного акта сможет освободить себя от международно-правового обязательства, что противоречило бы общепризнанной норме международного права, касающейся добросовестного выполнения обязательств по международному праву. Представляется, что неприменение материальной отсылки к международным договорам, имеющим целью урегулирование внутригосударственных отношений, не соответствовало бы духу Конституции РФ в целом и п. 4 ст. 15 Конституции, в частности.

Вторым способом согласования норм международного и внутригосударственного права является инкорпорация. Здесь на основе и во исполнение международно-правовых обязательств непосредственно издаются, изменяются или прекращаются внутригосударственные правовые нормы.[31]

В результате инкорпорации издаются внутригосударственные нормативные акты, которые становятся частью законодательства Российской Федерации. Эти акты содержат не нормы международного права, а нормы внутреннего права, созданные во исполнение международно-правовых обязательств России. К примеру, если суд применяет Положение о переводном и простом векселе, утвержденное Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 июня 1991 года,[32] изданное в полном соответствии с Женевской конвенцией о простом и переводном векселе, то в этом случае применяются правила, предусмотренные внутригосударственным нормативным актом, а не международным правом.

Как известно, договоры, предусматривающие только рамки, в пределах которых государства осуществляют внутригосударственное правотворчество с целью урегулирования отношений с участием субъектов

национального права, не могут применяться внутри страны посредством отсылки. Если нормы международного права позволяют определить содержание правоотношений, включая конкретные права и обязанности субъектов национального права, то такие нормы могут применяться посредством отсылки, в противном случае требуется издание конкретизирующего законодательства. Данное положение нашло отражение в праве России.[33]

Детальные правовые модели поведения, предусмотренные источниками международного права, могут с помощью отсылочной нормы национального права обладать свойством регулировать соответствующие отношения с участием граждан и юридических лиц. Необходимо иметь в виду, что отсутствие в международном договоре конкретных правил поведения, способных оказывать регулирующее воздействие на отношения с участием субъектов национального права, не означает, что данный договор не подлежит выполнению государственными органами. Согласно ст. 32 Закона о международных договорах РФ "Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации принимают меры на обеспечение международных договоров Российской Федерации".[34] Профессор И.И. Лукашук указывает, что "принимаемые меры могут включать в себя создание предусматриваемых договорами органов и организаций, выделение необходимых финансовых и материальных ресурсов, производство определенных работ, осуществление иных действий или, наоборот, воздержание от их совершения и др."[35]

Таким образом, государственные органы в пределах предоставленных им полномочий, наряду с принятием иных мер, направленных на реализацию международно-правовых обязательств, осуществляют инкорпорацию норм международного права, конкретизируя и адаптируя обязательства Российской Стороны к условиям правовой системы России.

Государства включают в международные соглашения детализированные правила поведения для того, чтобы они применялись и толковались единообразно во всех договаривающихся государствах. В этой ситуации необходимо применять отсылку как способ согласования. А.С. Гавердовский пишет, что "в форме инкорпорации во внутригосударственное право внедряются преимущественно различные технические, медико-санитарные, административные нормы, правила, регулирующие международные воздушные и морские сообщения".[36] Как известно, до принятия Конституции РФ 1993 года в законодательстве России отсутствовала общая материальная отсылочная норма, объявляющая международные договоры частью правовой системы нашей страны. Отсутствие такой нормы всегда требовало осуществления инкорпорации международно-правовых норм в законодательство нашего государства. Однако, в связи с принятием такой нормы в 1993 году отпала необходимость в инкорпорации детализированных норм. Безусловно, применение именно отсылки, как способа согласования международных и национальных норм, к конкретным, четким международно-правовым правилам ведет к более эффективной реализации Россией ее международных обязательств.

Профессор С.В. Черниченко понимает под "инкорпорацией" "фор-

мальное включение норм международного договора во внутреннее право государства посредством включения самого договора в его законодательство... По существу принимается новый закон или подзаконный акт, полностью внешне идентичный международному договору, повторяющей его название, структуру, формулировки".[37] Однако, если посредством инкорпорации принимается практически идентичный соответствующему источнику международного права внутригосударственный правовой акт, то для чего существует отсылка? Целесообразно ли в этом случае с точки зрения эффективности реализации норм международного права использовать именно инкорпорацию, а не отсылку?

Таким образом, инкорпорация норм международного права в законодательство России, наряду с отсылкой, является одним из важнейших способов согласования норм международного и национального права, заключающимся в издании государством внутригосударственных нормативных актов с целью реализации своих международно-правовых обязательств.

---

[1] *Усенко Е.Т.*, Советский ежегодник международного права, 1977, стр. 57.

[2] *Черниченко С.В.*, Международное право: современные теоретические проблемы, М., Международные отношения, 1993, стр. 110.

[3] Международное право, под ред. Колосова Ю.М. и Кузнецова В.И. М., Международные отношения, 1998, стр. 10.

[4] *Мюллерсон Р.А.*, Соотношение международного и национального права, М., Международные отношения, 1982, стр. 25.

[5] *Мюллерсон Р.А.*, см. там же, стр. 56.

[6] *Черниченко С.В.*, см. выше, стр. 26.

[7] *Мюллерсон Р.А.*, см. выше, стр. 56.

[8] *Гавердовский А.С.*, Имплементация норм международного права, Киев, 1980, стр. 49.

[9] *Буткевич В.Г.*, см. сноску 1, стр. 46.

[10] *Черниченко С.В.*, см. выше, стр. 132—146.

[11] *Мингазов Л.С.*, см. сноску 1, стр. 187—199.

[12] *Мюллерсон Р.А.*, см. сноску 4, стр. 58.

[13] *Гавердовский А.С.*, см. выше стр. 62—90.

[14] *Мюллерсон Р.А.*, см.выше, стр. 59.

[15] Собрание законодательства РФ, 1995, № 29, ст. 2757.

[16] Конституции зарубежных государств, М., 1992, стр. 35—36.

[17] Конституции зарубежных государств, стр. 92.

[18] Конституции зарубежных государств, стр. 152.

[19] Собрание законодательства РФ, 1994, № 32, ст. 3301.

[20] Отсылка является нормой права. Согласно общей теории права нормы права подразделяются на материальные и процессуальные (см. Венгеров А.Б., Теория государства и права, М., Новый Юрист, 1998, стр. 446). Материальная норма обеспечивает регулятивные и охранительные функции права. Процессуальная норма определяет процедуру применения материальных норм. Представляется, что данная классификация норм права дает нам возможность говорить о двух категориях отсылочных норм: материальных и процессуальных.

[21] Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 1, ст.16.

[22] К примеру, положения Венской конвенции о договорах международной

купли продажи товаров действуют и применяются в Российской Федерации к отношениям с участием субъектов национального права благодаря *отсылочной* норме Конституции РФ, а также отраслевой отсылке (ст. 7 Гражданского кодекса РФ).

[23] *Гавердовский А.С.*, см. там же, стр. 90. Необходимо подчеркнуть, что о непосредственном действии норм международного права можно говорить условно, принимая во внимание то обстоятельство, что государством в каждом отдельном случае не принимаются внутригосударственные инкорпорационные нормативные акты.

[24] *Мюллерсон Р.А.*, см. выше, стр. 61.

[25] *Черниченко С.В.*, см. выше, стр. 138.

[26] Ряд юристов-международников (к примеру, *Р.А. Мюллерсон*) подразделяют социальные отношения на три вида: а) межгосударственные отношения; б) международные отношение негосударственного характера (гражданско-правовые отношения с "иностранным элементом"); в) внутригосударственные отношения. Первый вид отношений регулируется исключительно международным правом. Второй и третий виды — национальным законодательством, однако, нормы международного права в известных случаях могут оказывать регулятивное воздействие на эти отношения.

[27] *Т.Н. Нешатаева,* Иностранные предприниматели в России. Судебно-арбитражная практика, М., 1998, стр.30.

[28] Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1998, № 4, стр. 38—56.

[29] В данной ситуации регулирующее воздействие норм договора может быть направлено одновременно как на внутригосударственные отношения, так и международные отношения негосударственного характера. К примеру, Женевская конвенция о простом и переводном векселе регулирует отношения, связанные с выдачей, передачей и погашением векселей. Однако, может возникнуть ситуация, когда векселедержатель и векселедатель будут находиться не в пределах одного государства, а в разных государствах. Это ведет к возникновению международных отношений негосударственного характера, которые также попадают под регулирующее воздействие норм указанной Женевской конвенции.

[30] *Мюллерсон Р.А.*, см. выше, стр. 67.

[31] К примеру, положения Женевской конвенции о единообразном законе о переводном и простом векселе 1930 года после присоединения СССР к данному международному договору были инкорпорированы во внутригосударственное законодательство с помощью принятия Постановления от 7 августа 1937 года "О введении в действие положения о переводном и простом векселе". Опубликовано: "Свод законов СССР", т. 5, ст. 586.

[32] См., Ценные бумаги. Нормативные акты и документы, М., Юридическая литература, 1994, стр. 68—85.

[33] Как было уже выше отмечено, в силу п. 3 ст. 5 Закона "О международных договорах Российской Федерации" "правила, содержащиеся в международных договорах и не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных правил международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты." Собрание законодательства РФ, 1995, № 29, ст. 2757.

[34] Собрание законодательства РФ, 1995, № 29, ст. 2757.

[35] Комментарий к Федеральному закону "О международных договорах Российской Федерации", М., 1996, стр. 93.

[36] *Гавердовский А.С.*, см. выше, стр. 81.

[37] *Черниченко С.В.*, см. выше, стр. 133—134.

*Статья поступила в редакцию в марте 2000 года.*

# Международно-правовые вопросы СНГ

## К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ЮРИСДИКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУДА СНГ ГОСУДАРСТВАМИ-ЧЛЕНАМИ СОДРУЖЕСТВА

Г.В. Симонян*

Государства-участники Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), придерживаются позиции, что интеграция в рамках СНГ должна носить экономический характер. В связи с этим первоочередным вопросом считается создание действенной зоны свободной торговли, а уж потом — переход к реализации других направлений, определенных Договором о создании Экономического союза от 24 сентября 1993 года.[1]

Многие ученые и политические деятели отмечают весомую роль Суда Европейских Сообществ в процессах создания и деятельности Европейских Сообществ. В рамках же Договора о создании Экономического союза основным юридическим органом по рассмотрению споров признан Экономический Суд СНГ (ст. 31 Договора).

В предыдущей статье были проанализированы проблемы, которые стоят перед Экономическим Судом СНГ и основные направления совершенствования его деятельности.[2]

На состоявшемся 3 декабря 1999 года заседании высшего коллегиального органа Экономического Суда СНГ — Пленума были обсуждены и одобрены основные направления реформирования Экономического Суда СНГ. На Пленуме вопрос участия государств-участников СНГ в деятельности Экономического Суда вызвал большой интерес и бурное обсуждение не только со стороны членов Пленума, но и приглашенных глав дипломатических представительств государств-участников СНГ, аккредитованных в Республике Беларусь, и постоянных полномочных представителей при уставных органах СНГ.

Вопрос в основном касался присоединения Азербайджанской Республики к Соглашению о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля

*Судья, Секретарь Пленума Экономического Суда СНГ из Еревана (Армения).

1992 года с оговорками. Азербайджанской Республикой, в соответствии с внутригосударственной процедурой, 8 октября 1996 года был принят Закон "О присоединении к Соглашению о статусе Экономического Суда Содружества Независимых Государств" с оговорками, который в установленном порядке был направлен депозитарию — Исполнительному Секретариату СНГ. Депозитарий, в свою очередь, уведомил государства-участники Соглашения о статусе Экономического Суда СНГ об этом и попросил сообщить об отношении их к сделанным оговоркам. Сформулированные оговорки касались Положения об Экономическом Суде СНГ и были следующими:

1. Не признавалась норма, касающаяся того, что споры рассматриваются Экономическим Судом СНГ по заявлению заинтересованных государств. Предлагалось эту норму исключить и добавить следующую норму: "В случае отказа одной из Сторон Экономический Суд споры не рассматривает". То есть получалось, что споры Экономический Суд СНГ будет рассматривать только с согласия сторон спора, и данная оговорка была аналогична оговорке, сделанной Республикой Молдова при подписании Соглашения о статусе Экономического Суда СНГ;

2. Не признавалось право Экономического Суда СНГ признавать толкование;

3. Не признавалось право нашего коллегиального органа Экономического Суда СНГ — Пленума принимать окончательное решение по жалобам, а предлагалась следующая редакция: "Государства-участники Соглашения, не согласные с решением Пленума Экономического Суда, а также в случае рассмотрения в Экономическом Суде споров, могут обращаться в Международный Суд".

По поводу последней оговорки естественно возникают некоторые вопросы. В случае если два государства согласились передать конкретный спор на рассмотрение Экономического Суда СНГ, какой смысл обжаловать это решение в международный суд. Во-вторых, о каком международном суде идет речь. Если это Международный Суд ООН, то он не примет дело к производству и не станет рассматривать по существу спор между этими же сторонами по тому же предмету. В-третьих, если решение Экономического Суда СНГ не удовлетворит одной из сторон спора, и она захочет обжаловать ее в международный суд.

Из восьми государств-участников Соглашения о статусе Экономического Суда Республика Таджикистан не возразила против присоединения Азербайджанской Республики к Соглашению с такими оговорками.

Республика Армения, считая нецелесообразным такое присоединение Азербайджанской Республики, одновременно сообщила, что в случае принятия этих оговорок Пленумом Экономического Суда СНГ она не будет возражать против присоединения.

Республика Беларусь, Российская Федерация и Республика Казахстан возразили против присоединения Азербайджанской Республики к Соглашению о статусе Экономического Суда СНГ с такими оговорками.

Экономический Суд СНГ, при подготовке вопроса на рассмотрение Пленума, направили копии материалов, касающихся присоединения Азербайджанской Республики к Соглашению о статусе Экономического Суда СНГ, в Институт государства и права Российской Федерации, в Институт государства и права Республики Казахстан и на кафедру международного права Белорусского государственного университета с просьбой дать по ним соответствующее заключение. При этом были поставлены следующие вопросы:

1. При каких условиях такая форма выражения согласия на обязательность для государства Соглашения, как "присоединение", может быть использована, и соблюдены ли эти условия в данном конкретном случае.

2. Каким образом возражения некоторых государств влияют на возможность участия Азербайджанской Республики в Соглашении с государствами, не возразившими против оговорки.

3. Какой правовой режим и между какими участниками Соглашения установлен с учетом оговорки, сделанной Азербайджанской Республикой.

4. Какие правовые последствия наступают при нарушении сроков, в течение которых государства должны выражать свое отношение к оговоркам Азербайджанской Республики по нормам Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года и Правилам процедуры Совета глав государств и Совета глав правительства СНГ.

5. Является ли Азербайджанская Республика участником Соглашения о статусе.

Полученные заключения не содержали единого мнения по поставленным вопросам. В лучшем случае на один и тот же вопрос совпадали два ответа, несмотря на то, что все они руководствовались положениями Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.

Пленум ограничился только обсуждением данного вопроса. Однако, всем стало понятно, что в СНГ существует проблема участия государств в различных договорах (с учетом сформулированных оговорок или без них). А данную проблему даже Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года решает только частично.

Это послужило поводом для поиска ответа на вопрос: какие государства-члены СНГ признали юрисдикцию Экономического Суда СНГ и каким образом могут разрешать возникшие экономические споры в Экономическом Суде?

Для ответа необходимо, в первую очередь, определить правовую основу создания Экономического Суда СНГ, формы и способы признания его юрисдикции государствами, при этом анализируя, главным образом, положения Устава и других актов СНГ, касающихся Экономического Суда, а также Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года.[3]

Основными правовыми документами, регулирующими создание и деятельность Экономического Суда СНГ, являются — Соглашение о мерах по обеспечению улучшения расчетов между хозяйственными

организациями стран-участниц СНГ от 15 мая 1992 года, Соглашение о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 года и Устав СНГ от 22 января 1993 года.[4]

Согласно статье 5 Соглашения от 15 мая 1992 года главы государств договорились "создать Хозяйственный Суд Содружества". Данное Соглашение подписали главы Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова, Республики Узбекистан, Российской Федерации и Украины. При этом Азербайджанская Республика, Украина и Республика Молдова подписали Соглашение с оговоркой об исключении именно статьи 5 Соглашения, которая касалась создания Суда.

Соглашением о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 года главы Республики Узбекистан, Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Армения, Киргизской Республики, Республики Казахстан, Республики Таджикистан и Республики Молдова установили статус Экономического Суда СНГ (образованного согласно статье 5 Соглашения от 15 мая 1992 года). Соглашением от 6 июля 1992 года было утверждено Положение об Экономическом Суде СНГ, установлена квота числа судей от государств-участников, определено долевое участие государств-участников по финансированию Суда. При этом Республика Молдова сделала оговорку по пункту 3 Положения, касающуюся передачи спора на рассмотрение Экономического Суда не на основе одностороннего заявления государств в Суд, а по взаимному согласию обоих спорящих государств.

Основным правовым документом, который положен в основу деятельности СНГ, считается Устав, принятый 22 января 1993 года решением глав государств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан. К данному решению в 1993 году присоединились Азербайджанская Республика и Грузия, а в 1994 году — Республика Молдова.

В соответствии со статьей 7 Устава государствами-членами СНГ являются те государства, которые приняли на себя обязательства по Уставу. По данным депозитария — Исполнительного комитета СНГ, Устав вступил в силу для вышеперечисленных десяти государств. Решение не подписано, и Устав не вступил в силу для Туркменистана и Украины.

В Уставе установлены цели и задачи СНГ, в том числе мирное разрешение споров и конфликтов между государствами (статья 3 Устава), перечень органов СНГ (раздел 6 Устава).

Устав СНГ дает возможность любому государству-члену СНГ заявить о своей незаинтересованности в том или ином вопросе (статья 32 Устава).

Статья 43 Устава СНГ за государствами-учредителями СНГ оставляет право при ратификации делать оговорки и заявления по разделу 3 "Коллективная безопасность и военно-политическое сотрудничество"; по разделу 4 "Предотвращение конфликтов и разрешение споров"; по разделу 7 "Межпарламентское сотрудничество"; по статьям 28, 30-33,

касающимся Координационно-консультативного комитета, Совета Министров обороны и Главного командования ОВС, Совета командующих пограничными войсками, Экономического Суда и Комиссии по правам человека.

Именно статья 32 раздела 6 Устава СНГ отразила роль Экономического Суда СНГ, цель его деятельности (обеспечение выполнения экономических обязательств в рамках СНГ), юрисдикцию (разрешение экономических споров, право толкования соглашений и иных актов СНГ по экономическим вопросам[5]), определила местопребывание (город Минск). По остальным вопросам функционирования Экономического Суда главы государств согласились, что "Экономический Суд осуществляет свою деятельность в соответствии с Соглашением о статусе Экономического Суда и Положением о нем, утверждаемым Советом глав государств" (часть 4 статьи 32 Устава).

При подписании Устава СНГ и его ратификации государства не использовали предусмотренные возможности статей 23 и 43 Устава. Только Республика Молдова в соответствии со статьей 43 Устава сделала оговорки, исключая абзац 4 статьи 4, статьи 11—15, 30, 31 Устава, касающиеся сотрудничества в области оборонной политики и охраны внешних границ, коллективной безопасности и военно-политического сотрудничества, Совета министров обороны и Главного командования Объединенных Вооруженных Сил, Совета командующих пограничными войсками.

В соответствии с нормами Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, изложенное позволяет нам сделать вывод о том, что Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Азербайджанская Республика, Грузия и Республика Молдова являются Участниками международного договора — Устава СНГ (подпункт g/ пункта 1 статьи 2 Конвенции) и согласились на обязательность для себя положений Устава СНГ (статья 11 Конвенции).

Исходя из принципа pact sunt servanda, что каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими выполняться (статьи 26 Конвенции), можно констатировать, что государства-участники Устава СНГ также согласились и признали положения статьи 32 Устава, касающиеся Экономического Суда СНГ, по четырем вопросам.

1. Государства-участники Устава СНГ (десять государств) согласились и признали, что Экономический Суд действует в целях обеспечения выполнения экономических обязательств в рамках СНГ (часть 1 статьи 32 Устава).

2. Государства-участники Устава СНГ (десять государств) согласились и признали юрисдикцию Экономического Суда (части 2 и 3 статьи 32 Устава). К ведению Экономического Суда СНГ было отнесено не только разрешение возникающих экономических споров, но и других споров, отнесенных к ведению Суда другими соглашениями государств-членов СНГ. Одновременно было признано право Экономического Суда

толковать положения соглашений и иных актов СНГ по экономическим вопросам.

3. Государства-участники Устава СНГ (десять государств) согласились и признали местопребывание Экономического Суда в городе Минске (часть 5 статьи 32 Устава).

4. Государства-участники Устава СНГ (десять государств) согласились и признали, что Экономический Суд осуществляет свою деятельность в соответствии с Соглашением о статусе Экономического Суда и Положением о нем (часть 4 статьи 32 Устава). Здесь можно подразумевать, кроме первых трех согласованных позиций государств, остальные вопросы деятельности Суда. К остальным вопросам деятельности Суда можно отнести порядок его формирования и структуру, иммунитеты судей, финансирование, бытовые и другие организационные вопросы, а также некоторые вопросы судопроизводства, которые должны быть урегулированы в соответствии с утверждаемым Советом глав государств Соглашением о статусе Экономического Суда и Положением о нем.[6]

Не менее важным вопросом являются также основы взаимоотношений: государств-участников Соглашения от 6 июля 1992 года друг к другу; государств-участников Устава СНГ друг к другу; государств-участников и Устава и Соглашения от 6 июля 1992 года, которые не подписали Соглашение от 6 июля 1992 года, с другой стороны.

Государствами-участниками Устава СНГ по вопросу, касающемуся Экономического Суда, последовательно были заключены два основных документа — Соглашение о статусе Экономического Суда Содружества от 6 июля 1992 года и Устав Содружества от 22 января 1992 года.

Круг государств-участников во втором документе шире — (десять государств), чем в первом — (восемь государств). Азербайджанская Республика и Грузия, не подписав первоначальный документ — Соглашение о статусе Экономического Суда СНГ, в последующем подписали Устав СНГ, не сделав оговорку по статье 32 Устава. Следовательно, круг государств, ранее признавших Экономический Суд в рамках Соглашения от 6 июля 1992 года, был расширен во взаимоотношениях с другими государствами-участниками СНГ и только в рамках статьи 32 Устава СНГ.

Пункт 4 статьи 30 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, регулируя вопросы применения последовательно заключенных договоров, относящихся к одному и тому же вопросу, устанавливает, что если не все участники последующего договора являются участниками предыдущего договора, то отношения между государствами регулируются следующим образом:

1) между государствами-участниками обоих договоров предыдущий договор применяется только в той мере, в какой его положения совместимы с положениями последующего договора;

2) между государством-участником только одного договора и государством-участником обоих договоров договор, где участвуют оба государства, регулирует их взаимные права и обязательства.

Данная норма Венской конвенции позволяет нам сделать вывод о том, что в отношениях между Республикой Армения, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан, Республикой Узбекистан и Республикой Молдова положения Соглашения от 6 июля 1992 года применяются в мере их совместимости с положениями статьи 32 Устава СНГ от 22 января 1993 года. А в отношениях между Азербайджанской Республикой и Грузией с вышеперечисленными государствами действуют только положения статьи 32 Устава СНГ, регулирующие их взаимные обязательства и права.

Определенного разъяснения требует и вопрос, касающийся формы и методов использования Экономического Суда как судебного органа СНГ при разрешении споров и осуществлении толкования со стороны государств-участников Устава СНГ, которые не подписали и не присоединились к Соглашению о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 года. Речь в данном случае идет об Азербайджанской Республике и Грузии, которые не имеют квоту судей в Экономическом Суде, не финансируют его, не признали односторонние обращения в Суд, порядок судопроизводства и исполнение решений Суда.

В первую очередь, необходимо учитывать суверенную и добровольную позицию государств-неучастников Соглашения о статусе Экономического Суда СНГ.

Если государство не является участником Соглашения о статусе Экономического Суда СНГ, то возникший спор с государством-участником Устава СНГ и Соглашения от 6 июля 1992 года должен рассматриваться в Экономическом Суде по двустороннему согласованному порядку. Это может быть отдельная согласованная сторонами процедура рассмотрения дела или согласованное признание Регламента Экономического Суда в качестве порядка судопроизводства. Регламент Экономического Суда предусмотрительно содержит отдельную главу 5 под названием "Согласительное урегулирование споров" (пункты 108-115 Регламента)[7]. Данная глава Регламента, обстоятельно не регулируя всю согласительную процедуру, дает только основные правовые подходы разрешения споров по примирительному производству.

Государства-участники Устава СНГ имеют возможность принять такой Согласительный Регламент Экономического Суда на уровне правительства или по согласованию с правительствами уполномочить Пленум Экономического Суда утвердить такой регламент.

К примеру, Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций принят Типовой согласительный регламент ООН для разрешения споров между государствами (резолюция 50/50 от 11 декабря 1995 года). Данный Регламент применяется к согласительному разрешению споров между государствами, когда эти государства дали свое прямое согласие на его полное или частичное применение.[8]

В данном случае можно также предложить рассмотрение спора в Экономическом Суде в так называемой коллегии — ad hoc Экономического Суда, сформированной государствами-сторонами спора.

Следовательно, по части 2 статьи 32 Устава СНГ порядок рассмот-

рения экономических споров в Экономическом Суде с участием Азербайджанской Республики или Грузии должен быть согласован с другой стороны спора, а именно государством-участником Устава СНГ. А при необходимости получения толкования положений соглашения по экономическим вопросам по части 3 статьи 32 Устава СНГ Азербайджанская Республика и Грузия могут в одностороннем порядке направить запрос в Экономический Суд СНГ, который в соответствии со своим Регламентом должен дать требуемое толкование.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что выводы, сделанные в настоящей статье, являются субъективным мнением автора и вносятся для обсуждения ученых и специалистов-международников.

В конечном счете, во всех региональных международных организациях, в первую очередь, Европейских Сообществах, решающим условием устойчивого и эффективного функционирования является именно активное, последовательное участие государств в деятельности этой организации.

---

[1] См. Информационный вестник Содружество. 1993. № 4(12). с. 20—31.

[2] См. *Симонян Г.В.* Проблемы компетенции Экономического Суда СНГ в условиях реформирования в СНГ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 1999. № 6. с. 103—112.

[3] См. Международное публичное право. Сборник документов. Том 1. М.: Изд-во БЕК, 1996. с. 67—87.

[4] См. Информационный вестник Содружество. 1992. № 5. с. 11—12. 1992. № 6. с. 33—37. 1993 № 1(9). с. 17—29.

[5] Однако, согласно пункту 5 Положения об Экономическом Суде СНГ, утвержденного Соглашением о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 года, Суд осуществляет толкование "применения" норм соглашений и актов СНГ по всем вопросам, не только экономическим.

[6] Необходимо отметить, что в настоящее время действует Соглашение о статусе Экономического Суда СНГ от 6 июля 1992 года.

[7] Последняя редакция Регламента Экономического Суда СНГ утверждена Пленумом Экономического Суда СНГ 10 июля 1997 года.

[8] См. годовой доклад Генерального секретаря ООН о работе ООН в 1996 году.//Нью-Йорк. ООН. 1996. с. 54—55.

*Статья поступила в редакцию в марте 2000 года*

# Международные организации

## К ВОПРОСУ О ЧЛЕНСТВЕ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ИНСТИТУТАХ В СВЯЗИ С СОБЫТИЯМИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ*

Г.Е. Лукьянцев**

В последнее время на различных международных форумах, где в той или иной степени обсуждается правозащитная проблематика, все чаще звучат призывы к введению в отношении России санкций в связи с действиями федеральных властей на Северном Кавказе и, в частности, с проведением там антитеррористической операции. При этом среди наиболее "популярных" мер воздействия на российские власти называется возможное исключение Российской Федерации из международных институтов и организаций, например из Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совета Европы.

Кроме того, 3 мая 2000 года Россия была переизбрана на очередной трехлетний срок в главный правозащитный орган ООН — Комиссию по правам человека. Однако, в ходе подготовки к выборам, которые проходили в рамках сессии Экономического и Социального Совета ООН (ЭКОСОС), нередко звучал тезис о необходимости "наказать" Россию за действия в Чечне и не допустить ее членства в Комиссии.

Кстати здесь будет упомянуть и об апрельском решении Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) лишить российскую делегацию права голоса в ПАСЕ и рекомендовать Комитету Министров этой организации начать изучение вопроса о приостановке членства России в Совете Европы. Наконец, 25 апреля 2000 года 56-я сессия уже упоминавшейся Комиссии ООН по правам человека приняла резолюцию "Положение в Чеченской Республике Российской Федерации", содержащую резкую критику в адрес действий российских властей в этом субъекте федерации.

Следует отметить, что этому порыву (прежде всего, западных госу-

---

* Взгляды, изложенные в настоящей статье, являются исключительно личной точкой зрения ее автора и необязательно могут совпадать с официальной позицией по рассматриваемым в статье вопросам (Г.Л.).

** Кандидат юридических наук, третий секретарь Постоянного представительства Российской Федерации при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве.

дарств) осудить Россию в связи с событиями на Северном Кавказе активно подыгрывают многие неправительственные правозащитные организации как у нас на родине, так и за рубежом. Не секрет также, что "чеченская карта" разыгрывается политическими кругами во многих странах мира в своих собственных конъюнктурных целях (в частности, в ходе предвыборной президентской кампании в США).

Вместе с тем, автор данной статьи серьезно сомневается в том, просчитывают ли инициаторы таких призывов об изгнании России из международных правозащитных организаций все последствия, скажем, исключения Российской Федерации из Совета Европы, для правозащитной ситуации у нас в стране. Иными словами, а будет ли отвечать такая изоляция подлинным интересам защиты прав человека в России?

Данная статья, в которой ее автор выражает исключительно свою ***личную точку зрения,*** ни в коей мере не претендует на истину в последней инстанции и лишь предлагает взглянуть на упомянутую проблему с несколько иной стороны.

* * *

Прежде всего, хотелось бы сказать несколько слов по вопросу о возможном исключении России из Совета Европы, точнее, о "приостановлении членства Российской Федерации" в этой региональной правозащитной организации. Призыв к этому звучит достаточно часто, а в качестве причины для принятия такой меры воздействия его авторы ссылаются на то, что российские власти своими действиями в Чечне якобы подтверждают то обстоятельство, что Россия недостойна находиться в рядах Совета Европы.

Первую "победу" на этом направлении сторонники российской изоляции из этой действительно авторитетной региональной правозащитной организации уже могут праздновать. Действительно, 6 апреля 2000 года ПАСЕ приняла "историческое" решение о лишении российской парламентской делегации в ней права голоса, а также о рекомендации Комитету Министров Совета Европы — высшему политико-устанавливающему органу Совета — начать изучение вопроса о приостановке российского членства в организации. Дело сделано? Осталось лишь довершить начатое в "интересах прав человека"?

Вместе с тем, этот шаг может иметь куда более далеко идущие последствия как для взаимоотношений России и Совета Европы, так и для защиты прав человека в нашей стране, о чем, судя по всему, европейские парламентарии в ПАСЕ, голосовавшие за принятие такого решения, попросту забыли, а может быть, и не потрудились подумать.

Дело в том, что при вступлении в Совет Европы Российская Федерации подписала, а затем и ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. В соответствии с этим договором "Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции"[1]. По практически всеобщему признанию (и автор данной статьи также разделяет эту точку зрения) Европейская конвенция предусмотрела весьма эффективный международный механизм контроля за выполнением государствами-участниками своих обязательств по этому

договору. В частности, был создан Европейский Суд по правам человека, в который, после вступления в силу Протокола 11 к Конвенции и проведения реформы контрольного механизма, получили право обращаться любые физические лица, неправительственные организации или любые группы частных лиц, "которые утверждают, что они являются жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон прав, предусмотренных положениями Конвенции и Протоколов к ней". При этом государства-участники Конвенции "обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права"[2]. Здесь также следует упомянуть и весьма важную для осмысления последствий российских обязательств по Конвенции статью 46, согласно которой "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делу, сторонами которого они являются"[3].

Подобных положений нет ни в одном другом правозащитном договоре, участником которого была бы Россия. Например, в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах был образован Комитет по правам человека, который, согласно статье 1 Факультативного протокола к Пакту, может принимать и рассматривать письменные сообщения "от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения... государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте"[4].Однако, по итогам рассмотрения Комитетом таких сообщений он принимает "соображения", которые он затем сообщает соответствующему государству-участнику и лицу. То есть решения Комитета по правам человека не имеют (в отличие от решений Европейского Суда) силы судебных решений, обязательных для исполнения государствами-участниками. Максимум, на что может рассчитывать жертва нарушения прав человека, — это политическое воздействие на то или иное государство. Наконец, в том случае, если Европейский Суд принимает решение в пользу жертвы нарушения прав человека, государство-ответчик по делу ***обязано*** будет выплатить солидную денежную компенсацию такой жертве. К Комитету по правам человека (по вполне очевидным причинам) данное положение неприменимо.

Как видно даже из этого неполного анализа, разница в последствиях принятых решений Европейского Суда по правам человека и Комитета по правам человека весьма существенна как для России как участника Европейской конвенции и Международного пакта, так и для потенциальных авторов петиций в упомянутые контрольные механизмы.

А теперь представим себе, что будет в случае приостановления членства Российской Федерации в Совете Европы. С одной стороны, исключение России из состава этой организации, безусловно (и здесь не надо закрывать на это глаза), ударит по международному престижу нашей страны. То есть появится новый повод праздновать "победу" у тех, кто стремится к публичному международному наказанию нашего государства. С другой стороны, приостановление российского членства в Совете может быть активно использовано теми, кто всеми силами пытается воссоздать образ Запада в качестве врага России. Такой шаг в сторону изоляции нашей страны будет тем более непонятен тем широким слоям нашего общества, которые в той или иной степени одобряют

действия российских властей на Северном Кавказе (а таких людей, судя по опросам общественного мнения, не так уж и мало). Третье последствие исключения из организации — экономия в рамках российского бюджета нескольких десятков миллионов долларов, которые наша страна обязана ежегодно выплачивать в качестве взносов уже в бюджет Совета Европы.

И, наконец, четвертое, самое правозащитное, если можно так сказать, из всех упомянутых последствий. В 1993 году Конституция Российской Федерации закрепила право каждого российского гражданина "обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты" (статья 46, пункт 3 Конституции). Вместе с тем, в соответствии с пунктом 2 статьи 66 Европейской конвенции, она "открыта для подписания ***Государствами-членами*** Совета Европы" (курсив мой — Г.Л.). Таким образом, если принимается решение о приостановлении членства государства в Совете, такое государство перестает быть участником Конвенции со всеми вытекающими отсюда последствиями. То есть, говоря иными словами, те, кто призывает к исключению России из Совета Европы, в то же время (осознанно или нет, не мне об этом судить) ратуют за ограничение возможности для населения нашей страны воспользоваться правом, предоставленным ему упоминавшимся пунктом 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации. Конечно, граждане России по-прежнему смогут обращаться в другие межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (как, например, в Комитет по правам человека), однако, из вышеприведенного анализа становится вполне очевидной предпочтительность обращения именно в Европейский Суд по правам человека, а не в какой-либо иной орган.

Безусловно, вышеприведенный список из четырех последствий приостановления членства России в Совете Европы является далеко не исчерпывающим. Автор данной статьи лишь попытался дать перечень наиболее очевидных результатов данного возможного шага. Однако, уже один этот перечень и, в частности, утрата права на обращение в Европейский Суд по правам человека, как представляется, должен дать пищу для размышлений тем, кто наперебой призывает исключить Россию из авторитетной европейской организации. Ибо одно явление неизбежно влечет другое, и отказ или нежелание учитывать все последствия приостановления российского членства является в лучшем случае проявлением недальновидности. Ну а в худшем...

* * *

Теперь несколько слов о Комиссии ООН по правам человека и о принятой 25 апреля на 56-й сессии Комиссии резолюции о положении в Чеченской Республике Российской Федерации. Здесь следует сделать небольшое отступление и напомнить, что Комиссия ООН по правам человека является, если можно так выразиться, главным правозащитным органом ООН. Ежегодно весной проходит сессия Комиссии (в этом году это была уже 56-я по счету) продолжительностью шесть недель, в ходе которой принимается более ста резолюций и решений по различным правозащитным вопросам, в том числе

по положению в области прав человека в отдельных странах. Помимо резолюций Комиссия может принимать решения, а также так называемые Заявления Председателя сессии. Основное (но не единственное) различие между резолюциями и Заявлениями Председателя заключается в том, что последние обязательно принимаются на основе консенсуса, а для принятия резолюций возможно проведение голосования. То есть в том случае, если хотя бы одно из государств-членов Комиссии по правам человека (а всего их 53) имеет возражения по тексту проекта Заявления Председателя, то оно уже не может быть принято в виде Заявления, а должно обрести форму резолюции или же вообще должно быть снято с рассмотрения. Кроме того, разрабатывают Заявления Председателя сессии те же самые правительственные делегации (как правило, с участием того государства, по ситуации в котором будет делаться Заявление), а Председатель сессии его всего лишь зачитывает на пленарном заседании.

Такое развернутое отступление важно для того, чтобы проиллюстрировать ситуацию на завершившейся 28 апреля 2000 года 56-й сессии Комиссии. В свое время, в 1995—1996 годах, Комиссия по правам человека уже принимала Заявления Председателя по ситуации в Чечне. Тогда российская сторона давала согласие на использование в тексте критических пассажей в свой адрес (неизбирательное и непропорциональное применение силы, разрушение гражданских объектов и т.д.). Вместе с тем, нынешняя антитеррористическая операция на Северном Кавказе существенно отличается от первой чеченской кампании, однако, делегации западных стран (а именно они явились инициаторами решения по Чечне) на нынешней сессии Комиссии упорно пытались проводить аналогии с событиями середины 1990-х годов и очень удивлялись в связи с тем, что российская сторона не соглашалась на формулировки, принятые в 1995—1996 годах. Более того, они действовали строго по шаблону 1995—1996 годов, а именно: предлагали российской делегации согласиться на принятие якобы выгодного для нее консенсусного Заявления Председателя. В противном же случае, если российская сторона вдруг заупрямится, то всегда можно было пригрозить принятием резолюции. Здесь важно заметить, что Заявление Председателя традиционно считается более мягким итогом обсуждения на сессии Комиссии страновой ситуации, нежели резолюция. Однако, внешность весьма обманчива, и по своим последствиям эти два решения могут быть разными по форме, но при одинаковом содержании они будут иметь совершенно равнозначные последствия для затрагиваемых ими стран.

Таким образом, западные делегации на сессии попытались сыграть на внешней притягательности для России Заявления Председателя, однако, при этом в проект такого Заявления они включили все те же самые неприемлемые для российской стороны элементы, что и в проект резолюции, которую они внесли на сессии "за спиной" России и угрозой принятия которой, они постоянно российскую сторону шантажировали. По сути же проект резолюции и проект Заявления Председателя были практически идентичного содержания, и оба предусматривали создание механизма постоянного международного мониторинга за гуманитарной и правозащитной ситуацией в Чечне. Кроме того, оба проекта содержали острые критические вы-

пады в адрес действий российских властей на Северном Кавказе. В этих условиях становится вполне понятным, почему Россию не могли устроить ни Заявление Председателя (по крайней мере, такого содержания), ни резолюция.

Что же касается инициаторов чеченского сюжета на Комиссии, то им, конечно же, было намного выгоднее принятие именно консенсусного Заявления Председателя, при котором Россия сама давала бы согласие на постоянный международный мониторинг. В случае же невыполнения впоследствии российской стороной (как фактически, так и по мнению западных стран, что далеко не одно и то же) положений данного Заявления, у "поборников" прав человека всегда имелся бы готовый аргумент о том, что Россия не выполняет то, на что она уже сама дала согласие в ходе сессии Комиссии ООН по правам человека.

Таким образом, российская сторона не согласилась на явно неприемлемый для нее вариант Заявления Председателя, в результате чего состоялось голосование по проекту резолюции. Последняя была принята 25 голосами "за" (в основном западные и восточноевропейские страны) при 7 голосах "против" (Россия, Китай, Индия, Куба, Конго, Шри-Ланка и Мадагаскар) и 19 (!) воздержавшихся, при этом делегации двух стран в момент голосования в зале заседаний отсутствовали (Марокко и Либерия). Подобный расклад голосов, когда в пользу принятия резолюции проголосовало меньше половины членов Комиссии (напомню, всего их 53) ярко свидетельствует об отсутствии в международном сообществе единого желания осудить действия российских властей в Чечне.

Однако, речь в данном случае не об этом, хотя уже одни только итоги голосования заставляют серьезно усомниться в весомости очередной (после уже упомянутого выше решения Парламентской Ассамблеи Совета Европы) "победы" Запада на чеченском направлении российского фронта. Важнее другое. Здесь мы опять же имеем дело с "Пирровой победой", так как резолюции Комиссии ООН по правам человека носят ***рекомендательный*** характер, и государства не несут юридического обязательства выполнять ее положения. Более того, Россия проголосовала "против" данной резолюции и, таким образом, не стала связывать себе руки в вопросе сотрудничества с правозащитными механизмами Комиссии (а такое сотрудничество именно навязывается — другое слово здесь трудно подобрать в соответствии с упомянутой резолюцией). То есть выгодно ли для инициаторов чеченского сюжета на Комиссии принятие упомянутой резолюции? С точки зрения успокоения общественного мнения в своих странах — да. Однако, смогут ли западные страны таким путем добиться реального изменения ситуации в Чечне и сотрудничества России по правозащитным вопросам с механизмами Комиссии? Думается, что вряд ли. Более того, подобный нажимной подход в отношениях с Российской Федерацией, при котором любым способом надо было протащить на сессии Комиссии антироссийское решение, явно контрпродуктивен и способен породить лишь противодействие.

Что же касается открытости и стремления самой России к международному сотрудничеству по чеченскому сюжету, то здесь уместно привести слова из Заявления российского МИД в связи с принятием упомянутой резолюции:

"На всем протяжении сессии Комиссии российская делегация проявляла готовность к честному диалогу. Мы создали все от нас зависящее, чтобы согласовать текст консенсусного Заявления Председателя. К сожалению, наш позитивный настрой не был должным образом оценен соавторами...

Фактически, путем протаскивания данной резолюции предпринята попытка создать механизм вмешательства в наши внутренние дела, навязать России "внешних управляющих", которые бы диктовали, как нам строить свою жизнь...

Российская Федерация будет продолжать диалог с теми зарубежными партнерами, международными организациями, которые на деле готовы содействовать нам в стабилизации обстановки и оказании гуманитарной помощи населению Чеченской Республики. Делать это мы будем, исходя из своих убеждений и международных обязательств России, а не под давлением политически предвзятых конъюнктурных резолюций"[5].

* * *

В заключение хотелось бы сделать ряд замечаний общего плана по вопросу о так называемой политике "двойных стандартов" и, в частности, о том, как эта политика проявляется в разрезе событий в Чеченской Республике Российской Федерации.

Как показывают беседы с представителями западных стран по вопросам терроризма вообще и по ситуации на Северном Кавказе, в частности, одним из самых "непроходных" аргументов российской стороны в данном аспекте является тезис о широкомасштабных нарушениях прав человека в Чечне во времена режимов Д. Дудаева и А. Масхадова. Действительно, когда начинаешь спрашивать у собеседников о причинах упорного молчания их правительств, когда в Чечне при указанных режимах процветали захват заложников, убийства, работорговля, когда из республики были насильственным путем выселены сотни тысяч людей, те, как правило, произносят сочувственные слова (в лучшем случае), а затем (что случается в 99 случаях из 100) заявляют о том, что согласно классической правозащитной доктрине единственным автором нарушений прав и свобод человека могут быть только государства или их агенты. Во всех же остальных случаях следует говорить об обычных уголовных преступлениях[6]. Иначе тем же террористическим или бандитским группировкам будет присвоен статус, схожий со статусом государства. Поэтому, мол, недопустимо называть то, что творилось при Д. Дудаеве и А. Масхадове нарушениями прав и свобод человека. Далее делается вполне "логичный" вывод о том, что происходящее в Чечне в 1990-х годах было исключительно внутренним делом России (правда, за исключением периода первой чеченской кампании). Сейчас же речь идет именно о "широкомасштабных нарушениях прав человека со стороны федеральных сил", в связи с чем международное сообщество проявляет законную озабоченность. Именно по этой причине в принятой на Комиссии ООН по правам человека резолюции по Чечне нет ни единого упоминания о беззакониях, творившихся в республике при Д. Дудаеве и А. Масхадове.

Не правда ли, очень удобная позиция? При помощи одного и того же набора аргументов ты и сам оказываешься чист и получаешь законное право критиковать другие государства.

Здесь также можно упомянуть о том, что в ходе той же 56-й сессии Комиссии ООН по правам человека все западные и восточноевропейские страны-члены Комиссии (за исключением США, которые воздержались) проголосовали "против" выдвинутой Турцией и поддержанной Россией резолюции "Права человека и терроризм". Причины такой их позиции при голосовании — все те же самые, что уже описаны выше.

Хотелось бы также повторить и известный тезис о том, что в первых рядах критиков России в связи с событиями на Северном Кавказе оказались именно те, кто еще год назад под прикрытием доктрины "гуманитарного вмешательства" совершил агрессию в отношении суверенного государства Союзной Республики Югославии, ввели в обиход термин "побочный ущерб", означавший на деле не что иное, как бомбежки гражданских объектов, колонн беженцев и внутренне перемещенных лиц, железнодорожных составов и т.д.

* * *

Автор данной статьи не хотел бы, чтобы у ее читателей сложилось ощущение того, что он выступает против межгосударственного сотрудничества в области защиты прав и свобод человека. Напротив. Я действительно убежден в том, что права человека способны стать не разъединяющим, а объединяющим фактором в международных отношениях. Однако, для того, чтобы это стало реальностью, необходимо отказаться от угроз, шантажа, диктата и попыток любым способом навязать свои взгляды и убеждения в этой области. Не менее важен и отказ от политики "двойных стандартов" в правозащитной сфере. Только тогда межгосударственное сотрудничество в области защиты прав и свобод человека будет действительно равноправным, какой и должна быть любая сфера международных отношений.

г. Женева

---

[1] Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, статья 1. Цит. по: Действующее международное право, Москва, 1997 год, том 2, стр. 109.

[2] Там же, статья 34, стр. 143.

[3] Там же, статья 46, стр. 145.

[4] Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, статья 1. Цит. по: Действующее международное право, Москва, 1997 год, том 2, стр. 39.

[5] Заявление МИД России №350 от 26 апреля 2000 года.

[6] Здесь уместно заметить, что в сторону отхода от классической, государственно-центристской, доктрины прав человека движется в своем прецедентном праве и Европейский Суд по правам человека. В частности, анализ отдельных вынесенных им решений по итогам рассмотрения некоторых дел позволяет предположить, что Суд допускает возможность нарушения прав или свобод человека и физическими лицами, а не только государствами или их агентами.

Кроме того, не следует забывать и о доктрине пределов прав и свобод человека: для отдельного человека они заканчиваются там и тогда, где и когда начинаются права и свободы других лиц.

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 г.*

# Новая Европа

## ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ РОССИЯ (СССР) — ЕВРОПЕЙСКИЕ СООБЩЕСТВА (ЕС) И ПОДПИСАНИЕ СОГЛАШЕНИЯ О ПАРТНЕРСТВЕ И СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕС 1994 ГОДА

А.А. Слугин*

Эволюция отношений России (СССР) и стран ЕС прошла несколько этапов — от противостояния до партнерства. В 50-е года отношения были весьма натянутые, что объяснялось в какой-то степени существовавшей в то время советской доктриной о Европейских Сообществах как об экономической базе НАТО. Кроме того, советское руководство рассматривало Европейские Сообщества как непрочные образования, обреченные на провал. С 60-х годов Европейские Сообщества, в которых обострилась проблема рынка, делают попытки добиться официального признания со стороны Советского Союза, наладить нормальные отношения с СССР и другими странами СЭВ. В частности, в 1963 году Сообществами была направлена Памятная записка Советскому Союзу с предложением выйти на конструктивный уровень сотрудничества; такое послание повторялось, однако, ответа не последовало.

Если сразу после создания ЕЭС страны-участницы осуществляли свои внешнеторговые контакты со странами СЭВ по-прежнему на двусторонней основе и объем их был незначительным, то к середине 70-х годов, когда объем внешней торговли заметно возрос, ЕЭС стремилось гармонизировать эти контакты, то есть выработать и проводить единую торговую политику Сообщества по отношению к странам СЭВ, как и вообще ко всем третьим странам. При этом центр тяжести при принятии решений по внешнеторговым контактам должен был переместиться в сторону органов Сообщества. Формально страны ЕЭС с 1975 года утратили право самостоятельно заключать двусторонние торговые соглашения со странами СЭВ. Это право переходило к Сообществу в лице Комиссии. Это вело к дальнейшему ухудшению условий для

* Магистрант Института Европейского Права.

взаимной торговли, так как внешнеэкономическая политика ЕЭС по отношению к странам СЭВ была, как правило, более дискриминационной, чем политика отдельных стран-участниц ЕЭС.

Со стороны Советского Союза и СЭВ были предприняты шаги с целью устранения возникающих трудностей. 16 февраля 1976 года Председателем Исполкома СЭВ Г. Вайсом было передано предложение Председателю Совета ЕС Г. Торну заключить между СЭВ и ЕЭС, а также между каждой организацией и странами-участницами другой организации соглашения, определяющие рамки и принципы взаимных отношений. В конце 1976 года ЕЭС выступило со встречным предложением заключить техническое соглашение СЭВ-ЕЭС лишь о рабочих контактах. Со стороны ЕЭС было сделано разъяснение в том смысле, что предложение СЭВ являлось слишком амбициозным для данного периода времени и что двум таким различным по форме и структуре организациям, как СЭВ и ЕЭС надо вначале лучше ознакомиться со структурой и деятельностью друг друга по мере осуществления рабочих контактов, а уж в дальнейшем выявить возможные формы и области сотрудничества.

С начала 1977 года было проведено несколько раундов переговоров между делегациями СЭВ и ЕЭС, однако, конкретных результатов достичь не удалось. В ходе переговоров Делегация Сообщества настаивала на заключении серии отдельных соглашений с каждой европейской страной-членом СЭВ по принципу "девять против одного", отказывалось включать в рамочные соглашения СЭВ-ЕЭС торговые вопросы и отказывалось пойти на взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования.

Между тем, уже в брежневский период в МИД СССР началась работа с целью установления нормальных отношений между СССР и ЕЭС в соответствии с новым подходом, согласно которому ЕЭС оценивалось менее предвзято. Это подготовило почву для коренного изменения отношения к ЕЭС после прихода к власти в СССР М.С. Горбачева.

В 1985 году страны СЭВ выступили с инициативой по налаживанию взаимовыгодного сотрудничества по линии СЭВ-ЕС. Предложение об установлении контактов по линии сотрудничества между двумя организациями было направлено от имени секретариата СЭВ правительству Италии, которое осуществляло в 1-й половине 1985 года председательские функции в Совете ЕС, а от имени Исполкома СЭВ — Комиссии ЕС. В мае того же года М.С. Горбачев сделал важное заявление, опубликованное "Известиями" 17 мая 1985 года, что "в той мере, в какой страны ЕС выступают как "политическая единица", мы готовы искать с ними общий язык и по конкретным международным проблемам." Заявление было положительно встречено в кругах ЕС, а происходившая в июне 1985 года в Люксембурге сессия Совета ЕС приняла решение дать согласие на предложение Секретариата СЭВ и поручила Комиссии ЕС провести с СЭВ соответствующие переговоры.

Поворотным моментом в отношениях между странами ЕС и странами-участницами СЭВ стала Люксембургская встреча 25 июля 1988 года, на которой была подписана совместная декларация СЭВ-ЕЭС. В соот-

ветствии с данной декларацией устанавливались официальные отношения между Советом и Сообществами по предметам их ведения и предусматривалось, что в развитии отношений стороны изучат возможность определения новых областей, форм и методов сотрудничества, которые будут осуществляться представителями данных организаций. Декларация была подписана за Совет Экономической Взаимопомощи председателем его исполнительного комитета Р. Рогличком и секретарем СЭВ В. Сычевым, а за Европейское экономическое сообщество — его председателем Г.-Д. Геншером и членом Комиссии ЕС В. де Клерком.

В целом, этот документ являлся лишь пробным камнем во взаимоотношениях существовавших тогда двух мировых систем и не возлагал на стороны сколько-нибудь существенных обязательств. Это было всего лишь провозглашение сотрудничества, за которым должны были последовать конкретные предложения о более тесном взаимодействии сторон, что вскоре и произошло.

Незадолго до совместной декларации были установлены официальные отношения на уровне СССР-ЕС. Посол СССР в Бельгии Ф.П. Богданов вручил 9 июня 1988 года Вербальную ноту Комиссии Европейских сообществ. В ноте Советская сторона сообщала о своем намерении аккредитовать при Европейских сообществах главу Представительства СССР в ранге Посла. Затем 2 марта 1989 года состоялось вручение верительных грамот В.Г. Шемятенковым и открытие Постоянного Представительства СССР при ЕС в Брюсселе.

12 июня 1989 года Комиссия ЕС получила мандат на проведение переговоров с целью заключения соглашения о торговле и экономическом сотрудничестве с СССР. Переговоры представителей Комиссии ЕС с советской стороной протекали довольно оперативно. Было проведено три раунда переговоров, и к концу 1989 года договор был подготовлен для подписания.

Подписание Соглашения между СССР, ЕЭС и ЕОУС о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве состоялось 18 декабря 1989 года в Брюсселе. Сообщества проявили интерес к вопросам ядерных исследований и обеспечения безопасности ядерных установок: участником Соглашения также стало Европейское Сообщество по атомной энергии. Соглашение заключалось на 10 лет с правом автоматического продления. В нем предусматривалась отмена к 1995 году всех количественных ограничений на советский экспорт в ЕС за исключением тех, которые касались так называемых "чувствительных" для ЕС товаров, то есть особо затрагивающих их интересы. В ответ на это СССР брал на себя обязательство предоставить недискриминационный режим экспорту товаров из ЕС. Это касалось количественных ограничений, лицензирования и валютных ассигнований. Кроме того, Советская сторона должна была по Соглашению улучшить условия деятельности представителей деловых кругов ЕС на своей территории. В Приложении III к Соглашению содержалось заявление СССР о применении параграфа 6 статьи 17, согласно которому этим представителям фактически предоставлялась свобода действий на территории СССР: они

могли свободно передвигаться по территории, иметь прямые деловые контакты с конечными потребителями, арендовать служебные помещения и жилую площадь, приобретать оборудование и транспортные средства, иметь доступ к средствам электросвязи, нанимать персонал из местных жителей и т.д. Единственное, что не поощрялось, совершать бартерные сделки с участием фирм, учрежденных в СССР.[1]

В целом, Соглашение предусматривало налаживание взаимного сотрудничества во многих областях: наука и техника, транспорт, финансовые условия, охрана окружающей среды и т.д. Оно вступило в силу 1 апреля 1990 года.

В новых геополитических условиях, сложившихся в мире после распада бывшего социалистического лагеря на востоке Европы, страны ЕС превратились в главного партнера России в международном экономическом сотрудничестве. Очевидно, что и в стратегическом плане регион ЕС, располагая мощным промышленным, финансовым и торговым потенциалом, будет играть ведущую роль в российских внешнеэкономических связях.

ЕС является крупнейшим в мире рынком потребителей с общей численностью населения свыше 370 млн. человек. Валовой внутренний продукт ЕС в последние годы превышает американский и почти наполовину превосходит ВВП Японии.

ЕС — крупнейший торговый блок мира, на долю которого приходится порядка 20 процентов мировой торговли (40 процентов — если включить в этот показатель объемы внутренней торговли между странами ЕС). На долю США приходится менее 20 процентов мировой торговли, на долю Японии — около 10 процентов. Доля ЕС в мировой торговле услугами достигает 30 процентов[2].

ЕС является крупнейшим торговым и экономическим партнером России. На долю ЕС в 1995 году приходилось более 40 процентов внешнего товарооборота России[3].

На долю ЕС приходится основная часть инвестиций. Рынок стран ЕС является основным рынком сбыта стратегических товаров российского экспорта (прежде всего энергоносителей) и источником получения свободно конвертируемой валюты. В ЕС закупается значительная часть сельскохозяйственных товаров, машинотехнических изделий и другой необходимой России продукции.

Для ЕС Россия является крупнейшим политическим и торговым партнером среди стран бывшего СССР — на нее приходится около 85 процентов товарооборота ЕС со странами СНГ (то есть больше, чем во времена СССР), около 70 процентов всех обязательств Запада по оказанию кредитного технического и гуманитарного содействия.

После распада СССР и СЭВ в условиях общего кризиса платежеспособности в странах бывшего СССР и распада хозяйственных связей внешнеэкономическая активность российских предприятий в значительной степени переориентировалась на регион ЕС. Условия доступа на эти рынки стали во многом определять результаты хозяйственной деятельности российских предприятий, занимающихся торговлей товарами и предоставлением услуг. Открытие научно-технического потен-

циала России для международного сотрудничества привлекло большое число компаний ЕС, заинтересованных в налаживании долговременных кооперационных связей. Демонстрировался значительный интерес в развитии инвестиционного сотрудничества с Россией.

Однако, отсутствие соответствующего правового режима являлось препятствием в реализации планов сотрудничества. Действующее соглашение между СССР, ЕС и Евратомом о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве, подписанное в 1989 году (Россия стала продолжателем СССР по этому соглашению с начала 1992 года), ориентировано на взаимодействие принципиально разных экономических систем, и было достаточно примитивно, рассматривая лишь вопросы торгового режима (причем в дискриминационном для России плане)[4].

Россия выступила с конкретной программой налаживания и развития партнерских отношений, ликвидации дискриминации и установления полного равноправия сторон, либерализации условий торговли товарами и услугами на основе общепринятых принципов, прежде всего, норм ГАТТ, движения капиталов и текущих платежей, при сохранении у России права полного выполнения обязательств по мере продвижения реформ и укрепления национальных секторов экономики.

В начале переговоров была поставлена и более общая совместная цель: создать максимально благоприятные условия для экономического взаимодействия между Россией, ЕС и государствами-членами, и, прежде всего, для их экономических операторов на основе применения согласованного режима доступа на рынки товаров, услуг и капиталов, а также режима учреждения и деятельности компаний на территориях друг друга.

После двух лет переговоров 24 июня 1994 года Б.Н. Ельцин и главы государств и правительств стран ЕС подписали на о. Корфу (Керкира) в Греции Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Его участниками являются также и все три Сообщества: Европейское Сообщество, Европейское объединение угля и стали и Европейское сообщество по атомной энергии.

Президент России подписал Федеральный закон о ратификации Соглашения 25 ноября 1996 года, а 1 декабря 1997 года оно вступило в силу. С целью скорейшей реализации не требующих ратификации положений СПС 17 июля 1995 года в Брюсселе было подписано Временное соглашение о торговле и связанных с торговлей вопросах между Правительством Российской Федерации и Европейским Сообществом. Оно вступило в силу 1 февраля 1996 года и действовало до вступления в силу СПС.

Помимо России,из бывших советских республик соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС имеют Украина, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Беларусь, Узбекистан, Грузия и Азербайджан. При идентичности названий и сходстве структур соглашений о партнерстве и сотрудничестве их содержание неравноценно. Соглашения ЕС с европейскими странами СНГ идут дальше, чем, например, с Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном, предусматривая, в частности, создание в будущем зон свободной торговли с каждой из них.

Страны СНГ находятся на разных этапах формирования своих отношений с ЕС, и это не может не осложнять их взаимодействие с Россией и друг с другом, особенно при попытках создания таможенных союзов и других интеграционных образований внутри Содружества. Проблема усугубляется тем, что между Россией и странами СНГ отсутствует какая-либо координация их внешнеэкономической политики в отношении стран "дальнего зарубежья" и, в частности, ЕС. Нет подобной координации ни в рамках Таможенного союза, ни внутри российско-белорусского Сообщества. В итоге перед лицом достаточно сплоченного интеграционного объединения, каким является ЕС, страны СНГ выступают в одиночку, при этом каждая из них пытается получить для себя наибольшие уступки, преимущества, политическую и экономическую помощь от Евросоюза.

Страной, к которой ЕС проявляет повышенное внимание, является Украина. Объясняется это, прежде всего, той объективной ролью, которую она играет как вторая после России промышленная держава СНГ, занимающая выгодное географическое и геостратегическое положение, богатая кадрами ученых и специалистов-практиков, квалифицированной рабочей силой, потенциально емким рынком. Она немного раньше России — 14 июня 1994 года — подписала с ЕС Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, предусматривающее поддержание регулярного политического диалога, доступ к системе преференций, режим наибольшего благоприятствования, возможность создания зоны свободной торговли и т.д. С 1 февраля 1986 года вступило в силу промежуточное соглашение на период до ратификации основного национальными парламентами.

Украина оказалась первой страной в СНГ, в отношении которой ЕС разработал основы общей стратегии, суть которой состоит в поддержке курса украинских властей на упрочение независимости и территориальной целостности, на стабилизацию экономики, осуществление реформ, развитие коммерческих отношений с целью быстрой интеграции страны в мировую экономику. Предусмотрена финансовая поддержка с целью обеспечения ядерной безопасности, содействия реформам, а также реализации энергетической политики, имея в виду стремление Украины снизить уровень ее зависимости от российских поставок энергетических ресурсов.[5]

Страны ЕС, разумеется, не могут не отдавать приоритет Российской Федерации в виду ее особого геостратегического положения, наличия крупного экономического, ресурсного, научно-технического, демографического потенциалов, ее статуса ядерной державы. ЕС активно поддерживает демократические преобразования и процесс реформирования в России.

## Сотрудничество РФ и ЕС в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве

### *Общие положения Соглашения*

Основной целью СПС является постепенная экономическая интеграция между Россией и широкой сферой сотрудничества в Европе. Достижение основной цели должно подкрепляться наличием соответствующей правовой основы.

СПС предусматривает взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле. Предполагается динамичное развитие экономических отношений по мере прогрессивного преобразования российской экономики, включая возможность начала переговоров по вопросу о создании зоны свободной торговли, если обе стороны сочтут, что обстоятельства для этого созрели.

СПС создает благоприятные возможности для стабилизации и укрепления финансово-экономического положения России. Его реализация должна оказать стимулирующий эффект для развития российской экономики и российского экспорта.

Принципы партнерства, заложенные в Соглашении, предполагают полное равенство сторон и сохранение их суверенитета.

Таким образом, СПС создает благоприятные возможности для финансовой и экономической стабилизации и поступательного экономического роста в России как на макроуровне, так и на уровне отдельных отраслей и предприятий, в особенности тех, деятельность которых связана с внешнеэкономическими операциями. Сообщества согласились признать Россию как страну с переходной экономикой, отказавшись от ее трактовки как страны с государственной системой торговли, которая сопровождалась применением жесткого дискриминационного торгового законодательства, существенно ограничивавшего доступ российских товаров на рынки Сообщества.

Что касается политического диалога, то, в соответствии с Соглашением, на постоянной основе устанавливается политический диалог и система консультаций по всему спектру международных и экономических проблем в интересах укрепления европейской и международной безопасности.

С этой целью, как минимум два раза в год, будут проводиться встречи Президента Российской Федерации с руководством ЕС — председателем Совета ЕС и председателем Комиссии ЕС. Диалог на уровне министров осуществляется в рамках деятельности создаваемого Совета сотрудничества, что в перспективе позволит в значительной мере усилить наше взаимодействие с ЕС в кардинальных вопросах мировой политики. Для реализации контроля за реализацией Соглашения создан Комитет сотрудничества, действующий на основании переданных ему Советом сотрудничества полномочий. Предусматриваются и систематические консультации старших должностных лиц России и "тройки" Сообщества в составе директоров политдепартаментов по внешнеполи-

тическим проблемам, а также поддержание регулярных рабочих контактов между экспертами.

В целях развития политического сотрудничества между представителями законодательных органов России и ЕС учреждается Комитет парламентского сотрудничества из числа депутатов Федерального Собрания РФ и членов Европарламента. Комитет имеет право запрашивать информацию относительно применения Соглашения и может давать свои рекомендации Совету сотрудничества.

Соглашение содержит ряд существенных для России положений эволюционного характера. В частности, с учетом развития российских реформ, присоединения России к ВТО или другими событиями принципиального характера, в Соглашение могут вноситься изменения.

Такие изменения будут внесены в случае заключения соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ).

На практике соглашениями о создании ЗСТ предусматривается поэтапное — в течение 5—7 и более лет — снижение уровня защиты рынка, в зависимости от состояния национальных товарных рынков. Некоторые, особо чувствительные сектора (текстиль, сельское хозяйство, черные металлы), как правило, не подпадают под действие ЗСТ.

Включение в повестку дня вопроса о начале переговоров по поводу заключения между Россией и ЕС соглашения о создании ЗСТ явилось бы желательным для России и способствовало бы углублению интеграции с ЕС, с одной стороны, и благоприятно отразилось бы на текущем состоянии российской экономики, с другой стороны.

### *Система политического диалога России и ЕС*

Система политического диалога определяется СПС в соответствии с принципом равноправного партнерства и строится на трехуровневой основе. Направляющий импульс развитию механизма политического диалога придают встречи Президента РФ и председателя Совета Европейского Союза и председателя Комиссии Европейского Союза по формуле "1+2" (п. 1 ст. 7 СПС).

Первый уровень (политический) — Совет сотрудничества. Его основное назначение состоит в осуществлении наблюдения за применением СПС. Совет сотрудничества состоит из членов Правительства Российской Федерации с одной стороны, и членов Совета ЕС и Комиссии ЕС с другой стороны. Председательство в Совете сотрудничества осуществляют попеременно представители обеих сторон. Совет сотрудничества уполномочен самостоятельно определять свои правила процедуры.

Как правило, он собирается раз в год — а также тогда, когда этого требуют обстоятельства — для рассмотрения глобальных вопросов, связанных с реализацией СПС, а также любых других вопросов, представляющих интерес для России и ЕС (ст. 90 СПС). Он вправе делать соответствующие рекомендации по согласию между представителями сторон в нем.

Совет может создавать специальные органы, для реализации отдельных задач или для наблюдения и координации сотрудничества по отдельным направлениям (например, по торговле, статистике, транс-

порту и пр.), самостоятельно определяя при этом его состав, обязанности и порядок работы.

Пока в рамках этого полномочия проходит Встреча Председателя правительства РФ и Председателя КЕС. Она носит характер ad hoc. Аналогом ее может служить Встреча председателей правительства США и КЕС в рамках торгово-экономического диалога. В этой Встрече также принимают участие отраслевые министры.

Второй уровень (оперативный) — Комитет сотрудничества. Он был создан для содействия Совету сотрудничества в выполнении его обязанностей, как-то: для текущей деятельности по наблюдению за реализацией СПС, подготовки вопросов к рассмотрению в Совете сотрудничества и для иных функций (например, для консультаций по вопросам импортной тарифной политики, введения Россией количественных ограничений на недискриминационной основе и др.). Конкретные обязанности Комитета сотрудничества, а также порядок его деятельности определяются Советом сотрудничества. Совет сотрудничества может делегировать любые свои полномочия Комитету сотрудничества как органу, обеспечивающему преемственность в периоды между заседаниями Совета сотрудничества.

Комитет сотрудничества состоит из представителей российского Правительства, с одной стороны, и представителей Совета ЕС и Комиссии ЕС, с другой стороны. Такими представителями на практике являются старшие должностные лица. Председательство в Комитете Сотрудничества осуществляется поочередно представителем российского Правительства и представителем Европейского Союза.

Комитет действует на постоянной основе, решая текущие проблемы взаимодействия, прежде всего, связанные с реализацией соглашения. Он действует в рамках полномочий, переданных ему Советом (ст. 92 СПС).

Третий уровень — консультативный. Он предусматривает проведение срочных консультаций по любым вопросам взаимоотношений сторон. Такие консультации зачастую требуются для срочного разрешения того или иного конфликтного момента и концентрируются на вопросах торговых взаимоотношений.

Также СПС предусматривает Комитет Парламентского сотрудничества (ст. 95 СПС). Он состоит из членов Федерального Собрания РФ, с одной стороны, и членов Европейского парламента, с другой. Председательство в Комитете осуществляют поочередно член Федерального Собрания РФ и член Европарламента. Комитет может запрашивать любую информацию, относящуюся к применению Соглашения, в Совете сотрудничества и информируется о его рекомендациях, а также дает Совету сотрудничества свои рекомендации (ст. 97 СПС).

СПС предусматривает, что стороны будут устанавливать и другие процедуры в рамках механизма политического диалога, в частности, проведение два раза в год встреч на уровне старших должностных лиц обеих сторон; полное использование возможностей дипломатических каналов, а также любых других средств, включая возможность встреч экспертов, которые будут способствовать развитию и укреплению политического диалога.

**1) Торговля товарами**

В торговле товарами между Россией и ЕС СПС выделяет два вида режимов: общий режим, то есть непосредственно установленный СПС, и специальные режимы в отношении отдельных категорий товаров (текстиль, товары номенклатуры ЕОУС и др.), регулируемые на основе отдельных соглашений.

Торговля текстилем регулируется соглашением между Россией и ЕС о торговле текстильными товарами, которое фактически применяется с 1 января 1993 года. Этим соглашением установлены квоты отдельных категорий текстильных товаров, в рамках которых может осуществляться российский экспорт в ЕС и сложный механизм контроля за использованием квот.

Соглашение о торговле товарами номенклатуры ЕОУС (в основном прокат), которое по многим параметрам совпадает с "текстильным" соглашением, временно применяется с 23 января 1995 года.

Общий режим состоит из следующих аспектов.

Предоставляемый на взаимной основе режим наибольшего благоприятствования (РНБ) полностью соответствует РНБ, определенному в ГАТТ[6] и касается:

- таможенных пошлин и других сборов, взимаемых с экспортных и импортных товаров и при переводе платежей по экспорту и импорту, включая методы взимания пошлин;
- всех правил и формальностей при осуществлении экспортных и импортных операций;
- внутренних налогов и других сборов на импортные товары;
- правил, касающихся покупки, продажи, транспортировки, распределения и использования импортных товаров на внутренних рынках.

Применение РНБ означает, что любые преимущества, льготы, иммунитеты, предоставляемые Россией или ЕС товарам происхождением из третьих стран, должны быть немедленно и безусловно предоставлены товарам происхождением из соответственно ЕС или России.

Исключения из РНБ допускаются в отношении преимуществ, которые предоставляются соседним странам с целью облегчения приграничной торговли, в случаях создания зоны свободной торговли или таможенного союза (например, странам СНГ в рамках соглашений о свободной торговле), развивающимся странам в соответствии с ГАТТ и другими международными соглашениями (что позволяет нам и ЕС применять системы тарифных преференций в пользу развивающихся стран).

В плане таможенного обложения РНБ обеспечивает применение к импорту из России минимальных ставок таможенного тарифа ЕС, которые значительно ниже так называемых базисных, или автономных, ставок тарифа ЕС.

Применение РНБ означает также, что не могут применяться какие-либо дискриминационные правила или формальности при осуществлении экспортно-импортных операций, которые поставили бы товары соответственно из России или ЕС в худшее положение по сравнению с товарами любой третьей страны. Например, это касается процедур

таможенной очистки, включая оформление документов, пломбирование, досмотр и пр.

Эти положения позволят улучшить условия взаимного доступа на рынок товаров, сделать их стабильными и предсказуемыми.

В отношении внутренних налогов и сборов, а также законов, правил и требований, касающихся условий реализации импортных товаров на внутренних рынках, стороны предоставляют друг другу национальный режим.

Это означает, например, что российские товары на внутреннем рынке ЕС не могут облагаться налогами и сборами более высокими, чем товары происхождением из стран ЕС.

Национальный режим предусматривается также в отношении внутреннего регулирования, касающегося покупки, продажи, транспортировки, распределения и использования импортных товаров.

Исключения из этого режима касаются закупок товаров, осуществляемых правительственными органами для нужд правительства (но не в коммерческих целях), а также регулирования проката кинофильмов, путем установления минимальной доли показа отечественной кинематографической продукции.

Принятие указанных обязательств приведет, в частности, к выравниванию ставок акцизов на импортируемые и отечественные товары, а также методов взимания таких акцизов, что соответствует общепринятой практике и политике Правительства РФ в этой области.

Анализ ст. 15 СПС показывает, что обязательства Сторон по отмене количественных ограничений распределяются следующим образом.

ЕС полностью отменяет количественные ограничения на ввоз российских товаров, за исключением текстиля, товаров номенклатуры ЕОУС, а также товаров, ввоз которых в Испанию и Португалию определяется условиями соглашений о присоединении этих стран к ЕС (истекших в 1998 году).

Россия сохраняет за собой возможность применения количественных ограничений в определенных пропорциях от общего импорта из ЕС и на определенных условиях вплоть до присоединения к ВТО. По условиям ВТО, ее члены не могут применять количественных ограничений импорта. Условия применения квот связаны со структурной перестройкой российской промышленности, серьезными трудностями в отраслях экономики, резким сокращением доли на рынке у российских компаний, необходимостью защиты вновь возникшего производства.

Экономическое значение обязательств данной статьи весьма существенно: Сообщества не смогут сохранить значительное число квот на ввоз российских товаров, которые до последнего времени применялись в ЕС. Кроме того, что более важно, ЕС не сможет в будущем вводить такие квоты, за исключением узкого числа упомянутых выше случаев.

Соглашение разрешает применять меры по защите внутреннего рынка в случае импорта товара в таких количествах и на таких условиях, которые наносят или угрожают нанести существенный ущерб национальным производителям этого или непосредственно конкурирующего товара (ст. 17 СПС).

Такие меры могут быть приняты, как общее правило, только после консультаций и в случае, если на таких консультациях не принято взаимоприемлемого решения.

В случае введения одной из сторон защитных мер, другая сторона также получает право ограничить ввоз товаров из первой в аналогичных пределах и при соблюдении некоторых других условий.

Соглашение определяет правила и процедуры применения антидемпинговых мер путем прямой отсылки на соответствующие положения ГАТТ и Антидемпингового кодекса ГАТТ (ст. 18 СПС).

Вместе с положениями совместной декларации к этой статье, которая говорит об обязательном учете естественных конкурентных преимуществ производителей, чей товар обвиняется в демпинге, включая доступ к сырьевым материалам, процесс производства, близость производства к заказчику и специальные характеристики товара, условия применения антидемпинговых мер приобретают предсказуемый для России характер. Более того, соглашение в данном аспекте идет даже дальше обычной практики, фиксируя необходимость консультаций до принятия мер с целью нахождения конструктивного решения.

Включение указанных положений в СПС имеет важный для России характер. На сегодняшний день против российских товаров (удобрения, ферросплавы, металлы и пр.) в ЕС возбуждено более 15 антидемпинговых процедур, в ряде случаев введены антидемпинговые пошлины, которые практически закрыли рынок ЕС для отечественных экспортеров. Ежегодный ущерб ориентировочно составляет 200 млн. долл.

Кроме того, до последнего времени, а именно до 1992 года, ЕС, рассматривая Россию как страну с государственной системой торговли, категорически отказывалось от учета естественных конкурентных преимуществ России.

Путем прямой отсылки к статье ГАТТ устанавливается правило, в соответствии с которым законодательство, регулирующее вопросы торговли, должно быть опубликовано до того, как фактически изменятся условия торговли (ст. 13.4 СПС).

Кроме того, исполнение соответствующего законодательства должно осуществляться единообразным и обоснованным путем, то есть — по сути — на недискриминационной основе.

Это — важнейшая для экономических операторов норма, исполнение которой позволяет планировать внешнеторговые операции с учетом всех возможных препятствий, которые могут появиться в будущем в связи с изменением внешнеторгового законодательства.

Через прямую отсылку на положения ГАТТ, Россия и ЕС берут обязательство соблюдать принцип свободы транзита (ст. 12 СПС). Реализация этого принципа, прежде всего, с учетом вступления к ЕС Финляндии, создаст предсказуемые условия для развития российского экспорта. Одновременно это сделает привлекательным для иностранных экспортеров использование российской инфраструктуры для транзита грузов ЕС через российскую территорию, что увеличит доходность соответствующих отраслей транспортного сектора России.

Российские товары, которые поставляются в ЕС с целью реэкспорта

в неизменном виде или после переработки на предприятиях стран Сообщества освобождаются от таможенных пошлин (ст. 14 СПС). Аналогичные условия действуют и для товаров ЕС, временно ввозимых в Россию. Использование такой схемы позволяет значительно повысить эффективность российского экспорта, особенно при поставках в рамках долгосрочных контрактов, создает благоприятные условия для деятельности совместных предприятий производственного и сбытового характера, а также для выставочной деятельности.

Соглашение предусматривает создание нормальных, предсказуемых условий трудовой деятельности как для наемных работников, так и для деловых людей, находящихся на законных основаниях на территории одной из сторон соглашения (ст.ст. 23, 24).

Включение указанных положений исключительно важно для России для обеспечения прав и свобод российских граждан, выезжающих на заработки в Европу в условиях растущих миграционных потоков, ликвидации существующей дискриминации в отношении условий их занятости.[7]

В частности, положениями соглашения устанавливается, что стороны будут обязаны не допускать дискриминации наемных работников другой стороны по сравнению со своими собственными гражданами в том, что касается условий труда, уровня его оплаты, увольнения.

Другим важным положением соглашения, которое существенно повысит социальную защищенность российских граждан в странах ЕС, является обязательство сторон заключить отдельные соглашения, которые позволят обеспечить перевод пенсий, назначенных в пользу граждан по месту их работы за границей (по старости, инвалидности, полученной в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, или в случае смерти) в страну гражданства, а также получение гражданами семейных пособий.

Единственной категорией российских граждан, которые смогут работать в ЕС без применения такого усложненного порядка найма, будет так называемый "ключевой (руководящий) персонал" филиалов и дочерних предприятий российских компаний, а также совместных предприятий на территории ЕС.

Реализация обязательств по этой статье позволит осуществить принцип недискриминации российских граждан, занятых на территории стран ЕС.

Соглашение подтверждает обязательство осуществлять выдачу виз и видов на жительство с целью содействия быстрому въезду, пребыванию и передвижению по их территориям деловых людей, в соответствии с принципами Заключительного акта Боннской конференции СБСЕ (ст. 26 СПС).

Совет сотрудничества (совместный орган по наблюдению за реализацией Соглашения) будет регулярно рассматривать развитие ситуации с визовым режимом.

Стороны соглашаются с тем, что важным условием прогресса в либерализации визового режима является заключение соглашений о реадмиссии между Россией и странами ЕС.

Специальные режимы, согласно ст. ст. 20, 21, 22 СПС, распространяются на регулирование торговли текстильными изделиями, изделиями из номенклатуры ЕОУС и ядерными материалами, которое осуществляется на основе специальных соглашений.

До недавнего времени практика международно-правового регулирования шла по пути выделения экспорта/импорта текстильных товаров из общего торгово-политического режима. В течение многих лет международная торговля текстилем и одеждой регулировалась последовательно продлевавшимися пятилетними соглашениями по многим видам текстиля (MFA). В итоге рынок этой продукции был, по существу, жестко квотирован и разделен между импортерами и экспортерами. Соглашение по текстилю и одежде 1994 года, ставшее принципиально важным результатом Уругвайского раунда многосторонних переговоров, возвратило ГАТТ этот важный участок торговли. Оно содержит четкий перечень товаров, на которые распространяется его действие и устанавливает десятилетний переходный период (до 2005 года), в течение которого торговля текстилем и одеждой будет переведена с положений MFA на принципы ГАТТ[8].

Количественные ограничения традиционно применялись ЕС в отношении российского текстиля. В 1970—1980 гг. — в рамках общей политики "эффективной взаимности". В 1990—1992 гг. действовало двустороннее текстильное соглашение СССР — ЕЭС, в котором впервые был применен механизм "добровольных ограничений" российского экспорта и двойного контроля за реализацией квот. После истечения срока его действия, летом 1993 года было парафировано соглашение, которое закрепило систему одностороннего "добровольного" ограничения Россией экспорта текстиля в ЕС. Это соглашение действовало де-факто с 1 января 1993 года по 31 декабря 1996 года.

С 1 января 1997 года Комиссией ЕС установлены автономные квоты на импорт в страны-члены ЕС текстильных товаров из Российской Федерации. До настоящего времени ими было охвачено 29 наименований и категорий текстильной продукции.

Отличие автономного квотирования от режима самоограничения экспорта в том, что во втором случае российская сторона, выдавая экспортные лицензии, имела возможность их наиболее эффективного и полного использования. При одностороннем квотировании такая возможность утрачивается.

Сам факт введения ЕС автономных квот на импорт российского текстиля не противоречит действующим двусторонним соглашениям. Согласно ст. 20 СПС, вводится запрет на применение сторонами количественных ограничений, что распространяется на текстильные товары. Срок действия текстильного соглашения Россия—ЕС истек 31 декабря 1996 года. Тем самым прекратило действие зафиксированное в нем (ст. 1.2) обязательство ЕС отказаться от квотирования российского экспорта. Более того, в той же ст. 1.2 прямо говорится, что "количественные ограничения экспорта будут введены вновь в случае денонсации настоящего Соглашения или в случае, если оно не будет заменено другим Соглашением"[9].

Таким образом, после истечения срока действия текстильного соглашения 1993 года единственным исключением из общего режима СПС, действующим в отношении текстиля, осталось обоюдное намерение сторон применять в отношении друг друга количественные ограничения. На этом основании и в качестве ответной меры Россией были введены квоты на импорт из ЕС ковров и текстильных напольных покрытий (постановление Правительства от 11 декабря 1996 года №1549). Подобный шаг, учитывая, что он полностью соответствует положениям СПС, в том числе ст. 13, содержащей требование о транспарентности внешнеторгового законодательства, сыграл положительную роль. Это выразилось, прежде всего, в достижении договоренности с Комиссией ЕС о заключении нового соглашения по торговле текстильными товарами.

Текст нового соглашения был парафирован 29 марта 1998 года. Принципиальная схема соглашения сводится к полной отмене сторонами количественных ограничений в двусторонней торговле текстилем с 1 мая 1997 года и распространении на нее общего режима СПС. Таким образом, решена одна из острейших проблем в торгово-экономических отношениях России и ЕС, являвшаяся одним из проявлений ее нерыночного статуса.

Единственным основанием для введения количественных ограничений осталась ст. 17 СПС ("защитные меры"), которая применяется с оговоркой, что в течение трехлетнего периода ни одна из сторон не сможет в рамках такой процедуры вводить количественные ограничения на уровне, ниже достигнутого объема (ст. 3).

В Соглашение также включены положения, касающиеся предотвращения его возможного обхода, с тем, чтобы преимущества, которые Россия получит в связи с полной отменой квот, не могли быть использованы другими странами, в отношениях с которыми ЕС сохраняет ограничения на импорт текстиля. Для этих целей восстанавливается система двойного контроля с выдачей экспортных документов с российской стороны и импортных разрешений ЕС в заявительном порядке (двустороннее автоматическое лицензирование). Соглашение предусматривает возможность в перспективе отмены данной системы контроля.

В дополнении к Соглашению достигнуто понимание по вопросам сертификации, которое предусматривает упрощение процедур сертификации в отношении текстиля и одежды и прозрачности процедур оценки соответствия.

Соглашение, регулирующее торговлю изделиями из стали, вступило в силу в октябре 1997 года. Оно определяет квоты на экспорт в ЕС из России отдельных видов листового и сортового проката, подпадающих под номенклатуру Европейского объединения угля и стали. На товары, входящие в сферу действия Соглашения, приходится чуть менее одной пятой ежегодного экспорта российской стали в ЕС.

Соглашение призвано привести к полной либерализации российского экспорта, имея в виду отмену в течение пяти лет количественных ограничений на импорт стали из России в увязке с развитием в российском сталелитейном секторе необходимых условий конкуренции.

После истечения срока действия Соглашения (31 декабря 2001 года) торговля стальной продукцией будет регулироваться положениями СПС или правилами ВТО. В случае вступления России в ВТО до истечения срока действия Соглашения, положения последнего будут приведены в соответствие с нормами ВТО.

Соглашение предусматривает прогрессивное увеличение квот на импорт попадающих в сферу его действия товаров (10 % по сравнению с 1996 г. в первый год, 5 % — во второй год и по 2,5 % ежегодно в последующие годы). В нем зафиксирована возможность перераспределения квоты в пределах одной категории товаров (плоский или сортовой прокат), а также использования части невыбранной квоты в следующем году[10].

В Соглашении содержится обязательство ЕС не ухудшать режим импорта российских товаров в течение срока действия Соглашения, за исключением случаев применения антидемпинговых и защитных мер в соответствии с условиями СПС. В целях оперативного учета реализации квот будет действовать система двойного контроля.

Положения Соглашения, касающиеся конкуренции, государственной помощи и охраны окружающей среды, предусматривают постепенное применение в российской сталелитейной промышленности правил и механизмов, сопоставимых с существующими в ЕС.

Российская сторона взяла обязательство не вводить количественные ограничения, таможенные пошлины, сборы или другие аналогичные меры на экспорт металлического лома и отходов черных металлов в ЕС, за исключением случаев, определенных ст. 19 СПС (национальная безопасность, защита природных ресурсов и т.д.).

СПС (ст. 22) содержит временный режим торговли товарами ядерного топливного цикла (ЯТЦ), который стал результатом компромисса.

Суть развязок сводится к тому, что в отношении торговли ядерными материалами применяются все соответствующие положения СПС, кроме статей, касающихся отмены квот и процедур принятия защитных мер. Вместо этих статей действуют положения соглашения между СССР и ЕС о торговле, коммерческом и экономическом сотрудничестве 1989 г., касающиеся уровня цен в торговле, процедур принятия защитных мер и применения национального законодательства.

ЕС признает намерение России оставаться стабильным, надежным и предсказуемым поставщиком ядерных материалов, обязуется применять внутреннее законодательство в соответствии с правилами ГАТТ, то есть, по сути, на недискриминационной основе. ЕС согласился рассматривать Россию в качестве самостоятельного источника снабжения (ранее условная квота ЕС на импорт урана из одного источника в 25 % устанавливалась ЕС для всех государств СНГ в совокупности, тогда как, например, Канада одна пользовалась той же 25 % квотой).[11]

Окончательно проблема торговли товарами ЯТЦ должна быть решена, по всей видимости, в процессе вступления России в ВТО.

СПС (ст. 105) предусматривает особые условия в отношении торговли товарами, которые подпадают под Договор к Европейской энергетической хартии и Протоколам к нему, устанавливая их приоритет по отношению к СПС.

Ст. 19 содержит традиционную оговорку, согласно которой ничто не препятствует сторонам применять запреты и ограничения импорта и экспорта и транзита товаров, оправданные с точки зрения общественной морали, обеспечения правового порядка или общественной безопасности, защиты здоровья или жизни людей, животных или растений, природных ресурсов, национальных, художественных, археологических или исторических ценностей, охраны интеллектуальной собственности или применения правил, касающихся золота или серебра.

Такие запреты и ограничения не должны служить механизмом намеренной дискриминации или скрытого ограничения торговли.

Соглашение позволяет компаниям Сообщества и России, созданным соответственно на территории России и Сообщества, нанимать на работу непосредственно, или через одну из своих дочерних компаний, или одно из своих совместных предприятий согласно действующему законодательству страны, где она создана или где создана ее дочерняя компания или совместное предприятие лиц, являющихся гражданами государств-членов ЕС или России, соответственно, при условии, что эти лица используются в качестве основного (ключевого) персонала. В течение периода их работы по такому найму для них действует вид на жительство и разрешение на работу (ст. 32 СПС).

**2) Режим учреждения и деятельности компаний**

Соглашение четко разделяет прединвестиционную стадию (учреждение компании, то есть оформление необходимых документов для начала деятельности) и постинвестиционную стадию (функционирование уже учрежденной компании).[12]

Положения Соглашения регулируют режим для учреждения и деятельности компаний только в форме дочерних компаний (учреждаются иностранной компанией в качестве российского юридического лица, но в тоже время являются предприятием с иностранными инвестициями и, следовательно, могут подпадать под особые требования к деятельности, отличающиеся от применимых к другим российским юридическим лицам) и филиалов (не имеют статуса российского юридического лица, но ведут коммерческую деятельность).[13]

Для учреждения дочерних компаний и филиалов предусматривается режим наибольшего благоприятствования (РНБ). Таким образом, если в какой-либо сектор российской экономики иностранцы не допускаются вообще или их присутствие ограничено, они либо не смогут получить учредительные документы для деятельности в этой сфере, либо их документы будут содержать соответствующие ограничения.

РНБ будет предоставлен также и для функционирования филиалов. Иначе дело обстоит с режимом деятельности предприятий, учрежденных в форме дочерней компании. Пройдя стадию учреждения (в том числе получив соответствующую лицензию, если это предусмотрено законодательством), они получают статус российского юридического лица и будут пользоваться режимом, лучшим из национального режима и РНБ, для любых видов деятельности, отвечающих целям, предусмотренным в уставных документах предприятия (основной, определенной в учредительных документах, и непосредственно связанной с основной), за

исключением деятельности, указанной в списках изъятий из национального режима.

Соглашение фиксирует основные принципы, на которых может быть изменено национальное законодательство, касающееся учреждения и деятельности компаний. В соответствии с ними:

- стороны будут воздерживаться от ухудшения условий для учреждения и деятельности компаний;
- через три года после подписания СПС они изучат принятые меры, связанные с условиями учреждения и деятельности компаний, а также возможность принятия обязательства по неухудшению законодательства;
- в случае, если стороны констатируют, что условия учреждения и деятельности компаний существенно ухудшились, они вступят в консультации, в результате которых могут быть изменены обязательства сторон по этой части соглашения.

СПС создает стабильный климат для привлечения инвестиций компаний ЕС в Россию и для инвестиционной деятельности российских фирм в странах ЕС.

Оно существенно улучшает возможности для развития российских инвестиций в страны ЕС, так как — в силу имеющейся в ЕС практики — обязательство предоставления РНБ, по сути, означает обязательства предоставления национального режима для учреждения компаний.

**3) Режим торговли услугами**

В торговле услугами между РФ и ЕС до недавнего времени отсутствовали общепризнанные правила, какими в торговле товарами являются нормы и требования ГАТТ. Многосторонние правила регулирования торговли услугами были разработаны в рамках Уругвайского раунда торговых переговоров стран-участниц ГАТТ. Россия, не являясь членом ГАТТ, не участвовала в этих переговорах. Результатом многосторонних переговоров по услугам явилось подписание странами-участницами в апреле 1994 года в Маракеше на министерской встрече Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС), которое является составной частью пакета соглашений Уругвайского раунда.

Несмотря на то, что Россия не является стороной, подписавшей ГАТС, ЕС согласилось на использование для целей СПС отдельных ключевых элементов ГАТС и предоставить России аналогичные закрепленным для участников ГАТС условия доступа на рынки услуг ЕС (через реализацию принципа безусловного режима наибольшего благоприятствования).

Конкретные обязательства ЕС по условиям доступа на его рынок услуг представлены ими в ГАТС в виде соответствующего документа национальных обязательств в отношении всех участников ГАТС. Эти же обязательства ЕС берет на себя и в отношении России. Поэтому в СПС положения по услугам тесно перекликаются с предложениями ЕС на переговорах Уругвайского раунда. Даже в соглашениях об ассоциации ЕС со странами Восточной Европы, более развернутых с точки зрения уровня либерализации доступа сторон на рынки товаров и услуг, раздел услуг носит весьма общий характер.

В то же время, Россия не специфицировала в СПС конкретные

условия доступа на свой рынок услуг поставщиков услуг и услуг из ЕС (кроме финансовых услуг и услуг по морским перевозкам), что дает ей возможность сохранять определенную свободу маневра, необходимую для защиты зарождающихся секторов услуг в России. Предоставляя ЕС режим, не менее благоприятный, чем любой другой третьей стране, Россия исходила из существующих ограничений доступа иностранных поставщиков услуг на рынок России и возможности в течение определенного периода времени в будущем через эти ограничения регулировать развитие экономики услуг, включая проведение структурной политики и поддержку российских предприятий до достижения ими необходимого уровня конкурентоспособности.

В трансграничной торговле услугами Россия и ЕС договорились предоставить друг другу РНБ в отношении услуги и поставщика услуги среди секторов, содержащихся в приложении: консультационные услуги, инженерные услуги, услуги по проектированию, услуги в области информатизации, телекоммуникаций, франчейзенговые услуги, услуги по заочному обучению, лизинговые услуги, услуги в области маркетинга и рекламы, услуги по техническим испытаниям, комиссионные агентские услуги в области оптовой торговли во внешнеэкономической деятельности, услуги в области печати и полиграфии, финансовые услуги. Россия также включила в этот перечень такие сектора, как страхование рисков и услуги по НИОКР в области программного обеспечения, где российские поставщики данных видов услуг подвергались дискриминации.

Несмотря на то, что трансграничное оказание услуг не предполагает ни движения поставщиков услуг на территорию той стороны, куда услуга направляется, ни движения получателя услуги на территорию той страны, с которой услуга была оказана, важным условием реальной возможности оказывать услуги трансгранично является облегчение условий перемещения физических лиц, которые являются представителями компаний, оказывающих услуги, и которым необходимо получить разрешение на временный въезд в целях проведения переговоров о продаже трансграничных услуг или заключения соглашения о продаже таких услуг от имени таких компаний, представители которых сами не участвуют в прямых продажах таких услуг населению или в оказании услуг. В СПС предусмотрено, что ЕС и Россия разрешат перемещение таких физических лиц при соблюдении вышеперечисленных условий.

Специальные положения СПС предусматривают определенную стабильность и предсказуемость в развитии законодательства в области регулирования условий предоставления трансграничных услуг.

В отношении торговли услугами, оказываемыми предприятиями, учрежденными на территории России или Сообщества в качестве дочерних компаний или филиалов, действует общий режим учреждения и деятельности компаний.

Исключение составляют финансовые услуги и услуги по морским перевозкам в силу специфики этих секторов услуг, а также в силу того, что в торговле этими видами услуг в мировой практике действует, как правило, принцип эффективной взаимности. Этот принцип в двусторонних соглашениях реализуется либо в рамках соответствующего сек-

тора, либо (как в случае СПС) в рамках пакетной договоренности, учитывающей взаимные интересы сторон, которые в различных секторах могут не совпадать. Рассмотрим специфику этих сфер предоставления услуг.

1. Финансовые услуги. Для целей СПС используется определение финансовых услуг и их перечень, применяемый в ГАТС, что обеспечивает сопоставимость СПС с другими международными соглашениями, в которых Россия может участвовать в будущем.

Под финансовыми услугами понимаются, в частности, страховые услуги, включая прямое страхование, перестрахование, вспомогательные страховые услуги, банковские и другие услуги, включая операции с депозитами, кредитование, финансовый лизинг, гарантии и обязательства, операции с ценными бумагами и пр.[14]

В отношении условий учреждения и деятельности компаний, оказывающих финансовые услуги, в СПС действуют общие правила (РНБ для условий учреждения компаний и филиалов, а также деятельности филиалов, и лучший из национального режима и РНБ — для условий деятельности дочерних компаний), применяемые в отношении всех секторов, вместе с особыми положениями, касающиеся только финансовых услуг.

В отношении условий учреждения банков, режим наибольшего благоприятствования, предоставляемый России ЕС, фактически означает национальный режим. Режим наибольшего благоприятствования, предоставляемый ЕС Россией в отношении учреждения банков означает национальный режим с рядом изъятий.

Учрежденный банком ЕС на территории России банк будет рассматриваться как дочерний банк банка Сообщества, если более 50 % его доли участия принадлежит банку Сообщества.

Следующие изъятия позволяют России регулировать доступ банковских услуг и поставщиков банковских услуг из ЕС на российский рынок банковских услуг путем:

а) установления верхнего лимита совокупной доли иностранного капитала в российской банковской системе;

б) установления минимального размера капитала, необходимого для учреждения банка, по величине превышающего минимальный размер капитала, установленный для российских банков;

в) ограничения числа филиалов дочерних банков, учрежденных банками ЕС на территории России;

г) установления минимального размера остатка средств на счетах физических лиц в дочернем банке, учрежденном банком ЕС на территории России;

д) введения запрета для дочерних банков, учрежденных банками ЕС на территории России, на осуществление операций с акциями и ценными бумагами, обратимыми в акции российских акционерных компаний;

е) введения запрета для дочерних банков, учрежденных банками ЕС на территории России, на осуществление операций с российскими резидентами.

Указанные изъятия применяются на основе РНБ, то есть в отноше-

нии банков ЕС применяются те же изъятия, что и по отношению к любому банку, учрежденному банком любой третьей страны на территории России.[15]

Период действия изъятий, указанных выше в пунктах а) и б) в СПС не ограничен. Однако, между сторонами достигнута договоренность о рассмотрении через 5 лет с момента подписания соглашения в рамках Совета сотрудничества возможности увеличения квоты участия иностранного капитала в совокупном банковском капитале и уменьшения минимального размера уставного капитала для банков с участием иностранных инвестиций. Такая же договоренность, предусматривающая совместные консультации через три года с момента подписания Соглашения, достигнута в отношении рассмотрения возможности смягчения условий создания филиалов банков с участием иностранного капитала в России и их операций с физическими лицами. При этом будут приниматься во внимание такие факторы, как состояние денежно-кредитной и налоговой систем Российской Федерации, показатели ее платежного баланса и уровень развития национальной банковской системы.

Изъятия, перечисленные в пунктах в), г) и д), распространяются на банки, где доля участия в их капитале нерезидентов превышает 50 %, и только на те банки с участием иностранного капитала, которые будут учреждены после вступления ограничений в силу.

Изъятия сделали возможной реализацию мер компетентных российских органов по обеспечению интересов российского банковского сектора (прежде всего, что касается условий конкуренции на наиболее важном рынке так называемых розничных услуг, связанных с обслуживанием физических лиц). Они обеспечили контроль за уровнем иностранного присутствия в российском банковском секторе, предоставляя все разумные гарантии стабильности для банков ЕС, действующих и планирующих начать операции на российском банковском рынке. Одновременно российские банки получают благоприятные условия учреждения и деятельности в странах ЕС.

В отношении условий учреждения компаний, оказывающих услуги в области страхования, ЕС предоставил России безусловный РНБ, что фактически означает национальный режим. Россия предоставляет ЕС РНБ де-юре в отношении учреждения только дочерних компаний (создание филиалов с участием иностранного капитала запрещено), который определен законодательством и правилами, применяемыми в России на день учреждения. При этом Россия взяла на себя обязательство по истечении самое позднее пяти лет с даты подписания СПС отменить максимальный лимит на долю участия иностранного капитала в размере 49 % в капитале компании (пп. 1 п. В Приложения 7 к СПС).[16]

В то же время Россия получила право в течение переходного периода в 5 лет независимо от отмены вышеуказанного ограничения вводить иные ограничения на участие иностранного капитала в отдельных секторах страховых услуг (обязательное страхование в сфере социального обеспечения, в области государственных закупок) или в целях защиты инвесторов, держателей вкладов, страховых полисов или лиц, которые

являются траст-агентами поставщика финансовых услуг, или с целью обеспечения целостности и стабильности финансовой системы. Эти меры, однако, не должны устранять или существенно снижать эффект отмены максимальной доли иностранного участия в 49 % (пп. 2 п. В Приложения 7 к СПС).

В отношении условий деятельности дочерних компаний, учрежденных в секторе страховых услуг компаниями ЕС или России, соответственно, на территориях друг друга, Россия и ЕС предоставили друг другу национальный режим.

В финансовом секторе Стороны также согласились не принимать любые новые правила или меры, которые введут или усилят дискриминационный разрыв в условиях учреждения и деятельности компаний по сравнению с ситуацией, существующей на дату подписания СПС.

Важным положением, обеспечивающим России свободу маневра в регулировании финансового сектора ее экономики, является возможность предпринимать меры по т.н. "причинам, продиктованным благоразумием", включая защиту инвесторов, держателей вкладов, страховых полисов или лиц, которые являются траст-агентами поставщика финансовых услуг, или с целью обеспечения целостности и стабильности финансовой системы, что может иметь достаточно широкое толкование с учетом момента, когда их применение считается целесообразным. Кроме того, никакие обязательства Сторон в СПС не могут быть истолкованы как требование к Стороне раскрыть информацию, связанную со сделками и счетами индивидуальных потребителей или любую конфиденциальную или являющуюся предметом собственности информацию, находящуюся во владении государственных организаций.

Соглашение содержит положения, позволяющие Сторонам применять меры по предотвращению обхода компаниями третьих стран законодательства Сторон Соглашения об учреждении компаний путем использования преимуществ, которые Россия и ЕС предоставляют друг другу в соответствии с этим соглашением. Указанная оговорка включена намеренно с целью сохранить для России переговорные позиции для возможных в будущем переговоров с другими государствами. Одновременно она концентрирует все преимущества соглашения только на компаниях сторон, что даст в перспективе динамический эффект.

2. Специфика услуг в области морского транспорта. В отношении учреждения и деятельности судоходных агентств по предоставлению международных морских транспортных услуг, охватывающих смешанные перевозки с использованием морского плеча. Россия и ЕС в соответствии с их законодательством предоставили друг другу РНБ или национальный режим, в зависимости от того, какой из этих режимов будет лучше. Агентства, в отношении которых действует вышеуказанный режим учреждения и деятельности, могут учреждаться в форме дочерних компаний или филиалов. При этом деятельность таких агентств не должна выходить за рамки перечисленных в СПС видов, таких как маркетинг, подготовка документации, касающейся транспортных и таможенных документов, предоставление коммерческой информации, установление деловых договоренностей с другими судоходными агент-

ствами, действие от имени компаний, в том числе в организации захода судов и принятия грузов. В то же время, компании сторон не получают доступа к тем видам деятельности, которые обычно резервируются по законодательству для национальных предприятий и организаций, например, лоцманская проводка, спасательные операции и другие.

Специфика международного морского транспорта также нашла отражение в положении, определяющем, что судоходные компании, учрежденные за пределами России или Сообщества и контролируемые гражданами России или, соответственно, любого государства-члена ЕС, также могут пользоваться преимуществами тех глав Соглашения, которые устанавливают условия учреждения и деятельности компании и трансграничного предоставления услуг, при условии, что их суда зарегистрированы в Сообществе или России, соответственно, согласно их законодательству. В положениях, касающихся морских перевозок, речь идет о подтверждении принципа неограниченного доступа к международному рынку морских перевозок на коммерческой основе, что подразумевает следование в линейных перевозках принципам Кодекса поведения линейных конференций, отказ от принципа деления грузов в двусторонних перевозках и приверженность духу свободной конкуренции в перевозках навалочных грузов. Стороны также берут на себя обязательство отменить и не применять в будущем односторонние меры, административные, технические и другие препятствия, которые могут представлять собой скрытые ограничения или иметь дискриминационный эффект на свободное предоставление услуг по международным морским перевозкам (ст. 39 СПС).[17]

СПС также подтверждает намерение России продолжать прилагать усилия, направленные на увеличение численности портов, открытых для иностранных судов. При этом Россия будет принимать к сведению политику ЕС по сохранению открытыми для иностранных судов всех портов, открытых для международной торговли. ЕС и Россия признают, что степень открытия портов для иностранных судов является существенным признаком при оценке условий, необходимых для свободного предоставления услуг международным морским транспортом. С этой целью Россия и ЕС намерены каждые два года проводить в рамках Совета сотрудничества консультации по положению в портах. Механизм консультаций будет также использоваться в случае возникновения серьезных трудностей в сохранении какого-либо порта открытым для международных судов с целью обеспечения того, чтобы любые предпринятые в силу этого действия в наименьшей степени влияли бы на свободное предоставление международных услуг по морским перевозкам.

С целью создания благоприятных условий для железнодорожных перевозок между Россией и ЕС, Стороны будут способствовать упрощению процедур таможенного и пограничного состава, отвечающего требованиям международных перевозок и способствующего сближению правовых и организационных условий международных перевозок, сохранению и развитию международных пассажирских сообщений между Россией и странами-членами (ст. 40 СПС).

В целом, для обеспечения скоординированного развития транспорта между Россией и ЕС в СПС для Сторон предусмотрена возможность заключать специальные соглашения по отдельным видам транспорта об условиях взаимного доступа на рынки транспортных услуг (ст. 43 СПС).

Другим видом услуг, положения о котором закреплены в СПС, являются услуги мобильной спутниковой связи.

В СПС включены положения о намерении сторон оказывать друг другу поддержку, что касается мер, содействующих трансграничной торговле услугами мобильной спутниковой связи на их территориях (ст. 42 СПС).

В конкретном плане, речь идет о возможности реализации в Европе имеющихся в России фундаментальных наработок в области создания и эксплуатации систем мобильной спутниковой связи, прежде всего, на геостационарных орбитах с использованием развертываемых антенн большого диаметра. В этой связи продолжается налаживание сотрудничества в рамках системы ГЛОНААС, имеется в виду дальнейшее развитие глобальной спутниковой навигационной системы гражданского назначения.

В 1993 году было подготовлено соглашение между Россией и ЕС о космических запусках, которое не было подписано. Как следствие, Россия не имеет допуска на европейский рынок коммерческих запусков. Ежегодная емкость этого рынка услуг оценивается для РФ в $ 150—200 млн

Тем не менее, Россия и ЕС имеют взаимный интерес в увеличении числа успешных проектов в области космоса. Среди них проекты по космической станции, ракетам-носителям, использованию спутников (дистанционное зондирование земли, навигация и коммуникация), разработке ракетно-космической техники с применением самых передовых технологий.

Однако, сегодня подобное сотрудничество Россия развивает с европейскими государствами в большей степени на двусторонней основе (Франция, Германия). Не решен окончательно вопрос о доступе российских операторов на европейский рынок космических запусков. По подобному вопросу с США Россия уже договорилась. Это дало возможность получить сотни миллионов долларов, которые будут содействовать развитию экономики России, решению социальных задач.

До сих пор существует недостаточная информированность и значительные резервы в организации совместного использования космических услуг во взаимоотношениях между Россией и ЕС. Отсюда вытекает необходимость установления более активного диалога между обеими сторонами в поддержку координации и сотрудничества в космических проектах. Такой диалог призван собрать представителей космических агентств, исследовательских институтов, представителей властей, организаций, осуществляющих управление проектами, и промышленности. Диалог мог бы также помочь идентифицировать возможные проекты, группируя партнеров из различных областей, которые могли бы рассматриваться как кандидаты на поддержку на уровне Сообщества.

*Положения о дальнейшей либерализации торговли услугами*

В СПС предусмотрены также эволюционные оговорки, касающиеся трансграничной торговли услугами. Одна из них фиксирует намерения России и ЕС о дальнейшей либерализации режима торговли услугами, используя механизм Совета Сотрудничества и принимая во внимание развитие секторов услуг Сторон и другие международные обязательства Сторон, включая обязательства по ГАТС. Это положение позволяет, по мере дальнейшей либерализации мировой торговли услугами, добиваться предоставления ей таких же условий доступа на рынок услуг, какие предоставляются любой третьей стране.

Вторая эволюционная оговорка обеспечивает сопоставимость норм и правил СПС с формирующимся механизмом многостороннего регулирования торговли услугами с учетом тенденций развития мировой торговой системы в рамках ВТО, включая ГАТС (ст. 47 СПС).

*Другие направления сотрудничества*

**1) Движение капиталов и текущие платежи**

Режим, предоставленный сторонами в вопросах движения капиталов и текущих платежей, имеет ключевое значение для реализации всех других важных положений соглашения, касающихся, прежде всего, режима торговли товарами, услугами, учреждения и деятельности компаний, так как непосредственно определяет условия экономической деятельности в соответствующих областях.

Стороны обязуются разрешить свободное осуществление текущих платежей между резидентами России и Сообщества, связанных с движением товаров, услуг или физических лиц, которые производятся в соответствии с положениями настоящего Соглашения.

Стороны договорились о том, что будет обеспечено свободное движение капитала в форме прямых инвестиций между резидентами России и Сообщества. Это означает свободный перевод средств в виде и для:

- первоначальных и дополнительных капиталовложений с целью создания или расширения предприятия, капитал которого полностью или частично принадлежит иностранному инвестору;
- кредитов на срок свыше 5 лет на цели развития производства;
- приобретения долей участия в существующем предприятии;
- сумм, получаемых инвестором в результате частичной или полной ликвидации или продажи предприятия и другой прибыли от капиталовложения;
- компенсаций в случае экспроприации или национализации предприятия.[18]

Россия сохраняет права на введение ограничений на осуществление ее резидентами прямых капиталовложений за рубежом. Через 5 лет после вступления соглашения в силу стороны обсудят возможность снятия таких ограничений с учетом состояния валютных резервов, финансовой и налоговой систем России.

Другие операции, связанные с движением капитала, не подпадают под регулирование СПС. Стороны только закрепляют свое согласие на

введение через пять лет после вступления Соглашения в силу положения о неухудшении соответствующих законодательств (п. 5 ст. 52 СПС).

Однако, при этом имеется положение о возможности применения Сторонами защитных мер в отношении движения капитала между резидентами России и Сообщества. Такие меры могут вводиться на период, не превышающий шесть месяцев, и не должны затрагивать операции, связанные с движением капитала в форме прямых инвестиций (п. 6 ст. 52 СПС).

Статья содержит положение о доброй воле Сторон в отношении их стремления к либерализации капитальных операций и, особенно, операций, связанных с портфельными инвестициями и коммерческими кредитами, а также имеющих отношение к финансовым займам и кредитам, привлекаемым российскими резидентами от резидентов Сообщества (п. 8 ст. 52 СПС).

Положение о режиме наибольшего благоприятствования в отношении порядка проведения текущих и капитальных операций между резидентами Сторон и в отношении способов платежей соответствует духу настоящего Соглашения и соотносится с другими международными договорами и соглашениями, исполняемыми Российской Федерацией, а также нормами ВТО (п. 9 ст. 52 СПС).

Режим наибольшего благоприятствования, предоставленный сторонами друг другу по упомянутым разделам соглашения, не исключает для Сторон предоставить более благоприятный режим третьим странам в соответствии с соглашениями об экономической интеграции.

Под такими соглашениями понимаются соглашения о создании зоны свободной торговли или таможенного союза, а что касается секторов услуг — соглашения об экономической интеграции, как они определены в ГАТС (т.е. Соглашения, ведущие к устранению дискриминации в торговле услугами).

Для России такие изъятия будут необходимы в случае ее участия в экономическом союзе стран СНГ или в случае заключения иных соглашений интеграционного типа с третьими странами.

Стороны не обязаны выполнять свои обязательства таким образом, который нанесет ущерб общественному порядку, общественной безопасности и общественному здоровью. Это положение позволяет России и ЕС сохранять действующие и вводить новые ограничения, связанные с реализацией упомянутых выше задач, что соответствует нормальной международной практике.

Учитывая деликатную форму национальной налоговой политики, с Сообществами достигнута договоренность о включении в СПС положений, которые определяют, что:

- РНБ не применяется к налоговым льготам в рамках двусторонних соглашений по налоговым вопросам;

- положения Соглашения не ограничивают принятие сторонами мер, которые имеют своей целью препятствовать избежанию или уходу от налогов в соответствии с международными соглашениями или внутренним законодательством, а также препятствовать различным подходам к налогоплательщикам, которые не находятся в идентичной ситуации, в частности, что касается их местопребывания.

Указанные исключения способствуют реализации национальных налоговых политик России и стран-членов ЕС.

Они не исключают возможности отдельных договоренностей по налоговым вопросам со странами ЕС и не препятствуют осуществлению существующих договоренностей в этой сфере, в частности, соглашений об избежании двойного налогообложения, заключенных со странами ЕС.

**2) Правила конкуренции**

Цель включения в текст СПС положений о конкуренции — создание стабильных и предсказуемых условий в торговле между Россией и ЕС в соответствии с нормами и принципами справедливой конкуренции, применяемыми в мировой практике, в частности, в рамках ВТО. Эти положения, в основном, имеют характер намерений, имеют ограниченную сферу применения, то есть торговые отношения между Россией и ЕС.

Стороны согласились прилагать усилия, направленные на устранение ограничительной деловой практики, вызванной государственным вмешательством или поведением предприятий, в той мере, в какой это может затрагивать торговлю между Россией и ЕС. Эти усилия будут реализовываться следующим образом (п. 1 ст. 53 СПС).

1. Россия и ЕС обеспечивают наличие и реализацию соответствующего законодательства в области ограничительной деловой практики.

2. Стороны воздерживаются от предоставления экспортных субсидий, выделяемых из государственного бюджета определенным предприятиям или на цели определенного производства товаров, кроме сырьевых товаров (п. 2 ст. 53 СПС). Речь идет прежде всего о специфических элементах субсидирования конкретных экспортных операций, которые нарушают условия справедливой конкуренции во внешней торговле России и ЕС. Кроме того, находясь в процессе присоединения к ГАТТ/ВТО, Россия должна соотносить мероприятия своей внутренней экономической политики с будущими обязательствами по ГАТТ/ВТО, которые, в частности, состоят в отмене экспортных субсидий, а также в необходимости приводить свое внутреннее законодательство в соответствие с этими нормами.

Стороны также заявили о своей готовности, начиная с третьего года после вступления в силу СПС, строго контролировать (вплоть до запрета) другие виды субсидирования, которые воздействуют на торговлю между Россией и ЕС. Эти категории помощи будут определены Сторонами совместно в течение этого переходного периода. Речь идет о том, что, в соответствии с мировой практикой, а также нормами и принципами ГАТТ/ВТО, субсидирование должно осуществляться в соответствии со строго определенным порядком или схемами, которые законодательно должны быть закреплены.

Положения по конкуренции предполагают открытость информации, касающуюся схем применения субсидий и конкретных случаев государственной помощи (абз. 2 п. 2.2. ст. 53 СПС).

В СПС содержится для России возможность в течение переходного периода в 5 лет с даты вступления СПС в силу отходить от обязательств по субсидированию, кроме прямых экспортных субсидий, в отношении секторов своей экономики, которые:

- претерпевают структурную перестройку; или
- сталкиваются с серьезными трудностями, в частности, с такими, которые вызывают серьезные социальные проблемы в России; или
- сталкиваются с ограничением или резким сокращением совокупной рыночной доли российских компаний или физических лиц в данном секторе или производстве в России; или
- представляют собой вновь возникшие производства в России.[19]

В положениях по конкуренции особо оговорены случаи государственной монополии коммерческого характера, государственных предприятий и предприятий, которым предоставляются эксклюзивные права.

В случае государственной монополии коммерческого характера Стороны выразили готовность, начиная с третьего года после вступления в силу данного Соглашения, обеспечить неприменение дискриминации между экономическими операторами Сторон в отношении, при которых товары приобретаются и реализуются. В случае государственных предприятий или предприятий, которым Россия или государства-члены предоставили исключительные права, Стороны выразили готовность, начиная с третьего года после вступления в силу СПС, обеспечить, чтобы не принимались или не сохранялись меры, нарушающие торговлю между Россией и ЕС, в случае их противоречия интересам Сторон. Это, однако, не должно препятствовать выполнению конкретных задач, возложенных на такие предприятия (п. 2.4. ст. 53 СПС).

В СПС предусмотрен механизм консультаций Сторон в рамках Совета сотрудничества по вопросам ограничения или нарушения конкуренции. При этом будут соблюдаться ограничения, налагаемые законодательством Сторон в отношении раскрытия информации, конфиденциальности и коммерческой тайны (п. 3 ст. 53 СПС).

Положения СПС по конкуренции не противоречат политике Правительства в этой сфере и соответствуют международной практике.

**3) Защита прав интеллектуальной собственности**

Соглашение подтверждает приверженность Сторон выполнению взаимных обязательств, вытекающих из их участия в многосторонних конвенциях по защите различных объектов интеллектуальной собственности: промышленная собственность, патенты, торговые знаки и знаки обслуживания (перечень Международных актов дается в п. 2 ст. 54), и намерение сторон совместно сотрудничать в данной области.

Вопросы сотрудничества или споры, имеющие влияние на торговлю между Россией и ЕС и связанные с данной проблематикой, будут обсуждаться на консультациях представителей сторон в рамках Совета сотрудничества.

Соглашение определяет также принципы действия сторон по защите прав интеллектуальной собственности, исходя из реального уровня правового регулирования данных вопросов в России и странах ЕС, а также принципов Соглашения по торговым аспектам защиты прав интеллектуальной собственности (так называемых ТРИП'с) — одним из новых соглашений, заключенных по итогам Уругвайского раунда МТП ГАТТ — являющегося составной частью правовой основы Всемирной торговой организации (ВТО). Основной целью этих положений является

закрепление практики безусловной защиты прав интеллектуальной собственности, объем и уровень которой (защиты), тем не менее, может быть разным в отношениях России с третьими странами. Это необходимо, во-первых, для обеспечения должного уровня защиты российских прав интеллектуальной собственности (патенты, лицензии, авторские права и пр.) в странах Сообщества, так как зачастую невозможность сделать это мотивируется отсутствием должного аналогичного уровня защиты иностранных прав в России.

Во-вторых, такое обязательство важно для поощрения иностранных инвестиций в России, одним из основных условий привлечения которых является именно вопрос об охране прав интеллектуальной собственности в отношении товаров, услуг или иных капиталовложений, совершенных на территорию Российской Федерации.

В практическом плане соглашение фиксирует, в частности, намерение России в течение 5 лет с момента вступления в силу присоединиться к трем международным соглашениям по защите ряда прав интеллектуальной собственности, сторонами которых страны ЕС уже являются либо применяют их на практике (Приложение 10 СПС). Данный период позволит российской стороне полностью завершить начавшуюся в 1990—1991 гг. правовую и организационную работу по присоединению к этим Соглашениям.

**4) Экономическое сотрудничество**

СПС определяет основные направления отраслевого сотрудничества, представляющие взаимный интерес.

В целом, оно является вторичным по отношению к режимным разделам и статьям Соглашения, содержащим режимы, которые задают рамки такого сотрудничества и условия взаимного доступа товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Это связано с тем, что само по себе экономическое сотрудничество по направлениям, перечисленным в соглашении, может непосредственно реализовываться только через торговлю товарами, предоставление услуг, движение капиталов, передвижение рабочей силы.

СПС определяет общие юридические рамки и конкретные приоритетные направления межотраслевого сотрудничества и технического содействия Сторон по следующим темам: промышленное сотрудничество; инвестиции; стандарты и сертификация продукции; сырьевая и горнодобывающая промышленность; наука и технологии; образование и профессиональная подготовка; сельское хозяйство и агропромышленный сектор; энергетика, в том числе ядерная; космос; строительство; охрана окружающей среды; транспорт; почтовые и телекоммуникационные услуги; финансовые услуги (банковские, страховые и пр.); региональное и социальное сотрудничество; туризм; поощрение и развитие малых и средних предприятий; коммуникации, информация и информатизация; таможенные вопросы; статистика; макроэкономическая информация; экономико-социальные аспекты сотрудничества в области "отмывания" денежных средств и наркотиков; сотрудничество сторон в области создания эффективной системы регулирования движения капиталов и платежей в России (ст.ст. 57—83 СПС).[20]

Основываясь на положениях статей и рамках Соглашения в целом, российские органы исполнительной власти, отдельные предприятия и компании России после вступления Соглашения в силу смогут через Совет сотрудничества взаимодействовать с КЕС и странами-членами по конкретным интересующим их проблемам и имеющимся либо планируемым программам.

**5) Сотрудничество по предотвращению противоправной деятельности**

Определены взаимоприемлемые направления сотрудничества правоохранительных органов, которые, через Совет сотрудничества по Соглашению, будут иметь возможность обсуждать конкретные вопросы взаимодействия и выработки совместных программ, в частности, по проблемам нелегальной иммиграции, экономической преступности и, в частности, коррупции, нелегального оборота наркотических и психотропных веществ, подделок, незаконных сделок с различными видами товаров, включая промышленные отходы (ст. 84 СПС).

**6) Финансовое сотрудничество**

Соглашение предусматривает продолжение реализации программ ЕС по оказанию безвозмездного технического содействия России для ускорения экономических преобразований (ст.ст. 86—89 СПС). В 1998 году в рамках программы ТАСИС России было выделено 2,224 млрд. американских долларов.[21]

**7) Сближение законодательств**

Соглашение содержит общее обязательство о сближении законодательств России и ЕС. Оно касается, прежде всего, экономического законодательства, касающегося предприятий, банков, налогообложения, конкуренции, защиты потребителей и пр. (ст. 55 СПС).

При этом речь идет главным образом о принципах построения соответствующего законодательства. Законодательство ЕС обобщает опыт экономического развития стран с различным уровнем благосостояния и с различным экономическим курсом. Оно гибко учитывает такие различия и главным образом закрепляет основополагающие принципы, на базе которых должны строиться взаимоотношения субъектов права в той или иной области.

Следует отметить также, что законодательство ЕС соответствует международно-признанным нормам и правилам, в частности, нормам ВТО, организации экономического сотрудничества и развития ОЭСР, другим нормам, определенным в многосторонних соглашениях, в том числе и тех, стороной которых является Россия.

Сближение законодательств позволит в перспективе существенно стимулировать развитие экономического взаимодействия с ЕС: российские производители постепенно окажутся в адекватной правовой среде, что сгладит или сведет к минимуму объективно существующие различия в экономической деятельности в России и в ЕС. В свою очередь, это подтолкнет российских предпринимателей к необходимости быстрой адаптации к новым условиям, закрепит необратимый характер рыночных реформ в России.

Темпы и характер реализации этого обязательства будут определяться Россией самостоятельно.

**8) Сотрудничество в области культуры**

РФ и ЕС содействуют расширению культурного сотрудничества, включая обмен между учреждениями, деятелями и работниками искусств информацией и опытом в области культурного наследия, а также перевод литературных произведений (ст. 85 СПС).

**9) Контроль за реализацией СПС**

В целях наблюдения за реализацией СПС и оперативного решения проблем, возникающих в процессе его применения, соглашением создается трехуровневая система взаимодействия, описанная во второй главе.

Кроме того, создан механизм разрешения споров по соглашению. В соответствии с ним, споры разрешаются либо Советом сотрудничества, либо в арбитражном порядке в соответствии с определенными в статье 101 СПС процедурами.

Соглашение подтверждает конституционный принцип свободы доступа в суды и административные органы физических и юридических лиц. Оно также подтверждает намерения сторон поощрять использование арбитражных правил Комиссии ООН по международному торговому праву и арбитража любого центра государств-участников Конвенции о признании и приведении в исполнение арбитражных решений, стороной которой является Россия (ст. 98 СПС). Кроме того, в соответствии с той же статьей, стороны должны поощрять использование арбитража для разрешения споров, возникающих в связи с коммерческими и иными экономическими сделками между операторами России и ЕС.

СПС по своим характеристикам идет намного дальше всех имеющихся двусторонних экономических соглашений России с государствами-членами ЕС. Вместе с тем, во избежание неправильного применения, Россия и ЕС договариваются о том, что до тех пор, пока фирмы и граждане России и ЕС имеют больше прав по двусторонним соглашениям между Россией и государствами-членами, эти права не могут быть сокращены СПС (ст. 109 СПС).

В некоторых двусторонних соглашениях было заранее предусмотрено такое развитие событий (имеются в виду соглашения, заключенные в последние 10—15 лет); так, например, Соглашение между РФ и Австрийской Республикой о торговле и экономическом сотрудничестве от 8 ноября 1993 года в ст. 22 предусматривает, что договаривающиеся стороны при вступлении их в ЕС или организации-преемники, не будут связаны данным соглашением в той части, которая является несовместимой с их статусом членов в таких организациях.

### *Заключение*

На сегодняшний день, когда в России и ЕС закончился период "эйфории" в отношениях обеих сторон, становится ясно, что российско-европейские связи будут развиваться медленно, сталкиваясь с большими трудностями в их реализации на практике. И здесь на первый план выходит рутинная работа, направленная на совместное осуществление достигнутых договоренностей, поиск решения конкретных проблем и взаимоприемлемых компромиссов, то есть все то, что именуется

в Европе стратегией продвижения "шаг за шагом" ("step-by-step" strategy).[22]

Успешное сотрудничество Российской Федерации и ЕС будет способствовать продвижению России по пути реформ, к социально ориентированной рыночной экономике и плюралистической демократии.

В целях содействия России по преодолению кризисных явлений в ее экономике целесообразно было бы найти решения по существенным для России вопросам во взаимоотношениях с ЕС. Такими вопросами, в первую очередь, являются: признание за Россией в полном объеме статуса страны с рыночной экономикой, учет российских интересов в торгово-экономических обменах, поддержка инвестиций в реальную экономику России, адаптация к ее неотложным нуждам технической помощи. Действенной помощью России было бы улучшение экспортных возможностей на рынках ЕС, режима ядерного экспорта, коммерческих космических запусков, пересмотр действующих антидемпинговых процедур, содействие развитию предпринимательства.

Закрепление в СПС поступательности, стабильности, предсказуемости диалога по приоритетным областям сотрудничества, придание характера целевого движения партнерству России с государствами крупнейшей и наиболее динамичной в мире интеграционной группировки — большое достижение российской дипломатии. Теперь стоит задача добиться последовательного осуществления этого документа в интересах России. Эта работа затрагивает многие сферы, включая промышленную, научно-техническую кооперацию, транспорт, энергетику, сельское хозяйство, банковский сектор, телекоммуникации, информатику, космос, малый и средний бизнес, туризм, образование, культуру, правоохранительные органы. К ней подключены десятки министерств и ведомств, деловые круги, наука, а в целом — миллионы российских граждан. От их действий, инициативы, ответственности будет зависеть эффективность общих усилий по становлению отношений России с ее партнерами в ЕС. В этом аспекте чрезвычайно важна правовая работа по сближению законодательства в закрепленных СПС сферах, его надлежащему правоприменению и выработке новых точек соприкосновения, взаимовыгодному обеим сторонам. Эта работа требует не только соответствующих усилий, но и квалифицированных экспертов в данной области. А значит, необходимо юридическое образование в сфере европейского права; подготовка таких специалистов уже осуществляется в российских ВУЗах. Именно эти специалисты и будут работать с существующей базой правоотношений России и ЕС, а также развивать наши отношения уже в следующем тысячелетии.

---

[1] *Jean Raux.* "Le partenariat entre l'Union européenne et la Federation Russie", p. 262. Editions Apogee, 1998.

[2] Economic Survey of Europe, p. 37. Secretariat of the Economic Commission for Europe. Geneva, 1996.

[3] Там же, стр. 140.

[4] Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией, стр. 12. Москва, 1994.

[5] "Европа на пороге XXI века: ренессанс или упадок?" Под редакцией *Пархалиной Т.Г.* ИНИОН РАН, Москва, 1998.
[6] ст. 10 СПС. Там же, стр. 90.
[7] "Правовой режим доступа российских товаров на рынок Европейского Союза", *А.И. Шишаев*. "Юридический мир" №7, 1998.
[8] Там же, стр. 28.
[9] Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией, стр. 66.
[10] "Юридический мир" № 8, 1998, стр. 20.
[11] Там же, стр. 20.
[12] Ст. 30 Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией, стр. 101.
[13] Ст. 30 (в) СПС. Там же, стр. 101.
[14] Приложение 6 к СПС. Там же, стр. 163.
[15] Приложение 7 к СПС. Там же, стр. 166.
[16] Там же, стр.168.
[17] Там же, стр. 109.
[18] Там же, п. 2 ст. 52, стр. 116.
[19] Там же, Приложение 9, стр. 171.
[20] Там же, стр. 122—140.
[21] "Европейский Союз: факты и комментарии", №1, 1997.
[22] "Европа на пороге XXI века: ренессанс или упадок ?" Под редакцией *Пархалиной Т.Г.* ИНИОН РАН, Москва, 1998.

*Статья поступила в редакцию в марте 2000 года*

# ИНТЕГРИРОВАНИЕ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО (О ВЫПОЛНЕНИИ РОССИЕЙ ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПЕРЕД СОВЕТОМ ЕВРОПЫ)

С.А. Горшкова*

Вступление в Совет Европы России (февраль 1996 года) и ее присоединение к основным европейским конвенциям по правам человека, стали важным этапом в утверждении в нашей стране системы защиты прав человека.

Несмотря на временное ухудшение отношений между Россией и Советом Европы в первой половине 2000 года и принятие его Парламентской Ассамблеей 6 апреля резолюции об ограничении полномочий российской парламентской делегации в связи с определенными нарушениями прав человека в ходе проводимой федеральной армией анти-

*Кандидат юридических наук. Подробнее об авторе см. № 3 нашего журнала за 1999 год.

террористической операции в Чеченской Республике, наша страна не может находиться в какой-либо изоляции от Европейского сообщества. Россия принципиально заинтересована в том, чтобы устранить возникшие противоречия и продолжить конструктивное сотрудничество с Советом Европы, исходя из общих целей укрепления демократия, верховенства закона и соблюдения прав человека, интегрируясь в европейское правовое пространство.

Став членом Совета Европы, Российская Федерация для приведения своего законодательства в соответствие с европейскими нормами обязалась выполнить более трех десятков требований Европейского сообщества, причем значительную часть из них в течение года. Россия должна была: ратифицировать ряд европейских конвенций в области защиты прав человека; провести реформу судебной системы и прокуратуры, существенно улучшить условия содержания заключенных в тюрьмах и следственных изоляторах, перевести пенитенциарные учреждения в компетенцию Министерства юстиции Российской Федерации, ввести со дня вступления в Совет Европы мораторий на исполнение смертных приговоров и в течение трех лет отменить смертную казнь, ратифицировав Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принять закон об Уполномоченном по правам человека, внести изменения в законы о национальных меньшинствах, об основных политических свободах, о свободе вероисповедания, отменить несоответствующие европейским нормам запреты на свободное передвижение и выбор места жительства, признать в законодательном порядке право граждан, чьи права нарушены, на индивидуальное обращение в Европейский Суд по правам человека и обязательную его юрисдикцию (ст.25 и 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод), выполнить другие требования, отвечающие правовым стандартам Совета Европы.

Выполнить такой значительный объем обязательств за сравнительно небольшой период нашей стране при всем желании было достаточно сложно. Для этого действительно нужно было осуществить серьезный прорыв в создании правовой базы по правам человека, соответствующей европейским требованиям, и значительно изменить правоприменительную практику.

Важное место в выполнении правовых обязательств России перед Советом Европы занимала и занимает ратификация основополагающих европейских конвенций, которые были подписаны при приеме в эту организацию или в последующие годы.

Среди них принципиальное значение имела ратификация нашей страной в марте 1998 года Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (кроме Протокола № 6). Учитывая, что действующее российское законодательство имеет иное содержание, чем положения пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции, Россия при ее ратификации в соответствии со статьей 64 Конвенции сделала оговорки по таким вопросам, как порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, дисциплинарные наказания в Вооруженных силах. Срок действия этих оговорок

ограничен периодом, который потребуется для внесения в законодательство Российской Федерации изменений, полностью устраняющих несоответствие ряда положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Гражданско-процессуального кодекса, Закона "О статусе военнослужащих" и других законов положениям Конвенции[1].

Благодаря созданной в 90-х годах фактически новой законодательной базе по правам человека, можно сказать, что уже во многом российское законодательство соответствует нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод[2]. Имеющиеся еще противоречия этим нормам должны быть устранены с принятием законодательных актов, проекты которых находятся на рассмотрении в Государственной Думе.

Так, в апреле 1997 года Государственная Дума приняла в первом чтении проект нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Однако, учитывая его несоответствие новым европейским обязательствам России, основную часть оговорок к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также то, что изучение вопроса о соответствии законопроекта требованиям указанной Конвенции может осуществляться только на основе прецедентного права Европейского Суда (более 1300 вынесенных им решений), проект Уголовно-процессуального кодекса был направлен на международную экспертизу с привлечением экспертов Совета Европы[3]. Такая экспертиза была проведена. Европейские эксперты отметили значительное продвижение российских юристов-разработчиков в подготовке уголовно-процессуального законодательства с учетом современных тенденций в уголовной политике, в приведении уголовных процедур, отраженных в тексте проекта кодекса, в соответствие с состязательной моделью уголовного судопроизводства, принятой в большинстве европейских государств. Вместе с тем, эксперты выявили и значительное число положений, которые еще существенно расходятся с утвердившимися в европейских странах правовыми нормами в уголовно-процессуальной области. В частности, в вопросах, касающихся деятельности прокуратуры, апелляционного процесса, сроков предварительного заключения и других. Заключение юристов было в большей части учтено при подготовке проекта кодекса ко второму чтению.

До последнего времени России не удавалось решить законодательно вопрос о правовой отмене смертной казни в стране и ратифицировать Протокол №6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Кроме России, среди 41 страны — члена Совета Европы, Протокол № 6 также не ратифицировали, по данным на начало 2000 года, еще 5 государств: Албания, Болгария, Кипр, Польша и Турция. Из стран, кто ратифицировал этот Протокол в 1999 году, были Великобритания, Латвия и Литва. В начале 2000 года к ним присоединилась Грузия и Украина. Польша рассматривает вопрос о присоединении к указанному Протоколу.

Хотя в Конституции Российской Федерации, в Уголовном кодексе и Уголовно-исполнительном кодексе содержатся нормы о применении смертной казни в стране, однако, фактически Указом Президента Рос-

сийской Федерации с 4 августа 1996 года осуществляется мораторий на применение смертной казни. Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 2 февраля 1999 года, учитывая, что во многих регионах страны нарушается право подсудимых на суд присяжных, ввел мораторий на вынесение смертных приговоров, а Президент Российской Федерации Указом от 3 июня 1999 года отменил исполнение всех уже вынесенных смертных приговоров в стране.

Вместе с тем, Россия не выполнила обязательство перед Советом Европы в этой области, не приняв закона об отмене смертной казни. На отношение российских парламентариев к этому вопросу оказывает влияние продолжающееся ухудшение криминогенной обстановки в стране и, в связи с этим, — непопулярность у подавляющей части населения идеи об отмене смертной казни. Однако, несмотря на это, Президент Российской Федерации внес в середине 1999 года в Государственную Думу на ратификацию Протокол № 6 к Конвенции, подписанный Россией 16 апреля 1997 года, и проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации", направленные на отмену применения смертной казни в стране. Тем самым сделан еще один шаг в решении проблемы правовой отмены смертной казни в России.

В 1998 году Россия ратифицировала один из основополагающих европейских договоров — "Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1989 года) и Протоколы к ней"[4]. В ее основу положена статья 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод: "Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию"[5]. Цель Конвенции по предупреждению пыток — помочь европейским государствам усилить защиту лиц, находящихся в местах лишения свободы. С учетом этого Конвенция по предупреждению пыток учредила Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, который является внесудебным механизмом воздействия с целью предупреждения возможных физических или моральных злоупотреблений в отношении лиц, лишенных свободы, и эффективного надзора, контроля за обращением с такими лицами. Состав этого органа формируется из представителей государств-участников названной Конвенции. Он наделен правом направлять членов Комитета и его экспертов в любые места заключения либо содержания под стражей, находящиеся на территории государства-участника и при необходимости на основе установленных в докладе фактов давать рекомендации заинтересованному государству. "Комитет посредством посещений изучает обращение с лицами, лишенными свободы, с целью усиления, если это необходимо, защиты от пыток и от бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания"[6].

Российское законодательство не препятствует реализации норм указанной Конвенции и наша страна готова оказать содействие любой проверке экспертов названного Комитета условий содержания заключенных в местах лишения свободы и изоляторах. Хотя за последние годы

положение в них несколько улучшилось, но ситуация в целом остается неблагополучной.

Также в 1998 году Россия ратифицировала Европейскую хартию местного самоуправления (1985 года)[7], включающую европейские требования о предоставлении права гражданам демократическим путем создавать органы местного самоуправления, действующие в рамках национального законодательства в интересах населения. Практически все ее положения отражены в таких федеральных законах, как "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" (1995 года), "О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации" (1997 года), "Об основах муниципальной службы в Российской Федерации" (1998 года) и в других. Однако, присоединение к Хартии обязывает российские государственные органы уделять большее внимание развитию и поддержке системы местного самоуправления и соблюдению права граждан участвовать в управлении делами на местах.

Определенные трудности возникли у нашей страны при ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств (1995 года), которая была подписана при вступлении в Совет Европы (введена в силу для России с 1 декабря 1998 года). Это было вызвано тем, что ряд стран по-разному толкует понятие "национальное меньшинство".

Рамочная конвенция развивает положения статьи 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, запрещающей дискриминацию национальных меньшинств, и содержит общие принципы и программные положения, которыми обязаны руководствоваться государства в целях защиты национальных меньшинств. Рамочная конвенция стала первым юридически обязывающим европейским документом по защите прав национальных меньшинств, которая согласно ее статье 1 является неотъемлемой частью международной защиты прав человека и входит в сферу международного сотрудничества[8]. Выполнение положений Рамочной конвенции контролируется Комитетом министров Совета Европы.

При ратификации этой Конвенции Россией было сделано заявление, что она считает неправомочным включение в оговорки и заявления при подписании или ратификации Рамочной конвенции в одностороннем порядке определения термина "национальное меньшинство", которое не содержится в Рамочной конвенции. "По мнению Российской Федерации, попытки исключения из сферы действия Рамочной конвенции постоянно проживающих на территории государств — участников Конвенции лиц, ранее имевших гражданство, но произвольно лишенных его, противоречат целям Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств"[9]. Российское заявление стало реакцией на заявление Эстонии при ратификации Рамочной конвенции (6 января 1997 года), которое исключает из понятия "национальное меньшинство" лиц, не признаваемых Эстонией гражданами.

Определение понятия "национальное меньшинство" представляет в России сложную задачу в силу наличия большого числа этнических

групп, населяющих территорию нашей страны. Обычно в это понятие включают этнические группы, живущие за пределами своих национально-административных образований (территориальных автономий), этнические группы, не имеющие таких образований, а также представителей народов, имеющих государственные образования за пределами России.

В основном, можно сказать, что права национальных меньшинств защищены в российском законодательстве, прежде всего, в Конституции Российской Федерации, конституциях (государственных уставах) субъектов Федерации, в законах "О гражданстве Российской Федерации" (1991 года), "О языках народов Российской Федерации" (1991 года), "О реабилитации репрессивных народов" (1991 года), "Об образовании" (1992 года), "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" (1992 года), а также непосредственно в Законе "О национально-культурной автономии" (1996 года) и других, которые содержат механизмы реализации прав меньшинств и обязательства государства, в том числе финансовые.

На защиту прав малочисленных народов Российской Федерации, на сохранение и развитие культуры, традиционного образа жизни и на охрану их исконной среды обитания, хозяйствования и промыслов направлен Федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов России" (1999 года). Закон, в соответствии с Конституцией России, общепризнанными принципами и нормами международного права устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов страны и закрепляет их права на участие в формировании органов государственной власти, на самоуправление, на владение и пользование землей и другими природными ресурсами, что необходимо для сохранения традиционного образа жизни[10].

В 1999 году Россией была ратифицирована Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 года) с рядом оговорок.

Одновременно с ней наша страна ратифицировала Европейскую конвенцию о выдаче от 13 декабря 1957 года, Дополнительный протокол от 15 октября 1975 года и Второй дополнительный протокол от 17 марта 1978 года к ней, которые создают международно-правовую основу взаимодействия государств для практического решения уголовно-процессуальных вопросов, связанных с выдачей лиц, совершивших преступления. При ратификации, как и при подписании, Россия сделала заявление и оговорки, по которым наша страна в соответствии со статьей 1 указанной Конвенции и с учетом требований российского законодательства и отечественной правоприменительной практики оставляет за собой право в некоторых случаях, обусловленных необходимостью защиты прав личности, отказать в выдаче.

Некоторые оговорки к двум вышеназванным европейским конвенциям учитывают то, что российское законодательство не содержит понятия "политические преступления", которые в европейских странах относятся к основаниям для отказа в выдаче и в оказании правовой

помощи. Поэтому во всех случаях при решении вопроса об оказании правовой помощи наша страна не будет рассматривать в качестве "политических преступлений" ряд деяний, связанных с преступлениями против человечества, против жертв вооруженных конфликтов, с захватом воздушных судов, с захватом заложников и другими.

Верховный Суд и Генеральная Прокуратура Российской Федерации по просьбе учреждения иностранного государства, от которого исходит поручение о правовой помощи, решают вопрос о возможности применения процессуального законодательства при исполнении этого поручения, если оно не противоречит российскому законодательству[11].

Правительство Российской Федерации уведомило Совет Европы о намерении ратифицировать и другой международный договор, затрагивающий основные права и свободы человека и обеспечивающий неотвратимость уголовного преследования и наказания лиц, совершивших террористические акты, — Европейскую конвенцию о пресечении терроризма (1977 года), и внесло ее на ратификацию в Государственную Думу в июне 2000 года. Конвенция (ее участниками являются более 30 государств) включает состав преступлений, связанных с незаконным захватом воздушных судов, с акциями, направленными против безопасности гражданской авиации, и целый ряд других преступлений. Конвенция определяет правовую основу для взаимодействия европейских стран по обеспечению борьбы с терроризмом и неотвратимости наказания террористов в соответствии с принципом: "выдай либо суди". Конвенция, в целом, не противоречит Конституции Российской Федерации и российскому законодательству. Вместе с тем, при ратификации Конвенции наша страна намерена сделать следующее заявление: "Российская Федерация исходит из того, что положения статьи 5 и пункта 2 статьи 8 Конвенции должны применяться таким образом, чтобы обеспечить неотвратимость ответственности за совершение преступлений, подпадающих под действие Конвенции, без ущерба для эффективности международного сотрудничества по вопросам выдачи и правой помощи". Такое заявление необходимо, поскольку указанные положения Конвенции могут быть использованы для неоправданного отказа в выдаче преступников или оказания правовой помощи.

Ратификация нашей страной блока так называемых образовательных конвенций способствует дальнейшему сближению и взаимодействию учебных учреждений России с учебными структурами европейских государств. Так, в 1999 году Россия присоединилась к Европейской конвенции об эквивалентности дипломов, ведущих к доступу в университеты (1953 года), Европейской конвенции об эквивалентности периодов университетского образования (1956 года), Европейской конвенции об академическом признании университетских квалификаций (1959 года), а в апреле 2000 года к Конвенции о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе (1997 года). Последняя среди этих конвенций была подготовлена совместно Советом Европы и ЮНЕСКО и призвана заменить ряд действующих "образовательных" конвенций Совета Европы с учетом изменений, произошедших в образовательной сфере с 60-х годов. Кон-

венция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе, создает механизм взаимного признания документов о высшем образовании вне зависимости от систем образования каждого из государств-участников и дает возможность их гражданам претендовать на профессиональную деятельность в других государствах.

По состоянию на июнь 2000 года Россия являлась членом 19 европейских конвенций, а включая Устав Совета Европы, Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и протоколы к нему и ряду конвенций — 37 соглашений. Всего же Советом Европы было принято свыше 160 соглашений, в большинстве которых участие нашей страны, по мнению соответствующих компетентных российских ведомств, признается целесообразным.

России предстоит ратифицировать и другие подписанные после вступления в Совет Европы конвенции. Среди них — Европейская конвенция о гражданстве (от 1997 года), в которой закреплены нормы, гарантирующие справедливость процедуры рассмотрения заявлений на приобретение гражданства. Конвенция исключает случаи дискриминации по национальному, религиозному и половому признаку при получении гражданства. Она содержит и такую гуманную норму, как освобождение лиц с двойным гражданством от воинской повинности в обоих государствах. Согласно Конвенции, подписанной Россией в ноябре 1997 года в Страсбурге, будут значительно облегчены условия принятия нового и возвращения утраченного гражданства, ограничена опасность его потери или лишения для бывших граждан СССР. Ратифицировав эту Конвенцию, Россия, с точки зрения международных норм, сохранит право самостоятельно определять, кто является ее гражданином[12].

При приеме в Совет Европы в феврале 1996 года Россия обязалась изучить в целях ратификации Европейскую социальную хартию и проводить с момента вступления в эту организацию национальную политику в социальной области в соответствии с принципами, закрепленными в Хартии[13]. В Правительстве России рассматривается вопрос о подписании пересмотренной (новой редакции) Европейской социальной хартии.

Что касается основных принципов Европейской социальной хартии, то они не противоречат российскому законодательству. Фактически все названные в ней права, обеспечивающие социальную защиту человека, закреплены в Конституции и в других законодательных актах России. Например, Конституция Российской Федерации гарантирует социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в других случаях (ст. 39), право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41) и другие социальные права[14]. Однако, многие из конституционных социальных прав продолжают оставаться декларативными в силу слабости социально-экономической политики государства. Поэтому необходимо добиться, чтобы защита социально-экономических прав человека и гражданина в нашей стране стала одной из главных функций государственной власти, соответствовала на прак-

тике конституционному положению о Российской Федерации как о социальном государстве, политика которого создает условия для обеспечения достойной жизни и свободного развития человека.

Изменения социально-экономических отношений в стране в 90-х годах потребовали принятия блока социальных законов, направленных на защиту прав различных категорий населения. Среди них законы: "О занятости в Российской Федерации" (1991 года), "О коллективных договорах и соглашениях" (1992 года), "О порядке разрешения коллективных трудовых споров" (1995 года), "О ветеранах" (1995 года), "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" (1995 года), "О прожиточном минимуме в Российской Федерации" (1998 года), "О государственной социальной помощи" (1999 года), "Об основах охраны труда в Российской Федерации" (1999 года) и другие. Следует заметить, что реализация многих положений названных законов пока не обеспечивается достаточным бюджетным финансированием.

Особой проблемой остается повышение уровня обеспечения экономических и социальных гарантий для малообеспеченных групп населения до стандартов определенных Хартией. Необходимо устранить разрыв, который существует между закрепленными в законодательстве правами на экономическую и социальную защиту и тем, как эти права реализуются в действительности и как обеспечиваются условия для утверждения достойной жизни и свободного развития человека.

К началу 2000 года не удалось решить такие проблемы, как несвоевременная выплата заработной платы, пенсий и социальных пособий, рост безработицы и неполной занятости. Конечно, на такие факты нарушения социальных прав в случае присоединения России к Хартии будет обращено внимание ее контрольными органами.

При ратификации Европейской социальной хартии (в редакции 1996 года) могут возникнуть определенные трудности в отношении применения отдельных пунктов статей. Например, пункта 2 статьи 12 (поддерживать систему социального обеспечения на удовлетворительном уровне, по крайней мере, достаточной для ратификации Европейского кодекса социального обеспечения 1964 года), пункта 4 статьи 13 (применять положения статьи о праве на социальную и медицинскую помощь на равных началах к своим гражданам и гражданам других государств-участников Хартии, которые законно находятся на территории соответствующего государства с учетом обязательств, вытекающих из Европейской конвенции о социальной и медицинской помощи, подписанной в Париже 11 декабря 1953 года) и пункта 4 статьи 6 (право работников и предпринимателей на коллективные действия в случае конфликта интересов, включая право на забастовку, за исключением обязательств, которые могут возникнуть из заключенных ранее коллективных договоров)[15]. Российское законодательство запрещает локаут (статья 19 Федерального закона "О порядке разрешения коллективных трудовых споров")[16], который признается приведенным выше пунктом 4 статьи 6 Хартии.

При ратификации Хартии в соответствии с ее статьей "А" части III (Обязательства) Россия должна определить статьи и пункты, с которыми

она будет считать себя связанной, и статьи и пункты, в отношении которых она не будет брать обязательства.

Хотя в целом в нашей стране сформировалась законодательная база, которая создает правовые предпосылки для присоединения России к Хартии и последующего выполнения основных обязательств, предусмотренных ее статьями, вместе с тем, присоединение к этому договору потребует устранения некоторых неточностей и несоответствий в российских правовых нормах, усиления государственного и общественного контроля за соблюдением социального и трудового законодательства. Российским парламентариям предстоит также принять ряд законов, который позволил бы создать регулирующие механизмы реализации отдельных положений Хартии.

Несмотря на имеющиеся серьезные социально-экономические проблемы, несоответствие некоторых положений российского законодательства положениям Хартии, Россия заинтересована в том, чтобы подписать и ратифицировать ее. Чем быстрей произойдет включение нашей страны в практическое выполнение норм Европейской социальной хартии, тем активнее будет вестись работа по проведению социальной реформы, уточнению ее ориентиров, а, следовательно, и по дальнейшему утверждению на основе социально-трудового законодательства эффективной системы защиты экономических и социальных прав российских граждан.

Правительство Российской Федерации рассматривает вопрос о подписании Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (1992 года). Целью Хартии является содействие использованию региональных языков или языков национальных меньшинств во всех сферах жизнедеятельности общества. Хартия содержит определение понятия "региональные языки или языки меньшинств" — "языки, которые традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства, и отличаются от официального языка (языков). Они не включат в себя ни диалекты официального языка (языков) этого государства, ни языки мигрантов". Однако, Хартия является достаточно сложным документом в связи с особой ее структурой и учетом общей языковой ситуации в отдельных государствах-членах Совета Европы. В Российской Федерации функционирует 150 языков, что значительно осложняет подготовку к подписанию этой конвенции. Вместе с тем, наша страна заинтересована в присоединении к Хартии, в части, которая защищает и способствует развитию использования региональных языков и языков меньшинств в области образования, культуры, средств массовой информации, судопроизводства, административного управления, в социальной, экономической и других сферах общественного развития.

Большинство включенных в ратифицированные и готовящиеся к ратификации конвенции требований, затрагивающих, прежде всего, основополагающие принципы и нормы в области защиты прав человека, учитывалось, как упоминалось выше, в процессе совершенствования российского законодательства. Принимаемые в стране федеральные

конституционные и федеральные законы проходят юридическую экспертизу на предмет их соответствия европейским стандартам в области прав и свобод человека. Однако, остается еще проблема приведения в соответствие с международными и европейскими стандартами в области прав человека законодательства РФ, для чего необходимо внесение изменений в ряд действующих российских законодательных актов.

Вместе с тем, Президент Российской Федерации предпринял ряд действий в этом направлении и Указом (от 29 марта 1998 года) учредил должность Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека. Его основными функциями являются защита интересов Российской Федерации при рассмотрении в Европейском Суде по правам человека дел, возбужденных против Российской Федерации на основании Конвенции, изучение правовых последствий решения Европейского Суда для государств-членов Совета Европы и подготовка с учетом прецедентного права Совета Европы рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики. Уполномоченный должен также обеспечить взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при исполнении решений Комитета министров Совета Европы и Суда в связи с исками о нарушении Российской Федерацией своих обязательств по Конвенции, включая восстановление нарушенного права и выплату истцам денежной компенсации[17].

За период с февраля 1996 года, с момента вступления в Совет Европы не удалось, как было записано в обязательствах России, реализовать некоторые другие требования. Например, не принят закон об альтернативной гражданской службе, отсутствует ряд законов, необходимых для проведения судебно-правовой реформы и реформы прокуратуры.

Некоторые остающиеся проблемы, связанные с выполнением обязательств России перед Советом Европы (об основных политических свободах, об отмене запрета на свободное передвижение и выбор места жительства и другие), могли бы быть сняты и с принятием ряда законов, проекты которых находятся в течение нескольких лет на рассмотрении в Государственной Думе (например, о политических партиях, об оппозиционной деятельности, о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях, о чрезвычайном положении, о военном положении и других).

Учитывая обязательства России перед Советом Европы, был принят Федеральный закон "Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации" и введен в действие в стране институт Уполномоченного по правам человека. Одним из направлений его деятельности является соблюдение прав человека в соответствии с международными нормами, в том числе со стандартами Совета Европы. Уполномоченный является членом межведомственной комиссии Российской Федерации по делам Совета Европы. Основными задачами комиссии является оказание содействия развитию сотрудничества нашей страны с Советом Европы и входящими в него государствами в целях совершенствования

российского законодательства и правоприменительной практики в соответствии со стандартами Совета Европы, построения правового государства и углубления демократических реформ в России.

Вступление Российской Федерации в Совет Европы и участие в его деятельности, безусловно, способствуют развитию процесса демократических преобразований в стране и позволяет ей:

использовать с учетом своих особенностей наработанный в структурах Совета Европы информационный и консультативный инструментарий для осуществления реформы правовой системы, а также для приведения российского законодательства и правоприменительной практики, деятельности органов исполнительной и судебной власти в соответствие с европейскими правовыми стандартами, особенно в области защиты прав человека;

постоянно поддерживать контакты с европейским сообществом посредством парламентской делегации, представителей Правительства, неправительственных общественных объединений в рабочих органах этой европейской организации, тем самым более активно влиять на ориентацию европейского сотрудничества в гуманитарной и правовой сферах, решение многосторонних программ и проектов Совета Европы, отстаивая свои государственно-национальные интересы;

добиваться повышения своего авторитета и устранения многого из того, что вызывало недоверие к ней со стороны других европейских государств.

Проведение в Российской Федерации правовой реформы и создание правового гражданского общества с соответствующей структурой и механизмами защиты прав человека и его основных свобод с учетом европейских стандартов, участие в деятельности Совета Европы России — это отвечает, прежде всего, ее национальным интересам, вместе с тем, это является и весомым вкладом в развитие долгосрочного и стабильного европейского сотрудничества в области политики и безопасности, экономики и культуры, способствует динамичной интеграции России в сообщество стран Европы.

***

С ратификацией Россией основных в области защиты прав человека европейских конвенций их нормы стали составной частью российской правовой системы. Они относятся, как и нормы других международных договоров, заключенных Российской Федерацией, к категории источников конституционного права России и имеют преимущество перед нормами федерального неконституционного и регионального законодательства. Вступление в Совет Европы и присоединение к европейским конвенциям стало важным шагом по пути нашей страны к утверждению правового общества, вхождения в европейское правовое пространство и в конечном итоге к созданию такой системы защиты прав человека, которая обеспечивала бы подлинное соблюдение прав российских граждан.

[1] См.: Федеральный закон "О ратификации Конвенции о защите прав

человека и основных свобод и Протоколов к ней" // Собрание законодательства Российской Федерации (далее СЗ РФ). 1998. № 14. Ст. 2143.

[2] О влиянии Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское законодательство см.: *Горшкова С.А.* Стандарты Совета Европы и законодательство России // Московский журнал международного права.1999. № 2. С.161—178.

[3] См.: Нужна помощь международных экспертов // Российская газета. 7 апреля 1998 г.

[4] См.: Федеральный закон "О ратификации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и Протоколов к ней"// СЗ РФ. 1998. № 13. Ст.1466.

[5] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. 1998. № 20. Ст.2143.

[6] Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 1998. С.620.

[7] См.: Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств // Международные акты о правах человека. Сборник документов. М., 1998. С.635.

[8] См.: Федеральный закон "О ратификации Европейской хартии местного самоуправления" // СЗ РФ. 1998. №15. Ст.1695.

[9] Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств // СЗ РФ. 1999. № 11. Ст.1256.

[10] Федеральный закон "О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации" // СЗ РФ. 1999. №18. Ст. 2208.

[11] Федеральный закон "О ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней" // СЗ РФ. 1999. № 43. Ст. 5132.

[12] См.: Европейская конвенция о гражданстве: Пер. с англ. МИД Российской Федерации, 1997.

[13] Заключение Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 193/1996 "По заявке России на вступление в Совет Европы" // Право Совета Европы и Россия. Краснодар, 1996. С.86.

[14] См.: Конституция Российской Федерации. М., 1993. С.14-18.

[15] См.: Европейская социальная хартия. Серия "Права человека". Выпуск № 2. М.,1998. С. 83, 84 и 74.

[16] См.: Федеральный закон "О порядке разрешения коллективных трудовых споров" // СЗ РФ. 1995. №48. Ст.4557.

[17] Указ Президента Российской Федерации "Об Уполномоченном Российской Федерации при Европейском суде по правам человека" // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст.1540.

г. Страсбург, Франция.

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 года.*

# Международное гуманитарное право

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМАНДИРОВ И ЮРИДИЧЕСКИХ СОВЕТНИКОВ В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.

И.И. Котляров*

Обязанности командиров. Правовой основной выполнения государствами гуманитарных норм является общепризнанный принцип международного права — добросовестного выполнения принятых обязательств. Согласно Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Это положение в одинаковой мере относится и к договорам, относящимся к международному гуманитарному праву. В силу этого они должны неукоснительно соблюдаться всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами, как того требует Конституция Российской Федерации (ст. 15 п. 2). На необходимость выполнения обязательств по международному гуманитарному праву указывается в ст. 1 общей для Конвенций I—IV. В ней закреплено, что "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при любых обстоятельствах соблюдать и заставлять соблюдать настоящую конвенцию", а в Протоколе I говорится о том, что "Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, без промедления принимают все необходимые меры по выполнению обязательств, возлагаемых на них Конвенциями и настоящим Протоколом". И далее: "Высокие Договаривающиеся Стороны и стороны, находящиеся в конфликте, отдают приказы и распоряжения с целью обеспечения соблюдения Конвенций и настоящего Протокола и осуществляют контроль за их выполнением" (ст. 80).

Значительная часть обязательств государства по соблюдению соглашений, относящихся к международному гуманитарному праву, возлагается на органы военного командования, их должностных лиц —

*Профессор, Заслуженный деятель науки РФ, подробнее об авторе см. № 1 нашего журнала за 1993 год.

командиров (начальников) всех уровней. Они в данном случае являются непосредственными исполнителями предписаний международного гуманитарного права, что не так уж часто встречается в международном праве. Речь идет о ст. 87 Дополнительного протокола I, озаглавленной "Обязанности командиров".

Ретроспективное рассмотрение этой проблемы свидетельствует о том, что практическое использование войсковыми начальниками законов и обычаев войны постоянно развивается и совершенствуется с давних времен.

По утверждению специалистов МККК, принципы, применяемые в период вооруженных конфликтов, содержались в объемистых инкунабулах и фолиантах XV—XVII веков, изданных в Испании, а также относящимся к этим столетиям руководствах, предназначенных для армии, — например, в руководстве Аялы. Эти принципы применялись на поле сражений. Юридические советники, монахи и офицеры испанской армии с величайшей серьезностью учитывали их при проведении военных действий. Международное право и право войны были не просто теоретическими дисциплинами, но правилами, тщательнейшим образом применявшимися на всей огромной территории испанской империи.

Все военачальники были знакомы с вопросами гуманитарного характера и международного права, которые уже тогда считались традиционными в Испании.[1]

Требования, предъявляемые нормами международного гуманитарного права к военным командирам, объясняются, прежде всего, тем, что под их руководством находятся наиболее многочисленные категории подчиненных различных видов вооруженных сил, обязанных в соответствии с принципом единоначалия добросовестно исполнять свой воинский долг, включая соблюдение норм международного гуманитарного права.

Основными обязанностями командира (начальника) являются:

а) не допустить нарушений норм международного гуманитарного права их подчиненными в процессе ведения военных действий;

б) пресекать нарушения, если они уже совершаются;

в) уведомлять о нарушениях норм международного гуманитарного права вышестоящие органы военного управления;

г) принимать профилактические меры к недопущению нарушений норм международного гуманитарного права;

д) привлекать к дисциплинарной или уголовной ответственности лиц, совершивших указанные нарушения.

Как вытекает из Боевого устава Сухопутных войск, утвержденного приказом главнокомандующего Сухопутными войсками, основой управления подчиненными подразделениями является решение командира батальона (роты). Именно командир несет полную и единоличную ответственность за боевую готовность, подготовку подчиненных ему подразделений и успешное выполнение ими боевых задач. Порядок работы командира по организации боя зависит от конкретной обстановки, полученной задачи и наличия времени. Работу по организации боя он начинает, как правило, с получением боевого приказа или объявле-

ния командиром полка решения на бой. В Боевом уставе Сухопутных войск детально расписываются действия командира после получения боевого приказа (распоряжения): уяснение полученной задачи, оценка обстановки и принятие решения.

Вся эта деятельность должна соответствовать нормам международного гуманитарного права, причем подчиненные на этот счет должны получать указания от командира, например, по вопросу поведения в отношении своих раненых и/или раненых противника, погибших или пленных, осуществлении контактов с гражданским населением, а в случае пленения, как себя вести в такой ситуации, что говорить на допросе, разъяснять права военнопленных и др.

При принятии решения на бой командир должен исходить из того, чтобы свести до минимума потери гражданского населения, разрушения гражданских объектов, культурных ценностей и др.

Командир обязан четко знать, что военные действия могут быть направлены только против военных объектов и делать все практически возможное для того, чтобы убедиться в том, что намеченная цель для атаки является военным объектом.

Выполнению этой задачи способствует разведка, которая организуется в любых условиях обстановки в целях добывания сведений о противнике и местности в районе предстоящих военных действий. Добытые сведения передаются всеми возможными способами командиру (начальнику), включая информацию о расположении медицинских учреждений, местах с высокой степенью концентрации гражданского населения, атомных и гидроэлектростанциях, культурных ценностях, объектах для выживания гражданского населения.

Когда позволяет обстановка, командир должен информировать гражданские власти о возможном развитии военных действий и риске, которому могут подвергаться гражданские лица и объекты.

В процессе ведения боевых действий командир осуществляет контроль за своими подчиненными в деле выполнения поставленных задач и соблюдения ограничений в применении методов и средств ведения боя, предусмотренных нормами международного гуманитарного права, а в случае их нарушения военнослужащими, пресекает такие действия.

Для выполнения этих своих функций командир (начальник) должен прежде всего сам знать нормы международного гуманитарного права и выполнять их в практической деятельности войск (сил).

Вот это последнее является самым слабым звеном в деятельности органов военного управления, воинских должностных лиц, начиная с командира отделения до Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами. Почему же в этом ответственном деле — выполнении обязательств государства перед международным сообществом — имеют место серьезные издержки в деле практического исполнения норм международного гуманитарного права? Основными причинами несоблюдения норм международного гуманитарного права в войсках (силах), на наш взгляд, являются следующие:

1. Игнорирование в бывшем СССР, а ныне в России положений, относящихся к правам человека, включая человека в погонах. В силу

этого защита прав человека в мирное время и в период вооруженных конфликтов до сих пор не является приоритетным направлением внутренней политики государства. Более того, положения в РФ с правами человека с каждым годом все более ухудшаются, что чревато серьезной дестабилизацией в обществе.

2. Отсутствие в боевых уставах видов Вооруженных Сил РФ и других документах жестких требований международного гуманитарного права, регламентирующих подготовку и ведение военных действий.

3. Неосознанность командирами (начальникам) тесной взаимозависимости военного искусства и норм международного гуманитарного права, непонимание того, что соблюдение последних способствует скорейшему достижению победы над противником в ходе ведения военных действий при минимальных затратах военных усилий.

4. Отсутствие действенной системы обучения командиров (начальников) всех уровней положениями международного гуманитарного права и его практического применения в деятельности войск (сил), а отсюда — незнание основополагающих международных документов, участником которых является наше государство.

5. Отсутствие у командиров (начальников) навыков применения договорных норм, соблюдение которых требует определенных знаний и умения, а также использование привычной методики подготовки и ведения боевых действий.

6. Недостаточный уровень правовой культуры у воинских должностных лиц, участвующих в подготовке и ведении военных действий. Нередко командиры (начальники) не желают следовать нормам международного гуманитарного права в силу того, что, по их мнению, они являются результатом соглашений "государственных мужей", не имеющих представления о реальностях войны, а также отсутствие убежденности в том, что противник добросовестно будет выполнять их предписания.

7. Отсутствие в стране законодательной базы, содержащей механизм реализации норм международного гуманитарного права в силовых структурах и положений об ответственности должностных лиц за несоблюдение договорных обязательств.

8. Отсутствие в военно-учебных заведениях, войсках (силах) необходимой учебно-материальной базы: учебников, пособий, методических разработок по изучению международного гуманитарного права и его практическому применению.

9. Отсутствие комплексной системы подготовки кадров — военных юристов, владеющих навыками применения норм международного гуманитарного права в ходе военных действий, и командиров — знатоков военного искусства, которые совместными усилиями в мирное время проводили бы практические занятия по боевому применению войск (сил), командно-штабные игры, войсковые учения и умели бы применить полученные знания и опыт в случае вооруженного конфликта.

Устранение этих причин подняло бы на новый уровень "технологию" военных действий, престиж Вооруженных Сил РФ на международном уровне.

"Когда сознание права войны сделается достоянием каждого защитника Отечества, — отмечал Ф. Ф. Мартенс, — когда нарушение его предписаний будет исключительным фактом, когда сами армии убедятся, что исполнение общепризнанных обычаев войны нисколько не в состоянии парализовать успешный ход военных операций — тогда чувство солидарности между народами укрепится надежным образом и силою самих вещей число войн международных должно уменьшиться".[2]

Юридические советники в вооруженных силах. Правовой основой деятельности юридических советников в период ведения военных действий является Дополнительный протокол I, в котором закреплено, что "Высокие Договаривающиеся Стороны в любое время и стороны, находящиеся в конфликте, в период вооруженного конфликта обеспечивают наличие юридических советников, которые могли бы, когда это необходимо, давать советы военным командирам на соответствующем уровне о применении Конвенций и настоящего Протокола и о соответствующем инструктаже вооруженных сил по этому вопросу". (ст. 82).

Эта норма была принята на Дипломатической конференции в 1977 г. с учетом того, что в практической деятельности командиров (начальников) применение норм международного гуманитарного права вызывает немало трудностей. К тому же нормативно-правовая база международного гуманитарного права постоянно расширяется и совершенствуется, что требует немало профессиональных усилий для выработки рекомендаций командованию в процессе быстро меняющихся условий ведения боевых действий. Юридические советники являются хорошей опорой командиров и в мирное время, т. к. их знания применяются для обучения личного состава международному гуманитарному праву, проведения командно-штабных занятий, учений и войсковых игр.

Каждое государство в соответствии со своими национальными интересами определяет структуру и полномочия юридических советников, учитывая сложившуюся еще в древности практику использования такого рода специалистов. В частности, испанские военные компании (XV—XVII вв.) проводились только после консультаций с "юристом". Нередко таким юристом был самый обычный миссионер, который, однако, хорошо знал принципы войны. Упоминавшийся нами выше Аяла служил офицером и юрисконсультом в армии Филиппа II во Фландрии. Руководство по праву войны им было написано специально для армии.[3]

Должности юридических советников, как правило, предусматриваются в штатах органов военного управления различных уровней в зависимости от структуры вооруженных сил государства, а также в военно-учебных заведениях.

Создание института юридических советников и их подготовка, например, в Бельгии осуществляются в рамках бюджета министерства национальной безопасности. Министр национальной обороны 18 июля 1987 года одобрил предложение генерального штаба, касающееся института подготовки советников по праву войны в вооруженных силах Бельгии (приказ J 797 1991 г.). С учетом новых требований, возникающих в связи с участием бельгийских подразделений в международных операциях, в 1995 г. были внесены некоторые изменения в приказ,

который ныне утвержден начальником генерального штаба. Отныне они называются "советники по праву вооруженных конфликтов — СПВК".

Основными задачами СПВК являются: дача советов военным командирам о применении права войны; консультирование их по вопросам теории этого права и обучение ему. В случае участия бельгийских войск в операциях за границей СПВК дают советы командирам по тем вопросам права вооруженных конфликтов, которые возникают при проведении такого рода операций.

В министерстве обороны США создан отдел международного и оперативного права. Из 22 штатных юрисконсультов дивизии США два-три человека реально участвуют в работе штаба по подготовке и осуществлению боевой операции, оказывают текущую оперативно-правовую помощь командиру в принятии решений.[4]

Таким образом, в древности государства широко практиковали использование юридических советников в подготовке и ведении боевых действий. Актуальным институт юридических советников является и в современных условиях.

В бывшем СССР норма о юридических советниках впервые была введена приказом министра обороны СССР 1990 г. № 75. А точнее, на офицеров юридической службы министерства обороны СССР были возложены функции юридических советников, предусмотренные ст. 82 Дополнительного протокола I. В этом же приказе отмечается, что при решении вопросов, касающихся применения норм международного гуманитарного права, командиры (начальники) в случае необходимости прибегают к помощи юридических советников. Приказ действует и ныне, поскольку он не противоречит Конституции и законодательным актам РФ. Министр обороны РФ своим приказом 1998 г. № 100 утвердил новое Положение о юридической службе Вооруженных Сил Российской Федерации, в котором, к сожалению, ничего не упоминается о деятельности юридических советников в период вооруженного конфликта.

Таким образом, положения, изложенные в приказе министра обороны СССР 1990 г. № 75 о юридических советниках, сохраняют свою силу.

В соответствии с названным выше Положением персонал юридической службы Вооруженных Сил РФ — юридические советники, начиная от помощника командира полка по правовой работе до начальника юридической службы Вооруженных Сил РФ, осуществляют правовое обеспечение деятельности органов военного управления, соединений, воинских частей, учреждений, военно-учебных заведений, предприятий и организаций министерства обороны, содействуя улучшению их деятельности при помощи правовых средств (ст. 5). Структура юридической службы определяется штатами, утверждаемыми Генеральным штабом Вооруженных Сил РФ.

Возникает вопрос, какие же функции возлагаются на юридических советников в мирное время и в период вооруженных конфликтов с точки зрения международного гуманитарного права?

В настоящее время не существует юридических или литературных источников, в которых были бы изложены функциональные обязанности юридических советников.

На наш взгляд, на них могли бы быть возложены следующие обязанности:

а) в мирное время:

— изучение норм международного гуманитарного права и пропаганда их в органах военного управления, соединениях, воинских частях и других структурах;

— распространение среди личного состава нормативных источников, отдельных положений норм международного гуманитарного права в зависимости от должностного положения военнослужащих;

— проведение по месту службы в соответствующих воинских организационных структурах занятий по международному гуманитарному праву в системе общегосударственной подготовки;

— участие в разработке тематических программ по изучению в военно-учебных заведениях международного гуманитарного права, а также в системе общественно-государственной подготовки;

— систематизация норм международного гуманитарного права, непосредственно относящихся к войскам (силам), в штате которых состоит юридический советник;

— учет требований норм международного гуманитарного права при разработке инструкций, положений, наставлений, уставов, проектов законодательных актов и решений Правительства РФ;

— разработка учебных пособий, методик по применению международного гуманитарного права в мирное время и в период вооруженных конфликтов;

— участие в организации и проведении командно-штабных и оперативно-тактических учений, деловых игр, тактических занятий с целью отработки методики применения норм международного гуманитарного права. Консультирование в процессе этих мероприятий командиров (начальников) по гуманитарным вопросам;

— осуществление юридического контроля за соответствием международному гуманитарному праву, законодательству РФ проектов приказов (директив), издаваемых командирами (начальниками);

б) в военное время:

— консультирование командиров по вопросам применения норм международного гуманитарного права, их применение в период ведения военных действий;

— участие в разработке нормативных документов, определяющих порядок боевого применения подразделений соответствующих войск (сил) с учетом требований международного гуманитарного права;

— участие в разработке и заключении соглашений между воюющими сторонами и нейтральной державой об интернировании военнопленных на территорию нейтральной державы до прекращения военных действий, а также — соглашений: о безопасности полетов санитарных летательных аппаратов; об объявлении не обороняемых местностей; о статусе демилитаризованных зон; о прекращении огня для оказания помощи раненым и больным на поле боя, захоронении погибших и умерших; об уголовном преследовании лиц, совершивших серьезные нарушения международного гуманитарного права и др.;

— содействие работе международной комиссии по установлению

фактов, представляющих собою серьезные нарушения международного гуманитарного права;

— взаимодействие по указанию командира (начальника) с гражданскими государственными и общественными организациями (включая национальные организации Красного Креста и Красного Полумесяца), подразделениями гражданской обороны, а также с медицинскими учреждениями;

— оказание юридической помощи командирам (начальникам) по вопросам проведения дознаний и административных расследований в связи с совершением нарушений военнослужащими норм международного гуманитарного права;

— обобщение нарушений международного гуманитарного права, совершенных военнослужащими, и выработка предложений командирам (начальникам) по их пресечению, осуществлению мер по предупреждению противоправных деяний личным составом в период ведения военных действий;

— распространение нормативных источников, инструкций, памяток и других материалов, с целью изучения военнослужащими всех категорий международного гуманитарного права и обеспечения профилактических мероприятий по предупреждению нарушения гуманитарных норм;

— консультирование военнопленных, интернированных лиц по вопросам, касающимся обеспечения их правового статуса.

Четкие и слаженные действия командиров (начальников) и военных юристов — юридических советников в мирное время и в период вооруженных конфликтов способствовали бы более эффективному выполнению задач, стоящих перед войсками (силами), обеспечению защиты гражданского населения, законных участников вооруженных конфликтов, пресечению нарушений норм международного гуманитарного права.

---

[1] *Виля С. М.* Философия международного права: Сарес, Гроций и Эпигоны. МЖКК. 1997, сентябрь-октябрь — с. 633.

[2] *Ф. Ф. Мартенс.* Восточная война и Брюссельская конференция. 1874-1878 г., Санкт-Петербург, 1879. — с. 44.

[3] *Вилья С. М.* Указ. соч. — с. 633.

[4] *Гурвич А. А., Соковых Ю. Ю.* Право и военное искусство: необходимость и пределы правового регулирования боевых действий. "Военная мысль", 1997, № 6. — с. 70.

*Статья поступила в редакцию в марте 2000 г.*

# СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

В связи со значительными изменениями в практике применения международного гуманитарного права (МГП) участниками вооруженных конфликтов, а также в свете пятидесятилетия Женевских конвенций от 12 августа 1949 года о защите жертв войны особый интерес представляет анализ вопроса применимости основных норм и институтов МГП к фактическим условиям современных конфликтов. Данное исследование—попытка совместить юридический и социологический анализ МГП; определить пределы его применимости, обусловленные социальными, культурными, религиозными, политическими и иными особенностями государств-участников конфликта. В центре исследования — основные договоры "женевского" права и отдельные их нормы, имеющие обычно-правовой характер.

Международное договорное гуманитарное право, вероятно, наиболее тесно связано с правовыми системами романо-германской правовой семьи. Современное международное гуманитарное право — право ученых, идеальная правовая система. Большинство юристов-международников стран Запада (в первую очередь представителей романо-германской правовой семьи)[1] рассматривает МГП и, особенно, международное право прав человека как модель разумной социальной организации. Оно теснейшим образом связано с цивилизацией Запада (хотя современное право войны и мира не есть исключительно западный продукт), западной правовой культурой, уважением права и пониманием его значения для обеспечения правопорядка в международных отношениях. В итоге, международное гуманитарное право и международное право прав человека зачастую становятся формой и механизмом внешней политики стран Запада. При этом МГП в целом свойственна некритическая вера в право как ключевой инструмент преобразования общества и регулирования межгосударственных отношений, и, напротив, ему присущи недоверие к чувству ответственности и недооценка нравственного самосознания людей. Более того, с созданием международных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде усилилась репрессивная роль норм международного гуманитарного права, которая на практике не сбалансирована адаптацией основных понятий, институтов и норм МГП к новым типам конфликтов и подходам к ним всех основных правовых и гуманистических традиций мира. Так, следование кодексу чести воина, носящему характер обычая или основанному на нравственных, зачастую религиозных представлениях о должном поведении, может сделать многие нормы МГП неуместными и неадекватными реалиям войны.

Кроме того, в нормах международного гуманитарного права ярко проявляется швейцарский юридический национализм. Эта отрасль международного права буквально пронизана национальным колоритом альпийской республики. Гений швейцарцев проявился в том, что к существующим со времен сотворения мира правилам ведения войны,[2] будь то публичной или частной, и присущим им ограничениям жесто-

костей, они пристегнули "гуманитарную бюрократию" в виде Международного Комитета Красного Креста (МККК). С ее помощью теперь они претендуют на авторство идеи и приоритет в ее развитии. Многие швейцарцы относятся к международному гуманитарному праву, ставшему частью национальной идеи Швейцарии, как к "интеллектуальной собственности" нации и тщательно оберегают ее от "противоправных" посягательств извне. Этот феномен частично объясняет присущий МГП дуализм: его во многом искусственное разделение на "женевское" и "гаагское" право.

Юристы-международники, пытающиеся разграничить раз и навсегда международное договорное гуманитарное право и мораль, нашли предмет изнуряющего разум и бесконечного труда. К тому же, ими зачастую упускается из вида тот факт, что разграничение права и морали одновременно и аморально и противоправно применительно к самому МГП, ведь его истоки не в умозрительных конструкциях, а в гуманизме и нравственности.

Опыт показывает, что участники международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца в практической гуманитарной деятельности руководствуются, помимо семи общих принципов Движения, еще и собственными религиозно-этическими представлениями. Международное гуманитарное право устанавливает лишь минимальный и усредненный этический стандарт поведения участников вооруженных конфликтов. Этику Красного Креста и Красного Полумесяца нельзя назвать ни универсальной, ни светской, ни нейтральной по отношению к религии. Так, этика МККК и Красного Креста Швейцарии — это своеобразный сплав протестантской этики кальвинизма и либерально-демократических воззрений значительной части швейцарского общества. Этика национальных обществ Красного Креста латиноамериканских стран — в основном христианско-католическая этика милосердия. Этика обществ Красного Полумесяца арабских стран — мусульманская, которая вменяет в обязанность правоверному давать милостыню (садака) и уделять особое внимание гуманитарным потребностям "братьев по вере" в любой точке мира. Однако, единство краснокрестного движения подразумевает взаимодействие между людьми, которые придерживаются разных этических принципов, на нейтральном "межэтическом уровне".[3]

МГП — светское право, которое, однако, лишь на первый взгляд не призвано регулировать вопросы ведения межконфессиональных конфликтов. Хотя международное гуманитарное право и было задумано как право, регулирующее войны христианской цивилизации Запада.[4] Причем Россия внесла значительный вклад в разработку его нравственных основ. В этой связи достаточно обратиться к "оговорке Мартенса", содержание которой с трудом укладывается в понятие правовой нормы.[5] "Оговорка Мартенса" — это, скорее, заповедь, пожелание морального плана, в различных редакциях воспроизведенное в основополагающих договорах МГП. Она, по сути, очень близка к русскому культурно-историческому понятию, названному Л.Н. Толстым "дубиной народной войны", которое весьма нелегко втиснуть в международно-правовые рамки.

При этом стороннему наблюдателю за процессом развития и осуществления международного договорного гуманитарного права оно,

вероятно, напоминает своего рода "светскую религию "со своим "символом веры" (принципами МГП) и духовенством (сотрудниками Международного Комитета Красного Креста), а также кодексом поведения "религиозного ордена", включающим активный прозелитизм (распространение знаний о МГП) и жесткую внутреннюю дисциплину.[6] В это право надо верить наивно и упрямо, а уверовав, соблюдать и применять его догматы (принципы и нормы).

В октябре 1998 г. Международный комитет Красного Креста начал широкую кампанию под названием "Люди о войне", которая, по сути, является социологическим исследованием, опросом общественного мнения. Исследование МККК "Люди о войне" было проведено в двенадцати странах, охваченных различного рода конфликтами (Афганистане, Израиле, Боснии и Герцеговине, Камбодже, Колумбии, Сальвадоре, Грузии, Ливане, Сомали, Нигерии, ЮАР и на Филиппинах), а также в четырех государствах — постоянных членах Совета Безопасности ООН (России, Великобритании, США, Франции) и Швейцарии как государстве-депозитарии Женевских конвенций. 12860 респондентов ответили на пятьдесят вопросов по правовым, социальным, психологически проблемам, связанным с вооруженными конфликтами. Итоги исследования были представлены в Женеве в ноябре 1999 г. на XXVII Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца.

В Докладе подчеркивается, что, несмотря на приемлемость для значительного числа опрошенных нападений на гражданских лиц или использования санкций в целях ослабления противника, большинство людей не считает такую практику нормальной.[7]

Авторы доклада (специалисты Международного Комитета Красного Креста и американской исследовательской компании "Гринберг рисерч"), возможно, несколько преувеличили направленность современных войн против гражданского населения. В частности, в исследовании не в полной мере прослежена связь между увеличением числа жертв среди гражданского населения и активизацией его косвенного участия в военных действиях (как по собственной инициативе, так и в результате принуждения) путем оказания практического содействия одной из воюющих сторон.[8] Ведь, по меткому замечанию жителя Боснии — одного из участников опроса, воевать можно и с ведром воды в руке.

Многие современные войны — религиозные войны. Религия и религиозная идеология не перестали быть первопричиной или одним из ключевых факторов возгорания вооруженных конфликтов. Исследование Международного Комитета Красного Креста "Люди о войне" ярко проиллюстрировало, что для большинства опрошенных в странах, участвующих в конфликтах, не международное гуманитарное право, а другие факторы и ценности составляют основу гуманного ведения войн. Так, 37% опрошенных заявили, что определенные действия "неправильны", т.к. они противоречат религиозным верованиям, а 31% участников опроса связывает гуманное поведение на войне с личным кодексом чести участника конфликта.[9] Ключевую роль религиозных мотивов гуманного поведения участников современных конфликтов косвенно подтверждает высокий процент опрошенных (более восьмидесяти), вы-

сказавшихся против практики разрушения религиозных, культурных и исторических объектов с целью ослабления противника.[10]

В Докладе справедливо отмечено, что неравенство воюющих или существенное различие их военных, экономических, технологических, политических и иных возможностей является одним из решающих факторов нарушения норм международного гуманитарного права слабейшим участником конфликта.[11] Ситуация бессилия перед подавляющим превосходством противника объективно способствует формированию концепций войны без правил, "тотальной" войны, не поддающейся какому-либо международно-правовому регулированию и включающей, помимо военного, террористический, финансовый, электронный, идеологический и иные компоненты.[12]

Исследование "Люди о войне" подтвердило некую культурно-политическую ущербность и однобокость международного гуманитарного права. Более половины (51%) опрошенных в двенадцати странах Азии, Африки и Латинской Америки, охваченных конфликтами, заявили, что вообще не знают о существовании Женевских конвенций. Вместе с тем, в "четверке" государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН не имеет понятия о Конвенциях только 31% участников опроса. Причем наихудший показатель в этой группе у России (43%).

Наиболее шокирующая информация, собранная в странах, участвующих в конфликтах, касается вопроса пыток. Так, лишь 62% респондентов согласилось, что военнопленных нельзя пытать с целью получения сведений о противнике, в то время как 31% допускает использование пыток в военных целях. В США этот показатель даже хуже (32% опрошенных).[13]

Установка западной правовой культуры на обязательное судебное преследование виновных в нарушении норм международного гуманитарного права (80% опрошенных) находит меньшую поддержку в развивающихся странах (59%). Причем из четырех государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН россияне наиболее скептически относятся к идее осуществления правосудия международным уголовным судом (лишь 21% поддерживает ее по сравнению с 51% опрошенных в Великобритании и 62%- во Франции ).[14]

Швейцария в докладе об исследовании "Люди о войне" выступает по большинству позиций как страна-образец для подражания. Настораживает, однако, тот факт, что 20% опрошенных швейцарцев все же не имеет представления о Женевских конвенциях. Безусловное "лидерство" Швейцария удерживает по вопросам недопустимости нападений на гражданских лиц, запрещения противопехотных мин, судебного преследования нарушителей норм международного гуманитарного права, международной уголовной юрисдикции.[15] Это и неудивительно, т.к. по историческим и политическим причинам на многих нормах международного гуманитарного права можно смело ставить ярлык "Swiss Made" — "Сделано в Швейцарии".

Принято считать, что главной причиной систематического несоблюдения норм международного гуманитарного права является не его несовершенство, а отсутствие соответствующей политической воли элит

государств, участвующих в вооруженных конфликтах. Тезис весьма сомнительный. Военные и политические элиты в большинстве случаев законодательно запрещают нарушения МГП и даже создают "гуманитарные бюрократии" (национальные органы по осуществлению международного гуманитарного права). Однако, отдельно взятый солдат на поле боя руководствуется юридическими абстракциями чуть ли не в последнюю очередь. Мотивы его поведения, такие как отмеченные в докладе МККК "Люди о войне" ненависть и месть, игнорируются современным международным гуманитарным правом, т.к. практически не поддаются правовому регулированию. Более того, МГП предлагает относится к национальным героям как к преступникам, стыдливо замалчивая право и воинский долг солдата вывести из строя своего противника, что зачастую возможно только ценой жертв среди гражданского населения и разрушения гражданских объектов.

Представляется, что осуществление МГП — это не только и не столько вопрос законодательной деятельности и принятия соответствующих правоприменительных мер. Важно, чтобы нормы этого права были приняты правосознанием возможно большего числа людей. Таким образом, недостаточно предписать соблюдение определенных правил поведения в ходе вооруженного конфликта. Необходимо включить их в неформальную культуру права; проследить за соответствием правовых норм основополагающим представлениям конкретного народа о должном и нравственном; обеспечить добровольное признание, уважение и доверие к этим нормам.

В этой связи целесообразно изучить вопрос адекватности норм МГП ситуации современных "деструктурированных" конфликтов или, если придерживаться общепринятой терминологии, конфликтов немеждународного характера, тесно связанных с дезинтеграцией структур государственной власти на части территории страны.

В отсутствии четких правовых критериев выделения деструктурированных конфликтов в отдельную категорию вооруженных конфликтов на Первом периодическом совещании по международному гуманитарному праву (Женева, январь 1998 г.) возобладало мнение о применимости к ним по аналогии норм общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 г.[16] Условия применимости Протокола II, включающие требование участия в военных действиях в качестве одной из сторон конфликта организованных вооруженных групп, "которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над ее (Высокой Договаривающейся Стороны) территорией, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол", очевидно не позволяют распространить действие этих норм на ситуацию деструктурированных конфликтов.

Однако, как представляется, все рассуждения и утверждения о применимости отдельных норм МГП к ситуациям деструктурированных конфликтов сводятся на нет одной из важнейших их характеристик. В исследовании по данной теме, подготовленном специалистами МККК, очень верно подмечено, что в условиях хаотичных конфликтов практически невозможно провести основополагающее для всей системы норм

и институтов МГП различие между комбатантами и гражданскими лицами.[17] Таким образом, данная юридическая конструкция оказывается искусственной, не соответствует реальным взаимоотношениям конфликтующих сторон. Следовательно, часть положений общей статьи 3 Женевских конвенций также, как правило, не применима к ситуациям деструктурированных конфликтов. Единственной гарантией человечного обращения с покровительствуемыми лицами при всех обстоятельствах остаются общие правила гуманности (п.1 общей статьи 3 Женевских конвенций и п. 1 статьи 4 Дополнительного протокола II) .

Практика показывает, что основополагающие понятия международного гуманитарного права, такие как комбатанты, гражданские лица, жертвы конфликта, вступают в явное противоречие с социально-психологическим восприятием и делением всех участников вооруженного конфликта на "виновных" и "невинных". Иными словами, в международном гуманитарном праве одна юридическая фикция — "комбатант", цепляется за другую — "гражданское лицо" и приводит к абсурдному с точки зрения МГП, но вполне реальному понятию "вооруженного гражданского лица" (armed civilian). Во многом устаревшие понятия и нормы МГП в условиях гражданской войны, "войны ценностей" или современных конфликтов немеждународного характера косвенно способствуют идеологизации и легитимизации криминальной деятельности, т.к. их участники, совершая уголовно наказуемые деяния (убийства, грабежи, изнасилования), претендуют на статус комбатантов.[18] В этом случае стирается грань между бандитизмом и военными действиями, между комбатантами и уголовниками, между комбатантами и активно помогающими им гражданскими лицами.

Статус многих участников современных конфликтов немеждународного характера (в Сомали, Сьерра-Леоне, ДРК, Афганистане, Чечне ) очень близок к статусу наемников, поскольку они принимают участие в военных действиях, руководствуясь главным образом стремлением к наживе. Мотивы их поведения в корне противоречат принципам и нормам МГП. Следовательно, на них, как правило, не должен распространяться статус комбатантов и военнопленных.

В этой связи особое внимание необходимо уделить месту и значению внутригосударственного уголовного права для обеспечения правопорядка в условиях конфликта немеждународного характера с той целью, чтобы, в частности, точнее определить соотношение составов преступлений по уголовному праву и МГП. В подобной ситуации современное международное гуманитарное право не в состоянии защитить жертвы конфликта. Слабым утешением для них остается положение о неизменности статуса участников конфликта и требование к ним МГП соблюдать общие принципы гуманности. Причем, кодекс чести воина, этические принципы, которые всегда играли немаловажную роль в защите прав и интересов гражданских лиц, приобретают дополнительную значимость в условиях современных конфликтов немеждународного характера.

По понятным причинам в исследовании "Люди о войне" опущен теоретический вопрос о том, достаточно ли хорошо МГП "привязано" к основным институтам международного публичного права и системе

международных органов. В этой связи следует отметить, что одним из наиболее серьезных правовых оснований концепции "гуманитарного вмешательства" (нарушения суверенитета государства под предлогом защиты прав человека, демократических ценностей и предупреждения нарушений норм международного гуманитарного права) является общая статья 1 Женевских конвенций 1949 г. Она требует от государств не только соблюдать, но и "заставлять соблюдать" Женевские конвенции. Таким образом, общая статья 1 толкуется рядом государств и организаций Запада не как обязательство государств законными международно-правовыми и, где необходимо, политическими средствами способствовать всеобщему соблюдению норм Конвенций, а как некое коллективное право вмешиваться в дела суверенных государств, основанное на соображениях гуманности и коллективной ответственности перед жертвами конфликта.[19] В этой связи следует отметить, что понятие "джихада" в определенной степени является исламским аналогом концепции "гуманитарного вмешательства" применительно к защите притесняемых "неверными" мусульман.

Вклад сотрудников Международного Комитета Красного Креста в развитие норм международного гуманитарного права трудно переоценить. Вместе с тем, представляется, что в свете состоявшегося "скачка" в разработке норм МГП и, главное, наметившегося "застоя" в их реализации эта отрасль международного права нуждается в своеобразной "секуляризации ", выведении из-под " культово-трепетной " опеки МККК. Такой шаг, однако, в связи с активным продвижением Западом новомодной концепции "гуманитарного вмешательства" не гарантирует того, что международное гуманитарное право избавится таким образом от формализма и излишней идеологической начинки.

Тем не менее, при правовой оценке многих институтов и норм МГП необходим скептический реализм. Войну нельзя свести к правоотношениям воюющих сторон по вопросу реализации норм МГП и подчинить ее идеологии защиты прав человека. Государства, представляющие все правовые и гуманистические традиции, могут и обязаны вернуть себе роль основного "мотора" развития международного гуманитарного права. В противном случае, как показал, в частности, опыт "оттавского процесса", инициатива будет перехвачена МККК и неправительственными организациями стран Запада, которые приложили максимум усилий для дискредитации соглашения государств по пересмотру и обновлению Протокола II ("Минного протокола") к Конвенции 1980 г. о запрещении или ограничении применения конкретных видов оружия.

В этой связи уместен вопрос о пределах права гуманитарной инициативы и более четком конвенционном закреплении предпосылок и условий его осуществления.[20] Дело в том, что МККК, национальные общества Красного Креста, гуманитарные агентства системы ООН и неправительственные организации стран Запада все активнее вторгаются в сферу политики и принимают на себя все больше обязательств политико-гуманитарного плана, зачастую перекладывая на государства ответственность за их выполнение.

Вопрос развития механизмов контроля за осуществлением междуна-

родного гуманитарного права, вероятно, нуждается в особом внимании исследователей. Тем более, что существующие конвенционные институты (державы-покровительницы и Международная комиссия по установлению фактов) практически не используются. Следует отметить, что институт державы-покровительницы (ст. 8 первой, второй и третьей Женевских конвенций и ст. 9 четвертой Конвенции), сверстанный под модель европейского нейтрального государства, рискует без соответствующей модернизации надолго остаться одним из "спящих" институтов МГП. Новейшие попытки активизировать работу Международной комиссии по установлению фактов (ст. 90 Дополнительного протокола 1 к Женевским конвенциям 1949 г.), включая планы оказания добрых услуг участникам колумбийского конфликта, строго говоря, противоречат мандату Комиссии, который ограничен ситуациями международных конфликтов.[21] К сожалению, новую жизнь в эти институты, вероятно, может вдохнуть реализация противоправной доктрины "гуманитарного вмешательства", хотя именно она представляет серьезную угрозу целостности и эффективности МГП.[22]

Еще одна важная, но до недавнего времени запретная тема касается влияния на авторитет и значимость международного гуманитарного права политической и иной, мягко говоря, малосовместимой с гуманитарным мандатом деятельности МККК.[23] Следует ли в этой связи распространить действие механизмов контроля за осуществлением МГП на Международный Комитет Красного Креста, Международную федерацию обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, другие "беспристрастные гуманитарные организации" (по смыслу Женевских конвенций), претендующие на защиту и специальные полномочия по международному гуманитарному праву.

Поможет ли недавнее исследование "Люди о войне", преодолеть влечение юристов и политиков к теоретизированию в области МГП? Это весьма важно, поскольку, к сожалению, в ряде случаев международное гуманитарное право — это то, что о нем скажут юристы и политики, а не участники конфликтов.

Наконец, будет ли в ближайшее десятилетие нарушена фактическая монополия Международного Комитета Красного Креста на "законодательную инициативу" в области международного гуманитарного права? Этот вопрос особенно актуален, поскольку в наше время источником международного права зачастую становится не воля, а безволие государств.

**Сергей Рогожин**

Москва, январь 2000 г.

---

[1] Наиболее значительным вкладом англо-американской правовой семьи в создание основ современного международного гуманитарного права, вероятно, является разработанный в 1863 г. "Кодекс Либера".

[2] Они, в частности, изложены в Законах Ману (гл. XII, 90, 91, 92, 93), Коране (Сура II, 190—194; Сура III, 102-105, 107-110), кодексе чести японских воинов — учении Бусидо.

[3] См. *Huber M.* Le bon Samaritain . La pensée et l'action de la Croix-Rouge. Genéve, CICR, 1954, p. 329 .

[4] *Ф.Ф. Мартенс*, обращаясь к вопросу сферы действия права войны, отмечал, что "только по отношению к цивилизованным государствам может быть речь о законах и правилах, которые должны быть соблюдаемы во время международных столкновений. Нельзя ожидать и несправедливо требовать соблюдения каких-либо юридических норм, составляющих право международного принуждения, от народов существенно различной цивилизации и культуры". (См. *Ф.Ф. Мартенс.* Современное международное право цивилизованных народов. М., 1996, т. 2, стр. 265).

[5] В первоначальной и наиболее полной редакции "оговорка Мартенса" содержится в преамбуле к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, принятой в Гааге в 1899 г. Она гласит: "Впредь до того времени, когда представится возможность издать более полный свод законов войны, Высокие Договаривающиеся Стороны считают уместным засвидетельствовать, что в случаях, не предусмотренных принятыми ими постановлениями, население и воюющие остаются под охраной и действием начал международного права, поскольку они вытекают из установившихся между образованными народами обычаев, из законов человечности и требований общественного сознания".

[6] О практике шельмования (в лучших традициях кальвинизма) сотрудников МККК, оспаривающих официальную точку зрения Комитета, см. "L'antisemitisme du CICR après la guerre est dénonce par une ex-employée. L'auteur d'un livre sur la politique du Comité international de la Croix-Rouge en Palestine révéle les pressions dont elle à fait l'objet, qui l'ont conduite à démissioner et à s'exiler", "Le Nouveau Quotidien", le 25 juillet 1997., а также *Frederic Koller*, "Le CICR léve le sequestre sur un rapport qui dénonçait son échec au Vietnam", "Le Temps", le 8 décembre 1998.

[7] См. The People on War Report. ICRC worldwide consultation on the rules of war, International Committee of The Red Cross, Geneva, October 1999, p. vi.

[8] Ibid., p. viii-xi.

[9] Ibid., p. x.

[10] Ibid., p. xii.

[11] Ibid., p. xiii.

[12] О последних разработках в этой области китайских военных см. *John Pomfret.* "China Looks Beyond Old Rules", "The International Herald Tribune", 9th of August 1999.

[13] См. The People on War Report. ICRC worldwide consultation on the rules of war, International Committee of The Red Cross, Geneva, October 1999, p. xvii.

[14] Ibid., p. 85.

[15] Ibid., p. 78-86.

[16] См. First Periodical Meeting on International Humanitarian Law, Chairman's Report, Geneva, 1998., а также Preparatory Document Drafted by the ICRC for the First Periodical Meeting on International Humanitarian Law. Armed Conflicts Linked to the Desintegration of State Structures, Geneva, 19-23 January 1998, p. 89.

[17] Ibid., p. 6.

[18] О подобной практике в Чечне см. Доклад Генерального секретаря ООН "Положение в области прав человека в Чеченской Республике Российской Федерации", E/CN.4/ 1996 /13 от 26 марта 1996 г., стр. 16, 23.

[19] См. *Корнелио Соммаруга.* "Война и права человека". Независимое военное обозрение № 33, 1999.

[20] В настоящее время право гуманитарной инициативы признается за МККК и "любой другой беспристрастной гуманитарной организацией" статьей 9 I, II и III Женевских конвенций 1949 г. и статье 4 10 IV Конвенции. Аналогичное положение содержит и общая статья 3 Женевских конвенций применительно к конфликтам немеждународного характера. Причем Дополнительный протокол II 1977 г., строго говоря, не предоставляет МККК такого права. В этих условиях

Комитет расширительно толкует положения пункта 2 статьи 18 этого Протокола об оказании помощи гражданскому населению в случае вооруженного конфликта немеждународного характера. Так, применительно к этой ситуации констатируется, что "в частности, имеются в виду действия по оказанию помощи, которые могут предприниматься МККК или любой другой беспристрастной гуманитарной организацией" (см. Commentary to the Additional Protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949, ICRC, Geneva, 1987, p. 1479, para. 4879).

[21] См. Outcome of the Celebrations of the Centennial of the First International Peace Conference: Report on the Conclusions. A/54/381, 21 September 1999, p. 17.

[22] О последствиях реализации этой доктрины во время войны НАТО против Югославии см. "NATO Crimes in Yugoslavia. Documentary Evidence: 24 March-24 April 1999". Belgrade, May 1999., а также "NATO Crimes in Yugoslavia. Documentary Evidence: 25 April-10 June 1999", Volume II, Belgrade, July 1999.

[23] См. The ICRC infiltrated by the Nazis? International Committee of The Red Cross, Geneva, 15 September 1996; Philippe Rodrik, "Dans le dernier "SAS" de Villiers affirme que le CICR à l'aide Kabila", "Tribune de Genève", le 16 décembre 1997; "Au moins dix nazis ont fui avec des passeports du CICR . Parmi eux, Josef Mengele, Adolf Eichmann et Klaus Barbie.", "Tribune de Genève", le 18 février 1999; Jean-Philippe Ceppi, "Quand les espions suisses infiltraient le CICR", "Le Temps", le 21 août 1999; ICRC role during the Irian Jaya hostage crisis (January — May 1996), Internnational Committee of The Red Cross, Geneve 27 August 1999; Mathieu van Berchem, "Le jour ou le CICR neutre et helvetique à failli disparaitre", "Tribune de Genève", 19—20 juillet 1997.

*Статья поступила в редакцию в марте 2000 года*

# ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА — ЗАДАЧА ПЕРВОСТЕПЕННОЙ ВАЖНОСТИ

Пьер К е л л е р*

Уважаемые г-н Председатель, Ваши Превосходительства, Дамы и Господа,

Выступить от имени Международного Комитета Красного Креста (МККК) перед столь именитым собранием — это большая честь для меня. Как и сто лет назад, МККК с большим интересом примет участие в дискуссии, которая началась в Гааге и теперь продолжится в Санкт-Петербурге. Пропагандируя и отстаивая международное гуманитарное право, МККК рад представившейся возможности более конкретно рассмотреть вопрос имплементации международного права и международного гуманитарного права, в частности.

Прежде всего, я хочу отдать дань благодарности городу Санкт-Петербургу, где была принята Санкт-Петербургская декларация 1868 г.

*Вице-президент Международного Комитета Красного Креста. Выступление на научной конференции в Санкт-Петербурге, посвященной 100-летию Первой Гаагской конференции мира.

Это, несомненно, был один из самых первых договоров в области гуманитарного права. И, что еще важнее, в Преамбуле Декларации устанавливаются четыре принципа, которые составляют самую сущность гуманитарного права, и поэтому даже в наши дни в курсах по этой отрасли права делаются ссылки на данный документ.

Действительно, запрет, содержащийся в Декларации, чрезвычайно актуален в наши дни, так как вопрос о взрывчатых пулях снова стоит на повестке дня. Более того, проект МККК "СИрУС", задача которого состоит в том, чтобы дать конкретное определение понятию "чрезмерное повреждение и излишнее страдание", построен на принципах, установленных в Санкт-Петербургской декларации. Целью проекта является определение воздействия оружия на здоровье, что впоследствии могло бы приниматься во внимание при рассмотрении законности каких-либо новых видов оружия.

Г-н Председатель,

Столетие Первой конференции мира является скорее уникальной возможностью подвести итоги того, что было сделано, и определить, что можно улучшить, чем просто торжественно отметить факт существования корпуса права, регулирующего самый бесчеловечный род деятельности — ведение войны.

Первым, что приходит на ум из достигнутого, — это универсальное признание Женевских конвенций. Что касается Дополнительных Протоколов 1977 г., то они близки к тому, чтобы стать универсальными, связывая обязательствами 154 и 146 стран, соответственно. Мы искренне надеемся, что государства, еще не ратифицировавшие Протоколы, сделают это в самом ближайшем будущем.

Тем не менее, вполне оправдан вопрос, соответствует ли все еще гуманитарное право реалиям сегодняшнего дня и отвечает ли оно потребностям в отношении защиты. Основываясь на том, что мы знаем о вооруженном конфликте, мы убеждены, что основные принципы гуманитарного права сохраняют свою актуальность и в современных конфликтах. Это не означает, однако, что гуманитарное право не должно развиваться. Последние годы отмечены несколькими благоприятными достижениями, которые продемонстрировали его способность адаптироваться к новым потребностям, а, следовательно, и его динамичный характер. Тем не менее, если нам надо было бы точно определить одну область, улучшения в которой были бы наиболее желаемыми, то это право, применимое к вооруженным конфликтам немеждународного характера.

Но одной из основных проблем гуманитарного права в наши дни остается проблема имплементации, как весьма справедливо отметил профессор Гринвуд в своем превосходном докладе. Виноваты не нормы как таковые, а отсутствие желания применять эти нормы. Я бы поэтому хотел обратить внимание на три основные обязательства, касающиеся имплементации гуманитарного права.

*Во-первых,* не может быть соблюдения гуманитарного права без тщательной подготовки в мирное время. Необходимо принять целый ряд мер на национальном уровне. В частности, государства должны принять законодательство, предусматривающее пресечение военных преступлений и уважение эмблемы Красного Креста и Красного Полу-

месяца. В последние годы МККК оказывает помощь государствам в выполнении их обязательств в этом отношении через Консультативную службу по международному гуманитарному праву, которая проводит национальные и региональные конференции, способствует созданию межведомственных комитетов и содействует обмену информацией между государствами. Здесь я также хотел бы упомянуть о существовании Центра документации в Женеве и о предстоящем выпуске нового компакт-диска по гуманитарного праву, на котором впервые будет представлено внутреннее законодательство ряда стран.

Другой мерой, которую необходимо принимать в мирное время, является распространение знаний о гуманитарном праве. Хотя ответственность за это лежит на государствах, МККК также прилагает много усилий к распространению знаний о праве в рядах вооруженных сил и сил безопасности, среди широкой общественности, особенно молодежи.

*Во-вторых,* когда начинается вооруженный конфликт, государствам необходимо напомнить об их обязательстве не только соблюдать, но и *обеспечивать соблюдение* Женевских конвенций при любых обстоятельствах, как это предусмотрено в ст. 1 общей для четырех Конвенций. Так, государства, не вовлеченные в конфликт, несут коллективную ответственность по отношению к жертвам. Каким же образом это обязательство может быть выполнено? Безусловно, государства должны проявлять больше изобретательности при разработке мер, способствующих торжеству права. Я полагаю, это относится к сфере действия гуманитарной дипломатии, которая еще полностью не используется. Кроме того, было бы конечно желательно, чтобы большее число государств признало компетенцию Международной комиссии по установлению фактов, предусмотренной в ст. 90 1 Дополнительного протокола, и прибегало к услугам Комиссии.

*В-третьих,* ни одна правовая система не может должным образом функционировать без карательных санкций. Необходимо сделать более эффективным пресечение военных преступлений. Я хотел бы отметить, что на государствах лежит главная ответственность за преследование военных преступлений, на основании универсальной юрисдикции. Тем не менее, Международный уголовный суд будет важным — хотя и дополнительным — фактором в деятельности, направленной на то, чтобы положить конец безнаказанности. Поэтому мы призываем государств как можно скорее ратифицировать Римский статут.

Что касается более общего уровня, напомним, что национальным обществам Красного Креста и Красного Полумесяца поручено оказывать помощь своим правительствам в деле распространения знаний о праве и содействовать соблюдению его положений, а также обеспечивать защиту эмблемы.

Г-н Председатель,

В этот день столетнего юбилея со дня созыва Первой конференции мира позвольте мне сказать несколько слов о другой годовщине, которая тесно связана с ним. Я, конечно, имею в виду 50-летнюю годовщину со дня принятия Женевских Конвенций 1949 г.

Чтобы отметить это событие, МККК начал крупный всемирный опрос, получивший название "Люди о войне". Цель этого уникального

проекта - дать возможность высказаться людям, которые прямо или косвенно были затронуты войной, как гражданским лицам, так и комбатантам, и узнать их мнение о нормах, применяемых в период войны. В течение последних месяцев МККК с помощью добровольцев из национальных обществ и при поддержке агентства, специализирующегося на опросах общественного мнения, проводил групповые дискуссии и взял тысячи индивидуальных интервью. Центром внимания опроса стали такие страны, как Колумбия, Босния и Герцеговина, ЮАР, Сомали, Филиппины, Ливан, Сальвадор, Грузия, Шри-Ланка, Афганистан, Нигерия и Израиль, а также оккупированные и автономные территории. Параллельно с этим опросы проходят во Франции, Великобритании, США, Российской Федерации и Швейцарии.

Сейчас уже подводятся первые итоги. В целом, они служат показателем того, что основные нормы гуманитарного права довольно хорошо понимают и принимают. Это касается *принципа различия,* основного и решающего принципа, согласно которому необходимо при любых обстоятельствах проводить различие между гражданским население и имуществом гражданских лиц, с одной стороны, и военными объектами — с другой. Однако, как показывает практика, различие между гражданскими лицам и комбатантами становится более размытым. Это происходит, например, в тех случаях, когда гражданское население активно поддерживает военные действия, независимо от того, предоставляет ли оно материально-техническую помощь добровольно или нет.

Наиболее значительные факты, собранные в ходе этого проекта, публикуются по мере поступления на одной из страниц электронного сервера МККК, специально созданного для этих целей (www.onwar.org). Общие результаты будут представлены на 27 Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца.

Мы надеемся, что этот опрос, проводимый под девизом "Даже у войны есть пределы", покажет, сколь сложна война, и станет толчком к проведению широкомасштабной дискуссии по этому вопросу, так как даже предварительные результаты дают достаточно много поводов к размышлению. В любом случае, кампания должна способствовать тому, чтобы поставить в центр внимания жертв войны и восстановить их достоинство, требуя соблюдения норм и взывая к общественному сознанию.

Г-н Председатель,

В заключение я хотел бы упомянуть о том, что XXVII Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца, которая состоится в начале ноября в Женеве, явится кульминационным моментом этого столь богатого событиями для гуманитарного права года. Для Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца это одна из основных возможностей активизировать диалог между государствами-участниками Женевских конвенций с целью нахождения более оптимальных методов распространения знаний о гуманитарном праве и достижения более строгого соблюдения его положений. Поэтому крайне важно, чтобы как можно большее число государств и национальных обществ приняли участие в Конференции.

Спасибо за предоставленное слово, г-н Председатель.

*Материал поступил в редакцию в августе 1999 года.*

# Международное уголовное право

## РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ВЫДАЧЕ ПРЕСТУПНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

П.Н. Бирюков*

В Российской Федерации нормы о выдаче лиц содержатся во многих нормативных актах, различающимся по юридической силе и характеру регулирования.

Статья 61 Конституции РФ устанавливает, что российский гражданин не может быть выдан другому государству. "В Российской Федерации не допускается выдача другим государствам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением (ст. 63 Конституции). Таким образом, Конституция РФ:

а) закрепляет правило невыдачи российских граждан. В этой связи не может действовать неотмененная пока норма ст. 1 закона РФ "О гражданстве Российской Федерации" 1992 г., согласно которой "гражданин Российской Федерации не может быть выдан другому государству иначе как на основе закона или международного договора";

б) не регулирует вопросов выдачи для исполнения приговора, что, впрочем, не означает запрета на осуществление данного вида выдачи;

в) пошла по пути объединения оснований отказа в выдаче, вытекающих из разных договоров — закреплены два абсолютных основания из договоров о правовой помощи (невыдача собственных граждан, невыдача за деяния, не являющиеся преступлениями), и одно из Конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г. (преследование за политические убеждения).

В то же время Конституция не предусматривает в качестве оснований отказа в выдаче обстоятельств, зафиксированных международными договорами, а именно:

невозможность возбуждения дела или приведения приговора в исполнение вследствие истечения срока давности, амнистии или по иному

* Кандидат юрид. наук, доцент Воронежского госуниверситета, подробнее об авторе см. в № 1 нашего журнала за 1999 г.

законному основанию, предусмотренному законодательством Российской Федерации (ст. 57 Договора между СССР и МНР о взаимном оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1988 г.[1]);

вынесение в отношении лица, выдача которого требуется, на территории Российской Федерации по тому же преступлению приговора или иного окончательного решения по делу, вступивших в законную силу (ст. 3 Договора между РФ и КНР о выдаче 1995 г.[2]);

предоставление в Российской Федерации запрашиваемому к выдаче лицу права убежища (ст. 26 Договора между СССР и Тунисской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1984 г.[3], ст. 62 Договора о правовой помощи и правовых отношениях между РФ и Латвийской Республикой 1993 г.[4]);

другие основания. Например, согласно ст. 57 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г.[5], выдача также не может иметь места, если преступление в соответствии с законодательством запрашивающей или запрашиваемой сторон преследуется в порядке частного обвинения. По некоторым договорам (ст. 62 Договора между РФ и Азербайджанской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1992 г.[6], ст. 62 Договора между РФ и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1992 г.[7]) уголовно-процессуальное законодательство запрашивающего и запрашиваемого государств должно предусматривать публично-правовой порядок возбуждения дела за деяния, служащие основанием к выдаче.

Сказанное, однако, не означает, что указанные обстоятельства не могут быть закреплены в иных внутригосударственных актах о выдаче, поскольку они не противоречат нормам Конституции РФ.

Как известно, федеральный закон, регламентирующий процессуальные вопросы выдачи, пока не принят, поэтому обязательность выдачи в том или ином случае определяется, прежде всего, договором с соответствующим государством. При этом, поскольку выдача затрагивает основные права и свободы человека, договоры, содержащие нормы о выдаче, подлежат ратификации Государственной Думой Федерального Собрания РФ в силу ст. 15 ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" 1995 г. Отсутствие договора означает, что требование о выдаче не может быть выполнено Российской Федерацией; в свою очередь, иностранным государством может быть отказано в выдаче преступника в Российскую Федерацию.

Ряд положений Конституции о выдаче конкретизировано в ст. 13 УК РФ. Не касаясь вопроса о целесообразности закрепления норм о выдаче (акте, по большому счету процессуальном) в УК, отмечу неудачную формулировку статьи 13 УК.

В соответствии с ч. 1 ст. 13 УК "граждане Российской Федерации, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству". При анализе данной нормы может создаться впечатление, что российские граждане, совершившие

преступление на территории РФ, или на территории третьего (не запрашивающего о выдаче) государства, либо за пределами территории какого-либо государства вообще (скажем, в открытом море) могут быть выданы иностранному государству. Во всяком случае, ч. 1 ст. 13 не содержит абсолютного запрета на выдачу российских граждан.

Не является безупречной с точки зрения юридической техники и ч. 2 ст. 13 УК: "иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации".

Во-первых, международные договоры допускают возможность выдачи иностранцев и лиц без гражданства и за преступления, совершенные на российской территории (см. ст. 9 Международной конвенции по борьбе с подделкой денежных знаков 1929 г., ст. 16 Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г.[8] и др.).

Во-вторых, по международным обязательствам РФ выдача производится не для "отбывания наказания" (как записано в ч. 2 ст. 13 УК), а "для приведения приговора в исполнение". В отношении лиц, отбывающих наказание, в международном праве предусмотрено самостоятельное процессуальное действие, не являющееся выдачей - передача лиц, осужденных к лишению свободы для отбывания наказания. Иными словами, если дословно следовать требованиям ст. 13 УК РФ, в РФ выдачу для исполнения приговора вообще нельзя осуществлять.

Так что ст. 13 УК РФ нуждается в определенном уточнении.

Отдельные аспекты выдачи регламентируются также Постановлением Президиума Верховного Совета СССР "О мерах по выполнению международных договоров СССР о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам" 1988 г.[9] Постановление относит сношения по вопросам выдачи к компетенции органов прокуратуры и имеет характер акта о порядке применения международного договора.

Помимо вышеуказанных правовых актов, нормы о выдаче закреплены в ведомственных приказах, инструкциях, распоряжениях.

В частности, Указанием Генерального прокурора РФ "О порядке выполнения ходатайств о правовой помощи" 1992 г. (в ред. 1993 г.) предусмотрено осуществление в порядке правовой помощи выдачи преступников. Нормы Указания в принципе не отличаются от предусмотренных международными соглашениями. Вместе с тем, Указание определяет срок исполнения международных поручений (включая требование о выдаче) — один месяц. Указание Генерального прокурора РФ "О порядке рассмотрения ходатайств других государств об экстрадиции" 1998 г. регламентирует обязанности органов прокуратуры при решении вопросов задержания и выдачи лиц.

Положения, затрагивающие различные аспекты выдачи, зафиксированы и в нормативных актах МВД РФ. В их числе - Инструкция о порядке обработки информации в НЦБ Интерпола в РФ, Инструкция

об оперативно-розыскной деятельности и др. Положения указанных документов носят главным образом отсылочный характер.

В действующем УПК РСФСР вопросы выдачи не урегулированы. Попытка исправить это положение была предпринята в УПК РФ, принятом в первом чтении. В УПК выдаче посвящены статьи 514—519, нормы которых далеко не во всем согласуются с международными обязательствами РФ.

Во-первых, согласно ч. 1 ст. 514, в случае и порядке, предусмотренных законодательством РФ и международными договорами, Генеральная прокуратура РФ обращается к соответствующему учреждению иностранного государства с требованием о выдаче лица, являющегося российским гражданином и совершившего преступление на территории РФ, если в отношении этого лица вынесен обвинительный приговор или постановление о привлечении его в качестве обвиняемого.

Однако, по международным договорам Российская Федерация имеет право требовать выдачи не только российских граждан, но и иностранцев и лиц без гражданства, совершивших деяния, затрагивающие наше государство. Кроме того, лица подлежат выдаче не только за преступления, совершенные на российской территории, но и в иных случаях, когда наше государство может осуществлять в отношении преступника уголовную юрисдикцию (например, когда граждане России являются потерпевшими от преступления).

Во-вторых, ч. 2 ст. 514 УПК в числе реквизитов требования о выдаче не предусматривает обязательного указания следующих элементов: наименований запрашивающего и запрашиваемого учреждений; указаний на "сопутствующие" уголовному закону нормы (постановления Пленума Верховного Суда РФ и т.д.); указания на размер ущерба, причиненного преступлением, и некоторых других сведений, требуемых международными договорами (ст. 6 Договора между СССР и ПНР о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1957 г.[10], ст. 7 Договора о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам между РФ и Литовской Республикой 1992 г.[11]).

В-третьих, в ч. 2 ст. 516 УПК РФ говорится о выдаче лишь иностранных граждан; лица без гражданства пропущены.

В-четвертых, в ст. 517 УПК зафиксированы далеко не все основания отказа в выдаче. В частности, не нашли отражения в УПК предусматриваемые большинством договоров о выдаче, в которых участвует РФ, такие абсолютные основания, как:

а) лицо, выдача которого требуется, является гражданином РФ;

б) выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, за совершение которых в РФ предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание;

в) выдача для приведения приговора в исполнение производится за такие деяния, за совершение которых лицо, выдача которого требуется, было приговорено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию;

г) преступление в соответствии с законодательством запрашивающей и/или запрашиваемой стороны преследуется в порядке частного обвинения;

д) совершение преступления, в связи с которым требуется выдача, на территории РФ[12].

В-пятых, норма ч. 2 ст. 518 УПК — выдача гражданина РФ, имеющего двойное гражданство, возможна только в случаях, специально предусмотренных международным договором или соглашением — противоречит Конституции РФ, которая запрещает выдачу российских граждан (пусть даже и имеющих гражданство иностранного государства). В случае заключения нашим государством договора, допускающего выдачу российского гражданина, имеющего также гражданство иностранного государства, перед его ратификацией необходимо будет внести изменения в действующую Конституцию.

Как видим, УПК РФ не учитывает многих международных обязательств РФ и не может быть принят без серьезной доработки. В частности, в УПК РФ нормы о выдаче должны быть закреплены следующим образом.

"**Статья 514.** Выдача для привлечения к уголовной ответственности

Выдача для привлечения к уголовной ответственности производится за такие деяния, которые по законам запрашивающей стороны и Уголовному Кодексу Российской Федерации являются наказуемыми и за совершение которых предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание.

Если просьба о выдаче касается нескольких отдельных деяний, каждое из которых является уголовно наказуемым, но при этом некоторые из них не подпадают под категорию преступлений, влекущих выдачу, выдача производится лишь за преступления, влекущие выдачу.

**Статья 515.** Выдача для приведения приговора в исполнение

Выдача для приведения приговора в исполнение производится за такие деяния, которые в соответствии с законодательством запрашивающей стороны и Уголовному Кодексу Российской Федерации являются наказуемыми и за совершение которых лицо, выдача которого требуется, было приговорено к лишению свободы на срок не менее шести месяцев или к более тяжкому наказанию. При этом выдача может иметь место только при условии, когда до истечения назначенного срока наказания остается не менее 6 месяцев.

**Статья 516.** Отказ в выдаче

Требование о выдаче отклоняется, если:

а) лицо, выдача которого требуется, является гражданином Российской Федерации;

б) на момент получения требования уголовное дело не может быть возбуждено или приговор не может быть приведен в исполнение вследствие истечения срока давности, амнистии или по иному законному основанию, предусмотренному законодательством Российской Федерации;

в) в отношении лица, выдача которого требуется, на территории Российской Федерации по тому же преступлению был уже вынесен приговор, вступивший в законную силу, или прекращено производство по делу;

г) если уголовное преследование за деяние в соответствии с законодательством Российской Федерации возбуждается в порядке частного обвинения;

д) в Российской Федерации запрашиваемому к выдаче лицу предоставлено право убежища;

е) когда выдача не разрешается по законодательству Российской Федерации.

В выдаче лица может быть отказано, если:

а) преступление, в связи с которым требуется выдача, совершено на территории Российской Федерации;

б) Российская Федерация обладает юрисдикцией в отношении лица, выдача которого запрошена, или преступления, в связи с которым направлена просьба о выдаче. В таком случае прокуратура Российской Федерации должна по просьбе запрашивающей стороны возбудить уголовное преследование в отношении этого лица;

в) в Российской Федерации уже осуществляется уголовное преследование лица, чья выдача требуется, за то же преступление;

г) если преступление, в связи с которым запрашивается выдача, наказуемо смертной казнью в соответствии с законом запрашивающего государства и если в отношении такого преступления смертная казнь не предусматривается Уголовным кодексом Российской Федерации.

**Статья 517**. Требование о выдаче

Требование о выдаче должно содержать следующие сведения:

а) наименование запрашивающего и запрашиваемого учреждений;

б) описание фактических обстоятельств деяния и текст закона запрашивающей стороны, на основании которого это деяние признается преступлением с указанием предусматриваемой этим законом меры наказания;

в) фамилию, имя, отчество лица, которое подлежит выдаче, его год рождения, гражданство, место жительства или пребывания, по возможности

- описание внешности, фотографию, отпечатки пальцев и другие сведения о его личности;

г) данные о размере ущерба, причиненного преступлением.

К требованию о выдаче для осуществления уголовного преследования должна быть приложена заверенная копия постановления о заключении под стражу.

К требованию о выдаче для приведения приговора в исполнение должны быть приложены заверенная копия приговора с отметкой о вступлении его в законную силу и текст положения уголовного закона, на основании которого лицо осуждено. Если осужденный уже отбыл часть наказания, должны сообщаться также данные об этом.

**Статья 518.** Срок рассмотрения требования о выдаче

Требование о выдаче должно быть рассмотрено в течение 30 дней с момента поступления.

**Статья 519.** Отсрочка выдачи

В случае, если лицо, выдача которого требуется, привлечено к уголовной ответственности или осуждено за другое преступление на территории Российской Федерации, его выдача может быть отсрочена до прекращения уголовного преследования, приведения приговора в исполнение или до освобождения от наказания.

**Статья 520.** Выдача на время

В случаях, если отсрочка выдачи может повлечь за собой истечение срока давности уголовного преследования или серьезно затруднить расследование преступления, по ходатайству может быть произведена выдача лица на время при условии, что выданное лицо будет немедленно возвращено после проведения процессуальных действий, для которых оно было выдано, и не позднее трех месяцев со дня выдачи.

**Статья 521.** Коллизия требований о выдаче

Если требования о выдаче поступят от нескольких государств, Генеральная прокуратура Российской Федерации самостоятельно решает, какое из этих требований должно быть удовлетворено.

**Статья 522.** Пределы уголовного преследования выданного лица

Выданное Российской Федерации лицо нельзя без согласия выдавшего государства привлечь к уголовной ответственности или подвергнуть наказанию за совершенное до его выдачи преступление, за которое оно не было выдано.

Без согласия выдавшего государства лицо не может быть выдано также третьему государству.

**Статья 523.** Уведомление о результатах производства по уголовному делу

Генеральная прокуратура Российской Федерации сообщает выдавшему государству о результатах производства по уголовному делу против выданного им лица. По просьбе высылается и копия окончательного решения.

**Статья 524.** Передача выдаваемых лиц

Генеральная прокуратура Российской Федерации обязуются принимать меры по обеспечению охраны, конвоирования и этапирования взятых под стражу лиц до передачи их представителям запрашивающего государства.

Основанием для конвоирования и этапирования взятого под стражу лица с территории государства другой стороны является решение компетентного органа запрашивающего государства.

Генеральная прокуратура Российская Федерация уведомляет запра-

шивающую сторону о месте и времени выдачи. Если запрашивающая сторона не примет лицо, подлежащее выдаче, в течение 15 дней после поставленной даты передачи, это лицо должно быть освобождено из-под стражи".

Нуждается в доработке и ст. 13 УК РФ. Представляется целесообразным изложить ее в следующей редакции:

**"Статья 13.** Выдача

1. Граждане Российской Федерации не подлежат выдаче иностранному государству.

2. Иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора в соответствии с международным договором Российской Федерации".

---

[1] СМД СССР. Вып. XLVI. М., 1993. с. 212—233.

[2] Дипломатический вестник. 1995. И 7.

[3] СМД СССР. Вып. XLII. М., 1988. с. 136—146.

[4] СЗ. 1995. И 21. ст. 1932.

[5] БМД. 1995. N 2.

[6] БМД. 1995. N 5.

[7] БМД. 1995. N 3.

[8] Действующее международное право / Сост. *Ю.М. Колосов* и *Э.С. Кривчикова*. В 3 т. Т. 3. М., 1997. с.571—576.

[9] Ведомости ВС СССР. 1988. N 26. Ст. 428.

[10] Сборник международных договоров Российской Федерации по оказанию правовой помощи. М., 1996. с. 420—446.

[11] БМД. 1995. № 6.

[12] См. подробнее: *Бирюков П.Н.* Взаимодействие органов ФСНП РФ с зарубежными правоохранительными органами при расследовании налоговых преступлений: Правовые вопросы. Воронеж, 1999.

г. Воронеж

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 года.*

# Международная безопасность

## ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ БАЗ ЗА РУБЕЖОМ

В. В. Свинарев*

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что интересы российского государства предопределяют необходимость его военного присутствия в некоторых стратегических регионах мира и размещения там ограниченных воинских контингентов (военных баз)[1]. А с учетом особой заинтересованности в развитии отношений с государствами ближнего зарубежья, Указом Президента РФ предусматривается возможность создания российских военных баз и в ближнем зарубежье[2].

В настоящее время в странах СНГ насчитывается около 30 военных баз, отдельных военных объектов, испытательных полигонов, арсеналов, аэродромов, складов, отдельных частей и соединений и т. п.[3]. Общая численность военных группировок РФ в странах ближнего зарубежья составляет около 125 тыс. солдат и офицеров (25 тыс. из них входят в состав зарубежных групп Федеральной пограничной службы — ФПС России и около 100 тыс. размещаются на военных базах или включены в состав миротворческих контингентов стран Содружества). Военное присутствие России в странах СНГ в настоящее время основывается на Договоре о коллективной безопасности 1992 года, Декларации о соблюдении суверенитета территориальной целостности и неприкосновенности границ государств-участников СНГ 1994 года, Меморандуме о поддержании мира и стабильности в Содружестве, двусторонних соглашениях государств-участников.

В научной литературе под военными базами обычно понимаются специально оборудованные в военном отношении районы, используемые государством для расположения своих вооруженных сил применительно к предполагаемым или возникшим театрам военных действий[4].

В самом общем виде правовой статус военных баз на иностранной территории представляет собой комплекс норм международного и внутригосударственного права, определяющих порядок и условия создания

* Кандидат юридических наук.

таких баз и их использования, а также регулирующих возникающие в этой области отношения субъектов, которые участвуют в деятельности, связанной с существованием и функционированием той или иной военной базы. Такого рода нормы есть не что иное, как права и обязанности, которыми наделены командиры (начальники) военных объектов и баз на территории иностранного государства, как субъекты правоотношений, выступающие от имени аккредитующего государства — с одной стороны. С другой стороны, определенными правами и обязанностями по отношению к военным базам обладают государства, на территории которых эти базы дислоцированы, в лице уполномоченных на то компетентных органов. Кроме того, важно отметить, что обладание правами и несение обязанностей объединено в единую систему правоотношений посредством закрепления юридической ответственности за нарушение рамок возможного или должного поведения участников.

Таким образом, правовой статус юридически определяет фактическое положение военной базы на иностранной территории. Следует также отметить, что понятия "правовой статус" и "правовое положение" по большей части рассматриваются как равнозначные термины. Во всяком случае, законодательство, юридическая практика, доктрина не проводят между ними какого-либо различия, а употребляют в одном и том же смысле[5].

Правовой статус военной базы на иностранной территории — это сложная юридическая категория, отражающая весь комплекс ее связей с государством пребывания и своей страной. В структуру этого понятия могут быть включены следующие элементы: а) правовые принципы; б) основные права и обязанности; в) вопросы юрисдикции в отношении персонала; г) предоставление некоторых привилегий и льгот; д) юридическая ответственность.

Одним из условий, предпосылкой обладания правами и обязанностями является гражданско-правовая принадлежность военной базы и политико-правовое состояние ее персонала. Наличием подобных правовых связей определяется юридическая принадлежность имущества (инфраструктуры) и физических лиц к тому или ному государству, которая, выступая в юридической форме, получает правовое выражение в институтах права собственности и гражданства, нормы которых определяют условия и порядок их приобретения, утраты и т. д.

Определение объема прав и обязанностей, устанавливаемых для государства, создающего военную базу, и персонала, обслуживающего ее деятельность, является, в первую очередь, делом внутренней компетенции той страны, на территории которой эта база дислоцирована. Это вытекает из действия принципов суверенности каждого государства, недопустимости чьего-либо вмешательства в его внутренние дела. Однако, это высказывание не следует понимать таким образом, что права государства пребывания в рассматриваемой области не ограничены. Государство пребывания в своих действиях в отношении военной базы у себя в стране, должно исходить из принципов международного права, а также норм международных договоров, в соответствии с которыми такие базы и создаются.

Среди основных принципов наибольшее значение в данном случае имеют: принцип взаимного уважения государственного суверенитета и

независимости; равноправия и невмешательства во внутренние дела; неприменения силы или угрозы силой; мирного урегулирования споров; уважения прав человека и основных свобод; добросовестного выполнения обязательств и др. Кроме того, при регулировании правового режима военных баз, следует учитывать также наличие специальных принципов, действующих в данной области.[6] К ним могут быть отнесены:

1. Принцип ограниченной (специальной) юрисдикции государства пребывания в отношении военных баз и их персонала. Данный принцип закреплен в международных договорах и нормативно-правовых актах государства. Следует отметить, что военные базы на территории иностранного государства ограждены от непосредственного вмешательства в их деятельность со стороны властей страны пребывания, хотя и не в такой форме, как в случае действия скажем дипломатического иммунитета. К примеру, по соглашению между Россией и Грузией о военных базах 1995 года требуется согласование с компетентными органами страны пребывания планов и мероприятий по оперативной и боевой подготовке, перемещению военной техники на полигоны, учебные поля и стрельбища, осуществлению полетов воздушных судов в интересах военных баз и т. п.[7]

2. Государство, в чьей собственности находится военная база и гражданами которого являются сотрудники этих баз, имеет право на защиту принадлежащих им объектов и лиц, состоящих на службе в составе этих баз. Основная проблема действия данного принципа состоит в том, когда и каким образом может осуществляться указанное выше право? Очевидно, следует согласиться с точкой зрения Л. Оппенгейма, высказанной им по поводу защиты государством собственных граждан за границей. Он в частности писал, что "каждое государство может использовать свое право защиты, если кому-либо из его граждан причинен ущерб за границей в отношении его личности или его имущества независимо от того, причинен ли этот ущерб самим государством, на территории которого в данное время находилось это лицо или имущество, либо должностными лицами или гражданами этого государства в том случае, если государство не вмешивается с целью возмещения причиненного ущерба"[8]. Вероятно, такого рода подход вполне оправданно применять и по отношению к государственной собственности за границей, имуществу зарубежных государственных органов, в том числе и военных баз. Мы уже отмечали некоторое сходство статуса военных баз и дипломатических представительств, и в этой связи вопросы возмещения ущерба, причиненного имуществу военных баз, могут решаться в порядке, аналогичном тому, который регламентирован дипломатическим правом[9].

3. Принцип обеспечения неприкосновенности военных баз, а также безопасности их персонала. Следует отметить, что данное положение, получив достаточно широкую договорную и законодательную регламентацию, создает условия для согласованного взаимодействия компетентных органов сторон — органов прокуратуры, внутренних дел и национальной безопасности, военных ведомств и других административных структур[10].

Правовое положение вооруженных сил на иностранной территории

определяется нормами двусторонних и многосторонних соглашений. Вместе с тем, помимо закрепления соответствующих прав и обязанностей, соглашения регламентируют порядок и места дислокации (территории) военных баз, их задачи и функции, компетенцию организационных структур, входящих в их состав, порядок перемещения подразделений, условия пользования различными сооружениями, средствами транспорта и связи, применения оружия и т. д.

Правовое положение объектов дислокации военных баз определяется их функциональным предназначением. Под "объектами дислокации военных баз" в соответствии с заключенными соглашениями понимаются аэродромы, здания, стационарные сооружения и коммуникации, военные городки, подъездные железнодорожные пути, учебные поля, полигоны, стрельбища, жилые здания, а также земельный участок с дислоцированными на нем воинскими формированиями Российской Федерации. Соглашения содержат требования четкого обозначения и согласования пределов такого рода территорий, приводят исчерпывающий перечень относящихся к военным базам объектов[11]. Это дает возможность государству пребывания правомерно ограничивать российское военное присутствие на своей территории, которое должно исчерпываться потребностями обеспечения безопасности и может увеличиваться или сокращаться в зависимости от возрастания или уменьшения угроз такой безопасности. Так, Президентом Грузии по итогам Стамбульского саммита 1999 года — было заявлено о необходимости уменьшения количества российских военных баз на территории этой страны до двух[12]. На пороге принятия аналогичного решения стоит и Армения. Естественно, в подобных случаях речь может идти только о согласованных действиях сторон в рамках международного права и на основе двусторонних договоров, учитывающих, в том числе и интересы российской стороны.

Как показывает практика функционирования российских военных баз они, в принципе, дополнительно не нуждаются в закреплении права собственности. К примеру, по условиям соглашения с Киргизией, места дислокации воинских частей и военных объектов передаются в пользование Российской Федерации на условиях аренды. Договор аренды заключается Министерством обороны с российской стороны, и со стороны Киргизии Государственным комитетом Киргизской Республики по делам обороны. В частности определено, что арендная плата вносится поставками вооружения и военной техники, услугами по проведению их ремонта, подготовкой офицерских кадров и младших специалистов, предоставлением информации и другими способами на принципах взаимного погашения платежей[13].

По этому же соглашению все недвижимое имущество военных объектов на период эксплуатации передается по фактическому состоянию в пользование российской стороне без взимания арендной платы. Кроме того, Министерству обороны России предоставляется право по согласованию с киргизской стороной производить модернизацию военных объектов путем замены устаревшего оборудования, реконструкции и строительства новых зданий и сооружений. В случае прекращения функционирования этих объектов все недвижимое имущество, в том

числе реконструированное и вновь созданное, безвозмездно передается под юрисдикцию Киргизской Республики. В решении вопроса последующей юрисдикции в отношении объектов недвижимости существуют и другие подходы. Так, по договору с Грузией право собственности на объекты недвижимости, построенные на российских военных базах в период их эксплуатации, принадлежат стороне, осуществившей финансирование их строительства. Очевидно, что в случае прекращения эксплуатации военных баз решение вопроса в отношении такого рода объектов будет требовать отдельного согласования и правовой регламентации.

По общему для всех соглашений правилу, все движимое имущество военных баз[14] является собственностью Российской Федерации и в случае прекращения функционирования этих объектов вывозится на территорию Российской Федерации или реализуется на месте.

В дальнейшей разработке нуждаются вопросы совместного использования объектов военной инфраструктуры в интересах обеих сторон. Так, по соглашению с Молдовой военный аэродром Тирасполь является аэродромом совместного базирования авиации и воинских формирований России и гражданской авиации Приднестровского региона Республики Молдова[15]. К объектам совместного использования войсками Российской Федерации и Республики Беларусь относятся пункты управления войсками, места дислокации войск (сил), система инженерного оборудования местности, позиции и объекты сил и средств противовоздушной обороны, предприятия по ремонту военной техники[16]. Некоторые аспекты данной проблемы частично регламентированы соглашениями. К примеру, предусматривается долевое участие сторон в финансировании объектов военной инфраструктуры, проведении строительных и восстановительных работ, представление друг другу отчетов об использовании вышеназванных объектов и т. д.[17]. В то же время проблемы юрисдикции в отношении служащих таких объектов, обеспечения безопасности дислоцированных подразделений, в том числе пределы полномочий органов, участвующих в обеспечении безопасности, заслуживают пристального рассмотрения применительно к каждому конкретному объекту.

Являясь частью территории государства пребывания, военные объекты (базы) наделяются особым статусом, сущность которого состоит в ограниченной (специальной) юрисдикции властей страны пребывания. К примеру, в соглашении по вопросам юрисдикции в отношении российских баз в Армении устанавливается, что законодательство Республики Армения не применяется по делам о преступлениях или правонарушениях, совершенных в пунктах размещения российской военной базы[18]. Там же оговаривается, что при необходимости выполнения в пределах пунктов размещения российской базы процессуальных, оперативно-розыскных, следственных или иных действий по делам, подпадающим под юрисдикцию Республики Армения, такие действия выполняются компетентными органами Армении совместно с уполномоченными органами Российской Федерации, либо российскими органами по письменному запросу армянской стороны, если их проведение не противоречит законодательству российского государства. Данные обстоятельства дают достаточно основа-

ний считать правовое положение военной базы как объекта, обладающего неприкосновенностью.

Кроме того, как известно, понятие "неприкосновенности" в дипломатическом праве рассматривается, с одной стороны, как обязанность государства пребывания обеспечить воздержание его должностных лиц от осуществления ряда конкретных действий в отношении дипломатического представительства, а, с другой стороны, как обязанность государства пребывания осуществлять защиту представительства от посягательства частных лиц. Очевидно, что согласие командования российской базы (или отказ в согласии), к примеру в отношении проведения процессуальных, оперативно-розыскных или иных действий в пределах пунктов размещения базы, может рассматриваться как одна сторона иммунитета неприкосновенности. Что касается второй стороны, то ст. 13 Договора с Грузией закрепляет обязанность грузинской стороны: а) не допускать действий, затрудняющих функционирование российских военных баз и б) принимать необходимые меры по обеспечению безопасности российских военных баз, сохранности их имущества, включая меры по предупреждению и пресечению любых противоправных действий в отношении них.

Практика обеспечения неприкосновенности военных баз не дает примеров серьезных нарушений. В то же время, ряд проблем правового характера она высвечивает. К примеру, непосредственное закрепление в соглашениях института неприкосновенности позволило бы более четко очертить пределы юрисдикции страны пребывания в отношении военных баз, определить круг лиц, наделенных полномочиями дачи согласия на вступление должностных лиц страны пребывания в пределы дислокации военных баз. Кроме того, учитывая остроту проблемы, не лишним было бы специально закрепить иммунитет военных баз от таких принудительных действий как обыск, арест, реквизиция и исполнительные действия, неприкосновенность документов и корреспонденции. Теоретическое обоснование такого подхода может быть дано также и ссылкой argumentum a simile (довод по аналогии) на теорию функциональной необходимости наделения иммунитетами дипломатических представительств.

Термин "функционирование военной базы" многогранен и включает в себя такие элементы как деятельность по обеспечению боеготовности, по поддержанию связи со своим государством, поддержанию контактов и связи с компетентными органами страны пребывания; хозяйственную деятельность. Эффективность решения поставленных перед базами задач зависит от степени правового урегулирования основных направлений их деятельности[19].

Деятельность по обеспечению боеготовности российских военных баз осуществляется путем проведения плановых мероприятий по оперативной и боевой подготовке, а также маневров, учений, стрельб и т. д. Проведение мероприятий вне мест постоянной дислокации согласовывается командованием базы с уполномоченным государственным органом. В рамках согласования устанавливается порядок, районы и сроки проведения учений, численность их участников, время этапов боевой

стрельбы и зоны безопасности, экологические и другие вопросы, касающиеся учений. Кроме того, определяются маршруты для перемещения гусеничной военной техники на полигоны, учебные поля и стрельбища, а также перемещения их в ходе учений. Указанные мероприятия согласовываются заранее, как правило, за месяц до их проведения.

В период проведения учений и других мероприятий, российской стороной должны приниматься все необходимые меры по предотвращению нанесения ущерба стране пребывания. Особое внимание обращается на меры безопасности, связанные, в первую очередь, с обращением с оружием и боеприпасами. При проведении стрельб и учений с боевой стрельбой вокруг стрельбищ организуются необходимые зоны безопасности. Участие в организации и обеспечении таких зон принимают, в том числе, и представители уполномоченных органов страны пребывания.

При проведении мероприятий по оперативно-боевой подготовке актуальным является вопрос обеспечения собственной безопасности, охраны военных объектов на территории российских военных баз и подразделений при их передвижениях. В настоящее время эта проблема решается силами и средствами подразделений, входящих в состав военных баз, в соответствии с порядком, установленным в Вооруженных Силах Российской Федерации. За пределами российских военных баз такие меры принимаются по согласовыванию между командованием российских военных баз и уполномоченным государственным органом в соответствии с законодательством страны пребывания.

Как показывает практика, в процессе реализации своих функций руководители российских военных баз сталкиваются с рядом нерешенных проблем правового характера. В частности, необходима более четкая регламентация статуса транспортных средств российских военных баз. Вероятно, было бы оправданным определить категории транспортных средств военных баз, в отношении которых юрисдикция властей страны пребывания была бы ограничена. К примеру, транспортные средства аппарата управления военной базы, а также осуществляющие функции фельдъегерской связи, боевые машины, оснащенные специальными техническими средствами и т. д. могли бы быть защищены от тех или иных принудительных действий со стороны властей страны пребывания. Речь не идет о наделении таких транспортных средств неприкосновенностью. Однако, защищенность от принудительных действий, скажем, в отношении транспортных средств дипломатического представительства, — от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий, уже создает достаточные правовые основания совместного с командованием российских военных баз разрешения казусных или конфликтных ситуаций.

Вызывает опасение недостаточная регламентация вопросов обеспечения собственной безопасности военных баз, что может вызвать трудности в реализации ими своих функций. Скажем, не совсем ясно, каким образом установленный в Вооруженных Силах Российской Федерации порядок обеспечения безопасности объекта может возыметь действие в отношении граждан страны пребывания и других лиц, намеревающихся совершить противоправные действия в отношении военной базы? Вероятно, местное население действующим национальным законодатель-

ством должно быть поставлено в такие правовые рамки, которые бы определили для него меру возможного и должного поведения в отношении военной базы, соответствующего, в том числе и правилам, установленным в ВС РФ, применяемым при обеспечении безопасности объекта.

В связи с выполнением указанных функций, особой правовой регламентации подлежат вопросы применения оружия вне территории военной базы. В действующих соглашениях, к примеру, с Республикой Армения[20], установлено, что "военнослужащим российской военной базы при исполнении обязанностей военной службы за пределами пунктов ее размещения в качестве крайней меры может выдаваться оружие с правом его хранения, ношения и применения" (ст. 2). Применительно к данному положению, крайность меры, вероятно, следует относить к праву применения оружия. В противном случае, ни носить оружие при выполнении обязанностей воинской службы, ни, тем более, хранить его практически будет невозможно, так как власти страны пребывания всегда смогут апеллировать к отсутствию ситуации крайней необходимости.

На основании вышеназванного соглашения, оружие выдается личному составу решением органа управления российской военной базы и может правомерно применяться в целях: отражения нападения на охраняемые российские военные объекты, а также на расположения российских воинских частей и подразделений, здания и сооружения российских воинских частей, российские воинские эшелоны, колонны машин и единичные транспортные средства и караулы, если иными способами и средствами их защитить невозможно; пресечения попытки насильственного завладения оружием, военной техникой и имуществом, принадлежащим российской военной базе; защиты лиц, входящих в состав российской военной базы, или членов семей этих лиц от нападения, угрожающего их жизни или здоровью; подачи сигнала тревоги или вызова помощи.

Ношение табельного оружия вне пределов российских военных баз допустимо только в целях выполнения задач военной службы, связанных с обеспечением режима секретности, а также охраны и обеспечения безопасности воинских формирований, их имущества, вооружений, боеприпасов и военной техники, денежных и материальных средств[21].

Особое внимание в соглашениях уделяется определению порядка применения оружия вне пунктов размещения российской военной базы. По общему правилу, порядок применения оружия военнослужащим российской военной базы, входящими в состав караула, выполняющими боевые задачи вне пунктов размещения военной базы, регламентируется Уставом гарнизонной и караульной службы ВС РФ. В то же время, двусторонними соглашениями могут устанавливаться и некоторые особые правила. Так, ст. 5 соглашения с Арменией устанавливает, что за пределами базы оружие может применяться при внезапном или вооруженном нападении, нападении с использованием боевой техники, транспортных средств или летательных аппаратов. Следует подчеркнуть отмеченное нами несоответствие положения ст. 2 рассматриваемого

соглашения правилу, изложенному в ст. 5: оружие для отражения нападения может потребоваться внезапно, а поэтому оно может и должно выдаваться всякий раз, когда речь идет о выполнении обязанностей военной службы, а не только как крайняя мера.

Необходимым условием для обеспечения эффективного управления российскими военными базами и выполнения ими своих задач является право сношений со своим государством.

В международном праве общепризнанной считается обязанность государства пребывания обеспечить иностранному учреждению (а военная база является ни чем иным как иностранным учреждением) все условия для свободной связи со своим государством. В частности, в соглашении с Грузией закреплено обязательство принимающей стороны обеспечивать бесперебойность функционирования принадлежащих ей каналов и других средств связи, которые используются в интересах российских военных баз (ст. 3). Кроме того, предусмотрено, что грузинская сторона будет вне очереди удовлетворять заявки командования на аренду или замену вышедшего из строя оборудования (ст. 4), а также устранять помехи средствам связи, используемым в интересах российских военных баз (ст. 10)[22]. Вместе с тем, следует отметить, что свобода использования радиоэлектронных средств связи не безгранична, и не безусловна. Командование российских военных баз обязано предоставлять компетентным органам страны пребывания сведения о принадлежности и дислокации своих радиоэлектронных объектов, а также ежегодно согласовывать с ними перечень подлежащих регистрации радиоэлектронных объектов. Во избежание радиопомех и для решения других вопросов организации связи организуется взаимодействие между дежурными на связи российских военных баз и военных ведомств страны пребывания.

Возможно и совместное использование радиочастот российскими военными базами и соответствующими службами страны пребывания, а также осуществление обмена между ними соответствующей информацией.

Важной стороной свободы сношений является определение и закрепление статуса почтовых отправлений. Как правило, обмен почтовыми отправлениями между командованием российских военных баз и МО РФ, а также доставка периодической печати осуществляется различными способами через узлы и станции фельдъегерско-почтовой связи, дислоцирующиеся на российских военных базах или объектах. Так, по договоренности с грузинской стороной доставка периодической печати и почтовых отправлений может осуществляться авиационным, автомобильным, железнодорожным и водным транспортом Российской Федерации, а также при необходимости транспортом Грузии по согласованию с соответствующими органами. Следует отметить, что для обмена почтовыми отправлениями, доставляемыми транспортными средствами страны пребывания (в данном случае речь идет о Грузии), организуется работа пунктов обмена в согласованном между исполнительными органами обоих государств количестве, устанавливаются формы сопроводительных документов, документов, удостоверяющих право обмена, и образцы печатей (штампов).

Почтовые отправления военных баз обладают иммунитетом. Так, в статье 8 соглашения с Грузией о порядке обеспечения связью военных объектов подчеркивается, что "секретная почта российских военных баз не подлежит проверке при пересечении государственной границы Грузии, а также при перевозке по территории Грузии". Из дипломатического права мы знаем, что "дипломатическая почта не подлежит ни вскрытию, ни задержанию" как в государстве пребывания (п. 3 ст. 27), так и на территории третьих стран (п. 3. ст. 40)[23]. Кроме того, понятие "не подлежит проверке" шире, чем "не подлежит вскрытию", поскольку проверка возможна и без вскрытия, например рентгеновскими лучами. Таким образом, можно констатировать, что статус секретной почты российских военных баз практически уравнивается со статусом дипломатической почты. Следует отметить, что в таком случае следует признать и правомерность ограничений в отношении неприкосновенности почты, когда она используется не по назначению[24].

Однако, в некоторых случаях можно утверждать, что статус специальной (секретной) почты военных баз даже несколько шире, чем статус дипломатической почты. Дипломатическое право не допускает признание транспортного средства (автофургона) дипломатической почтой. В тоже время, в соглашении с Грузией устанавливается, что "транспортные средства, перевозящие специальную почту, периодическую печать, другие почтовые отправления и имеющие пропуска установленного образца, не подлежат досмотру" (ст. 8). Образцы пропусков в таком случае разрабатываются российской стороной и уполномоченным ведомством Грузии. В таком случае вполне допустимо расширительное толкование данного правила, что с объективной точки зрения нами не может отрицаться.

Другие почтовые отправления проверяются в соответствии с действующим законодательством страны пребывания.

Наиболее надежным способом доставки материалов и корреспонденции является ее пересылка в сопровождении специально уполномоченных на то лиц. Межгосударственные отношения в рассматриваемой области устанавливают, что военная почта через государственную границу перевозится специальными нарочными в закрытых, опечатанных пакетах или в мешках по реестрам, заверенным гербовыми печатями. Военнослужащие, перевозящие почту, кроме документов на право пересечения государственной границы, должны иметь документы, удостоверяющие их полномочия на перевозку почты. Если при военнослужащих имеется оружие, оно должно быть вписано в удостоверение личности и в командировочное предписание[25].

Очевидно, что неприкосновенность почтовых отправлений и корреспонденции во многом зависит от статуса нарочного (сопровождающего или курьера). Однако, ни названные соглашения, ни другие документы не вносят ясности в вопросы функций, прав и обязанностей лиц, сопровождающих военную почту, обладания ими какими-либо иммунитетами и привилегиями.

Еще одной сферой правового регулирования является внутренняя деятельность военной базы. Материально-техническое обеспечение и торгово-бытовое обслуживание их функционирования осуществляется

на основе принципа долевого выделения российской стороной и правительством страны пребывания фондов на материальные средства в объемах и по номенклатуре, согласованных сторонами. В этой связи, командование военных баз взаимодействует с соответствующими государственными органами, заключает договоры с юридическими и физическими лицами страны пребывания о торгово-бытовом обслуживании военных объектов, организации поставок товаров первой необходимости и продуктов питания.

Рассматривая статус военных объектов (баз) Российской Федерации на территории иностранных государств, нельзя не учитывать особенностей правового положения лиц, входящих в их состав. Действующие соглашения к лицам, входящим в состав российских военных баз относят: а) военнослужащих Российской Федерации, проходящих военную службу на российских военных базах; б) гражданский персонал граждан Российской Федерации, работающих на российских военных базах; в) лиц, командированных российской стороной на российские военные базы; г) членов семьи супругов, детей и близких родственников, проживающих совместно с лицами, входящими в состав российских военных баз, и находящиеся на их иждивении.

Однако, как показывает практика, такая классификация никак, по сути дела, не учитывается при установлении пределов юрисдикции государства пребывания в отношении каждой из выделенных групп. По общему правилу, по делам о преступлениях и иных правонарушениях, совершенных на территории государства пребывания лицами, входящими в состав российской военной базы, и членами их семей, применяется законодательство, и действуют компетентные органы этого государства[26]. Вместе с тем, практически во всех соглашениях предусматривается ограничение юрисдикции государства пребывания в зависимости от места совершения противоправных действий и объекта преступных посягательств. К примеру, по соглашению в Арменией, юрисдикция принимающей стороны не распространяется на правонарушения и преступления, совершенные лицами, входящими в состав российской военной базы и членами их семей: — на территории пунктов размещения российской военной базы; — совершенные против Российской Федерации или лиц, входящих в состав российской военной базы, и членов семей этих лиц; — а также, по делам о воинских преступлениях[27].

Для установления полной ясности в вопросе распространения юрисдикции страны пребывания на служащих российской военной базы следует отметить и еще одно положение из названного соглашения с Арменией: "при обвинении группы лиц в совершении одного или нескольких преступлений, если дело в отношении хотя бы одного из обвиняемых относится к юрисдикции Республики Армения, дела в отношении лиц, входящих в состав российской военной базы, и членов семей этих лиц по соглашению между компетентными органами сторон выделяются в отдельное производство и передаются российской стороне" (ст. 6).

Очевидно, что такое положение лиц, входящих в состав российских военных баз, фактически означает их полный ("абсолютный") иммунитет от юрисдикции государства пребывания. В то же время, последняя

часть приведенной статьи "передаются российской стороне" должна трактоваться таким образом, что лица из числа служащих российской военной базы, совершившие противоправные действия в отношении страны пребывания, не освобождаются от ответственности по законодательству Российской Федерации. И в таком случае, вероятно, следует иметь в виду не только возможность передачи юрисдикции одного государства другому в отношении того или иного правонарушения, но и возможность изменения юрисдикции в тех случаях, когда за одно и то же правонарушение в этих странах предусмотрены различные виды юрисдикции.

Следует, однако, отметить, что не все страны, где расположены российские военные базы, предусматривают такой объем иммунитетов для лиц, входящих в их состав. К примеру, по соглашению с Грузией для лиц, входящих в состав российских военных баз, устанавливается "относительный" иммунитет. Так, предусматривается возможность их ареста в местах дислокации воинского формирования уполномоченными органами Российской Федерации на основании постановления компетентных органов грузинской стороны. Кроме того, юрисдикции Республики Грузия подлежат дела по обвинению такого лица в совершении нескольких преступлений, если хотя бы одно из них подлежит юрисдикции грузинской стороны, а также по обвинению группы лиц, если хотя бы один из обвиняемых подлежит юрисдикции Республики Грузия[28].

Лица, входящие в состав персонала военных баз, по соглашению с Грузией (ст. 10) пользуются иммунитетом от юрисдикции страны пребывания только в двух случаях: а) в отношении действий, совершенных в местах дислокации или при исполнении служебных обязанностей; б) в отношении действий, совершенных против Российской Федерации или против лиц, входящих в состав воинских формирований Российской Федерации, а также по делам о воинских преступлениях.

По делам о преступлениях такого рода, а также преступлениях, совершенных на территории пунктов размещения российских военных баз не установленными лицами, применяется законодательство Российской Федерации, действуют ее компетентные органы[29].

Соглашениями предусматривается также и порядок осуществления юрисдикции. Так, при необходимости выполнения в пределах пунктов размещения российской военной базы процессуальных, оперативно-розыскных, следственных или иных действий по делам, подпадающим под юрисдикцию страны пребывания, такие действия могут выполняться ее компетентными органами совместно с компетентными органами Российской Федерации, либо компетентными органами Российской Федерации по письменному запросу компетентных органов страны пребывания, если их проведение не противоречит законодательству Российской Федерации.

При необходимости выполнения такого рода действий по делам, подпадающим под юрисдикцию Российской Федерации, вне территории пунктов размещения российской военной базы, они выполняются компетентными органами станы пребывания по письменному запросу российской стороны, если их проведение не противоречит законодательству страны пребывания. Кроме того, российские представители, по

согласованию с местными властями, могут принимать участие в выполнении этих действий.

В процессе функционирования военных баз компетентные органы Российской Федерации и страны пребывания на взаимной основе, в рамках действующих соглашений и Минской Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским семейным и уголовным делам 1993 года, оказывают друг другу правовую помощь по уголовным делам, по делам об административных правонарушениях и гражданским делам.

Правовое положение военнослужащих на период прохождения ими службы на территории иностранного государства, а также членов их семей удостоверяется, как правило, видом на жительство. Согласно действующим соглашениям лица, входящие в состав персонала российских военных баз, и члены их семей пользуются всей полнотой гражданских, социально-экономических и личных прав и свобод в соответствии с нормами международного права и действующим законодательством страны пребывания, как и ее собственные граждане. Так, по соглашению с Украиной, лица, входящие в состав воинских формирований, и члены их семей имеют равные с гражданами Украины права на обучение в учебных заведениях общего образования, начального, среднего и профессионального высшего образования, прием в детские дошкольные учреждения, а также на охрану здоровья и другие виды социального обслуживания[30].

По общему правилу, лица, входящие в состав персонала российских военных баз, и члены их семей могут свободно передвигаться на принадлежащих им транспортных средствах по территории страны пребывания за исключением закрытых районов.

За лицами, входящими в состав воинских формирований и членами их семей, в том числе выезжающим за пределы страны пребывания сохраняется право собственности на принадлежащее им имущество в соответствии с действующим законодательством, а полученные денежные средства за принадлежащее им имущество они могут перевести на принадлежащие им вклады и активы в банковские учреждения Российской Федерации.

Военнослужащие воинских формирований обеспечиваются жилой площадью в закрытых и обособленных военных городках за счет освобождаемой жилой площади, а также за счет жилой площади, арендуемой командованием воинских формирований, в соответствии с жилищным законодательством страны пребывания.

Регламентация правового статуса военных баз Российской Федерации на территории иностранных государств предусматривает, в том числе, и порядок разрешения споров, возникающих в связи с толкованием или применением действующих соглашений. Для этих целей создаются Смешанные комиссии, в состав которых стороны назначают своих представителей. Смешанные комиссии действуют на основании принятого ими регламента, собираясь на свои заседания, как правило, по мере необходимости. В том случае, если комиссия не может разрешить переданный ей на рассмотрение вопрос, он должен быть урегулирован по дипломатическим каналам.

Рассмотрение вопросов статуса российских военных объектов за рубежом и лиц, входящих в состав их персонала, в контексте общих проблем межгосударственного сотрудничества в рамках СНГ, приводит автора к следующему заключению: правовое урегулирование вопросов российского военного присутствия в странах СНГ — это определенный шаг в направлении развития более эффективного механизма поддержания стабильности в регионе, оказания помощи национальным вооруженным силам в повышении обороноспособности, обеспечения национальных интересов государств Содружества. Но для того, чтобы обеспечить достижение реальных результатов в этой области сотрудничества во благо, а не в ущерб интересам России, потребуется еще немало политической воли, значительной теоретической и законодательной работы.

---

[1] См.: Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 "Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации"//СЗ № 52 от 29 декабря 1997 г. Ст. 5909.

[2] См.: Стратегический курс России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств. Указ Президента РФ № 940 от 14 сентября 1995 г.//СЗ № 38 от 18.09.1995. ст. 3667.

[3] "Военные объекты" и "военные базы" Российской Федерации за рубежом по своему правовому статусу не имеют принципиальных различий и потому в данной работе применяются как равнозначные термины.

[4] См.: Словарь международного права. М., 1986. с. 19.

[5] См.: Там же. с. 293.

[6] Вопросам исследования специальных принципов регулирования статуса иностранных юридических лиц а в данном случае российские военные базы за рубежом являются юридическими лицами) и иностранных граждан, посвящено немало работ отечественных авторов. Более подробно см., например: *Рубанов А. А.* Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем. М., 1985. с. 67.; *Галенская Л. Н.* Правовое положение иностранцев в СССР. М., Международные отношения, 1982. с. 14.

[7] См.: Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о российских военных базах на территории Республики Грузия 1995 года.

[8] См.: *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1., 1949. с. 248.

[9] См.: *Демин Ю. Г.* Статус дипломатических представительств и их персонала. М., Международные отношения. 1995. с. 47.

[10] См., например, Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с пребыванием воинских формирований Российской Федерации на территории Киргизской Республики 1996 г.

[11] Так, в приложении к Договору с Грузией приводится полный перечень соединений, частей, военных предприятий, учреждений и организаций, расположенных на российских военных базах в Батуми, Вазиани, Ахалкалаки и Гудауте. В приложении к Соглашению с Киргизией к объектам ВС России, расположенным на территории Киргизской Республики, относятся: испытательная база противолодочного вооружения ВМФ РФ в г. Караколе, Узел связи ВМФ РФ в п. Спартак, автоматическая сейсмическая станция Сейсмической службы МО РФ в п. Ичке-Суу и автоматический пункт в п. Майлуу-Суу. По соглашению между РФ и Украиной по Черноморскому флоту 1995 года. Черноморский флот России

использует объекты Черноморского флота в г. Севастополь и другие пункты базирования и места дислокации корабельного состава, авиации, береговых войск, объектов оперативного, боевого, технического и тылового обеспечения в Крыму.

[12] Формальным основанием для принятия такого решения является требование о необходимости согласования максимальных уровней для наличия обычных вооружений и техники, установленных в соответствии со ст. 8 Договора об обычных вооруженных силах в Европе. См.: Вестник МИД СССР 1990, № 24 (82). с. 19—32.

[13] Аналогичные соглашения об аренде объектов заключены с Казахстаном, Таджикистаном и другими государствами, на территории которых дислоцированы российские военные объекты.

[14] К движимому имуществу военных баз относят штатное (табельное) имущество российских военных баз, включая все виды вооружений, боеприпасов и другой техники, а также иные материально технические средства, необходимые для обеспечения жизнедеятельности и функционирования российских военных баз. См., например, Договор между Российской Федерацией и Республикой Грузия о российских военных базах на территории Грузии 1995 года, ст. 1.6.

[15] См.: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Молдова о правовом статусе, порядке и сроках вывода воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Молдова 1994 года, ст. 7.

[16] См.: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Белоруссия о совместном использовании объектов военной инфраструктуры Российской Федерации и Республики Белоруссия в интересах обеспечения безопасности государств 1998 года, ст. 2.

[17] К примеру, по соглашению с Грузией командование ВС Республики представляет отчет только о техническом состоянии сооружений и оборудования, эксплуатировавшихся в ходе запланированных мероприятий, а командование воинских формирований РФ — отчет с указанием целей, времени, наименования (номер) воинского формирования и технического состояния сооружений и объектов, эксплуатировавшихся в ходе данного мероприятия. См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия о порядке и условиях совместного использования учебных центров, полигонов, стрельбищ предприятий, аэродромов и потов воинскими формированиями Российской Федерации и Вооруженными Силами Республики Грузия 1993 г., ст. 2.

[18] См.: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения 1997 года, ст. 5, 8.

[19] Непосредственно перед российскими военными базами задачи ставятся президентом Российской Федерации, Правительством и командованием ВС РФ. При практическом осуществлении выполняемых российскими военными базами задач командование действует по согласованию и во взаимодействии с военным ведомством страны пребывания. К примеру, по согласованию осуществляется передислокация воинских формирований, входящих в состав военной базы, замена их на других подразделения ВС России и другие вопросы.

[20] См.: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения о порядке применения оружия военнослужащими российской военной базы вне территории российской военной базы в Республике Армения 1997 года.

[21] См., например, Договор между Российской Федерацией и Республикой

Грузия о российских военных базах на территории Республики Грузия 1995 года, ст. 23.

[22] См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Грузии о порядке обеспечения связью российских военных баз на территории Грузии 1996 года, ст. 3, 4, 10.

[23] См.: Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 года.//Действующее международное право. М., Издательство Московского независимого института международного права. 1996. с. 510—528.

[24] См.: Демин Ю. Г. Указ. Соч. с. 72.

[25] См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия о порядке пропуска воинских эшелонов воинских формирований Российской Федерации, лиц, входящих в их состав, боевой техники, отдельных подразделений и команд, о порядке перевозки и транзита иных воинских грузов через государственную границу Республики Грузия и о порядке и условиях предоставления таможенных и налоговых льгот 1993 г., ст. 3.

[26] К компетентным органам Российской Федерации, уполномоченным рассматривать дела о воинских преступлениях, совершенные лицами, входящими в состав воинских формирований, относятся: суды, органы прокуратуры, а также органы Федеральной службы безопасности, создаваемые для обслуживания воинских формирований, а также военные коменданты и командиры воинских частей (как органы дознания).

[27] См.: Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Армения по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с нахождением российской военной базы на территории Республики Армения 1997 г., ст. 4.

[28] См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи, по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации на территории Республики Грузия 1993., ст. 13, 14.

[29] В практике правового регулирования статуса военных баз за рубежом, в том числе в области разграничения пределов юрисдикции, использовались и иные подходы. Например, по соглашению между США и Великобританией 1941 года об аренде территории на Бермудских и Багамских островах, Антигуа и Сент-Люсия, Соединенные Штаты распространяли свою юрисдикцию и на местных жителей, совершавших противоправные действия в отношении военных баз, пользовались правом наказания их и правом требования их выдачи властям США.

[30] См.: Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины 1997 г., ст. 22//СЗ РФ 31, 1999. Ст. 3991.

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 года.*

# ИМПЕРИЯ ПРОТИВ ООН. СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ПОДРЫВАЮТ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Филлис Б е н н и с*

В силу предполагаемого права "морального превосходства" Соединенные Штаты намерены единолично определять нормы международной жизни. Но о каком "моральном превосходстве" идет речь? После окончания "холодной войны" помощь Вашингтона на экономическое развитие наиболее бедным странам сократилась более чем наполовину и составила 7 млрд. долларов в 1997 году. Отвергнув 13 октября 1999 г. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Соединенные Штаты начали гонку по созданию противоракетного оружия, ставящего под угрозу действия комплекса международных соглашений по разоружению, подписанных уже ряд десятилетий тому назад. Дискредитируя ООН и используя в качестве основного оружия для интервенции в Югославии НАТО, США явно нарушили международное право и Устав ООН. Наряду с этим они отвергают возможность создания Международного уголовного суда и отказываются подписывать и ратифицировать основные соглашения, направленные на гуманизацию жизни на планете.

Когда в середине октября 1999 года Сенат Конгресса США отверг ДВЗЯИ, комментаторы всех СМИ были единодушны: "новые изоляционисты" победили. И в очередной раз они ошиблись, так как большинство правых республиканцев не отказываются от принципа повсеместной интервенции за рубежом. Если они были бы изоляционистами, то отозвали бы свои войска из всех уголков Земли и разместили бы их вдоль своих границ. Они потребовали бы разрыва всей мировой торговой сети и не успокоились бы до той поры, пока не ограничили бы правомочия Всемирной торговой организации.

Единственно, что, безусловно, подтверждает голосование Сената, так это желание США в одностороннем порядке вмешиваться в любые дела на планете и их нежелание признать многополюстность мира, что как раз и символизируют Объединенные Нации, ставшие козлом отпущения в новых силовых играх Вашингтона.

И это легко можно было предвидеть, так как не прошло и нескольких недель после окончания бомбардировок НАТО Сербии, как ответственные деятели США стали упрекать ООН в своей собственной неспособности установить хотя бы видимость мира в Косово и на остальной части Югославии. Бомбардировки НАТО не смогли прекратить ни этнической чистки, ни исхода из Косово, но зато они опустошили Югославию и усилили власть президента Слободана Милошевича.

Только убедившись в своем поражении, Соединенные Штаты с

* Исследовательница Института политических наук (штат Массачузетс, США), обозреватель газеты "Монд дипломатик" (Париж, Франция).

большим нежеланием позволили до той поры игнорируемой ими ООН сыграть определенную роль в разработке соглашения по выводу югославских войск и созданию международного протектората в Косово. Несмотря на это запоздалое признание, США все-таки не признают определяющей роли ООН, лишают ее адекватных ресурсов, специалистов и авторитета, а также взваливают на нее ответственность за последствия кровавой войны, развязанной ими самими.

Американские руководители обходят молчанием тот факт, что, прежде всего из-за жадности Соединенных Штатов и их богатых союзников Верховный комиссар по беженцам получил на восстановление разрушенного ими жилья в Косово только 140 из 400 млн. долларов. "Нью-Йорк Таймс" сообщил в июле 1999 г., что "только 150 иностранных полицейских прибыло в Косово, в то время как их планировалось 3110 человек" и можно ожидать очередного кивка головы в сторону нового "провала ООН". Но настоящей проблемой стало то, что более 3000 полицейских должно быть сформировано из выделенных специалистов от отдельных стран мира, так как Соединенные Штаты блокируют решения о создании международной полиции или других постоянных сил в целях быстрого и превентивного реагирования ООН под эгидой Генерального секретаря в том или ином кризисном регионе мира.

Правительство президента Клинтона отказывается помогать восстановлению разрушенной ими инфраструктуры Сербии до той поры, пока Слободан Милошевич будет у власти, и оказывает давление на других членов НАТО, чтобы они следовали примеру США. Таким образом, албаноговорящее население Косово будет получать миллионы долларов на реконструкцию своих городов, а Сербия не получит ничего. На фоне обострения меэтнических отношений задача ООН кажется чрезвычайно трудной, а если еще и учитывать отношение США к ООН, то вероятность очередного ООНовского провала видится вполне вероятной. Такие же трудности нависают и над другим проектом ООН, стоимость которого равна 1 млрд. долларов, — восстановление еще более разрушенного, чем Косово, Восточного Тимора.

Для видимости правительство президента Клинтона, с одной стороны, поддерживает ООН и даже запросило у Конгресса 1,5 млрд. долларов на погашение своего долга этой организации, но не прилагает никаких усилий, чтобы Конгресс проголосовал за эту сумму. С другой стороны, США не хотят признать того факта, что без ООН они не смогут в одиночку поддерживать мир на Земле. Они держат ООН в стороне от своих внешнеполитических акций и только изредка разрешают проявить себя этой "многосторонней агрессивности", как называл эту организацию президент Клинтон в первые месяцы после прихода к власти.

Обратившись к НАТО за поддержкой своей воздушной войны против Югославии, Соединенные Штаты демонстративно нарушили международное право и Устав ООН, который гласит, что только Совет Безопасности может принять решение о применении силы. Таким же образом, препятствуя направлению миротворческих сил в Дили до той поры, пока

их индонезийский союзник не дал на это согласия, Соединенные Штаты и тут остались верны себе, так как они никогда не считались с резолюциями ООН, отмечавшими абсолютную незаконность оккупации Восточного Тимора индонезийскими войсками.

В нашем мире, каким он есть в реальности и в будущем, возможны нарушения прав человека подобные тем, какие мы наблюдали в Восточном Тиморе и Косово, что может вынудить посылать международные силы на территорию суверенного государства или на оккупированную территорию другим суверенным государством. Но только ООН имеет право принять решение по такому важному вопросу. Страх перед русским или китайским (довольно натянутым из-за оказываемой им западной помощи) вето не мешает Соединенным Штатам с помощью или без помощи их британского союзника саботировать участие ООН в решении вопросов войны и мира в любом уголке Земли. Действуя в одиночку, Соединенные Штаты тем самым демонстрируют свое презрение к другим нациям.

Почему Соединенные Штаты, а именно администрация президента Клинтона, ранее выступавшая за многостороннее сотрудничество, организовала кампанию по дискредитации ООН и, более того, международного права, в то время как война против Югославии закончена, а к решению трудных проблем по восстановлению Восточного Тимора только приступили.

Чтобы понять американцев, необходимо совершить исторический экскурс во времена мировых империй и именно в моменты их наивысшей власти и влияния. Последовательно каждая из них пыталась установить такой мировой порядок, при котором и с помощью которого она смогла бы управлять миром, навязывать ему "законы империи". Об этом писал еще Фукидид при завоевании острова мелоса в век золотого расцвета греческих полисов и их империи, во имя своей стабильности управляемой на основании принципов, прямо противоположных принципам афинской демократии. Римская империя поступала таким же образом, а в течение двух последних столетий Британская империя, "над владениями которой солнце не заходило никогда", от аналогичных принципов также не отходила. Сегодня, достигнув невиданной ранее военной и экономической силы, а также политического влияния, Соединенные Штаты, в свою очередь, желают сами определять нормы международной жизни.

## Странный альянс

Закон империи требует от Соединенных Штатов, чтобы они отказались от всех ранее взятых международных обязательств, но чтобы другие страны при этом свои международные обязательства выполняли. Это видно на примере отказа США от присоединения к статусу Международного уголовного суда, призванному рассматривать дела по военным преступлениям и геноциду. Еще в 1998 году администрация Клинтона устами своего посла, уполномоченного заниматься военными преступлениями, Дэвида Шефера официально подтвердила свое желание видеть Международный уголовный суд работающим. Этим высказыванием

была подтверждена позиция США, высказанная еще после окончания Второй мировой войны о том, что отдельное лицо будет наряду с другими нести ответственность за военные преступления. Но когда в июле 1998 года новый Суд был утвержден в Риме голосами 102 стран, то Соединенные Штаты оказались среди семи стран, голосовавших против, — в числе которых были Израиль, Ливия, Ирак, Китай, Катар и Судан. Почему американцы оказались вместе с этим странным альянсом? Дэвид Шефер 31 августа 1998 г. пояснил, что "этот трибунал ставит под удар тех, кто несет ответственность за поддержание мира и международной безопасности". Хор подпевал из Соединенных Штатов вторил, что для всех остальных стран такой суд как раз нужен, но американские руководители и солдаты не должны попадать под его юрисдикцию.

"Давящий" на США закон империи не позволили им подписать конвенцию 1997 года о запрете применения противопехотных мин. Весь мир выступил против применения этих адских приспособлений, виновных в стольких жертвах как среди гражданского населения, так и среди военных. Организация, выступившая за подписание такой конвенции, получила Нобелевскую премию мира. Американские руководители аплодировали лауреатам этой премии и оплакивали жертвы противопехотных мин, разбросанных по всему миру безответственными странами. В этом случае США также настаивают на своем исключительном праве иметь в своем распоряжении противопехотные мины для размещения их в демилитаризованной зоне в Корее и вокруг своей военной базы Гуантанамо на Кубе. Всем же остальным странам должно быть запрещено применение этих мин, но исключение должно быть сделано для такой державы, как США.

Вашингтон требует для себя односторонней уступки и в вопросе защиты детей в зоне ведения военных действий. В конвенции по правам детей 1994 года выражена растущая обеспокоенность использования похищенных или принуждаемых любым другим методом детей в качестве комбатантов и на различных работах в качестве полувоенных работ. Один из протоколов этой конвенции признает незаконной мобилизацию юношей моложе 18 лет, но Соединенные Штаты, шумно поддерживая различные другие менее значительные положения данной конвенции, всячески стараются сорвать именно это положение, так как намерены и впредь призывать в свою армию семнадцатилетнюю молодежь. А пока США являются единственной страной в мире (не считая Сомали), не ратифицировавшей эту конвенцию.

Что касается палестино-израильского конфликта, то Соединенные Штаты также имеют свое толкование урезанного в данном случае международного права. Они, например, считают, что только две резолюции Совета Безопасности, 242 и 338, имеют значение — это обмен территорий на мир. Небрежным взмахом руки отвергнуты многие документы, принятые международным сообществом, включая и самими США, — это 194-я резолюция Генеральной Ассамблеи ООН по праву возвращения на свою родину палестинских беженцев и даже резолюция 181 от 29 ноября 1947 г. о разделе Палестины на два государства,

являющаяся международно-правовой основой существования самого Израиля.

Если кому-нибудь может показаться, что срыв договора о всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия является простым отклонением от нормы, то пусть он вспомнит договор о нераспространении этого оружия от 1968 года. В данном случае "исключительность" Соединенных Штатов была не менее заметной, хотя они не только подписали этот договор, но 25 лет спустя выступили за его бессрочное продление, оказывая на другие страны всяческое давление в нужном для них направлении. В то же время, Вашингтон все время отказывался серьезно рассматривать упомянутое в соглашении обязательство ядерных держав — США, СССР, Соединенного Королевства, Франции и Китая — вести работу к "всеобщему запрету и полному уничтожению ядерного оружия".

А это является единственным шагом, который убедил бы все остальные страны отказаться от разработки и приобретения ядерного оружия. И, тем не менее, американские дипломаты на Женевской конференции, созванной по этому поводу в январе 1995 года, заявили, что только одна постановка вопроса о полном уничтожении их ядерного оружия "является смехотворной". Как заявил в связи с этим представитель Мексики, "они относятся к нам как взрослые к детям: заставляют нас делать то, что они говорят, а не то, что они делают сами".

Претензии Вашингтона на "моральное превосходство" являются несостоятельными еще и потому, что США не ратифицировали и не подписали ряд международных документов: Конвенцию ООН об экономических и социальных правах 1966 года; Конвенцию о правах женщин 1979 года; Конвенцию о правах человека Организации американских государств 1969 года. Дополнительный протокол 1977 года к Женевской конвенции 1949 года, расширяющий право на защиту гражданского населения во время военных действий также не был подписан Соединенными Штатами. К этому следует добавить, что Вашингтон отказывается ратифицировать Конвенцию ООН по морском праву, подписанную 10 декабря 1982 г. в Монтего-Бее (Ямайка), хотя в ходе переговоров Соединенные Штаты добились многих уступок для своего военного флота. Но американцы считают эти уступки недостаточными и отказываются признать юрисдикцию Органа и его посреднические функции, предусмотренные текстом соглашения, как они отказываются и от эксплуатации в пользу человечества морских ресурсов, в частности, его полиметаллических руд, находящихся на морском дне и в его недрах.

## Недостатки взваливают на ООН

Наиболее ярко имперский закон проявляется в той манере, с которой Соединенные Штаты лишили права ООН принимать решения о международном военном вмешательстве и незаконно передали такое право НАТО. В 1990 году США в циничной форме выдвигали на первое место ООН, заставляя Совет Безопасности с помощью подкупа, угроз и санкций голосовать в нужном им направлении для подготовки войны против Ирака. Между 1992 и 1994 годами, в период серии международных кризисов и провалов попыток восстановить мир в Боснии, Сомали,

в Руанде и других местах, Соединенные Штаты не переставали взваливать всю вину за срывы и провалы на ООН. Например, президент Клинтон дал понять, что 27 американских солдат погибли в Сомали по вине ООН, хотя Пентагон высадил туда свои войска без решения этой международной инстанции. В 1995 году Мадлен Олбрайт публично объявила, что ООН "является подразделением американской внешней политики", а в 1996 году во время бомбардировок Ирака Вашингтон заявил, что не нуждается в резолюциях ООН для воздушных бомбардировок. В декабре 1998 года, несмотря на возражения большинства государств-членов Совета Безопасности, Соединенные Штаты при поддержке Великобритании начали военную операцию "Лиса в пустыни".

Отныне американцев ООН больше не интересует. Вместо установленного в мире положения, что применять силу в международных делах возможно только по решению Совета Безопасности, Соединенные Штаты заменили резолюции Совета Безопасности прямым использованием войск НАТО. А миру, уставшему от различных империй, они навязывают свои порядки.

*Статья поступила в редакцию в декабре 1999 года.*

# К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЗОНЫ, СВОБОДНОЙ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ, В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ж.М. Аманжолов*

В последнее время все большее признание получает **идея создания зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО или безъядерные зоны)**. Такие зоны способствуют сужению географической сферы военной ядерной деятельности и тем самым — укреплению режима ядерного нераспространения. В международном праве эти зоны принято отнести к институту частичной демилитаризации[1], и в нем в непосредственной форме содержится юридическое основание для их создания. Так, статья VII Договора о нераспространении ядерного оружия 1968 г. гласит, что "ничто в Договоре не затрагивает права любой группы государств заключать региональные договоры с целью обеспечения полного отсутствия ядерных вооружений на их соответствующих территориях"[2]. Автором предложения о включении соответствующей статьи в текст данного договора явилась Мексика. Оно было выдвинуто ее делегацией в Комитете 18-ти 19 июля 1966 г.[3]. Сопредседатели Комитета СССР и

* Старший преподаватель кафедры международного права Казахского государственного университета имени Аль-Фараби.

США откликнулись на мексиканское предложение, но изложили его в согласованном между ними проекте договора от 24 августа 1967 г. в виде не отдельной статьи, а пункта преамбулы. В дальнейшем, однако, в проекте от 18 января 1968 г. СССР и США согласились включить в проект договора самостоятельную статью VII в вышеприведенной редакции.

Включение в Договор о нераспространении ядерного оружия статьи, подтверждающей право государств на образование региональных зон, свободных от ядерного оружия, несомненно, усилило нераспространенческий характер договора, способствовало и способствует созданию безъядерных зон в различных регионах земного шара. Как справедливо отмечает Р.М. Тимербаев, " в статье особо подчеркивается цель "**полного** отсутствия ядерного оружия" на территории зон, иными словами, в безъядерных зонах должно запрещаться не только производство, приобретение или получение ядерного оружия неядерными участниками зоны, но и **размещение** в пределах зон ядерного оружия, принадлежащего ядерным державам, что договором о нераспространении не возбраняется"[4]. Из смысла статьи также можно прийти к заключению, что существует логическая взаимосвязь между инициативой о создании зоны, свободной от ядерного оружия, и получением юридических гарантий безопасности государствами, изъявившими желание войти в качестве участников в такие зоны. Таким образом, создание безъядерных зон[5] должно рассматриваться как один из способов предоставления (или получения) гарантий безопасности, к тому же в твердой юридической форме со стороны всех ядерных государств.

Сегодня в мире существуют 4 региональные зоны, свободных от ядерного оружия, которые включают в себя более 100 государств. С учетом международно-правового статуса Антарктики их действие распространяется на более чем 50% земной суши.

Так, Договор Тлателолко (Договор о безъядерной зоне в Латинской Америке) от 14 февраля 1967 г. охватывает обширную территорию в Латинской Америке и бассейне Карибского моря[6]. Он вступил в силу 25 января 1969 г., и к настоящему времени его участниками стали 22 государства. В подкрепление к этому договору 28 ноября 1990 г. было подписано Соглашение между Аргентиной и Бразилией, где они, судя по всему, навсегда отказались от всякого использования ядерной энергии в военных целях. В 1985 г. 11 членов Южно-Тихоокеанского форума подписали Договор о безъядерной зоне в южной части Тихого океана (Договор Раротонга), который вступил в силу 11 декабря 1986 г. и распространяет свое действие на территории государств, расположенных вокруг Австралии и Новой Зеландии. Сравнительно недавно были подписаны Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии и Договор о зоне, свободной от ядерного оружия, в Африке (Пелиндабский договор) с соответствующими датами 15 декабря 1995 г. и 11 апреля 1996 г. каждые. Пятой безъядерной региональной зоной может стать и Корейский полуостров, так как обе Кореи 31 декабря 1991 г. подписали принципиальное соглашение об объявлении безъядерной зоной всей Кореи, что должно было воспрепятствовать Северной Корее стать государством — распространителем ядерного оружия. Однако, решение, принятое Северной Кореей в марте 1993 г. об отказе

от Договора о нераспространении ядерного оружия, ставит, по всей видимости, под сомнение всю политику создания безъядерных зон.

Значение таких зон в деле укрепления международного и регионального мира и безопасности подтверждены документами Конференции государств — участников Договора о нераспространении ядерного оружия, проходившей в апреле 1995 г. Именно на этой же конференции государствами Центральной Азии впервые была выдвинута инициатива о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Позже государства региона выразили свое предложение в Алматинской Декларации от 28 февраля 1997 г., ставшей одним из итоговых документов саммита глав государств Центральной Азии по проблемам Аральского моря[7]. Это предложение может стать очередным вкладом в обеспечение международной безопасности после присоединения государств Центральной Азии к Договору о нераспространении 1968 г. и выведения ядерного оружия с территории Казахстана. Однако, опыт уже существующих безъядерных зон показывает, что их создание потребует тщательной и кропотливой работы. Об этом свидетельствует опыт переговоров по созданию такой зоны, в частности, в Африке. Первый международный документ — резолюция Генеральной Ассамблеи ООН о признании Африки безъядерной зоной был принят еще 24 ноября 1961 г. С тех пор понадобилось преодолеть немало препятствий и до 1996 г. прошло 35 лет (!), прежде чем Договор о создании зоны, свободной от ядерного оружия, в Африке был подписан, ратифицирован и вступил в силу. Много преград предстоит преодолеть и в переговорном процессе по созданию безъядерных зон в Центральной, Северной и Восточной Европе, на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке, в Южной Азии, для районов Балтийского и Средиземного морей, в бассейне Тихого океана[8]. Очевидно, что далеко не легким окажется и путь к созданию зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии. Но прежде чем определить факторы, которые могут осложнить процесс международно-правового признания Центральной Азии в качестве зоны, свободной от ядерного оружия, следует обратить внимание на требования, которые предъявляются к безъядерным зонам. "В 1975 году Генеральная Ассамблея ООН определила следующие принципы, которыми должны руководствоваться страны, выразившие желание создать зону:

- условия соглашения о создании зоны должны эффективно обеспечивать отсутствие какой-либо военной деятельности в ядерной сфере;
- создание зоны должно происходить на исключительно добровольной основе и исходить от самих стран региона;
- поддержка ядерных держав и всех стран мира будет способствовать усилению значимости создаваемой зоны;
- условия соглашения должны включать положения об эффективной системе верификации, обеспечивающей выполнение всех положений;
- соглашение должно способствовать развитию экономики, науки и технологий стран-участниц зоны в области мирного использования ядерной энергии;
- соглашение о зоне должно быть бессрочным"[9].

Важно при создании в регионе Центральной Азии безъядерной зоны строго придерживаться неизменности этих принципов и соответствия будущего договора всем действующим международным договорам. Стремление государств Центральной Азии к эффективному ограничению распространения ядерного оружия и уменьшению угрозы ядерной войны должно быть соразмерно возможностям этого региона. Но особенно важно, чтобы такая зона была действительно свободна от ядерного оружия, чтобы соответствующее соглашение не содержало никаких лазеек и полностью отвечало бы общепризнанным нормам международного права. Для обоснования последнего утверждения приведем такой пример. Так, вышеупомянутый нами Договор Тлателолко 1967 г. не свободен от некоторых недостатков и пробелов, на которые указывали многие государства еще в ходе рассмотрения договора в органах ООН. В числе таких недостатков следует назвать не совсем четкое решение группы вопросов, например, таких, как "проведение ядерных взрывов в мирных целях (формулировки договора не позволяют строго отграничивать такие взрывы от взрывов в военных целях), отсутствие ясного запрещения транзита ядерного оружия через территории государств — участников договора, наличие американского ядерного оружия в районе действия договора (в Пуэрто-Рико и в зоне Панамского канала). Естественно, что эти особенности договора ослабляют его реальную эффективность"[10]. Поэтому СССР, учитывая эти моменты, не раз выражал готовность уважать статус государств этого района как безъядерной зоны при условии, что их территории будут действительно свободны от ядерного оружия.

Проводимая в настоящее время подготовительная работа показывает, что многие страны мира, включая ядерные державы, **в принципе** одобряют идею создания в Центральной Азии подобной зоны. Об этом свидетельствуют результаты международной конференции "Центральная Азия — зона, свободная от ядерного оружия", которая проходила в Ташкенте 11—12 октября 1997 г. А 9—10 июня 1998 г. эксперты и заместители министров иностранных дел Казахстана, Туркменистана, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, ядерных держав — США, Китая, России, Великобритании, Франции и представители ООН обсудили проект документа "Основные элементы договора о зоне, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии"[11]. Эти консультации проходили, таким образом, по формуле "5+5+ООН". Но в то же время представляется, что несмотря на подобную поддержку необходимо обратить внимание на некоторые негативные факторы, которые могут реально создать трудности при создании безъядерной зоны в Центральной Азии. Прежде всего, это касается такого вопроса, как точное определение географических границ зоны. Решение этого вопроса поможет установить пределы территории, на которую будет распространяться действие договора о безъядерной зоне. Разумеется, логически будущий договор должен охватывать территории всех пяти центральноазиатских государств. Однако, в этой связи с сожалением приходится констатировать, что между ними продолжает существовать ряд нерешенных территориальных вопросов. К примеру, до сих пор медленно продвигается переговорный процесс между Казахстаном и Узбекиста-

ном по делимитации их государственных границ. Такая же ситуация характерна для кыргызско-узбекистанских и таджикско-узбекистанских двусторонних отношений. В результате складывается положение, когда государства региона продолжают рассматривать свои границы государственными без их должной делимитации и окончательной демаркации. Осложняет проблему и отсутствие определения нового правового статуса Каспия (море или озеро) и, соответственно, не осуществлен в полном юридическом объеме раздел на национальные сектора с точным определением границ территориальных вод, континентального шельфа и исключительных экономических зон в случае применения к Каспию Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Все эти вопросы необходимо решить до выработки текста будущего договора. Одновременно с их решением нужно стремиться, на мой взгляд, к более широкому составу государств-участников. Поэтому в договоре должно содержаться приглашение и другим соседним странам, в частности, таким, как Иран, в целях сотрудничества в области мирного использования ядерной энергии.

Следующим фактором, затрудняющим осуществление проекта создания Центральноазиатской безъядерной зоны, по мнению известного казахстанского ученого-международника и политолога Умирсерика Касенова, является то, что пять государств региона подписали с Российской Федерацией двусторонние договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной военной помощи. Кроме того, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и Таджикистан, наряду с Россией, Белоруссией и другими государствами СНГ, являются первоначальными участниками Ташкентского договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г.

В связи с этим, как справедливо замечает У. Касенов, неизбежно возникают два последовательно дополняющих друг друга вопроса: 1) как будут соотноситься обязательства, вытекающие из этих двусторонних договоров и Ташкентского договора, с обязательствами по будущему договору о создании в Центральной Азии безъядерной зоны, в случае его подписания? 2) Может ли государство одновременно быть и членом зоны, свободной от ядерного оружия, и членом военного альянса с государством, обладающим ядерным оружием? "Это касается даже Туркменистана[12], который хотя и объявил постоянный нейтралитет и не подписал Ташкентский договор о коллективной безопасности, но находится в определенных военных отношениях с Россией, близких по своему характеру к военному союзу"[13].

Думается, что весьма вероятным вариантом рассмотрения и разрешения этих вопросов является тот, когда ядерные державы — Россия, США, Великобритания, Франция и Китай — при подписании будущего договора не только будут предусматривать уважение статуса безъядерной зоны со своей стороны, но и будут излагать свое толкование отдельных его спорных положений и свое отношение к ним. Эти аспекты могут быть отражены и в дополнительных протоколах к договору. Россия же, как и другие ядерные державы, не входящие в состав зоны, должна обязаться, например, не иметь ядерного оружия и установок для его обслуживания на вооружении своих войск, находящихся (или которые

будут находиться) на территории безъядерной зоны, и ни под каким видом не передавать такового представительствам или каким-либо органам на территории всех государств, входящих в зону.

Можно предугадать, что будут определенные проблемы и с получением гарантий безопасности в отношении Центрально-азиатской безъядерной зоны со стороны ядерных государств. Существуют примеры, когда не все де-юре действующие безъядерные зоны имеют такие гарантии со стороны всех ядерных держав. Например, США до последнего времени "подписали протоколы к соглашениям о создании зон, свободных от ядерного оружия, в южной части Тихого океана и в Африке, в результате чего в настоящее время Соединенные Штаты являются ассоциированным участником" лишь "трех соглашений о создании зон, свободных от ядерного оружия"[14]. Без получения этих гарантий, которые по своему характеру являются негативными, безъядерная зона в Центральной Азии не может в полной мере эффективно функционировать. Важно при этом отметить, что в случае предоставления таких гарантий, которые возможно будут содержаться в дополнительных протоколах к будущему договору, они дополнили бы гарантии, которые уже сформулированы в отношении Республики Казахстан в соответствующем Меморандуме со стороны России, США, Великобритании, в Договоре о дружбе и сотрудничестве со стороны Франции, в официальном заявлении со стороны Правительства Китая и подтверждены в апреле 1995 г. в Резолюции 984 Совета безопасности ООН в отношении всех неядерных государств.

Учитывая те факты, что все центрально-азиатские государства выражают желание вступить в безъядерную зону и что все они присоединились[15] к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г., получение негативных гарантий ядерной безопасности не должно в то же время создавать особых трудностей. Они возникали бы в том случае, когда кто-либо из них не присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия или, присоединившись, заявил бы о своем выходе из Договора, что привело бы, в свою очередь, к признанию такого государства юридически не защищенным[16]. Представляется, что на этих основаниях гарантии безопасности в отношении безъядерной зоны со стороны таких ядерных государств, как Китай, США, Великобритания и Франция как наиболее заинтересованных в результативности переговоров, могут быть получены. Проблемы вполне очевидно могут быть со стороны России. Ведь известно, что Россия продолжает рассматривать Центральную Азию как зону своих жизненных интересов и имеет на условиях аренды космодром "Байконур" и четыре важных полигона, например, такие, как Сарышаган и Эмба в Казахстане, осуществляет совместную пограничную охрану внешних границ СНГ с Казахстаном и Кыргызстаном[17] на китайском участке, с Таджикистаном — на афганском и иранском участках, а также с ноября 1999 г. на основе дислоцированных в Таджикистане вооруженных сил приступает в соответствии с достигнутым соглашением к созданию собственных военных баз в этой республике.

Автор полагает, что Казахстан как одно из крупных государств региона должен активно вырабатывать собственный план создания безъядерной зоны в Центральной Азии. Это его суверенное право, как и других центрально-азиатских государств, при формировании основных принципов функционирования такой зоны. В казахстанском вари-

анте могли бы быть отражены, в частности, заслуживающие внимания основополагающие нормы. К примеру, недостаточно объявить Центрально-азиатскую безъядерную зону частично демилитаризованной, согласно которой, допустим, государства, входящие в зону, берут на себя обязательства не производить, не ввозить для собственных целей и не разрешать размещения на своей территории ядерного оружия всех типов, а также установок для его обслуживания. Очень необходимо, чтобы Центрально-азиатская безъядерная зона представляла собой и частично нейтрализованную зону, поскольку она будет изыматься из сферы применения ядерного оружия в случае возникновения военного конфликта. В этих целях государства, располагающие ядерным оружием, должны будут принимать обязательства не использовать его против территории зоны или каких-либо объектов на ней. В качестве гарантии статуса безъядерной зоны казахстанский вариант должен предусматривать обязательство ядерных держав не только не применять ядерное оружие против территории зоны, но и воздерживаться от любых шагов, которые прямо или косвенно могли бы нарушить ее статус.

Кроме того, одним из новых аспектов зоны в Центральной Азии могло бы быть решение проблем окружающей среды. В связи с этим целесообразным представляется принятие дополнительного экологического протокола к основному тексту будущего договора. Он необходим для привлечения еще большего внимания международного сообщества к проблемам окружающей среды, вызванным осуществлением ядерных программ на Семипалатинском полигоне, на полигонах Азгир и Капустин-Яр и проведения в других местах так называемой "народнохозяйственной деятельности с использованием ядерных взрывов". В экологическом протоколе можно предусмотреть положения о приглашении к сотрудничеству в области конверсии полигонов, ликвидации последствий проведения ядерных взрывов, а также решения проблем, связанных с добычей урана и хранением радиоактивных отходов.

Следует признать, что получение одобрения по всем вышеперечисленным проблемным и инициативным вопросам в отношении новой безъядерной зоны будет не легким процессом. Но очевидно, что все страны Центральной Азии, так же как и великое содружество государств, будут иметь преимущества от создания зоны, которая упрочит режим нераспространения и улучшит перспективы для политической и экономической стабильности в регионе, роль которого возрастает.

---

[1] Более подробно о полной и частичной демилитаризации см.: *Б.М.* Клименко. Демилитаризация и нейтрализация в международном праве / Изд-во ИМО. — М., 1963.

[2] Договор о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 г. // Нераспространение ядерного оружия. Сборник документов. — М.: Международные отношения. — 1993. — С. 16—33.

[3] Док.ENDC/PV/274/. Сборник документов МИД СССР. Т. VIII. — С. 498—511.

[4] *Тимербаев Р.М.* Россия и ядерное нераспространение. — М.: Наука. — 1999. — С. 313.

[5] Полная характеристика безъядерных зон охватывается работой *Прусакова Ю.М.* Безъядерные зоны: международно-правовые вопросы. — Ростов-н/Д. — 1982.

[6] Сборник основных документов по вопросу о разоружении. — М.: Политиздат. — 1969. — Т.9. — С. 21-41.

[7] Алма-атинская Декларация от 28 февраля 1997 г. // Текущий архив Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Казахстан.

[8] Основные принципы создания безъядерной зоны были наиболее полно разработаны и в предложениях Польского правительства, которое еще в 1957 г. выдвинуло план создания безъядерной зоны в Центральной Европе (план Рапацкого). См. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 697 пленарное заседание. — Нью-Йорк. — 1957. — С. 315. В меморандуме Польского правительства от 14 февраля 1958 г. план был развит более подробно. См. Известия, от 18 февраля 1958 г. В ноябре 1958 г. Польское правительство предложило вариант: создание безатомной зоны в два этапа (См. Новое время. — 1958. — № 47. — С. 9), а в марте 1962 г. Правительство Польши представило в Комитет 18-ти новый, усовершенствованный вариант плана, в котором обобщались и сводились в единое целое предыдущие предложения. С новых позиций план о безъядерной зоне был закреплен в Меморандуме Правительства Польши от 22 июня 1987 г.

[9] *Идрисов Е.А., Елеукенов Д.Ш.* Министерство иностранных дел Республики Казахстан. Создание в Центральной Азии зоны, свободной от ядерного оружия // Материалы международной конференции по проблемам нераспространения ядерного оружия. Республика Казахстан. Алматы — Курчатов. 08—12 сентября 1997 г.

[10] *Богданов О.В.* Международно-правовые проблемы разоружения. — М.: Международные отношения. — 1979. — С. 116.

[11] Представители ядерных государств, Центральной Азии и ООН обсудят вопрос о создании безъядерной зоны // Panorama. — № 27. — 1998. — 10 июля.

[12] 24 декабря 1993 г. Туркменистан наряду с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Таджикистаном подписал Меморандум о сотрудничестве по охране внешних государственных границ. На основе подписанных с Россией межгосударственных договоров в Туркменистане созданы и успешно функционируют оперативные пограничные группы Федеральной Пограничной службы Российской Федерации.

[13] *Касенов У.Т.* Безопасность Центральной Азии: национальные, региональные и глобальные проблемы. — Алма-Аты: Университет "Кайнар". Центр стратегических и международных исследований. — 1998. — С. 247.

[14] Заявление США в адрес участников заседания подготовительного комитета ДНЯО. Информационное агентство США. Вашингтонская папка. 15 апреля 1997. — С. 6.

[15] Даты присоединения государств Центральной Азии к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 г.: Казахстан — 14 февраля 1994 г., Кыргызстан — 5 июля 1994 г., Таджикистан — 17 января 1995 г., Туркменистан — 29 сентября 1994 г., Узбекистан — 2 мая 1992 г. См. *Р.М. Тимербаев.* Россия и ядерное нераспространение. — М.: Наука. — 1999. — С. 360—364. Приложение 2. Участники Договора о нераспространении ядерного оружия (по состоянию на 1 января 1999 г.).

[16] Как правило, в случае применения против такого государства ядерного оружия или угрозы его применения в силу вступают действия Совета Безопасности ООН в соответствии со ст. 24 Устава ООН.

[17] В последнее время происходят и небольшие изменения в охране внешних границ СНГ с участием центрально-азиатских государств. В частности, это постепенный вывод российской группы Федеральной Пограничной Службы из Кыргызстана. Данная мера носит плановый характер и не является одномоментным актом. Важно подчеркнуть, что планируется оставить необходимую оперативную группу Федеральной Пограничной Службы России, подобную той, которая функционирует сейчас в Казахстане.

г. Алматы.

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 года.*

# Морское право

## АРКТИЧЕСКИЕ ПРОЛИВЫ КАК ВИД МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЛИВОВ SUI GENERIS*

Ю.Н. Малеев**
В.А. Сокиркин***

Данную статью мы начнем с тезиса о том, что неправомерно распространять на арктические проливы все положения международного права, применимые к другим международным проливам, на общих основаниях. Существуют особенности арктических проливов, которые требуют специфических подходов к решению вопросов об их использовании.

Международные проливы (их типы или виды) классифицируют, исходя из различных исторических, функциональных и географических характеристик.

**Исторические характеристики** используются применительно к тем проливам, которые в течение исторически длительного периода, при отсутствии возражений (молчаливое согласие) со стороны других государств, считаются принадлежащими одному или двум государствам (в последнем случае, на раздельной основе, каждое государство владеет припроливной частью своей государственной территории). За редким исключением такие проливы, называемые часто "историческими проливами", контролируются одним государством. Примеры: российские (советские) проливы Лаптева, Дмитрия Санникова и Вилькицкого, китайский пролив Чунгчу.[1] На такие проливы не распространяются правила, содержащиеся в многосторонних договорах. Режим их использования определяется особыми правилами, устанавливаемыми одной страной, контролирующей такой пролив, или специальными двусторонними договорами, если припроливных государств два.

**Функциональные характеристики** применяются к проливам, соединяющим замкнутые (полузамкнутые) моря. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г., замкнутое или полузамкнутое

---

* Особого рода — *лат.*

** Доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ, подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1993 год.

*** Старший преподаватель кафедры международного права Московского государственного открытого университета.

море означает залив, бассейн или море, окруженное двумя или более государствами и сообщающегося с другим морем через узкий проход или состоящее полностью или главным образом из территориальных морей или исключительных экономических зон двух или более прибрежных государств (ст. 122). Типичный пример — Балтийское и Черное моря, которые и до принятия указанной Конвенции 1982 г. рассматривались как замкнутые.

Соответственно, проливы, ведущие в такие моря (как, например, Большой и Малый Бельты — в Балтийском море, Босфор и Дарданеллы — в Черное море) условно можно назвать "функциональными". От "исторических" проливов данный вид "функциональных проливов" отличает то, что их правовой режим, как правило, урегулирован многосторонними международными договорами (Конвенция Монтре 1936 г. в отношении режима черноморских проливов), хотя и не всегда (Охотский и Японский проливы). В рамках таких договоров невоенные суда и военные корабли прибрежных государств проходят практически свободно, а военным кораблям прибрежных государств предоставляются специальные права. В случае отсутствия подобных многосторонних договоров прибрежные государства самостоятельно или по договору между собой ограничивают проход через проливы.

Права неприбрежных государств в таких проливах в любом случае уже прав прибрежных государств. Первые стремятся к равенству с последними. По этой причине на III Конференции ООН по морскому праву некоторые делегации (например, ФРГ) настаивали на исключении из Конвенции положений по данному вопросу.

**Географические характеристики** — это простое качество водного пути соединять две части других водных пространств. Существует несколько видов проливов такого рода, которые мы выделяем далее курсивом.

***Проливы типа "песочные часы".*** Это проливы, подобные Гибралтару, образованные в результате значительного сближения между собой двух противоположных участков суши (берегов). Ни к "историческим", ни к "географическим" проливам их не относят. Считается, что в "песочных часах" прибрежные государства не имеют права контролировать международное судоходство или вводить какие-либо ограничения. На это правило не влияет тот факт, что в этом случае, как и применительно к другим важным проливам, проход регулируется на основе договора, как в Гибралтаре, или национального законодательства.[2]

***"Коридорные" проливы*** называются так по той причине, что территории (берега) соответствующих припроливных государств на протяжении большого расстояния примыкают к ним (проливы Эресунн и Малаккский). Вследствие этого у прибрежных государств возникает повышенный (гораздо в большей степени, чем в проливах типа "песочные часы") интерес контролировать проходящие здесь суда, как с точки зрения национальной безопасности, так и защиты окружающей среды.

В юридической литературе отмечается, в частности, повышенная опасность загрязнения вод данных проливов в случае аварии с нефтяными танкерами, особенно крупнотоннажными.[3] В проливе именно такого типа (Малаккском) припроливные государства уже пытались ввести ограничения на проход после аварии судна "Шова Мару" в феврале 1975 г.[4]

***Проливы типа "бутылочное горлышко"*** — это те же "коридорные проливы" (пример — пролив Эрессун), но чрезвычайно узкие. По этой причине припроливные государства настаивают на их особом статусе. На III Конференции ООН по морскому праву Дания и Финляндия, между берегами которых проходит Эресунн, предложили, в частности, чтобы проливы шириной менее шести миль не подпадали под режим свободного транзита. Швеция поддержала эту точку зрения, уточнив, что для проливов, ширина которых не превышает шести морских миль, следует установить такой режим, чтобы "никто не оспаривал их статуса территориальных вод".[5]

В целом, проблемы однозначной квалификации проливов и точного определения того, какие нормы применимы к проходу через них судов и пролету над ними летательных аппаратов, сохраняются. При этом следует констатировать, что режим многих проливов определен специальными договорами, нормы которых преобладают над общими правилами Конвенции по морскому праву 1982 г., или устоялся на обычно-правовой основе ("исторические проливы").

Это важно подчеркнуть в свете того факта, что Конвенция ООН 1982 г. ратифицирована не всеми государствами, а также заявлений типа тех, которые сделал Иран, подчеркивающий, что действующие соглашения о режиме проливов заключены строго на основе принципа взаимности и потому за рамками действия этого принципа автоматически не предоставляются какие-либо права или преимущества.[6]

К этому следует добавить, что правовые режимы проливов и права в них прибрежных государств дифференцированы в зависимости от типа конкретного пролива. Например, в "коридорных проливах" и проливах типа "бутылочное горлышко" превалирующими являются интересы прибрежных государств, которые вправе требовать надводного прохода подводных лодок по поверхности и строгого контроля выполнения стандартов безопасности проходящими транзитом супертанкерами. В проливах же типа "песочные часы", как считается, преобладают интересы свободного международного судоходства (мореплавания) и т. д.

Из сказанного можно сделать вывод об отсутствии в современном международном праве соответствующих обязательств erga omnes в рассматриваемом вопросе.[7]

Для России указанные проблемы носят особенно актуальный характер, поскольку она является крупнейшим приарктическим государством. Протяженность арктического побережья России составляет примерно 18 000 км., а ее полярный сектор занимает около 9 млн. кв. км и равен 43 % общей площади Арктики. Россия располагает также самым обширным континентальным шельфом в этом районе.

В северной части российской Арктики пролегает Северный морской путь, открытие и освоение которого играет важную роль в изучении, освоении и развитии Севера и Дальнего Востока России.

В Западном секторе Арктики российские суда работают практически круглогодично. В том числе — с проводкой судов в высоких широтах, начало чему было положено в августе 1977 года, когда ледокол "Арктика", достиг Северного полюса, а в мае-июне 1978 года атомоход "Сибирь" осуществил сквозную проводку судна "Капитан Машевский" (это

способствовало решению вопроса о значительном, на 1300 морских миль, сокращении транспортной арктической трассы путем проложения ее напрямую через районы, близкие к полюсу).[8]

Основные судоходные пути зарубежной Арктики пролегают по морям Бофорта и Баффина, проливам канадских арктических островов и проливу Девиса. Уникальное положение занимает канадский Северо-Западный проход. Это кратчайший арктический морской путь, связывающий Тихий и Атлантический океаны. Важное стратегическое положение данного прохода привлекает к нему внимание, прежде всего, Соединенных Штатов, у которых в этой связи складываются конфликтные отношения с Канадой. Последняя, как полагают и сами канадские политики, объективно становится союзником России в решении проблемы арктических проливов.

В связи, главным образом, с открытием огромных запасов нефти и северо-восточной части Аляски — в районе Прадхо-Бей, а также в связи с военными перевозками, увеличилась интенсивность ледовых плаваний на отдельных участках Северо-Западного арктического прохода, и весь проход с каждым годом все больше приобретает стратегическое значение.

Большое значение придается освоению арктического шельфа США и Канады. Так, потенциальные (извлекаемые) запасы нефти арктического шельфа Канады определяются в миллиард тонн, в связи с чем с конца 70-х годов все большее внимание юристы и экономисты уделяют, кроме прочего, сопутствующим проблемам транспортировки углеводородов, охране окружающей среды, экономическим аспектам освоения.[9]

Наряду с интересами экономического и научного характера, Арктика, в силу своего стратегического положения, становится объектом пристального внимания ведущих государств Североатлантического союза. В последнее время это внимание особенно возрастает в контексте очевидного усиления геостратегической концепции НАТО. Большое значение при этом придается Северо-Западному арктическому проходу.

Западные политики и военные на протяжении уже десятков лет исходят из того, что в случае выхода из строя Панамского канала, Северо-Западный проход может явиться основным путем перевода военных кораблей и судов из Атлантического в Тихий океан и обратно, что в значительной мере расширит маневренность флотов США и их союзников. Использование Северо-Западного прохода облегчит также снабжение многочисленных военных объектов и баз, расположенных на арктических островах и на побережье Северного Ледовитого океана.[10]

По военно-стратегическим соображениям США стремятся получить свободу судоходства в арктическом бассейне за пределами территориальных вод и право мирного прохода в арктических проливах, перекрываемых территориальными водами.

С этих позиций Соединенные Штаты подходят к вопросу о правовом режиме Северного морского пути, а что касается Северо-Западного арктического прохода, то Соединенные Штаты рассматривают его как международный пролив, используемый для международного судоходства, и требуют распространения на него международно-правового режима, позволяющего беспрепятственное использование его для торгового и военного судоходства.

Поскольку проблематика арктических проливов не была предметом специального обсуждения на III-й конференции ООН по морскому проливу, а лишь упоминалась, распространение на них положений Конвенции по морскому праву 1982 года без учета специфических условий этих проливов на общих основаниях неоправданно, не говоря уже о том, что многие нормы данной Конвенции вызывают разноречивые толкования.

Специфика арктических проливов во многом связана с историческими особенностями их освоения. Впервые Северо-Западный проход пересек с Востока на Запад с тремя зимовками Р. Амундсен в 1903—1906 гг. на судне "Йоа" и позже (в 1940—1942 гг.), в обратном направлении, — Г. Ларсен на судне "Сент Рок" с двумя зимовками и он же, на том же судне, в 1944 г. с Востока на Запад за одну навигацию.[11]

Территории и острова в Арктике, между которыми можно насчитать десятки водных проходов, перешли во владение Канады от Великобритании в 1870 и 1890 гг. Эти территории и острова считались британскими в силу открытия их британскими гражданами на основании декларации о владении ими Британией. Контроль Канады над арктическими территориями и островами устанавливался медленно и неэффективно. Экспедиции, которые организовывались правительством Канады в район арктического архипелага, в основном, ставили своей задачей отыскание наиболее выгодного пути для судоходства и мало обращали внимание на утверждение канадского суверенитета над островами и водами арктического архипелага.

До 1903 года Канада практически не осуществляла эффективного контроля над своими арктическими территориями, островами и омываемыми их водами. Суда различных государств, без всяких ограничений и контроля со стороны Канады, занимались китобойным промыслом в водах канадского арктического архипелага.

Особую тревогу у канадцев вызвали промысловые суда и исследовательские экспедиции США, Норвегии и Дании. Бесконтрольно вела себя экспедиция США под руководством доктора Мак-Миллана. Норвежский исследователь Отто Свердруп, открыв в конце девятнадцатого века несколько островов в Канадском архипелаге, заявил на них свои притязания. Аналогичные притязания были и со стороны датчан.

Важным этапом на пути закрепления канадским правительством своих прав на арктические территории явилась экспедиция канадского судна "Нептун" в район залива Гудзон и острова арктического архипелага, продолжавшаяся два года (1903—1904 гг.). Экспедиция учредила полицейские посты, ввела таможенные сборы, запретила торговлю шкурами мускусного быка, который находился под угрозой полного истребления. Экспедиция помогла установлению контроля над китобойным промыслом, который хищнически велся в водах Канадской Арктики иностранными судами.[12]

В 1904 г. Департамент внутренних дел Канады опубликовал карту Канады, в которой западные границы страны были показаны по 141 меридиану западной широты вплоть до Северного Полюса и восточные — по 60 меридиану западной широты до Северного Полюса. Начиналась граница от северного пункта 78-й параллели между островами Элсмир и Гренландия.[13]

В 1925 г. было принято дополнение к закону о северо-западных территориях, запрещающее всем иностранным государствам заниматься какой-либо деятельностью в пределах канадских арктических земель и островов без особого на то разрешения канадского правительства. В 1926 г. это дополнение было подтверждено королевским указом.[14]

В том же 1925 году правительство Канады официально объявило, что Канаде принадлежит арктическое пространство, простирающееся между 141° и 60° западной широты вплоть до Северного Полюса. Заявление об этом сделал в палате министр внутренних дел Канады Чарльз Стюарт.[15]

В результате суверенитет Канады над ее арктическими пространствами был признан приарктическими государствами. Норвегия отказалась от притязаний на остров Свердруп. Дания, претендовавшая на остров Элсмир, не стала настаивать на своих притязаниях после того, как канадцы установили свой контроль над этим островом.

Американская экспедиция под руководством доктора Мак-Миллана, поддерживаемая военно-морским ведомством США и действовавшая в канадских арктических водах без разрешения Канады, стала получать разрешения канадских властей на посещение канадских арктических вод и соблюдать канадские законы и правила.

Однако, оставались и продолжают оставаться неурегулированные между Канадой и США проблемы разграничения вод, главным образом, в районе моря Бофорта, а также вопрос о правовом статусе Северо-Западного прохода, над которым США не признают суверенитет Канады.

В 1954 впервые по Северо-Западному проходу, в том числе и через его самый трудный участок — пролив Мак-Клюр, прошли ледоколы США "Бартон Айленд" и "Порт Уинд", входившие в состав американо-канадской научной экспедиции. Их примеру последовали канадский военный дизель электрический ледокол "Лабрадор" и ряд других крупных судов. Американо-канадская экспедиция изучала условия и возможность перехода судов по Северо-Западному проходу в течение одной навигации.

Зимой 1960 года американская подводная атомная лодка "Сарго" прошла под водой Берингова пролива и под льдами Арктики к полюсу и возвратилась тем же путем в Тихий океан. Это подтвердило возможность прохода подводных лодок в Арктику в любое время года.

Исследуемая правовая проблематика неизбежно вовлекает в обсуждение массу "технических" навигационных вопросов, без, хотя бы краткого, освещения которых ее сущность будет раскрыта не до конца.

Канадские Арктические острова расположены непосредственно к северу от северного побережья Северной Америки и состоят из двух групп островов: южной и северной. Южная группа включает в себя крупные острова: Бафинова Земля, Принца Уэльского, Виктория, Банке и ряд более мелких островов. Северная группа Канадских островов находится к северу от южной группы и отделена от нее проливом Парри. В эту группу островов входят острова Девон, Парри, Свердруп и Элсмир.

**Первый** интересующий нас путь ("проход") между этими островами пролегает через проливы Ланкастер, Принц Редижент Инелет, Белло, Франклина, Джемса-Росса, Сен-Рок-Бейсин, Рея, Симпсон, заливы Куин-Мод, Коронейшх и Амундсена. Путь этот ведет по узкому и сложному в

навигационном отношении проливу Белло; в судоходной части проливов Джемса-Росса в Рей имеются отмели и банки с глубинами 5—5,4 км; пролив Симпсон изобилует опасностями и доступен для плавания судов с осадкой не более 7 м только в светлое время суток, причем в узкой судоходной части пролива действуют сильные проливо-отливные течения.

**Второй** путь пролегает через проливы Ланкастер, Барроу, Пил-Саунд и Франклина. От пролива Франклина этот путь ведет через те же проливы и заливы, что и указанный выше первый путь. При следовании этим путем суда минуют узкий пролив Белло, но вынуждены проходить по проливам Барроу и Пин-Саунд, в которых иногда складываются благоприятные ледовые условия.

**Третий** путь ведет в залив Амундсена и далее в море Бофорта через проливы Ланкастер, Барроу, Вайкаунт-Мелвилл-Саунд и Принца Уэльского.

И, наконец, **четвертый** путь пролегает по проливу Парри, а затем ведет в море Бофорта вдоль западного берега острова Банке. Третьим и четвертым путями могут плавать суда любого водоизмещения и осадки, но оба эти пути пролегают через районы, крайне тяжелые в ледовом отношении.

В 1970 г. в Канаде был издан закон о предотвращении загрязнения арктических вод, прилегающих к континенту и островам канадской Арктики.[16] Этот закон явился одним из основных законов, призванных защитить арктические пространства Канады от загрязнений и явился юридической основой для других нормативных актов по вопросам предотвращения загрязнения и обеспечения безопасности плавания в арктических водах Канады.

В том же 1970 г. Канада расширила свои территориальные воды до 12 миль и тем самым распространила свой суверенитет практически на весь Северо-Западный проход, так как значительные его районы оказались перекрытыми ее территориальными водами.

Следует, однако, заметить, что предпринимая меры по усилению своего контроля над судоходством в своих арктических территориальных водах, Канада в то же время не прибегает в этом районе к соответствующим мерам по пресечению нарушений ее суверенитета со стороны военных кораблей Соединенных Штатов. Мотивируется такая позиция ссылками на военную необходимость и принадлежность Канады к Североатлантическому военному блоку.

Канада по существу открыла свои арктические проливы для плавания американских военных судов, в том числе и атомных подводных лодок. До недавнего времени это выдавалось за вклад в канадскую безопасность и стремление сохранить баланс сил между двумя "сверхдержавами".[17] С исчезновением Советского Союза ситуация практически не изменилась. И хотя в последние годы канадские и американские политики воздерживаются от комментариев по данному вопросу, очевидно, что военные интересы "атлантической солидарности" в данной области сохраняются.

В указанном контексте интересам России отвечает интернационализация правового режима прохода через "канадский" Северо-Западный проход. Но поскольку "рикошетом" такая интернационализация затро-

нет и российский арктический сектор, с практических позиций, вряд ли, ее стоит поддерживать.

В этой связи повторим некоторые исторические факты, приведенные в последнем издании учебника "Международное право" под редакцией Ю. М. Колосова и Э. С. Кривчиковой.

Нотой-депешей от 20 сентября 1916 г. "Правительствам союзных и дружественных держав" российское правительство сообщило о включении в состав территории России целого ряда земель и островов, "расположенных близ азиатского побережья империи" и составляющих "продолжение к северу континентального пространства Сибири", и "напомнило" о том, что ряд островов, расположенных близ европейского побережья России, составляют территорию России "ввиду того, что их принадлежность к территориям Империи является общепризнанной в течение столетий."[18]

Заявлений о несогласии с данной нотой не поступило, что следует расценивать как "молчаливое согласие". Но важно отметить, что одновременно это означало согласие с тем, что российские претензии не распространяются на воды арктического сектора (только на земли). Это следует и из заявления правительства СССР от 4 ноября 1924 года о том, что все земли и острова, составляющие "продолжение к северу Сибирского материкового плоскогорья", принадлежат по праву правопреемства РСФСР, и из Постановления Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР "Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане" от 15 апреля 1926 года (в последнем случае уточнялось "за исключением земель и островов, признанных ранее правительством СССР принадлежащим другим государствам").

Вместе с тем, Россия (как и другие приарктические государства в "своих секторах") вправе рассматривать морские пространства Арктики в пределах "российского полярного сектора" в качестве зоны своих особых интересов. "Это влечет за собой признание за Россией права принимать в указанной зоне любые необходимые меры для обеспечения своей безопасности, вплоть до запрещения появления в пространстве зоны военных кораблей и самолетов других государств".[19]

Сходную, практически идентичную позицию занимают в отношении Арктики Дания, Норвегия (при некоторых особенностях статуса Шпицбергена), США, хотя два последних государства вообще не устанавливали своих полярных секторов.

С начала 20-х годов была выдвинута концепция интернационализации Арктики, обсуждение которой до сих пор носит характер вялотекущего процесса, который не был нарушен и выдвинутым США в 1970 году предложением о созыве международной конференции по данному вопросу (проигнорировано другими государствами) и повторением его во время III Конференции ООН по морскому праву (аналогичные последствия).

Проявляли в этом плане активность и канадцы, которые рассчитывают на признание мировым сообществом суверенитета Канады над "канадскими" арктическими пространствами в целом, а не только на соответствующие "земли и острова", и норвежцы (концепция коллективной функциональной юрисдикции прибрежных государств с целью обеспечить "экологическую безопасность" за пределами 200 мильной

экономической зоны при незыблемости принципа свободы открытого моря) и др.

Но все это из области проектов, которые, на наш взгляд, не способны поколебать исторически сложившийся режим Арктики в целом и повлиять на "проблему арктических проливов".[20]

---

[1] Последний из упомянутых проливов был включен в китайскую Декларацию о территориальном море 1958 г. в качестве внутренних вод в порядке подтверждения исторического факта.

[2] Французско-британская декларация от 8 апреля 1904 г., подтвержденная ст. 6 Марокканской конвенции от 27 ноября 1912 г.

[3] Detter de Lupis I. Supertankers och internationalla. Paris. 1986. p. 97.

[4] Ibid. p. 107.

[5] UD Svenska delegationens slutrapport, Andra Sessionen, Caracas. 1974. p. 23.

[6] Law of the Sea. Bulletin. N 1. 1983. p. 1.

[7] Detter de Lupis I. Op. Cit. p. 60.

[8] Правда, 30 декабря 1980 г.

[9] *Арикайнен А. И., Коссов О. А., Швембергер Ю. Н.* "Летопись Севера", т. II//Сб. по вопросам истории экономического развития и истории географии Севера. М. 1985. с. 211—223.

[10] Зарубежное военное обозрение. М. 1976. № 8. с. 12.

[11] Краткая географическая энциклопедия. М.: Госнаучиздат. 1962. Т. 3. с. 460; Магидович И. П. История открытия исследования Северной Америки. М. 1962.

[12] *Ross W. G.* Canadian Sovereignty in the Arctic.//Arctic. Vol. 29, N 2. June 1976. p. 87.

[13] Ibid. p. 15.

[14] Дипломатический Словарь. М.: Наука. Т. I. 1984. с. 97. См. также: Современное международное морское право. Режим вод и дна Мирового океана. М. 1974. с. 166.

[15] *Reib.* The Canadian claim to Severengty over the waters of the Arctic.//Canadian Yearbook of International Law, 1974. p. 111, 115.

[16] *Жудро А. К., Киселев В. А.* О канадском законодательстве по вопросам предотвращения загрязнения арктических морей: В кн.: Законодательство Канады по вопросам предотвращения загрязнения прилегающих арктических морей. М.: Транспорт. 1976.

[17] Там же.

[18] См. *Малеев Ю. Н.* Правовой режим Арктики. В кн. Международное право. Под ред. Колосова Ю. М. и Кривчиковой Э. С. М. 2000. с. 123—134.

[19] Там же. с. 125.

[20] Отдельные споры между приарктическими государствами по вопросам использования Арктического бассейна выходили даже на уровень Международного Суда. Но это не меняет общей картины.

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 года.*

# Права человека

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ ЛИКВИДАЦИИ ВСЕХ ФОРМ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

И.Е. Рубина*

Равноправие является важнейшей основой любого демократического общества, стремящегося к социальной справедливости и уважению прав человека. Современные государства вынуждены признать, что отрицание свобод личности на том лишь основании, что эта личность-женщина, является нарушением прав человека, и что действия государств, приводящие к унижению женщин, к утрате ими человеческого достоинства и к их подавлению по одной лишь причине их пола, должны быть каждое по отдельности выявлены, подвергнуты осуждению, компенсированы, а по возможности — предотвращены. Однако, в реальной жизни практически во всех обществах и сферах деятельности женщины подвергаются дискриминации как с юридической, так и с практической точек зрения[1].

В реальной жизни повсеместные нарушения женских прав часто проходят незамеченными. Более того, даже будучи замеченными, они остаются безнаказанными и неисправленными, и слишком часто их защищают как неотъемлемую часть культуры или религии или человеческой природы. Хотя в разных странах нарушения женских прав различны, у всех жертв таких нарушений один общий фактор риска — то, что они женщины[2].

Государства часто отрицают не только свою юридическую ответственность за незаконные действия, но и свою подотчетность кому бы то ни было. Юридическая ответственность предполагает наступление правовых последствий в случае нарушения закона. Однако, государства могут отрицать ( и поступают именно так ) либо само существование международных обязательств , либо то, что они нарушали эти обязательства, либо что тот или иной суд имеет юрисдикцию над ними, либо что те или иные истцы правомочны предъявлять иск. Государствам редко

* Старший преподаватель кафедры международного и конституционного права Петрозаводского государственного университета. Подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 2000 год.

приходится отвечать за невыполнение своих международных обязательств уважать человеческие права женщин, чаще всего их призывают лишь дать обоснование существующего статуса женщин на своей территории. Международная правозащитная судебная практика показывает, что международные и региональные правозащитные конвенции очень редко применяются в отношении нарушений женских прав[3].

## Ответственность государств согласно международному праву

Ответственность государств является фундаментальным принципом международного права, согласно которому государство несет юридическую ответственность за нарушение взятых на себя международных обязательств. Международно-правовые положения о государственной ответственности за нарушение прав человека в последнее время получили значительное развитие. Теперь от правительств требуется принимать превентивные меры для обеспечения реализации и соблюдения прав человека, расследовать сообщения о случаях нарушения прав, наказывать виновных в их нарушении, а также обеспечивать эффективные средства защиты. Произошедшие за последнее время перемены в международном правозащитном законодательстве расширили сеть международных обязательств посредством присоединения государств к многосторонним правозащитным конвенциям, и тем самым повысили возможности для контроля за соблюдением принципа государственной ответственности.

Цель данной публикации — выяснить, каким образом изменения в международном законодательстве об ответственности и подотчетности государств могут быть применены с целью обеспечения более эффективной защиты человеческих прав женщин.

## Женская конвенция

В Международном билле о правах человека[4] закреплена совокупность прав, которыми могут пользоваться все люди, включая женщин. Почему же тогда необходим отдельный правовой документ о защите прав женщин?

Дополнительные средства защиты прав человека женщин были сочтены необходимыми, поскольку тот факт, что они являются частью человечества, оказался недостаточным для обеспечения женщинам защиты их прав. В преамбуле к Конвенции (имеется в виду Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г.) поясняется, что, несмотря на принятие ряда договоров, женщины по-прежнему не имеют равных с мужчинами прав. Во всех странах по-прежнему сохраняется дискриминация в отношении женщин.

## Определение дискриминации

Статья 1 дает исчерпывающее определение дискриминации. В отличие от Международного билля о правах человека, в котором говорится лишь о "различии" или "дискриминации" по признаку пола, в ст.1 дается разъяснение понятия "дискриминация" именно в отношении женщин. К данного рода дискриминации приводит любое

различие в обращении по признаку пола, которое: - умышленно/неумышленно наносит ущерб женщинам,

- мешает обществу в целом признать права женщин в частной и общественной сферах, или которое

- мешает женщинам пользоваться своими признанными правами человека и основными свободами.

Юридическое закрепление дифференциации по признаку пола, согласно данной статьи, следует расценивать как дискриминацию.

Что относится к подобного рода дифференциации? В целом ряде государств мира женщины лишены основных юридических прав, включая право голоса и право на владение имуществом[5].Кроме того, в 1992 году Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин распространил общее запрещение дискриминации в отношении женщин на проявления насилия по признаку пола[6].

## Обязательства государств-участников

Определение того, какие действия или упущения государства является нарушением Женской конвенции, зависит от характера обязательств, которые государство приняло на себя, подписав Конвенцию.

Статья 2 - это статья об общих обязательствах и политике государств, которую надлежит проводить для ликвидации дискриминации в отношении женщин. Она, в целом, требует от государств-участников "обеспечить" соблюдение Конвенции государственными органами и "принять все необходимые меры" по "ликвидации дискриминации во всех ее формах со стороны любого частного лица, организации или предприятия", а также по "изменению или отмене существующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые содержат дискриминацию женщин".

Выразив свое согласие "проводить всеми возможными мерами и без промедления политику ликвидации дискриминации женщин", государства-участники тем самым взяли на себя обязательство конкретно рассмотреть природу каждой формы дискриминации. Женская конвенция ясно требует прекращения дискриминации по признаку пола, но ее цель не в том, чтобы просто достичь гендерной нейтральности. В отличие от предыдущих договоров, Женская конвенция вводит правовую норму ликвидации всех форм дискриминации женщин как отличную от дискриминации противоположных полов как таковой. Иными словами, Конвенция развивает далее правовую норму, переходя к признанию того, что специфические особенности женщин и их подверженность дискриминации требует особых правовых норм. Становясь участниками Конвенции, государства берут на себя ответственность предпринимать активные шаги для осуществления принципа равенства мужчин и женщин в рамках их национальных конституций и иного соответствующего законодательства. Кроме того, государства должны ликвидировать юридические основы для дискриминации, пересмотрев существующие законы, а также гражданское, уголовное и трудовое законодательство (ст.2 в, д).

Включить во внутригосударственное законодательство положения о

запрещении дискриминации недостаточно. Согласно Конвенции от государств-участников требуется эффективно защищать права женщин и предоставить им возможности для получения правовой помощи (например, создание сети кризисных центров) и защиты от дискриминации. Они должны включить в законодательство положения о принятии соответствующих САНКЦИЙ за проявление и осуществление дискриминации в отношении женщин и ввести СИСТЕМУ подачи и рассмотрения жалоб в национальных трибуналах и судах. Государства-участники Конвенции должны принимать меры к ликвидации дискриминации как в общественной, так и в частной сферах. Недостаточно стремиться к "вертикальному" равенству отдельных женщин по отношению к государственным органам; государства должны также принимать меры к обеспечению ликвидации дискриминации на "горизонтальном" уровне, даже в рамках семьи.

В ст.2 признается, что законодательные изменения наиболее эффективны тогда, когда их осуществление подкрепляется одновременными преобразованиями в экономической, социальной, политической и культурной сферах. С этой целью государствам предписывается не только вносить изменения в законы, но и принимать меры к искоренению дискриминационных обычаев и практики (ст.2 п. f) (7).

## Обязательство по ликвидации дискриминации женщин "во всех ее формах"

. Став участниками Женской конвенции, государства соглашаются осудить дискриминацию "во всех ее формах". В Преамбуле отмечается, что Хартия ООН, Всемирная декларация прав человека, Декларация по ликвидации дискриминации женщин, а также резолюции, декларации и рекомендации ООН провозглашают равенство прав мужчин и женщин.

Однако, в Преамбуле высказана озабоченность тем, "что несмотря на эти различные документы, продолжает существовать обширная дискриминация женщин". Преамбула завершается твердо выраженным намерением "принять необходимые меры по ликвидации такой дискриминации во всех ее формах и проявлениях".

Выразив свое согласие "проводить всеми возможными мерами и без промедления политику ликвидации дискриминации женщин", государства-участники тем самым взяли на себя обязательство конкретно рассматривать природу каждой формы дискриминации. Женская конвенция ясно требует прекращения дискриминации по признаку пола. Она вводит правовую норму ликвидации всех форм дискриминации женщин как отличную от дискриминации полов как таковой (см. выше определение "дискриминация женщин". Т.е. Конвенция развивает правовую норму далее, переходя к признанию того, что специфические особенности женщин и их подверженность дискриминации требуют ОСОБЫХ ПРАВОВЫХ норм, а не просто ОДИНАКОВОГО обращения с мужчинами и женщинами (гендерный подход).

Исходя из определения "дискриминация женщин" (ст.1), данного в Конвенции, можно сделать вывод, что всякий закон, содержащий

разграничение по признаку пола и имеющий своим результатом или целью ущемление прав каким бы то ни было образом, квалифицируется как дискриминационный, нарушает Конвенцию и соответственно должен быть отменен или исправлен государством-участником.

Не все виды законодательства или практики, которые создают неблагоприятную для женщин ситуацию, могут быть квалифицированы как "дискриминация женщин" по смыслу ст.1. Однако, в ст.3 от государств требуется:"...обеспечить полноценное развитие и улучшение положения женщин с целью гарантировать им реализацию и соблюдение человеческих прав и фундаментальных свобод на основе равенства с мужчинами".

В дополнение к таким видам законодательства и практики, которые фактически наносят вред, но внешне нейтральны, ст.3 вводит запрет на практику, которая наносит ущерб женщинам как таковая (например, отсутствие акушерской службы). Таким образом, ст.3 охватывает те виды дискриминационной практики, которые не подпадают под определение, данное в ст.1.

В целом, ст.3 определяет те меры, которые необходимо принимать во всех областях для осуществления положений ст.2. Кроме того, данная статья призвана подтвердить неделимость и взаимосвязанность прав, закрепленных в Конвенции, и основополагающих прав человека, гарантируемых всем людям. Здесь же признается положение, согласно которому в государствах, не предпринимающих активные шаги для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин, последние не смогут в полной мере пользоваться основными правами человека, провозглашенными в других международных договорах.

## Временные специальные меры по борьбе против дискриминации

Статья 4 признает, что, даже если женщинам обеспечивается юридическое (de jure) равноправие, это не гарантирует автоматически, что на практике (de facto) с ними будут обращаться на равноправной основе. С целью скорейшего установления фактического равенства между мужчинами и женщинами в обществе и на производстве государства имеют право принимать специальные меры до тех пор, пока сохраняется неравенство. Тем самым, Конвенция выходит за рамки узкой концепции формального равенства и определяет в качестве своих целей равенство возможностей и равенство результатов. Позитивные меры являются законными и необходимыми для достижения этих целей. Однако, следует иметь в виду, что достижение фактического равенства женщин и мужчин не должно влечь за собой принятие разных стандартов для обоих полов. Т.е. целесообразность принятия любых специальных мер должна оцениваться с учетом фактического наличия дискриминационной политики. Следовательно, по мере достижения равенства возможностей и обращения эти специальные меры перестанут быть необходимыми и их осуществление должно быть прекращено.

Важное значение Конвенции заключается и в том, что она содержит новые существенные положения. Для достижения подлинного равен-

ства мало принятия специальных временных мер (ст.4), необходимо осуществить изменения на ином уровне. Государствам следует прилагать усилия для искоренения социальных, культурных и традиционных стереотипов о роли мужчины и женщины, а также для создания в обществе условий, которые содействуют осуществлению в полной мере прав женщин. Например, отводя женщине традиционную роль обслуживания членов семьи, общество считает эту ее функцию не столь важной и не требующей образования. Однако, п. b ст.5 предлагает государствам-участникам по-новому оценить значение семейного воспитания и рассматривать роль материнства как одной из социальных функций. Данному обстоятельству будет способствовать признание государством общей ответственности мужчин и женщин за воспитание детей, и что эту задачу должны выполнять не только женщины.

Из такого подхода к новым ролям женщины и мужчины следует необходимость развития социальной инфраструктуры(например, системы отпусков по уходу за детьми папе и маме), которая создает условия для разделения родительских обязанностей и ответственности. А это уже реальные шаги по осуществлению Конвенции во внутригосударственном законодательстве. Статьи 5-16 определяют тот комплекс сфер жизни, в которых женщины наиболее часто сталкиваются с ущемлениями в правах. Представляется, что наиболее важной из указанных статей является ст.10, поскольку касается равенства в области образования. Почему? Равенство в области образования — основа для осуществления женщинами их прав во всех сферах: на рабочем месте, в кругу семьи и в обществе в целом. Именно посредством образования можно искоренить те традиции и представления, которые усиливают неравноправие между мужчинами и женщинами, и содействовать тем самым ликвидации легитимности дискриминации, переходящей из поколения в поколение.

## Осуществление конвенции: комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин

В соответствии со ст.17 для рассмотрения хода осуществления ее положений учреждается Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин.

Согласно положениям Конвенции этот Комитет действует в качестве системы мониторинга для наблюдения за ходом осуществления Конвенции государствами, ратифицировавшими ее или присоединились к ней. Это осуществляется, главным образом, посредством рассмотрения докладов о законодательных, судебных, административных и других мерах, принятых ими для выполнения положений настоящей Конвенции, и о прогрессе, достигнутом в этой связи (ст.18). По результатам своего рассмотрения Комитет высказывает предложения и рекомендации. Он вправе также предложить специализированным учреждениям ООН представить свои доклады и может получать информацию от неправительственных организаций (ст.22). Ежегодно Комитет представляет доклад о своей работе Генеральной Ассамблее

через ЭКОСОС, и Совет препровождает эти доклады Комиссии по положению женщин для информации (ст.21).

Ратифицируя Конвенцию или присоединяясь к ней, государства-участники берут на себя юридическое обязательство своевременно представлять исчерпывающие доклады, хотя многие из них не выполняют этого обязательства. Несмотря на это, Комитет никогда официально не заявляет, что то или иное государство нарушает Конвенцию. Он обращает внимание на слабые стороны в политике соответствующего государства посредством вопросов и замечаний. Такой подход означает, что Комитет не занимает позицию, позволяющую ему оказывать сильное давление на государства, которые открыто нарушают положения Конвенции, в целях изменения их политики и законодательства.

Несмотря на существование Конвенции, необходимо признать, что Комитет неэффективно выполняет мандат по наблюдению за осуществлением Конвенции государствами-участниками. Это связано, прежде всего, с тем, что имеющаяся у него информационная база для сбора и анализа докладов довольно узка; во-вторых, Комитет не имеет права давать толкование норм, закрепленных в статьях Конвенции; в-третьих, сама система наблюдения нечетко разработана и продумана. Кроме того, Комитет, в отличие от подобных структур (например, Комитет по правам человека ООН), не наделен полномочиями принимать и рассматривать петиции лиц, подвергшихся различного рода дискриминации в своих государствах. Принятием факультативного протокола к Конвенции можно было бы решить данную проблему. Подобный протокол (аналогично факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах ) позволил бы гражданам государств-участников подавать жалобы в Комитет на нарушения их прав, закрепленных в Конвенции. Он мог бы также обеспечить возможность взаимной подачи жалоб государствами.

Очевидно, что такое нововведение значительно повысило бы авторитет Комитета и его способность оказывать прямое воздействие на решение проблемы дискриминации.

***

Развитие международного правозащитного законодательства посредством таких договоров, как Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, и признание международного обычного права в сфере прав человека — это необходимые, но недостаточные шаги для осуществления человеческих прав женщин с помощью системы международного права. Юридическая основа прав женщин служит только базой, на которой предстоит построить структуры, призванные защитить безопасность, предоставить им равные с мужчинами возможности для индивидуального и коллективного развития. За договорами должен идти эффективный метод мониторинга и контроля за соблюдением государствами принятых на себя обязательств, а также национальные[8] и международные механизмы, призванные поддерживать юридическую силу договоров и призывать государства к ответу за нарушение договоров.

[1] Проблемы женской безработицы в России. Материал Федеральной службы занятости. — М., 1997. с. 21.

Хроника ООН. Ноябрь 1995. — Том XXXII, N2.— с.40-42.

[2] Charlotte Bunch "Womens' Rights as Human Rights: Toward a Revision of Human Rights", Human Rights Quarterly,12(1990) p:486.

[3] Rebecca Cook "International Human Rights Law Concerning Women: Case Notes and Comments", Vand. Journal of Transnational Law.

[4] Международным Биллем о правах человека называют совокупность трех международных договоров: Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах, а также двух Факультативных протоколов к нему. Тексты см.: Действующее международное право. — М., Изд-во Московского независимого института международного права. — 1997. — Т.2.— с.5-45.

[5] Women in parliaments 1945-1995. A World Statistical Survey. Series "Reports and Documents", № 23 Inter-Parliamentary Union, Geneva , 1995. — p. 24.

[6] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин / Дж. Мертус. Права женщин — права человека. — М. Глас.,1996.— с.219

[7] Скандинавские государства и Финляндия приняли Акт о равных возможностях как инструмент улучшения положения женщин на рынке труда. Текст см.: Act on Equality between women and men. Ministry for social affairs and health. Publications on Equality. Brochuresissn 1236-993. — p.13.

[8] Pohjoismainen tasa-arvoyhteistyoohjelma 1995-2000. — Tema — Nord, — 33 s.

*Статья поступила в редакцию в июне 2000 г.*

# СОТРУДНИЧЕСТВО СЕВЕРНЫХ СТРАН ПО ВОПРОСАМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РАВНОПРАВИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

И.Е. Рубина*

Общая культура и история Северных государств[1], общие демократические ориентиры и родство скандинавских языков создает возможность для тесного и плодотворного сотрудничества в области равноправия. Совместная деятельность Скандинавских государств и Финляндии в середине 90-х по обеспечению равных возможностей для мужчин и женщин была обусловлена рядом причин. Во-первых, начиная с 80-х годов во всех государствах успешно решался вопрос достижения равноправия; во-вторых, сформировавшийся мировой рынок требовал разрешения экономических проблем, связанных с притоком значительного числа женщин, то есть перераспределения рабочей силы; в-третьих, происходящие изменения в самом обществе — движение в сторону его демократизации, достижение которой невозможно без одинакового участия всех членов общества — мужчин и женщин. Можно говорить, что политика равноправия — это один из элементов социальной модели нового общества, которая требует выработки иного подхода к роли мужчин и женщин, что скажется на далеко идущих переменах в способе организации рынка труда.

Разрабатывая и проводя политику сотрудничества по вопросам равноправия, Северные страны преследуют следующие цели:

- создание предпосылок для совместного участия в широком европейском[2] и международном сотрудничестве через разработку общих воззрений по вопросам социального развития;
- проведение более энергичной и многосторонней национальной работы по вопросам равноправия во всех скандинавских государствах и Финляндии;
- уделение внимания вопросам равноправия в деятельности Совета министров Северных стран.

Для достижения поставленных целей Совет министров северных стран разработал и утвердил Программу сотрудничества в области равноправия на период с 1995 до 2000 года[3]. Реализация Программы предусматривает 2 этапа:

I этап 1995—1997 гг.

II этап 1998—2000 гг.

Примечательно, что Программа — это целостный документ, преследующий достижение равноправия мужчин и женщин, деление же его на периоды необходимо для подведения промежуточных результатов и отчета перед государствами о проводимой работе. Определив конечные

* Старший преподаватель кафедры международного и конституционного права Петрозаводского государственного университета. Подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 2000 год.

цели, Совет министров сформулировал конкретные задачи, которые необходимо решить:

- добиться равноправного участия женщин и мужчин в решении политических и экономических вопросов[5];
- предоставление женщинам возможности влиять на экономику через равное положение и равную оплату труда[6];
- улучшить имеющиеся возможности мужчин и женщин совмещать рабочие обязанности с семейными[7];
- оказывать влияние на проведение политики равноправия в Европе, прежде всего, в Европейском союзе.

Реализация Программы равноправного сотрудничества, как отмечает Совет министров, возможна лишь при планомерном ее решении на трех уровнях: а) местном (уровень коммун); б) национальном (в рамках каждого конкретного государства); в) на региональном (на уровне Северных стран).

Рассмотрим подробнее способы решения поставленных Советом министров задач в приоритетных областях.

В области участия женщин в политической жизни северные государства являются примером[8]. Доля женщин, участвующих в работе парламента, составляет более 30%. Можно говорить, что в этом случае возникает реальная возможность влияния на характер принимаемых решений (так называемая, критическая масса). Но проблема заключается не в том, что женщины занимают сравнительно сильные позиции в избираемых прямым голосованием политических органах. Ибо принятие решений — это процесс, в который входит также составление проектов резолюций, формулировка вопросов и выработка стратегий. Эта работа осуществляется в органах, не избираемых прямым голосованием, — советах директоров, комиссиям по расследованию и комитетах. Женщины недостаточно представлены в этих органах. Однако, решение данной задачи Совмин передал государствам[9], определив для себя необходимость увеличения числа женщин, работающих в его структуре. Каким образом можно расширить представительство женщин в Совмине? Также как и правительства, Совет министров принял трехлетнюю программу увеличения представительства женщин в органах, принимающих решения.[10]

Стратегию, которая была использована, можно обобщить в трех шагах:

Шаг первый: сделать недостаток женщин заметным с помощью статистики, которую можно прослеживать из года в год.

Шаг второй: установить конкретные, с намеченными сроками, цели по увеличению представительства женщин в структурах управления.

Шаг третий: проводить деятельность по достижению этих целей.

Совет министров, как рабочий орган Северного Совета, принял решение, согласно которому для достижения равномерного распределения по признаку пола государственные организации или органы государственной власти на каждое рабочее место должны подавать предложения на двух кандидатов: мужчин и женщин. Кроме того Совмин обязал государства разрабатывать и финансировать проекты

по достижению равноправия. Государства также применяют тактику законодательного квотирования женщин в государственных выборных органах и сильных женских ассоциаций в ведущих политических партиях[11].

Большое значение Совмин придает исследованиям в области влияния женщин на политику. Так, Секретариат публикует не только статистические данные об участии мужчин и женщин в политике, но и аналитические отчеты[12].

Проблемы, связанные с участием женщин на равноправной основе в экономическом секторе, Совет Министров решает двумя основными способами, а именно: изучая и анализируя положение мужчин и женщин на рынке труда, то есть исследуя причины неравного положения женщин и внося предложения по внедрению политики равной оплаты труда в современную систему оценки труда[13].

Основываясь на данных исследований, государства обязаны изменить национальное законодательство с целью улучшения положения женщин на рынке труда[14]. Так, в 1980 г. в Швеции впервые был принят Акт о равноправии мужчин и женщин на рабочих местах (Акт о равных возможностях), который определил строгие правила для работодателей в отношении равной оплаты мужчин и женщин. В 1994 г. он был пересмотрен и приведен в соответствие с правилами о равноправии Европейского союза в связи с предстоявшим вступлением Швеции в Европейский союз[15].

Несмотря на то, что Акт не отражает предубеждения против какого-либо пола, в нем четко заявлено, что главная цель — улучшить условия участия женщин на рынке труда.

Согласно данного закона, работодатели обязаны принимать активные меры для повышения равноправия на рабочих местах. Причем уточняется, что, работодатели должны способствовать "сбалансированному распределению мужчин и женщин" на различных типах рабочих мест и в разных категориях работников, а также предпринимать особые усилия для привлечения работников, принадлежащих к недостаточно представленному полу (данная формулировка юридически уравнивает оба пола, не противопоставляя один другому). Кроме того, Акт возлагает обязанность на работодателей обеспечить для мужчин и для женщин возможность совмещения работы с родительскими обязанностями, не допускать разницы в оплате и других условиях труда между мужчинами и женщинами[16].

Закон четко определяет механизм реализации равноправия в сфере труда. Суть его состоит в том, что работодатель каждый год составляет план обеспечения и повышения равноправия на рабочих местах, в котором указывает не только меры по решению вопросов, но и конкретные сроки их выполнения, причем, в плане следует подвести итог работы по достижению равноправия за предыдущий год. Помимо обязанностей работодателя по обеспечению равноправия на рабочих местах, Акт содержит запрет на дискриминацию по признаку пола[17] как при приеме на работу, так и в условиях найма на работу, включая зарплату, выбор трудовых обязанностей[18] и окончание работы.

Все споры, возникающие в связи с дискриминацией по полу, считаются трудовыми спорами и рассматриваются судами по трудовому законодательству. Санкции заключаются в штрафах, выплачиваемых работодателем работникам, признанным подвергшимися дискриминации по признаку пола.

На наш взгляд, законы о равноправии позволяют, во-первых, всем работникам иметь законодательную основу для защиты своих прав, во-вторых, реализовывать их, достигая равноправия на рабочих местах, то есть на рынке труда. Однако, закон оставался бы законом, если бы государство не создало действующий механизм по достижению равноправия и контроля за соблюдением политики равноправия, в том числе, законодательства. Главная ответственность за обеспечение выполнения положений Акта о равных возможностях лежит на Омбудсмане по вопросам равноправия[19]. Это ведомство финансируется правительством, что показывает заинтересованность последнего в решении проблем равноправия.

Обеспечивая выполнение акта о равноправии, Омбудсман: предоставляет советы, информацию и иную поддержку в случае возможных споров о нарушении запрета на дискриминацию по признаку пола. В полномочия Омбудсмана входит также возможность возбуждения дела в суде по трудовым спорам, когда он считает, что разбор дела установит прецедент или иным образом принесет пользу. В случае необходимости наложения штрафа на работодателя за нарушение закона, Омбудсман направляет запрос в комиссию по равным возможностям[20], которая и отдает распоряжение об установлении и уплате штрафа.

В целом, на национальном уровне общая ответсвенность за решение вопросов равноправия лежит на правительстве, а именно: на министре по делам равенства в министерстве труда. Созданное при Минтруда Управление по делам равенства готовит правительственные решения в данной области и координирует вопросы с другими министерствами. В его задачу входит и организация обучения по вопросам равноправия для политиков и служащих государственных учреждений, епископов, руководителей местных органов власти[21].

При министре по делам равенства работает Совет по вопросам равенства, являющийся рекомендательным органом. В Совете представлены женские организации, политические партии, организации трудящихся и работодателей. Роль Совета заключается в обмене информацией по обеспечению равноправия и обсуждении текущих вопросов равноправия.

Достижение подлинного равноправия мужчин и женщин на рынке труда невозможно без обеспечения условий совмещения трудовых обязанностей с семейными. Как отмечалось выше, данная проблема является приоритетной в деятельности Северных государств. Совет Министров вырабатывает общие направления действий государств по созданию реальных возможностей сочетания семейных обязанностей с трудовыми, приоритетными среди которых являются исследования рынка труда, анализ распределения мужчин и женщин в трудовой сфере и предложения по изменению традиционных ролей мужчины в семье[22].

Реализуются данные исследований Совета министров государствами законодательным путем, а именно, предоставлением отцам права на отпуск по уходу за детьми, так называемый отцовский месяц[23]. Так, 1.01.95 в систему страхования по уходу за детьми Швеции был введен отцовский месяц, который означает, что 30 дней из родительского отпуска резервируется для отца и не могут быть переданы матери. Кроме того, право на десять дней одноразового оплачиваемого отпуска в связи с рождением ребенка[24].

Осознавая необходимость вовлечения мужчин в процесс изменения предписанных ролей, Северный Совет реализует исследовательские программы по проблеме мужественности и использования мужчинами родительских льгот. Совет финансирует данные проекты, разрабатываемые в конкретных государствах[25].

Таким образом, Северный Совет и Совет министров обеспечивают проведение политики равноправия не только через изменения на рынке труда, но и через продуманную семейную политику, главными элементами которой являются: а) обеспечение государствами экономической помощи семьям, по преимуществу в форме пособий на детей и на жилье[26]; б) создание сети детских учреждений, дающих родителям возможность работать; в) разработка на национальном уровне системы страхования родителей, помогающей женщинам и мужчинам воспитывать детей.

Хотелось бы отметить, что, в целом, сотрудничество Северных стран по осуществлению равноправия, в отличие от других государств и международных организаций, основано на философском утверждении, что женщины имеют те же возможности в обществе, что и мужчины, поэтому они имеют право самостоятельно определять и сферу деятельности, и образования. В Европейском же Союзе, в большей степени, действует политика покровительства, определяющая, например, невозможность использования женского труда в ночное время, в различных сферах деятельности. Равноправие возможно лишь при обеспечении равных возможностей мужчин и женщин, а, значит, наличие права выбора. В этом и заключается суть деятельности Северного Совета по достижению равноправия, вся ответственность за проведение которой лежит на Совете Министров Северных стран, точнее — Министерстве равноправия, являющемся составной частью Совмина. Компетенцией разработки общих направлений политики равноправия и принятия решений наделен Рабочий комитет Северных стран по вопросам равноправия. Кроме того, данный орган отвечает за осуществление программ сотрудничества в области равноправия. Действенным, на наш взгляд, является не только наличие продуманной системы обеспечения равноправия, но и учет в работе всех структур Северного Совета политики равноправия.

Анализ Программы сотрудничества Северных стран в области равноправия и законодательства Скандинавских государств и Финляндии позволяет утверждать, что, во-первых, обеспечение равноправия, а, значит, прав и свобод женщин, возможно на международном, региональном уровне; во-вторых, эффективность защиты прав женщин зави-

сит от продуманности политики государства и готовности общества к решению проблем равноправия. На наш взгляд, эффективность сотрудничества северных государств в вопросах достижения равноправия объясняют следующие факторы:

- готовность общества решать вопросы равноправия;
- проведение продуманной политики равноправия, затрагивающей все стороны жизни государства, то есть комплексное решение проблемы в сфере труда, семьи, образования и политики, на а) национальном; б) региональном; в) универсальном уровнях;
- определение приоритетных целей на конкретном этапе сотрудничества и, соответственно, разработка задач по их достижению;
- создание системы конкретных механизмов национального и международного характера (в рамках Северного Совета), обеспечивающих реализацию политики равноправия;
- четкое и планомерное выполнение государствами международных договоров и решений международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций и Европейский Союз;
- комплексные исследования по вопросам равноправия, проводимые и финансируемые государствами и Северным Советом;
- широкое информирование общественности и отчет о целях и результатах проводимой политики равноправия как со стороны государств, так и Северного Совета в целом.

Представляется, что главным фактором эффективного сотрудничества государств в рамках Северного Совета является осознание того, что в демократическом обществе все его члены — как мужчины, так и женщины — имеют право реализовать все имеющиеся у них права и свободы. Поэтому защита прав женщин получила иное звучание — не противопоставление мужчин и женщин, а обеспечение равных возможностей для мужчин и женщин.

---

[1] Под Северными странами следует понимать Скандинавские государства (Швеция, Норвегия, Дания, Исландия) и Финляндию. Сотрудничество осуществляется в рамках Северного совета (образован в 1952 г.) и Совета министров (создан в 1971 г.).

[2] Прежде всего, в рамках Европейского Союза, поскольку Дания, Финляндия, Швеция являются его членами. Основная задача государств в этом направлении состоит в стремлении как можно больше влиять на развитие событий в Европе, прежде всего, по неразрешенным вопросам, таким, например, как равноправие, миграция трудовых ресурсов.

[3] Образован в 1971 г. путем внесения изменений в Хельсинкскую конвенцию 1962 г. Его цель: управление сотрудничеством северных стран посредством представления предложений Северному Совету, реализация рекомендаций Совета и представление ежегодных отчетов.

[4] Pohjoismainen tasa-arvoyhteistyuohjelma 1995-2000. Tema Nord 1995:567. 33 p.

[5] Несмотря на то, что положение женщин в политической и экономической жизни в Северных странах считается наиболее благополучным. Так, представительность женщин в государственных органах составляет около 35 %. См.: Women in Parliaments 1945-1995/ A World Statistical Survey. Geneva, 1995. P. 41.

[6] Например, в Швеции средний доход женщин от оплачиваемой работы составляет 77 % от дохода мужчин. См.: http://www.europa.eu.int/

[7] Так, после ратификации в 1982 г. рекомендации № 165 МОТ и Конвенции № 156 о равных возможностях и равном положении мужчин и женщин на производстве "Работники с семейными обязанностями" в Норвегии в 1993 г. вносится изменение в Закон о социальном обеспечении, закрепляя за отцом право на 4 недели отпуска из декретного отпуска в целом. В Швеции в 1995 г. вводится "отцовский месяц", который не может быть передан матери. Этот шаг предпринят после вступления Швеции в Европейский Союз с целью приведения в соответствие с директивами ЕС Акта о равноправии 1980 г. Северный Совет финансирует проекты "Совмещение семейной и рабочей жизни в определенных профессиях", "Использование отпусков мужчинами по уходу за детьми". См. подробно: http://www.helsinki.fi/

[8] Так, количество женщин в работе парламентов распределяется следующим образом: Швеция — 40,4 %; Норвегия — 39,4 %; Финляндия —33,5 %; Дания — 33,0 %; Исландия — 25,4 %; кроме того, правительство Швеции поставило задачу повысить представительство женщин в государственных органах до 50% в 1998 г. перед созданной комиссией по власти женщин; правительство Швеции в 1997 г. на 50% состояло из женщин.

[9] В Норвегии в 1988 г. ужесточается 21 Закона о равноправии: в общественных комиссиях, государственных органах должно быть не менее 40 % представителей каждого пола; в Конституцию Норвегии внесено изменение, согласно которому женщинам предоставляется равное с мужчинами право наследования престола (действительно для родившихся после 1990 г.)

[10] http://www.un.org/

[11] Партийный состав парламента Швеции

| Партия | Соотношение (%) внутри партии | | Количество мест | |
|---|---|---|---|---|
| | женщины | мужчины | женщины | мужчины |
| социал-демократическая партия | 77 | 84 | 48 | 52 |
| умеренная партия | 22 | 58 | 27 | 73 |
| партия левых | 10 | 12 | 45 | 55 |
| партия зеленых | 8 | 10 | 44 | 56 |

Данные на сентябрь 1994 г.

[12] Как новые формы сотрудничества Северный Совет использует создание банка данных о влиянии женщин на политику, об их представленности в ней. Результаты Программы "Женщина и политика" были опубликованы в двух изданиях: "Демократия для всех", "Время ожидания миновало" 1997.

[13] Для решения проблемы равной оплаты труда, правительства, в первую очередь, проводят специальные исследования различий в оплате труда по признаку пола. Далее, вскрыв причины разницы, ужесточаются Акты о равноправии. Например, в 1994 г. в Швеции изменения в законодательстве обязали работодателей, имеющих десять или более работников, ежегодно составлять таблицу разницы в зарплате своих сотрудников. Данная таблица и мероприятия по выравниванию зарплат вносятся в ежегодный план по достижению равных возможностей, цель которого — выявление неоправданных различий в зарплате. В случае дискриминации в оплате труда по признаку пола работодатель обязан

уплатить штраф работнику, например, в Финляндии он составляет от 15 до 50 тыс. финских марок. Текст Акта о равных возможностях, действующего в Финляндии, см. в Приложении № 3.

[14] Закон № 45 от 09.06.78 Норвегии "О равноправии между полами"; Акт о равноправии мужчин и женщин на рабочих местах 1980 г. в Швеции; Акт о равенстве между мужчинами и женщинами 1987 г. в Финляндии.

[15] Финляндия и Швеция вступили в Евросоюз в 1995 г.

[16] Это происходит в результате приведения национального законодательства в соответствие с ратифицированными конвенциями МОТ по вопросам равноправия.

[17] Примечательно, что во всех законах Северных стран подобного рода нет разделения мужчин и женщин, ибо оба пола могут быть подвергнуты дискриминации, что является нарушением законодательства.

[18] Суть проводимой Северным Союзом политики равноправия состоит не в определении преимуществ на рынке труда для женщин, ибо в этом случае дискриминации будут подвергаться мужчины, а в создании равных возможностей для мужчин и женщин. См.: Pohjoismainen tasa-arvoyhteistyuohjelma 1995-2000.

[19] Для реализации Закона "О равноправии между полами" в Норвегии в 1979 г. учрежден пост Уполномоченного по делам равноправия и Комиссия по обжалованию; в Финляндии создан институт Омбудсмана по равноправию.

[20] Как правило, в Комиссию по равным возможностям входят представители работников и работодателей, юристы, имеющие опыт работы в качестве судей.

[21] Так, с целью образования по вопросам равноправия Северный Совет финансирует проект Nord Lilia. Подробно см.: http://www.uio.no/www-other/nikk/

[22] Совет Министров осуществляет исследовательские проекты: "Совмещение семейной и рабочей жизни в определенных профессиях", "Использование отпусков мужчинами по уходу за детьми".

[23] В Норвегии в 1993 г. вводится отцовская квота: за отцами закрепляется право на 4 недели отпуска из декретного отпуска в целом. См. Закон о социальном обеспечении 1966 г. с изменениями 1993 г.

[24] Например, в 1994 г. в Швеции 45 % мужчин использовали отпуск по уходу за детьми.

[25] Например, деятельность Рабочей комиссии по роли мужчин, назначенной в 1983 г. правительством Швеции, финансировалась также из средств Северного Совета.

[26] Так, ежемесячное пособие на ребенка в Швеции в 1997 г. составляло 640 крон, которые выплачиваются до тех пор, пока ребенку не исполнится 16 лет. Кроме того, предусмотрена система социального страхования на детей.

*Статья поступила в редакцию в июне 2000 г.*

# Консульское право

## НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ РАБОТНИКОВ КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Б.В. Ганюшкин*

Консульские отношения России с иностранными государствами и консульское право продолжают развиваться. Только за время, прошедшее с момента выхода в свет двух предыдущих статей по консульскому праву[1], появились новые консульские учреждения нашей страны за рубежом [2] : в октябре 1999 года было открыто генеральное консульство России в Симферополе (Украина) [3] и почетное генеральное консульство России на территории Гибралтара, входящего в юрисдикционную зону Великобритании.[4]

Были ратифицированы и вступили в силу консульские конвенции России с Таджикистаном от 17 октября 1996 г.[5] и с Кубой от 23 марта 1998 г.[6] 20 ноября 1999 г. наша страна ратифицировала консульскую конвенцию с Индией от 21 декабря 1998 г.[7], и в ближайшее время она также вступит в силу. Новые конвенции не внесли существенных изменений в содержание привилегий и иммунитетов самих консульских учреждений, хотя, разумеется, некоторые вопросы решаются в них иначе, чем раньше.[8]

Что же касается личных привилегий и иммунитетов работников консульства, то как в ранее заключенных, так и в подписанных в последнее время конвенциях имеется немало различий в решении касающихся их вопросов. Это относится, в частности, к такой важной проблеме, как неприкосновенность личности членов персонала консульских учреждений.

Однако, прежде, чем рассматривать любые привилегии и иммунитеты работников консульства, включая неприкосновенность их личности, необходимо выяснить, какие категории персонала имеются в консульствах, поскольку статус работников различных категорий неодинаков. Консульские конвенции в этом вопросе нередко отличаются друг от друга.

Более половины из рассматриваемых здесь двусторонних консуль-

---

* Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1992 г.

ских конвенций, заключенных нашей страной, а также Консульский устав 1976 г. говорят лишь о двух категориях персонала: консульских должностных лицах (должностных лицах консульской службы) и сотрудниках консульства. Причем в указанных документах термин "сотрудник" обычно охватывает как административно-технический, так и обслуживающий персонал. Лишь в отдельных случаях, например, в конвенции с Норвегией, указывается, что под сотрудниками в ней понимается только административно-технический персонал, а об обслуживающем персонале ничего не говорится, и его правовое положение в конвенции никак не определяется.

Некоторые особенности в этом отношении имеет конвенция с Японией. В ней формально различаются лишь две категории работников консульства: должностные лица и сотрудники. Однако, затем оговаривается, что термин "сотрудники консульства" распространяется на обслуживающий персонал за исключением предоставления относящимся к нему лицам иммунитета от уголовной юрисдикции, освобождения их от иных налогов, кроме налога на заработную плату, и освобождения от таможенных пошлин и сборов. Таким образом, по крайней мере, в указанных вопросах, члены обслуживающего персонала выделяются в третью категорию работников консульства.

Каково же значение выделения в составе персонала консульства только двух категорий работников и объединения в одной категории административно-технического и обслуживающего персонала? Укрепляет ли это правовое положение сотрудников или, напротив, как-то ограничивает объем их привилегий и иммунитетов? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Все зависит от содержания каждой конкретной консульской конвенции. Если та или иная конвенция предоставляет сотрудникам достаточно широкие привилегии и иммунитеты, то это положительно сказывается на правовом положении той части сотрудников, которая относится к обслуживающему персоналу, поскольку он по своему статусу как бы "подтягивается" к административно-техническому персоналу. В результате работник обслуживающего персонала консульства может иметь больше привилегий и иммунитетов, чем такой же работник в посольстве, хотя в принципе привилегии и иммунитеты работников консульства, включая должностных лиц, как правило, более узки, чем у работников посольства.

Если же какая-либо консульская конвенция "скупа" на привилегии и иммунитеты для сотрудников, то это негативно сказывается на их правовом положении, причем в этом случае статус работников административно-технического персонала как бы "опускается" до уровня работников обслуживающего персонала, что вряд ли можно считать правильным, поскольку административно-технический персонал выполняет в консульстве более важные функции.

В остальных двусторонних консульских конвенциях, многосторонней Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г. и Положении 1966 г.[9] говорится о трех категориях работников консульства: должностных лицах, сотрудниках (служащих) консульства и членах обслуживающего персонала. В этих документах под сотрудниками (служащими)

понимается только административно-технический персонал. Поскольку в консульских конвенциях, заключенных Россией в последние годы, вопрос о категориях работников консульства решается именно таким образом, по-видимому, есть основания утверждать, что наметилась устойчивая тенденция выделять в составе персонала консульств три указанные категории.

С учетом этого, можно перейти непосредственно к рассмотрению вопроса о неприкосновенности личности различных категорий работников консульства.

Проблема неприкосновенности личности имеет как бы две стороны: во-первых, обязанность государства пребывания обеспечить повышенную охрану лиц, пользующихся ею, их защиту от посягательств на их личность, свободу и достоинство со стороны частных лиц и преступных организаций, и, во-вторых, обязанность властей государства пребывания воздерживаться от их ареста или задержания вообще или за исключением специально предусмотренных случаев.

Первая из этих обязанностей вытекает из общего обязательства государства пребывания, закрепленного в большинстве консульских конвенций, согласно которому, как указывается в статье 40 Венской конвенции 1963 г., "государство пребывания обязано относиться к консульским должностным лицам с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на их личность, свободу и достоинство". Такое закрепление указанной обязанности лишь в отношении должностных лиц встречается и в ряде двусторонних консульских конвенций, например, в конвенции с США, Великобританией, Францией, Швецией, Сомали, Норвегией, Монголией, Никарагуа, Италией, Афганистаном, Мали, Лаосом, Грецией, Вьетнамом, Эфиопией, конвенции с Индией 1998 г. и рядом других стран. В ряде конвенций говорится о защите должностных лиц и членов их семей.

В некоторых других конвенциях, например, с Литвой, Арменией, Украиной, соответствующее обязательство государства пребывания относится только к главе консульства, причем сам термин "защита" не употребляется, а говорится о принятии мер, необходимых для того, чтобы глава консульского учреждения мог исполнять свои обязанности и пользоваться предоставленными ему привилегиями и иммунитетами.

Вместе с тем, имеются конвенции, например, с Эстонией, Республикой Корея, Ганой, Казахстаном и т.д., в которых обязанность государства пребывания обеспечить защиту от преступных посягательств относится ко всем работникам консульства.

Таким образом, различия консульских конвенций в этом вопросе состоят, главным образом, в круге лиц, которым государство пребывания обязано обеспечить защиту от посягательств со стороны частных лиц. Однако, представляется, что и в отношении работников консульства, для которых такая специальная защита не предусмотрена, общая обязанность государства пребывания обеспечивать их защиту от преступных посягательств все-таки существует, поскольку любое государ-

ство обязано обеспечивать хотя бы элементарную безопасность как собственных граждан, так и иностранцев, находящихся на его территории.

Что же касается работников консульства, имеющих право на неприкосновенность личности, то им государство пребывания должно не просто предоставить защиту от посягательств на их личность, свободу или достоинство, но и обеспечить повышенную охрану их личности. Как именно будет она обеспечиваться — это дело государства пребывания. Конечно, оно не может обеспечить каждого работника консульства, пользующегося неприкосновенностью личности, персональной охраной. Но, скажем, такие меры, как охрана служебных и жилых помещений работников консульства, особенно в тех случаях, когда они проживают более или менее компактно в каком-то районе города, или патрулирование таких районов, вполне посильны государству пребывания. Многие государства включили в свое уголовное законодательство специальные нормы, повышающие наказание за посягательства на иностранных представителей.

Возможны и другие меры. Так, некоторые государства идут даже на то, что разрешают иностранным дипломатам хранение и ношение огнестрельного оружия в целях самозащиты[10] . Это может быть разрешено и работникам консульств. Однако, большинство государств воздерживается от этого. Во всяком случае в теории международного права и в практике государств принято исходить из того, что обеспечение неприкосновенности личности иностранных представителей — это обязанность государства пребывания, а не самих этих представителей.

Более того, если неприкосновенность личности дипломата, должностного лица консульской службы или иного представителя иностранного государства нарушается, и он оказывается жертвой преступного посягательства, государство пребывания должно нести за это международную ответственность, даже в тех случаях, когда оно не желало совершения какого-либо преступления против их личности, свободы и достоинства. В подобных случаях государство пребывания несет международную ответственность не за действия преступников, а за бездействие или недостаточно эффективное выполнение своих обязанностей органами государства пребывания, на которые возложено обеспечение неприкосновенности личности иностранных представителей. Невыполнение соответствующими органами государства пребывания своих функций в этой области составляет нарушение международного обязательства государства пребывания, на котором лежит специальная обязанность по защите иностранных представителей от преступных посягательств.

В целях надлежащего выполнения этого международного обязательства государства и принимают законодательные и иные меры по обеспечению неприкосновенности личности иностранных представителей, в том числе работников консульств, имеющих право на международную защиту.

К сожалению, принимаемые меры не всегда оказываются достаточными, и преступные посягательства на работников консульств, так же как и на других иностранных представителей, явление отнюдь не редкое.

Так, в июле 1970 г. группа неизвестных лиц похитила в Монтевидео (Уругвай) генерального консула Бразилии Алонзио Мареса Диаса, в мае 1971 г. был похищен генеральный консул Израиля в Стамбуле (Турция) Эфраим Элром, в феврале 1976 г. во Франкфурте-на-Майне (ФРГ) был убит консул Югославии Э. Здовец, в июне 1983 г. было совершено бандитское нападение на консула нашей страны в Сан-Франциско (США) О. Плотникова, получившего тяжелые ранения, в августе 1993 г. было совершено, к счастью неудачное, нападение на российского консула в Тегеране (Иран) А. Киселева, которого нападавший пытался захватить в качестве заложника[11]. В марте 1999 г. в Санкт-Петербурге было совершено покушение на почетного консула Азербайджана Гудзи Османова, который был ранен выстрелами двух неизвестных лиц, предположительно также азербайджанцев, в помещении консульства[12].

Наиболее опасны посягательства на личность работников консульств, происходящие с ведома или при попустительстве властей государства пребывания. Так, в 1996 г. в Мьянме (бывшая Бирма) был арестован почетный консул Леандр Никольс, представлявший в этой стране интересы Финляндии, Норвегии, Дании и Швеции.[13] Поскольку он был почетным консулом и гражданином Мьянмы, он не имел права на привилегии и иммунитеты и, в частности, на неприкосновенность личности. Поэтому сам по себе его арест, хотя по утверждению прессы он имел политическую подоплеку, нельзя считать противоправным. Однако, тот факт, что его подвергли жестоким пыткам и замучили до смерти, вызвал возмущение правозащитных организаций и общественности многих стран[14] .

Эти и другие примеры преступных посягательств на работников консульств в разных странах свидетельствуют о необходимости дополнительных усилий всех государств по обеспечению неприкосновенности личности иностранных представителей, пользующихся международной защитой.

Успешное решение этой задачи зависит от многих факторов: мер по снижению преступности, совершенствования работы правоохранительных органов и т.п.

Что касается второй стороны обеспечения неприкосновенности личности работников консульства — защиты их от неправомерного воздействия властей государства пребывания, неоправданного ареста или задержания членов персонала консульства, имеющих право на неприкосновенность личности, то для решения этой задачи требуется прежде всего четко знать и строго соблюдать соответствующие положения консульских конвенций всеми, кто имеет к этому отношение.

В отечественной правовой литературе многие авторы, говоря о личных привилегиях и иммунитетах работников консульства, включая неприкосновенность личности, высказывали мнение относительно "более ограниченного характера их привилегий и иммунитетов по сравнению с дипломатическими"[15], справедливо утверждая, что "объем консульских привилегий и иммунитетов обычно несколько уже объема привилегий и иммунитетов, предоставляемых персоналу дипломатических представительств"[16] . В некоторых работах это утверждение касалось

непосредственно неприкосновенности личности: "эта личная неприкосновенность, — писал, например, К.К. Сандровский, — в принципе сейчас признается всеми государствами, однако, она не распространяется так далеко, как у дипломатов, не носит абсолютного характера"[17] .

Это действительно так, однако, содержание консульских конвенций по этому вопросу очень разнообразно.

По конвенциям со многими развивающимися государствами, некоторыми из стран Восточной Европы и СНГ[18] всем работникам консульства, включая сотрудников и обслуживающий персонал, если он выделяется в отдельную категорию,[19] а также проживающим вместе с ними членами их семей,[20]предоставляется неприкосновенность личности, которую условно можно назвать полной, поскольку она означает, что они не могут быть арестованы или задержаны в какой бы то ни было форме. При этом указывается, что государство пребывания обязано относиться к ним с должным уважением и предотвращать всякие посягательства на их личность, свободу и достоинство. По конвенциям этой группы такая полная неприкосновенность личности предоставляется работникам консульства и членам их семей при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно.

Конвенции с Ираком и Афганистаном предусматривают столь же полную неприкосновенность личности всех работников консульства, причем такая неприкосновенность личности по этим двум конвенциям распространяется даже на работников консульства из числа граждан государства пребывания или лиц, постоянно проживающих в нем, в тех случаях, когда они находятся при исполнении служебных обязанностей. Разумеется, это не относится к членам их семей, которые не выполняют в консульстве служебных обязанностей. Нельзя не отметить, что предоставление гражданам государства пребывания неприкосновенности личности, да и вообще каких-либо привилегий и иммунитетов, хотя бы в связи с исполнением ими служебных обязанностей, является, мягко говоря, необычным и в других конвенциях, как правило, не предусматривается.

По конвенциям с Сомали и Монголией полная неприкосновенность личности предоставляется всем работникам консульства и членам их семей, проживающим вместе с ними, лишь при условии, что они не являются гражданами государства пребывания, а требование о том, что они не должны быть лицами, постоянно проживающими в нем, отсутствует. Следовательно, если работником консульства или членом его семьи окажется гражданин какого-либо третьего государства или лицо без гражданства, постоянно проживающие в государстве пребывания, то по этим двум конвенциям они будут пользоваться полной неприкосновенностью личности. Правда, в них, как обычно, предусматривается, что должностными лицами консульской службы могут быть лишь граждане представляемого государства, но это требование не относится к другим работникам консульства и членам их семей.

Аналогичным образом решен этот вопрос в конвенции с Великобританией, в статье 17 которой указывается, что "личность консульского

должностного лица или сотрудника консульства неприкосновенна". Однако, содержание предоставляемой им неприкосновенности личности не раскрывается, хотя с учетом формулировок, имеющихся в различных консульских конвенциях, это является отнюдь не лишним. За отсутствием каких-либо иных указаний на этот счет можно по-видимому исходить из предположения, что конвенция с Великобританией закрепляет полную неприкосновенность личности всех работников консульства: должностных лиц и сотрудников. Такой же неприкосновенностью личности по этой конвенции пользуются члены семьи работников консульства, если они не являются гражданами государства пребывания.

И, напротив, по конвенциям с Боливией, Никарагуа и Экваториальной Гвинеей полная неприкосновенность личности предоставляется всем работникам консульства и проживающим вместе с ними членам их семей лишь при условии, что они являются гражданами представляемого государства. Поэтому не только гражданин государства пребывания, но и гражданин любого третьего государства или апатрид, работающие в консульстве или являющиеся членами семей работников консульства, не могут, по этим конвенциям, пользоваться неприкосновенностью личности.

Однако, при всех оговорках и дополнительных условиях конвенции этой группы в принципе признают за всеми работниками консульства и членами их семей, удовлетворяющими требованиям соответствующей конвенции, полную неприкосновенность личности, означающую, что они не могут быть арестованы или задержаны в любой иной форме.

Другая группа конвенций признает неприкосновенность личности только за должностными лицами и лишь в ограниченном объеме, поскольку по этим конвенциям допускается возможность в определенных случаях лишать свободы даже должностных лиц.

Так, согласно п. 3 статьи 11 Консульской конвенции с Францией "консульское должностное лицо не подлежит ни аресту, ни лишению свободы в любой другой форме, иначе как по предъявленному ему судебными властями обвинению в совершении тяжкого преступления, влекущего в соответствии с законодательством государства пребывания лишение свободы сроком не менее пяти лет, или на основании вступившего в силу приговора суда". Лишение свободы сроком на пять лет служит критерием отнесения преступления к категории тяжких и в других конвенциях, допускающих арест работников консульства в случае совершения таких преступлений. Разумеется, срок лишения свободы за совершение преступления, используемый в качестве критерия для отнесения его к категории тяжких, может не обязательно быть пятилетним или более длительным. Так, по конвенции между США и Коста-Рикой 1948 г. этот срок лишения свободы установлен в один год или более. Возможно даже, что стороны установят разные сроки заключения в качестве критерия отнесения преступлений к числу тяжких. Так, по статье 14 англо-итальянской консульской конвенции 1954 г. Англия считает тяжким преступлением, за которое предусмотрено наказание в 5 лет лишения свободы и более, а Италия — тюремное заключение на срок не менее 3 лет[21]. На практике это может привести к нарушению

принципа взаимности. Так, в приведенном примере должностное лицо английского консульства в Италии, совершившее преступление, за которое по итальянским законам полагается лишение свободы, скажем, на срок в 4 года, может быть подвергнуто предварительному заключению, тогда как должностное лицо итальянского консульства в Англии, совершив преступление, за которое ему грозит тот же срок заключения, до суда останется на свободе.

Очевидно, имея в виду возможность таких ситуаций, некоторые российские юристы высказывают мнение о том, что "сомнительна вообще необходимость в установлении связи между тяжким преступлением и арестом консула"[22]. Однако, отказаться от этого можно было бы лишь в том случае, если бы консульские конвенции не предусматривали возможность ареста консульских должностных лиц в случае совершения ими тяжких преступлений. Но поскольку многие конвенции допускают это, целесообразно указывать критерий отнесения того или иного преступления к категории тяжких непосредственно в консульской конвенции. И если это не удалось сделать при заключении Венской конвенции 1963 г., то в большинстве двусторонних консульских конвенций, в которых об этом идет речь, такой критерий указан.

Что же касается консульских конвенций с участием России, то во всех случаях, когда подобный критерий устанавливается, речь идет о пятилетнем сроке лишения свободы или более строгом наказании, и это условие применяется одинаково обеими договаривающимися сторонами.

Формулировка, подобная той, которая приведена в конвенции, заключенной между нашей страной и Францией, содержится также в конвенциях с Республикой Корея, Албанией и в Положении 1966 г. Она означает, что консульское должностное лицо может быть лишено свободы по приговору суда за любое преступление, если приговор предусматривает наказание в виде тюремного заключения на тот или иной срок, а в случае совершения тяжкого преступления — подвергнут предварительному заключению и до суда будет находиться под стражей. При этом в конвенциях этой группы обычно указывается, что если против консульского должностного лица возбуждается уголовное дело, это лицо обязано явиться в соответствующие органы государства пребывания. Тем не менее, при производстве дела ему должно оказываться уважение ввиду его официального положения и, кроме случаев, допускающих лишение его свободы, должно создаваться как можно меньше препятствий для выполнения им консульских функций. Когда возникает необходимость в предварительном задержании должностного лица, следствие и рассмотрение его дела в суде должны производиться в возможно короткие сроки.

Остальным работникам консульства и членам семьи должностных лиц по этим конвенциям и Положению 1966 г. даже такая ограниченная неприкосновенность личности не предоставляется.

В некоторых других конвенциях возможность предварительного заключения должностного лица связывается не с тяжестью наказания за преступление, а с его характером, с его объективной стороной. Так,

согласно статье 8 консульского договора с ФРГ, неприкосновенность личности предоставляется только консулу (главе консульского учреждения) и должностным лицам, которые "не могут быть подвергнуты аресту или иному ограничению свободы... за исключением таких случаев, когда речь идет о применении наказания в соответствии с вступившим в законную силу приговором суда или о преследовании за уголовное преступление против жизни или личной свободы, если провинившийся[23] застигнут на месте происшествия". Аналогичная формулировка содержится в консульском договоре с Австрией, однако в нем подчеркивается, что речь идет о "преднамеренном" преступлении против жизни и личной свободы, а оговорка о том, что при этом виновный должен быть застигнут на месте происшествия, отсутствует.[24]

Из формулировок, содержащихся в договорах с ФРГ и Австрией, вытекает, что должностное лицо, виновное, скажем, в неосторожном убийстве или причинении телесных повреждений в результате дорожно-транспортного происшествия, похищении какого-либо лица с целью получения выкупа и т.п., может быть подвергнуто предварительному заключению. Правда, при этом по договору с ФРГ необходимо, чтобы он был застигнут на месте происшествия, а по договору с Австрией требуется доказать, что преступление было совершено им преднамеренно. Но, поскольку это — преступление против жизни или свободы, предварительное заключение в этом случае допустимо. Если же должностное лицо обвиняется в совершении кражи, неповиновении властям или даже в шпионаже, то до суда обвиняемый в этих преступлениях будет находиться на свободе, так как при всей тяжести некоторых из таких преступлений, они не могут квалифицироваться как преступления против жизни и свободы. После суда, если его приговорят к лишению свободы на тот или иной срок, должностное лицо и в том, и в другом случае может быть заключено в тюрьму.

Членам семьи должностного лица, другим работникам консульства и членам их семей даже такая ограниченная неприкосновенность личности по договорам с ФРГ и Австрией не предоставляется.

В остальных консульских конвенциях в разных вариантах сочетается предоставление полной неприкосновенности личности должностным лицам и непредоставление ее другим работникам консульства, либо предоставление должностным лицам полной неприкосновенности личности, а работникам других категорий — ограниченной, допускающей их арест, в случае совершения преступлений.

Так, по конвенциям с Египтом, Молдовой, Туркменистаном и Таджикистаном, из трех категорий работников консульства полная неприкосновенность личности предоставляется только должностным лицам и проживающим вместе с ними членам их семьи, при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно. Так же решается этот вопрос и в конвенции с Кубой, однако, по российско-кубинской конвенции достаточно, если они не являются гражданами государства пребывания, а требование о том, чтобы они не были лицами, постоянно проживающими в нем, в этой конвенции отсутствует. На сотрудников консульства, работников

обслуживающего персонала и членов их семей неприкосновенность личности по этим пяти конвенциям не распространяется.

По статье 14 конвенции с Эфиопией полной неприкосновенностью личности пользуются лишь должностные лица и члены их семей при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно. Однако, далее в этой конвенции оговаривается, что даже на должностных лиц и членов их семей из числа граждан государства пребывания и постоянно проживающих в нем иностранцев неприкосновенность личности распространяется в тех случаях, "когда они находятся при исполнении служебных обязанностей". Это еще один из чрезвычайно редких случаев предоставления иммунитетов гражданам государства пребывания, работающим в иностранном консульстве.

Впрочем, эта оговорка в данном случае является, по-видимому, излишней и не может найти практического применения, поскольку в соответствии с п. 3 статьи 2 конвенции с Эфиопией, так же как и по конвенциям с другими странами, должностными лицами могут быть только граждане представляемого государства, а не работающие в консульстве члены их семьи не выполняют в нем служебных обязанностей. Даже если представить себе, что член семьи сам работает в качестве консульского должностного лица, он для этого должен быть гражданином представляемого государства. Возможен, конечно, случай, когда, являясь гражданином третьего государства или апатридом, член семьи должностного лица работает в консульстве в качестве сотрудника[25] . Но в этом случае он и при исполнении служебных обязанностей не может пользоваться неприкосновенностью личности, поскольку на сотрудников консульства, даже если они являются гражданами представляемого государства, неприкосновенность личности по конвенции с Эфиопией вообще не распространяется.

Согласно п.1 статьи 14 конвенции с Вьетнамом полной неприкосновенностью личности пользуются, строго говоря, только сами должностные лица, а на членов их семей, сотрудников консульства и членов семей таких сотрудников она не распространяется. Однако, из содержания п. 2 статьи 14 этой конвенции косвенно можно сделать вывод о том, что членам семьи должностных лиц, не являющихся гражданами государства пребывания[26], неприкосновенность личности все-таки предоставляется, так как в п. 2 этой статьи запрещается принимать в отношении них исполнительные меры, если такие меры нарушают "неприкосновенность их личности".

По договору с КНР полная неприкосновенность личности предоставляется только должностным лицам и членам их семей, при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно. Сотрудники же и члены их семей, при тех же условиях, пользуются лишь ограниченной неприкосновенностью личности, допускающей возможность их ареста при совершении преступлений.[27] Причем в отличие от других консульских конвенций, предусматривающих возможность предварительного заключения работников консульства при совершении тяжких преступлений, в договоре с

КНР говорится о том, что это допускается при обвинении сотрудников консульства "в совершении действий, наказуемых по закону" государства пребывания. Не вполне ясно, следует ли понимать такую формулировку в том смысле, что предварительное заключение сотрудников консульства и членов их семей возможно при совершении ими не только тяжких, но и любых других преступлений.

По конвенциям с Бельгией, Италией, Грецией и Маврикием полная неприкосновенность личности предоставляется только главе консульства, но не распространяется даже на членов его семьи.

Остальные должностные лица пользуются лишь ограниченной неприкосновенностью личности, причем по конвенциям с Бельгией, Италией и Грецией предварительное заключение должностных лиц допускается при совершении ими умышленных тяжких преступлений, тогда как в конвенции с Маврикием указание на умышленный характер преступления отсутствует. Ничего не говорится в этих конвенциях о неприкосновенности личности членов семей должностных лиц.

Сотрудникам и работникам обслуживающего персонала, а также членам их семей неприкосновенность личности по этим конвенциям не предоставляется.

Близка по содержанию к этим конвенциям и конвенция с Сирией, также наделяющая полной неприкосновенностью личности только главу консульства, но распространяющая ее и на членов его семьи, гражданство и место постоянного проживания которых не оговариваются. Остальным должностным лицам и членам их семей, при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно, предоставляется лишь ограниченная неприкосновенность личности, а на сотрудников и членов их семей неприкосновенность личности вообще не распространяется.

По существу такая же формулировка содержится и в конвенции с Норвегией, по которой полной неприкосновенностью личности пользуются глава консульства и члены его семьи, не являющиеся гражданами государства пребывания или лицами, постоянно проживающими в нем. Должностным лицам и проживающим вместе с ними членам их семей при условии, что они не являются гражданами государства пребывания (требование о том, что они не должны постоянно проживать в нем, отсутствует), предоставляется ограниченная неприкосновенность, а за сотрудниками[28] и членами их семей она не признается вообще. Эту конвенцию можно было бы и не выделять среди других аналогичных конвенций, если бы в ней не содержалось одно положение, смысл которого не вполне ясен: после раскрытия содержание ограниченной неприкосновенности личности должностных лиц, которые могут быть лишены свободы по приговору суда или в случае совершения тяжких преступлений, в этой конвенции указывается, что "исключение из этого положения возможно по просьбе представляемого государства или с его согласия". Если это означает возможность отказа от неприкосновенности личности должностных лиц в тех случаях, когда они имеют на нее право, то для этого не требуется просьбы со стороны представляемого государства или его согласия с предложением об этом государства

пребывания. Представляемое государство в тех случаях, когда оно считает возможным и целесообразным отказаться от того или иного иммунитета должностного лица, может сделать это вполне самостоятельно, уведомив о своем решении власти государства пребывания. Если же в эту фразу вложен какой-то иной смысл, то его было бы желательно пояснить.

По конвенции с Мали полной неприкосновенностью личности пользуются только должностные лица и сотрудники консульства, а также члены их семей, имеющие дипломатические и служебные паспорта. На должностных лиц и сотрудников, не имеющих дипломатических и служебных паспортов, на членов их семей, на работников обслуживающего персонала и членов их семей неприкосновенность личности не распространяется.

По действующей конвенции с Индией 1986 г. глава консульства и должностные лица, имеющие дипломатические паспорта, пользуются полной неприкосновенностью личности, но это не распространяется на членов их семей, хотя они пользуются иммунитетом от юрисдикции.

Консульским должностным лицам, не имеющим дипломатических паспортов, предоставляется ограниченная неприкосновенность личности, допускающая лишение их свободы по приговору суда или в случае совершения ими тяжких преступлений. Причем понятие тяжкого преступления в этой конвенции никак не определяется, поэтому для выяснения того, относится ли то или иное преступление к категории тяжких, следует обращаться к законодательству государства пребывания.[29] Законодательство соответствующего государства, конечно, даст ответ на этот вопрос. Однако, включение необходимого критерия в текст консульской конвенции представляется более предпочтительным .

Относительно неприкосновенности личности членов семьи должностных лиц, не имеющих дипломатических паспортов, в конвенции нет прямых указаний, но в ней говорится, что члены семьи таких должностных лиц "пользуются тем же статусом в отношении уголовной юрисдикции государства пребывания, что и консульское должностное лицо, не имеющее дипломатического паспорта". Однако, это вряд ли дает основание утверждать, что таким же статусом они пользуются и в отношении неприкосновенности личности. В данном случае недостаточная четкость формулировки объясняется по-видимому тем, что в этой конвенции, как и в некоторых других, вопросы о неприкосновенности личности и об иммунитете от юрисдикции излагаются в одной и той же статье, а это не всегда позволяет обеспечить ясное изложение как того, так и другого вопроса.

Сотрудникам, работникам обслуживающего персонала и членам их семей неприкосновенность личности по этой конвенции вообще не предоставляется.

В новой конвенции с Индией, подписанной 21 декабря 1998 г., этим вопросам посвящены две разные статьи. Согласно статье 18, "консульские должностные лица, имеющие дипломатические паспорта, и члены их семей пользуются личной неприкосновенностью. Они не подлежат аресту или задержанию в какой бы то ни было форме". Таким образом,

по крайней мере в отношении членов семьи должностных лиц, имеющих дипломатические паспорта, внесена ясность: они пользуются такой же полной неприкосновенностью личности, как и должностные лица, обладающие дипломатическими паспортами.

Все прочие вопросы, касающиеся неприкосновенности личности, в новой конвенции решаются так же, как и в предыдущей: должностным лицам, не имеющим дипломатических паспортов, предоставляется лишь ограниченная неприкосновенность личности, но она не распространяется на членов их семей. Всем остальным работникам консульства и членам их семей неприкосновенность личности также не предоставляется.

Нельзя не отметить, что наделение должностных лиц полной или только ограниченной неприкосновенности личности в зависимости от наличия или отсутствия у них дипломатических и служебных паспортов, по конвенции с Мали, или дипломатических паспортов, по конвенции с Индией, довольно редкое явление в консульском праве. Обычно лицам той или иной категории в составе персонала консульства привилегии и иммунитеты предоставляются в зависимости не от того, какой у них паспорт, а от того, какие функции они выполняют в консульстве. Поэтому вряд ли можно считать вполне справедливым, что должностные лица, выполняющие одинаковые функции, наделяются разным объемом иммунитетов только потому, что у одних из них есть дипломатический паспорт, а у других — нет. Однако, коль скоро участники указанных двух конвенций решили увязать неприкосновенность личности с видом паспорта, с этим надо считаться.

Никому из работников консульства, даже его главе, полная неприкосновенность личности не предоставляется по конвенциям с Югославией[30] и Турцией. Все должностные лица, включая консула, и проживающие вместе с ними члены их семей, если они не являются гражданами государства пребывания или лицами, постоянно проживающими в нем, пользуются лишь ограниченной неприкосновенностью личности, а на сотрудников консульства, работников обслуживающего персонала и членов их семей она вообще не распространяется.

Точно так же только должностным лицам и членам их семей, если они не являются гражданами государства пребывания, предоставляется ограниченная неприкосновенность личности по конвенции со Швецией. Однако, в ней нет требования о том, чтобы члены семьи должностного лица не проживали постоянно в государстве пребывания, достаточно, если они не являются гражданами государства пребывания. Интересной особенностью этой конвенции является также то, что допуская лишение должностного лица свободы в случае совершения им тяжкого преступления, она не предусматривает возможности лишения его свободы по приговору суда за преступления, не считающиеся тяжкими[31]. Наконец, анализируя конвенцию со Швецией, следует иметь в виду, что согласно второму протоколу к этой конвенции, должностные лица и сотрудники консульств обеих сторон кроме привилегий и иммунитетов, предусмотренных в ней, имеют право на основе взаимности на любые другие привилегии и иммунитеты, которые предоставлены или

могут быть предоставлены одной из договаривающихся сторон соответствующим категориям персонала консульств какого-либо третьего государства. Таким образом, российско-шведская конвенция устанавливает для работников консульств режим наибольшего благоприятствования в области привилегий и иммунитетов. Следовательно, если Швеция предоставит на своей территории должностным лицам консульства какого-либо государства, скажем США или Франции, полную неприкосновенность личности, то Россия будет вправе рассчитывать на предоставление такой же неприкосновенности личности должностным лицам российских консульств в Швеции, разумеется, на основе взаимности. Следует, однако, отметить, что указанный протокол к конвенции со Швецией является единственным документом такого рода, и к другим консульским конвенциям, заключенным нашей страной с иностранными государствами, подобные протоколы не принимались.

В соответствии с конвенцией с Румынией полная неприкосновенность личности предусматривается для должностных лиц, сотрудников и членов их семей, при условии, что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно. На работников обслуживающего персонала и членов их семей неприкосновенность личности не распространяется.

По консульским конвенциям, заключенным Россией в последние годы с Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией, Арменией, Украиной, Грузией, Кыргызстаном, Узбекистаном, Беларусью, Азербайджаном и Болгарией, полная неприкосновенность личности предоставляется лишь должностным лицам и членам их семей, при условии, что они не только не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно, но и не занимаются в государстве пребывания трудовой деятельностью за вознаграждение. Сотрудники, работники обслуживающего персонала и члены их семей, по указанным конвенциям, вообще не пользуются неприкосновенностью личности.

По статье 41 Венской конвенции 1963 г. ограниченной неприкосновенностью личности пользуются только сами должностные лица, которые не подлежат аресту или предварительному заключению иначе как в случае совершения тяжких преступлений или на основании приговора суда. Венская конвенция не дает оснований даже косвенно предположить, что такая неприкосновенность личности предоставляется членам семьи должностных лиц, служащим консульства, работникам обслуживающего персонала и членам их семей.

В конвенции с Тунисом неприкосновенность личности кого бы то ни было из работников консульства прямо не упоминается. Однако, из статей 17 и 18 этой конвенции косвенно можно сделать вывод, что неприкосновенность личности все-таки предоставляется по крайней мере должностным лицам, включая главу консульства, и членам их семей, не являющимся гражданами государства пребывания и не проживающим в нем постоянно. Содержание неприкосновенности личности не раскрывается, но, поскольку подчеркивается, что любые исполнительные меры в отношении них могут приниматься только "без нарушения неприкосновенности их личности", речь по-видимому идет

о полной неприкосновенности личности должностных лиц и членов их семей. Это подтверждается закреплением в статье 17 обязательства государства пребывания "относиться к консульским должностным лицам и членам их семей, проживающим вместе с ними, с должным уважением и принимать все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на их личность, свободу и достоинство". Такая формулировка обычно содержится в конвенциях, закрепляющих полную неприкосновенность личности тех, кого она касается. Очевидно, что и по этой конвенции арест или задержание должностных лиц или членов их семей можно рассматривать как посягательство на их личность, свободу и достоинство, предупреждать которое государство пребывания обязано даже в тех случаях, когда такое посягательство исходит от властей этого государства. Однако, как представляется, прямое и четкое закрепление неприкосновенности личности должностных лиц и членов их семей было бы более целесообразным. Нечеткость формулировки, содержащейся в конвенции с Тунисом, проявляется также в том, что в ней не указывается, связывается ли предоставление неприкосновенности личности должностным лицам и членам их семей с их гражданством и местом постоянного проживания. Правда, должностными лицами по этой конвенции, как и по многим другим, могут быть лишь граждане представляемого государства, но членами их семей могут быть граждане третьих стран и даже граждане государства пребывания или апатриды, а также лица, постоянно проживающие в государстве пребывания. И конвенция с Тунисом не дает ответа на вопрос о том, будут ли пользоваться неприкосновенностью личности члены семей должностных лиц, не являющиеся гражданами представляемого государства.

Никаких указаний относительно неприкосновенности личности сотрудников консульства, работников обслуживающего персонала и членов их семей в конвенции с Тунисом также не содержится.

Косвенный вывод о предоставлении неприкосновенности личности должностным лицам и членам их семей можно сделать на основании статей 14 и 15 конвенции с Ганой. Правда, объем неприкосновенности их личности не раскрывается, но можно предположить, что по крайней мере ограниченной неприкосновенностью личности они обладают. Такой вывод представляется логичным, поскольку даже сотрудники и работники обслуживающего персонала, если они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно, пользуются ограниченной неприкосновенностью личности, то есть не подлежат аресту или лишению свободы в иной форме, иначе как в случае совершения тяжкого преступления или на основании приговора суда. Причем тяжкое преступление, о котором идет речь, должно быть умышленным. Правовое положение должностных лиц по-видимому не может быть хуже, чем у сотрудников или работников обслуживающего персонала. Однако, следует отметить, что по конвенции с Ганой неприкосновенность личности не распространяется на членов семей сотрудников консульства и работников обслуживающего персонала.

Вывод о полной неприкосновенности личности должностных лиц и членов их семей, не являющихся гражданами государства пребывания

и не проживающих в нем постоянно, можно сделать по статье 15 конвенции с Эквадором, поскольку в ней указывается, что они "не могут быть подвергнуты принудительным мерам" со стороны государства пребывания. В отношении сотрудников и работников обслуживающего персонала косвенно можно сделать вывод, что они пользуются неприкосновенностью личности по крайней мере при исполнении служебных обязанностей. В этом случае, как указывается в этой конвенции, они не могут подвергаться принудительным мерам, а исполнительные меры могут применяться к ним только "без нарушения неприкосновенности их личности". Однако, неясно, пользуются ли они неприкосновенностью личности в тех случаях, когда они не находятся при исполнении служебных обязанностей. На членов семей сотрудников и работников обслуживающего персонала неприкосновенность личности, по этой конвенции, вообще не распространяется.

Наконец, в консульских конвенциях с США, Японией, Финляндией, Мексикой, а также в Консульском уставе 1976 г. вовсе нет статей о неприкосновенности личности кого бы то ни было из работников консульства.

Учитывая большое разнообразие содержания консульских конвенций и договоров по этому вопросу, российское законодательство, в частности Положение 1966 г., закрепило лишь ограниченную неприкосновенность личности, предоставляемую только должностным лицам. Согласно статье 25 этого Положения, должностные лица "пользуются личной неприкосновенностью и не могут быть подвергнуты задержанию или аресту, иначе как в случае совершения тяжкого преступления или исполнения вступившего в законную силу приговора суда".[32] Из этой формулировки вытекает, что члены семьи должностных лиц неприкосновенностью личности[33] не пользуются. Не предоставляется в соответствии с Положением 1966 г. неприкосновенность личности также остальным работникам консульств и членам их семей. Разумеется, если какой-либо консульской конвенцией, в которой участвует Россия, устанавливается иное, то действуют нормы соответствующей конвенции.

В заключение следует отметить, что в ряде конвенций, предоставляющих членам персонала консульства лишь ограниченную неприкосновенность личности и допускающих возможность их ареста или задержания в определенных случаях, содержится обязательство государства пребывания уведомлять представляемое государство об аресте работника консульства или возбуждении против него уголовного дела. При этом формулировки различных конвенций по этому вопросу также неодинаковы. Так, в статье 42 Венской конвенции 1963 г. указывается: "В случае ареста или предварительного заключения какого-либо работника консульского персонала, или возбуждения против него уголовного дела государство пребывания незамедлительно уведомляет об этом главу консульского учреждения. Если последний сам подвергается таким мерам, государство пребывания уведомляет об этом представляемое государство по дипломатическим каналам". Анализируя эту статью, И.П. Блищенко отмечал, что поскольку в ней идет речь о "консульском персонале", то есть обо всех работниках консульства, она противоречит

статье 41 Венской конвенции, предоставляющей личную неприкосновенность должностным лицам консульства за исключением случаев совершения ими тяжких преступлений или вступления в силу приговора суда[34]. Наверное, это замечание справедливо. Однако, по-видимому, основное значение статьи 42 состоит в том, чтобы закрепить обязанность государства пребывания уведомлять главу консульства об аресте или задержании любого работника консульства во всех случаях, когда лишение его свободы допускается.

В конвенциях с Турцией, Италией, Маврикием и рядом других стран уведомления об аресте или задержании предусматриваются только в отношении должностных лиц, по конвенциям с Югославией, Республикой Корея и т.д. — в отношении любого работника консульства. Любопытна в этом отношении конвенция с Ганой, в которой говорится об обязанности делать уведомления только в отношении сотрудников и работников обслуживающего персонала, но ничего не сказано об уведомлениях в отношении должностных лиц. Это, очевидно, следствие недостаточной ясности вопроса о том, предоставляется ли по этой конвенции неприкосновенность личности должностным лицам и, если предоставляется, то в каком объеме. Как уже указывалось, вывод об этом по конвенции с Ганой может быть сделан только косвенно, поскольку прямых указаний в ней нет. Если исходить из того, что должностные лица по этой конвенции пользуются лишь ограниченной неприкосновенностью личности и могут быть арестованы в случае совершения преступлений, то уведомления об их аресте необходимо делать. Если же считать, что должностные лица по этой конвенции пользуются полной неприкосновенностью личности, то необходимость в каких-либо уведомлениях в отношении них, естественно, отпадает, поскольку исключается сама возможность их ареста или задержания.

Неодинаковы и положения разных конвенций о сроках таких уведомлений. В большинстве конвенций говорится лишь в общей форме об обязанности делать такие уведомления "незамедлительно" или "в кратчайший срок". Но встречаются и более развернутые формулировки. Так, по договорам с ФРГ и Австрией, если должностное лицо арестовано или в отношении его должно быть начато следствие, государство пребывания обязано "заранее" поставить об этом в известность посольство представляемого государства. Однако, в случае задержания его на месте преступления, государство пребывания обязано поставить посольство в известность об этом "немедленно после задержания".

Не совсем одинаково решается и вопрос о том, кого следует поставить в известность об аресте или задержании работника консульства: в одних конвенциях уведомляется глава консульского учреждения, в других либо глава консульского учреждения, либо глава дипломатического представительства (Югославия, Турция), причем выбор, очевидно предоставлен на усмотрение государства пребывания, в третьих говорится о том, что уведомление делается "дипломатическим путем", то есть уведомляется представляемое государство, но, по-видимому, через его посольство (Франция, Бельгия, Греция, Гана), а в конвенциях с некоторыми странами, например, с Италией, прямо говорится, что об этом информируется дипломатическое представительство.

Наконец, следует отметить, что более чем в половине двусторонних консульских конвенций, в которых участвует наша страна, а также в Положении 1966 г. статьи об уведомлениях вообще отсутствуют.

При условии, что соответствующее государство является участником Венской конвенции 1963 г., его обязанность делать уведомления об аресте или задержании работников консульства, не пользующихся полной неприкосновенностью личности, вытекает из статьи 42 этой конвенции. Что же касается государств, не присоединившихся к Венской конвенции 1963 года, то, разумеется, если обязанность любого такого государства уведомлять об аресте или задержании членов персонала консульства прямо не зафиксирована в двусторонней консульской конвенции, то юридически нет оснований требовать от него таких уведомлений. Конечно, в тех случаях, когда всем работникам консульства предоставляется полная неприкосновенность личности, как это предусмотрено в ряде рассмотренных выше конвенций, и никто из членов персонала консульства не может быть арестован или задержан в какой бы то ни было форме, в таких уведомлениях нет необходимости. Однако, если такая полная неприкосновенность личности не предоставляется тем или иным категориям работников консульства, включение в консульские конвенции положений относительно таких уведомлений отнюдь нельзя считать излишним. И если уж государство пребывания, согласно протоколам, прилагаемым обычно к консульским конвенциям, обязано уведомлять консульство об аресте или задержании любого гражданина представляемого государства, то в отношении работников консульства это тем более оправданно.

Представляется, что при заключении в будущем консульских конвенций, не предусматривающих полной неприкосновенности личности всех членов персонала консульства, было бы целесообразно включать в каждую из них положение об обязанности государства пребывания уведомлять консульство или посольство представляемого государства об аресте или задержании работников консульства. Это содействовало бы упрочению их правового положения. При этом, кроме случаев совершения тяжких преступлений, когда допускается предварительное заключение работников консульства, или задержания их на месте преступления, следует предусмотреть, чтобы такие уведомления делались заранее.

Таким образом, как показывает анализ консульских конвенций и договоров, заключенных нашей страной с различными государствами, вопрос о неприкосновенности личности работников консульства решается в них неодинаково. Даже если не учитывать отдельные отличия, имеющие менее важный характер, в конвенциях можно насчитать не менее 20 различных вариантов решения этого вопроса[35]. Да и в таком, казалось бы, простом вопросе, как уведомления об аресте или задержании работников консульства, обязанность делать которые закреплена далеко не во всех конвенциях, можно отметить не менее 5 разных подходов к его решению.

Все эти особенности необходимо знать и учитывать для того, чтобы не допустить применения необоснованных принудительных мер государства пребывания к работникам иностранных консульств, и в то же время не дать им уйти от ответственности за действительно совершенные преступления, используя, в частности, в тех случаях, когда это допускается консульскими конвенциями, арест или задержание членов

персонала консульства. При этом, разумеется, ни самому работнику консульства, ни представляемому государству, ни государству пребывания отнюдь не безразлично, будет ли обвиняемый в совершении преступления до суда оставаться на свободе, или к нему может быть применена такая мера пресечения как предварительное заключение, и он будет взят под стражу сразу же по задержании. И решение этого вопроса зависит от содержания соответствующей консульской конвенции.

---

[1] См.: Московский журнал международного права (МЖМП) № 2 и 3 за 1999 год.

[2] В МЖМП 1999, №3, с. 167 в приведенных данных о количестве консульских учреждений России за рубежом на март 1998 г. допущена опечатка: следует читать не 14, а 214.

[3] Известия, 9 октября 1999.

[4] Российская газета, 13 октября 1999.

[5] Бюллетень международных договоров (БМД). № 10, октябрь 1999, с. 84.

[6] БМД. № 7, июль 1999, с. 79.

[7] БМД. № 2, февраль 2000, с. 80.

[8] Так, после вступления в силу новой российско-индийской консульской конвенции 1998 г. Индию придется исключить из списка шести стран, по конвенциям с которыми консульские машины пользуются иммунитетом от обыска, ареста, реквизиции и исполнительных действий, поскольку по новой конвенции им предоставляется иммунитет только от реквизиции. Кстати, в связи с этим примечанием можно исправить еще одну ошибку, допущенную в статье о консульском праве в МЖМП, 1999 г. № 2 на стр. 229, где при перепечатке выпала целая строка. Последние две строки на этой странице следует читать так: "исполнительных действий, а по договору с КНР - от обыска, ареста и исполнительных действий, тогда как иммунитет от реквизиции в нем не упоминается".

[9] Имеется в виду Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР от 23 мая 1966 г., сохраняющее свое действие в Российской Федерации.

[10] В 1994 г. такое разрешение было предоставлено всем иностранным дипломатам и другим сотрудникам посольств в Литве. По специальному разрешению дипломаты могут носить оружие также в Латвии. Известия, 5 октября 1994.

[11] Известия, 12 и 13 августа 1993.

[12] Российская газета и Известия, 2 марта 1999.

[13] Обстоятельства его ареста и смерти в тюрьме изложены в МЖМП, 1999, № 2. с. 231.

[14] Известия, 14 февраля 1998.

[15] Международное право. Отв. редакторы Ю.М. Колосов и Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2000, с. 356.

[16] *Бобылев Г.В., Зубков Н.Г.* Основы консульской службы. М.: Междунар. отношения, 1986, с.152.

[17] *Сандровский К.К.* Право внешних сношений. Киев. Вища школа, 1986, с. 318.

[18] К их числу относятся: Венгрия, Чехия, Словакия, ЙАР, Гвинея-Бисау, Гвинейская Республика, Ангола, Кабо-Верде, Бенин, Мозамбик, Кипр, Сан-Томе и Принсипи, Лаос, КНДР, Камбоджа, Ливия, Казахстан. Здесь и далее консульские конвенции с участием нашей страны, вступившие в силу до 1985 г., приводятся по сборнику "Консульские конвенции, заключенные Советским Союзом с иностранными государствами", изданному Консульским управлением МИД СССР в 1985 г., а более поздние конвенции - по соответствующим выпускам Бюллетеня международных договоров, публикуемого МИД РФ.

[19] Примером такой конвенции в этой группе может служить конвенция с Казахстаном, в которой различаются три группы работников консульства.

[20] В некоторых конвенциях, например с Гвинейской Республикой, слова "проживающие вместе с ними" применительно к членам семьи опущены.

[21] *Luke T. Lee.* Consular Law and Practice. N.Y., 1961. p. 257.

[22] *Ильин Ю. Д.* Основные тенденции в развитии консульского права. М.: Юридическая литература, 1969. с. 146.

[23] Здесь по-видимому неточность перевода, правильнее было бы сказать "виновный".

[24] Только договоры с ФРГ и Австрией связывают возможность предварительного заключения консульского должностного лица с характером совершенного им преступления, во всех остальных конвенциях, допускающих лишение должностных лиц свободы, это зависит от тяжести преступления.

[25] Конвенция с Эфиопией различает только две категории работников консульства: должностных лиц и сотрудников.

[26] Требование о том, чтобы они не были и лицами, постоянно проживающими в государстве пребывания, в этой конвенции отсутствуют.

[27] Следует отметить, что в интересной в целом работе О.В. Плотниковой по консульскому праву неверно указывается, что "в соглашении России с КНР вообще нет деления на категории" работников консульства. (Плотникова О.В. Консульские отношения и консульское право. М.: Издательская группа НОРМА — ИНФРА. М, 1998. с. 98). Это результат того, что автор пользовалась старым договором 1959 г., тогда как в ныне действующем консульском договоре с КНР 1986 г.(п.п. 4 и 5 статьи 1) четко обозначены две категории работников консульства: должностные лица и сотрудники.

[28] Под "сотрудниками" в этой конвенции, как уже отмечалось, понимаются лишь члены административно-технического персонала, а правовое положение работников обслуживающего персонала в ней не определено.

[29] Это относится и к другим конвенциям, например, с Сирией и Маврикием, в которых понятие тяжкого преступления также не определяется.

[30] Поскольку после распада Югославии новые государства, возникшие на ее бывшей территории — Босния и Герцеговина, Македония, Хорватия и Словения, так же, как и Союзная Республика Югославия ( в составе Сербии и Черногории) стали правопреемниками консульской конвенции между СССР и СФРЮ от 20 июня 1987 г., все привилегии и иммунитеты консульств и их персонала в указанных странах являются тождественными содержащимся в указанной конвенции 1987 г., которая в данной статье именуется конвенцией с Югославией.

[31] Так же, как и в конвенции с Норвегией, конвенция со Швецией содержит фразу о том, что "исключение из этого положения возможно по просьбе представляемого государства или с его согласия", смысл которой не вполне ясен.

[32] Ведомости Верховного Совета СССР, № 22, 1 июня 1966. Ст. 387.

[33] Выражения "неприкосновенность личности" и "личная неприкосновенность" употребляются как синонимы.

[34] *Блищенко И.П.* Дипломатическое право. М.: Высшая школа, 1990. с. 195 - 196.

[35] О.В. Плотникова указывает, что имеется "по меньшей мере 11 вариантов решения вопроса о неприкосновенности личности консульского должностного лица" (Плотникова О.В. Указ. соч. с. 80). Но если учесть различия в решении этого вопроса применительно к сотрудникам (служащим) консульства и работникам обслуживающего персонала, то количество вариантов будет намного больше.

*Статья поступила в редакцию в феврале 2000 г.*

# Право религиозных конфессий

## ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ И ЕГО МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

К.Г. Борисов*

**1. Традиции и религиозные ритуалы конфессий и их место в международном общении.**

Проявление религиозной жизни в государствах мирового сообщества связано со славой прошлого (египетскими пирамидами и алтарями Мезоамерики) или величием настоящего (Ватикан в г. Риме или Тадж-Махал в г. Агре). Религия оставляет свои следы в истории, влияет на современную жизнь и сама испытывает ее влияние. Каждая культура обладает определенными религиозными аспектами и религиозными возможностями. И непосвященные и специалисты в равной степени сталкиваются с поразительным изобилием верований и обрядов в огромном количестве религий, существовавших за всю историю человечества. При своей бесспорной универсальности для всех культур религия проявляется в невероятном разнообразии конкретных форм.[1]

Социальное устройство общества, политика и другие стороны человеческой жизни в каждой культуре принимают индивидуальные, присущие только этой культуре формы. Важно помнить, чем отличаются личный опыт веры и участия в религиозных обрядах от исследований религиозных традиций.

Теоретическое изучение религии универсально по своему охвату. Оно не концентрируется на религиозном опыте одного человека, но стремится сделать предметом своего исследования все религиозные верования и обряды, существовавшие и существующие у всех народов во все времена и во всем мире.[2] Отсюда при изучении религии можно сконцентрировать свое внимание на экзистенциональной стороне и с этой точки зрения рассматривать все религии, существующие в мире. В этом случае религией будет называться процесс персонального духовно-

* Профессор МГИМО (У) МИД РФ, подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1994 год.

го поиска или конечная цель такого поиска, например, "спасение" в христианстве или "просветление" в буддизме. В этом случае психологическая сторона такого подхода представляет религиозную деятельность человека как стремление к абсолютному раскрытию потенциала его личности, или самореализации, достижению цельности и избавления от страданий.

С другой стороны, религию можно определить **через предмет ее поклонения.** В христианском мире система рассуждений о сущности Бога называется "теологией". Изучающие буддизм называют рассуждения об учении Будды (или истине) "буддологией". Религию можно рассматривать как **идеал,** как **конечную цель всех человеческих стремлений, которую, может быть, и нельзя достичь, но к которой необходимо стремиться.** Отсюда религия представляет собой **любой обособленный набор верований, символов, ритуалов, доктрин, институтов и обрядовых практик,** позволяющий носителям данной традиции утверждать, сохранять и прославлять свой наполненный смыслом мир. Характерная модель человеческого поведения и способа мышления — религия представляет собой традицию или обычаи общественной жизни людей.[3] Религия и другие формы человеческой культуры всегда взаимодействуют и взаимодополняют друг друга. Любая религия имеет свои религиозные ритуалы, свои писания, методологию, верования, символы, институты, священнослужителей и т. д. Каждая религия содержит свой кодекс поведения. Религия — это процесс установления равновесия между преемственностью (сохранением старого) и восприятием нового.

В связи с вышеизложенным, для выработки понятия или определения религии необходимо рассмотреть: историю религии, религию и систему и ритуальную практику и религию. Каждая религия характеризуется определенной совокупностью ритуальных действий, которые реализуются при помощи коллективных богослужений и празднеств или индивидуальных молитв и медитаций. Тем не менее, **три категории религиозных действий** можно обнаружить практически в любом уголке мира: обряды, привязанные к годовому кругу; ритуалы, сопровождающие события жизненного цикла, и действия удовлетворяющие индивидуальным потребностям каждого отдельного человека. Годовой круг характеризуется набором ритуалов и празднеств, отмечающих движение календарного года и обычно повторяющихся без изменения из года в год. Ритуалы жизненного цикла связаны с определенными этапами человеческой жизни и сопровождают человека от его рождения до самой смерти. Хотя могут начинаться задолго до его рождения и продолжаться значительное время после его кончины. Подобно ритуалам годового и жизненного циклов, индивидуальный религиозный опыт является ценным источником представлений о религиозной жизни конфессий. Отсюда религия оказывает влияние на международное общение конфессий через общественное сознание, через сознание верующих, посредством их нравственного воспитания и ритуальной практика.

В связи с этим следует отметить, что "правовые узы", базирующиеся на частноправовых началах, являются естественными для

человека как разумного и свободного существа и поэтому наиболее крепкой и надежной цементирующей средой, позволяющей объединить религиозную деятельность людей и религиозных конфессий.

Происходит это потому, что сами-то эти "узы" не являются инструментом внешнего господства, а представляют собой правовые формы самодеятельности и активности, упорядочение и согласование интересов самих участников общественных отношений, т. е. правовые формы, действующие "изнутри", через разум и свободу самих собственников.[4]

Изначально однотипные нормы, регулирующие поведение в Древнем мире, формировались в римском праве, которое сложилось и действовало не столько в качестве строго "римского", сколько в качестве права универсального. Так было в Европе и в Средние века под покровительством католической церкви и в более близкую к нам историческую эпоху.[5]

В международном общении большое значение имеют религиозные правоотношения, связанные с непосредственным участием в этом общении различных религиозных объединений. В основе современного международно-правового регулирования участия религиозных организаций в международном общении лежит право на свободу религии и религиозную деятельность, закрепленное в форме международно-правовых обязательств государств и рекомендаций в таких международно-правовых документах как Устав ООН 1945 года, Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Европейская конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Международный Пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года, Декларация ООН о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религиозных убеждений 1986 года, Межамериканская конвенция о правах человека, Африканская Хартия прав человека и народов, Каирская декларация о правах человека по исламу 1990 года, Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и свободах человека 1995 года.

Важное значение в конкретизации права на свободу религии и религиозную деятельность, включая взаимоотношения между государствами и религиозными объединениями в области международного общения, имеет Итоговый документ Венской встречи 1985 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в котором "изложена серия мер, гарантирующая функционирование религиозных объединений как самостоятельных церковных структур".[6] Отсюда в сложившемся в современном мире международном праве система религиозных прав и свобод, включающая право религиозных объединений участвовать в международном общении, составляет международное право религиозных конфессий (или религиозное право), как отрасль международного права.

## 2. Источники права современных религиозных конфессий Мирового Сообщества

Духовная сторона человеческой природы обнаруживается в определенном осознании человеком своего отношения к божеству. Духовной жизни народа присуща религиозная сторона с вытекающими отсюда особенностями вероисповедания.

Религиозные верования — это дело совести каждого человека. Принципы веротерпимости и свободы совести провозглашаются всеми государствами. Государственная власть не вправе вмешиваться во внутренний мир человека, но отсюда следует то, что государство может и должно относится равнодушно к религиозным верованиям людей, проживающих на своей территории. Так ли это? Если бы религия оставалась только совокупностью представлений и взглядов человека на свои отношения к божеству, если бы она действительно была лишь внутренним миром человека, то она была бы сугубо частным делом каждого верующего. Однако, **религиозные** верования отражаются не только в нравственном складе жизни людей, их стремлениях, обычаях и деятельности, но и получают **внешнюю организацию в церкви.** На них основывается сила духовной власти представителей церкви, ставящих вопросы об отношении церкви к государству, которые решаются на основе конституции, государственным правом. В этом случае следует иметь в виду, что религиозные верования и церковные общества не имеют территориальных границ. Прихожане одной и той же конфессии, живущие в разных государствах, будут всегда солидарны и связаны общими религиозными интересами. Они могут оказывать влияние на международное общение государств. Отсюда, религия по-существу относится к области международного права.

Действительно, огромное значение, которое имеет для внешних отношений между государствами общность религиозных верований людей, живущих на различных территориях, делает ее одним из важнейших вопросов международного общения.[7]

Международный характер религии впервые проявляется как элемент общения и связей с распространением христианства и православия.[8] Основанием для международного общения государств в этой области стал Вестфальский мирный договор 1648 года, который провозгласил начало равенства церквей католической и протестантской.[9]

Постановления Берлинского трактата 1878 года касались формальных обязательств государств в пользу веротерпимости и гражданского равенства всех вероисповеданий. В силу исторических обязательств римско-католическая церковь заняла особое международное положение в сравнении с другими христианскими церквами.

Результатом взаимоотношений между римской церковью и представителями государственной власти явились "конкордаты", т. е. соглашения Папы Римского, как главы римско-католической церкви и субъекта права международных договоров, с правительствами государств мира.

Биль о правах 1776 года, Декларация прав человека и гражданина 1789 года, Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международные Пакты об экономических и социальных и о гражданских и политических правах 1966 года, а также региональные конвенции о правах и

свободах человека провозглашают свободу вероисповедания человека, свободу на мнение и их собственное выражение.

Исходя из изложенного, можно предположить, что **международное право религиозных конфессий** составляет совокупность правоотношений буддийского, христианского, канонического и мусульманского права. Эти правоотношения базируются на конституциях государств мирового сообщества, международных договорах, международных обычаях, канонах и регламентах религиозных конфессий. В свою очередь, можно сделать вывод, что на заповеди Бога, или jus divinum,[10] опирается по сути любое законодательство современного мира, а не только церковные каноны. Подтверждение этому можно найти и в законах Шариата, и в современных национальных уголовных и иных кодексах.

**Базовым принципом** международного права религиозных конфессий является "свобода совести и религии" в международном общении (ст. 18 Всеобщей декларации прав человека 1948 года). Этот принцип был одобрен единогласно странами-членами Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Этот документ, как и предыдущие решения СБСЕ, имеет обязательную силу для всех государств, участвующих в Хельсинском процессе, в том числе для России и США. Он был принят на Конференции по человеческому измерению 4 октября 1991 года. В этом документе отмечается, что "государства-участники подчеркивают, что вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии и верховенства закона, носят международный характер, поскольку соблюдение этих прав и свобод составляет одну из основ международного порядка. Они категорически и окончательно заявляют, что обязательства, принятые ими в области человеческого измерения СБСЕ, являются вопросами, представляющими непосредственный и законный интерес для всех государств-участников, и не относятся к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства".[11]

Отсюда вопросы религиозной свободы занимают прочное место среди актуальных тем американской внешней политики. В своем выступлении в Колумбийской юридической школе Католического Университета в г. Вашингтоне 23 октября 1997 года Государственный секретарь США М. Олбрайт заявила, что "поиск религиозной свободы и терпимости будет продолжать играть важную роль во внешней политике США и во всемирном масштабе".[12]

Роль США ставится в один ряд с миротворческой деятельностью Папы Иоанна Павла II. Акт "О международной свободе вероисповедания" США определяет как политические, так и экономические меры по защите религиозной свободы в мире.

В международном праве компромиссные соглашения равных субъектов международного общения представляют собой максимально приближенные к идеалу выражения естественного права, к которому принадлежит и свобода совести. Международное сообщество в обеспечении прав на свободу вероисповедания руководствуется документами ООН, национальными законами, учитывающими роль религии в разви-

тии государственности или иной страны, культуры и обычаев народов. Как отмечает профессор Трофимчук Н. А., заявление Президента США Б. Клинтона во время подписания Акта "О международной свободе вероисповедания" о том, что "религиозная свобода" — центральный элемент внешней политики США идет вразрез с международными документами и является попыткой возложить на себя роль мирового судьи, которому дано право судить и миловать".[13]

Акт "О международной свободе вероисповедания" США состоит из семи разделов.[14]

В первом разделе определяется место и роль Государственного департамента в реализации Акта. Для этого создается отдел по международной свободе вероисповедания. Вводится должность Полномочного посла по вопросам вероисповедания при Президенте США.

Второй раздел посвящен структуре, составу и механизму работы Комиссии по международной религиозной свободе.

В третьем разделе "Национальный Совет Безопасности" вносится дополнение в Закон о Совете Безопасности США, в соответствии с которым учреждается пост специального советника Президента по вопросам свободы вероисповедания в составе Совета Безопасности США.

В четвертом разделе изложены меры Президента США в ответ на нарушение свободы вероисповедания в мире.

Пятый раздел посвящен проблемам пропаганды свободы вероисповедания.

В шестом разделе рассматриваются проблемы беженцев, предоставление им политического убежища в случае преследования на основе религии, а также необходимость проведения обучения консульских служащих в области законодательства о беженцах, религиозной, расовой и национальной политики. Кроме того, служащие должны пройти курс международного права, касающегося свободы вероисповедания, курс о религиозных преследованиях в зарубежных странах, и изучить государственно-религиозные отношения внутри той или иной страны (ст. 603 Акта).

В седьмом разделе определяется кодекс делового поведения транснациональных корпораций по обеспечению прав человека в тех странах, с которыми они сотрудничают, влиянию на правительства стран, где допускаются грубые нарушения свободы вероисповедания.

Акт показывает, что религиозный фактор влияет на состояние и характер взаимодействия религии и ее компонентов с обществом и политикой, государственной властью, нациями и играет заметную роль во внешней политике государств мирового сообщества.

---

[1] *Е. Томас Лаучан, Роберт Н. Мак-Коули.* Сочиненная религия. Связь познания и культуры. Кембридж, издание Университета, 1990 г.

[2] Религиозные традиции мира (в двух томах), т. 1, М., 1996, с. 11.

[3] *Паскаль Бойер.* Традиции как истина и коммуникация. Кембридж, издание Университета, 1990 г.

[4] *Алексеев С. С.* Частное право. Научно-публицистический очерк, М., 1999, с. 46

[5] *Алексеев С. С.* Частное право. Научно-публицистический очерк, М., 1999, с. 48

[6] *Карлов Ю. М.* Религия и международное право. Учебник "Международное право", М., 2000, с. 502.

[7] *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов (в двух томах), т. II, Санкт-Петербург, 1883, с. 99.

[8] Вероисповедание, рожденное в борьбе за верность Христу, журнал "GEO", январь 2000, с. 64—65.

[9] *Борисов К. Г.* Контуры грядущего миропорядка: структура формирующейся системы международных отношений и права мира и человеческого достоинства. Доклад на Конференции "Вестфальский мир: международные отношения 350 лет спустя". МГИМО, 1998, с. 15.

[10] *Вельяминов Г. М., Семенов В. С.* Бог и Право (моно- или однополярный мир). Московский журнал международного права, № 3, 1999, с. 35.

[11] *Трофимчук Н. А.* Защита религиозной свободы в контексте внешней политики США. Религия и право. Информационно-аналитический журнал, № 3, 1999, М., с. 21.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] American Foreign Policy and Search for Religious Freedom. U. S. Department of State Dispatch, Nov., 1997.

*Статья поступила в редакцию в феврале 2000 г.*

# Экономическое и научно-техническое сотрудничество

## ЭЛЕКТРОННАЯ ТОРГОВЛЯ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ

И.Ю. Алексеев*

Интернет-рынок в России и в мире находится в состоянии бума. По данным журнала "Деньги" число пользователей Интернета может увеличиваться в нашей стране ежегодно на 20—40%. Причем такой значительный рост в точности повторяет происходящее (и происходившее) в других странах. Департамент торговли США недавно обнародовал данные, согласно которым сетевые продажи ("online sales") достигли в 1998 году трех миллиардов долларов, утроившись по сравнению с 1997 годом. Интересно, что рост сопутствующего торговле рекламного рынка в сети США настолько значителен, что к настоящему моменту размер доходов рекламных компаний, работающих в Интернете, значительно превысил доходы от наружной рекламы[1].

Очевидно, что такие темпы развития электронной коммерции с неизбежностью порождают болезни роста. И прежде всего эти проблемы относятся к проблемам или, чаще, отсутствию какого-либо правового регулирования в этой области предпринимательской деятельности. Сложно даже приблизительно оценить, какое количество юридических вопросов, связанных с использованием Интернета, возникнет только для розничной торговли в самое ближайшее время. Это и использование сходных по степени смешения доменов (например, panasonic.ru против panaskonik.su), регистрация доменов известных фирм (например, таких как Kodak, столкнувшейся в России с подобной проблемой), правомерность акцента предложения купить товар по сети путем простого нажатия на соответствующую клавишу мыши, проблема выбора права, применимого к совершенной в Интернете сделки (по месту нахождения покупателя, месту расположений сервера, через который была проведена трансакция?). Эти и подобные вопросы возникают и с неизбежностью будут возникать в будущем как в России, так и во всем

* Аспирант кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ.

мире. Поэтому правовой анализ этой сферы международной торговли имеет как теоретический, так и существенный практический смысл.

## 1. США: СЕТЕВАЯ ТОРГОВЛЯ И ПРАВО

Поскольку в России в настоящее время отсутствуют какие-либо нормативные документы, регулирующие хотя бы наиболее важные вопросы сетевой торговли, да и вообще использования Интернета, попытаемся обратиться к опыту других стран, в частности США, где развитие правового регулирования электронной коммерции является государственной задачей в течение уже нескольких лет. При этом законодатель в США сознательно уходит от тотальной зарегулированности Интернет-торговли при помощи норм права, правовые предписания с неизбежностью столкнутся с проблемой их принудительного исполнения. Поэтому значительное поле оставлено Конгрессом и органами исполнительной власти для саморегулирования. электронной торговли самими продавцами. Такие некоммерческие организации, как CommerceNET Consortium, Electronic Frontier Foundation или Council of Better Businss Bureaus призваны брать на себя роль независимых регуляторов сферы Интернет-торговли. Очевидно, что выигрывают от такого подхода все: государство концентрируется на наиболее важных вопросах деятельности электронных продавцов (относящихся, например к сфере регулирования конституционного и административного права), а все организационные и менее значительные вопросы улаживаются в среде профессионалов. При этом задача у тех и других общая — сделать Интернет цивилизованной "территорией", предсказуемой и безопасной как для потребителей, так и для продавцов.

Сферами, которые в США отнесены к государственной компетенции, являются, в частности, защита прав несовершеннолетних, пользующихся возможностями Интернет-торговли, защита обладателей авторских прав, предоставления налоговых льгот и освобождений. При этом значительную роль играет прецедентное право, правда, в значительной мере противоречивое. Эти и другие вопросы рассматривались Конгрессом, в результате чего были приняты Закон о сетевой защите ребенка ("Child Online Protection Act") и Закон об авторских правах цифрового тысячелетия ("Digital Millenium Copyright Act"). Интересно, что конгресс специальным законом, принятым на недавней сессии, установил трехлетний мораторий на большинство налогов, взимающихся в сфере Интернет-торговли.

### А. Безналоговая зона "Интернет"

Закон о налоговых свободах в Интернете ("Internet Tax Freedom Act"), недавно принятый Конгрессом, вводит значительные налоговые льготы для Интернет-провайдеров электронной торговли и услуг. Конгресс также обязал федеральные государственные органы не вводить новые налоги для этой группы налогоплательщиков в течение трехлетнего срока действия моратория, а Президента США — достигнуть соглашений о снятии барьеров в сфере электронной торговли с ВТО, ОЭСР, NAFTA и другими международными структурами.

Рассматриваемый Закон содержит ряд положений, устраняющих двойное налогообложение. в электронной торговле между штатами.[2] Характерно, что под налоговое освобождение не подпадают "электрон-

ные коммерсанты", на сайтах которых имеются "материалы прямо выраженного сексуального характера". Для получения упомянутых налоговых льгот необходимо также обеспечить проверку возраста покупателя посредством идентификации через кредитную карту, цифровое свидетельство с указанием возраста или же посредством введения специального кода, указывающего на то, что покупатель является совершеннолетним лицом. Однако, просьба предоставить такую информацию порождает сейчас целый ряд последствий для продавца, прежде всего, связанных с получением конфиденциальной информации от потребителя. Этот вопрос также становится предметом правового регулирования в США.

**Б. Политика продавцов в сфере раскрытия конфиденциальной информации**

Сегодня нередкой бывает ситуация, когда, покупая по сети авиабилет до Венеции, через полчаса ваш электронный почтовый ящик ломится от предложений различных отелей остановиться у них завтра, после приземления вашего самолета в итальянском аэропорту. Насколько правомерным было разглашение информации, которую Вы считаете (вполне логично) конфиденциальной (т. е. такой, доступ к которой ограничен и которая не может быть получена из общественно доступных источников)?

В июне 1998 года Федеральная комиссия по торговле (Federal Trade Commission) США подготовила отчет "Частная жизнь в сети: отчет Конгрессу". В нем с сожалением констатировалось, что процесс саморегулирования продавцами в сети еще не достиг должного уровня. По оценкам комиссии, "информация личного характера" запрашивалась в 92 % случаев для совершения сделки в Интернете. При этом только в 14 % случаев на сайте имелась ссылка на политику продавца в отношении предоставляемой потребителем конфиденциальной информации и только в 2 % случаев эта политика доводилась до сведений покупателя. В отчете комиссии было указано, что наибольшему риску в этой связи подвергаются несовершеннолетние лица, и поэтому принятие является необходимым. Комиссия также высказалась в пользу принятия аналогичного закона, защищающего частную жизнь совершеннолетних граждан, однако, "только в случае, если эта отрасль экономики не сможет самостоятельно выработать и эффективно применять меры саморегулирования"[3].

Результатом деятельности комиссия стал подписанный президентом США 21 октября 1998 года Закон о защите частной жизни ребенка в сети 1998 года ("Children's Online Privacy Protection Act of 1998"). В соответствии с этим законом операторы Интернет-сайтов, направленных на детскую аудиторию, или же участники электронной торговли, намеренно запрашивающие информацию личного характера у покупателей-детей в возрасте до 13 лет, обязаны выполнить целый ряд условий, прежде чем покупка игрушки или заказ билетов в Дисней Лэнд будет считаться неоспоримой сделкой. Так, "электронные коммерсанты" обязаны "получить предварительное, проверяемое согласие родителей на получение, использование и/или раскрытие информации личного характера, полученной от детей", ознакомить родителей с практикой продавца в сфере защиты информации, а также выполнить целый ряд других условий.

Казалось бы, подобная зарегулированность способна затормозить развитие торговли в Интернете. Однако, здесь государственная политика уступает место инициативе участников электронного бизнеса. В июне

1998 года группа Интернет-операторов объявила о создании коалиции под названием Альянс частной жизни на сети (Online Privacy Alliance). Эта организация разработала специальные правила, касающиеся сбора информации о потребителях. В соответствии с ними потребители теперь имеют возможность установить, какая информация об их частной жизни была получена и как она использовалась. Сайты участников альянса снабжены специальными значками, которые позволяют установить, кем и когда информация о потребителе была получена. Таким образом, потребитель имеет возможность предъявить иск к тому продавцу, который разгласил или недолжным образом использовал предоставленную ему конфиденциальную информацию. Аналогичными организациями, действующими в США, являются TRUST, BBBonLine и другие.

## 2. РУНЕТ И ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ: БОЛЬШЕ ВОПРОСОВ, ЧЕМ ОТВЕТОВ

В конце декабря прошлого года Минсвязи был представлен проект положения "О порядке выделения и использования доменных имен в российском сегменте сети Интернет". Согласно этому проекту в срок до 31 декабря 2000 года значительные категории российских юридических лиц (в частности, открытые акционерные общества, предприятия с участием иностранного капитала, банки, финансовые и страховые компании и другие) должны в обязательном порядке открыть собственные сайты в Интернете. Некоторые из указанных компаний уже вовлечены или в скором времени будут заниматься электронной коммерцией, т. е. заключать договоры купли-продажи и оказания услуг через Интернет. Очевидно при этом, что нерешенность целого ряда фундаментальных вопросов правового регулирования электронной коммерции может обернуться значительными финансовыми потерями для предприятий, вновь осваивающих эту сферу бизнеса. Даже только два рассмотренных выше вопроса (налоговое регулирование и вопросы защиты конфиденциальной информации о потребителях) могут стать причиной конфликтов с налоговыми органами предприятий торговли (в первом случае) и способствовать нарушению конституционно гарантированных прав граждан, касающихся неприкосновенности и защиты частной жизни. При этом отсутствует какая-либо государственная политика, направленная на принятие предварительных мер (прежде всего, законов и нормативных актов Правительства и Президента), которые могли бы подготовить и по возможности предотвратить негативные последствия ожидаемого бума в сфере Интернет-торговли. В этой связи опыт США и других стран в значительной степени может послужить своеобразным миноискателем, позволяющим выделить наиболее опасные с точки зрения предпринимательской деятельности проблемы, в первую очередь правовые.

---

[1] Internet Advertising Bureau, Advertising Revenne Report (May, 1999).

[2] Не этим ли в значительной мере объясняется тот факт, что многие американские фармацевтические компании предлагают сейчас потребителям лекарства по цене, значительно ниже той, которую просят в аптеках? — **И. А.**

[3] 1998 Privacy Testimony at 5—7.

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 года.*

# Трибуна преподавателя и студента

## МОИ ВОСХИЩЕНИЕ, УВАЖЕНИЕ И... ЗАМЕЧАНИЯ

**(О книге Р.М. Тимербаева "Россия и ядерное нераспространение". — М., "Наука", — 1999. — 383 с.)**

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена международной безопасности. В ней рассматривается проблема, которая вышла на первый план во второй половине XX века — нераспространение ядерного оружия. Показывается также, какую роль играл в этом деле Советский Союз.

Хочется заметить с самого начала, что эта книга не рассчитана, по моему мнению, на широкий круг читателей. Безусловно, она будет интересна не только специалистам в области ограничения вооружений и разоружения или людям, занимающимся данной проблемой сегодня, но и большинству политиков, а также лицам, проявляющим интерес к международной безопасности.

К последней категории можно отнести и автора этих строк. Откровенно говоря, книга мне очень понравилась. Сразу же трудно объяснить, почему, но я постараюсь это сделать, по мере возможности, настолько кратко, насколько могу.

В первую очередь, лично у меня возникает вопрос о том, как много литературы, посвященной конкретно истории ядерного нераспространения, встречал читатель. Я думаю, если и попадалась ему такая литература на глаза, то крайне редко. Даже сам автор книги ничего не смог найти, кроме "разрозненных статей и сравнительно небольшого числа научных исследований". Роланд Тимербаев создал на сегодняшний момент единственный фундаментальный на русском языке труд, содержащий систематизированную историю ядерного оружия и его нераспространения.

Кроме того, автор книги, Р. М. Тимербаев, — выпускник МГИМО, работал в последние годы (до 1992 года) в МИД СССР, а потом и России. Он непосредственно сталкивался с проблемой нераспространения ядерного оружия еще несколько десятилетий назад.

Возвращаясь к самой книге, нельзя не упомянуть о том, что данное произведение удобно разделено на главы таким образом, что постепенно посвящает читателя в мир политических переговоров, а не сразу же

рассказывает о самом главном, и потом, рассматривая каждую часть более подробно, делает дальнейшее прочтение не столь интересным.

Несомненно, к плюсам книги можно отнести тот факт, что она основана на официальных документах, уже открытых для исследования архивных материалах. Соответственно, каждые высказывания и тезисы автора подтверждаются неопровержимыми доказательствами.

Читая книгу, я был приятно удивлен, что Роланд Тимербаев старался не давать собственных оценок тому или иному событию, если они не были подкреплены рассказами современников, хотя, по существу, имел на это полное право, так как был непосредственным участником (!) переговоров по Договору о нераспространении ядерного оружия. Мне кажется, автор попытался изложить существующие факты так, чтобы они подтверждались не просто современниками, а экспертами, профессионалами в данной области. Читатель сам может это заметить, если обратит внимание на сноски, где почти на каждой странице дана краткая биография того или иного известного политика, ученого тех лет.

Что же касается тех людей, которые читают книги не только ради удовольствия, но и ради получения информации, ради пополнения своего багажа знаний, то они, без сомнения, получат все, на что надеялись перед прочтением. Как могут быть не интересны те факты, которые рассказывают о не таком уж далеком прошлом твоей страны, о том, какую роль играла она в разрешении острейших мировых проблем, когда мир был на краю пропасти? Ведь если бы "холодная война" переросла в горячую, атомную, вряд ли читатель мог бы наслаждаться жизнью, как он это делает сейчас. Не случайно в книге Тимербаева заострено внимание на тех событиях, когда, если не все, то очень многое зависело от голоса великого и могучего Союза, от его поведения. Автор подробно описывает эти моменты нашей истории.

Эта книга, между прочим, может служить и пособием для начинающих политиков и просто лиц, которые хотят не повторять чужих ошибок, а учиться на них.

Что касается меня, то я бы с удовольствием порекомендовал прочесть эту книгу молодому поколению, которое не помнит или забыло о том, что за государство был СССР, что от него зависело дальнейшее будущее человечества. А то мы привыкли ассоциировать нашу страну с беспомощным организмом, который не может прожить без кредитов МВФ, который только "лает, а не кусает". Недаром автор выделяет в названии книги большим шрифтом свою родину — Россию.

Как известно, ни одно творение не может быть идеальным. Так вот, я считаю, что книгу следовало озаглавить "СССР и ядерное нераспространение", а не "Россия и...". Безусловно, это все на усмотрение автора, так как данное мной название могло и не вызвать интереса у читателей ввиду того, что Советский Союз в глазах многих представляет собой нечто отрицательное, держащее людей в постоянном страхе. Но, тем не менее, это СССР вел такую политику, с которой, хотя и не соглашались многие ведущие страны, но вынуждены были ее уважать, так как наша страна наряду с США представляла собой не только мощнейшее государство, но и важнейшую политическую силу, способную заставить

любого играть под ее дирижерскую палочку. Поэтому, мне кажется, что название книги следует уточнить. Но пусть это остается на совести автора.

В заключение, подводя итог всему вышесказанному о книге Р. М. Тимербаева "Россия и ядерное нераспространение", мне хотелось бы сказать, что я огорчен тем, что автор подробно и очень интересно описал события только с 1945 по 1968 год. Знаю, что Роланду Тимербаеву уже, к сожалению немало лет, но я все же надеюсь, что ему удастся написать продолжение своего столь полезного произведения, рассказать о договорах СНВ-1, СНВ-2 и т. д. Желаю автору здоровья, удачи и успехов в его дальнейших делах и начинаниях.

С глубоким уважением к прекрасному автору, глубокому ученому, мудрому наставнику.

**Валерий Кочарян,**
студент III курса международно-правового факультета МГИМО.

*Статья поступила в редакцию в декабре 1999 года.*

# ПОСЛЕ ПЕРВОГО КУРСА МЫ СТАЛИ НАСТОЯЩИМИ СТУДЕНТАМИ

Я поступила в МГИМО с четвертого раза. Это хороший, престижный институт, куда очень сложно поступить. Долго и усердно добивалась этого, и у меня получилось. До этого мне не везло, но теперь учусь, и мне очень нравится. Ничуть не жалею, что так долго все это тянулось. За время четырехкратного поступления я многое поняла, и главное — всю серьезность этого института.

В МГИМО учился мой старший брат, моя тетя. Они мне много рассказывали про этот институт. Я заинтересовалась им еще в школе, и уже тогда твердо решила поступать именно в него. Пришлось приложить много усилий.

Все мои одноклассники закончили в этом году четвертый курс в разных других институтах, а я только первый. Мне совсем не обидно, что так получилось. Я добилась того, чего мне очень хотелось еще в школе, и очень довольна своим выбором. У меня будет диплом, который везде ценится, и я буду хорошо знать, как минимум, два иностранных языка.

На первом курсе мы изучали много интересного. Вообще первый курс — это очень здорово! Много новых впечатлений, переживаний, знаний. Бывший школьник взрослеет и становится студентом. Он понимает, что институт — это серьезно и важно, и становится самостоятельным, уже сам решает все свои проблемы. А в нашем институте все гораздо серьезнее, чем во многих других.

Постоянно проходят какие-то научные конференции, организуются

встречи то с министрами, то с депутатами, то с какими-то специалистами, в общем, с очень интересными людьми. Проучившись только на первом курсе, мы уже успели два раза встретиться с Министром иностранных дел России И.С. Ивановым, участвовали в студенческих днях науки, в политологической конференции. Нам читали лекции знаменитые политологи. Мы ходили на экскурсию в Государственную Думу. Все это было очень познавательно.

Я учусь на факультете политологии. Это, конечно, совсем не просто. Нужно много заниматься, чтобы стать отличным специалистом. Свободного времени очень мало. Сначала учиться было очень трудно, потом, когда освоились, стало немного легче. Предметы все серьезные и полезные. Основы всех этих предметов, мы уверены, пригодятся в дальнейшей жизни. У нас два отделения на факультете: мировой политики и сравнительной политологии. Диапазон будущих возможных профессий весьма широк: мы можем быть и политиками, и журналистами, и учеными-политологами. В общем, будущее — весьма заманчивое.

Меня все время спрашивают, кем я стану, окончив институт и вот этот факультет политологии. Точно пока сказать не могу. Вариантов очень много. Политология — очень обширная сфера деятельности. Главное — это, конечно, политика, и с этим все связано. Можно стать политиком-управленцем. Можно стать консультантом политика (политическим психологом). Можно работать журналистом и писать о политике и политиках. Подобных вариантов много. Можно быть, политологом, занимающимся проблемами непосредственно своей страны, а можно быть политологом международного масштаба и заниматься вопросами планетарной важности, работать где-то в международной организации. Все это, на мой взгляд, очень интересно. Сама я еще не решила окончательно, на чем буду специализироваться, но точно знаю, что политиком-управленцем быть не хочу.

Сейчас я закончила первый курс и очень этим довольна. Сессия была напряженная, но все закончилось хорошо. Закончив первый курс, поняла, что не зря старалась и уже чему-то научилась. Я увидела много интересных умных людей, и услышала, о чем они говорят. Стала учить новый иностранный язык — английский (а поступала с французским). Было очень приятно и полезно учиться. У нас маленький и дружный факультет. Все мы стараемся друг другу помогать, и, в общем, мы уже стали настоящими студентами.

С большим интересом жду встречи с международным правом. Оно у нас преподается на всех факультетах. Будет и у нас. Мне уже приходилось кое-что читать в этой области. Знаю, что у нас "сильная" кафедра по этому предмету. Жду встречи с ее профессорами и преподавателями.

**Ирина Соколова-Щербачева,**
студентка II курса МГИМО—Университета.

*Статья поступила в редакцию 30 июня 2000 года.*

# НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ ПО ЯДЕРНОМУ ПРАВУ УКРАИНЫ

**(Ядерне законодавство. Збірник нормативно-правових актів (станом на 1 січня 1998 р.). "Ін Юре", Київ, 1998 р. — 608 с.)**

Двадцатое столетие нередко называют столетием ядерной энергии. Но широкое ее использование в мирных целях (не говоря уже о военных) таит в себе не только позитивные, но и негативные моменты. Про это нам еще раз напомнила Чернобыльская катастрофа, последствия которой еще долгое время будет чувствовать человечество.

Одним из важнейших способов обеспечения безопасности при использовании ядерной энергии есть право. Ростки ядерного законодательства появились еще в СССР в середине 50-х годов. Одним из первых документов в этой области были "Санитарные правила и нормы работы с радиоизотопами" и т.д. Но это были не законы, а по большей части ведомственные нормативные акты, которые не решали вопросы, связанные с правами, обязанностями, ответственностью участников отношений в области использования ядерной энергии.

Кроме того, управление сферой использования ядерной энергии почти полностью находилось в компетенции союзных органов. И это тогда, когда на Украине было уже построено пять ядерных электростанций.

Чернобыльская катастрофа подтолкнула развитие законодательства в сфере использования ядерной энергии. При этом после провозглашения независимости Украины появились первые законы в этой области "О статусе и социальной защите граждан, которые пострадали в результате Чернобыльской катастрофы" (от 19 декабря 1991 г.) и "О правовом режиме территории, которая была подвергнута радиоактивному загрязнению" (от 27 февраля 1991 г.).

Следующим шагом в создании ядерного законодательства стал Закон Украины "Об использовании ядерной энергии и радиационной безопасности", принятый 8 февраля 1995 г. Он заложил основы законодательства в направлениях: лицензирования и надзора в сфере использования ядерной энергии; радиационной защиты персонала и населения; гражданской ответственности за ядерный ущерб; транспортирования радиоактивных материалов и физической защиты ядерного материала. Существование базового закона в сфере использования ядерной энергии стало основой для работы над развитием ядерного законодательства Украины.

В июне 1995 г. был принят Закон Украины "Об обращении с радиоактивными отходами". 21 февраля 1997 г. был принят Закон "О радиационной защите человека", в ноябре 1997 г. был принят Закон Украины "О добыче и переработке урановой руды", были разработаны проекты законов "О разрешенной деятельности в сфере использования ядерной энергии", "О физической защите ядерных материалов".

12 июля 1996 г. Верховная Рада Украины приняла Закон "О присоединении Украины к Конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 года". Эта конвенция устанавливает особый режим ответственности за ущерб, при котором традиционные гражданско-правовые подходы не могут эффективно применяться. Первая попытка

законодательного закрепления такого режима была сделана в Законе "Об использовании ядерной энергии и радиационной безопасности", который установил абсолютную ответственность за ядерный ущерб.

Говоря об истории развития ядерного законодательства, следует также упомянуть Договор о нераспространении ядерного оружия, к которому Украина присоединилась 5 декабря 1994 года. Кроме того, Украина ратифицировала 17 августа 1971 года Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения; Конвенцию об оперативном оповещении о ядерной аварии (30 декабря 1986 г.); Конвенцию о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации (30 декабря 1986 г.). 17 декабря 1997 года была ратифицирована Конвенция о ядерной безопасности.

Таким образом, Украина за относительно короткий промежуток времени создала собственное ядерное законодательство, которое формируется как самостоятельная отрасль национального законодательства. Основные принципы этой отрасли нашли свое отражение в Конституции Украины, в соответствии с которой борьба с последствиями Чернобыльской катастрофы и сохранение генофонда украинского народа является обязанностью страны (ст. 16).

Данный сборник нормативных актов по ядерному праву охватывает практически всю нормативно-правовую базу, которая существует на сегодняшний день на Украине. Сборник также содержит и международные документы в этой области.

Сборник состоит из восьми разделов. Первый раздел посвящен общим положениям, в котором содержатся положения из Конституции Украины, различных кодексов и законов, в частности, Закона Украины "Об экологической экспертизе", Закона "Об использовании ядерной энергии и радиационной безопасности", Закона "О защите окружающей природной среды" и т.д.

Второй раздел называется "Государственное регулирование и управление ядерной отраслью". Вся первая глава этого раздела посвящена государственному регулированию; там содержатся постановления Кабинета Министров Украины, а также Указы Президента Украины о создании Министерства охраны окружающей природной среды, о создании Министерства энергетики Украины и т.д. Вторая глава раздела посвящена Государственному управлению, в частности, в ней содержатся Указы Президента Украины и постановления кабинета Министров. Постановление Верховной Рады Украины о создании постоянной Комиссии Верховной Рады Украины по вопросам ядерной политики и ядерной безопасности; постановление Кабинета Министров об утверждении Положения об основных принципах организации перевозки радиоактивных материалов по территории Украины; Указ президента Украины о Министерстве Украины по вопросам чрезвычайных ситуаций и по вопросам защиты населения от последствий Чернобыльской катастрофы.

Раздел третий содержит документы о правовом регулировании использования ядерной энергии. Глава первая раздела полностью посвящена физической защите ядерного материала, в нее вошли: Конвенция о физической защите ядерного материала, к которой присоединилась Украина; Указ Президента о мерах по физической защите ядерных установок на Украине и т.д. Глава вторая называется "Правовое регулирование обращения с радиоактивными отходами". Там мы можем найти Закон Украины "Об обращении с радиоактивными отходами"; Постановление

Кабинета Министров о государственной программе об обращении с радиоактивными отходами и т.д. Глава третья содержит акты, регулирующие правовое регулирование обращения с источниками ионизирующего излучения, такие, как: постановления Кабинета Министров о мерах безопасной перевозки радиоактивных материалов, об усовершенствовании регулирования безопасности транспортировки радиоактивных материалов, о мерах по учету и контролю источников ионизирующего излучения и т.д.

Раздел четвертый содержит документы относительно недопущения использования ядерной энергии в военных целях. Этот раздел содержит такие документы, как: Заявление Верховной Рады Украины о безъядерном статусе Украины, Закон Украины о присоединении Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия от 1 июля 1968 года, Договор о нераспространении ядерного оружия, Закон Украины о ратификации Договоренности между Украиной и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия и т.д.

Раздел пятый посвящен правовым вопросам, связанным с последствиями аварии на Чернобыльской АЭС. Глава первая этого раздела содержит законы о социальной защите граждан, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС: Закон Украины "О правовом режиме территорий, которые были подвержены радиоактивному загрязнению в результате Чернобыльской катастрофы", Закон Украины "О статусе и социальной защите граждан, которые пострадали в результате Чернобыльской катастрофы". Следующая глава посвящена правовым вопросам эксплуатации Чернобыльской АЭС. В частности, в нее вошел Указ Президента Украины о создании Чернобыльского центра по проблемам ядерной безопасности, радиоактивных отходов и радиоэкологии, Постановление Верховной Рады Украины о Соглашении о гранте между Европейским банком реконструкции и развития как распорядителем средств, выданных в соответствии с грантом со счета ядерной безопасности, Правительством Украины и Чернобыльской атомной электростанцией.

Раздел шестой посвящен юридической ответственности. Приведены выдержки из Кодекса Украины об административных правонарушениях, Уголовного Кодекса, Кодекса торгового мореплавания и т.д.

Раздел седьмой содержит документы по международному сотрудничеству в этой области, в котором Украина принимает участие. И последний раздел содержит некоторые нормативно-правовые акты стран СНГ, которые регулируют отношения в сфере использования ядерной энергии.

Следует отметить, что законодательство Украины, конечно, не избавлено от недостатков. Немало важных общественных отношений в этой сфере еще не урегулированы в нормативном порядке. Есть проблемы относительно обеспечения возмещения ядерного ущерба. И вообще проблема относительно реализации и соблюдения ядерного законодательства остается достаточно острой. Данный сборник по ядерному законодательству должен послужить хорошим примером и стимулом для создания подобной работы и в России.

**Диана Суворова,**
бакалавр МГИМО (У) МИД РФ.

*Статья поступила в редакцию в мае 2000 г.*

# Кто есть кто в нашей науке и практике

**ВОРОНЦОВ**
**Юлий Михайлович**
(Москва)

Родился в 1929 году. Один из самых блестящих российских дипломатов.

Окончил МГИМО в 1952 году и на всю жизнь связал свою судьбу с дипломатической службой.

В 1966—1977 гг. являлся советником посольства СССР в Вашингтоне. Работал послом Советского Союза в Индии (1977—1983) и во Франции (1983—1986).

С 1986 г. по 1990 г. — первый заместитель министра иностранных дел СССР. В этом же ранге он возглавлял посольство Советского Союза в Афганистане как раз в тот самый сложный период советско-афганских отношений, когда надо было завершать бесславную афганскую войну.

С 1990 г. по 1994 г. направлялся на пост постоянного представителя СССР, а затем России при ООН. В августе 1994 года был назначен на пост посла России в США и находился на нем до начала 1999 года.

Затем был переведен на работу в ООН и стал специальным представителем ООН, отвечающим за связи со странами СНГ.

В феврале 2000 года Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан назначил его своим уполномоченным по возвращению Кувейтских пленных и собственности из Ирака (в ранге заместителя Генерального секретаря ООН).

Именно Юлию Михайловичу принадлежат слова: "Операция против Югославии нас возмутила. Ситуация в Косово была неоднозначной. Нельзя было обвинять во всем сербов. В провинции действовали боевики, получавшие оружие из Албании. И США фактически встали на их сторону. Здесь прямая аналогия с чеченской ситуацией: нам не нравится, как вы ведете себя в Чечне, поэтому мы будем бомбить Москву. В отношении России, конечно, это не пройдет, потому что мы в ответ можем ударить по Вашингтону".

**ГАДЖИЕВА**
**Нигяр Акиф кызы**
(Баку)

Родилась 8 декабря 1975 г. в г. Баку.

В 1992 г. окончила школу с серебряной медалью и в том же году поступила на очное отделение факультета "Международные отношения и международное право" Бакинского государственного университета (БГУ) имени М.Э. Расул-заде. В 1997 г. окончила университет с отличием. В 1998 г. поступила в аспирантуру этого же университета по специальности "Международное право".

С 1997 г. по настоящее время работает консультантом в отделе Внешних связей Исполнительного Аппарата Президента Азербайджанской Республики.

С 1998 г. является также преподавателем кафедры "Международное право и конституционное право зарубежных стран" БГУ им. М.Э. Расул-заде. В настоящее время читает курсы международного публичного права и международного гуманитарного права.

В сентябре 1998 г. участвовала в семинаре, проводившемся для преподавателей международного гуманитарного права в Ташкенте (Узбекистан).

В январе — феврале 1999 г. проходила стажировку на отделении права в Университете Ниццы (Франция).

В январе — феврале 2000 г. проходила стажировку в Университете Гренобля (Франция).

Владеет азербайджанским, русским, английским и турецким языками.

Была тренером команды студентов БГУ им. М.Э. Расул-заде на

IV Международном студенческом конкурсе им. Ф.Ф. Мартенса по международному гуманитарному праву в апреле 2000 г. в подмосковных Снегирях, организованном Международным Комитетом Красного Креста.

На вопрос редакции: "А не могли бы Вы объяснить, почему Вы любите международное право?", она ответила вопросом: "А вы могли бы сказать, почему Вы любите маму?"

**ГЕВОРКЯН**
**Карен Альбертович**
(Ереван)

Родился в 1975 году в городе Ереване в семье служащего. После окончания школы в 1991 году поступил на юридический факультет Ереванского государственного университета, который окончил с отличием в 1996 году. В том же году поступил в аспирантуру ЕГУ по специальности "Международное право".

С 1998 года занимает должность заместителя декана юридического факультета по международным связям, является преподавателем кафедры конституционного и международного права ЕГУ. В течение последних лет принимал участие в различных академических программах и проходил переподготовку в ряде ведущих научных центров России, США, Нидерландов и Венгрии.

Весной 2000 года в Санкт-Петербурге был участником Мартенсовских чтений — Международной конференции по проблемам международного гуманитарного права, организованной Московской делегацией Международного Комитета Красного Креста.

Является членом Армянской ассоциации международного права.

В ответ на вопрос редакции: "Какова сфера Ваших научных интересов?", ответил следующее: "В сферу моих научных интересов входят, главным образом, проблемы международной правосубъектности Армении, которые приобрели особую актуальность в связи с теми коренными изменениями, которые произошли в международно-правовом статусе республики после провозглашения независимости в 1990 году. Интересы укрепления молодой независимой государственности требуют детального научного анализа данной проблематики и, в частности,

вопросов международной договорной правоспособности, дипломатических и консульских отношений, а также участия Республики Армения в деятельности международных организаций".

**КУЛИКОВ**
**Александр Вадимович**
(Москва)

Родился в 1978 г. в Москве.

В 1996 г. поступил в Московский Государственный Лингвистический Университет (МГЛУ) на отделение международного права по специальности юрист-международник со знанием английского и французского языков. На данный момент — студент пятого курса.

Возглавляет Студенческий Центр международно-правовых исследований с момента его создания. Вместе с другими участниками Центра и в тесном взаимодействии со Студенческим научным обществом МГЛУ организует и участвует в студенческих конференциях, научно-исследовательской и координационной работе. В частности, можно назвать конференцию по вопросам международно-правового регулирования в сфере телекоммуникационных систем, в том числе сети Internet, прошедшую в марте 2000 г.; имитацию заседания Конституционного суда РФ по рассмотрению спора между Президентом и Государственной Думой Российской Федерации о возвращении культурных ценностей, перемещенных в СССР в результате Второй мировой войны. Участвовал в составлении перечня наиболее актуальных международно-правовых проблем, особенно нуждающихся в разработке на пороге нового тысячелетия.

На вопрос редакции, что Вы избрали для себя в качестве своих исследований, ответил, что это — право международных организаций. Он убежден, что без глубокого знания и понимания правовых основ и механизма функционирования международных форумов невозможно верно оценить их роль в современном мире, а также перспективы и приоритетные направления их будущего развития. В этой связи провел работу по обобщению практики принятия решений в международных организациях и конференциях, результаты которой были использованы в учреждениях, ведающих международными вопросами. Особую заинтересованность проявляет в отношении региональных и других организаций, не входящих в систему ООН, полагая, что в ближайшем будущем их значение в мире будет постоянно расти.

В настоящий момент работает над проблемой международного регулирования глобальных информационных сетей, над ролью, формами и способами воздействия уже существующих и будущих межгосударственных и неправительственных организаций на развитие международного сообщества.

**МОРОЗОВ**
**Николай Александрович**
(Владивосток)

Родился в 1975 году во Владивостоке. За 25 лет своей жизни уже успел приобрести немалый международный опыт, вошел в науку, в том числе международно-правовую. Является кандидатом юридических наук.

В 14 лет поступил в комсомол и был сразу же избран в члены ЦК ВЛКСМ. На пленуме ЦК комсомола выступил с яркой речью о правах человека, о правах республик, о Москве. Школу окончил с медалью.

Поступил в 1992 году на юридический факультет Дальневосточного государственного университета (ДВГУ), а со второго семестра и на факультет японоведения. Университетское образование дало ему знание английского и японского языков, основ права.

На последних курсах и до окончания университета работал в комитете внешнеэкономических связей администрации Приморского края. Окончил Токийский университет (Япония) по отделению международного права и сравнительного правоведения. В годы обучения в Токио подрабатывал себе на жизнь на адвокатской работе, переводчиком, учителем русского языка, даже фотомоделью.

После окончания Токийского университета работал научным сотрудником Института социальных исследований Токийского университета.

В 1999 году неожиданно вернулся из Японии во Владивосток и стал работать над кандидатской диссертацией по уголовному праву. Одновременно возглавил региональный штаб "Союза правых сил" и вошел в большую политику.

В 2000 году защитил диссертацию и стал кандидатом юридических наук.

На вопрос, что такое политика и как он относится к сегодняшним политикам, ответил: "Политики масштаба губернатора Приморья Ноздр-

ратенко и бывшего мэра Владивостока — вчерашний день страны и главный ее тормоз. Они только скандалят, упрекают, выпрашивают и борются. Искусство же политики не бороться, а договариваться. Этому надо учиться".

**ТРУБНИКОВ**
**Вячеслав Иванович**
(Москва)

28 июня 2000 года Вячеслав Иванович Трубников, работавший до этого главой Службы внешней разведки, был назначен первым заместителем министра иностранных дел в ранге федерального министра. Он также был назначен специальным представителем Президента Российской Федерации в государствах-участниках СНГ.

Родился в 1945 году в Иркутске, куда его рабочая семья была эвакуирована в годы войны.

В 1967 году окончил МГИМО МИД СССР. После окончания института его распределили на работу во внешнюю разведку. Работал по линии этой организации в Бангладеш, затем в Индии. Вернувшись из Индии, он получил звание генерал-майора и возглавил отдел Южной Азии в Первом главном управлении КГБ.

При Е.М. Примакове, который тогда находился во главе Службы внешней разведки, в начале 1992 года В.И. Трубникова назначили его первым заместителем, а в январе 1996 года, когда Е.М. Примакова перевели на пост Министра иностранных дел России, В.И. Трубникова сделали руководителем внешней разведки.

Одновременно с работой во внешней разведке Вячеслав Иванович занимает ряд других постов. В начале февраля 1996 года он был введен в состав Совета безопасности России, в июле того же года — в Совет обороны. Несколько позднее он стал членом Временной чрезвычайной комиссии при Президенте Российской Федерации по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины.

В 1997 году он получил новые назначения, не покидая основного места работы: в Совет по внешней политике и в Правительственную комиссию по борьбе с незаконными экспортно-импортными валютно-финансовыми операциями.

Свободно владеет английским языком и хинди.

**ЦЫПЛЕНКОВА**
**Анна Вячеславовна**
(Йошкар-Ола)

Родилась 6 августа 1975 года в г. Йошкар-Оле.

Окончила с отличием в 1998 году юридический факультет Марийского государственного университета (МарГУ).

В настоящее время является преподавателем кафедры международного частного права юридического факультета МарГУ. Одновременно является аспиранткой кафедры гражданского и семейного права Московской государственной юридической академии (заочная форма обучения). Тема диссертационного исследования: "Договор присоединения как особая категория гражданского права".

Является одним из разработчиков www. — сервера "Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов" (www.adrr.ru в Интернете). В настоящее время занимается разработкой нового учебного курса "Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов" с целью последующего его внедрения в учебный процесс юридического факультета МарГУ.

Ведет совместную работу по созданию мультимедийного интерактивного курса "Представительство интересов клиента в досудебном разбирательстве дела в суде" CD-ROM.

Проходила научную стажировку на юридических факультетах Университета имени Ж. Мулена Лион III (Франция), и Университета г. Турку (Финляндия). Осуществила подготовку команды студентов юридического факультета МарГУ и руководила ею в апреле 2000 года на конкурсе имени Ф.Ф. Мартенса по международному гуманитарному праву, организованном Московской делегацией Международного Комитета Красного Креста в подмосковных Снегирях.

# А ВЫ НЕ ЗАБЫЛИ ПОДПИСАТЬСЯ НА 2001 ГОД НА ДВА ЖУРНАЛА ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ?

## *Это "Московский журнал международного права" и "Международное право — International Law".*

Подписка принимается во всех отделениях связи России (для зарубежных подписчиков информация публикуется на третьей странице обложки этого номера журнала).

Но самая выгодная подписка для граждан России и стран СНГ — непосредственно в редакции по адресу:

*117454 Москва, проспект Вернадского, 76*
*тел. 434-94-13; факс 434-94-52*
*спросить Ольгу Викторовну Платохину*

Стоимость редакционной подписки
120 руб. (за первое полугодие 2001 года, т.е. за два номера) и
240 руб. (за год, т.е. за четыре номера)
— на **"Московский журнал международного права"**

900 руб. (за год, т.е. за три номера)
— на двуязычный журнал **"Международное право — International Law"**, выходящий на русском и английском языках в одной обложке.

Редакционная цена гораздо ниже той, которая объявляется в отделениях связи, потому что не включает в себя наценок за пересылку и доставку. Вы будете получать журнал непосредственно из редакции сразу после его выхода из печати и намного раньше, чем через посредников.

Заявки и деньги на редакционную подписку на один или два журнала посылайте с указанием Вашего адреса, фамилии, имени и отчества по приведенному Выше адресу на имя Секретаря редакции Платохиной О.В.

# Книжная полка

## НУЖНОЕ ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

**(К. А. Бекяшев, М. Е. Волосов. Международное публичное право. Практикум. М.: — "Проспект", 2000. — 240 с.)**

Международное публичное право представляется весьма сложной правовой системой, состоящей из значительного числа отраслей и институтов. Студенты высшей школы, изучающие этот предмет, испытывают, как правило, большие трудности в овладении данной учебной дисциплиной. Помимо теоретического курса, студенты должны изучить весьма солидное количество международно-правовых документов. Главное же заключается в том, чтобы принципы и нормы международного права уметь применять к явлениям современной международной жизни, правильно ориентироваться в бурном водовороте текущих международных событий.

Решению указанной задачи призван содействовать рецензируемый Практикум. Как указывают его авторы в предисловии, одной из задач Практикума является привитие студентам навыков самостоятельного проведения сравнительного анализа реалий международных отношений и связанной с ними практики органов законодательной и исполнительной власти (внутригосударственных и зарубежных), а также деятельности межгосударственных (межправительственных) организаций, юридических и физических лиц.

В Практикум включены задания, выполнение которых поможет обучающимся, во-первых, дать на базе освоенного ими учебного, научного, нормативного и документального материала адекватную правовую оценку конкретной ситуации; во-вторых, выработать и обосновать свою собственную позицию по соответствующему вопросу и, в-третьих, в ряде случаев сформулировать предложения, направленные на совершенствование средств и способов регулирования международных отношений.

Пособие содержит тематику и задания по 25 темам. Каждое занятие состоит из двух частей: теоретических и методических установок, а также фактологического материала, практического задания и перечня нормативных актов.

Тематика занятий и подбор практических заданий в пособии в целом совпадают с перечнем тем, включенных в программу курса международного публичного права, разработанную Кафедрой международного права Московской государственной юридической академии на 1999—2000 и последующие учебные годы.

Рассмотрим более детально занятия по некоторым темам. По теме 9 "Права человека в международном публичном праве" в теоретических и методических установках даны понятия "население" и "гражданство", порядок приобретения и утраты гражданства, виды режимов в отношении иностранцев и лиц без гражданства, право убежища. Приведены многие юридические нормы, определяющие и закрепляющие права и свободы человека, как общего, так и специального характера. Перечислены составные части международного институционального механизма в области защиты прав и свобод человека.

В разделе фактологического материала и практических заданий помещены 11 задач, несколько вопросов к каждой из них, а также перечень нормативных актов, на основе которых можно ответить на поставленные вопросы.

Характерна задача № 5. Анализ политики, проводимой в странах Балтии — бывших прибалтийских республиках СССР — по отношению к представителям русской диаспоры, которая по своей численности составляет до 30 % всего населения таковых, свидетельствует о наличии в данном регионе стойких конфронтационных тенденций, препятствующих развитию плодотворного взаимовыгодного сотрудничества с Российской Федерацией. В присутствии подобных крайне негативных, с точки зрения целей, принципов и норм международного права, факторов, убеждают многие конкретные положения законов о гражданстве Литвы, Латвии и Эстонии, а также неоднократно высказывавшиеся некоторыми прибалтийскими государственными деятелями их официальной позиции по указанному вопросу.

Вопрос к данной задаче сформулирован следующим образом. Какие конкретные предложения, направленные на формирование политической линии в отношении Российской Федерации со странами Балтии в области обеспечения интересов русскоязычного населения, постоянно проживающих в этих странах, вы могли бы выдвинуть, базируясь на общепризнанных принципах и нормах международного права, закрепленных в универсальных либо региональных межгосударственных документах?

По теме 18 "Международное морское право" в теоретических и методических установках даны понятия международного морского права, пространства Мирового океана (внутренние морские воды, территориальное море, прилежащие зоны, исключительная экономическая зона, открытое море, континентальный шельф, международный район морского дна). Рассмотрен такой особый институт международного морского права, как режим международных проливов, включая Черноморские и Балтийские проливы. Кроме того, авторы пособия остановились на вопросах правового регулирования международных морских каналов, а также вод государств-архипелагов.

По данной теме авторами предложены 12 задач. Вот содержание задачи № 2. Как было сообщено МИД РФ от 18 декабря 1996 г., в Москве между представителями России, Исламской Республики Иран и Туркменистана состоялось ранее совещание по рассмотрению ряда практических вопросов, вытекающих из заключенного месяцем ранее

Меморандума о намерении трех стран сотрудничать в разведке и добыче нефтегазовых ресурсов со дна Каспийского моря. Этот документ исходит из того, что поименованные государства будут осуществлять изыскательную и эксплуатационную деятельность в своих прибрежных зонах. Основное внимание совещания сосредоточивалось на подготовке уставных документов совместной компании разработчика (эксплуатанта), которая должна быть открыта для участия всех прикаспийских государств.

Вопрос к задаче № 2. Как вы могли бы прокомментировать используемое в приведенном сообщении и упомянутом Меморандуме понятие "прибрежные зоны" в контексте применимых к данной ситуации общепризнанных норм международного права, а также в свете концепции, сторонники которой относят Каспий не к морским, а к озерным водоемам?

Задача № 12. Британская компания "Шелл" отказалась от планов захоронения в водах Атлантики отработавшей срок гигантской нефтяной платформы. В распространенном заявлении компании указывается, что она будет добиваться у властей разрешения на демонтаж платформы на берегу. Это решение, говорится в заявлении, принято в связи с протестами против морского захоронения со стороны ряда западноевропейских государств. Активные действия против затопления платформы предпринимали также члены международной экологической организации "Гринпис". По ее данным, в танках платформы находятся еще тысячи тонн нефти, которая может нанести серьезный ущерб окружающей среде.

Вопросы к задаче № 12. Какой правовой режим использования искусственных островов, установок и сооружений закреплен применимыми нормативными актами? Совпадает ли юридический статус морских искусственных островов, установок и сооружений со статусом островов естественного происхождения? Какие требования предъявляются применимыми нормативными актами к владельцам искусственных островов, установок и сооружений по окончании их использования в плане обеспечения безопасности мореплавания и экологической безопасности?

Интересно составлено занятие по теме 25 "Международное процессуальное право". В теоретических и методических установках сказано о том, что в отличие от материальных норм международного права, которые устанавливают юридический статус объектов регулирования, права и обязанности и ответственность субъектов этой правовой системы, процессуальные нормы призваны определять и регулировать методы и формы реализации материальных норм посредством установления определенных процедур, обязательных для исполнения правил, механизмов, обеспечивающих выполнение принципов и норм международного права. В состав этой отрасли входят нормы, упорядочивающие разрешение международных споров, оказание взаимопомощи государствами при осуществлении ими карательных функций в отношении правонарушителей, других видов юрисдикционных правомочий, предоставлении правовой помощи и т. д.

По указанной теме составлено 4 задачи. Вот одна из них — задача № 4. Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) впервые возбудил уголовное дело против действующего главы государства. В связи с событиями в Косово президент СРЮ Слободан Милошевич обвиняется в преступлениях против человечества, в том числе в организации массовых убийств. Трибунал выдал международный ордер на его арест. Аналогичные обвинения выдвинуты против президента Сербии Милана Милутиновича, вице-премьера федерального правительства Никола Сайновича, начальника генштаба югославской армии Драголюба Ойданиа и министра внутренних дел Сербии Влайко Стожильковича. Югославский президент рассчитывает на иммунитет от уголовного преследования.

МТБЮ создан решением Совета Безопасности ООН в мае 1993 г. для расследования дел о геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечества, совершенных на территории бывшей Югославии начиная с 1991 г. Обвинение против Милошевича — главнокомандующего косовской армией — выдвинуто на основе принципа "ответственности командира" за преступления, совершенные его подчиненными.

Вопросы к задаче № 4. Каковы основные полномочия МТБЮ? Что такое персональная юрисдикция МТБЮ? Подлежат ли С. Милошевич и другие лица личной уголовной ответственности? Какова процедура отбывания тюремного заключения в порядке исполнения приговора МТБЮ?

Приводимые в Практикуме задачи базируются на материалах, опубликованных в отечественных и зарубежных периодических изданиях. Ряд казусов заимствован из работ российских и зарубежных авторов.

Практикум предназначен для использования при любых организационных формах обучения — очной, вечерней, очно-заочной, заочной, экстерной, дистанционной. Подготовленное пособие может оказаться полезным также для аспирантов и преподавателей вузов, облегчая поиск фактологического материала и его интерпретацию применительно к конкретной учебной задаче.

**Е. Г. Моисеев,**
доцент кафедры международного права
МГЮА, кандидат юридических наук,
подробнее об авторе см. в № 4 нашего журнала за 1998 год.

*Рецензия поступила в редакцию в феврале 2000 г.*

# ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

**(Черниченко С.В. Теория международного права. Том II. Старые и новые теоретические проблемы. — М., 1999. — 531 с.)**

Монография С.В.Черниченко — продолжение опубликованной им в 1993 г. книги "Международное право: современные теоретические проблемы". В своей рецензии на указанную книгу[1] я отмечал, что она была одной из первых работ по теории международного права, изданных в России в новой геополитической ситуации. Однако, с тех пор в мире произошли довольно важные изменения, что побудило С.В. Черниченко, как это видно из содержания его новой работы, учесть их влияние на развитие международного права и оценить проблемы, которые ранее не были предметом исследования. Впрочем, автор обращается к анализу и таких вопросов, которые хотя и относятся к классическому "фонду" международного права (например, вопросы континуитета и правопреемства государств), но, тем не менее, требуют их нового осмысливания с учетом современной практики государств. Задачи, которые поставил перед собой С.В. Черниченко, определили и структуру его исследования, опирающуюся на два больших блока проблем: 1) международной правосубъектности; 2) международного правотворчества и правоприменения. В соответствии с этим первоначально автор стремится определить базовые для всего исследования понятия — понятия государства как личности и государства как субъекта международного права, что связано с определением характерных признаков государства. С.В. Черниченко исходит из того, что государство порождается социально дифференцированным обществом. Оно защищает общество, управляет им и выступает от его имени. В качестве особого признака государства автор выделяет положение, согласно которому государство представляет собой "организацию людей" (стр. 21), а сердцевину данной организации составляет аппарат присуждения (стр. 19). Однако, для современных целей исследования явлений такой подход к определению государства требует уточнений. В прошлом государство как "организацию людей" рассматривал английский философ Джон Локк, который считал, что оно есть совокупность людей, соединившихся в одно целое и выражающих общую волю. Но общую волю "организации людей" может выражать не только государство. Что касается последнего, то оно есть инструмент общества, которому свойственны как социальные, так и властные функции. В соответствии с этим государство, связанное с решением потребностей общества, его отдельных групп, неизбежно выступает как организация политической власти. Эта власть имеет публичный характер. Наличие публичной власти — определяющая черта государства. Такая власть имеет юридическое выражение. На это обращает внимание Г. Кельзен: "как политическая организация государство представляет собой правовой порядок".[2] Публичность государственной власти оказывает влияние на содержание других признаков государства. Например, это касается такой категории

как население, которое не является простой совокупностью людей. Это — совокупность лиц, подпадающих под юрисдикцию государства в качестве граждан, иностранцев, лиц без гражданства и т.п. Таким образом, государство не тождественно обществу, само же общество не есть простая совокупность физических лиц, а является результатом взаимодействия и особой взаимосвязи индивидов. Государство, выделившись из общества и выражая общественные интересы через органы публичной власти (а не только через ее часть — аппарат принуждения), представляет общество как внутри страны, так и за рубежом. В связи с этим требует корректировки используемый С.В. Черниченко термин "личность государства", под которым автор понимает специфическую организацию (государственный механизм) определенного народа на определенной территории (стр. 64). Этот термин может использоваться для целей юридического анализа, если исходить из представления о том, что личность государства связана с его публичной властью, т.е. имеет правовое выражение независимо от того, где она проявляется — внутри государства или вовне. Автор же нередко рассматривает личность государства лишь как социальное понятие, а не правовое (стр. 24 и др.). Это понятие С.В. Черниченко связывает с таким явлением как континуитет государства — т.е. с непрерывностью его международной правосубъектности, несмотря на изменения государственного механизма, социальные катаклизмы, оккупацию территории государства, распад государства и т.п. Как полагает автор, во всех этих случаях личность государства не гибнет, так как государственный механизм определенного народа сохраняется в принципе. Однако, вряд ли возможна единая теоретическая основа для всех случаев континуитета, поскольку точных критериев его оценки не существуют. Континуитет связан не с какими-либо международно-правовыми правилами, а с рядом доктринальных суждений. В связи с этим оценивать международную правосубъектность государства с точки зрения непрерывности существования его механизмов как выражения континуитета можно лишь на основе анализа конкретной ситуации. В своей монографии С.В. Черниченко действительно "примеряет" континуитет к ряду ситуаций, в частности, к ситуации России в процессе распада СССР, к ГДР в связи с вхождением в состав ФРГ, к положению прибалтийских государств после их выхода из состава СССР. Общий вывод автора, однако, слишком категоричен: континуитет международной правосубъектности государства несовместим с правопреемством (с. 84, 107 и др.). Данный вывод, касается, прежде всего, континуитета России, который, по мнению автора, существует с момента падения татаро-монгольского ига (стр. 71). Аргументация, приведенная на этот счет в монографии, недостаточно убедительна, особенно в той части, которая касается конкретных направлений "продолжательства" Россией Советского Союза, и решения вопроса о том, как сочетается с континуитетом России содержание соглашений между рядом государств — бывших республик СССР, включая Россию, касающихся правопреемства. Ссылки автора на непоследовательность политических решений, когда последние вместо континуитета связывались с правопреемством, не проясняют ситуации. Вместе с тем,

С.В. Черниченко все-таки допускает, что при континуитете возможен отказ от каких-либо договоров, части долгов и, более того, возможны территориальные изменения в случае коренного изменения обстоятельств. Но по сути такие "исключения" из континуитета есть приближение к практике правопреемства, которое реально регулируется обычно-правовыми и договорными нормами, составляющими определенный институт международного права. Применительно к ситуации России после распада СССР, можно лишь отметить, что Россия действительно явилась "продолжателем" СССР в Совете Безопасности ООН и сохранила членство в международных организациях, сохранила дипломатические и консульские представительства СССР. Однако, данное обстоятельство не может быть основанием для отказа России от возможности использовать институт правопреемства, т.е. быть правопреемником СССР по другим вопросам. Тем более невозможно игнорировать те международные договоры, которые заключила Россия именно в сфере правопреемства. Что касается континуитета России, то решаемые в его рамках отдельные вопросы не имели автоматического воплощения — они были в той или иной форме признаны другими государствами, что означает, что по сути их решение было согласовано. Интересно, что применительно к Украине и Белоруссии, которые, как и Россия, сохранили членство в ООН, автор придерживается иной концепции — концепции перехода их прав и обязанностей в отношении членства в данной организации именно на основе правопреемства. С.В. Черниченко пишет об автоматическом правопреемстве Украины и Белоруссии в ООН, которое было признано международным сообществом (стр. 108—109). Но в связи с этим неясно, каково содержание выражения "автоматическое правопреемство", тем более, что оно все-таки сопровождалось признанием.

Требуют уточнения положения автора о том, что государство выступает субъектом международного права потому, что оно способно участвовать в межгосударственных отношениях (стр. 36); что "в основе международной правосубъектности лежит, в конечном счете, личность государства в социальном смысле" (стр. 215). Указанные положения недостаточно определенны и требуют разъяснения. Когда заходит речь о способности государства участвовать в отношениях с другими государствами, может встать вопрос об уровне этих отношений. Так, Конституция РФ допускает, что субъекты Российской Федерации, в частности, республики, которые рассматриваются как государства, могут осуществлять международные и внешнеэкономические связи, т.е. в определенном смысле обладают способностью участвовать в международных актах, в том числе в международных договорах. Однако, данная правоспособность является ограниченной, так как она касается таких международных и внешнеэкономических связей субъектов, которые, во-первых, находятся в совместном ведении Российской Федерации и этих субъектов, а во вторых, на этой основе должны быть скоординированными (пункт "о" части 1 статьи 72 Конституции РФ). Поэтому субъекты федерации не могут рассматриваться в качестве субъектов международного права. Субъектом является федерация в целом. Она

обладает таким уровнем публичной власти, который позволяет действовать государству на международной арене самостоятельно и независимо, разумеется, с учетом требований основных принципов международного права. Если же оценивать договорные отношения между субъектами федерации, то эти отношения тем более не позволяют судить о них как о субъектах международного права: в этом случае в отношениях друг с другом находятся части одного и того же государства. Природа договорных отношений между субъектами федерации — государственно-правовая, а не международно-правовая (стр. 39).

Важен поднимаемый автором вопрос о международно-правовых ограничениях юрисдикции государства. В монографии обоснован вывод, согласно которому государство не может произвольно расширять свою юрисдикцию, которая бы выходила за рамки требований основных принципов международного права. Указанные принципы дают возможность разграничивать юрисдикцию государств, а не распределять ее между государствами. Как верно указывает С.В. Черниченко, юрисдикция государства является проявлением его суверенитета. Поскольку международное право не наделяет государства суверенитетом, то оно не наделяет их и юрисдикцией. Вопросы, возникающие в случае конкуренции юрисдикций различных государств, касающиеся регулирования однотипных отношений применительно к определенному кругу субъектов, могут быть разрешены лишь путем заключения соответствующего международного договора.

Большой интерес представляет современная интерпретация содержания права народов на самоопределение. Реализация этого права не обязательно означает государственное отделение определенного народа из пределов уже существующего государства. Народ может получить тот или иной статус в рамках многонационального государства. Государственное отделение народа — это только одна из форм реализации самоопределения. Право на самоопределение связано с возможностью соответствующего социального выбора. Автор подчеркивает, что право наций на самоопределение и право народов на самоопределение — не всегда одно и то же. Народ и нация могут совпадать в том случае, если речь идет о мононациональном государстве. Право наций на самоопределение должно реализовываться только в контексте права народов на самоопределение (стр. 180). Последнее является одним из коллективных прав народов, но тесно связано с индивидуальными правами человека. Как полагает С.В. Черниченко, суверенитет народа — не изначально присущее ему правовое качество. Однако, следует обратить внимание на то, что суверенитет народа имеет свою основу именно в виде права на самоопределение — каждый народ имеет право без вмешательства извне свободно устанавливать свой политический статус и осуществлять свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Народ имеет право и на обладание своими естественными богатствами и ресурсами. Вместе с тем, получивший международно-правовое закрепление принцип права народов на самоопределение включает недопустимость действий, которые вели бы к расчленению или нарушению территориальной целостности и политического единства суверенных государств, а также к нарушению прав и свобод человека.

В монографии С.В.Черниченко дан интересный анализ и ряда других теоретических вопросов. Так, на стр. 252—253 в рамках анализа международного правотворчества автор определяет элементы правотворческого процесса: индивидуальные социально значимые воли в психологическом смысле, волеизъявление государства в социальном смысле, волеизъявление государства в юридическом смысле. В практическом плане волеизъявление в социальном смысле может быть сразу облечено в форму волеизъявления в юридическом смысле. В этом случае правотворческий процесс завершается либо заключением международного договора, либо принятием обязательных решений от имени международной организации или международной конференции. Но целенаправленный нормотворческий процесс может оказаться прерванным — когда при "совпадении или совмещении согласованных волеизъявлений субъектов международного права" не будет конечного результата, в частности, международного договора. Автор также аргументировано отстаивает положение о том, что любая резолюция — рекомендация, исходящая от международной организации, в которой содержится ссылка на нормы международного права, сама по себе не теряет от этого своего рекомендательного характера. Другое дело, что положения такой резолюции впоследствии могут приобрести обязательный характер в силу их признания государствами в качестве международного — правового обычая (стр. 294—295). Таким образом, конечным результатом международного правотворчества являются международно-правовые обязательства сторон. Вместе с тем, автор, рассматривая вопрос о формах воплощения международно-правовых норм, в определенной мере невольно противопоставляет друг другу понятия "источники норм международного права" и "источники международного права". (стр. 300—301). Автор исходит из того, что первые источники согласно традиционной доктрине — это правовые нормативные акты и правовые обычаи, а вторые — охватывают международные договоры, резолюции международных конференций индивидуального характера, т.е. хотя и имеющие обязательную силу, но рассчитанные на однократное применение. По мнению С.В. Черниченко, индивидуальные правила, представляя собой предписания, дозволения и запреты, не содержат норм международного права и связаны с актами применения международно-правовых норм. Автор ставит вопрос: почему бы индивидуальные акты, все-таки являющиеся частью международного права (но не его норм), не рассматривать в качестве источников международного права? Однако, международное право не может существовать вне его источников, т.е. без той или иной формы воплощения. Его можно рассматривать как систему предписаний в виде нормативных, т.е. рассчитанных на многократное применение, и индивидуальных (однократных по характеру применения) положений, которые имеют международно-правовое содержание и официально-юридические формы (объективизацию) существования. Их существенными признаками является то, что они регулируют отношения сторон, имеют юридически обязательную силу и связаны с определенными юридическими последствиями. Следовательно, международное право может охватывать как нормативные (в

смысле многократности применения), так и индивидуальные, но юридически обязательные правила, выраженные в форме международного договора, определенного решения международной организации. Конечно, нормативно-правовые положения составляют основной массив международно-правовых правил. Нередко они представляют собой основу для последующего правового регулирования международного вопроса индивидуального характера. Но если исходить из того, что положения международно-правовых актов индивидуального характера являются частью международного права, то следует признать и то, что они имеют определенную форму объективизации, которая представляет собой источник международного права. Ведь предназначение формы состоит в упорядочении содержания юридически обязательного предписания.

Среди других выводов, содержащихся в монографии, привлекает внимание точка зрения С.В. Черниченко, согласно которой логичным было бы считать, что общепризнанные принципы и нормы международного права, признаваемые Россией в форме международно-правового обычая и являющиеся составной частью ее правовой системы (часть 4 статьи 15 Конституции РФ), — имеют в качестве "переадресованных", трансформированных норм приоритет перед законами РФ в случае расхождения положений законов с этими нормами (стр. 347).

Имеет принципиальное значение вывод С.В. Черниченко и о том, что концепция "гуманитарной" интервенции, как и концепция "расширенной" самообороны не находят какого-либо обоснования в современном международном праве (стр. 476).

Содержание монографии С.В. Черниченко свидетельствует о том, что в российской международно-правовой литературе появилась оригинальная работа, автор которой рассмотрел ряд важных аспектов теории международного права, которые обогатились новым содержанием. В работе прослеживается тенденция анализа международно-правовых проблем на основе привлечения материалов из дипломатического арсенала России и других государств и с учетом нынешнего состояния международных отношений — что придает содержанию монографии черты актуальности, подлинной современности и позволяет использовать ее в практических целях.

---

[1] См. Московский журнал международного права, 1996, №3, с. 242—249.
[2] *Kelsen Hans.* Theory of Law. Gloucester, Mass, 1989, p. 286.

**О.И. Тиунов,**
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ,
подробнее об авторе см. в № 4 нашего журнала за 1992 год.

*Рецензия поступила в редакцию в июне 2000 года.*

# ПО КАКИМ ПРАВИЛАМ СЛЕДУЕТ УБИВАТЬ (заметки на полях одной работы)

**(По поводу фолианта Эрика Давида "Принципы права вооруженных конфликтов". — Москва—МККК — 2000, 718 с.)**

Да, именно этому предмету посвящена книга Эрика Давида "Принципы права вооруженных конфликтов", изданная в 2000 году на русском языке в Москве Международным Комитетом Красного Креста (МККК) и являющаяся вторым изданием, можно смело сказать, знаменитого курса лекций по данной проблематике, который Эрик Давид, являющийся профессором Открытого Брюссельского университета, впервые издал в Брюсселе в 1994 году.

Начинается этот фундаментальный труд в 718 страниц "мелким шрифтом" с анализа истории возникновения и становления норм международного гуманитарного права (МГП). Из этого анализа вытекает, что первоначально порядок решения конфликтных отношений в человеческом обществе практически ничем не отличался от соответствующих законов, царящих в дикой природе. Право сильного, горе побежденным (vae victis), которых в древние времена истребляли или превращали в рабство, — это было нормой.

В работе скрупулезно прослеживаются основные факторы, этапы и причины pro и contra МГП. В частности, приводятся: заповедь Иеговы (устами Моисея) из Ветхого Завета поражать "весь мужской пол острием меча" того народа, который "не согласится на мир с тобою и будет вести с тобою войну", а в городах отдельных народов (Хеттеев, Аммореев, Хананеев, Фрезеев, Евеев, Иевусеев, Гергесеев) вообще "не оставлять в живых ни одной души". И это не оставалось лишь повелением Бога, к которому современный человек, воспитанный на принципах МГП, не может не испытывать омерзения, будь эта заповедь истинной, исходящей действительно от Бога (который, скорее всего, есть). Автор приводит и практические действия Рима в этом отношении: полное уничтожение страны Вольсков, истребление населения Регия, Вакки, Нумидии и т.д. (стр. 38).

Своеобразной отдушиной в этих мерзостях является призыв диктатора Камилла в IV веке проявлять великодушие к раненым (видимо, диктатора стало тошнить от переизбытка им же пролитой крови). Но такие же человекоподобные существа, называвшиеся римскими сенаторами, приговорили за это Камилла к ссылке, ссылаясь на то, что закон XII таблиц провозглашает, что "по отношению к неприятелю допустимо все".

Другой диктатор, Цезарь, полагавший правильным истребление 40 тысяч мужчин (в том числе стариков) и детей при взятии Аварика (Бурж) и приказавший отрубить руки защитникам Укселкодунума, восставшим против него в 52 г. до н.э., ухитрился приобрести репутацию очень великодушного полководца за то, что иногда избегал бесполезной бойни. Тоже, скорее всего, от пресыщения кровью.

Но Эрик Давид отмечает и более серьезные причины такого "реце-

дива Камилла". Он пишет: "Однако с развитием общественной мысли, осознанием воюющими сторонами необходимости **беречь свои людские ресурсы,** а также **иррациональности, бесполезности и даже экономической вредности** (здесь автор почему-то ссылается на Библию и Второзаконие) тотального уничтожения и истребления, а также из-за **страха возмездия** (подчеркнуто мною — **Ю.М.**) люди постепенно изменили отношение к побежденным" (стр. 38). Вот, оказывается, каковы прагматические истоки нашей сегодняшней гуманности и МГП в целом! А некоторые думают, что человечество попросту постепенно избавляется от скотства. Вовсе нет. Просто, так выгодней.

И далее автор последовательно прослеживает (хотя непосредственно и не повторяет высказанной выше мысли) в каких странах и как приживаются эти прагматические заботы наших далеких предков. В этой связи не забыты Индия (законы Ману), Китай, Япония, Латинская Америка (инки), Африка (Кения, Буркина Фасо), Греция. Но все же такое одностороннее, упрощенное понимание истоков МГП разрушает сам же Эрик Давид, когда, например, приводит слова блаженного Августина: "Если сражающийся враг и должен погибнуть, пусть это случится по необходимости, а не по твоей воле ... побежденный или пленный имеют право на сострадание". К сожалению, Августин не был юристом и его единственная, известная нам, профессия состояла в том, чтобы быть блаженным. Иначе бы он попытался дать определение термина "необходимость" и, скорее всего, быстро отказался бы от этой попытки. Но смеем предположить, что в любом случае он не мог исходить из критериев сбережения **"людских ресурсов", иррациональности, бесполезности и даже экономической вредности** или **страха возмездия.**

К чему я клоню? К тому, что Эрик Давид сильно упрощает вопрос. Происхождение гуманитарных норм двоякое. Сухая прагма, скучный расчет "выгодно-невыгодно", безусловно, оказывала (и оказывает) большое влияние на этот процесс. Но этим определялось (и определяется) сознание только животного примитива. Развитие других человеческих существ (хотя их процент и заметно меньше) происходило либо целиком под влиянием высоких начал духовности, гуманности, в принципе отвергающим причинение страданий человеку (к их числу, видимо, относится и блаженный Августин), либо в какой-то мере нелепого, бессмысленного сочетания того и другого. В этом плане Эрик Давид приводит впечатляющие примеры, способные порой вызвать ироническую усмешку.

Так, соборы в Шарру (989 г.), Нарбонне (990 г.), Ансе (994 г.) и Лиможе (997 г.) провозгласили неприкосновенность и иммунитет церквей, монастырей, бедняков, духовных лиц, торговцев, земледельцев и их имущества, выдавая это за правила Божьего мира, нарушение которых каралось отлучением от Церкви. Понятно, что объектом охраны здесь является исключительно то, что так или иначе связано с религиозным, культовым миром, который эгоистично сам же себя и пытался обезопасить, грозя слабонервным отлучением от Церкви. При полном, добавим от себя, a contrario пренебрежении ко всему остальному чело-

вековому миру. Такими же половинчатыми и даже забавными выглядят и нормы, запрещающие военные действия во время христианских праздников и с 15.00 субботы до 6.00 понедельника (Эльнский собор 1027 г.) и продление последних сроков с вечера среды до утра понедельника (Монтриондский собор 1041 г.). Плюс к этому периоды, предшествующие некоторым праздникам, следовавшие за ними, — и закономерен результат: примерно три четверти года стали для христиан днями обязательного мира.

Ислам в этом отношении следовал тем же половинчатым путем, осуждая преступления, нанесение увечий, пытки и ставя целью защиту от воздействия войны стариков, женщин, детей, мусульманских монастырских комплексов и их имущества. "Вагиат" (1280 г.) распространил этот перечень на душевнобольных, калек, парламентариев, источники и фонтаны (последние запрещалось отравлять). При всем при этом некоторые суры Корана предусматривают неприменение гуманитарных принципов к тем неверным, которые упорствуют в своей ереси. А до каких высот мерзопакостности докатываются авторы Ветхого Завета, когда обещают вечное блаженство тем, кто разобьет о камень младенцев вавилонских? (Псалом 136:9). Словом, "все хороши". И многие гордились отсутствием у себя каких-либо признаков жалости к человеку и своей способностью полностью игнорировать гуманитарные принципы. Как, например, генерал Вестерман, гордившийся тем, что "потоптал детей копытами коней и истребил женщин, которые — уж эти-то во всяком случае — не будут больше рожать разбойников".

Приводятся и другие примеры подобного рода, позволяющие автору сделать следующее резюме: "Естественно, не следует питать никаких иллюзий по поводу гуманитарного прогресса: речь идет об эволюции в форме ломаной линии, с пиками и провалами, когда воплощение самых благородных идей чередуется с самыми циничными предписаниями и гнусным варварством" (С. 41).

Полагаю, что сравнение с "ломаной линией" в данном случае неадекватно. Проще сказать, и тот и другой процесс шли и идут параллельно.

Все последующее посвящено "накоплению" гуманитарных принципов и норм, в первую очередь, в международном праве. Гуманитарные доктрины, как отмечает автор, имеют очень давние корни и содержат четыре фундаментальных принципа современного права вооруженных конфликтов:

- обязанность всегда проводить различие между комбатантами и некомбатантами, а, следовательно, соблюдать право некомбатантов на иммунитет;
- обязанность ограничивать себя в выборе средств ведения военных действий против неприятеля;
- возможность пресечения нарушения норм, применимых к военным действиям; отказ от какой-либо дискриминации при уходе за ранеными и больными. (С. 43).

"Настоящий взлет" гуманитарного права, по резонному мнению автора, начался в XIX веке, с развитием норм права нейтралитета и с

рождением движения Красного Креста. Соответственно, далее значительное место отведено нормам права нейтралитета и указанному движению. "В данном случае, — как бы с облегчением замечает автор, — основа этой гуманизации уже не является материалистской и коммерческой; она вдохновляется в первую очередь чувствами жалости, сострадания, великодушия и активного неприятия бессмысленного ужаса войны" (С. 45).

Собственно рождение ("реальное существование", "постановка на рельсы", выражаясь авторским языком) МГП Эрик Давид связывает с ратификацией в период между 1864 и 1907 годами Женевской конвенции от 22 августа 1864 года об улучшении участи больных и раненых и больных воинов в действующих армиях. С этим вполне можно согласиться.

Далее следует в целом обзорный материал договорных источников (С. 48—51) и обычных источников МГП (С. 52—54) с очень редкими вкраплениями авторской мысли. Тем не менее, она присутствует и здесь. В этом плане следует отметить проводимое автором различие между "общими принципами гуманитарного права" (как они выражены в отдельных положениях VIII Гаагской конвенции 1907 года и в статье 3, общей для всех четырех Женевских конвенций 1907 года) и "общими принципами права, признанными цивилизованными нациями", о которых идет речь в статье 38, пункт 1с Статута Международного суда. "Однако не следует и воображать, — предупреждает автор, — что эти "принципы" являются новыми источниками права; это все те же обычные нормы, квалифицируемые как "принципы" главным образом для того, чтобы подчеркнуть их фундаментальную значимость". (С. 52—53).

Все вышесказанное относится к введению. И мы уделили ему так много внимания не только по той причине, что именно здесь сосредоточены основные концептуальные позиции автора по вопросам возникновения и правовой природы МГП, но и потому, что многие соображения, высказанные автором во введении, корреспондируют материалу всей книги. Но это вовсе не значит, что все основное здесь выражено и дальше книгу не следует читать. Отнюдь.

Первая глава работы посвящена сфере применения права вооруженных конфликтов.

Предпослав данному материалу свои взгляды на то, какой "спектр ситуаций" (по мнению автора, чрезвычайно широкий) относится к праву вооруженных конфликтов (С. 63), Эрик Давид переходит к раскрытию первого из перечисленных в этом "спектре" вопросов: "Какие нормы включает в себя право вооруженных конфликтов"? В общем, подход автора в данном случае можно назвать уже традиционным и широким: "Сводимое stricto sensu* к гуманитарным аспектам jus in bello**, право вооруженных конфликтов подразделяется на две категории норм: с одной стороны, нормы, регулирующие ведение военных действий (методы и средства ведения войны); с другой — нормы,

* В узком смысле — *лат.*

** Право на войну — *лат.*

относящиеся к обращению с лицами, оказавшимися во власти неприятеля (военнопленные, раненые, больные, потерпевшие кораблекрушение, гражданское население оккупированной территории...)" (С. 64). Первый комплекс этих норм принято называть "гаагским правом", второй — "женевским правом".

Вслед за этим автор затрагивает чрезвычайно важный и проблемный вопрос о том, должны ли во время вооруженных конфликтов (независимо от того, как рассматривается право вооруженных конфликтов — в широком или узком смысле) оставаться в силе нормы, применяемые в мирное время.

Открывается этот материал (добавим от себя — вполне естественно) на стр. 71 с темы "Право вооруженных конфликтов: право, открытое для прав личности". В этих целях автор объединяет права личности в две категории норм вокруг пары "свобода и равенство" или соответствующего диптиха "абстрактный человек и человек в ситуации", подчеркивая соответствующими сносками, что он здесь не первооткрыватель.[1] Основные концептуальные позиции в данном вопросе следующие: существует обязанность применять в условиях вооруженного конфликта основные нормы, относящиеся к защите прав личности (С. 73 — 75); война как основание для приостановления действия норм, относящихся к защите прав личности (хотя последние и не входят непосредственно в право вооруженных конфликтов), должна истолковываться в узком смысле, особенно учитывая, что именно во время войны правам личности грозят самые серьезные опасности (С. 75).

Автор отмечает сходство содержания и взаимодополняемость двух данных систем, хотя "точки соприкосновения" у них, по его мнению, ограничены. В любом случае, как он полагает, "на практике применимость прав личности к ситуациям вооруженных конфликтов способна юридически усовершенствовать защиту жертв войны, когда то или иное право защищается одной из двух систем. (С. 78).

Близость указанных двух систем побуждала и побуждает многих юристов из разных государств объединять их в рамках некоей универсальной теоретической общности, да и сами государства способствуют такой "взаимной ассимиляции", что приводит к "смешению жанров" (в обоих последних случаях кавычки Эрика Давида). Как полагает Э. Давид, с которым мы согласны, отсутствие терминологического разнообразия в данном случае не имеет большого значения. Но дело, собственно, не в терминологии как таковой. Эти две группы норм можно рассматривать и изолированно и совместно. Но в любом случае эти две системы дополняют друг друга и совмещаются, не составляя "ответвление одного общего ствола", которым является международное гуманитарное право (терминология Э. Давида), хотя теоретически права личности могут продолжать применяться во время войны (С. 79). И далее дается наглядная, графическая схема такого взаимодействия.

Затем следует большой раздел, в котором исследуются теоретические вопросы правовой природы права вооруженных конфликтов, являющегося в основе своей jus cogens. Ставятся, в частности, такие вопросы как: особая природа права вооруженных конфликтов (С. 81), соответствие

этого права определению jus cogens (С. 82—85), факторы незыблемости некоторых норм данного права (С. 85—87).

В разделе II "Когда применяется право вооруженных конфликтов" (сфера применения ratione materiae — в виду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения, — *лат.*) читатель найдет интереснейшие соображения и обобщения по таким вопросам как: что называть вооруженным конфликтом (С. 88—107), когда вооруженный конфликт считается международным (С. 107—150)[2]; применяется ли право вооруженных конфликтов вне рамок вооруженного конфликта (С. 150-156). Здесь Э. Давид, со ссылкой на другую свою же работу, не удерживается от некоторых эмоциональных, но уместных ремарок типа: "...если в праве вообще необходимы точность и строгость, то в сфере права вооруженных конфликтов "технические" соображения иногда менее важны, чем великодушие, сострадание и здравый смысл. Здесь нужно меньше формализма и больше души, и необходимо признать существование принципов гуманности". И напоминает, что в деле Круппа американский военный трибунал в Нюрнберге заявил, что действия, запрещенные законами и обычаями войны, не могут стать разрешенными путем применения сложных юридических построений" (С. 156).

Раздел III данной главы называется "К кому применяется право вооруженных конфликтов?" (С. 156—176). Здесь, естественно, речь идет, прежде всего, о государствах, затем — о международных организациях, национально-освободительных движениях и "других полугосударственных образованиях", сторонах — участницах немеждународного вооруженного конфликта, индивидуумах (как представителей государственной власти, так и частных лицах, — в их отношениях с неприятельской державой).

Короткий (С. 176—177) Раздел IV имеет название "Где применяется право вооруженных конфликтов?" (сфера применения ratione loci*).

Заканчивается данная глава снова разделом "Когда применяется право вооруженных конфликтов" (С. 177—180). Для неспециалиста это может показаться чуть ли не ошибкой автора, поскольку о данной сфере речь уже шла выше. Но тут выручает латынь. Если в первом случае имелось в виду ratione materiale, то в данном случае — ratione temporis**. Речь идет о том, что действие права вооруженных конфликтов не обязательно прекращается, когда заканчивается собственно конфликт: можно ждать завершения военной оккупации, конца.

Все предыдущее, хотя и занимает значительный объем (180 страниц), но является как бы своеобразным введением к Главе второй (и центральной), которая носит название "Основные "содержательные" нормы права вооруженных конфликтов" (С. 181—417).

Коротко (С. 183—185) отдав должное принципам гуманности и соразмерности, как они закреплены в международных договорах и толкуются в доктрине, Э. Давид переходит к теме Раздела I "Нормы ведения военных действий (Гаагское право)". Последнее Э. Давид сводит к

---

* В виду обстоятельств, связанных с местом — *лат.*

** В виду обстоятельств, связанных с временем — *лат.*

одной простой формуле: не нападать на кого и на что попало и как попало. Это значит, как подчеркивает автор, наличие трех ограничений на ведение военных действий: ratione personae*, ratione materiae и ratione conditionis**, которые рассматриваются в рамках международных вооруженных конфликтов и немеждународных вооруженных конфликтов.

Бессмысленно, даже кратко, пересказывать огромный информационный материал данной главы — проще прочесть соответствующие документы. Но и концептуальные акценты автора по этому материалу, представляющие научный и практический интерес, занимают довольно значительное место в работе. Среди них отметим следующие:

- из рассмотрения концепции тотальной войны вовсе не следует полное стирание различий между военными и невоенными объектами и полная невозможность проведения различия между комбатантами и некомбатантами, как считают некоторые,...хотя правовая защита гражданских лиц от прямого воздействия военных действий все же не является абсолютной (С. 188—189. Позднее автор возвращается к этой теме);

- понятие "гражданское лицо" следует применять в том значении, которое придано ему в Статье 50 Дополнительного протокола I, особенно в отношении двух "уточнений" принципиальной важности: в случае сомнений лицо, которого они касаются, считается гражданским (пункт 1); присутствие отдельных комбатантов среди гражданского населения не лишает это гражданское население его "гражданского характера" (пункт 3) и наоборот (комбатанты не становятся гражданскими лицами благодаря тому, что находятся среди гражданского населения) (С. 189);

- лица из состава сил ООН приравниваются к гражданским (некомбатантам), если они не задействованы в операции, санкционированной Советом Безопасности в качестве принудительной меры в соответствии с положениями главы VII Устава ООН (С. 190);

- согласно статье 3 bis к Чикагской конвенции 1944 года "любое государство должно воздерживаться от применения оружия против гражданского воздушного судна, находящегося в полете"[3] (С. 191);

- для признания лица гражданским необходимо, чтобы оно принимало непосредственное участие в военных действиях, в случае сомнений относительно того или иного лица действует презумпция его гражданского характера; если гражданское лицо, принявшее участие в военных действиях, снова обретает свой гражданский характер, это не мешает неприятельскому государству задержать его и, возможно, привлечь к уголовной ответственности (С. 193);

- при определении критерия соразмерности в данном случае сохраняется различие в подходах государств, но в любом случае недопустимо нападать на лиц, вышедших из строя, и лиц, обеспечивающих медицинскую, санитарную и духовную помощь жертвам конфликта, а также организацию гражданской обороны в их интересах (С. 195—201);

---

* В виду обстоятельств, связанных с лицом — *лат.*

** В виду обстоятельств, связанных с условиями — *лат.*

- у обороняющейся стороны существует двоякая обязанность: пассивная (состоящая в неиспользовании некомбатантов для обороны военных объектов и содействия военным операциям) и активная (предусматривает удаление, по мере возможности, гражданских лиц и гражданского имущества от военных объектов и нерасположение последних вблизи от густонаселенных зон);

- не существует объектов, которые по своей сущности были бы исключительно гражданскими или военными (С. 208);

- незаконно любое бесполезное разрушение, даже если разрушаются объекты, не являющиеся гражданскими stricto sensu (С. 210);

- другие действующие запреты в данной области (С. 212—225) включают также запрещение причинять значительный ущерб окружающей среде (С. 225—228), а также нападать на сооружения и установки, содержащие опасные силы, в частности — на ядерные установки (С. 229—231);

- должны и далее развиваться ограничения на использование и запрещение некоторых видов оружия (делающего смерть неизбежной, наносящего чрезмерные повреждения, неизбирательного действия) (С. 233—287);

- использование некоторых знаков, предоставляющих защиту, не в тех целях, для которых они были учреждены (даже с невраждебными намерениями), является незаконным (С. 297—298);

- необходимо применение основополагающих гуманитарных принципов во всех вооруженных конфликтах (С. 306);

- к немеждународным вооруженным конфликтам должны применяться соответствующие нормы "гаагского права" (перечислены на С. 309);

- статус военнопленного не предполагает абсолютного иммунитета взятого в плен комбатанта в отношении судебных преследований (С. 317—318, 329—331);

- комбатант-шпион утрачивает право на статус военнопленного и может преследоваться на основании уголовных законов государства, во власти которого он оказался, только если он действовал в гражданской одежде и был задержан в то время, когда он занимался шпионажем (С. 341), а если он являлся наемником, то может быть привлечен к уголовной ответственности за участие в конфликте (С. 342);

- частные лица, находящиеся под юрисдикцией воюющих сторон, также имеют права и несут обязанности (в пределах их возможностей) по защите раненых и больных и лиц, потерпевших кораблекрушение (С. 353, 354);

- в статье 18, пункт 2 Дополнительного протокола II (вызывающего дискуссии между его комментаторами, занимающими "противоречивую позицию") предусмотрена скорее обязанность, чем простая возможность оказывать помощь (С. 356);

- буква и дух некоторых норм общего международного права позволяют говорить о долге всего мирового сообщества помогать жертвам вооруженных конфликтов, что является логическим следствием права на жизнь, признанного за каждым человеком (С. 357);

- при нынешнем состоянии международных отношений третьи го-

сударства могут силой принудить государство принять помощь или предпринять интервенцию в сугубо гуманитарных целях только в случаях, ограниченных коллективной необходимой обороной, или по специальному разрешению компетентных органов ООН (С. 361);

- некоторые виды помощи жертвам вооруженных конфликтов вправе предлагать население (С. 362), а также неправительственные организации помощи международного характера, такие как "Врачи мира", "Врачи без границ", МККК и т.д. (С. 365);

- хотя режим интернирования регламентирован в Женевской конвенции IV, "...и речи быть не может о том, чтобы посредством Женевской конвенции IV узаконить систему концентрационных лагерей, подобную той, которая была создана Германией во время второй мировой войны" (С. 372);

- права лиц, находящихся во власти неприятеля, неприкосновенны и неотъемлемы (С. 374—376);

- оккупация не изменяет статуса оккупированной территории, не являясь ни завоеванием, ни аннексией, при сохранении властных структур побежденного государства, пусть даже в изгнании (С. 376—378), причем оккупирующее государство обязано применять законы оккупируемого государства, в том числе касающиеся прав человека (С. 378—386);

- не может применяться обычное право, когда высылаются жители с оккупированных территорий (С. 388).

Третья глава названа "Право вооруженных конфликтов: выполнение и контроль за соблюдением".

Прежде всего здесь рассматриваются общие принципы такого выполнения, затем раскрывается роль государств в выполнении права вооруженных конфликтов (ратификация соответствующих договоров, распространение знаний о таких договорах, исполнение предписанных ими обязанностей).

В данной главе следует выделить следующее:

- оправдательный тон в отношении того, что МИНУСРО (Миссия ООН по организации референдума в Западной Сахаре) "не могла оставаться молчаливым свидетелем действий, которые могли причинять ущерб правам человека". (Слова Генерального Секретаря ООН по поводу серьезных беспорядков, имевших место в Западной Сахаре) (С. 428). Автор акцентирует внимание на том, что в соответствии с правилами проведения операций МООНПР эта Миссия **должна** была действовать в случае совершения участниками какой-либо группы преступлений против человечности.

Чрезвычайно важная тема! И вслед за автором мы приведем небольшую цитату из указанных правил: "В ходе исполнения мандата ООН могут быть совершены преступные действия на этнической или политической почве, что с нравственной и правовой точки зрения требует от МООНПР принять все возможные меры для их пресечения. Такими преступлениями являются казни, нападения на перемещенных лиц или беженцев, бунты на этнической почве, нападения на демобилизованных военнослужащих и т.д. В вышеуказанных обстоятельствах вооруженный персонал МООНПР должен соблюдать правила поведения, изложенные

в настоящей инструкции, оказывая помощь UNCIVPOL (силам гражданской полиции ООН) и местным властям, а в их отсутствие — предпринимая необходимые действия для предотвращения любых преступлений против человечности".[4]

Далее автор подчеркивает, что в соответствии с этими правилами аналогичное обязательство возлагается на МООНПР даже в случае совершения общеуголовных преступлений.[5] И продолжает: "Можно только сожалеть, что Генеральный секретарь ООН не распространил выполнение данной инструкции в апреле — июне 1994 года, когда ополченцы хуту в присутствии МООНПР развязали геноцид в Руанде. Подобное бездействие означает, что ответственность за эти события ложится на ООН, которая должна возместить нанесенный ущерб" (С. 428 — 429).

Продолжив эту тему, автор делает чрезвычайно важный концептуальный вывод: "Если обязательство "соблюдать" и "обеспечивать соблюдение" прав человека включает в себя обязанность пресекать их нарушения, a fortiori* так дело должно обстоять и для обязательств "заставлять соблюдать" международное гуманитарное право" (С. 431).

Но на практике дело как раз хуже всего состоит в том, как именно "заставить соблюдать" МГП. Автор пытается наметить в этом плане некую концептуальную основу, но, как представляется, довольно вяло. В чем конкретно, на наш взгляд, выражается эта "вялость"?

Во-первых, по моему убеждению, он упрощает картину, выдавая желаемое за действительное, когда пишет: "Правда судебное постановление, вынесенное по делу Веласкеса, похоже, ограничивает эту обязанность пресечения только государствами, на территории которых совершено нарушение прав человека. Таким образом, это как бы не касается третьих государств. Однако следует напомнить, что в той мере, в какой нарушение прав человека приравнивается к преступлениям против человечности, третьи государства связаны знаменитой обязанностью aut dedere aut punire[6] (либо выдать, либо наказать — *лат.*).

Упрощение здесь состоит в том, что, независимо от дела Веласкеса, "знаменитой обязанности" корреспондирует латинское aut dedere aut judicare, т.е. "выдай или суди", а не "выдай или накажи", как преподносит это Э. Давид. И то, что он не одинок в таком своем преувеличении (язык не поднимается сказать — "в заблуждении"), не извиняет столь маститого ученого, даже корифея.

Окончание данного параграфа еще больше ослабляет авторскую мысль, поскольку не содержит ничего, кроме "дежурной" информации:

"Относительно югославского конфликта и, в частности, столкновений в Боснии и Герцоговине Совет Безопасности заявил, "что лица, совершающие или приказывающие совершать серьезные нарушения Конвенций (Женевских конвенций 1949 г.), несут индивидуальную ответственность за подобные нарушения".[7]

Затем Совет Безопасности создал комиссию экспертов для расследования серьезных нарушений гуманитарного права, "совершенных на

* Тем более — *лат.*

территории бывшей Югославии"[8], в том числе практики "этнических чисток".[9]

Наконец, Совет учредил Международный уголовный трибунал с тем, чтобы "судить лиц, подозреваемых в совершении этих нарушений".[10]

"Ну и что?" — спросите вы. Действительно, что с того, что Совет Безопасности сделал заявление или создал указанную комиссию экспертов? Какое отношение это имеет к принуждению соблюдать МГП? Ведь последнее имеет важнейшее значение a priori (на стадии предотвращения и пресечения), но не a posteriori* (на стадии установления фактов, расследования, ответственности, возмещения вреда, наказания). Собственно и Международный уголовный трибунал в этом отношении ничего нового не добавляет к существующей системе, поскольку предназначен лишь для суда над соответствующими лицами, уже совершившими инкриминируемые им нарушения.

Более конструктивным в этом плане представляется материал параграфа 3 данной Главы, названный "Принять меры по применению МГП внутри страны". Речь идет об обязательстве, которое в общем виде сформулировано в статье 80 Дополнительного протокола I, но "подразумевается" статьей 1, общей для Женевских конвенций, и статьей 1, пункт 1 Дополнительного протокола I и "явным или неявным образом присутствует в любом положении, выполнение которого требует от государства принятия законодательных, административных или иных мер", которые (меры) особенно многочисленны в Женевских конвенциях 1949 года, Гаагской конвенции 1954 года и Дополнительных протоколах 1977 года.

Для отечественных юристов акцент на необходимости принятия указанных мер особенно актуален в свете статьи 15, пункт 4 Конституции Российской Федерации. Имеются в виду те юристы (они действительно имеются, и в немалом количестве), которые полагают, что ничего страшного нет в том, что положения международного договора РФ не будут трансформированы в наше законодательство. Дескать, и без этого второе предложение указанного пункта статьи 15 будет "работать" в силу установленного здесь примата международного договора РФ над законом.

Не так все просто. Не будем повторять многочисленные соображения на эту тему, высказанные в юридической литературе последних лет. Сделаем лишь акцент на крайней желательности указанной трансформации, хотя бы потому, что существуют многочисленные примеры того как при ее отсутствии соответствующие международные договоры не работают собственной силой (не имеют, да и не могут иметь, прямого действия в национальной правовой системе), несмотря на закрепленный в конституции страны указанный примат.

В этом отношении Э. Давид приводит Бельгию в качестве "яркого примера невыполнения этого обязательства, так как не приводила свое уголовное законодательство в соответствие с предписаниями в сфере уголовного права Женевских конвенций 1949 г и Дополнительного

* A priori — до; a posteriori — после (*лат.*).

протокола 1, хотя только в Дополнительном протоколе более сорока статей обязывают государства принять особые меры в этой области".

В конце концов, та же Бельгия создала Межведомственную комиссию по гуманитарному праву, а 16 июня 1993 года даже приняла специальный закон о пресечении серьезных нарушений Женевских конвенций и Дополнительных протоколов.

Пожалуй, самым удивительным (Э. Давид называет это "странным") фактом в МГП является закрепление во всех без исключения договорах, относящихся к праву вооруженных конфликтов, положений, предусматривающих возможность их денонсации. Э. Давид предлагает не преувеличивать последствия и значение этих положений, во-первых, потому, что они, к счастью, до сих пор не применялись. Во-вторых, как он отмечает, даже в случае их применения, действовать они начали бы только год спустя после денонсации, а если в течение этого срока денонсирующая сторона оказалась бы вовлеченной в вооруженный конфликт, то вступление денонсации в силу было бы отложено до окончания этого конфликта. В-третьих, по мнению автора, выручает оговорка Мартенса, которая воспроизведена в соответствующих документах и в соответствии с которой денонсация "никак не будет влиять на обязательства, которые стороны, находящиеся в конфликте, будут обязаны продолжать выполнять в силу принципов международного права, поскольку они вытекают из обычаев, установившихся среди цивилизованных народов, из законов человечности и велений общественной совести". И далее указывает, что многие основополагающие принципы права вооруженных конфликтов находили свое подтверждение в документах ООН и могут считаться вошедшими в международное обычное право.

Очень уж все упрощено. Давайте, например, встанем на позицию не просто мещанина, а и отечественного юриста-практика, судьи — в том числе. Читая или вспоминая второе предложение пункта 4 статьи 15 Конституции РФ, такой юрист, вполне естественно (в случае денонсации Россией соответствующего договора), сделает вывод о том, что в данной сфере нет международного договора, которым связана Россия. А воспринимать соответствующие обычные или даже jus cogens нормы в контексте первого предложения той же статьи (общепризнанные принципы и нормы и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы) ему может быть попросту непосильно, поскольку выявление указанной "общепризнанности" вообще находится вне сферы его компетенции.

Кроме того, возникает естественный вопрос a contrario: если соответствующие нормы стали нормами обычного права, а тем более jus cogens, то в чем же смысл и правомерность отказа от них через денонсацию договора. Не проще ли добиваться утверждения в праве международных договоров принципа, в соответствии с которым не может быть денонсирован договор, содержащий кодифицированные обычно-правовые международные нормы и нормы jus cogens? Пусть другие отрасли международного права для этого еще не дозрели, но где-где, а в праве вооруженных конфликтов — самое время!

Э. Давид пытается успокоить читателя (возможно, и себя) следующей риторикой: "Возможность денонсировать договоры, относящиеся к праву вооруженных конфликтов, оказывается в большей степени теоретической, а предусматривающие ее положения могут считаться всего лишь стандартными формулировками" (С. 433). Могут, разумеется. Но если государства от теории перейдут к практике и начнется обвальный процесс денонсации рассматриваемых нами договоров, интересно — что вообще останется от права вооруженных конфликтов как такового? Словом, данный институт, его договорную основу, надо как можно скорее укреплять, а не полагаться на сомнительную силу "параллельных" обычно-правовых норм и общих норм jus cogens, которые, кроме прочего, попросту не в состоянии охватить даже тысячной доли того громадного спектра, массива договорных норм в данной области, который представлен в действующих международных договорах.

Сравнительно небольшой (С. 433— 436) раздел в работе посвящен роли Держав-покровительниц, под которыми понимаются нейтральные государства, получающие поручение от воюющего государства защищать интересы последнего, а также его подданных пред третьим государством (чаще всего — неприятельским и чаще всего в отношении военнопленных и интернированных лиц, раненых, больных, потерпевших кораблекрушение). Раскрывая содержание соответствующих норм, автор, вместе с тем, кратко излагает причины, по которым "эта система никогда не функционировала такой непродолжительный период времени, как со времени своей легализации" и по которым МККК "как правило, выполнял de facto функции Держав-покровительниц".

Вполне естественно, далее автор переходит к изложению деятельности МККК, начиная с "обязательного" в таких случаях теоретического вопроса: "Не является ли МККК, учитывая международную деятельность, которую он ведет, субъектом международного права, несмотря на свой статус частного юридического лица"? Как полагает Э. Давид, доктрина на этот вопрос ответила утвердительно, а многочисленные соглашения МККК с государствами (порядка пятидесяти) признают за последним даже статус субъекта внутреннего права (позволяя ему заключать контракты, обладать гражданской процессуальной правоспособностью, приобретать и отчуждать движимую и недвижимую собственность на территории принимающего государства), предоставляют МККК привилегии и иммунитеты как и другим межправительственным организациям (что часто определяется конкретными ссылками на Венскую конвенцию 1961 года о дипломатических сношениях, либо на Конвенцию 1947 года о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений ООН, либо на привилегии, признаваемые принимающим государством за дипломатами и членами миссий межправительственных организаций).

По мнению автора, гуманитарная деятельность МККК включает в себя полномочия по установлению фактов, но исключает функцию расследования. В отношении последней автор, тем не менее. считает необходимым подчеркнуть, что МККК "никогда не упускал возможности произвести негласную, но эффективную проверку соблюдения Же-

невских конвенций" (С. 442—443). Хотя последние и Дополнительный протокол 1 явным образом не поручают МККК контролировать их применение, МККК выполняет соответствующие функции, "в юридическом плане основываясь скорее не на формальном содержании надлежащих документов, а на давней и повторяющейся практике" (С. 443). В данном месте приходится проявить вежливость и промолчать, поскольку чрезвычайно трудно комментировать заявление маститого ученого о том, что международной организации можно не обращать внимания на "формальное содержание" соответствующего международного договора и присваивать себе ту функцию, которая ей нравится, превращая ее со временем в "повторяющуюся практику"...

В отношении роли МККК в немеждународных вооруженных конфликтах (выше речь шла о международных вооруженных конфликтах), что относится к предмету Дополнительного протокола II, автор отмечает за МККК право инициативы предлагать свои услуги сторонам в конфликте.

Тезисно отмечена в работе роль и других организаций помощи, состоящая исключительно в миссиях благотворительного и социального характера.

В разделе данной главы, названном "Контроль за соблюдением права вооруженных конфликтов" (С. 454—463), читатель (за редким исключением) найдет почти исключительно соответствующую информацию: о двустороннем расследовании (двадцать строк); о расследовании в рамках специально учрежденного органа; о компетенции Комиссии по установлению фактов; о принятии Комиссией дела к производству (здесь выделено "сожаление", которое выразили западные государства и развивающиеся страны по поводу отказа от автоматического вступления в силу юрисдикции Комиссии); о процедурных аспектах работы Комиссии.

Завершается глава разделом "Перспективы", в котором автор счел необходимым выделить следующее:

- двустороннее расследование остается своего рода юридическим курьезом;
- в неоднородном международном сообществе, представляющем собой совокупность суверенитетов, процедура расследования так же дисфункциональна, как и судебное урегулирование и внушает потенциальным "пользователям" такое же недоверие.
- не стоит впадать в чрезмерный пессимизм, так как есть основания надеяться, что сама возможность появления миссии для установления фактов заставит государства, признавшие компетенцию Комиссии, воздержаться от нарушений Женевских конвенций и Дополнительного протокола I.

На этой оптимистичной ноте перейдем к Главе четвертой, самой, пожалуй, пессимистичной в работе, что следует уже из ее названия "Ответственность за нарушение права вооруженных конфликтов".

Данная глава отличается описательностью, компилятивностью. Освещая вопросы, относящиеся к международному вооруженному конфликту, автор выделяет такие аспекты как: вменение в вину нарушений

права вооруженных конфликтов (касаясь действий регулярных вооруженных сил, нерегулярных вооруженных сил и частных лиц (С. 469—472); обстоятельства, освобождающие от ответственности за нарушение права вооруженных конфликтов (согласие, законные контрмеры, необходимая оборона, бедственное положение, состояние необходимости, форс-мажор и непредвиденный случай, прочие обстоятельства); реализация международной ответственности. В отношении немеждународного вооруженного конфликта раскрываются два аспекта: применимость к таким конфликтам принципов международных вооруженных конфликтов и проблема международной ответственности неправительственных группировок.

Раздел II данной главы содержит весьма обширный (С. 489—597) материал по теме "Уголовная ответственность отдельных лиц". Несмотря на эту обширность, в данном разделе автор стремится не высказывать свою позицию (может, это и к лучшему), а систематизировать громадный нормативный и научный массив по данному вопросу. Ознакомление с данным разделом, несомненно, сэкономит читателю массу времени, которое он потратит на изучение соответствующих источников.

Название Главы пятой звучит риторически: "Почему так часто нарушается право вооруженных конфликтов"? Содержащийся здесь "Макросоциологический феномен" (так назван Раздел I) представляет мало интереса с точки зрения "чистого права". Читателю, заинтересованному узнать, что в данном разделе затрагивается, сообщаем названия параграфов: продукт исторического развития: теория противоречий; контекст вседозволенности.

Раздел II данной главы назван "Микросоциологический феномен". Названия соответствующих параграфов: факторы, действие которых испытывает субъект: формирование личности; доводы, выбираемые субъектом: рациональные и псевдорациональные алиби.

В заключении (С. 657—661) делаются некоторые общие выводы, в которых, строго говоря, бесполезно искать концептуальное обобщение материала данной работы. В первых же строках заключения Э. Давид подчеркивает, что "настоящий труд — не научное исследование, а простая компиляция различных принципов и проблем в области права вооруженных конфликтов...Учитывая разнообразие затронутых тем и множественность направлений, представленных в настоящей книге, она, как и любой учебник такого рода, прекрасно могла бы обойтись и без заключения".

Все правильно. Читатель тоже ничего не потеряет, если "обойдется без заключения", в котором больше патетики, чем авторских соображений о том, что вышло из-под его пера.

Несмотря на этот критический тон, очень советую прочитать, или хотя бы пролистать, данный труд тем, кто преподает МГП, право вооруженных конфликтов. Это действительно толковый учебник, очень добросовестный и всесторонний. Авторские "интервенции" в научную область (их надо воспринимать с осторожностью, помня вышеприведенное извинение автора, что это — "не научное исследование"), его социологические (макро и микро) экскурсы только оживляют материал,

что, собственно, крайне важно как для лекционного, так и семинарского процесса.

К тому же работа завершается богатой библиографией по теме. Хотелось бы сказать — превосходной, но не получается: здесь представлены только западные авторы. Жаль, в отечественной науке международного права сложилась школа по праву вооруженных конфликтов, и у наших лучших представителей Э. Давиду (и не только ему) есть чему поучиться.

Прилагается к работе Хронологическая таблица основных цитируемых в ней договоров и Хронологическая таблица основных решений международных судов.

---

[1] See. *Mertens P.* Quel homme doit être pris concideration quant à la protection de ses droits? Rapport à la conference parlementaire sur les driot de l'homme. Vienne, 18—20 octobre 1971, Consiel de l'Europe, 1972, p. 36. См. также сноски на стр. 72—79. Вообще литература на данную тему весьма обширна, что и раскрывается в работе.

[2] Значительный объем данного раздела объясняется как многообразием, так и сложностью анализируемых автором таких квалифицирующих характеристик вооруженного конфликта как: отнесение его к разряду межгосударственных; он носит внутренний характер, но по его поводу признается состояние войны; он — внутренний, но имеет место вмешательство одного или нескольких иностранных государств; конфликт внутренний, но в него вмешивается ООН; конфликт является национально-освободительной войной; конфликт — война за отделение.

[3] Здесь автор, на наш взгляд, заметно упрощает вопрос, умалчивая, что указанная статья (3 bis) начинается с обязанности государств "не использовать гражданские воздушные суда в целях, несовместимых с целями Чикагской конвенции". Эта обязанность первична и только в ее контексте действует "вторичная, производная" обязанность, которую приводит автор. Мы убеждены, что и решение Совета Безопасности ООН от 26 июля 1996 года, принятое вскоре после сбития кубинскими истребителями двух небольших самолетов (24 февраля 1996 года), следует толковать в данном контексте.

[4] Force Commander, Operational Directive n.2: Rules of Engagement (interim), 19 November 1993, UN Restricted, UNAMIR, File no 4003.1, par. 17.

[5] Ibid., par. 15—16.

[6] Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, статья 6, пункт 1; резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 3(1)б 170(II), 2312 (XXII), 2840 (XXVI), 3074 (XXVIII).

[7] S/Res. 764, 13 julliet 1992; S/Res. 771, 13 aug. 1992, par 1; S/Res. 787, 16 nov. 1992, par. 7.

[8] S/Res. 780, 7 octobre 1992.

[9] S/Res. 787, 16 novembre 1992, par. 8.

[10] S/Res. 808 du 22 février 1993 et 827 du 25 mai 1993.

**Ю.Н. Малеев,**
доктор юридических наук,
профессор кафедры международного права
МГИМО (У) МИД РФ,
подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 1993 год.

*Статья поступила в редакцию в июне 2000 года.*

# МНОГОСТРАНИЧНЫЙ ТРУД О ЮРИСПРУДЕНЦИИ НИДЕРЛАНДОВ

**(Рецензия на книгу "Голландская правовая культура", издательство "Легат", Москва, 1998 год. Ответственные редакторы В. В. Бойцова, Л. В. Бойцова.)**

Книга "Голландская правовая культура" написана к столетию 1-го Конгресса сравнительного правоведения коллективом российских, голландских и немецких ученых под ответственной редакцией Виктории и Любови Бойцовых. Сестры Виктория и Любовь Бойцовы — профессора Московской государственной юридической академии. Они являются авторами публикаций по вопросам публичного, сравнительного, конституционного права, защиты прав человека и гражданина. Их работа по анализу голландского права и голландской правовой культуры — результат полугодового исследования, осуществленного авторами в Свободном университете Амстердама, Голландия, в атмосфере непосредственного соприкосновения с уникальной правовой культурой страны, вобравшей в себя элементы правовых систем других стран и в то же время сохранившей свою самобытность.

Книга построена как собрание глав, разбитых на разделы, представляющие собой статьи отдельных авторов, посвященные различным аспектам голландского права, философии голландского права, международного частного права в голландской правовой культуре. Л.В. и В.В. Бойцовы являются создателями самого большого материала книги, рассматривающего право Голландии в рамках компаративистского исследования, а также нескольких других материалов. Остальные разделы книги являют собой работы голландских и немецких авторов. Среди них — профессора, судьи, член нидерландского парламента, почетные доктора юридических наук, заведующие кафедрами голландских университетов, редакторы докладов Королевства Нидерландов на международных конгрессах, профессиональные лекторы, председатели международных групп по сравнительному правоведению. О каждом из авторов можно прочитать краткую биографию с указанием на публикации. То, что Л.В. и В.В. Бойцовы сумели привлечь к проекту такое количество именитых специалистов, работающих в разнообразных сферах юридической профессии и имеющих как никто представление о правовой культуре Королевства Нидерландов, работающих в разнообразных сферах юридической профессии и имеющих как никто представление о правовой культуре Королевства Нидерландов, говорит о желании редакторов книги не ограничиваться результатами собственной работы, но дать слово непосредственно "аборигенам" — профессионалам, творящим и применяющим то самое "мягкое", дискреционное право, которое отличает голландскую правовую культуру, делает ее уникальной в своем роде и достойной того, чтобы открыть ее для широкого круга читателей.

Авторский всеобъемлющий подход к работе чувствуется еще в самом

начале книги — в стремлении редакторов в предисловии подготовить читателя к достаточно большому многостраничному труду, в ориентировании читателя относительно источников, участников и координаторов проекта, только основная информация о которых уже впечатляет. Авторы намеренно избрали для исследования и сравнения правовую систему Голландии, полагая, что необыкновенный опыт ее политического развития и решений правовых проблем будет интересен для читателей, малознакомых с правовыми системами несправедливо забытых компаративистами маленьких стран. С другой стороны, авторы преследовали практическую цель найти и представить правоведам для ознакомления "поучительные образцы", поскольку правовое развитие выступает формой проявления общих закономерностей, и изучая историю развития голландской правовой культуры, можно предвидеть будущее российского права.

Основной труд непосредственно В. В. и Л. В. Бойцовых под названием "Общая характеристика права Нидерландов" имеет развернутую структуру. Авторы постарались рассмотреть все возможные аспекты, дающие представление о голландской правовой культуре — начиная с информации о стране и ее историческом развитии и заканчивая анализом основных отраслей голландского права. Большое внимание в работе авторы уделили явлениям неправового характера — истории голландского права, идеологии, традициям, внешнеэкономическим связям, экономике Голландии, справедливо полагая, что они помогают понять суть и характер голландской правовой культуры, особенностям которой посвящается отдельный раздел.

Очень интересен в нынешней политической обстановке сравнительный анализ избирательных систем России и Голландии, анализ гибкого, по сравнению с российским, законодательного процесса в Голландии, соотношения внутреннего законодательства Голландии и норм международных договоров (Голландия имеет более длительный опыт применения норм международного права, нежели Россия, тогда как для России понятие приоритета международного права было впервые масштабно закреплено с принятием Конституции 1993 года, Голландия начала приобщаться к этому принципу еще в 1953 году в связи с ратификацией Европейской Конвенции о правах человека). Авторы включили в работу описание всех вариаций юридической профессии в России и Голландии, подчеркнув положительный опыт Голландии в развитии и поддержании институтов, неизвестных или не вполне развитых в России. Отдельные разделы посвящены административному, гражданскому, семейному, трудовому, уголовному, международному частному праву. Везде авторы, помимо изложения основных характеризующих национальную правовую систему моментов, находят различные интересные детали с учетом актуальности той или иной проблемы для российской правовой действительности, и уделяют им особое внимание. Например, в свете административно-правовой реформы в Российской Федерации интересен далеко не бескровный голландский опыт установления системы административного права, существующей на сегодняшний день. Хотя система гражданского права в Российской Федерации с

принятием части 1 и 2 Гражданского кодекса может считаться сформированной, взгляд на голландскую систему гражданского права вовсе не бесполезен — учитывая тот факт, что Гражданский кодекс Нидерландов, несмотря на его "молодость", а может, и благодаря ей, называют лучшим в мире, а российский же до сих пор грешит пробелами и относительной "сыростью" положений. В условиях правовой реформы уголовного и исправительного права в РФ очень актуален сравнительный анализ уголовного и уголовно-процессуального права двух правовых систем. Авторы рассказывают о реалистичной голландской политике в отношении наркомании, основанной на декриминализации наркотиков и демонстрирующей свои преимущества по сравнению с запретительной политикой других европейских стран. Хочется отметить, что несмотря на явное желание авторов выделить и поподробнее остановиться на моментах, отражающих более выгодное положение голландского правового регулирования, стремление найти особенно актуальные для российских проблем решения голландских правотворцев и правоприменителей, авторы не пытаются идеализировать голландский подход, но предлагают его для изучения, поскольку "любое общество способно принимать разумные идеи".

Как известно, наличие ссылок в тексте свидетельствует об уважении к читателю. В работе Бойцовых обширное обеспечение материала ссылками самого различного характера впечатляет. Их столько, что они как бы создают канву работы, служа самому разностороннему восприятию материала. Названия государственных органов, основных законодательных актов, многие другие важные обозначения авторы приводят как на русском, так и на голландском языках. Хочется также отметить стремление авторов опираться на первоисточники и мнения ведущих голландских правоведов.

Другие материалы книги, как было сказано, представляют собой отдельные статьи голландских и немецких исследователей. Статьи на самые разнообразные темы, дополняющие вполне органично впечатление об авторской работе Бойцовых. Представлены работы по гражданскому, трудовому, уголовному, международному частному праву. Очень интересна работа научного консультанта проекта немецкого ученого Э. Р. Бланкенбурга, которую характеризует особый взгляд на голландскую правовую культуру с точки зрения дистанции между юридическими конструкциями и реальностью, искусства консенсуального внесудебного разрешения конфликтов, сосуществования в Голландии неформального права и формализованного процесса его имплементации. Статья В. В. Бойцовой посвящена проблеме защиты прав человека в рамках правового института национального омбудсмана, исследование опять же носит сравнительный характер. Л. В. Бойцовой принадлежит статья об ответственности государства, его служащих и судей в Голландии. В статьях голландских ученых всесторонне рассматривается система гражданского права Нидерландов, влияние международного права на голландскую правовую систему. Отдельная статья посвящается философии права в Нидерландах. По словам редакторов, статьи практически не подвергались редактированию — что говорит о

Редакторы включили в книгу несколько переведенных ими текстов законодательных актов Нидерландов, подтверждая заявленное сначала стремление документально и фактически подкреплять излагаемый материал. Очень приятно отметить наличие в книге раздела, содержащего большое количество интересной и полезной информации — начиная с данных о "голландском" присутствии в России и заканчивая нужными адресами и телефонами, так или иначе связанными с Голландией. Книга настолько насыщена информацией, что вполне может служить не только учебным, но и справочным изданием, ориентированным на самый широкий круг читателей, потому что содержит богатейший материал, который может пригодиться студентам, туристам, социологам, предпринимателям, преподавателям, просто людям, интересующимся Голландией, ее историей и культурой. Спасибо авторам — стремясь "приоткрыть" "маленькую" голландскую правовую культуру широкому кругу читателей, они проделали уникальную и по масштабу, и по направленности работу, которая вполне может служить доказательством того, насколько полезно, перспективно и просто интересно может быть исследование национальных юридических и культурных традиций в свете сравнительного правоведения.

**А. В. Бутенко,**
аспирантка-соискательница кафедры
международного права МГИМО (У) МИД РФ,
выпускница МГИМО 1999 года.
Лауреат Международной премии Гуго Гроция
за 1998 год в номинации "Лучшая в России
начинающая юрист-международник"

*Рецензия поступила в редакцию в январе 2000 года.*

## МИГРАЦИЯ — ПРОБЛЕМА ПОСТСОВЕТСКАЯ

**(Отв. ред. В.А. Тишков. Миграция и новые диаспоры в постсоветских государствах. — Институт этнологии и антропологии РАН, 1996 г. — 240 с.)**

В настоящее время одной из важных проблем является постсоветская миграция в результате распада СССР и образования 15 новых государств. Миграция населения, как внутренняя, так и внешняя — за пределами страны, является одним из важнейших индикаторов этнополитических и социально-экономических процессов, происходящих в обществе и государстве. По характеру миграционных потоков можно судить о степени открытости и демократизации общества, об уровне его урбанизированности, об эффективности экономики и инфраструктуры, о региональных диспропорциях развития, о состоянии межэтнических отношений, о назревающих или уже явных этнических конфликтах.

Как всякий социальный феномен, нынешние миграционные проблемы, при всей их, казалось бы, непредсказуемости, в значительной мере порождены предшествующим этапом развития советского общества. Распад СССР без соответствующего правового урегулирования гражданских прав населения, проживающего не на "своей" территории, вызвал у большинства мигрантов страх потерять право на жилье и гражданство у себя на родине. У стран не было законодательной базы по вопросам миграции и вынужденных переселенцев. Несмотря на то, что прошло уже несколько лет и законодательная база обеспечения российских соотечественников за рубежом и переселенцев постоянно совершенствуется, проблемы русского населения в постсоветских государствах не разрешаются в полной мере.

Принятие во многом дискриминационных законов о гражданстве, форсированное закрепление в законах и на практике государственного статуса "титульных" языков с сознательным сокращением для русскоязычного населения времени овладения ими, дискриминация при оформлении на работу и приобретении жилья, ограничение прав в приватизации предпринимательской деятельности, сложность получения образования на родном языке и сужение информационных связей с Россией, исламизация образа жизни в ряде среднеазиатских государств, — все это создает крайне дискомфортные условия для соотечественников, живущих за пределами России. Более того, в некоторых государствах, особенно в Латвии и Эстонии, власти практически приступили к проведению "мягких" этнических чисток и осуществлению постепенного вытеснения восточно-славянского населения с территории этих государств.

Необходимо извлечь один из самых важных уроков из событий последних лет, который состоит в том, что вынужденные миграции россиян и представителей других национальностей — это результат организованных кампаний, действий, призывов или откровенного попустительства со стороны тех, кто находится у власти на основе законных процедур.

Массовые насильственные перемещения людей будут продолжаться, если в постсоветских государствах не утвердятся нормы и законы, запрещающие изгнание людей с мест их проживания и присвоения их собственности, устанавливающие безусловное право возврата и компенсаций, а также ответственности за осуществление угроз и прямого насилия или создания условий для таковых. Признание результатов этнических чисток и других форм насилия с целью изгнания людей с их мест проживания представляет собой поощрение новых вынужденных миграций.

Задача России и постсоветских государств — в проведении сбалансированной миграционной политики, максимально учитывающей как внутренние интересы стран, так и интересы соотечественников, помимо воли оказавшихся в зарубежье.

В книге, о которой идет речь, предлагается серия аналитических докладов по проблемам новых диаспор и миграций в постсоветских государствах, которая поможет понять глубже суть проблем мигрантов и выработать механизмы их разрешения, ведь именно недостаточное знание конкретных проблем, интересов людей и логики частных стра-

тегий и коллективного поведения стало в прошлом причиной многих кризисов и осуществления ошибочной и недальновидной политики.

Несомненным достоинством данной книги является рассказ о неправительственных организациях, занимающихся проблемами вынужденных мигрантов. Во всем мире неправительственные организации выполняют значительную работу по оказанию непосредственной помощи беженцам, лицам, ищущим убежище и вынужденным мигрантам. Заинтересованные люди найдут в данной книге подробные сведения о неправительственных организациях, действующих в России, их программах и видах помощи, которые оказываются мигрантам.

В качестве приложения помещены карты-схемы, подготовленные О.В. Кульбачевской, в которых показаны размещение русского населения на территории постсоветских государств и населения из стран бывшего СССР на территории России.

Не только специалисты, но и все, кто интересуются данной проблемой, найдут для себя необходимую и полезную информацию в этой книге.

**Наталья Шкулева,**
студентка IV курса МГИМО(У)МИД РФ.

*Рецензия поступила в редакцию в июне 2000 года.*

## МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СХЕМАХ

**(Панов В.П. Международное право. Учебные материалы. — М.: ИНФРА — М., 1997 г. — 192 с.)**

Ярко проявляющаяся тенденция глобализации, становление более тесных отношений между различными странами, а также углубление этих отношений и возникновение огромного числа новых связей обусловливает активное развитие системы международного права.

Процесс развития права параллелен процессу развития цивилизации, научно-техническому прогрессу и, как следствие его, совершенствованию оружия, в том числе и ядерного, которое приводит к необходимости введения определенных правил и ограничений в связи с его существованием. Инструментом, который может помочь в этом, и является международное право, а в связи с тем, что необходимость его применения все больше учащается, появляется потребность в большей его популяризации. Для того, чтобы облегчить этот процесс, нужно было создать пособие, не слишком сложное для восприятия человека, не являющегося профессиональным юристом, но по своему содержанию достаточно глубокое, чтобы составить базовое представление о том, что такое международное право, и каким образом оно влияет на все основные сферы жизни общества.

Развитие этой тематики тем более важно, что конституция Российской Федерации в п. 4 ст. 15 устанавливает следующее: "общепризнан-

ные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора". Это положение Конституции делает возможным прямое применение норм международного права, что, как отмечает автор книги, приводит к необходимости изучения данного права не только юристами, но и широким кругом должностных и других лиц.

И в этом аспекте рассматриваемые учебные материалы приобретают большое значение в качестве фундамента для основательного и глубокого изучения интересующей нас дисциплины. Насколько я понимаю, берясь за написание данного пособия, автор ставил перед собой именно эту цель. В этой мысли меня утверждает не только и не столько само содержание книги, сколько форма, в которой оно преподано: большую часть книги составляют схемы, выстраиваемые автором в стройную систему и вместе образующие собой каркас международного права.

Избранная для данных учебных материалов форма изложения, по-моему, является лучшей из возможных, так как для человека, только начавшего изучение международного права, важна не только ясность текста, но и его удобство для запоминания, а схемы, и это широко известный факт, являются наиболее подходящим инструментом в этом случае.

Однако, нужно рассматривать это пособие именно как своего рода "разгоночную трассу", так как, как это уже указывалось выше, оно дает лишь базовое представление о том, что представляет собой сложнейшая система международного права. Некоторые возможно усмотрели бы в этой книге даже излишнюю поверхностность, но я могу лишь повторить, что ее задача заключается не в детальном изложении существующих на данный момент в мире тенденций трактовок международного права. Она призвана служить своеобразным "ликбезом" для людей, интересующихся этой отраслью, но не сталкивавшихся с нею ранее. Могут ей воспользоваться и студенты на первых порах изучения дисциплины для составления более общей картины о предмете.

**А.А. Вычугжанина,**
студентка IV курса МГИМО (У) МИД РФ.

*Рецензия поступила в редакцию в июне 2000 года.*

# МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО В НАШЕЙ ЖИЗНИ

**(Костенко Н.И. Международное частное право. Курс лекций. — М.: Издательство МНЭПУ, — 2000 — 152 с.)**

В последние годы вопросы международного права и международного частного права, в частности, а также проблемы, связанные с их разрешением, все чаще и чаще затрагивают интересы все большего круга людей. Это, несомненно, связано с теми процессами глобализации, которые происходят в настоящее время в окружающем нас мире. Тенденции глобализации, обусловленные развитием международных экономических, научно-технических, культурных и иных связей, чему в свою очередь способствует усовершенствование средств связи, оказывают огромное влияние на формирование все усложняющейся системы международного частного права. Эти процессы способствуют усовершенствованию и детализации международно-правовой базы, регулирующей правоотношения в сфере международного частного права. В свете всего вышеозначенного представляется очевидной необходимость изучения юристами данной дисциплины. Однако, далеко не все юристы имеют возможность пройти курс этой дисциплины в каком-либо высшем учебном заведении, вследствие этого появляется потребность в создании учебных пособий, аналогичных рассматриваемому. Данное пособие, по словам автора, и задумывалось как лекционный курс по международному частному праву, предназначенному "для самостоятельной работы студентов, обучающихся по специальности "юриспруденция". И оно должно использоваться именно в этом своем качестве: благодаря небольшому объему и доступности изложения материала пособием может воспользоваться не только лицо, занимающееся юриспруденцией, но и практически любой интересующийся этим вопросом человек. Ознакомление с содержанием этого пособия дает общее представление о решаемых данной отраслью права проблемах, о том какие вопросы относятся к предмету международного частного права, как оно соотносится с предметами и вопросами, разрешаемыми другими отраслями права, такими как, например: гражданское, финансовое, валютное, семейное.

При изучении данного курса лекций следует, однако, понимать, что он дает именно общее представление о проблеме, основную базу, дающую читателю возможность понять, интересует ли эта тема его настолько, чтобы начать заниматься ей более углубленно, на основе более детализированных источников, дающих более полное представление о международном частном праве и излагающих в более конкретизированном виде его положения.

Это, однако, не умаляет значения данного учебного пособия как весьма полезного в том его качестве, о котором говорилось выше. Оно является своего рода "азбукой" для людей, которые не знакомы еще со спецификой международного частного права, с его терминологией, сложными вопросами правового регулирования частноправовых отношений с иностранным элементом. В ходе ознакомления с курсом лекций, разработанным Костенко Н.И., у читателя складывается пред-

ставление о системе международного частного права, вырабатывается подход к отысканию и правильному применению норм, принятых как на международном, так и на национальном уровне, регулирующих предмет данной отрасли права.

Говоря о данном издании, можно также отметить удачное расположение глав пособия. Автор, безусловно, прав, располагая лекции, затрагивающие права и обязанности человека, непосредственно за изложением наиболее общих понятий в международном частном праве, таких, как понятие, предмет, система и источники данной отрасли права. Тем самым он подчеркивает значение прав и свобод человека в системе права вообще и в международном частном праве, в частности. Это отвечает основным принципам международного права — принципу всеобщего уважения прав человека, принципу сотрудничества, принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

В заключение можно только порекомендовать данное пособие тем, кто только приступает к изучению международного частного права и желает приобрести, для начала, хотя бы базовые знания по данному предмету.

**А.А. Вычугжанина**

*Рецензия поступила в редакцию в мае 2000 года.*

# ИНТЕГРАЦИЯ И ПРАВО В ЕВРОПЕ

**(Рецензия на книгу А.Я. Капустина "Европейский союз: интеграция и право". М., — 2000, 436 с.)**

Тема интеграции в Европе сейчас, пожалуй, находится в зените своей популярности. Редкий автор, являющийся специалистом в области международного права, не произвел на свет научную статью или не высказал свое мнение иным способом по поводу интеграционных процессов в Европейском союзе. К великому сожалению, следует отметить, что определенная часть этих работ не заслуживает специального внимания, поскольку это — либо переписывание мнений своих коллег, либо элементарное непонимание вопроса исследования.

На фоне всех этих статей и работ приятно выделяется монография Анатолия Яковлевича Капустина. Он рассматривает проблему интеграции как автор, глубоко компетентный и в высочайшей степени профессионал.

А.Я. Капустин — специалист действительно высочайшего уровня, юрист-международник, специализирующийся именно на правовом регулировании интеграционных процессов.

С научной точки зрения эта научно-исследовательская работа А.Я. Капустина "Европейский союз: интеграция и право" обладает уникальным свойством: с одной стороны, она является универсальным

источником знаний в этой области для начинающих специалистов (естественно, подразумеваются студенты), а с другой, — и для коллег автора — профессионалов в области международного права.

Монография структурно напоминает учебное пособие, но по содержанию это — действительно глубокий научный труд. Наверно, именно такого труда по европейской интеграции ждали и преподавательский корпус и те, кому предстоит изучать интеграцию — студенты.

Во введении к книге говорится, что читатель увидит "традиционную схему исследования интеграционных процессов". Однако, автор скромничает, поскольку ему удалось дать не только общую оценку интеграционного процесса, рассмотреть институциональную систему интеграции и проанализировать правовую систему ЕС, но и рассмотреть процесс европейской интеграции в историческом аспекте, сравнить интеграционные процессы в Европе с аналогичными процессами в других частях земного шара. Сопоставительный анализ таких процессов — нечастое явление у исследователей.

Хотелось бы отметить построение этой работы. Даже если книга попадет в руки человека, не очень подкованного в области европейской интеграции, ему не придется откладывать ее в сторону и обращаться к учебникам по европейскому праву, так как сам автор понятно и доступно объясняет предпосылки, причины и, наконец, непосредственно образование Европейского союза.

С правовой точки зрения особенно интересно то, как автору удалось раскрыть особенности нормотворческого процесса в ЕС, который отличается как от создания внутригосударственных норм, так и от международного нормотворчества.

Заслуга автора и в том, что он выделил такое понятие, как "общие принципы права Сообщества". Это выделение, на наш взгляд, сделано впервые в международном праве.

Ну и, конечно, анализ действия "права Сообщества" во внутреннем праве государств-членов — выше всяких похвал. Настолько подробное описание "доктрины прямого действия права Сообщества" и "примата права Сообщества" можно провести, только проанализировав около десятка книг разных авторов, что, кстати, и сделал автор. В своей работе он постоянно ссылается на труды коллег-международников.

Хотелось бы надеяться, что эта монография во многом поможет изучению такой дисциплины, как европейское право. Тем более, что совсем недавно в нумерации Государственной аттестационной комиссии номер специальности 12.00.10, который в течение многих десятилетий назывался "Международное право", отныне претерпел изменения и именуется: "Международное право. Европейское право".

**Д.А. Бойков**,
студент IV курса МГИМО (У) МИД РФ.

*Рецензия поступила в редакцию в июне 2000 года.*

# БОЛЬШОЙ ОБЪЕМ ИНФОРМАЦИИ, НО . . . ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ

**(Рецензия на книгу Г.М. Тансыкбаевой "Международное гуманитарное право". Учебник для высших учебных заведений. — Ташкент. — "Эльдинур", — 1999. — 153 с.)**

Книга Г.М. Тансыкбаевой посвящена очень важной отрасли международного права — международному гуманитарному праву. Важность данной отрасли права переоценить невозможно. События в Югославии, Ираке, а также внутренние конфликты в странах Европы и в России ставят перед учеными и дипломатами проблемы, требующие скорейшего разрешения. И поэтому сам факт выхода книги, посвященной данной проблематике, является событием, достойным внимания.

Автор попыталась в одной книге охватить огромный круг проблем от исторического развития международного гуманитарного права до сегодняшнего дня, то есть до Женевских и Гаагских Конвенций, затронута проблема деятельности Международного Комитета Красного Креста (МККК), представлен исторический аспект развития международного гуманитарного права от древности до наших дней. Книга не страдает отсутствием фактического материала, в отдельных случаях ощущается его переизбыток. Наряду с цитатами из международных соглашений представлены отрывки из художественных произведений. Вполне вероятно, что такой прием был использован, чтобы облегчить восприятие фактического материала.

Несмотря на то, что круг затронутых в книге проблем действительно очень широк, я не увидела авторского подхода ни к постановке вопросов, ни к путям разрешения проблем международного гуманитарного права. Автор предлагает читателю самому находить ответы на поставленные вопросы. Вряд ли, книга может быть рекомендована широкому кругу читателей, поскольку содержит большой объем информации, с которой может работать только специалист в этой области права, вместе с тем, книга не может быть рекомендована и в качестве учебного пособия для студентов, изучающих международное право в силу отсутствия авторской позиции. Книга также не может быть рекомендована в качестве сборника нормативных актов по международному праву, поскольку таковым не является.

Итак, суммируя все вышесказанное, книга может претендовать на роль учебного пособия для лиц 10 или 11 классов средней школы, интересующихся международным правом.

И все-таки замечательно то, что в Узбекистане взялись и создали книгу по международному гуманитарному праву. Сделано это было с помощью МККК.

**Е.А. Полтавцева,**
студентка IV курса МГИМО (У) МИД РФ.

*Рецензия поступила в редакцию в июне 2000 года.*

# Хроника

## ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО В РОССИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР "СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИЙСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ"

16 марта 2000 года в Московской государственной юридической академии (МГЮА) прошел международный семинар "Современные тенденции в развитии права Европейского Союза и российское юридическое образование" и презентация нового научного издания "Право Европейского Союза: документы и комментарии", подготовленного коллективом кафедры права Европейского Союза МГЮА под руководством заведующего кафедрой проф. С.Ю. Кашкина. Семинар был посвящен актуальным проблемам права ЕС и вопросам изучения европейского права в высших учебных заведениях России. В работе семинара принимали участие преподаватели, аспиранты и студенты МГЮА, представители российских вузов и научно-исследовательских институтов, работники федеральных министерств и ведомств РФ, руководители российских юридических издательств, а также зарубежные ученые-юристы, журналисты и сотрудники дипломатических представительств. Семинар был организован кафедрой права Европейского Союза МГЮА при активной поддержке зарубежных коллег и, в особенности, Центра международно-правового сотрудничества Нидерландов. Организаторы семинара убедительно отметили важность изучения европейского права в России и обратили внимание российской научной общественности на необходимость развития тесного информационного и научно-практического сотрудничества с зарубежными партнерами.

С приветственной речью к участникам семинара обратился ректор МГЮА, академик О.Е. Кутафин. В своем выступлении он особо отметил, что кафедра права ЕС МГЮА стала одним из пионеров в области изучения и преподавания европейского права в России. За три года существования кафедры небольшому коллективу преподавателей удалось достичь значительных успехов. Активно сотрудничая с голландскими и бельгийскими коллегами, кафедра осуществила введение курса "Основы права Европейского Союза" в учебную программу МГЮА в

качестве обязательного предмета и успешно проводит его преподавание. К числу важнейших достижений кафедры можно отнести создание специализированной библиотеки по вопросам европейского права, публикацию первого в России учебного пособия "Основы права Европейского Союза"[1], проведение научно-практических семинаров и конференций, организацию эффективного сотрудничества с зарубежными университетами, разработку научно-методических материалов по курсу европейского права и др.

Участники семинара с интересом заслушали доклад профессора Католического университета г. Левена (Бельгия) Эдди де Смайтера, посвященный новейшим тенденциям в праве ЕС и перспективам развития европейской интеграции. В своем докладе профессор де Смайтер осветил важнейшие направления политики Евросоюза и представил краткий правовой анализ основных вопросов расширения ЕС.

Проректор МГЮА по международным связям, заведующий кафедрой права ЕС проф. С.Ю. Кашкин выступил с докладом о перспективах развития преподавания права Европейского Союза в России, в котором особо отмечалось, что опыт кафедры права ЕС МГЮА послужил положительным примером для многих российских юридических вузов. Уже сегодня при поддержке московских коллег ряд специализированных юридических институтов и университетских юридических факультетов в разных регионах России успешно осуществляет преподавание курса европейского права.

Представитель Центра международно-правового сотрудничества Нидерландов Д.Д. Кунин поделился опытом плодотворного сотрудничества с кафедрой европейского права МГЮА и поблагодарил российских и зарубежных ученых-юристов и дипломатов за их вклад в развитие преподавания европейского права в России. Д.Д. Кунин уверенно высказался за продолжение совместной деятельности российских и зарубежных юристов по развитию изучения права ЕС в России в рамках программы CROSS и других международных проектов.

Затем состоялось заседание круглого стола, посвященного актуальным проблемам современного европейского права. В его работе принимали участие профессора, преподаватели, аспиранты и студенты МГЮА, зарубежные ученые-юристы, а также представители посольства Королевства Нидерланды.

С большим вниманием были заслушаны доклады молодых специалистов кафедры права ЕС, посвященные важнейшим вопросам развития и применения европейского права. В выступлении кандидата юридических наук А.О. Четверикова подробно рассматривались проблемы реформирования институциональной системы ЕС в связи с вероятным вступлением в Союз восточноевропейских государств. Преподаватель Е.А. Чегринец сделал доклад о правовых проблемах введения единой европейской валюты "евро" и опыте ее использования. Доклад преподавателя Ю.В. Петровичевой был посвящен вопросам правоспособности юридических лиц и правовому регулированию их деятельности в Европейском Союзе.

Аспирант А.С. Линников кратко осветил общие положения европей-

ского банковского права и выдвинул новую концепцию европейской банковской системы. Докладчик отметил, что в рамках Европейского Союза идет процесс формирования единой централизованной двухуровневой банковской системы, на первом (верхнем) уровне которой находится орган, проводящий единую денежно-кредитную и валютную политику Союза (Европейская система центральных банков), а на втором (подчиненном), все европейские коммерческие банки и кредитные организации. Вывод о формировании в ЕС единой банковской системы был сделан на основе следующих факторов:

- наличие в рамках европейского Экономического и валютного союза[2] (ЭВС) единой валютной системы, основанной на общеевропейской денежной единице "евро";
- организация в ЭВС единой централизованной системы центральных банков, состоящей из Европейского центрального банка (ЕЦБ) и подчиненных ему национальных ЦБ;
- единообразное правовое регулирование банковской деятельности во всех государствах-членах Союза на основе специальных банковских директив Совета ЕС;
- высокая степень интеграции валютно-финансовых рынков и платежных систем государств-членов ЭВС.

Развитие данной перспективной концепции станет одним из направлений деятельности кафедры права ЕС МГЮА, работа специалистов которой посвящена теоретической и практической разработке актуальных тем, имеющих большое научное и прикладное значение.

В заключении семинара состоялась презентация первого сборника правовых актов ЕС на русском языке "Право Европейского Союза: документы и комментарии"[3], подготовленного коллективом кафедры права ЕС МГЮА при содействии программы CROSS и Центра международно-правового сотрудничества Нидерландов. В настоящее время это единственный и наиболее полный сборник такого рода в России. В него вошли учредительные документы ЕС и важнейшие акты вторичного законодательства Союза, знание которых имеет большое значение для всех, кто занят изучением европейского права. Авторский коллектив под руководством проф. С.Ю. Кашкина самостоятельно осуществил перевод документов на русский язык и снабдил их необходимыми для учащихся комментариями. Участие в подготовке сборника принимали: кандидат юридических наук, доцент О.В. Ефремкина, редактор Т.М. Беляева и сотрудники кафедры Е.Г. Горемыкина, П.А. Калиниченко, Е.А. Чегринец и А.О. Четвериков. Почетным гостям семинара были вручены экземпляры первого издания сборника. Коллектив кафедры планирует продолжить работу по подготовке новых учебных пособий и сборников документов по праву Европейского Союза.

Можно с уверенностью сказать, что цель организаторов семинара была достигнута. Семинар явился прекрасным доказательством плодотворности международного сотрудничества в области преподавания права ЕС в России. Все участники и гости семинара сошлись во мнении, что изучение европейского права непременно должно входить в про-

грамму подготовки высококвалифицированных российских юристов нового поколения.

**А.С. Линников,**
аспирант кафедры права Европейского Союза МГЮА

---

[1] Основы права Европейского Союза: Учебное пособие/Под ред. проф. *Кашкина С.Ю.* — М.: Белые альвы, 1997. — с. 368.

[2] В настоящее время в валютный союз входят 11 из 15 государств-членов ЕС, а именно: Австрия, Бельгия, Германия, Люксембург, Испания, Италия, Ирландия, Нидерланды, Франция, Португалия и Финляндия.

[3] Право Европейского Союза: документы и комментарии/Под ред. проф. *Кашкина С.Ю.* — М.: ТЕРРА, 1999. — с. 640.

*Статья поступила в редакцию в марте 2000 г.*

# ГУГО ГРОЦИЙ ЗНАЛ: БУДУЩЕЕ — ЗА МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРАВОМ!

*". . . Я памятник себе воздвиг нерукотворный,*
*К нему не зарастет народная тропа . . ."*

Такими словами каждый вправе говорить об А.С. Пушкине, как о величайшем поэте. Хоть век поэзии миновал, но личности и память о них остались. С такой же уверенностью можно заключить, что и в новом веке, "веке международного права", есть свои герои, и если памятник они себе не воздвигли, то время и необходимость жизни совершит это за них. Ярким примером тому является Гуго Гроций — гений позднего Средневековья, дорога к которому юристов-международников и всех, кто внес вклад в эту науку или связан с ней иным образом, всегда будет объединять все больше людей и народов и вести нас в будущее, в котором проглядывается четкая тенденция к глобализации и унификации международно-правовых норм.

Во многом благодаря этому величайшему мыслителю, впервые давшему определение международному праву и фактически его основателю, каждый год проводятся торжественные церемонии вручения международных премий Гуго Гроция. 10 марта 2000 года состоялась очередная церемония, которая проходила в резиденции Чрезвычайного и Полномочного Посла Королевства Нидерландов в России Тиддо П. Хофстее. Организаторами мероприятия выступили журнал "Международное право — International Law", Посольство Королевства Нидерландов в РФ и Информационный центр ООН в Москве.

Следует заметить, что данная церемония проводится в России с 1998 года и становится приятной традицией. На рубеже тысячелетий местом ее проведения выбрано Посольство Голландии. Почему? Как ответил на этот вопрос один из лауреатов, Нидерланды — не только страна, где родился Гуго Гроций, но и страна — родина Гаагских конвенций и центр международного правосудия. И самое важное, что правовая система Нидерландов особенно благоприятна для развития международного права.

Открыл церемонию Посол Нидерландов в России. Каждый выступающий говорил о жизни Гуго Гроция, роли международного права, его применении и тенденции его развития. Тиддо П. Хофстее исключением не был. После него выступил представитель информационного центра ООН в РФ Ю.Б. Шишаев. Он развивал идею построения глобального общества и говорил о значимости 1999 года, как года столетия первой Гаагской мирной конференции, года пятидесятилетия принятия четырех Женевских конвенций, года десятилетия принятия Конвенции о правах ребенка и, наконец, последнего года Десятилетия международного права. Главный редактор журнала "Международное право — International Law" назвал имена лауреатов.

Всего лауреаты были определены в шести номинациях. Первой была объявлена номинация под названием "Международное признание", которая присуждается не только юристам-международникам, но и всем тем, кто внес огромный вклад в развитие науки и практики международного права. Этой премии был удостоен Евгений Максимович Примаков, академик, человек, не нуждающийся в рекомендациях и представлении. В международном праве он создал новую теорию — доктрину многополярного мира, которую все это время активно и успешно претворял в жизнь.

Следующей была объявлена номинация "Заслуженный российский ветеран международного права". Эту премию за 1999 год жюри присудило действительно заслуженному деятелю в области международного права, автору огромного числа статей и книг, представителю России в Комиссии международного права ООН, активному автору "Московского журнала международного права" и журнала "Международное право — International Law", профессору Лукашуку Игорю Ивановичу.

Номинация "Лучший в России юрист-международник" была присуждена не россиянину, а иностранцу за неоценимый вклад в пользу России. Это всемирно известный профессор, президент-ректор Международного института международного гуманитарного права (г. Сан-Ремо, Италия), человек, который уже десятки лет работает в международном праве, Иован Патрногич.

"Лучшей в России юристом-международником" признана доктор юридических наук, глава центра "Правоведение" на Северном Кавказе, заведующая кафедрой международного права, профессор Ростовского-на-Дону государственного университета Волова Лариса Ивановна — человек, который с помощью международного права разъясняет не только российской, но и международной общественности, что такое события в Чечне.

Среди широко известных лауреатов были также и молодые представители, специализирующиеся в области международного права. Иванов Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук с кафедры международного права МГИМО (У) МИД РФ — в номинации "Лучший в России начинающий юрист-международник" — удостоен награды за глубокую разработку темы о беженцах. Герасимчук Иветта Владимировна, студентка МГИМО, награжденная в номинации "Лучшая в России начинающая юрист-международник". В 1999 году она уже получила премию как лучший в мире эссеист. В этот раз она отличилась статьей по экологии и международному сотрудничеству в области ядерной энергетики.

Много теплых слов было высказано в адрес МГИМО. С прекрасными словами выступил также ректор института Торкунов Анатолий Васильевич. "И самое важное, — отметил он — это то, что эта церемония еще раз показала, что международное право не стоит на месте, а развивается". Ярким примером тому служили Иванов Д.В. и Герасимчук И.В. — гордость МГИМО и будущее международного права.

Мероприятие ярко показало, что международное право стремительно набирает темпы в своем развитии. Это крайне емкая отрасль права, которая не просто может рационально, согласно общепризнанным принципам, не нарушая общечеловеческих ценностей, регулировать международную жизнь — оно должна обладать приматом над внутренним правом. В науку вкладываются огромные усилия, она расширяется, приобретает характер все более четкого и отлаженного механизма. Оно уже существует! Остается лишь имплементировать международно-правовые нормы в правовую систему каждого государства не только де-юре, но и де-факто, и мировое сообщество резко изменит свои очертания. Но это уже вопрос не права, а политики.

**А.В. Сендов,**
наш корр.

*Статья поступила в редакцию в марте 2000 г.*

# Страницы истории

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ КУЙБЫШЕВСКОГО ПЕРИОДА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРКОМАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР (1941—1943 гг.)

С.И. Красов*

Наш родной город, недавно отметивший свое 400-летие, в различные этапы истории становился одним из центров, в котором отражались закономерности развития нашей страны. Будь то формирование русского централизованного государства, или период основания новых земель; активное развитие капитализма в России или важнейшие революционные события.

Особое место было отведено нашему городу в наиболее сложный период истории нашей страны.

В октябре 1941 года, в связи с приближением линии фронта и реальной угрозой бомбардировки столицы, Государственный Комитет Обороны принял решение о целесообразности переезда значительной части партийных и правительственных учреждений из Москвы в г. Куйбышев. В Куйбышев был переведен и дипломатический корпус 17 посольств и миссий крупнейших государств, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения. (Дипломатический корпус находился в Куйбышеве (г. Самара) до декабря 1943 года).

Наркомат иностранных дел разместился в здании Куйбышевского Коммунистического университета.

6 ноября 1941 года по случаю 24 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в Куйбышевском оперном театре состоялся торжественный вечер. На нем присутствовали члены дипломатического корпуса.

7 ноября в Москве и Куйбышеве состоялись военные парады.

Советское внешнеполитическое ведомство, находясь в Куйбышеве, продолжило работу по дальнейшему развитию международных связей СССР с целью создания антигитлеровской коалиции.

В этот период шла сложная дипломатическая борьба за подготовку международных конференций. Эта борьба имела конкретные и очень

---

* Кандидат юридических наук (Самарский государственный университет), подробнее об авторе см. в № 3 нашего журнала за 2000 год.

важные для страны и советского народа результаты: осенью 1941 года в Москве состоялась конференция представителей трех держав: СССР, США, Великобритании, на которой обсуждался вопрос о расширении поставок вооружения, промышленного оборудования и продовольствия Советскому Союзу, а также поставок из СССР союзникам некоторых материалов и товаров, а также различные аспекты гуманитарного сотрудничества.

В этот период устанавливаются организационные формы сотрудничества между обществами Красного Креста СССР и других стран. Так, в соответствии с соглашениями представителей СССР и США уже в ноябре 1941 года начались поставки медицинских материалов в Куйбышев.

22 июня 1942 года вступила в действие авиалиния от Куйбышева до Тегерана, которая имела важное значение для расширения внешнеполитических отношений.

Принципиально важное значение для судеб мира имели Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании и Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав (1943 г).

Они сформировали общую позицию государств антигитлеровской коалиции, которая была закреплена в итоговых документах конференций представителей СССР, США и Великобритании в Думбартон-Оксе 1944 г., Крымской конференции 1945 г.; конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско 1945 г. (где была создана ООН — универсальная организация нового типа по поддержанию мира и международной безопасности). Центральное место в истории международных отношений заняла Берлинская конференция трех союзных держав — США, СССР и Великобритании 1945 г. Эта конференция стала итогом всемирно-исторической борьбы народов Советского Союза и его союзников — стран антигитлеровской коалиции против фашистской Германии и ее сателлитов, в ходе которой была на практике доказана возможность эффективного политического и военного сотрудничества государств с различным социальным строем.

Значительный вклад в общее дело разгрома фашизма внесла советская дипломатия. Она играла ведущую роль в разработке основ демократического и справедливого послевоенного устройства мира на всех этапах второй мировой войны.

Различные вопросы двусторонних отношений стояли на повестке дня встреч советских государственных деятелей и дипломатов с представителями США и Англии (Г. Гопкинсом, личным представителем президента США; министром иностранных дел Великобритании А. Иденом в декабре 1941 г.; послами США — Стэнли, Великобритании — Керром; премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем — в августе 1942 г; лидером республиканской партии США У. Уилки — сентябрь 1942 г.). Эти встречи, проходившие как в Москве, так и в Куйбышеве представляли союзным странам возможность обменяться мнениями по наиболее важным вопросам делового сотрудничества между ними и, в конечном итоге, служили делу создания и укрепления антигитлеровской коалиции.

В 1942 году был заключен целый ряд важных международных соглашений: трехсторонний договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном от 29 января 1942 г., помешавший Германии использовать иранскую территорию в войне против СССР и Англии; договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи между правительствами СССР и США; о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии от 11 июня 1942 года. Активно обсуждаются вопросы привлечения к персональной уголовной ответственности лиц, виновных в совершении международных преступлений и преступлений против человечности.[1]

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой в декабре 1941 г., под Сталинградом в ноябре 1942 года, блистательная победа советских войск на Курской дуге летом 1943 года не только изменили соотношение сил на важнейшем советско-германском фронте в пользу Советской Армии, но и укрепили антигитлеровскую коалицию, привели к упрочнению международного авторитета Советского Союза.

В 1941-1943 гг. Советское правительство установило дипломатические отошения с целым рядом стран, продолжали развиваться межгосударственные связи СССР. Так, 7 апреля 1942 года в Куйбышев прибыл Чрезвычайный и Полномочный посол США в СССР В. Стэнли. Он был встречен официальными представителями Наркомата иностранных дел СССР, а также составом американского посольства во главе с поверенным в делах Торстоном, китайским послом г. Ш. Ли-цзы, послом Великобритании П. Керром, норвежским посланником Андвордом, советником польского посольства Сокольским.

14 августа 1942 г. прибыл Чрезвычайный и Полномочный Посол Турецкой республики, который был встречен официальными лицами СССР, поверенным в делах Ирана, а также составом турецкого посольства во главе с поверенным в делах Ф. Зорлу.

2 января 1943 г. в Куйбышев прибыл Чрезвычайный посланник и Полномочный министр Австралии в СССР В. Слейтер.[2]

Огромный рост влияния СССР на международные отношения, глубокое уважение к государству, несущему на себе основные тяготы борьбы с фашизмом, выразилось в официальных заявлениях и конкретных дружественных действиях представителей иностранных государств.

Оценка выдающейся роли СССР в борьбе с гитлеровской Германией содержалась в выступлениях военных и военно-морских атташе при посольствах и миссиях в СССР на приеме в связи с 25 годовщиной Красной Армии, устроенном 23 февраля 1943 года в Куйбышеве заместителем наркома Обороны Маршалом Советского Союза Б. М. Шапошниковым.

Но не только в такой официальной форме выражалось уважение ратному подвигу советских воинов-освободителей.

Показательным примером этого являются строки, адресованные неизвестному бойцу норвежским послом Р. Андвордом. Явившись 14 августа 1943 года на Куйбышевскую станцию переливания крови, он после операции написал: "Пройдут столетия, и дети Советского Союза

и других свободолюбивых народов с горящими глазами будут читать в книге истории главу "Храбрый русский солдат спасает цивилизованный мир". Со всех концов Норвегии несутся мысли к победоносной Красной Армии с благодарностью за мощное усилие в борьбе против общего врага. Я отдаю кровь из моего сердца". Кровь Р. Андворда была перелита старшему лейтенанту Петру Цевко, который находился на излечении в Куйбышеве.

Вскоре норвежский посол получил от него письмо: "От всей души благодарю Вас за кровь, которая влила в меня новые силы, — писал советский воин. — Радостно становиться на душе, когда сознаешь, что народ Вашей страны вместе с нами ведет героическую борьбу со злейшим врагом всего прогрессивного человечества. Я верю в победу, после которой мы вместе с Вами будем строить новый мир, бороться за процветание науки, техники, искусства"[3]

Гуманитарные аспекты деятельности дипломатического корпуса, Наркомата иностранных дел, обществ Красного Креста в этот период особо важны в год 50-летия принятия Женевских **Конвенций о защите жертв войны и в год 55-летия со времени окончания самой кровопролитной войны уходящего тысячелетия.**

---

[1] *Красов С. И.* Международная уголовная ответственность индивидов. Автореф. дисс. канд. юрид. наук. МГУ. 1985.

[2] См.: "Волжская Коммуна. 8.04.42.; 16.08.42.; 5.01.43.

[3] "Волжская коммуна". 14.08.43.

г. Самара

*Статья поступила в редакцию в феврале 2000 года.*

# Письма в редакцию

## ПОГОВОРИМ О КОСМИЧЕСКОМ ПРАВЕ

*Пишут вам инженеры-физики из Ростова-на-Дону.*

*Мы работаем в Научном конструкторско-технологическом бюро "Пьезоприбор" при Ростовском государственном университете. Но вместе с тем очень интересуемся космосом, в частности, космическим правом.*

*Дома собрали библиотеку, из которой можно сделать выписки по космическому праву. Среди книг этой библиотеки: Лукашук И.И., "Международное право", М., 1988, 400 с.; Бацанов С.Б., Ефимов Г.К., Кузнецов В.И. "Словарь международного права", М., 1986, 432 с.; "Международное публичное право" (Сборник документов). Под ред. Бекяшева К.А. и др., М., 1996, т. II, 535 с.; "Международное космическое право" — Под ред. Пирадова А.С., М., 1985, 450 с.; "Международное космическое право" под ред. Колосова Ю.М., М., 1999; и некоторые иные издания.*

*Прочитали мы внимательно и материалы по космическому праву в Вашем журнале. Обнаружили, что там даются детали космического права, а основополагающей статьи на эту тему нет. Вот мы и хотели бы в какой-то степени восполнить этот пробел. Мы — инженеры, но взялись за юридическую тему, потому что она — очень интересная.*

## НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Международным космическим правом является совокупность норм, определяющих статус космического пространства, включая небесные тела, а также регулирующих деятельность государств по использованию космоса.

Начало формирования международного космического права было положено запуском первого искусственного спутника Земли, осуществленного СССР в 1957 г. Стало необходимым правовое регулирование, в котором главная роль принадлежит международному праву. Начало было положено обычной нормой, появившейся сразу же после запуска первого спутника. Она сложилась в результате признания государствами

права мирного пролета над их территорией не только в космосе, но и на соответствующем участке воздушного пространства при запуске и приземлении.

На деятельность государств в космосе автоматически распространились основные принципы международного права: запрещение угрозы силой или ее применения, мирное разрешение споров, суверенное равенство и другие.

Одним из важных документов космического права является Декларация правовых принципов деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1963 г. Положения Декларации 1963 г. обрели статус общепризнанных обычных норм международного права. Это подготовило почву для договорного регулирования, в котором центральное положение занимает Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г. За ним последовал ряд соглашений: о спасании космонавтов; об ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами; о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство; о деятельности государств на Луне и других небесных телах.

Одно из важных направлений в формировании международного космического права — учреждение международных органов и организаций. ООН создала Комитет по мирному использованию космического пространства с Правовым подкомитетом, в котором происходит основной процесс разработки норм космического права. Созданы организации для регулирования космической связи: Международная организация спутниковой связи (ИНТЕЛСАТ), Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ). Учреждены и региональные организации. Международное космическое право создается международным сообществом в целом, но решающая роль принадлежит космическим державам, которые взяли на себя обязательство делиться научными результатами с другими странами.

Одним из принципов международного космического права является принцип защиты окружающей среды, который обладает существенной спецификой применительно к космосу. Вся деятельность должна осуществляться так, чтобы избегать вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды в результате доставки внеземного вещества. К сожалению, деятельность государств привела к значительному засорению космического пространства остатками обслуживающих аппаратов, исчисляемых многими тысячами.

Договор по космосу 1967 г. установил общее правило, согласно которому государство несет ответственность за всю космическую деятельность, независимо от того, осуществляется она правительством или физическими и юридическими лицами.

Вопросам ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами, посвящена Конвенция 1972 г. Она установила абсолютную ответственность запускающего искусственный спутник государства за ущерб, причиненный им объектам на поверхности Земли или воздушному судну в полете. Государство несет ответственность за ущерб

независимо от наличия его вины. Это один из примеров международной ответственность за ущерб, причиненный источником повышенной опасности.

Если ущерб причинен не на поверхности Земли, а в космосе или в воздушном пространстве космическому объекту одного государства таким же объектом другого, то последнее несет ответственность лишь при наличии вины.

Когда в запуске участвуют несколько государств, все они несут солидарную ответственность. Конвенция не относится к случаям ответственности за ущерб, причиненный гражданам запускающего государства, а также иностранцам, участвующим в запуске. Вопросы ответственности решаются на межгосударственном уровне даже в том случае, если ущерб причинен физическим и юридическим лицам. Претензии о возмещении ущерба передаются по дипломатическим каналам, а в случае недостижения урегулирования — передаются в комиссию по рассмотрению претензий.

Вопросы ответственности за ущерб, причиненный деятельностью в космосе, имеют большое значение. Она способна оказать воздействие на окружающую среду, привести к потерям жизни и собственности.

Государства и ООН ведут регистрацию космических объектов. Сами объекты должны нести знаки национальной принадлежности.

**Нормы международного космического права**

Нормой международного космического права называют юридически обязательное правило поведения субъектов международного права в их международных отношениях, связанных с деятельностью в космическом пространстве. Нормы международного космического права могут быть классифицированы по числу субъектов международного космического права, признающих данные нормы юридически обязательными для себя правилами поведения: универсальные, региональные, локальные. По объему и содержанию заключающихся в нормах международного космического права предписаний они подразделяются на общие, т.е. определяющие коренные основы поведения субъекта в международных космических отношениях, и специальные, регулирующие более узкие вопросы, относящиеся к отдельным видам международных космических отношений. Среди специальных норм выделяют индивидуальные нормы, регулирующие международные отношения по какому-либо отдельному вопросу и не создающие постоянных правил международного поведения в космосе.

Нормы международного права нередко обобщают в принципы международного права. Принципы международного космического права закреплены в Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.

Среди принципов международного космического права, установленных настоящим Договором особо выделяют следующие:

- исследование и использование космоса на благо всего человечества;

- равное право всех государств на исследование и использование космоса;

- запрещение национального присвоения космоса;
- осуществление космической деятельности в соответствии с международным правом;
- свобода космоса для научных исследований;
- использование Луны и других небесных тел исключительно в мирных целях;
- международная ответственность государства за всю национальную космическую деятельность;
- международная ответственность государств за ущерб, причиненный космическими объектами;
- сотрудничество и взаимная помощь государств при исследовании и использовании космоса;
- обязанность государств избегать вредного загрязнения космоса.

По Договору за государствами признаются следующие права:
- осуществлять исследование и использование космического пространства и небесных тел без какой бы то ни было дискриминации, на основе равенства, при свободном доступе во все районы небесных тел;
- обращаться с просьбой о предоставлении возможности для наблюдения за полетом своих космических объектов (с целью заключения соглашений о размещении на территориях других государств станций слежения);
- право посещать (на основе взаимности и после заблаговременного уведомления) все станции, установки и космические корабли на небесных телах.

Договор запрещает:
- провозглашать суверенитет на космическое пространство и небесные тела и осуществлять их национальное присвоение или оккупацию;
- выводить на орбиту (размещать в космосе) и устанавливать на небесных телах любые объекты особого (ядерного) назначения;
- использовать Луну и другие небесные тела в немирных целях;
- присваивать Луну и другие небесные тела в немирных целях;
- присваивать космические объекты других государств вне зависимости от места их обнаружения.

Права и обязанности вытекают из Договора как для государств, осуществляющих запуск космических объектов, так и для других государств.

В Договоре по космосу используется термин "космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела", то есть не проводится принципиального различия с точки зрения правового режима между Луной и другими небесными телами. Согласно нормам международного космического права, космическое пространство и небесные тела открыты для исследования и использования всеми государствами на основе равенства. Они не подлежат национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем захвата, ни какими-либо другими средствами. Необходимо учитывать и различия в режимах космического пространства и небесных тел. Луна и другие небесные тела в отличие от космоса должны использоваться исключительно в мирных

целях (запрещается проведение военных маневров или применение силы).

По Соглашению о Луне 1979 года Луна и ее природные ресурсы являются общим наследием человечества. Участники этого Соглашения обязались установить международный режим эксплуатации природных ресурсов Луны, когда возможность такой эксплуатации станет реальностью.

Особое значение имеет часть космического пространства, известная как геостационарная орбита (ГСО). ГСО представляет собой пространственное кольцо на высоте 36 тыс. км в плоскости земного экватора. Запущенный в это пространство спутник совершает обороты с угловой скоростью, равной угловой скорости вращения Земли вокруг своей оси. В результате этого спутник постоянно находится в практически неподвижном состоянии относительно поверхности Земли, как бы зависая над определенной точкой. Это создается оптимальные условия для некоторых видов практического использования спутников (например, осуществление непосредственного телевизионного вещания).

Ряд экваториальных стран в 1976 году заявил о своих претензиях на сегменты ГСО, соответствующие их территориям, что противоречит принципу неприсвоения космоса и является неправомерным с точки зрения космического права.

**Янковский О.И.,**
кандидат физико-математических наук;
**Минчина М.Г.,**
инженер-физик.

г. Ростов-на-Дону

*Письмо поступило в редакцию в июне 2000 года.*

# Документы

## ВОЕННАЯ ДОКТРИНА РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

21 апреля 2000 г. Указом Президента РФ №706 утверждена Военная доктрина Российской Федерации. Охарактеризованная как военно-политический манифест России[1], она призвана сыграть важную роль в деле обеспечения военной безопасности Российской Федерации с учетом реалий современной международной и внутригосударственной жизни. Заметим, что в нашей стране военной доктрине традиционно отводилось особое место. При этом у нас, в отличие, например, от США, где сам термин "военная доктрина" в официальных документах не встречается, и основное внимание уделяется концепции применения войск того или иного вида вооруженных сил в операции (сражении)[2], под военной доктриной понимается система официально принятых и научно обоснованных кардинальных взглядов на проблемы предотвращения войны, военного строительства, на подготовку страны и ее вооруженных сил к отражению агрессии, а также на способы, средства и методы ведения вооруженной борьбы, если войну не удалось предотвратить.[3] В настоящей статье, с учетом профиля журнала, будет предпринята попытка проанализировать основные положения Военной доктрины РФ в контексте ее соответствия международному праву, и, в частности, конституционному положению п. 4 ст. 15.

Принято считать, что правовые вопросы органично вплетаются в политическую и военно-техническую стороны Военной доктрины. В свою очередь, правовая сторона имеет два аспекта — внутренний и внешний. Последний определяется соответствием положений доктрины Уставу ООН, международным договорам и соглашениям. Ознакомление с текстом Военной доктрины-2000 позволяет прийти к выводу о том, что идея необходимости соблюдения общепризнанных норм международного права и международно-правовых обязательств, основанных на договорах РФ с другими странами, красной нитью проходит через весь этот документ. Так, уже в преамбуле международные договоры в области обеспечения военной безопасности называются в числе актов, составляющих правовую основу Военной доктрины. Примечательно, что при характеристике средств обеспечения военной безопасности, подчеркиваются обязательства Российской Федерации исходить из непреходящего значения основополагающих принципов и норм международного права, которые органично взаимосвязаны и дополняют друг друга; строго соблюдать и пунктуально выполнять заключенные международные договоры в области ограничения, сокращения и ликвидации вооружений; содействовать расширению мер доверия между государствами в военной области. Среди принципов обеспечения военной безопасности называется использование возможностей ООН, других международных организаций для предотвращения агрессии, принуждения агрессора к прекращению войны, восстановления международной безопасности и мира.

Краеугольным камнем Военной доктрины выступает концепция обеспечения военной безопасности страны. В трех разделах документа излагаются, соответст-

венно, ее военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические основы. При этом, по сравнению с Основными положениями военной доктрины 1993 года, Военная доктрина — 2000 вносит ряд новых принципиально важных моментов. Главным из них, на котором следует остановиться подробнее, является право Российской Федерации на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях.

По всей видимости, данное нововведение вызовет оживленную дискуссию среди юристов-международников. Несколько лет назад в отечественной науке международного права была высказана точка зрения о том, что признание примата международного права несовместимо с существованием концепций и доктрин о допустимости применения ядерного оружия[4].

В принципе данное высказывание представляется вполне обоснованным. Напомним, что как СССР, так и Россия традиционно проводили миролюбивую политику и выступали за ограничение вооружений, в том числе ядерного оружия (последние заявления Президента РФ на встрече с Президентом США свидетельствуют о неизменности российского внешнеполитического курса). Однако, не следует забывать и о том, что военная доктрина формируется под влиянием внешних и внутренних политических, экономических, военно-технических, идеологических факторов. На сегодняшний день эти факторы крайне неблагоприятны для безопасности нашей страны. В Военной доктрине указываются основные внешние и внутренние угрозы военной безопасности. Перечислим только несколько: создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы РФ и границ ее союзников; попытки игнорировать (ущемлять) интересы РФ в решении проблем международной безопасности; наличие очагов вооруженных конфликтов вблизи государственной границы РФ и границ ее союзников; международный терроризм; противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в США планирование возможного применения ядерного оружия до сих пор осуществляется в соответствии с подписанной Р.Рейганом еще в 1981 г. Директивой №13, которая предусматривает **использование США ядерного оружия первыми** и ориентирует военное строительство на подготовку и ведение глобальной ракетно-ядерной войны.[5]

Наконец, вызывает серьезную озабоченность новая концепция НАТО, принятая в 1999 г. (и уже получившая апробацию в Югославии), где было закреплено положение об обеспечении интересов ее стран-членов путем проведения силовых операций в любом регионе мира без мандата Совета Безопасности ООН. Подобные действия представляют собой серьезную угрозу международному правопорядку, основанному на общепризнанных принципах международного права.

В этой связи, названное нововведение Военной доктрины представляется вынужденной, временной превентивной мерой, направленной на обеспечение стратегической безопасности Российского государства в сложившихся условиях. При этом необходимо рассматривать данное положение Военной доктрины в контексте с ее другими положениями (о неприменении ядерного оружия против государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае нападения на РФ, ее Вооруженные Силы, ее союзников или на государство, с которым она имеет соответствующие обязательства; о том, что Россия готова к дальнейшему сокра-

щению ядерного оружия на двусторонней основе с США, а также на многосторонней основе — с другими ядерными государствами до минимальных уровней, отвечающих требованиям стратегической стабильности; о предпочтении политических, дипломатических и иных невоенных средств предотвращения, локализации и нейтрализации военных угроз на региональном и глобальном уровнях). Кроме того, следует учитывать положение преамбулы о том, что Военная доктрина носит оборонительный характер.

Международно-правовые аспекты Военной доктрины находят отражение при раскрытии основного содержания обеспечения военной безопасности. В мирный период времени, в частности, обращается внимание на защиту объектов и сооружений РФ в Мировом океане, космическом пространстве, охрану и защиту исключительной экономической зоны и континентального шельфа РФ и их природных ресурсов.

Следует особо остановиться на положениях Военной доктрины, посвященных ведению войны (вооруженного конфликта). Прежде всего, подчеркивается обусловленность поддержания готовности к ведению войн и участию в вооруженных конфликтах целями предотвращения и отражения агрессии, защиты целостности и неприкосновенности своей территории, обеспечения военной безопасности РФ, а также ее союзников в соответствии с международными договорами.

Заслуживает внимания проводимая характеристика и классификация современных войн и вооруженных конфликтов. По военно-политическим целям они могут быть справедливыми (не противоречащими Уставу ООН и ведущимися стороной, подвергнувшейся агрессии) и несправедливыми (противоречащими Уставу ООН, и, соответственно, подпадающими под определение агрессии); по применяемым средствам — с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения и с применением только обычных средств поражения; по масштабам — локальными, региональными, крупномасштабными. Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств) или немеждународный, внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства). При этом, как для войны так и для вооруженного конфликта, характерно применение, наряду с регулярными, нерегулярных вооруженных формирований.

Согласно Военной доктрине, правомерными основаниями применения Вооруженных Сил РФ являются следующие: отражение агрессии; защита от антиконституционных действий, противоправного вооруженного насилия, угрожающих целостности и неприкосновенности территории РФ; выполнение задач в соответствии с международными договорами РФ; выполнение других задач в соответствии с федеральным законодательством.

Военная доктрина определяет основные задачи Вооруженных Сил в войне и вооруженном конфликте. При этом, на наш взгляд, роль международного права здесь оказалась явно недооцененной. О международных договорах упоминается только в пункте выполнения союзнических обязательств. Ничего не сказано о необходимости соблюдать законы и обычаи войны, закрепленные в Гаагских и Женевских конвенциях, что, с учетом их грубого и массового нарушения, является существенным пробелом данного документа.

Обращая первостепенное внимание на вопросы подготовки Вооруженных Сил РФ к отражению нападения и нанесения поражения агрессору, Военная доктрина включает ряд положений о миротворческой деятельности. Данная деятельность может осуществляться Вооруженными Силами РФ как самостоятельно, так и в составе международных организаций, а основные ее задачи состоят в разъединении вооруженных группировок конфликтующих сторон; обеспечении условий для доставки гуманитарной помощи гражданскому населению и его эвакуации из зоны конфликта; блокировании района конфликта в целях обеспе-

чения выполнения санкций, принятых международным сообществом; создании предпосылок для политического урегулирования.

По мнению автора статьи, сам термин "миротворческая деятельность" не совсем корректен, поскольку не всегда ясен смысл, вкладываемый в это понятие. К тому же в рассматриваемом значении он не встречается в тексте Устава ООН, и, в частности, его главы VII. В этом плане правильным при характеристике соответствующих задач Вооруженных Сил является употребление термина "операции по поддержанию и восстановлению мира".

Вполне согласуется с действующим международным правом и существующей межгосударственной практикой тезис о возможности размещения ограниченных контингентов Вооруженных Сил РФ и других войск в стратегически важных регионах за пределами территории РФ в составе объединенных или национальных группировок и отдельных баз (объектов). При этом составители Военной доктрины совершенно обоснованно с международно-правовой точки зрения подчеркнули то, что формирования российских войск, находящиеся на территориях иностранных государств, независимо от условий размещения, входят в состав Вооруженных Сил РФ и других войск и действуют в соответствии с установленным в них порядком, с учетом требований Устава ООН, резолюций Совета Безопасности ООН, двусторонних и многосторонних договоров РФ.

Значительное место Военная доктрина отводит вопросам международного военного сотрудничества. Оно может осуществляться в военно-политической и военно-технической областях, исходя из внешнеполитической и экономической целесообразности, задач обеспечения военной безопасности РФ и ее союзников, в соответствии с федеральным законодательством и международными договорами РФ, на основе принципов равноправия, взаимной выгоды и добрососедства, с соблюдением интересов международной стабильности, национальной, региональной и глобальной безопасности.

Вполне естественно, что приоритетное значение придается развитию военного сотрудничества с государствами-участниками Договора о коллективной безопасности Содружества Независимых Государств. Кроме того, с учетом заключенного в 1999 г. Союзного договора с Республикой Беларусь, специально оговаривается проведение совместной оборонной политики, включая различные меры по поддержанию обороноспособности Союзного государства.

Вместе с тем, Военная доктрина рассматривает в качестве партнеров России все государства, чья политика не наносит ущерба ее национальным интересам и безопасности и не противоречит Уставу ООН. В этом плане РФ содействует расширению мер доверия между государствами в военной области, включая взаимный обмен информацией военного характера, согласование военных доктрин, планов и мероприятий военного строительства, военной деятельности.

Как видно из вышеизложенного, вопросы международного права нашли определенное (хотя и не всегда достаточное) отражение в новой Военной доктрине РФ. При этом, налицо главное — примат международного права, провозглашенный в Конституции, в целом сохраняется. Спорный момент в этом плане — право применить ядерное оружие против агрессора. Однако, данное нововведение вызвано сложившейся ситуацией в мире и необходимостью обеспечения безопасности страны. Несомненно и то, что необходимость в нем отпадет по мере того, как изменится военно-политическая обстановка, исчезнет угроза превратить мир в "однополярный", амбициозность уступит место конструктивному, равноправному сотрудничеству, в том числе, в военной сфере.

**С. А. Лобанов,**
доктор юридических наук,
подробнее об авторе см. в № 2 нашего журнала за 1998 год.

[1] См.: Красная звезда. — 29 апреля 2000 г.

[2] См.: *Печуров С. Л.* Объединенная доктрина вооруженных сил США: процесс разработки//Военная мысль. — М., 1998. №1. с. 73.

[3] См.: *Арцибасов И.Н., Жданов Ю.Н.* Правовые аспекты военной доктрины России//Государство и право. 1993. №4. с. 3—9.

[4] См.: *Иванащенко Л.А.* Примат международного права в военной политике и военных доктринах//Московский журнал международного права. 1993. №1. с. 82.

[5] См.: Красная звезда. — 28 октября 1993.

*Статья поступила в редакцию в июне 2000 года.*

**Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21 апреля 2000 года № 706**

# ВОЕННАЯ ДОКТРИНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Военная доктрина Российской Федерации (далее именуется — Военная доктрина) представляет собой совокупность официальных взглядов (установок), определяющих военно-политические, военно-стратегические, военно-экономические основы обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

Военная доктрина является документом переходного периода — периода становления демократической государственности, многоукладной экономики, преобразования военной организации государства, динамичной трансформации системы международных отношений.

В Военной доктрине развиваются Основные положения военной доктрины Российской Федерации 1993 года и конкретизируются применительно к военной сфере установки Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Положения Военной доктрины опираются на комплексную оценку состояния военно-политической обстановки и стратегический прогноз ее развития, на научно-обоснованное определение текущих и перспективных задач, объективных потребностей и реальных возможностей обеспечения военной безопасности Российской Федерации, а также на системный анализ содержания и характера современных войн и вооруженных конфликтов, отечественного и зарубежного опыта военного строительства и военного искусства.

Военная доктрина носит оборонительный характер, что предопределяется органическим сочетанием в ее положениях последовательной приверженности миру с твердой решимостью защищать национальные интересы, гарантировать военную безопасность Российской Федерации и ее союзников.

Правовую основу Военной доктрины составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы и другие нормативные правовые акты Российской Федерации, а также международные договоры Российской Федерации в области обеспечения военной безопасности.

Положения Военной доктрины могут уточняться и дополняться с учетом изменений военно-политической обстановки, характера и содержания военных угроз, условий строительства, развития и применения военной организации государства, а также конкретизироваться в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, в директивах по планированию применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в иных документах по вопросам обеспечения военной безопасности Российской Федерации.

Реализация Военной доктрины достигается за счет централизации государственного и военного управления, осуществления комплекса политических, дипломатических, экономических, социальных, информационных, правовых, военных и других мер, направленных на обеспечение военной безопасности Российской Федерации и ее союзников.

## 1. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

### Военно-политическая обстановка

1. Состояние и перспективы развития современной военно-политической обстановки определяются качественным совершенствованием средств, форм и способов вооруженной борьбы, увеличением ее пространственного размаха и тяжести последствий, распространением на новые сферы. Возможность достижения военно-политических целей непрямыми, неконтактными действиями предопределяет особую опасность современных войн и вооруженных конфликтов для народов и государств, для сохранения международной стабильности и мира, обусловливает жизненную необходимость принятия исчерпывающих мер для их предотвращения, мирного урегулирования противоречий на ранних стадиях их возникновения и развития.

2. Военно-политическая обстановка определяется следующими основными факторами:

снижение опасности развязывания крупномасштабной войны, в том числе ядерной;

формирование и укрепление региональных центров силы;

усиление национального, этнического и религиозного экстремизма;

активизация сепаратизма;

распространение локальных войн и вооруженных конфликтов, усиление региональной гонки вооружений;

распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения, средств его доставки; обострение информационного противоборства.

3. Дестабилизирующее воздействие на военно-политическую обстановку оказывают:

попытки ослабить (игнорировать) существующие механизмы обеспечения международной безопасности (прежде всего ООН и ОБСЕ);

использование военно-силовых акций в качестве средства "гуманитарного вмешательства" без санкции Совета Безопасности ООН, в обход общепризнанных принципов и норм международного права;

нарушение отдельными государствами международных договоров и соглашений в области ограничения вооружений и разоружения, использование субъектами международных отношений информационных и других (в том числе нетрадиционных) средств и технологий в агрессивных (экспансионистских) целях;

деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских, террористических движений, организаций и структур, расширение масштабов организованной преступности, терроризма, незаконного оборота оружия и наркотиков, транснациональный характер этой деятельности.

### Основные угрозы военной безопасности

4. В современных условиях угроза прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников снижена, благодаря позитивным изменениям международной обстановки, проведению нашей страной активного миролюбивого внешнеполитического курса, поддержанию на достаточном уровне российского военного потенциала, прежде всего потенциала ядерного сдерживания.

Вместе с тем сохраняются, а на отдельных направлениях усиливаются потенциальные внешние и внутренние угрозы военной безопасности Российской Федерации и ее союзников.

5. Основные внешние угрозы:

территориальные претензии к Российской Федерации;

вмешательство во внутренние дела Российской Федерации;

попытки игнорировать (ущемлять) интересы Российской Федерации в решении проблем международной безопасности, противодействовать ее укреплению как одного из влиятельных центров многополярного мира;

наличие очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников;

создание (наращивание) группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях, расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации;

ввод иностранных войск в нарушение Устава ООН на территории сопредельных с Российской Федерацией и дружественных ей государств;

создание, оснащение и подготовка на территориях других государств вооруженных формирований и групп в целях их переброски для действий на территориях Российской Федерации и ее союзников;

нападения (вооруженные провокации) на военные объекты Российской Федерации, расположенные на территориях иностранных государств, а также на объекты и сооружения на государственной границе Российской Федерации, границах ее союзников и в Мировом океане;

действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности, в том числе путем воспрепятствования работе российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, противоракетной обороны, контроли космического пространства и обеспечения их боевой устойчивости, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов;

враждебные, наносящие ущерб военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, информационные (информационно-технические, информационно-психологические) действия;

дискриминация, подавление прав, свобод и законных интересов граждан Российской Федерации в иностранных государствах;

международный терроризм.

6. Основные внутренние угрозы:

попытка насильственного свержения конституционного строя;

противоправная деятельность экстремистских националистических, религиозных, сепаратистских и террористических движений, организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической обстановки в стране;

планирование, подготовка и осуществление действий, направленных на дезорганизацию функционирования федеральных органов государственной власти, нападения на государственные, хозяйственные, военные объекты, объекты жизнеобеспечения и информационной инфраструктуры;

создание, оснащение, подготовка и функционирование незаконных вооруженных формирований;

незаконное распространение (оборот) на территории Российской Федерации оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и других средств, которые могут быть использованы для осуществления диверсий, террористических актов, иных противоправных действий;

организованная преступность, терроризм, контрабандная и иная противозаконная деятельность в масштабах, угрожающих военной безопасности Российской Федерации.

### Обеспечение военной безопасности

7. Обеспечение военной безопасности Российской Федерации является важнейшим направлением деятельности государства.

Главные цели обеспечения военной безопасности — предотвращение, локализация и нейтрализация военных угроз Российской Федерации.

Российская Федерация рассматривает обеспечение своей военной безопасности в контексте строительства демократического правового государства, осуществления социально-экономических реформ, утверждения принципов равноправного партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства в международных отношениях, последовательного формирования общей и всеобъемлющей системы международной безопасности, сохранения и укрепления всеобщего мира.

Российская Федерация:

исходит из непреходящего значения основополагающих принципов и норм международного права, которые органично взаимосвязаны и дополняют друг друга;

сохраняет статус ядерной державы для сдерживания (предотвращения) агрессии против нее и (или) ее союзников;

проводит совместную с Республикой Белоруссия оборонную политику, координирует с ней деятельность в области военного строительства, развития вооруженных сил государств-участников Союзного государства, использования военной инфраструктуры, принимает другие меры по поддержанию обороноспособности Союзного государства,

придает приоритетное значение укреплению системы коллективной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств на основе развития и укрепления Договора о коллективной безопасности, рассматривает в качестве партнеров все государства, чья политика не наносит ущерба ее национальным интересам и безопасности и не противоречит Уставу ООН; отдает предпочтение политическим, дипломатическим и иным невоенным средствам предотвращения, локализации и нейтрализации военных угроз на региональном и глобальном уровнях,

строго соблюдает международные договоры Российской Федерации в области ограничения, сокращения и ликвидации вооружений, содействует их реализации, обеспечению определяемого ими режима, пунктуально выполняет международные договоры Российской Федерации по стратегическим наступательным вооружениям и противоракетной обороне, готова к дальнейшему сокращению своего ядерного оружия на двусторонней основе с США, а также на многосторонней основе с другими ядерными государствами до минимальных уровней, отвечающих требованиям стратегической стабильности,

выступает за придание универсального характера режиму нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, за решительное повышение эффективности этого режима путем сочетания запретительных, контрольных и технологических мер, за прекращение и всеобъемлющее запрещение ядерных испытаний,

содействует расширению мер доверия между государствами в военной области, включая взаимный обмен информацией военного характера, согласование военных доктрин, планов и мероприятий военного строительства, военной деятельности.

8. Военная безопасность Российской Федерации обеспечивается всей совокупностью имеющихся в ее распоряжении сил, средств и ресурсов

В современных условиях Российская Федерация исходит из необходимости обладать ядерным потенциалом, способным гарантированно обеспечить нанесе-

ние заданного ущерба любому агрессору (государству либо коалиции государств) в любых условиях.

При этом ядерное оружие, которым оснащены Вооруженные Силы Российской Федерации, рассматривается Российской Федерацией как фактор сдерживания агрессии, обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, поддержания международной стабильности и мира.

Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях.

Российская Федерация не применит ядерного оружия против государств-участников Договора о нераспространении ядерного оружия, не обладающих ядерным оружием, кроме как в случае нападения на Российскую Федерацию, Вооруженные Силы Российской Федерации или другие войска, ее союзников или на государство, с которым она имеет обязательства в отношении безопасности, осуществляемого или поддерживаемого таким государством, не обладающим ядерным оружием, совместно или при наличии союзнических обязательств с государством, обладающим ядерным оружием.

9. Основные принципы обеспечения военной безопасности:

сочетание твердого централизованного руководства военной организацией государства с гражданским контролем ее деятельности; эффективность прогнозирования, своевременность вскрытия и классификации военных угроз, адекватность реагирования на них;

достаточность сил, средств и ресурсов, необходимых для обеспечения военной безопасности, их рациональное использование,

соответствие уровня готовности, подготовки и обеспечения военной организации государства потребностям военной безопасности; ненанесение ущерба международной безопасности и национальной безопасности других стран.

10. Основное содержание обеспечения военной безопасности:

а) в мирное время:

формирование и реализация единой государственной политики в области обеспечения военной безопасности;

поддержание внутриполитической стабильности, защита конституционного строя, целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации;

развитие и укрепление дружественных (союзнических) отношений с соседними и другими государствами;

создание и совершенствование системы обороны Российской Федерации и ее союзников;

всестороннее обеспечение и качественное совершенствование Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (далее именуются — Вооруженные Силы Российской Федерации и другие войска), поддержание их в готовности к согласованным действиям по предотвращению, локализации и нейтрализации внешних и внутренних угроз;

подготовка системы мероприятий по переводу Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск на условия военного времени (в том числе по их мобилизационному развертыванию);

совершенствование экономической, технологической и оборонно-промышленной базы, повышение мобилизационной готовности экономики, создание условий, обеспечивающих заблаговременный перевод предусмотренных планом промышленных предприятий на выпуск военной продукции, организация подготовки органов государственной власти, предприятий, учреждений и организаций, населения страны к решению задач по обеспечению военной безопасности, ведению территориальной и гражданской обороны;

защита объектов и сооружений Российской Федерации в Мировом океане, космическом пространстве, на территориях иностранных государств, защита судоходства, промысловой и других видов деятельности в прилегающей морской зоне и удаленных районах Мирового океана;

охрана и защита государственной границы Российской Федерации в пределах приграничной территории, воздушного пространства и подводной среды, а также исключительной экономической зоны и континентального шельфа Российской Федерации и их природных ресурсов;

поддержка (при необходимости) политических акций Российской Федерации путем проведения соответствующих мероприятий военного характера, а также военно-морского присутствия;

подготовка к территориальной и гражданской обороне;

развитие необходимой военной инфраструктуры;

обеспечение безопасности и защита граждан Российской Федерации от военных угроз;

формирование сознательного отношения населения к обеспечению военной безопасности страны; осуществление контроля за взаимным выполнением договоров в области ограничения, сокращения и ликвидации вооружений и укрепления мер доверия;

обеспечение готовности к участию (участие) в миротворческой деятельности;

б) в угрожаемый период и с началом войны (вооруженного конфликта):

своевременное объявление состояния войны, введение военного или чрезвычайного положения в стране либо в отдельных ее местностях, проведение полного или частичного стратегического развертывания Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск либо их части, приведение их в готовность к выполнению задач;

координация в соответствии с федеральным законодательством деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных организаций и граждан в интересах отражения агрессии;

организация и скоординированное ведение вооруженной, политической, дипломатической, информационной, экономической и других видов борьбы;

принятие и реализация решений по подготовке и ведению военных действий;

перевод экономики страны, отдельных ее отраслей, а также предприятий и организаций, транспорта и коммуникаций на работу в условиях военного положения;

организация и осуществление мероприятий территориальной и гражданской обороны;

оказание помощи союзникам Российской Федерации, привлечение и реализация их возможностей для достижения совместных целей в войне (вооруженном конфликте);

предотвращение вовлечения других государств в войну (вооруженный конфликт) на стороне агрессора;

использование возможностей ООН, других международных организаций для предотвращения агрессии, принуждения агрессора к прекращению войны (вооруженного конфликта) на ранних стадиях, восстановления международной безопасности и мира.

**Военная организация государства**

11. Целям обеспечения военной безопасности Российской Федерации служит военная организация государства.

12. Военная организация государства включает в себя Вооруженные Силы Российской Федерации, составляющие ее ядро и основу обеспечения военной безопасности, другие войска, воинские формирования и органы, предназначен-

ные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы управления ими.

В военную организацию государства также входит часть промышленного и научного комплексов страны, предназначенная для обеспечения задач военной безопасности

13. Главной целью развития военной организации государства является обеспечение гарантированной защиты национальных интересов и военной безопасности Российской Федерации и ее союзников.

14. Основные принципы развития военной организации государства:

адекватный учет выводов, сделанных из анализа состояния и перспектив развития военно-политической обстановки;

централизация руководства;

единоначалие на правовой основе;

достигаемое соответствие в пределах экономических возможностей страны уровня боевой и мобилизационной готовности, а также подготовки органов военного управления и войск (сил), их структур, боевого состава и численности резерва, запасов материальных средств и ресурсов задачам обеспечения военной безопасности;

единство обучения и воспитания;

реализация прав и свобод военнослужащих, обеспечение их социальной защищенности, достойного социального статуса и уровня жизни.

Развитие всех компонентов военной организации государства осуществляется в соответствии с нормативными правовыми актами, регламентирующими их деятельность, по скоординированным и согласованным программам и планам.

15. Главные приоритеты развития военной организации государства:

создание единой системы управления военной организацией государства и обеспечение ее эффективного функционирования;

развитие и совершенствование войск (сил), обеспечивающих стратегическое сдерживание (в том числе ядерное);

создание и поддержание в необходимой готовности структур для подготовки мобилизационных ресурсов и обеспечения мобилизационного развертывания Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск;

комплектование, оснащение, всестороннее обеспечение и подготовка соединений и воинских частей постоянной боевой готовности сил общего назначения для решения задач сдерживания и ведения боевых действий в локальных войнах и вооруженных конфликтах.

16. Основные направления развития военной организации государства:

приведение структуры, состава и численности компонентов военной организации государства в соответствие с задачами обеспечения военной безопасности с учетом экономических возможностей страны;

повышение качественного уровня, эффективности и безопасности функционирования технологической основы системы государственного и военного управления;

совершенствование военно-экономического обеспечения военной организации государства на основе концентрации и рационального использования финансовых средств и материальных ресурсов; совершенствование стратегического планирования на принципе единства применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск;

повышение эффективности функционирования систем подготовки кадров, военного образования, оперативной и боевой подготовки, воспитания военнослужащих, всех видов обеспечения, а также военной науки;

совершенствование системы комплектования (на базе контрактно-призывного принципа с последовательным, по мере создания необходимых социально-экономических условий, увеличением доли военнослужащих, проходящих военную

службу по контракту, прежде всего на должностях младших командиров, специалистов ведущих боевых специальностей);

повышение эффективности системы эксплуатации и ремонта вооружения и военной техники;

совершенствование специального информационного обеспечения Вооруженных Сил Российской Федерации или других войск, органов управления ими;

укрепление законности правопорядка и воинской дисциплины;

реализация государственной политики по укреплению престижа военной службы, подготовке к ней граждан Российской Федерации; развитие международного военного (военно-политического) и военно-технического сотрудничества.

совершенствование нормативной правовой базы строительства, развития и применения военной организации государства, а также системы ее отношений с обществом.

17. Составной частью и приоритетной задачей современного этапа военного строительства является проведение комплексной военной реформы, обусловленной радикальными изменениями военно-политической обстановки, задач и условий обеспечения военной безопасности Российской Федерации. В рамках военной реформы осуществляется взаимосвязанное, скоординированное реформирование всех компонентов военной организации государства.

**Руководство военной организацией государства**

18. Руководство строительством, подготовкой и применением военной организации государства, обеспечением военной безопасности Российской Федерации осуществляет Президент Российской Федерации, который является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами Российской Федерации.

19. Правительство Российской Федерации организует оснащение Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск вооружением, военной и специальной техникой, обеспечение их материальными средствами, ресурсами и услугами, осуществляет общее руководство оперативным оборудованием территории Российской Федерации в интересах обороны, а также осуществляет иные функции по обеспечению военной безопасности, установленные федеральным законодательством.

20. Федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления осуществляют полномочия по обеспечению военной безопасности, возложенные на них федеральным законодательством.

Предприятия, учреждения, организации, общественные объединения и граждане Российской Федерации участвуют в обеспечении военной безопасности в порядке, установленном федеральным законодательством.

21. Управление Вооруженными Силами Российской Федерации и другими войсками осуществляют руководители соответствующих федеральных органов исполнительной власти.

22. Министерство обороны Российской Федерации координирует деятельность федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации по вопросам обороны, разработку концепций строительства и развития других войск, заказы на вооружение и военную технику для них, разрабатывает с участием соответствующих федеральных органов исполнительной власти концепцию развития вооружения, военной и специальной техники и федеральную государственную программу вооружения, а также предложения по государственному оборонному *заказу*.

Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации является основным органом оперативного управления Вооруженными Силами Российской

Федерации, координирующим деятельность и организующим взаимодействие Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск по выполнению задач в области обороны.

Управления главнокомандующих (командующих) видами (родами) Вооруженных Сил Российской Федерации (войск) осуществляют разработку и реализацию планов строительства и применения видов (родов) Вооруженных Сил Российской Федерации (войск), их оперативной и мобилизационной подготовки, технического оснащения, подготовки кадров, обеспечивают управление войсками (силами) и их повседневную деятельность, развитие системы базирования и инфраструктуры.

Управления военных округов (оперативно-стратегические командования) осуществляют управление межвидовыми группировками войск (сил) общего назначения, а также планирование и организацию мероприятий по совместной с другими войсками, воинскими формированиями и органами подготовке к обеспечению военной безопасности в установленных границах ответственности с учетом их задач и единой системы военно-административного деления территории Российской Федерации.

23. Для управления коалиционными группировками войск (сил) согласованным решением органов государственной власти стран-участниц коалиции создаются соответствующие объединенные органы военного управления.

24. В целях централизованного руководства обеспечением военной безопасности Российской Федерации осуществляется единое стратегическое и оперативное планирование применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск в интересах обороны, программно-целевое планирование военного строительства, предусматривающее разработку долгосрочных (10-15 лет), среднесрочных (4-5 лет) и краткосрочных (1-2 года) документов.

25. Организация руководства обеспечением военной безопасности Российской Федерации в угрожаемый период, создание и функционирование соответствующих органов государственной власти и органов военного управления регламентируются соответствующими законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

## II. ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

### Характер войн и вооруженных конфликтов

1. Российская Федерация поддерживает готовность к ведению войн и участию в вооруженных конфликтах исключительно в целях предотвращения и отражения агрессии, защиты целостности и неприкосновенности своей территории, обеспечения военной безопасности Российской Федерации, а также ее союзников в соответствии с международными договорами.

2. Характер современных войн (вооруженных конфликтов) определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий.

В соответствии с этим современная война (вооруженный конфликт) может быть:

по военно-политическим целям — справедливой (не противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущейся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии); несправедливой (противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающей под определение агрессии и ведущейся стороной, предпринявшей вооруженное нападение);

по применяемым средствам — с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения; с применением только обычных средств поражения;

по масштабам — локальной, региональной, крупномасштабной.

3. Основные общие черты современной войны:

влияние на все сферы жизнедеятельности человечества;

коалиционный характер;

широкое использование непрямых, неконтактных и других (в том числе нетрадиционных) форм и способов действий, дальнего огневого и электронного поражения;

активное информационное противоборство, дезориентация общественного мнения в отдельных государствах и мирового сообщества в целом;

стремление сторон к дезорганизации системы государственного и военного управления;

применение новейших высокоэффективных (в том числе основанных на новых физических принципах) систем вооружения и военной техники;

маневренные действия войск (сил) на разрозненных направлениях с широким применением аэромобильных сил, десантов и войск специального назначения;

поражение войск (сил), объектов тыла, экономики, коммуникаций на всей территории каждой из противоборствующих сторон;

проведение воздушных кампаний и операций;

катастрофические последствия поражения (разрушения) предприятий энергетики (прежде всего атомной), химических и других опасных производств, инфраструктуры коммуникаций, объектов жизнеобеспечения;

высокая вероятность вовлечения в войну новых государств, эскалации вооруженной борьбы, расширения масштабов и спектра применяемых средств, включая оружие массового уничтожения;

участие в войне наряду с регулярными нерегулярных вооруженных формирований.

4. Вооруженный конфликт может возникнуть в форме вооруженного инцидента, вооруженной акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба и стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы.

Особой формой вооруженного конфликта является приграничный конфликт.

Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств) или немеждународный, внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства).

5. Вооруженный конфликт характеризуется:

высокой вовлеченностью в него и уязвимостью местного населения;

применением нерегулярных вооруженных формирований;

широким использованием диверсионных и террористических методов;

сложностью морально-психологической обстановки, в которой действуют войска.

вынужденным отвлечением значительных сил и средств на обеспечение безопасности маршрутов передвижения районов и мест расположения войск (сил);

опасностью трансформации в локальную (международный вооруженный конфликт) или гражданскую (внутренний вооруженный конфликт) войну.

6. Для решения задач во внутреннем вооруженном конфликте могут создаваться объединенные (разноведомственные) группировки войск (сил) и органы управления ими.

7. Локальная война может вестись группировками войск (сил), развернутыми в районе конфликта, с усилением их при необходимости за счет переброски войск, сил и средств с других направлений и проведения частичного стратегического развертывания вооруженных сил.

В локальной войне стороны будут действовать в границах противоборствующих государств и преследовать ограниченные военно-политические цели.

8. Региональная война может стать результатом эскалации локальной войны или вооруженного конфликта и вестись с участием двух или нескольких государств (групп государств) одного региона, национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения.

В региональной войне стороны будут преследовать важные военно-политические цели.

9. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны, вовлечения в них значительного количества государств различных регионов мира.

Крупномасштабная война с применением только обычных средств поражения будет характеризоваться высокой вероятностью перерастания в ядерную с катастрофическими последствиями для цивилизации, основ жизнедеятельности и существования человечества.

В крупномасштабной войне стороны будут ставить радикальные военно-политические цели. Она потребует полной мобилизации всех материальных и духовных ресурсов государств-участников.

10. Крупномасштабной (региональной) войне может предшествовать угрожаемый период.

11. Крупномасштабная (региональная) война может иметь начальный период, основным содержанием которого явится напряженная вооруженная борьба за овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, достижение превосходства в информационной сфере, завоевание (удержание)господства в воздухе.

В случае затяжного характера крупномасштабной (региональной) войны ее цели будут достигаться в последующих и завершающем периодах.

12. Российская Федерация последовательно и твердо добивается создания эффективной системы политических, правовых, организационно-технических и иных международных гарантий недопущения вооруженных конфликтов и войн.

### Основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск

13. Российская Федерация считает правомерным применение Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск для отражения агрессии против нее.

Вооруженные Силы Российской Федерации и другие войска могут применяться также для защиты от антиконституционных действий, противоправного вооруженного насилия, угрожающих целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, для выполнения задач в соответствии с международными договорами Российской Федерации и для выполнения других задач в соответствии с федеральным законодательством.

14 Цели применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск:

в крупномасштабной (региональной) войне в случае ее развязывания каким-либо государством (группой, коалицией государств) — защита независимости и суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации и ее союзников, отражение агрессии, нанесение поражения агрессору, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников;

в локальных войнах и международных вооруженных конфликтах — локализации очага напряженности, создание предпосылок для прекращения войны, вооруженного конфликта либо для принуждения к их прекращению на ранних стадиях; нейтрализация агрессора и достижение урегулирования на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников;

во внутренних вооруженных конфликтах — разгром и ликвидация незакон-

ных вооруженных формирований, создание условия для полномасштабного урегулирования конфликта на основе Конституции Российской Федерации и Федерального законодательства;

в операциях по поддержанию и восстановлению мира — разведение противоборствующих сторон, стабилизация обстановки, обеспечение условий для справедливого мирного урегулирования.

15. Основные формы применения Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск:

стратегические операции, операции и боевые действия — в крупномасштабной и региональных войнах;

операции и боевые действия в локальных войнах и международных вооруженных конфликтах;

совместные специальные операции — во внутренних вооруженных конфликтах;

контртеррористические операции — при участии в борьбе с терроризмом в соответствии с федеральным законодательством;

миротворческие операции.

16. Вооруженные Силы Российской Федерации и другие войска должны быть готовы к отражению нападения и нанесению поражения агрессору, ведению активных действий (как оборонительных, так и наступательных) при любом варианте развязывания и ведения войн и вооруженных конфликтов, в условиях массированного применения противником современных и перспективных боевых средств поражения, в том числе оружия массового уничтожения всех разновидностей.

Одновременно Вооруженные Силы Российской Федерации должны обеспечить осуществление Российской Федерацией миротворческой деятельности как самостоятельно, так и в составе международных организаций.

17. Основные задачи Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск:

а) по обеспечению военной безопасности:

своевременное вскрытие угрожающего развития военно-политической обстановки, подготовки вооруженного нападения на Российскую Федерацию и (или) ее союзников;

поддержание состава, состояния боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях;

поддержание боевого потенциала, боевой и мобилизационной готовности и подготовки группировок войск (сил) общего назначения мирного времени на уровне, обеспечивающем отражение агрессии локального масштаба;

содержание вооружения и военной (специальной) техники, запасов материальных средств в готовности к боевому применению;

нанесение боевого дежурства (боевой службы) выделенными (назначенными) войсками, силами и средствами;

качественное и в полном объеме выполнение планов и программ оперативной, боевой и мобилизационной подготовки, воспитания личного состава войск (сил);

поддержание готовности к стратегическому развертыванию в рамках государственных мероприятий по переводу страны на условия военного времени;

охрана и защита государственной границы Российской Федерации;

развитие противоздушной обороны Российской Федерации как единой системы на основе централизованного управления всеми силами и средствами противовоздушной обороны;

создание условий для безопасности экономической деятельности, защиты национальных интересов Российской Федерации в территориальном море, на

континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, а также в Мировом океане;

охрана важных государственных объектов;

предотвращение и пресечение диверсий и террористических актов;

предупреждение экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций, ликвидация их последствий;

организация гражданской и территориальной обороны;

обеспечение технического прикрытия и восстановления коммуникаций;

обеспечение информационной безопасности.

Решение задач по защите национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане осуществляется в соответствии с Основами политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности.

Все задачи по обеспечению военной безопасности выполняются Вооруженными Силами Российской Федерации и другими войсками скоординировано, в тесном взаимодействии и в соответствии с их функциями, установленными федеральным законодательством;

б) по отражению вооруженного нападения (агрессии) на Российскую Федерацию и (или) ее союзников:

частичное или полное стратегическое развертывание;

ведение стратегических операций, операций и боевых действий (в том числе совместных с союзными государствами) по разгрому вторгшихся, уничтожению созданных (создаваемых) группировок войск (сил) агрессора в районах их базирования, сосредоточения и на коммуникациях;

поддержание готовности к применению и применение (в предусмотренных Военной доктриной случаях и в установленном порядке) потенциала ядерного сдерживания;

локализация и нейтрализация приграничных вооруженных конфликтов;

поддержание режима военного (чрезвычайного) положения;

защита населения, объектов экономки и инфраструктуры от воздействия средств поражения противника;

выполнение союзнических обязательств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

Решение задач по отражению вооруженного нападения (агрессии) организуется и осуществляется в соответствии с Планом применения Вооруженных Сил Российской Федерации, Мобилизационным планом Вооруженных Сил Российской Федерации, указами Президента Российской Федерации по вопросам военной безопасности, приказами и директивами Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации, другими нормативными правовыми актами, планами и директивными документами;

в) во внутренних вооруженных конфликтах:

разгром и ликвидация незаконных вооруженных формирований, бандитских и террористических групп и организаций, уничтожение их баз, центров подготовки, складов, коммуникаций;

восстановление законности и правопорядка;

обеспечение общественной безопасности и стабильности;

поддержание правового режима чрезвычайного положения в районе конфликта;

локализация и блокирование района конфликта;

пресечение вооруженных столкновений и разъединение противоборствующих сторон;

изъятие оружия у населения в районе конфликта;

усиление охраны общественного порядка и безопасности в районах, примыкающих к району конфликта.

Выполнение задач по предупреждению и пресечению внутренних вооружен-

ных конфликтов, локализации и блокированию районов конфликтов, уничтожению незаконных вооруженных формирований, банд и террористических групп возлагается на создаваемые на временной основе объединенные (разноведомственные) группировки войск (сил) и органы управления ими;

г) в операциях по поддержанию и восстановлению мира:

разъединение вооруженных группировок конфликтующих сторон;

обеспечение условий для доставки гуманитарной помощи гражданскому населению и его эвакуации из зоны конфликта;

блокирование района конфликта в целях обеспечения выполнения санкций, принятых международным сообществом;

создание предпосылок для политического урегулирования.

Выполнение задач в операциях по поддержанию и восстановлению мира возлагается на Вооруженные Силы Российской Федерации. Для подготовки к выполнению этих задач выделяются специально назначенные соединения и воинские части. Наряду с подготовкой к применению по прямому предназначению они обучаются по специальной программе. Российская Федерация осуществляет тыловое и техническое обеспечение. Обучение, подготовку российских контингентов, планирование их применения и оперативное управление ими в соответствии со стандартами и процедурами ООН, ОБСЕ и Содружества Независимых Государств.

18. Силы и средства Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск могут привлекаться для оказания помощи органам государственной власти, органам местного самоуправления и населению при ликвидации последствий аварий, катастроф и стихийных бедствий.

19. Для решения задач, стоящих перед Вооруженными Силами Российской Федерации и другими войсками, создаются группировки войск (сил) на территории Российской Федерации с учетом:

степени потенциальной военной опасности на конкретных стратегических направлениях;

характера взаимоотношений Российской Федерации с сопредельными государствами;

расположения жизненно важных для Российской Федерации промышленных районов и районов стратегических ресурсов, особо важных объектов;

возможности стратегического развертывания на угрожаемых направлениях при максимальном снижении объемов перевозок, а также межрегионального маневра;

возможности своевременного вывода войск (сил) и материально-технических запасов из-под вероятных ракетно-авиационных ударов;

условий для расквартирования и обеспечения жизнедеятельности войск, решения социальных и бытовых проблем;

наличия и состояния базы мобилизационного развертывания;

общественно-политической обстановки в конкретных регионах.

20. В целях формирования и поддержания стабильности, обеспечения адекватного реагирования на возникновение внешних угроз на ранних стадиях ограниченные контингенты Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск могут размещаться в стратегически важных регионах за пределами территории Российской Федерации в составе объединенных или национальных группировок и отдельных баз (объектов).

Условия такого размещения определяются соответствующими международно-правовыми документами.

21. При создании смешанных воинских формирований Содружества Независимых Государств они комплектуются военнослужащими государств-участников в соответствии с их национальным законодательством и принятыми межгосударственными соглашениями. Военнослужащие — граждане Российской Федерации проходят службу в таких формированиях, как правило, по контракту.

Формирования российских войск, находящиеся на территориях иностранных государств, независимо от условий размещения входят в состав Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск и действуют в соответствии с установленным в них порядком, с учетом требований Устава ООН, резолюций Совета Безопасности ООН, двусторонних и многосторонних договоров Российской Федерации.

22. Для создания и развития военной инфраструктуры государства, обеспечивающей стратегическое развертывание Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, ведение ими военных действий, осуществляется оперативное оборудование территории Российской Федерации в целях обороны под руководством Правительства Российской Федерации и на основе федеральной государственной программы.

23. Накопление и содержание запасов материальных средств организуются Правительством Российской Федерации в соответствии с планами создания государственного и мобилизационного резервов, утверждаемых Президентом Российской Федерации.

Вооруженные Силы Российской Федерации и другие войска, а также органы исполнительной власти в соответствии с федеральным законодательством в мирное время осуществляют накопление, эшелонирование, размещение и содержание запасов материальных средств, обеспечивающих мобилизационное развертывание войск (сил) и ведение ими боевых действий в начальный период войны (по отдельным видам материальных средств — и на более длительный период, исходя из сроков перевода экономики страны, отдельных ее отраслей и предприятий на работу по установленному плану), формирование, подготовку, перегруппировку и применение стратегических резервов.

Планирование накопления, эшелонирования, размещения оперативных запасов материальных средств и их содержание для других войск, передаваемых в особый период в оперативное подчинение Министерства обороны Российской Федерации, осуществляются этим Министерством.

24. Планирование подготовки граждан к военной службе, воинский учет, а также учет транспортных средств, предоставляемых Вооруженным Силам Российской Федерации и другим войскам, осуществляются под общим руководством Генерального Штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

25. Как в мирное, так и в военное время осуществляется подготовка страны к территориальной и гражданской обороне, проводится комплекс мероприятий по обеспечению устойчивости функционирования объектов экономики, транспорта и коммуникаций, обеспечению готовности к проведению аварийно-спасательных и других работ в очагах поражения и районах аварий, катастроф и стихийных бедствий.

## III. ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

### Военно-экономическое обеспечение военной безопасности

1. Главная цель военно-экономического обеспечения — удовлетворение потребностей военной организации государства в финансовых средствах и материальных ресурсах.

2. Основные задачи военно-экономического обеспечения:

своевременное и в полном объеме финансовое обеспечение решаемых военной организацией государств задач;

оптимизация расходов материальных ресурсов и денежных средств, направляемых на обеспечение военной безопасности, повышение эффективности их использования на основе взаимосвязанного, скоординированного реформирования всех компонентов военной организации государства;

развитие научно-технической, технологической и производственной базы страны, Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, военной инфраструктуры в интересах обеспечения военной безопасности;

обеспечение правовой защиты объектов интеллектуальной собственности, содержащихся в продукции военного назначения, а также в технологиях их разработки и производства;

интеграция гражданского и военного секторов экономики страны и координация военно-экономической деятельности государства в интересах обеспечения военной безопасности;

создание инфраструктуры государства с учетом решения задач по обеспечению военной безопасности;

повышение уровня социального обеспечения военнослужащих и гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, а также граждан, работающих в оборонном промышленном комплексе;

обеспечение функционирования и совершенствование систем мобилизационной готовности и мобилизационной подготовки экономики и населения страны;

накопление и содержание запасов материальных средств;

осуществление взаимовыгодного международного военного (военно-политического) и военно-технического сотрудничества;

выполнение международных договоров Российской Федерации в военно-экономической сфере.

3. Приоритетные задачи военно-экономического обеспечения:

своевременное и в полном объеме (в пределах имеющихся финансовых ресурсов государства) финансовое обеспечение планов строительства и развития, боевой и мобилизационной подготовки Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск, потребностей всех компонентов военной организации государства;

экономическое и финансовое обеспечение совершенствования стратегических и обычных вооружений, военной и специальной техники;

создание экономических и финансовых условий для разработки и производства унифицированных, высокоэффективных систем управления войсками и оружием, систем связи, разведки, стратегического предупреждения, радиоэлектронной борьбы, высокоточных, мобильных безъядерных средств поражения, а также систем их информационного обеспечения;

повышение уровня жизни, реализация установленных федеральным законодательством социальных гарантий военнослужащим и членам их семей.

4. Основные принципы военно-экономического обеспечения:

соответствие уровня финансового и материального обеспечения военной организации государства потребностям военной безопасности и ресурсным возможностям государства;

концентрация финансовых, материально-технических и интеллектуальных ресурсов на решении ключевых задач обеспечения военной безопасности;

государственная поддержка предприятий (производства) и учреждений (организаций), определяющих военно-техническую и технологическую устойчивость оборонного промышленного комплекса, а также его градообразующих предприятий, закрытых административно-территориальных образований;

научно-техническая, технологическая, информационная и ресурсная независимость в разработке и производстве основных видов военной продукции.

5. Основные направления мобилизационной подготовки экономики:

подготовка системы управления экономикой к устойчивому функционированию в период перевода на работу в условиях военного положения и в военное время;

создание, совершенствование и эффективное функционирование системы

мобилизационной подготовки органов государственной власти, а также организаций и предприятий, имеющих мобилизационные задания;

оптимизация и развитие потребных мобилизационных мощностей и объектов;

создание, накопление, сохранение и обновление запасов материальных ресурсов в мобилизационном и государственном резервах;

создание и сохранение страхового фонда конструкторской и технической документации для военного времени;

сохранение и развитие объектов экономики, необходимых для ее устойчивого функционирования выживания населения в военное время;

подготовка финансово-кредитной, налоговой систем и системы денежного обращения к особому режиму функционирования в условиях военного положения;

разработка и совершенствование нормативно-правовой базы мобилизационной подготовки и перевода экономики Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на работу в соответствии с установленными планами.

### Международное военное (военно-политическое) и военно-техническое сотрудничество

6. Российская Федерация осуществляет международное военное (военно-политическое) и военно-техническое сотрудничество, исходя из своих национальных интересов, необходимости сбалансированного решения задач по обеспечению военной безопасности.

Международное военное (военно-политическое) и военно-техническое сотрудничество является прерогативой государства.

7. Российская Федерация осуществляет международное военное (военно-политическое) и военно-техническое сотрудничество, исходя из внешнеполитической и экономической целесообразности, задач обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее союзников, в соответствии с федеральным законодательством и международными договорами Российской Федерации, на основе принципов равноправия, взаимной выгоды и добрососедства, с соблюдением интересов международной стабильности, национальной, региональной и глобальной безопасности.

8. Приоритетное значение Российская Федерация придает развитию военного (военно-политического) и военно-технического сотрудничества с государствами-участниками Договора о коллективной безопасности Содружества Независимых Государств, исходя из необходимости консолидации усилий по созданию единого оборонного пространства и обеспечению коллективной военной безопасности.

* * *

Российская Федерация, подтверждая свою принципиальную приверженность целям сдерживания агрессии, предотвращения войн и вооруженных конфликтов, поддержания международной безопасности и всеобщего мира, гарантирует последовательное и твердое выполнение Военной доктрины.

# СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОБЪЕДИНЕННЫМ ИНСТИТУТОМ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ О МЕСТОПРЕБЫВАНИИ И ОБ УСЛОВИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дубна 23 октября 1995

Правительство Российской Федерации и Объединенный институт ядерных исследований, далее именуемые Сторонами,

принимая во внимание Соглашение об организации Объединенного института ядерных исследований от 26 марта 1956 года и Протокол к нему от 4 марта 1987 года, а также Конвенцию о правовом статусе, привилегиях и иммунитетах межгосударственных экономических организаций, действующих в определенных областях сотрудничества, подписанную в г. Будапеште 6 декабря 1980 года,

учитывая, что Российская Федерация является государством, продолжающим членство Союза Советских Социалистических Республик в этой международной организации, и что в соответствии со статьей 11 Соглашения об организации Объединенного института ядерных исследований местом пребывания Института является Российская федерация,

действуя в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права,

желая заключить соглашение об установлении местопребывания Объединенного института ядерных исследований и урегулировании возникающих в связи с этим вопросов,

согласились о нижеследующем:

*Статья 1*

**Определение**

Для целей настоящего Соглашения приводимые понятия имеют следующее значение.

"Организация" или "Институт" — Объединенный институт ядерных исследований;

"Правительство" — Правительство Российской Федерации либо орган, действующий по его поручению;

"компетентные власти" — федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, а также организации и учреждения, которые в данном контексте являются компетентными;

"законодательство Российской Федерации" — законы Российской Федерации, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, нормативные акты федеральных органов исполнительной власти и других компетентных властей;

"официальная деятельность Организации" — деятельность Организации в целях, определяемых Соглашением об организации Объединенного института ядерных исследований от 26 марта 1956 года, настоящим Соглашением и ее Уставом;

"район Организации" или "район" — земельные участки, которые предоставлены Организации в городе Дубне Московской области, на острове Лилия Иваньковского водохранилища Конаковского района Тверской области и в

Кимрском районе Тверской области, точное расположение и границы которых будут определены в специальных протоколах, как это предусмотрено статьей 2 настоящего Соглашения, с расположенными на них зданиями и вспомогательными сооружениями;

"представители государств" — полномочные представители, их заместители, назначаемые полномочными представителями члены ученого совета Института, члены финансового комитета, члены делегаций направляющих государств на заседаниях, созываемые Организацией, а также советники, технические эксперты и секретари указанных делегаций;

"направляющее государство" — государство-член или сотрудничающее государство;

"государство-член" — государство, состоящее членом Организации;

"сотрудничающее государство" — государство, не являющееся членом Организации, но участвующее в ее деятельности на основании заключенных с ней международных договоров;

"сотрудничающая международная организация" — международная организация, которая принимает участие в деятельности Института на основании заключаемых с ним международных договоров и/или имеет консультативный статус наблюдателя при Институте;

"полномочный представитель" — полномочный представитель, назначенный правительством государства-члена в состав Комитета полномочных представителей — высший орган Организации;

"заседания, созываемые Организацией" — сессии Комитета полномочных представителей, финансового комитета и ученого совета, а также международные конференции и иные собрания, созываемые Организацией в Российской Федерации;

"директор" — директор Института или должностное лицо, уполномоченное действовать от его имени;

"должностные лица" — директор, вице-директора, директора лабораторий, административный директор, главный ученый секретарь и главный инженер Организации, иные члены персонала Организации, независимо от гражданства, нанятые на работу в соответствии с положением о персонале Организации; перечень должностных лиц, пользующихся привилегиями и иммунитетами, вытекающими из настоящего Соглашения, утверждается Комитетом полномочных представителей и подлежит согласованию между Правительством и Организацией;

"члены семьи" — супруга (супруг) и несовершеннолетние дети соответствующего лица;

"лицо, постоянно проживающее на территории Российской Федерации" — лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации, которое имеет разрешение на постоянное проживание в Российской Федерации и вид на жительство, выданные компетентными властями;

"имущество" — все имущество, включая фонды и иные активы, принадлежащие Организации или находящиеся во владении или управлении Организации при осуществлении ею своей официальной деятельности;

"архивы" — отчеты и корреспонденция, документы, рукописи, данные ЭВМ, фотоснимки, пленки и звукозаписи, принадлежащие Организации или находящиеся в ее владении.

*Статья 2*

**Район Организации**

1. Правительство подтверждает право Организации пользоваться и занимать район Организации, точные границы которого будут зафиксированы в специаль-

ных протоколах, подлежащих заключению между Правительством и Организацией. Эти протоколы должны быть предварительно согласованы с компетентными властями и будут являться неотъемлемой частью настоящего Соглашения. По согласованию между Сторонами в такие протоколы по мере надобности могут вноситься изменения.

2. На основании дополнительных соглашений между Правительством и Организацией в состав района на определенный срок могут быть включены другие земельные участки и здания или части зданий.

*См. Протокол о земельных участках, занимаемых Объединенным институтом ядерных исследований, являющийся неотъемлемой частью настоящего Соглашения (Москва, 23 июня 1998 года).*

3. Любое здание, используемое с согласия Правительства для созываемых Организацией заседаний, в случае, если такое здание находится вне пределов района, временно, до завершения работы соответствующего заседания, включается в район.

4. Организация не вправе без согласия Правительства размещать или давать свое согласие на размещение в пределах района органов юридических лиц, указанных в пункте 2 статьи 11 настоящего Соглашения.

*Статья 3*

**Право Организации на установку и эксплуатацию в пределах района научно-исследовательских установок**

Организация может устанавливать и эксплуатировать научно-технические установки. Данные установки должны быть оснащены в обязательном порядке надлежащими предохранительными средствами, о которых, поскольку они относятся к установкам, могущим создавать угрозу нанесения ущерба здоровью, окружающей среде, безопасности и имуществу, должно быть достигнуто соглашение с компетентными властями на стадиях их сооружения и эксплуатации.

*Статья 4*

**Осуществление юрисдикции компетентных властей в пределах района**

1. Район находится под контролем и властью Организации в соответствии с настоящим Соглашением.

2. Поскольку в настоящем Соглашении не предусматривается иное и при условии соблюдения правил, издаваемых на основании статьи 6 настоящего Соглашения, в пределах района применяется законодательство Российской Федерации.

3. Поскольку в настоящем Соглашении не предусматривается иное, юрисдикция судов и других компетентных властей распространяется на действия и сделки, совершаемые в районе.

*Статья 5*

**Устав Организации**

Организация проводит свою работу на основе Устава, который в соответствии со статьей 11 Соглашения об организации Объединенного института ядерных исследований от 26 марта 1956 года утверждается правительствами государств-членов Организации.

*Статья 6*

**Внутренние правила Организации**

1. Организация имеет право в целях создания условий, необходимых для осуществления ее официальной деятельности, издавать правила, действующие в пределах ее района. Законодательство Российской Федерации, противоречащее

какому-либо из этих правил Организации, санкционированных настоящей статьей, не применяется в части, противоречащей этим правилам.

2. Ничто в настоящей статье не препятствует применению в пределах района изданных компетентными властями противопожарных и санитарных правил, а также правил ядерной и радиационной безопасности и иных правил безопасности района.

*Статья 7*

**Неприкосновенность района**

1. Район Организации неприкосновенен. Должностные лица и служащие Российской Федерации не должны входить в район для исполнения своих служебных обязанностей иначе, как только с согласия директора и на утвержденных им условиях.

Такое согласие презюмируется в случае стихийного бедствия или власти могут входить и находиться в пределах района в особых случаях, их порядок действий по применению необходимых мер безопасности согласовывается между Правительством и Организацией.

2. Независимо от положений пункта 1 настоящей статьи на Организации лежит обязанность предупреждать использование района в качестве убежища лицами, которые укрываются от ареста на основании законов Российской Федерации или пытаются уклониться от вручения им судебных повесток, либо лицами, которых Правительство требует для выдачи другому государству.

3. Неприкосновенность района не дает Организации права использовать его в целях, несовместимых с официальной деятельностью Организации и наносящих ущерб безопасности Российской Федерации, интересам ее граждан и юридических лиц.

*Статья 8*

**Охрана района**

1. Правительство проявляет надлежащую бдительность и принимает все надлежащие меры с тем, чтобы обеспечить безопасность и не допускать нарушения правопорядка в районе какими-либо лицами или группами лиц, пытающимися проникнуть в пределы района или вызвать беспорядки в непосредственной близости от него.

2. По просьбе директора компетентные власти предоставляют достаточное число сотрудников органов внутренних дел для поддержания в районе правопорядка.

3. Компетентные власти принимают меры, которые являются разумными и достаточными, к недопущению нарушения благоустройства района и предупреждению создания затруднений для использования района по назначению в результате использования земли и зданий по соседству с районом.

*Статья 9*

**Коммунальное обслуживание района**

1. Компетентные власти должны по просьбе директора выполнять свои обязанности по предоставлению району необходимых коммунальных услуг, включая электричество, воду, газ, канализацию, почту, телефон, телеграф, местный транспорт, удаление сточных вод, вывоз отбросов, очистку от снега улиц общего пользования, и предоставлять эти коммунальные услуги на справедливых условиях.

2. По просьбе компетентных властей директор принимает надлежащие меры для предоставления уполномоченным представителям органов коммунального

обслуживания возможности осматривать, ремонтировать, поддерживать в исправности, переделывать и переносить установки, трубопроводы и канализационные трубы в пределах района с соблюдением этими органами установленных требований безопасности и при условии, что такими действиями не будет нарушено выполнение Организацией ее официальных функций.

3. По просьбе Организации Правительство оказывает ей помощь:

а) в поиске и/или предоставлении подходящих жилых помещений для должностных лиц, лиц, приглашенных Организацией в официальных целях, и проживающих с ними членов их семей;

б) в получении услуг по содержанию служебных помещений в состоянии, обеспечивающем эффективное выполнение Организацией своих официальных функций.

*Статья 10*

**Средства связи**

1. Организация пользуется для своих официальных сношений режимом не менее благоприятным, чем тот режим, который предоставляется Правительством дипломатическим представительствам иностранных государств в отношении установки и эксплуатации, первоочередности, тарифов и прейскурантов, касающихся почтовой, телеграфной, телетайпной, факсимильной, телефонной и других видов связи, а также в отношении стоимости передачи информации для печати, радио и телевидения.

2. Организация может устанавливать и эксплуатировать в пределах района радиоаппаратуру и иные средства дальней связи, но не иначе, как только с разрешения и на условиях, согласованных с компетентными властями.

3. Все официальные сообщения, направляемые Организации или ее должностным лицам, и все внешние официальные сообщения Организации, какими бы средствами и в какой форме они ни передавались, пользуются иммунитетом от цензуры и любой формы перехвата или нарушения тайны. Этот иммунитет распространяется на печатные издания, фотографические и электронные информационные сообщения и по согласованию между Сторонами на другие формы сообщений.

4. Организация имеет право пользоваться кодами, отправлять и получать корреспонденцию и другие официальные сообщения с курьерами или в запечатанных вализах, на которые распространяются те же привилегии и иммунитеты, что и на дипломатических курьеров и дипломатические вализы.

*Статья 11*

**Правоспособность Организации в Российской Федерации**

1. Организация является в Российской Федерации юридическим лицом. Организация пользуется в Российской Федерации такой правоспособностью, которая может оказаться необходимой для выполнения возложенных на нее функций и достижения целей, и, в частности, имеет право;

а) заключать договоры;

б) приобретать недвижимое и движимое имущество и распоряжаться им;

в) быть истцом и ответчиком в суде.

2. В целях обеспечения дополнительных источников финансирования фундаментальных научных исследований в области ядерной физики Организация пользуется правом в соответствии с законодательством Российской Федерации учреждать или быть соучредителем юридических лиц, деятельность которых будет состоять в практическом использовании результатов таких исследований путем их внедрения в промышленные, медицинские и технические разработки. Иму-

щество таких юридических лиц, либо его часть, которая является вкладом Организации в уставные капиталы этих юридических лиц, а также принадлежащие Организации доходы от использования соответствующего имущества рассматриваются для целей настоящего Соглашения как имущество самой Организации. Однако имеется в виду, что такие юридические лица не будут входить в состав Организации и рассматриваться в качестве ее структурных подразделений.

*Статья 12*

**Свобода собраний и обсуждений**

Организация имеет право созывать заседания в районе Организации или с согласия Правительства в других местах Российской Федерации. Для обеспечения полной свободы собраний и обсуждений Правительство принимает все необходимые меры с тем, чтобы не допускать никаких помех в работе созываемых Организацией заседаний.

*Статья 13*

**Свобода публикаций**

Организация имеет право в целях официальной деятельности свободно издавать и распространять в Российской Федерации свои официальные произведения печати. При этом подразумевается, что Организация будет соблюдать законодательство об авторском праве, а также международные договоры в области охраны интеллектуальной собственности, участником которых является Российская Федерация.

*Статья 14*

**Сотрудничество с научными организациями Российской Федерации**

При осуществлении официальной деятельности Организация может устанавливать прямые контакты и сотрудничать с научно-исследовательскими организациями и учреждениями Российской Федерации. Такое сотрудничество осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и дополнительными соглашениями, которые могут быть заключены между Правительством и Организацией.

*Статья 15*

**Иммунитеты Организаций ее имущества и архивов**

1. В рамках официальной деятельности Организация и ее имущество, где бы и в чьем бы распоряжении оно ни находилось, с изъятиями, предусмотренными пунктами 2 и 3 настоящей статьи, пользуется иммунитетом от любой формы судебного вмешательства, кроме случаев, когда Организация сама определенно отказывается от иммунитета в каком-либо конкретном случае. Отказ от иммунитета не распространяется на любые судебно-исполнительные меры, для принятия которых компетентным властям необходимо получить особое согласие со стороны Организации.

2. Организация не пользуется иммунитетом, предоставляемым на основании пункта 1 настоящей статьи, в отношении предъявленного ей:

а) гражданского иска в связи с причиненным на территории Российской Федерации ядерным ущербом;

б) гражданского иска третьей стороны о возмещении ущерба в связи с происшествием, вызванным в Российской Федерации транспортным средством, принадлежащим Организации или эксплуатируемым от ее имени,

в) гражданского иска в связи со смертью или увечьем, вызванным в Российской Федерации действием или бездействием со стороны Организации или члена ее персонала;

г) исков, предъявляемых лицами, нанятыми Организацией в Российской Федерации на условиях почасовой оплаты, в связи с невыполнением либо ненадлежащим выполнением Организацией заключенных с такими лицами трудовых договоров.

3. Организация не может ссылаться на иммунитет, предоставляемый ей на основании пункта 1 настоящей статьи, во всех случаях, когда она по своей инициативе вступает в гражданские правоотношения в Российской Федерации.

4. Имущество Организации, где бы и в чьем бы распоряжении оно ни находилось, не подлежит обыску, реквизиции, конфискации, экспроприации и какой-либо другой форме административного и судебного вмешательства, за исключением случаев, когда такое вмешательство является необходимым условием применения правил, указанных в пункте 2 статьи 6 настоящего Соглашения.

Архивы Организации, где бы и в чьем распоряжении они ни находились, являются неприкосновенными.

*Статья 16*

**Освобождение Организации от налогов**

1. С учетом положений пункта 2 настоящей статьи Организация и ее имущество освобождаются от всех прямых как федеральных, субъектов Российской Федерации, так и местных налогов, сборов и пошлин. Однако, предполагается, что Организация не будет требовать освобождения от обложения такими налогами, которые в действительности являются не более чем платой за коммунальное обслуживание, а также освобождения от обязательных платежей в фонды по экологическому и ядерному страхованию и в фонды охраны окружающей среды.

2. При исчислении сумм налогов, которые подлежат уплате юридическими лицами, указанными в пункте 2 статьи 11 настоящего Соглашения, в налогооблагаемую базу не будут включаться имущество, составляющее вклад Организации в уставные капиталы этих юридических лиц, а также принадлежащие Организации доходы от использования указанного имущества.

*Статья 17*

**Льготы по уплате таможенных платежей**

Организация освобождается от уплаты таможенных платежей при ввозе (вывозе) товаров, предназначенных для служебного пользования, за исключением платежей за хранение, таможенное оформление товаров вне отведенных для этого мест или вне времени работы таможенных органов и иные подобного рода услуги.

Указанные товары могут отчуждаться на территории Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации.

*Статья 18*

**Финансовые вопросы**

Организация может:

а) получать в законном порядке любую валюту, держать ее и распоряжаться ею;

б) иметь счета в любом банке и в любой валюте и распоряжаться ими;

в) получать в законном порядке и держать ценные бумаги и всякого рода фонды и распоряжаться ими;

г) переводить в законном порядке свои фонды, ценные бумаги и валюту из одной страны в другую или в пределах Российской Федерации;

д) изыскивать средства, пользуясь своим правом делать займы, которые она сочтет целесообразными; однако для изыскания средств в пределах Российской Федерации Организация должна иметь согласие Правительства.

*Статья 19*

**Социальное обеспечение**

Организация освобождается от всех обязательных взносов по какой-либо системе социального страхования, действующей в Российской Федерации, в отношении должностных лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации.

*Статья 20*

**Представители государств**

1. Представители государств при исполнении ими своих служебных обязанностей и во время поездок к месту проведения созываемых Организацией заседаний и обратно пользуются в Российской Федерации следующими привилегиями и иммунитетами:

а) иммунитет от личного ареста и задержания, а также всякого рода судебного вмешательства в отношении всего сказанного, написанного и совершенного ими в качестве представителей. Указанный иммунитет продолжает предоставляться также и после того, как названные лица перестают исполнять эти обязанности;

б) неприкосновенность служебной корреспонденции, всех бумаг и документов;

в) освобождение от ограничений по иммиграции, регистрации иностранцев и государственных служебных повинностей в Российской Федерации;

г) освобождение от таможенных платежей за ввозимые и вывозимые с территории Российской Федерации предметы, предназначенные для личного пользования, и предметы, предназначенные для официального использования делегацией направляющего государства, за исключением платежей за хранение, таможенное оформление товаров вне определенных для этого мест или вне времени работы таможенных органов Российской Федерации и иные подобного рода услуги, при условии, что упоминаемые в настоящей статье предметы перемещаются через таможенную границу с соблюдением установленного в Российской Федерации порядка;

д) освобождение от таможенного досмотра личного багажа, за исключением случаев, когда у таможенных органов Российской Федерации имеются серьезные основания полагать, что он содержит предметы, не предназначенные для личного пользования, или предметы, ввоз и вывоз которых запрещены законодательством Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации либо регулируются карантинными или иными специальными правилами.

2. Когда обложение какой-либо формой налогов в Российской Федерации зависит от местожительства облагаемого лица, период времени, в течение которого представители государств, участвующие в заседаниях, созываемых Организацией, находятся в Российской Федерации для исполнения своих обязанностей, не засчитывается в срок пребывания.

3. Члены ученого совета Института, избираемые в совет в соответствии с внутренними правилами Организации, пользуются в Российской Федерации теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются на основании настоящего Соглашения представителям государств.

4. Положения подпунктов "в", "г" и "д" пункта 1 и пункта 2 настоящей статьи применяются к сопровождающим представителя членам семьи при условии, что

они не являются гражданами Российской Федерации или лицами, проживающими постоянно на ее территории.

5. Полномочные представители, кроме привилегий и иммунитетов, указанных в пунктах 1 — 3 настоящей статьи, пользуются в отношении себя и сопровождающих их членов семьи теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются в Российской Федерации дипломатическим агентам иностранных государств, имеющим соответствующий или сопоставимый ранг.

6. По согласованию между Правительством и Организацией действие всех или некоторых из указанных в пунктах 1 — 3 настоящей статьи привилегий и иммунитетов может быть распространено на представителей сотрудничающих международных организаций и сопровождающих таких представителей членов семей. Используемое в настоящем пункте понятие "представители" включает глав и членов делегаций, советников, экспертов и секретарей делегаций, направляемых сотрудничающей международной организацией для участия в работе созываемых Организацией заседаний.

7. Положения пунктов 1-6 настоящей статьи не применяются к представителям Российской Федерации — гражданам Российской Федерации и лицам, постоянно проживающим на ее территории.

8. Привилегии и иммунитеты, предусмотренные настоящей статьей, предоставляются указанным в ней лицам не для личной выгоды, а для того, чтобы обеспечить независимое выполнение ими своих функций, связанных с работой в Организации. Поэтому каждое государство-член, сотрудничающее государство, а также сотрудничающая международная организация не только имеют право, но и обязаны отказаться от иммунитета своего представителя, когда, по мнению соответствующего государства-члена, сотрудничающего государства или сотрудничающей международной организации, иммунитет препятствует отправлению правосудия и отказ от иммунитета не наносит ущерба целям, в связи с которыми он был предоставлен.

Право отказа от иммунитета в отношении лиц, указанных в пункте 3 настоящей статьи, принадлежит тому государству, гражданами которого эти лица являются, а в случае, если они являются гражданами двух или более государств, — тому государству, в котором они обычно пользуются своими гражданскими и политическими правами.

*Статья 21*

**Должностные лица и лица, приглашенные Организацией в официальных целях**

1. Должностные лица пользуются в Российской Федерации следующими привилегиями и иммунитетами:

а) не подлежат судебной и административной ответственности за все действия, совершенные при исполнении ими своих служебных обязанностей; этот иммунитет продолжает предоставляться после окончания срока службы в Организации;

б) освобождаются от государственных служебных повинностей;

в) освобождаются от уплаты подоходного налога с физических лиц с доходов, получаемых в Организации;

г) освобождаются от ограничений по иммиграции и от регистрации в качестве иностранцев;

д) имеют право без уплаты таможенных платежей ввезти свою мебель, предметы домашнего и личного обихода и все бытовые приборы при первоначальном занятии должности в Российской Федерации и освобождаются от получения разрешения на вывоз указанных предметов при выезде из Российской Федерации после прекращения их службы в Организации. Ввезенные должност-

ными лицами предметы могут отчуждаться ими в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Положения подпунктов "б", "г" и "д" пункта 1 настоящей статьи применяются к членам семьи должностного лица, проживающим вместе с ним.

3. Положения подпунктов "б", "в" и "д" пункта 1 настоящей статьи не применяются к должностным лицам — гражданам Российской Федерации и лицам, проживающим постоянно на ее территории.

4. Директор, кроме привилегий и иммунитетов, указанных в пункте 1 настоящей статьи, пользуется в отношении себя и проживающих вместе с ним членов семьи теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются в Российской Федерации дипломатическим агентам иностранных государств, имеющим соответствующий или сопоставимый ранг.

5. По согласованию между Правительством и Организацией действие всех или некоторых из указанных в пунктах 1 — 2 настоящей статьи привилегий и иммунитетов может быть распространено на лиц, приглашенных Организацией в официальных целях. К числу таких лиц могут относиться, в частности, сотрудники международных и национальных научно-исследовательских организаций и учреждений, отдельные ученые государств, не являющиеся членами Института, заключившие с Институтом соглашения об участии в его научных проектах.

6. В случае призыва на срочную военную службу должностных лиц, являющихся гражданами Российской Федерации, директор может обратиться к Правительству с просьбой об отсрочке призыва.

*Статья 22*

**Отказ от привилегий и иммунитетов**

1. Привилегии и иммунитеты, предусмотренные статьей 21 настоящего Соглашения, предоставляются указанным в ней лицам в интересах Организации, а не для личной выгоды этих лиц. Организация не только имеет право, но и обязана отказаться от иммунитета, предоставленного какому-либо лицу на основании настоящего Соглашения, когда, по ее мнению, иммунитет препятствует отправлению правосудия и от него можно отказаться без ущерба для интересов Организации.

2. Организация принимает все необходимые меры для того, чтобы привилегии и иммунитеты, предоставляемые в соответствии с настоящим Соглашением, не становились предметом злоупотреблений, и с этой целью устанавливает такие правила, которые, по ее мнению, являются разумными и достаточными.

3. Иммунитеты, предусмотренные настоящим Соглашением, не распространяются на ту часть имущества Организации, которая используется на основании отдельных договоров для коммунального обслуживания граждан, проживающих на прилегающей к району территории, и юридических лиц, расположенных на ней.

*Статья 23*

**Удостоверение личности**

1. По просьбе директора Правительство в соответствии с действующей в Российской Федерации практикой выдает каждому должностному лицу специальное удостоверение, устанавливающее личность предъявителя в его отношениях с компетентными властями и подтверждающее его принадлежность к числу лиц, пользующихся привилегиями и иммунитетами на основании настоящего Соглашения.

2. По требованию уполномоченного должностного лица Российской Федерации лица, указанные в пункте 1 настоящей статьи, должны предъявлять свои

удостоверения личности Они не могут изыматься уполномоченными должностными лицами.

3. Организация по истечении срока службы сотрудников обеспечивает своевременное возвращение Правительству всех удостоверений личности.

*Статья 24*

**Право беспрепятственного въезда, выезда и передвижения по территории Российской Федерации**

1. Правительство принимает необходимые меры для облегчения въезда на территорию Российской Федерации для следования в район Организации и обратно:

а) представителей государств, назначаемых полномочными представителями членов ученого совета Института, представителей сотрудничающих международных организаций, а также сопровождающих этих лиц членов семей;

б) должностных лиц, лиц, приглашенных Организацией в официальных целях, а также проживающих вместе с ними членов семей.

2. Лица, указанные в пункте 1 настоящей статьи, имеют право на оперативное оформление и бесплатное получение виз. Должностным лицам на период их пребывания в Российской Федерации оформляются многократные визы.

3. Лица, указанные в пункте 1 настоящей статьи, имеют право на свободное передвижение в пределах Российской Федерации, за исключением объектов и зон, для посещения которых в соответствии с законодательством Российской Федерации требуется специальное разрешение.

*Статья 25*

**Уведомления**

Для того чтобы Правительство имело возможность своевременного принятия необходимых мер, включая указания своим компетентным властям, Организация уведомляет Правительство:

а) об именах, о должностях и званиях представителей государств, назначаемых полномочными представителями членов ученого совета Института, представителей сотрудничающих международных организаций, об их прибытии и отбытии из Российской Федерации;

в) об именах, о должностях и званиях должностных лиц, лиц, приглашенных Организацией в официальных целях, об их прибытии и окончательном отбытии из Российской Федерации, а также о любом изменении их статуса;

г) об именах, о прибытии и об окончательном отбытии из Российской Федерации членов семей, проживающих вместе с лицами, указанными в пункте "в" настоящей статьи.

Когда это возможно, уведомление о прибытии и об окончательном отбытии делается заблаговременно.

*Статья 26*

**Действие иных международных договоров**

Ничто в настоящем Соглашении не может быть истолковано как ущемление прав, привилегий, иммунитетов и льгот, предоставляемых какому-либо лицу в соответствии с другими международными договорами, участником которых является Российская Федерация.

*Статья 27*

**Безопасность Российской Федерации**

1. Организация сотрудничает с Правительством в целях предупреждения всякого ущерба безопасности Российской Федерации, который может быть вызван деятельностью Организации.

2. Если Правительство сочтет необходимым принять меры по обеспечению безопасности Российской Федерации, влияющие на действие той или иной статьи настоящего Соглашения, то оно обращается к Организации, как только обстоятельства это позволят, с тем чтобы определить по взаимному соглашению меры, необходимые для защиты интересов Организации.

3. Ничто в настоящем Соглашении не лишает Правительство права принимать при наступлении исключительных обстоятельств такие меры безопасности, которые, по его мнению, являются разумными и достаточными для того, чтобы предупредить ущерб, который был бы неизбежно причинен жизни и здоровью, имуществу и экологии в том случае, если бы такие меры не были им приняты. Урегулирование последствий принятия Правительством такого рода мер, если Стороны не договорятся об ином, будет являться предметом дополнительных соглашений между ними.

*Статья 28*

**Пределы международно-правовой ответственности Российской Федерации**

Российская Федерация не несет вследствие размещения Организации на территории Российской Федерации международной ответственности за действия и упущения Организации или ее персонала, действующих или воздерживающихся от действий в пределах своих обязанностей, кроме той ответственности, которую Российская Федерация несет как государство-член.

*Статья 29*

**Обязанность Организации и лиц, пользующихся привилегиями и иммунитетами в соответствии с настоящим Соглашением, уважать и соблюдать законодательство Российской Федерации**

Без ущерба для привилегий и иммунитетов, предоставляемых в соответствии с настоящим Соглашением, Организация и все лица, пользующиеся такими привилегиями и иммунитетами, обязаны уважать и соблюдать законодательство Российской Федерации. Они обязаны также не вмешиваться во внутренние дела Российской Федерации.

*Статья 30*

**Дополнительные соглашения**

Правительство и Организация могут заключать дополнительные соглашения, которые они сочтут целесообразными.

*Статья 31*

**Злоупотребление льготами**

1. Организация по требованию компетентных властей предоставляет информацию, необходимую для целей налогообложения, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. При обнаружении злоупотреблений какой-либо льготой, предусмотренной статьями 16 и 17 настоящего Соглашения, Правительство имеет право после

извещения Организации приостановить предоставление Организации указанной льготы до решения вопроса в порядке, предусмотренном статьей 32 настоящего Соглашения.

*Статья 32*

**Разрешение споров**

Всякий спор между Организацией и Правительством относительно толкования и применения настоящего Соглашения или дополнительного соглашения и любой вопрос, касающийся района Организации или взаимоотношений между Правительством и Организацией, который не разрешен посредством переговоров или другого, по договоренности установленного способа урегулирования, передаются по просьбе любой из Сторон на арбитражное разбирательство. Каждая Сторона назначает одного арбитра, и два арбитра, назначенные сторонами, назначают третьего арбитра, который председательствует в ходе разбирательства. Если в течение тридцати дней с момента представления просьбы об арбитражном разбирательстве одна из Сторон не назначит арбитра или если в течение пятнадцати дней с момента назначения двух арбитров третий арбитр не назначен, одна из Сторон может обратиться к Председателю Международного суда с просьбой назначить арбитра. Процедура арбитражного разбирательства устанавливается арбитрами. Стороны несут расходы по арбитражному разбирательству, размер которых определяется арбитрами. В арбитражном решении излагаются доводы, на которых оно основывается, и оно является окончательным для Сторон.

*Статья 33*

**Действие настоящего Соглашения**

1. Настоящее Соглашение вступает в силу с даты вступления в силу федерального закона о ратификации настоящего Соглашения.

2. Настоящее Соглашение заключается на неопределенный срок.

3. По просьбе Правительства или Организации проводятся консультации относительно внесения поправок в настоящее Соглашение. Такие поправки вносятся по обоюдному согласию Сторон.

4. Настоящее Соглашение утрачивает силу по истечении шести месяцев с даты, когда одна из Сторон в письменной форме уведомит другую Сторону о своем намерении прекратить его действие. Однако Соглашение остается в силе на такой дополнительный период, который окажется необходимым для упорядоченного прекращения деятельности Организации в соответствии с Соглашением об организации Объединенного института ядерных исследований от 26 марта 1956 г.

Совершено в городе Дубне Московской области 23 октября 1995 года в двух экземплярах на русском языке, один из которых хранится в архиве Министерства иностранных дел Российской Федерации, а другой — в архиве Организации.

За Правительство Российской Федерации
С. КРЫЛОВ

За Объединенный институт ядерных исследований
В. КАДЫШЕВСКИЙ

# УЧРЕЖДЕН "СОЮЗ ЮРИСТОВ РОССИИ"

В Москве в помещениях "Президент-Отеля" прошло собрание учредителей "Союза юристов России".

Попытки создания этой организации предпринимались и ранее, начиная с 1989 г., когда был создан Союз юристов СССР. После распада СССР он был преобразован в Международный союз юристов, в состав которого вошли союзы юристов бывших советских республик и союзы юристов субъектов Российской Федерации. Членами нового союза являются представители всех видов юридических профессий: судьи, адвокаты, прокуроры, нотариусы, следователи, юристы, обслуживающие хозяйственные структуры и работающие в системе государственной службы, преподаватели и ученые.

Международный союз юристов и его организации накопили значительный опыт в развитии сотрудничества между юридической наукой, образованием и практикой, в изучении и совершенствовании практики применения законодательства, укрепляющего правовые основы деятельности юристов, их социально-правовой защищенности, в воспитании юристов в духе неукоснительного соблюдения положений закона и норм профессиональной этики.

Вместе с тем, на данном этапе социально-экономического и политического развития Российской Федерации некоторые аспекты деятельности юристов требуют их объединения в общероссийском масштабе, создания на федеральном уровне самостоятельной общественной организации.

В связи с этим союзы юристов Республик Башкортостан, Бурятии, Карелии, Марий-Эл, Мордовии, Саха, Удмуртской Республики, союзы юристов Красноярского и Приморского краев, Архангельской, Белгородской, Иркутской, Новгородской, Новосибирской областей, Союзы юристов Москвы, Санкт-Петербурга, Российская криминологическая ассоциация, Ассоциация авторского права, Российская ассоциация международного права, Межреспубликанская коллегия адвокатов заявили о намерении учредить Общероссийскую общественную организацию — Союз юристов России.

На основе этого намерения и проходила конференция, на которой собрались представители каждой из вышеперечисленных организаций. На этом съезде обсуждались основные организационные вопросы: состав Центрального Совета Союза юристов России, состав Редакционной комиссии Союза юристов России, а также и составы других органов данной организации. Также был поставлен на обсуждение, и после внесения в него в итоге ряда поправок, единогласно принят Устав "Союза юристов России" (см. сам Устав).

Особо обсуждалась часть Устава где речь шла о том, кто может быть членом Союза юристов России. На голосование был поставлен вопрос о том, какое образование должен иметь член "Союза юристов России" — высшее юридическое или просто юридическое. Большинством было принято решение о том, что член союза может иметь просто юридическое образование, что открывает двери союза перед любым студентом юридического института или колледжа.

Создание этой организации является важным шагом на пути повышения значимости юридической практики и ее развития, на пути расширения демократии и гласности в правотворчестве, в изучении и совершенствовании практики применения законодательства и укрепления правовой основы деятельности юристов.

**Е.А. Карева,**
наш корр.

*Статья поступила в редакцию в апреле 2000 года.*

Утвержден Учредительным съездом 24 февраля 2000 года

# УСТАВ
# Общероссийской общественной организации "Союз юристов России"

г. Москва
2000 год

## РАЗДЕЛ 1.

## ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

**Статья 1. Общероссийская общественная организация "Союз юристов России".**

1. Общероссийская общественная организация "Союз юристов России" (именуемая в дальнейшем — Организация) является основанным на членстве добровольным самоуправляемым общественным объединением, созданным по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, определенных настоящим Уставом.

2. Полное наименование Организации — Общероссийская общественная организация "Союз юристов России".

Сокращенное наименование Организации — Союз юристов России.

**Статья 2. Правовая основа и принципы деятельности Организации.**

1. Организация осуществляет свою деятельность в соответствии с Конституцией Российской Федерации, иным действующим законодательством Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права и настоящим Уставом.

2. Организация строит свою деятельность на основе принципов равноправия своих членов, законности, гласности, добровольности, самоуправления.

**Статья 3. Территориальная сфера деятельности Организации.**

1. Организация образована и действует на территории более половины субъектов Российской Федерации.

2. Местонахождение постоянно действующего руководящего органа Организации (Центрального Совета) — город Москва.

## РАЗДЕЛ 2.

## ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ОРГАНИЗАЦИИ

**Статья 4. Цели Организации.**

Целями Организации являются:

- содействие созданию условий для активной профессиональной и общественной деятельности своих членов;
- содействие укреплению правовой основы деятельности юристов, их социально-правовой защищенности;
- повышение престижа профессии юриста, воспитание юристов в духе неукоснительного соблюдения положений закона, норм профессиональной этики;
- содействие объединению усилий юристов Российской Федерации в деле формирования правового и социального государства, обеспечения индивидуальных и коллективных прав и свобод граждан;
- привлечение широкой юридической общественности к участию в правовых, гуманитарных и иных проектах и программах;

- содействие реализации гуманных и миролюбивых инициатив общественных и государственных организаций, проектов и программ международного и национального развития;

- развитие всестороннего сотрудничества между юристами, содействие укреплению связи между юридической наукой, образованием и практикой;

- содействие расширению демократии и гласности, научной обоснованности в правотворчестве, изучению и совершенствованию практики применения законодательства;

- содействие укреплению мира, дружбы, доверия и взаимопонимания между народами, консолидации с национальными, региональными и международными организациями юридической общественности.

**Статья 5. Задачи Организации.**

1. Руководствуясь целями, Организация в соответствии с действующим законодательством решает следующие задачи:

(1) сотрудничает с государственными органами, общественными объединениями, международными правительственными и неправительственными организациями;

(2) входит в государственные органы и общественные организации с вопросами и предложениями по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики;

(3) самостоятельно или совместно с государственными органами, общественными организациями проводит конгрессы, конференции, семинары, круглые столы, дискуссии;

(4) осуществляет общественную юридическую экспертизу социально значимых проектов и программ, других документов и решений, привлекает в этих целях специалистов, образовывает творческие и иные коллективы для ее проведения;

(5) участвует в осуществлении юридического обучения граждан и разъяснении действующего законодательства;

(6) изучает и распространяет опыт различных стран в области права;

(7) учреждает средства массовой информации и осуществляет издательскую деятельность (в *порядке, определяемом действующим законодательством*);

(8) осуществляет информационную деятельность в электронных и печатных средствах массовой информации и информационных сетях (*в порядке, определяемом действующим законодательством*).

2. Организация вправе осуществлять иную деятельность, не запрещенную действующим законодательством, настоящим Уставом и направленную на достижение уставных целей и задач.

## РАЗДЕЛ 3.

## ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

**Статья 6. Организация — юридическое лицо.**

Организация с момента ее государственной регистрации является юридическим лицом:

(1) имеет самостоятельный баланс, расчетные счета в банковских учреждениях Российской Федерации, эмблему, бланки, печать со своим наименованием, утверждаемые и регистрируемые в установленном законом порядке;

(2) может иметь в собственности обособленное имущество и отвечать по своим обязательствам этим имуществом;

(3) может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, исполнять обязанности, быть истцом и ответчиком в суде.

**Статья 7. Права Организации как общественного объединения.**

Организация для осуществления своих целей и задач в порядке, определяемом действующим законодательством Российской Федерации, имеет право:

(1) свободно распространять информацию о своей деятельности;

(2) участвовать в выработке решений органов государственной власти и местного самоуправления в порядке и объеме, предусмотренными действующим законодательством Российской Федерации;

(3) учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность;

(4) представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов, а также других граждан в органах государственной власти и местного самоуправления и общественных объединениях;

(5) выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти;

(6) осуществлять в полном объеме полномочия, предусмотренные действующим законодательством для общественных объединений.

**Статья 8. Предпринимательская деятельность Организации**

1. Организация в порядке, определяемом действующим законодательством, осуществляет предпринимательскую, в том числе внешнеэкономическую, деятельность, необходимую для достижения общественно полезных целей, ради которых создана Организация и соответствующую этим целям.

2. Предпринимательская деятельность осуществляется Организацией лишь постольку, поскольку это служит достижению уставных целей.

3. Организация может создавать хозяйственные товарищества и общества, обладающие статусом юридического лица.

**Статьи 9. Обязанности Организации как общественного объединения.**

1. Организация обязана:

(1) соблюдать законодательство Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, касающиеся сферы ее деятельности, а также нормы, предусмотренные настоящим Уставом;

(2) ежегодно публиковать отчет об использовании своего имущества или обеспечивать доступность ознакомления с указанным отчетом;

(3) ежегодно информировать орган, регистрирующий соответствующие общественные объединения, о продолжении своей деятельности с указанием действительного места нахождения постоянно действующего руководящего органа, его названия и данных о руководителях Организации в объеме сведений, включаемых в единый государственный реестр юридических лиц;

(4) предоставлять по запросу органа, регистрирующего соответствующие общественные объединения, решения руководящих органов и должностных лиц Организации, а также годовые и квартальные отчеты о своей деятельности в объеме сведений, представляемых в налоговые органы;

(5) допускать представителей органа, регистрирующего соответствующие общественные объединения, на проводимые Организацией мероприятия;

(6) оказывать содействие представителям органа, регистрирующего соответствующие общественные объединения, в ознакомлении с деятельностью Организации в связи с достижением уставных целей и соблюдением законодательства Российской Федерации.

2. Организация обеспечивает учет и сохранность документов по личному составу своего штатного аппарата.

## РАЗДЕЛ 4.

## ЧЛЕНЫ, ИХ ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

### Статья 10. Членство в Организации.

1. Членами Организации могут быть:

(1) граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, достигшие 18-летнего возраста, имеющие юридическое образование;

(2) общественные объединения юристов — юридические лица, разделяющие цели и задачи Организации, выполняющие требования настоящего Устава, принимающие непосредственное участие в работе Организации.

2. Членство в Организации и выход из нее являются добровольными.

3. Прием в члены Организации осуществляется на основании письменного заявления вступающего и оформляется решением Совета соответствующего отделения, принимаемым простым большинством голосов.

В отдельных случаях прием в члены Организации может оформляться решением Правления Центрального Совета Организации, принимаемым простым большинством голосов.

4. Прием в члены Организации общественных объединений — юридических лиц осуществляется в порядке, предусмотренном п. 3 настоящей статьи, при наличии решения уполномоченного органа соответствующего общественного объединения о вступлении в Организацию.

5. Организация вправе принимать Почетных членов из числа лиц, внесших значительный вклад в дело достижения уставных целей Организации.

Прием в члены Организации Почетных членов осуществляется Центральным Советом Организации при наличии согласия лица, принимаемого в члены Организации.

6. Члену Организации вручается свидетельство, установленного решением Центрального Совета образца.

7. Выход из членов Организации свободный.

Выход из членов Организации осуществляется на основании письменного заявления, подаваемого в орган, принявший в члены Организации.

Выход из Организации члена — общественного объединения осуществляется на основании решения уполномоченного органа соответствующего общественного объединения, подаваемого в орган, принявший в члены Организации.

Решений по данному вопросу не требуется.

8. Член Организации может быть исключен из Организации решением органа, принявшего его в члены Организации, за:

(1) несоблюдение Устава;

(2) невыполнение решений руководящих органов, принятых в пределах установленной настоящим Уставом компетенции;

(3) действия, порочащие Организацию.

9. Решение об исключении из членов Организации может быть обжаловано в Центральный Совет Организации.

### Статья 11. Права и обязанности членов Организации.

1. Члены Организации имеют равные права и обязанности. Члены Организации — общественные объединения осуществляют права и обязанности через уполномоченных представителей.

2. Член Организации имеет право:

(1) принимать участие в деятельности Организации;

(2) участвовать в Общем собрании отделения;

(3) вносить предложения по совершенствованию деятельности Организации во все ее органы;

(4) обращаться с заявлениями в любой выборный орган Организации и получать ответ по существу своего обращения;

(5) участвовать в заседаниях Правления Центрального Совета Организации по вопросу исключения его из членов Организации;

(6) пользоваться в установленном порядке материальной базой, услугами Организации, льготами, установленными для членов Организации;

(7) выйти из состава Организации;

(8) избирать и быть избранным в руководящие и контрольно-ревизионный органы Организации;

2. Член Организации обязан:

(1) выполнять требования настоящего Устава, решения руководящих органов Организации, принятые в пределах установленной настоящим Уставом компетенции;

(2) принимать непосредственное участие в работе по реализации целей и задач Организации;

(3) не допускать действий, порочащих Организацию;

(4) уплачивать вступительный и членские взносы в порядке и размере, установленными решениями органов, принявших в члены Организации.

## РАЗДЕЛ 5.
## РУКОВОДЯЩИЕ И КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННЫЕ ОРГАНЫ

### Статья 12. Съезд — высший руководящий орган Организации.

1. Высшим руководящим органом Организации является Съезд, который созывается Центральным Советом Организации не реже одного раза в пять лет.

2. Внеочередной Съезд созывается Центральным Советом Организации в случае необходимости принятия каких-либо решений, относящихся к исключительной компетенции Съезда:

- по решению Центрального Совета Организации;
- по инициативе Президента Организации;
- по требованию Ревизионной комиссии;
- по требованию не менее одной трети региональных отделений Организации.

Внеочередной Съезд должен быть созван не позднее двух месяцев с даты принятия соответствующим органом решения о созыве внеочередного Съезда (со дня поступления в Центральный Совет требования о созыве внеочередного Съезда).

3. К исключительной компетенции Съезда относится:

(1) утверждение устава Организации и внесение в него изменений и дополнений;

(2) принятие решения о реорганизации и ликвидации Организации (решение принимается 2/3 голосов);

(3) выборы Президента Организации и членов Центрального Совета Организации;

(4) выборы Председателя и членов Ревизионной комиссии Организации;

(5) утверждение генеральных направлений деятельности Организации;

(6) определение долгосрочных программ Организации;

(7) определение состава, назначения, источников образования и порядка использования специальных фондов Организации;

(8) утверждение эмблемы и другой символики Организации;

(9) утверждение отчетов Центрального Совета и Ревизионной комиссии;

(10) назначение ликвидационной комиссии и утверждение ликвидационных балансов в случае ликвидации Организации.

Съезд принимает решения по любым другим вопросам деятельности Организации, в том числе отнесенным к компетенции выборных органов Организации.

4. Съезд правомочен, если на нем присутствует более половины избранных делегатов от региональных отделений Организации. Нормы представительства определяются Центральным Советом Организации.

5. Решения принимаются открытым или тайным (по решению Съезда) голосованием простым большинством голосов (за исключением случаев, установленных настоящим Уставом) присутствующих на Съезде делегатов.

**Статья 13. Центральный Совет Организации.**

1. В период между Съездами постоянно действующим руководящим органом Организации является Центральный Совет Организации, избираемый из числа членов Организации, сроком на пять лет в количестве, определяемом Съездом. Президент Организации входит в состав Центрального Совета.

Центральный Совет Организации вправе кооптировать в свой состав из числа членов Организации членов Центрального Совета с последующим утверждением на Съезде.

2. Заседания Центрального Совета Организации проводятся по необходимости, но не реже одного раза в год.

3. Центральный Совет Организации правомочен принимать решения, если на его заседании присутствует более одной трети его членов. Решения Центрального Совета принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании членов Центрального Совета.

4. Центральный Совет Организации:

(1) решает вопросы о вступлении Организации в иные общественные объединения, о создании отделений, филиалов и представительств, о включении в состав Организации отделений, а также об учреждении хозяйственных товариществ и обществ; утверждает положения о филиалах и представительствах;

(2) рассматривает и утверждает программы и планы работы Организации;

(3) организует исполнение и контролирует выполнение решений Съезда;

(4) принимает решение о созыве очередного внеочередного Съезда; определяет норму представительства на Съезде;

(5) утверждает бюджет и баланс Организации;

(6) по предложению Президента избирает из своего состава Вице-президентов;

(7) распоряжается средствами и имуществом Организации;

(8) отчитывается о своей деятельности перед Съездом;

(9) принимает решения по иным вопросам деятельности Организации за исключением тех, которые относятся к исключительной компетенции Съезда и Ревизионной комиссии.

Центральный Совет осуществляет полномочия юридического лица от имени Организации.

**Статья 14. Президент Организации.**

1. Президент Организации избирается Съездом из числа членов Организации сроком на пять лет.

2. Президент Организации:

(1) осуществляет оперативное руководство деятельностью Организации;

(2) председательствует на заседаниях Центрального Совета и Правления Центрального Совета Организации;

(3) принимает решение о созыве внеочередного Съезда;

(4) руководит финансово-хозяйственной деятельностью Организации;

(5) осуществляет руководство исполнительным аппаратом Организации;

(6) утверждает структуру, штатное расписание и фонд заработной платы работников исполнительного аппарата Организации;

(7) от имени Организации без доверенности представляет ее интересы в государственных и негосударственных органах и организациях;

(8) подписывает от имени Организации любые документы, принимает обязательства;

(9) от имени Центрального Совета распоряжается денежными средствами и имуществом Организации, подписывает все финансовые документы, выдает доверенности, открывает в банках счета Организации;

(10) издает приказы, распоряжения, инструкции, связанные с деятельностью исполнительного аппарата Организации;

(11) нанимает работников исполнительного аппарата Организации, применяет к ним меры поощрения и взыскания в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде;

(12) принимает решения о премировании сотрудников исполнительного аппарата Организации в пределах фонда заработной платы, утвержденного Центральном Советом Организации;

(13) выполняет иные функции, направленные на реализацию целей, определенных настоящим Уставом;

(14) отчитывается о своей деятельности перед Съездом.

**Статья 15. Вице-президенты Организации.**

1. Вице-президенты Организации избираются на Центральном Совете по предложению Президента из числа его членов в количестве, определяемом Центральным Советом сроком на 5 лет.

2. Вице-президенты Организации:

- осуществляют руководство определенными Президентом направлениями деятельности Организации;
- выполняют отдельные поручения Президента Организации.

3. В период отсутствия Президента Организации один из Вице-президентов исполняет его обязанности в полном объеме на основании распоряжения Президента Организации.

**Статья 16. Правление Центрального Совета Организации.**

Правление Центрального Совета Организации состоит из Президента и Вице-президентов Организации и осуществляет текущее руководство деятельностью Организации:

(1) принимает решение о приеме и исключении из членов Организации;

(2) обеспечивает выполнение решений Съезда, Центрального Совета и Ревизионной комиссии Организации;

(3) разрабатывает и представляет Центральному Совету программы и планы работы Организации;

(4) разрабатывает сметы расходования средств на обеспечение организационных, творческих и других мероприятий Организации;

(5) принимает решения о поощрении членов Организации.

Решения Правления Центрального Совета принимаются простым большинством голосов членов Правления.

**Статья 17. Ревизионная комиссия Организации.**

1. Ревизионная комиссия избирается Съездом из числа членов Организации сроком на пять лет в количестве, определяемом Съездом Организации.

2. Председатель Ревизионной комиссии избирается Съездом из числа членов Организации сроком на пять лет.

3. Ревизионная комиссия правомочна принимать решения, если на ее заседании присутствует более половины ее членов. Решения принимаются открытым голосованием простым большинством голосов присутствующих на заседании членов Ревизионной комиссии.

4. Ревизионная комиссия контролирует финансово-хозяйственную и уставную деятельность Организации, состояние и учет материальных ценностей.

5. Ревизионная комиссия может потребовать созыва внеочередного Съезда.

6. Ревизионная комиссия в случае необходимости привлекает к своей деятельности специалистов.

7. Ревизионная комиссия отчитывается о своей деятельности на Съезде.

8. Ревизия деятельности Организации проводится не реже одного раза в два года.

9. Член Ревизионной комиссии не может входить в состав иных органов Организации.

## РАЗДЕЛ 6.
## СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ

### Статья 18. Структура Организации.

Организация может иметь отделения, филиалы и представительства, являющиеся ее структурными подразделениями.

### Статья 19. Отделения Организации.

1. Региональные отделения Организации создаются в субъектах Российской Федерации (республиках, краях, областях, городах федерального значения, автономной области, автономных округах). В одном субъекте Российской Федерации может быть создано только одно региональное отделение Организации.

2. Местные отделения Организации создаются в пределах территории органа местного самоуправления.

3. Отделения Организации приобретают права юридических лиц в порядке, предусмотренном действующим законодательством, и действуют на основании своих уставов, не противоречащих Уставу Организации, или на основании настоящего Устава.

### Статья 20. Общее собрание — высший руководящий орган отделения.

1. Высшим руководящим органом отделения Организации, действующего на основании настоящего Устава, является Общее собрание, которое собирается не реже одного раза в год.

2. Общее собрание отделения:

(1) определяет основные направления деятельности отделения;

(2) избирает сроком на два года Председателя отделения и членов Совета отделения;

(3) избирает сроком на два года Председателя и членов Ревизионной комиссии отделения либо Ревизора отделения;

(4) заслушивает отчеты выборных органов отделения;

(5) избирает делегатов на Съезд Организации;

(6) принимает решения по иным вопросам деятельности отделения.

3. Общее собрание отделения вправе принимать решение, если на нем присутствует более половины членов Организации, состоящих на учете в данном отделении. Форма голосования определяется Общим собранием отделения. Ре-

шения принимаются простым большинством голосов присутствующих на Общем собрании членов.

4. Внеочередное Общее собрание отделения может быть созвано по решению Совета отделения или по требованию не менее 1/3 членов Организации, состоящих на учете в соответствующем отделении.

### Статья 21. Совет Отделения.

1. В период между Общими собраниями деятельностью отделения руководит Совет отделения — постоянно действующий руководящий орган отделения, избираемый на Общем собрании сроком на два года.

2. Заседания Совета проводятся по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал. Решения Совета принимаются простым большинством голосов присутствующих на заседании членов Совета открытым голосованием, при условии участия в заседании более половины его членов.

3. Совет отделения:

(1) созывает Общее собрание отделения, определяет его повестку дня;

(2) организует и контролирует исполнение решений Общего собрания отделения;

(3) принимает решения о приеме в члены Организации физических и юридических лиц и исключении их из Организации;

(4) осуществляет иные полномочия в рамках руководства деятельностью отделения, не отнесенные к компетенции Общего собрания отделения.

### Статья 22. Председатель Отделения.

1. Председатель отделения избирается на Общем собрании отделения сроком на два года.

2. Председатель отделения:

(1) от имени отделения представляет его интересы в государственных органах и общественных объединениях;

(2) созывает заседания Совета отделения;

(3) определяет перечень вопросов, выносимых на обсуждение Совета отделения;

(4) осуществляет иные полномочия в рамках руководства текущей деятельностью отделения, не отнесенные к компетенции Общего Собрания и Совета отделения.

### Статья 23. Ревизионная комиссия (Ревизор) Отделения.

1. В зависимости от количества членов отделения по решению Общего собрания отделения избирается Ревизионная комиссия или Ревизор отделения сроком на два года.

2. Ревизионная комиссия (Ревизор) отделения является контрольно-ревизионным органом отделения.

### Статья 24. Филиалы и представительства Организации.

1. Филиалы и представительства являются обособленными подразделениями Организации и не являются юридическими лицами. Они наделяются имуществом Организации и осуществляют свою деятельность на основе положений о филиалах и представительствах, утверждаемых Центральным Советом Организации.

## РАЗДЕЛ 7.
## СОБСТВЕННОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ

### Статья 25. Собственность Организации.

1. Организация в соответствии с действующим законодательством может иметь в собственности земельные участки, здания, строения, сооружения, жилищный фонд, транспорт, оборудование, инвентарь, имущество культурно-просветительского, спортивного и оздоровительного назначения, денежные средства, акции, другие ценные бумаги и иное имущество, необходимое для материального обеспечения деятельности, предусмотренной настоящим Уставом.

2. Собственником создаваемого и (или) приобретаемого имущества является Организация в целом. Каждый отдельный член Организации не имеет право собственности на долю имущества, принадлежащего Организации в целом.

3. Доходы от предпринимательской деятельности Организации не перераспределяются между членами Организации и направляются на достижение уставных целей и задач.

4. Отделения Организации, действующие на основании настоящего Устава, обладают правом оперативного управления имуществом, закрепленным за ними собственником.

5. От имени Организации права собственника имущества осуществляет Центральный Совет Организации.

### Статья 26. Источники формирования имущества Организации.

Источниками формирования имущества и средств Организации являются:

- вступительные и членские взносы;
- добровольные взносы и пожертвования;
- доходы от предпринимательской, в том числе внешнеэкономической, деятельности;
- поступления от проводимых в соответствии с Уставом лекций, семинаров, конференций, соревнований, турниров, выставок, лотерей, аукционов и иных мероприятий;
- другие не запрещенные законом поступления.

## РАЗДЕЛ 8.
## ПОРЯДОК РЕОРГАНИЗАЦИИ И ЛИКВИДАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ

### Статья 27. Реорганизация Организации.

1. Организация может быть реорганизована в форме слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования по решению Съезда, принятому не менее чем 2/3 голосов от общего числа присутствовавших на Съезде делегатов.

2. При реорганизации все имущественные и неимущественные права Организации переходят к вновь возникшему юридическому лицу (правопреемнику) в порядке, предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации.

**Статья 28. Ликвидация Организации.**

1. Организация может быть ликвидирована по решению Съезда, принятому не менее чем 2/3 голосов от общего числа присутствовавших на Съезде делегатов.

2. Организация может быть ликвидирована по решению суда в порядке, установленном действующим законодательством.

3. После ликвидации Организации по решению Съезда имущество и оставшиеся денежные средства Организации после расчетов с бюджетом и кредиторами направляются на цели, предусмотренные настоящим Уставом.

4. При ликвидации Организации документы по личному составу в установленном законом порядке передаются на государственное архивное хранение.

5. Решение о ликвидации Организации направляется в зарегистрировавший ее государственный орган для исключения Организации из единого государственного реестра юридических лиц.

## РАЗДЕЛ 9.
## ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

**Статья 29. Внесение изменений и дополнений в настоящий Устав.**

1. Изменения и дополнения в настоящий Устав утверждаются Съездом, простым большинством голосов присутствовавших на Съезде делегатов.

2. Изменения и дополнения к настоящему Уставу должны быть зарегистрированы в установленном законом порядке.

3. Изменения и дополнения к настоящему Уставу приобретают юридическую силу с момента такой регистрации.

***

Общероссийская общественная организация "Союз юристов России" зарегистрирована Министерством юстиции Российской Федерации 10 марта 2000 г. Свидетельство о регистрации № 3858.

Заместитель Министра
**Е. Сидоренко**

10 марта 2000 г.

# МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ТРИБУНАЛ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ НАТО В ЮГОСЛАВИИ

г. Киев (Украина) 23 января 2000 года

## ВЕРДИКТ

"Международный Общественный Трибунал по преступлениям НАТО в Югославии" (далее по тексту "ТРИБУНАЛ"), учрежденный 23 мая 1999 года Чрезвычайным Съездом Международного союза общественных объединений "Всеславянский Собор" в составе:

1. КУЗНЕЦОВА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА (Россия) — доктора юридических наук, профессора Академии Государственной службы при Президенте РФ, профессора Российского Университета Дружбы Народов, профессора Московского Государственного социального университета, члена-корреспондента Международной славянской академии наук, культуры, образования и искусства, председателя Трибунала;

2. КРИВЧИКОВОЙ ЭМИЛИИ СЕМЕНОВНЫ (Россия) — кандидата юридических наук, профессора кафедры Международного права МГИМО (У) МИД РФ, заместителя председателя Трибунала;

3. АЛЕКСАНДРОВА ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛОВИЧА (Республика Беларусь) — депутата Палаты представителей Народного собрания Республики Беларусь, члена Белорусского Славянского комитета;

4. АНДРЕСА КРИСТА (Германия) — доктора медицины, руководителя отделения Германского общества прав человека;

5. ВОГЛА МИРОСЛАВА (Республика Чехия) — члена Международного Славянского комитета (г. Прага);

6. ИЛЬИНА ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА (Россия) — кандидата юридических наук, профессора, заведующего кафедрой международного права Московского государственного социального университета;

7. КРИГЕР БАРБАРЫ (Польша) — доктора филологических наук, председателя Польского отделения "Всеславянского Собора";

8. РИХТЕРА ВОЛЬФГАНГА (Германия) — доктора философских наук, профессора института проблем мира, координатора Международного европейского трибунала (г. Берлин), председателя Германского общества прав человека;

9. РОМАЩЕНКО ВИЛЯ НИКОЛАЕВИЧА (Украина) — кандидата исторических наук, доцента, заместителя председателя Славянского комитета Украины, члена Исполкома Международного Славянского комитета;

10. СТАНИШИЧА ЙОЛЕ (Югославия) — академика Международной славянской академии наук, культуры, образования и искусства, члена Союза писателей России и Союза писателей Югославии;

11. ХРУНОВА ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА (Россия) — доктора технических наук, академика АЕН, летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза;

12. ШАМБА ТАРАСА МИРОНОВИЧА (Россия) — доктора юридических наук, профессора Академии Государственной службы при Президенте РФ;

при секретаре: ЯСТРЕБОВОЙ АННЕ ИВАНОВНЕ

с участием адвокатов:

1. ВЛАСЕНКО ИГОРЯ БОРИСОВИЧА — адвоката Межтерриториальной коллегии адвокатов "Межрегион" (г. Москва), доцента кафедры Государственного строительства и права Российской Академии Государственной службы, кандидата юридических наук;

2. КРАСИКОВОЙ ЮЛИИ ВЛАДИЛЕНОВНЫ — адвокатессы Межтерриториальной коллегии адвокатов "Межрегион" (г. Москва), кандидата юридических наук;

3. ШТРАУС ЛИДИИ ДИОНИСОВНЫ — адвокатессы Ростовской областной коллегии адвокатов

собравшись в продолжение слушаний, проведенных в г. Ярославле (Россия) 14 декабря 1999 г., рассмотрел на Втором своем открытом заседании Обвинительный акт, касающийся преступлений против мира, подготовленный Славянским комитетом Украины, оглашенный его председателем — народным депутатом Украины Лавриненко Николаем Федоровичем, и выдвинутый против Организации Североатлантического договора (далее — НАТО), десяти стран-членов НАТО: Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Бельгии, Канады, Португалии и Испании, непосредственно совершивших вооруженную агрессию против Югославии, других государств-членов НАТО — пособников, голосовавших за разрешение вооруженного нападения НАТО на Югославию, следующих высших должностных лиц стран НАТО, включая военных:

У.Дж. Клинтон — Президент США;
М. Олбрайт — Государственный секретарь США;
У. Коэн — Министр обороны США;
Т. Блэр — Премьер-Министр Великобритании;
Р. Кук — Министр иностранных дел Великобритании;
Ж. Робертсон — Министр обороны Великобритании;
Г. Шредер — Канцлер ФРГ;
Й. Фишер — Министр иностранных дел ФРГ;
Р. Шарпинг — Министр обороны ФРГ;
Ж. Ширак — Президент Франции;
Х. Салана — Генеральный Секретарь НАТО;
У. Кларк — Главнокомандующий Вооруженными силами НАТО в Европе,

все вместе с блоком НАТО далее именуемые "Обвиняемые" по международным преступлениям, сформулированным в ст. 6 Уставов Нюрнбергского и Токийского Трибуналов по осуждению военных преступников, виновных в развязывании Второй Мировой войны.

Все Обвиняемые, надлежащим образом извещенные о характере обвинения и месте проведения Трибунала, в судебное заседания не явились, своих представителей не прислали.

Вменяемые преступления против мира были совершены Обвиняемыми в отношении сербского и других народов, населяющих СРЮ, в период с 24 марта по 10 июня 1999 года и составляют:

— планирование и подготовку агрессивной войны;
— развязывание агрессивной войны;
— ведение агрессивной войны;
— ведение войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений;
— ведение информационной войны и пропаганды войны;
— участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий,

каждое из которых и все вместе являются неоднократно ранее осуждавшимися международным сообществом.

Доказательную базу Обвинения, поддержанного и дополненного обвинителями:

1. МОРОЗОМ АЛЕКСАНДРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ (Украина) — Председателем Социалистической партии Украины, народным депутатом Украины;

2. КРЮЧКОВЫМ ГРИГОРИЕМ КОРНЕЕВИЧЕМ (Украина) — народным

депутатом Украины, Председателем Комитета по вопросам национальной безопасности и обороны Верховной Рады Украины;

3. ДОАРЕСОМ ВИЛЬЯМОМ (США) — журналистом, представителем Международного центра действия (г. Нью-Йорк, США);

4. МАРМАЗОВЫМ ЕВГЕНИЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ (Украина) — народным депутатом Украины, Председателем депутатской группы Анти-НАТО Верховной Рады Украины;

5. ТЕЙКОВСКИМ БОЛЕСЛАВОМ (Польша) — доктором социологических наук, председателем Польского славянского комитета, председателем Польского национального сообщества;

6. МОИСЕЕНКО ВЛАДИМИРОМ НИКОЛАЕВИЧЕМ (Украина) — народным депутатом Украины, членом депутатской группы Анти-НАТО Верховной Рады Украины;

7. КОСТЯНОМ СЕРГЕЕМ ИВАНОВИЧЕМ (Республика Беларусь) — депутатом Палаты представителей Народного собрания Республики Беларусь;

8. ВУЛЕВИЧЕМ МОМЧИЛО РАДОМИРОВИЧЕМ (Украина) — кандидатом юридических наук, доцентом Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, полковником Советской Армии в отставке, участником народно-освободительной войны народов Югославии (1941—1945 гг.);

9. ПРОКОТИЛО НИНОЙ АЛЕКСЕЕВНОЙ (Украина) — народным депутатом Украины;

10. КИРПЕЛЕМ ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ (Украина) — главным редактором журнала "Славянское вече — XXI столетие";

11. БАЗИЛЮКОМ АЛЕКСАНДРОМ ФИЛИМОНОВИЧЕМ (Украина) — председателем Славянской партии, старостой Конгресса русских организаций Украины;

12. КАРАБАЧЕМ ЛЕОПОЛЬДОМ БОРИСОВИЧЕМ (Россия) — вице-президентом Фонда "Славянское единство", секретарем-координатором Славянского военно-патриотического Союза;

13. МОЛОКАНОВЫМ ЮРИЕМ (Украина) — секретарем ЦК Ленинского комсомола Украины;

составили официальные документы Союзного министерства иностранных дел СРЮ, собранные в двух томах Белой книги: "Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 24 марта — 24 апреля 1999 года", — М.; 1999. — 432 с., и "Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 25 апреля — 10 июня 1999 года", — Белград, 1999, — 552 с.; действующие международные договоры и соглашения, документы ООН и ОБСЕ.

Заслушав Обвинителей, доводы Защиты, показания Свидетелей:

1. КИЯШКО СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА (Украина) — народного депутата Украины, члена депутатской группы Анти-НАТО Верховной Рады Украины;

2. ОЛЕЙНИКА БОРИСА ИЛЬИЧА (Россия) — академика Национальной академии наук Украины, академика Международной Славянской академии наук, культуры, образования и искусства, председателя Комитета Верховной Рады Украины по иностранным делам и связям со странами СНГ, председателя Украинского фонда культуры, члена Союза писателей Украины;

3. ТРОПИНА ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА (Украина) — народного депутата Украины, члена депутатской группы Анти-НАТО Верховной Рады Украины;

4. ЮРКОВСКОГО АНАТОЛИЯ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧА (Украина) — кандидата философских наук, контр-адмирала, участника войны с Японией, народного депутата Украины XIII созыва;

экспертов:

1. СТОЯНОВИЧА ЗОРАНА (Югославия) — доктора юридических наук, про-

фессора кафедры уголовного права Белградского университета, Председателя Комитета по расследованию военных преступлений в Югославии (г. Белград);

2. БРИТА ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА (Украина) — народного депутата Украины XIII созыва, заместителя председателя общества дружбы Украина — Югославия;

3. ЛОПИЧИЧА ДЖОРДЖЕ (Югославия) — доктора юридических наук, начальника правового департамента МИД Югославии, Чрезвычайного и Полномочного посла;

4. ТЕСИЧ НАДЕЖДЫ (США) — писательницы, общественного деятеля, члена Международного центра действия (г. Нью-Йорк, США);

5. СТАНКОВИЧ ЗОРАНА (Югославия) — доктора медицинских наук, члена Комитета по преступлениям НАТО в Югославии (г. Белград);

6. ДОРОШКЕВИЧА ВЛАДИМИРА (Украина) — кандидата юридических наук, доцента Национального педагогического университета им. М.П. Драгоманова;

Трибунал установил:

24 марта 1999 года Организация Северо-Атлантического Договора в нарушение п. 4 ст. 2, ст. 51 и ст. 53 Устава ООН без санкции Совета Безопасности ООН под предлогом защиты албанской части населения, проживающей в Косово и Метохии, начала ничем не оправданные систематические, интенсивные, по существу круглосуточные бомбардировки военных и гражданских объектов на территории Югославии, чем принесла неисчислимые страдания многонациональному народу данной страны, полностью разрушив всю ее инфраструктуру и большинство промышленных и сельскохозяйственных объектов, объектов социальной и культурной сферы и среды обитания.

Трибунал отмечает, что по интенсивности и жестокости применения военной мощи агрессия НАТО против Югославия сопоставима с преступлениями фашистов во время Второй Мировой войны и с применением США ядерного оружия в августе 1945 г. против мирных японских городов Хиросима и Нагасаки. По сути, народы мира столкнулись с явлением НАТОфашизма.

В ходе судебного следствия было установлено и документально и свидетельскими показаниями подтверждено, что:

1. Впервые со времени окончания Второй Мировой войны группой стран НАТО во главе с их руководителями:

| | |
|---|---|
| У.Дж. Клинтоном | — Президентом США; |
| М. Олбрайт | — Государственным секретарем США; |
| У. Коэном | — Министром обороны США; |
| Т. Блэром | — Премьер-Министром Великобритании; |
| Р. Куком | — Министром иностранных дел Великобритании; |
| Ж. Робертсоном | — Министром обороны Великобритании; |
| Г. Шредером | — Канцлером ФРГ; |
| Й. Фишером | — Министром иностранных дел ФРГ; |
| Р. Шарпингом | — Министром обороны ФРГ; |
| Ж. Шираком | — Президентом Франции; |
| Х. Салана | — Генеральным Секретарем НАТО; |
| У. Кларком | — Главнокомандующим Вооруженными силами НАТО в Европе, |

а также находящимися в зависимости от них руководителями Италии, Нидерландов, Бельгии, Канады, Португалии и Испании демонстративно и нагло была предпринята попытка перечеркнуть общепризнанные принципы международного права, сломать существующий миропорядок.

2. Впервые после II Мировой войны каждому человеку и всему сообществу народов руководством НАТО было брошен беспрецедентный вызов с требованием безропотно подчиниться диктату грубой силы.

Особенно это проявилось в циничном по своей сути проекте соглашения в Рамбуйе.

3. В обход Совета Безопасности ООН было демонстративно попрано международное право, перечеркнуты десятки международных договоров универсального и регионального характера, включая Устав самого блока НАТО.

4. Блоком НАТО была предпринята очередная попытка подорвать роль Организации Объединенных Наций как главной структуры по установлению и поддержанию международного мира и безопасности, узаконить действия членов ООН без санкций Совета Безопасности.

5. Были вскрыты опасные тенденции по поощрению агрессивного сепаратизма, сползанию к новым разделительным линиям в Европе и мире, провоцированию нового блокирования на военно-политической основе, возвращению впервые после окончания Второй Мировой войны к концепциям ведения "тотальной войны", т.е. и против гражданского населения.

6. Была отмечена попытка со стороны НАТО подорвать устои международной морали, проигнорировать судьбы народов во имя достижения военно-политических интересов узкой группы западных стран.

7. В ходе агрессии НАТО против народов Югославии проявилось опасное манипулирование средствами массовой информации, ведение информационной войны, использование пропаганды как фактора подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против Союзной Республики Югославии, когда настоятельно и навязчиво тиражировался миф о гуманитарной катастрофе, о якобы проводимых сербами этнических чистках в Косово и Метохии.

В ходе судебного разбирательства Трибуналом было установлено:

1. Перечисленные выше действия НАТО, стран НАТО, высших руководителей стран НАТО подпадают под юридическую квалификацию преступлений против мира, как они были определены ст. 6 Уставов Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов.

2. Ракетно-бомбовые удары НАТО по территории Югославии не могут быть расценены иначе как акт агрессии. Согласно Определению агрессии, принятому Генеральной Ассамблеей в 1974 г., агрессией *"является применение вооруженной силы государством или группой государств против суверенитета, территориальной неприкосновенности и политической независимости другого государства или каким-либо образом, несовместимым с Уставом ООН"*. Акт агрессии включает в себя, в частности, *"бомбардировку вооруженными силами государства или применение против него любого оружия"*. При этом *"никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии"*.

3. Бомбардировки НАТО подпадают также под квалификацию *"угроза силой"*, что в соответствии с Декларацией о принципах международного права 1970 г. является нарушением международного права и Устава ООН, при этом угроза силой никогда не должна применяться в качестве средства урегулирования международных вопросов.

4. В соответствии с международным правом государства, совершившие акт вооруженной агрессии, несут материальную и политическую ответственность, а лица, виновные в осуществлении таких актов — индивидуальную уголовную ответственность.

Уставом Нюрнбергского трибунала установлено, что *"должностное положение подсудимых, их положение в качестве глав государств или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания"*.

Трибуналом в его первом вердикте от 14 декабря 1999 г. (г. Ярославль) было установлено и подтверждено в ходе Второго открытого судебного заседания, что страны НАТО, высшие руководители этих стран, сама НАТО и ее высшие

руководители нарушили все фундаментальные принципы современного международного права, закрепленные в Уставе ООН и декларации принципов Заключительного акта Хельсинки 1975 г., в том числе основные принципы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности, а именно:

— принцип неприменения силы и угрозы силой, согласно которому государства обязуются воздерживаться в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения (ст. 2, п. 4 Устава ООН, Декларация о принципах международного права 1970 г., Хельсинский Заключительный акт 1975 г.);

— принцип мирного разрешения международных споров, обязывающий государства разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международным мир и безопасность и справедливость (ст. 2, п. 3 Устава ООН, Декларация о принципах международного права 1970 г., Хельсинский Заключительный акт 1975 г.);

— принцип невмешательства во внутренние дела, который обязывает государства и международные организации не вмешиваться в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (ст. 2 п. 7 Устава ООН, Декларация о принципах международного права 1970 г., Хельсинский Заключительный акт 1975 г.)

Трибуналом также установлено, что Обвиняемые нарушили:

— ст.ст. 24, 39, 40—42 Устава ООН, определяющие главную ответственность Совета Безопасности в деле поддержания международного мира и безопасности;

— ст. 51 Устава ООН, предусматривающую право государств на индивидуальную или коллективную самооборону в ответ на вооруженное нападение, общеизвестно, что СРЮ ни одному из государств-членов НАТО не угрожала и ни на кого не нападала;

— ст. 53 Устава ООН, которая прямо указывает, что никакие принудительные действия не предпринимаются в силу регионального соглашения или региональной организацией без решения и руководства Совета Безопасности;

— ст. 1 и 2 Договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана-Келлога) от 27 августа 1928 г., участниками которого являются все государства, совершившие агрессию против Югославии, и в котором стороны Договора осудили обращение к войне для урегулирования международных споров и отказались в своих взаимных отношениях от войны как орудия национальной политики;

— ст. 1, 5, 6, Североатлантического пакта от 4 апреля 1949 г., согласно которым государства-члены НАТО обязуются воздерживаться от любого применения силы или угрозы ее применения в своих международных отношениях, если это противоречит целям ООН и соглашаются, что применение вооруженной силы возможно только в случае вооруженного нападения на одно или несколько государства НАТО в зоне ответственности НАТО;

— ст. 7 Североатлантического пакта, предусматривающую, что данный договор ни в коем случае не затрагивает и не подлежит толкованию как затрагивающий каким-либо образом *"преимущественную ответственность Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности";*

— базовые положения Римской декларации НАТО о мире и сотрудничестве 1991 г., определяющей, что альянс выполняет свои принципиальные задачи на основе приверженности мирному урегулированию споров, согласно которой ни одно государство не может запугивать или принуждать любое европейское государство или навязывать свою гегемонию посредством угрозы силой или применения силы.

Трибунал установил, что следующие деяния Обвиняемых являются преступлениями против мира:

1. Планирование и исполнение расчленения Союзной Республики Югосла-

вии, разделение различных этнических, религиозных и других групп в пределах насильственно созданных границ.

2. Разжигание религиозной розни между народами Югославии с целью втянуть их в братоубийственную истребительную войну.

3. Потворствование и поддержка агрессивного сепаратизма, обучение, вооружение, снаряжение и финансирование так называемой Освободительной армии Косово, поставившей целью вооруженное отторжение края от Югославии.

4. Блокирование усилий по сохранению мира и единства в Югославии, манипулирование переговорами, направленными на мирное урегулирование Косовской проблемы и их срыв путем предъявления ультиматума Югославии с требованием согласия Белграда на ввод в Косово контингента международных сил в основном из стран НАТО.

5. Ведение информационной войны против Югославии с обвинениями ее в геноциде, в создании гуманитарной катастрофы.

6. Подрыв миротворческой роли ООН и ОБСЕ, блокирование усилий этих организаций по предотвращению конфликта и сохранению мира в Югославии.

7. Использование военной машины НАТО для агрессии против Югославии.

8. Развязывание и ведение агрессивной войны против Югославии с использованием запрещенных средств и методов. Уничтожение и разрушение экономических, социальных, культурных, медицинских, дипломатических и религиозных ресурсов, имущества и средств связи по всей Югославии.

Трибунал считает установленной и доказанной индивидуальную вину в совершении преступлений против мира следующих лиц:

1. Президента США Уильяма Дж. Клинтона, Государственного Секретаря Мадлен Олбрайт, министра Обороны Уильяма Коэна и других высокопоставленных должностных лиц США, включая военных, которые активно участвовали в подготовительных действиях к развязыванию агрессии, потворствовали и поддерживали сепаратистов и террористов, участвовали в обучении, вооружении, снаряжении и финансировании так называемой Освободительной армии Косово, развязали и вели информационную войну против Югославии, добились срыва мирных переговоров по урегулированию Косовской проблемы, блокировали деятельность Совета Безопасности ООН, развязали и вели агрессивную войну против Югославии с применением запрещенных международным правом методов и средств.

2. Премьер-министра Великобритании Тони Блэра, министра Иностранных дел Роберта Кука, министра Обороны Ж. Робертсона и других высокопоставленных должностных лиц Великобритании, которые активно участвовали в подготовительных действиях к развязыванию агрессии, потворствовали и поддерживали сепаратистов и террористов, участвовали в обучении, вооружении, снаряжении и финансировании так называемой Освободительной армии Косово, развязали и вели информационную войну против Югославии, оказывали содействие США в срыве мирных переговоров по урегулированию Косовской проблемы, блокировали деятельность Совета Безопасности ООН, развязали и вели агрессивную войну против Югославии с применением запрещенных международным правом методов и средств.

3. Канцлера Герхарда Шредера, министра Иностранных дел Йошки Фишера, министра Обороны Р. Шарпинга и других высокопоставленных должностных лиц ФРГ, включая военных, которые активно участвовали в подготовительных действиях и развязывании агрессии, потворствовали в обучении, вооружении, снаряжении и финансировании так называемой Освободительной армии Косово, участвовали в информационной войне против Югославии, не приняли мер по предотвращению срыва мирных переговоров и по развязыванию агрессивной войны и впервые после окончания Второй мировой войны и осуждения Германии и ее руководителей за агрессию на Нюрнбергском процессе способствовали участию Германии в боевых действиях и бомбардировках территории Югославии.

4. Президента Франции Жака Ширака, министра Иностранных дел Юбера Ведрина, министра Обороны и других высокопоставленных должностных лиц Франции, включая военных, которые активно участвовали в подготовительных действиях к развязыванию агрессии, не приняли никаких мер к ее предотвращению, блокировали деятельность Совета Безопасности, участвовали в информационной войне против Югославии и в бомбардировках территории Югославии.

5. Государственных деятелей Италии, Нидерландов, Бельгии, Канады, Португалии и Испании и других высокопоставленных должностных лиц этих государств, включая военных, которые участвовали в подготовительных действиях к развязыванию агрессии и в самой агрессии, не предприняв никаких мер к ее предотвращению.

6. Генерального секретаря НАТО Хавьера Солану и Верховного главнокомандующего НАТО в Европе генерала Уэсли К. Кларка, которые активно участвовали в подготовительных действиях к развязыванию агрессии и непосредственно осуществляли руководство и командование боевыми действиями против Югославии.

Трибунал обращает внимание на соучастие в преступлениях против мира других государств-членов и не членов НАТО, которые, хотя и не принимали непосредственно участие в военных действиях, но публично высказывались за вооруженное нападение на Югославию, предоставляли агрессору свою территорию и воздушное пространство, препятствовали доставке гуманитарной помощи страдающему народу Югославии.

Трибунал обращает также внимание мировой общественности на действия К. Воллебека — Председателя ОБСЕ в 1999 г., министра Иностранных дел Норвегии — страны-члена НАТО, которому обоснованно должно быть предъявлено обвинение в преступлениях против мира, а именно — соучастие в разработке и подготовке к развязыванию агрессии, блокирование миротворческой миссии ОБСЕ.

Трибунал обращает также внимание на демонстративную бездеятельность Генсекретаря ООН Кофи Аннана, который устранился от участия в поисках разрешения кризиса в Косово и фактически пошел на сговор с блоком НАТО с тем, чтобы оправдать его преступные действия в Югославии, включая применение военной силы против суверенного государства без мандата на то Совета Безопасности.

С учетом вышесказанного и принимая во внимание бесчисленные страдания сербов и других народов СРЮ, сознавая свою историческую ответственность перед грядущими поколениями славянских и иных народов, понимая необходимость решительного, ясного, четкого и жесткого осуждения преступлений против мира, Международный Общественный Трибунал по преступлениям НАТО в Югославии выносит Обвиняемым в связи с содеянным ими **следующий вердикт.**

1. Признать преступной по своим целям и практической деятельности международную Организацию Северо-Атлантического Договора (НАТО).

2. Потребовать от 19 правительств стран, входящих в блок НАТО, безотлагательного роспуска этой организации.

3. Инициировать в ООН срочное принятие резолюции Генеральной Ассамблеи, осуждающей действия НАТО в отношении Югославии в период с 23 марта по 10 июня 1999 года.

4. Квалифицировать

У.Дж. Клинтона, М. Олбрайт, У. Коэна, Т. Блэра, Р. Кука, Ж. Робертсона, Г. Шредера, Й. Фишера, Р. Шарпинга, Ж. Ширака, Х. Солану, У. Кларка, К. Воллебека в период подготовки агрессии НАТО против Югославии и во время ее как заговорщиков, имеющих цель разрушить послевоенное устройство мира, подчинить своему диктату другие государства мира.

5. За осквернение священной силы международных договоров потребовать признания

У.Дж. Клинтона, М. Олбрайт, У. Коэна, Т. Блэра, Р. Кука, Ж. Робертсона, Г. Шредера, Й. Фишера, Р. Шарпинга, Ж. Ширака, Х. Солану, У. Кларка, К. Воллебека международными преступниками и вынесения приговора по вечному народному их проклятию.

6. Ходатайствовать перед правоохранительными органами государств, входящих в ООН, в соответствии с процедурой, предусмотренной соответствующим национальным уголовно-процессуальным законодательством, возбудить уголовные дела в отношении указанных лиц по признакам геноцида сербского и других народов Югославии и международных преступлений, установленных в ходе заседания настоящего Трибунала.

7. Мы вновь призываем страны-члены ООН осудить действия НАТО против Югославии и позицию Генсекретаря ООН Кофи Аннана в этой связи.

8. Потребовать от стран-членов НАТО возмещения экономического и морального ущерба, нанесенного военной агрессией народам СРЮ, в сроки, обеспечивающие быстрейшее восстановление разрушений и освобождения народов Европы от техногенной катастрофы как следствия военной агрессии блока НАТО против Союзной Республики Югославии.

9. Трибунал отвергает как не нашедшее подтверждение и квалифицирует как надуманные обвинения СРЮ и ее руководства в этнических чистках в Косово и Метохии.

10. Трибунал обращает внимание на то, что и после 10 июня 1999 г. США и страны НАТО продолжают свою преступную деятельность по подчинению и расколу Союзной Республики Югославии, прикрываясь на этот раз миротворческой миссией ООН.

Председатель Трибунала М.Н. Кузнецов
Заместитель Председателя Э.С. Кривчикова
Члены Трибунала:
Александров В.М.
Андрес Криста
Вогл Мирослав
Ильин Ю.Д.
Кригер Барбара
Рихтер Вольфганг
Ромащенко В.Н.
Станишич Йоле
Хрунов Е.В.
Шамба Т.М.

г. Белград (Югославия) 29 марта 2000 года

# ВЕРДИКТ

Международный Общественный Трибунал по преступлениям НАТО в Югославии (далее по тексту ТРИБУНАЛ), учрежденный 23 мая 1999 года Чрезвычайным Съездом Международного союза общественных объединений "Всеславянский Собор" в составе:

1. КУЗНЕЦОВА МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА (Россия) — доктора юридических наук, профессора Академии Государственной службы при Президенте РФ, профессора Российского Университета Дружбы Народов, профессора Московского Государственного социального университета, члена-корреспондента Международной славянской академии наук, культуры, образования и искусства, председателя Трибунала;

2. КРИВЧИКОВОЙ ЭМИЛИИ СЕМЕНОВНЫ (Россия) — кандидата юридических наук, профессора кафедры Международного права МГИМО (У) МИД РФ, заместителя председателя Трибунала;

3. АНДРЕС КРИСТЫ (Германия) — доктора медицины, руководителя отделения Германского общества прав человека;

4. АЧАЛОВА ВЛАДИСЛАВА АЛЕКСЕЕВИЧА (Россия) — генерал-полковника Советской Армии, общественного деятеля;

5. ГЕОРГАДЗЕ ПАНТЕЛЕЙМОНА ИВАНОВИЧА (Грузия) — Первого секретаря Единой компартии Грузии, генерала Советской Армии, председателя Народно-патриотического союза Грузии;

6. ИЛЬИНА ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА (Россия) — кандидата юридических наук, профессора, заведующего кафедрой международного права Московского государственного социального университета;

7. КРИГЕР БАРБАРЫ (Польша) — доктора филологических наук, председателя Польского отделения Всеславянского Собора, члена Исполкома Международного славянского комитета;

8. ХАСАНА МУХАММАДА (Афганистан) — кандидата юридических наук;

9. ПЛАТОНОВА ОЛЕГА АНАТОЛЬЕВИЧА (Россия) — доктора экономических наук, писателя;

10. РИХТЕРА ВОЛЬФГАНГА (Германия) — доктора философских наук, профессора Института проблем мира, координатора Международного Европейского Трибунала (г. Берлин), председателя Германского общества прав человека.

11. РОМАЩЕНКО ВИЛЯ НИКОЛАЕВИЧА (Украина) — кандидата исторических наук, доцента, заместителя председателя Славянского комитета Украины, члена Исполкома Международного славянского комитета;

12. СЕВАСТЬЯНОВА ВИТАЛИЯ ИВАНОВИЧА (Россия) — летчика-космонавта, дважды Героя Советского Союза, депутата Государственной Думы РФ;

13. СИЛЬВАНО ДЕ ЛА РОЗА (Мексика) — кандидата юридических наук, доцента Института юридических наук (г. Пуэбло), директора журнала "Право";

14. СТАНИШИЧА ЙОЛЕ (Югославия) — академика Международной славянской академии наук, культуры, образования и искусства, члена Союза писателей России и Союза писателей Югославии.

При секретаре: ЯСТРЕБОВОЙ АННЕ ИВАНОВНЕ

С участием:

1. ШТРАУС ВАЛЕНТИНЫ ДИОНИСОВНЫ (Россия), осуществляющей надзор за рассмотрением дела, адвокатессы Ростовской областной коллегии адвокатов;

2. СЕМЕНОВОЙ ЕЛЕНЫ МИХАЙЛОВНЫ — адвоката обвиняемых, адвокатессы Московской городской коллегии адвокатов,

собравшись в продолжение слушаний, проведенных в г. Ярославле (Россия)

14 декабря 1999 г. с вынесением общего вердикта по преступлениям НАТО в Югославии и в г. Киеве (Украина) 23 января 2000 г. с вынесением вердикта по преступлениям НАТО против мира, рассмотрел на своем третьем открытом заседании Обвинительный акт, касающийся военных преступлений, подготовленный Велко Велкановым, председателем Центрального совета Болгарского антифашистского союза, председателем Комиссии по правам человека Болгарии, профессором, доктором юридических наук, депутатом Народного Собрания Болгарии, и выдвинутый против Организации Североатлантического договора (далее — НАТО), десяти стран-членов НАТО: Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Бельгии, Канады, Португалии и Испании, непосредственно совершивших вооруженную агрессию против Югославии, других государств-членов НАТО — пособников, голосовавших за разрешение вооруженного нападения НАТО на Югославию, следующих высших должностных лиц стран НАТО, включая военных:

| | |
|---|---|
| У.Дж. Клинтона | — Президента США; |
| М. Олбрайт | — Государственного секретаря США; |
| У. Коэна | — Министра обороны США; |
| Т. Блэра | — Премьер-Министра Великобритании; |
| Р. Кука | — Министра иностранных дел Великобритании; |
| Ж. Робертсона | — Министра обороны Великобритании; |
| Г. Шредера | — Канцлера ФРГ; |
| Й. Фишера | — Министра иностранных дел ФРГ; |
| Р. Шарпинга | — Министра обороны ФРГ; |
| Ж. Ширака | — Президента Франции; |
| Х. Соланы | — Генерального Секретаря НАТО; |
| У. Кларка | — Главнокомандующего Вооруженными силами НАТО в Европе, |

все вместе с блоком НАТО далее именуемые "Обвиняемые" по международным преступлениям, сформулированным в ст. 6 Уставов Нюрнбергского и Токийского Трибуналов по осуждению военных преступников, виновных в развязывании Второй мировой войны.

Все Обвиняемые, надлежащим образом извещенные о характере обвинения и месте проведения Трибунала, в судебное заседание не явились и своих представителей не прислали.

Вменяемые военные преступления были совершены Обвиняемыми в отношении сербского, черногорского, албанского и других народов, населяющих СРЮ, в период с 24 марта по 10 июня 1999 года и составляют:

нарушения законов или обычаев войны, а именно:

— открытие военных действий без предварительного и недвусмысленного предупреждения;

— ведение военных действий против гражданского населения, включая отдельных гражданских лиц, и гражданских объектов;

— применение запрещенных средств и методов ведения войны, в том числе ковровых бомбардировок;

— применение запрещенных видов оружия, наносящих чрезмерное повреждение или имеющих неизбирательное действие, включая оружие с обедненным ураном, кассетные бомбы и другие запрещенные виды оружия;

— бессмысленное разрушение городов и населенных пунктов, не занятых противником и не оказывающих сопротивления;

— применение средств воздействия на природную среду во враждебных целях;

— бомбардировки объектов, жизненно важных для выживания населения Югославии (продовольственных предприятий, сельскохозяйственных угодий, фармацевтических фабрик, систем снабжения питьевой водой и др.);

— бомбардировки установок и сооружений, содержащих опасные силы (плотин, нефтехранилищ, химических предприятий и др.);

— бомбардировки и разрушение медицинских и санитарных учреждений, в том числе больниц, госпиталей, родильных домов;

— бессмысленные и преступные бомбардировки памятников культуры, образовательных учреждений, мест отправления культов и других аналогичных объектов, в том числе объектов, составляющих культурное, духовное и природное наследие;

— планирование и ведение действий с целью убийства главы государства Югославии, главы и членов правительства Югославии;

— бомбардировка дипломатических учреждений, аккредитованных в Югославии,

каждое из которых и все вместе являются неоднократно ранее осуждавшимися международным сообществом.

Доказательную базу Обвинения, поддержанного и дополненного обвинителями:

1. ЗИНОВЬЕВЫМ АЛЕКСАНДРОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ (Россия) — доктором философских наук, профессором, писателем, членом нескольких мировых академий;

2. ДЖОНОМ КАТАЛИНОТТО (США) — сотрудником Центра действий;

3. ТЕЙКОВСКИМ БОЛЕСЛАВОМ (Польша) — доктором социологических наук, председателем Польского славянского комитета, председателем Польского национального сообщества;

4. ЛИЧКОВАХ ВЛАДИМИРОМ АНАТОЛЬЕВИЧЕМ (Украина) — членом Международной академии духовного единства мира, доктором философских наук, членом Славянского комитета Украины;

5. СЕНИНЫМ АЛЕКСЕЕМ АЛЕКСЕЕВИЧЕМ (Россия) — главным редактором газеты "Русский Вестник";

6. СОЛОВЬЕВОЙ ОЛЬГОЙ БОРИСОВНОЙ (Украина) — членом Совета Всеукраинской общественной организации "Общевоинский союз Украины";

7. КОВАЛЬЧУКОМ КИРИЛЛОМ АНАТОЛЬЕВИЧЕМ (Украина) — членом Правления Славянского комитета Украины;

8. ПОДРУЧНЫМ ВЛАДИМИРОМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ (Украина) — аспирантом Института истории Украины;

9. КОССУДОВСКИМ МИШЕЛЕМ (Канада) — профессором экономики университета Оттавы, членом комитета Анти-НАТО,

составили официальные документы Союзного министерства иностранных дел СРЮ, собранные в двух томах Белой книги: "Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства 24 марта — 24 апреля 1999 г." Том I. Белград, 1999. 432 с., и "Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 25 апреля — 10 июня 1999 г.". Том II. Белград, 2000. 568 с., действующие международные договоры и соглашения, документы ООН и ОБСЕ.

Заслушав обвинителей, доводы защиты, показания свидетелей:

1. МИТРОВИЧА МОМЧИЛО — доктора юридических наук, советника Института истории Югославии;

2. МАРКОВИЧА МИЛОША — журналиста телевидения Белграда;

3. СТАНИСЛАВОВИЧ НЕДЫ — журналистки агентства ТАНЮГ;

экспертов:

1. ЯЦЕНКО ИВАНА СЕМЕНОВИЧА (Россия) — профессора кафедры государственного строительства и права Российской академии государственной службы при Президенте РФ;

2. ПЕТКОВИЧА МИЛАНА (Югославия) — полковника Югославской народной армии, заведующего кафедрой Центра военных исследований;

3. ШКУЛИЧА МИЛОША (Югославия) — доцента юридического факультета

Белградского университета, члена Комитета по преступлениям НАТО в Югославии (г. Белград);

4. СИМИЧ ИЛИИ (Югославия) — судьи, члена Комитета по преступлениям НАТО в Югославии (г. Белград);

5. ВИТОМИРА МЛАДЕНА (Югославия) — члена Комитета по преступлениям НАТО в Югославии (г. Белград);

6. КАЛАШНИКОВА ОЛЕГА ИВАНОВИЧА (Украина) — председателя Совета Всеукраинской общественной организации "Общевоинской союз Украины";

7. ЮРКОВСКОГО АНАТОЛИЯ ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧА (Украина) — кандидата философских наук, контр-адмирала, участника войны с Японией, депутата Верховного Совета Украины XIII созыва;

8. СУБОТИЧА ДАНИЛО (Югославия) — заместителя прокурора Республик Сербии, члена Комитета по преступлениям НАТО в Югославии (г. Белград);

9. ВУКАДИНОВИЧ СВЕТЛАНЫ (Югославия) — члена Комитета по преступлениям НАТО в Югославии (г. Белград);

10. СИМОНОВИЧА ПЕРИША (Югославия) — доктора медицинских наук, заместителя министра здравоохранения;

11. ИВАНОВИЧА СТАНОЕ (Югославия) — начальника департамента Министерства образования СРЮ;

12. БИЕЛОВИЧА ДРАГОЛЮБА (Югославия) — начальника департамента Министерства охраны окружающей среды СРЮ;

13. МИЛЕУСИЧА СЛОБОДАНА (Югославия) — директора музея Сербской Православной Церкви, председателя комиссии Синода по определению ущерба, нанесенного агрессией НАТО Сербской Православной Церкви;

14. СТАНКОВИЧА ЗОРАНА (Югославия) — доктора медицинских наук, члена Комитета по преступлениям НАТО в Югославии (г. Белград);

Трибунал установил:

24 марта 1999 года Организация Северо-Атлантического Договора в нарушение ст. 2 п. 4, ст. 51 и ст. 53 Устава ООН без санкции Совета Безопасности ООН под предлогом защиты албанской части населения, проживающей в Косово и Метохии, начала ничем на оправданные систематические, интенсивные, по существу круглосуточные бомбардировки военных и гражданских объектов на территории Югославии, чем принесла неисчислимые страдания многонациональному народу данной страны, полностью разрушив всю ее инфраструктуру и большинство промышленных и сельскохозяйственных объектов, объектов социальной и культурной сферы и среды обитания.

По интенсивности и жестокости применения военной мощи агрессия НАТО против Югославии сопоставима с преступлениями фашистов во время Второй мировой войны и применением США ядерного оружия в августе 1945 г. против мирных японских городов Хиросима и Нагасаки. По сути, народы мира столкнулись с явлением НАТОфашизма.

В ходе судебного следствия как на слушаниях в г. Ярославле и в г. Киеве, так и в г. Белграде было установлено и документально и свидетельскими показаниями подтверждено, что:

1. Впервые со времени окончания Второй мировой войны группой стран НАТО во главе с их руководителями:

| | |
|---|---|
| У.Дж. Клинтоном | — Президентом США; |
| М. Олбрайт | — Государственным секретарем США; |
| У. Коэном | — Министром обороны США; |
| Т. Блэром | — Премьер-Министром Великобритании; |
| Р. Куком | — Министром иностранных дел Великобритании; |
| Ж. Робертсоном | — Министром обороны Великобритании; |
| Г. Шредером | — Канцлером ФРГ; |

Й. Фишером — Министром иностранных дел ФРГ;
Р. Шарпингом — Министром обороны ФРГ;
Ж. Шираком — Президентом Франции;
Х. Соланой — Генеральным Секретарем НАТО;
У. Кларком — Главнокомандующим Вооруженными силами НАТО в Европе,

а также находящимися в зависимости от них руководителями других стран НАТО демонстративно и нагло была предпринята попытка перечеркнуть общепризнанные принципы международного права, сломать существующий миропорядок, подчинить его диктату США.

2. Впервые после Второй мировой войны каждому человеку и всему сообществу народов руководством НАТО был брошен беспрецедентный вызов с требованием безропотно подчиниться диктату грубой силы.

3. В обход Совета Безопасности ООН было демонстративно попрано международное право, перечеркнуты десятки международных договоров универсального и регионального характера, включая Устав самого блока НАТО, грубо нарушены нормы и принципы международного гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов.

4. НАТО была предпринята очередная попытка подорвать роль Организации Объединенных Наций как главной структуры по установлению и поддержанию международного мира и безопасности, узаконить действия на мировой арене в обход Совета Безопасности, а иногда и вопреки занятой им позиции.

5. НАТО и США проводят политику поощрения агрессивного сепаратизма, сползания к новым разделительным линиям в Европе и мире, провоцирования нового блокирования на военно-политической основе, возвращения впервые после агрессии США против Вьетнама к концепциям ведения "тотальной войны", т.е. не только против военных формирований, но и против гражданского населения. При этом игнорируются судьбы нардов во имя достижения военно-политических интересов узкой группы западных стран.

6. В ходе агрессии НАТО против народов Югославии проявилось опасное манипулирование средствами массовой информации, использование пропаганды для подготовки, развязывания и ведения агрессивной войны против Союзной Республики Югославии.

В ходе судебного разбирательства Трибуналом было установлено:

1. Обвиняемые с самого начала агрессии против Югославии встали на путь попрания всех общепризнанных принципов и норм международного права, в частности, законов и обычаев международного гуманитарного права, в том числе были нарушены:

— Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. об открытии военных действий, о законах и обычаях сухопутной войны;

— Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны, особенно;

— Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны — далее IV Женевская конвенция;

— Дополнительный протокол I к указанным Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов;

— Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, от 10 декабря 1980 г.;

— Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. и Протокол к ней;

— Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г.

2. Обвиняемые нарушили важное начало международного гуманитарного права о том, что боевые действия во время вооруженного конфликта могут вестись только против вооруженных сил и военных объектов, но не против мирного населения и гражданских объектов (ст. 51 указанного Дополнительного протокола I). В частности, запрещены любые нападения неизбирательного характера, влекущие потери среди гражданского населения и наносящие ущерб гражданским объектам.

Обвиняемые нарушили также основное положение международного гуманитарного права, устанавливающее, что стороны в конфликте и их вооруженные силы не могут пользоваться неограниченным выбором методов и средств ведения войны, в частности, тех, которые могут повлечь за собой чрезмерные страдания (ст. XXII и XXIII IV Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, статья 35 Дополнительного протокола I 1977 г.).

3. Обвиняемые, применив ракеты, снаряды и бомбы с обедненным ураном, кассетные бомбы, причиняющие излишние страдания бритвенно-острыми металлическими осколками, нарушили указанные и другие запретительные нормы международного гуманитарного права, в частности, содержащиеся:

— в Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия;

— в Протоколе о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств от 17 июля 1925 г.;

— в Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении от 13 января 1993 г.

4. Обвиняемые нарушили важнейшие нормы международного гуманитарного права, запрещающие бессмысленное разрушение городов и населенных пунктов, бомбардировку или уничтожение или приведение в негодность объектов, необходимых для выживания гражданского населения (ст. XXV IV Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны; ст. 54 Дополнительного протокола I 1977 г.).

5. Обвиняемые нарушили требования международного гуманитарного права, в частности, статью 56 Дополнительного протокола I, статью 16 Приложения 1 к нему, запрещающие превращать в объекты нападения *"установки и сооружения, содержащие опасные силы, а именно плотины, дамбы и атомные электростанции"* даже в тех случаях, когда *"такие объекты являются военными объектами, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и последующие тяжелые потери среди гражданского населения"*.

6. Обвиняемые нарушили XXVII статью IV Гаагской конвенции 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны, статьи 19, 35 I Женевской конвенции 1949 г., статьи 8, 9 и 12 Дополнительного протокола I 1977 г., запрещающие бомбардировку и разрушение медицинских и санитарных учреждений, в том числе санитарно-транспортных средств.

7. Обвиняемые нарушили нормы международного гуманитарного права, в частности, статьи 35 и 55 Дополнительного протокола I 1997 г. и конвенцию о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г., запрещающих применять *"методы или средства ведения военных действий, которые имеют своей целью причинить или, как можно ожидать, причинят обширный, долговременный и серьезный ущерб природной среде"* и тем самым *"нанесут ущерб здоровью или выживанию населения"*.

8. Обвиняемые нарушили положения международного гуманитарного права, обеспечивающие особую защиту культурных ценностей. В частности, в Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 г., в статье 53 Дополнительного протокола I прямо запрещается *"совершать какие-либо враждебные акты, направленные против тех исторических памятников, произведений искусства или мест*

*отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов".*

9. Обвиняемые нарушили положения международного гуманитарного права, предусматривающие защиту имущества.

В статье 53 IV Женевской конвенции 1949 г. запрещается всякое уничтожение *"движимого или недвижимого имущества, являющегося индивидуальной или коллективной собственностью частных лиц или государства, общин, либо общественных или кооперативных организаций, которое не является абсолютно необходимым для военных операций".*

10. Обвиняемые нарушили положения статьей 76 и 77 Дополнительного протокола I 1977 г., статьи 24 IV Женевской конвенции 1949 г., касающиеся особой защиты женщин и детей, а также Декларацию, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1974 г., о защите женщин и детей в чрезвычайных ситуациях и в период вооруженных конфликтов. В результате бомбежек НАТО территории Югославии дети составили 30 % от числа убитых мирных жителей, 40 % — от числа раненых, создалась угроза жизни 120 тыс. женщин, только что родивших детей; около 1 млн. 300 тыс. школьников младших и старших классов вынуждены были прекратить занятия из-за бомбовых ударов.

11. В нарушение Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г. Обвиняемые осуществили международный терроризм, подвергнув бомбардировке около 20 дипломатических и консульских представительств, разрушив при этом посольство КНР.

12. С целью физического уничтожения президента СРЮ, главы правительства и членов их семей они систематических подвергали ракетному обстрелу и бомбардировке места их возможного нахождения.

Трибунал считает установленными и доказанными предъявленные Обвинением и изложенные в Белой книге Правительства СРЮ: "Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства 24 марта — 24 апреля 1999 г." Том I. Белград, 1999. 432 с., и "Преступления НАТО в Югославии. Документальные свидетельства. 25 апреля — 10 июня 1999 г.". Том II. Белград, 2000. 568 с., деяния обвиняемых и квалифицирует их как международные преступления.

Трибунал считает, что перечисленные выше действия НАТО, стран НАТО, высших руководителей стран НАТО подпадают под юридическую квалификацию военных преступлений, как они были определены ст. 6 Уставов Нюрнбергского и Токийского международных военных трибуналов.

Обвиняемые — Организация Северо-Атлантического Договора, руководители ранее указанных стран и сами страны, входящие в НАТО, в период военной агрессии против СРЮ и ее народов нарушили свои собственные многократно зафиксированные в правовых документах обязательства международного характера — прежде всего Устав ООН, нормообразующие документы ОБСЕ, а также всю систему норм международного гуманитарного права.

Такие нарушения квалифицируются Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительным протоколом I 1977 г. как серьезные нарушения, подпадающие под действие международного уголовного права, которое приравнивает их к международным преступлениям и обозначает термином *"военные преступления".*

В отношении указанных в обвинительном акте серьезных нарушений международного права и общественной морали Женевскими конвенциями 1949 г. и Дополнительным протоколом I 1977 г. предусматривается *уголовная ответственность* по законодательству каждой из сторон, подписавших указанные акты.

В соответствии со статьями 49, 50, 129 и 146 I, II, III и IV Женевских конвенций 1949 г., соответственно, и статьей 86 и 87 Дополнительного протоко-

ла I 1977 г. правительства должны обеспечить эффективное *уголовное наказание* для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения. Обвиняемые могут предстать и перед международным трибуналом.

Трибунал считает, что кроме блока НАТО как международной организации и правительств входящих в него стран индивидуальную уголовную ответственность за содеянное против Югославии, сербского, черногорского, албанского и других народов, населяющих ее, должны нести:

| | |
|---|---|
| У.Дж. Клинтон | — Президент США; |
| М. Олбрайт | — Государственный секретарь США; |
| У. Коэн | — Министр обороны США; |
| Т. Блэр | — Премьер-Министр Великобритании; |
| Р. Кук | — Министр иностранных дел Великобритании; |
| Ж. Робертсон | — Министр обороны Великобритании; |
| Г. Шредер | — Канцлер ФРГ; |
| Й. Фишер | — Министр иностранных дел ФРГ; |
| Р. Шарпинг | — Министр обороны ФРГ; |
| Ж. Ширак | — Президент Франции; |
| Х. Салана | — Генеральный Секретарь НАТО; |
| У. Кларк | — Главнокомандующий Вооруженными силами НАТО в Европе, |

которые активно участвовали в подготовительных действиях к развязыванию агрессии, потворствовали и поддерживали сепаратистов и террористов, участвовали в обучении, вооружении, снаряжении и финансировании так называемой Армии освобождения Косова, развязали и вели информационную войну против Югославии, добились срыва мирных переговоров по урегулированию косовской проблемы, блокировали деятельность Совета Безопасности ООН, развязали и вели агрессивную войну против Югославии с применением запрещенных международным нравом методов и средств,

Трибунал обращает внимание на соучастие в преступлениях против мира других государств-членов и не членов НАТО, которые, хотя и не принимали непосредственное участие в военных действиях, но публично высказывались за вооруженное нападение на Югославию, предоставляли агрессору свою территорию и воздушное пространство, препятствовали доставке гуманитарной помощи страдающим народам Югославии.

Трибунал обращает внимание мировой общественности на действия К. Воллебека — Председателя ОБСЕ в 1999 г., Министра иностранных дел Норвегии — страны-члена НАТО, которому обоснованно должно быть предъявлено обвинение в преступлениях против мира, а именно — соучастие в разработке и подготовке к развязыванию агрессии, блокирование миротворческой миссии ОБСЕ.

Трибунал обращает также внимание на демонстративную бездеятельность Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, который устранился от участия в поисках разрешения кризиса в Косове и фактически пошел на сговор с блоком НАТО с тем, чтобы оправдать его преступные действия в Югославии, включая применение военной силы против суверенного государства без мандата на то Совета Безопасности ООН.

Трибунал обращает внимание на действия Международного Комитета Красного Креста, представители которого, вопреки своей обязанности наблюдать за неукоснительным соблюдением Женевских конвенций 1949 г. и протестовать против любых нарушений, с началом бомбардировок покинули Югославию.

Уставом Нюрнбергского трибунала установлено, что *"должностное положение подсудимых, их положение в качестве гав государств или ответственных чиновников*

*различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания".*

Никакие сроки давности не применимы к военным преступлениям, что зафиксировано в статье 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности 1968 года.

С учетом вышеизложенного и принимая во внимание бесчисленные страдания сербов, черногорцев, албанцев и других народов СРЮ, сознавая свою историческую ответственность перед грядущими поколениями славянских и иных народов, понимая необходимость решительного, ясного, четкого и жесткого осуждения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности, Международный Общественный Трибунал по преступлениям НАТО в Югославии выносит Обвиняемым в связи с содеянным ими следующий *ВЕРДИКТ.*

1. Признать преступной по своим целям и практической деятельности Организацию Северо-Атлантического Договора (НАТО).

2. Потребовать от 19 правительств стран, входящих в блок НАТО, безотлагательного роспуска этой преступной организации.

3. Инициировать в ООН срочное принятие резолюции Генеральной Ассамблеи, осуждающей действия НАТО в отношении Югославии в период с 23 марта по 10 июня 1999 года, и позицию генерального секретаря ООН Кофи Аннана, с целью добиться его отстранения от должности.

4. Квалифицировать деяния Клинтона, Олбрайт Коэна, Блэра, Кука, Робертсона, Шредера, Фишера, Шарпинга, Ширака, Ведрина, Рошара, Соланы, Кларка, Воллебека в связи с фактом агрессии НАТО против Югославии как действия заговорщиков и преступников, имеющих цель разрушить послевоенное устройство мира и установить всемирный диктат США с использованием военной силы НАТО.

5. Предложить правоохранительным органам государств, входящих в ООН, в соответствии с процедурой, предусмотренной соответствующим национальным уголовно-процессуальным законодательством, возбудить уголовные дела в отношении указанных лиц по признакам геноцида сербского и других народов Югославии и международных преступлений, установленных в ходе заседания настоящего Трибунала.

6. Потребовать от стран-членов НАТО возмещения экономического и морального ущерба, ущерба, нанесенного культурным и историческим памятникам, образовательным и научным учреждениям, здоровью людей, ущерба, нанесенного военной агрессией народам СРЮ, в сроки, обеспечивающие быстрейшее восстановление разрушений и освобождения народов Европы от техногенной катастрофы как следствия военной агрессии блока НАТО против Союзной Республики Югославии.

7. Трибунал отвергает как не нашедшее подтверждение и квалифицирует как надуманные обвинения СРЮ и ее руководства в этнических чистках в Косово и Метохии.

8. Трибунал особо подчеркивает уклонение Гаагского Международного Трибунала по бывшей Югославии от своей прямой обязанности привлечь к ответственности указанных выше международных преступников блока НАТО и их пособников в связи с содеянными актами вооруженной агрессии, чудовищного насилия над мирным населением СРЮ и грубого нарушения многочисленных принципов и норм международного права.

9. Трибунал отмечает странную позицию системы органов ООН (прежде всего, Комиссии по правам человека), а также ОБСЕ и Совета Европы, хотя и призванных заниматься проблемами защиты прав человека, однако, полностью игнорировавших массовые жертвы и насилия НАТО над мирным населением СРЮ. Это особо контрастирует с их активностью по защите террористических

бандформирований в Чечне (Россия). Получается, что указанные органы потворствуют названным выше международным преступниками и террористам, а сказать проще — подчинены им. Для дела мира это опасно.

10. Трибунал отмечает также опасную позицию Европейского Союза в качестве прямого пособника НАТО, что нашло свое выражение как в конкретной политике этого Союза, так и в назначении на должность госсекретаря Союза военного преступника и террориста Х. Соланы.

11. Трибунал обращает внимание на то, что и после 10 июня 1999 г. США и страны НАТО продолжают свою противоправную деятельность в отношении Союзной Республики Югославии, прикрываясь на этот раз миротворческой миссией ООН, и считает такую деятельность преступной.

Председатель Трибунала М.Н. Кузнецов
Заместитель Председателя Э.С. Кривчикова
Члены Трибунала:
Андрес Криста
Ачалова В.А.
Георгадзе П.И.
Ильин Ю.Д.
Кригер Барбара
Мухаммад Хасан
Рихтер Вольфганг
Ромащенко В.И.
Севастьянов В.И.
Сильвано де ла Роза
Станишич Йоле
Платонов О.Д.

# САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ОТДЕЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

*(Отчет о конференции в Дипломатической Академии МИД России, состоявшейся 12—14 июля 2000 г.)*

С 12 по 14 июня 2000 г. в Москве, в Дипломатической Академии МИД РФ, прошла конференция экспертов-юристов стран СНГ по проблеме самоопределения и отделения в современном международном праве. Она явилась одной из нескольких региональных конференций по этой теме, проводимых по инициативе Женевского Консорциума по мирному решению международных споров. Организацию конференции взяло на себя руководство Дипакадемии МИД РФ совместно с Российской ассоциацией международного права (РАМП). На конференции присутствовало 63 участника, включая представителей печати. СНГ было представлено специалистами Украины, Белоруссии, Молдавии, Армении и Узбекистана. В основном, выступающими оказались представители российских вузов. Участники форума не выражали официальной позиции представляемых структур и государств. Полемика велась с учетом их собственного видения проблемы. Несмотря на небольшое число участников, конференция была международной и оказалась все же достаточно продуктивной. Целью собрания было обсуждение проблемы самоопределения и отделения в правовом поле.

На конференции обсуждались следующие вопросы: понятие самоопределения народов и отделения; принципы и нормы международного права, применимые к настоящей проблеме; соотношение принципа самоопределения народов с другими принципами международного права (уважения суверенитета государств, невмешательства, неприменения силы, уважения прав человека и др.); правомерность постановки вопроса об отделении; правовые рамки и условия, которые должны соблюдаться при отделении; урегулирование споров и конфликтов, возникающих при попытках реализации права на самоопределение; отделение и роль международных организаций и третьих государств; концепция так называемой "гуманитарной интервенции".

Открыл конференцию ректор Дипломатической Академии МИД РФ **Ю.Е. Фокин.** Во вступительной речи докладчик указал на важность и актуальность поставленной проблемы. Любое ее недопонимание или неправильное толкование, сказал он, зачастую лежит в основе внутриполитических конфликтов, даже гражданских войн, а также обострений международных отношений в целом. Существует эта проблема и в странах СНГ. Оратор призвал участников с должным вниманием отнестись к поставленной проблеме и пожелал плодотворной работы.

Председательствовал на конференции президент Российской Ассоциации международного права профессор **А.Л. Колодкин.** Поблагодарив организаторов и присутствующих за принятие приглашения и участие, он продолжил речь об успешной работе РАМП, о все более возрастающей роли международного права в процессах мирного урегулирования конфликтов и в области защиты прав человека в целом. Он выразил надежду, что впредь все конференции и семинары, в особенности, касающиеся прав человека, должны проводиться с учетом и соблюдением норм международного права, и указал на необходимость неукоснительного соблюдения международного правопорядка, подчеркнув, что примат норм международного права должен быть как де-юре, так и де-факто, что любое государство, предпринимая даже внутриполитический шаг, должно в первую очередь знать, разрешено ли это с позиций международного права или нет. "Поэтому мы огромное внимание должны уделить в предстоящей работе отработке именно международно-правовой аргументации...", — завершил выступление А.Л. Колодкин.

Доклад профессора **С.В. Черниченко**, директора Центра международного

права и гуманитарных проблем Дипломатической Академии, стал основополагающим по данной теме. Напоминая, что право на самоопределение относится к главным принципам международного права, он поставил вопрос о соотношении права народов и права наций на самоопределение. Никто не высказывал возражений, что субъектом права на самоопределение должен являться народ, так как именно народ не включает общность языка, в отличие от нации, что позволяет воспользоваться этим правом значительно большему кругу лиц. Это позволяет в большей степени охранять и гарантировать права меньшинств и говорит о большей демократичности данного принципа. По мнению С.В. Черниченко, право на самоопределение существует только в четырех следующих случаях: а) если это право относится к народам, проживающим на неуправляемой территории; б) если это право закреплено в конституции государства, на территории которого проживает данный народ; в) в отношении народов, которые были аннексированы после 1945 г.; г) в отношении к народам, проживающим на территории государства, которое не соблюдает и не гарантирует закрепленного права на самоопределение и отделение. "Довольно сложным является вопрос о выявлении воли народов при возникновении вопроса о самоопределении и реализации права на самоопределение. Международно-правовых рецептов для решения данной проблемы нет", — подытожил выступающий.

Интересные взгляды высказал директор Информационного центра ООН в Москве **А.С. Горелик**: "Право на самоопределение — это не столько правовая норма, сколько политический принцип, и оно используется в рамках этнической чистки государств". Относительно данного права позиция Александра Горелика нашла выражение в трех изложенных им пунктах: а) отделение не должно поощряться; б) отделение должно иметь место, когда ярко выражена воля большинства; в) отделяемая территория должна гарантировать права меньшинства. Бесспорен тот факт, что "необходим конкретно прописанный механизм регулирования процесса реализации права на самоопределение", однако, предложение создать в качестве посредника-наблюдателя третейский суд, или возложить задачу посредничества и контроля над этим процессом на Комиссию по правам человека стало предметом горячей дискуссии. Большинство было против последних пунктов, считая, что непосредственно государство должно решать эти вопросы.

Далее в ходе конференции выступали член-корреспондент РАН, **Г.Б. Старушенко**, доктор юридических наук **М.И. Лазарев**, представители МГИМО-Университета, МГЮА, РУДН, Академии ФСБ, Института государства и Права и других вузов г. Москвы и вузов стран СНГ, представители МИД России.

Весьма ощутимый вклад в работу конференции внесли члены кафедры международного права МГИМО-Университета заведующий кафедрой, профессор **Ю.М. Колосов** и профессор **Ю.А. Решетов**. Их доклады отличались четкостью, логичностью, актуальностью, профессиональным подходом к проблеме, а их замечания и предложения в ходе полемики в большинстве случаев находили поддержку и согласие со стороны участников конференции. Проблемные вопросы поставил профессор **Ю.А. Решетов**. Основываясь в своем докладе на разработанном по инициативе общественного фонда "Гласность" проекте Конвенции о праве народов на самоопределение*, он указал на две основные трудности, связанные с принятием такого документа.

Вот эти трудности: а) Каковы формы реализации права народов на самоопределение и, самое главное, являются ли требования об отделении от государств имманентной формой такого права и, если ответ на этот вопрос отрицательный, когда такие требования становятся обоснованными с точки зрения современного международного права. б) Каковы субъекты права народов на самоопределение

* Проект этой Конвенции с комментарием проф. Ю.А. Решетова см. в № 3 нашего журнала за 2000 год. (Прим. ред.).

и, в частности, являются ли ими национальные меньшинства. "Реализация различных форм права народов на самоопределение должна быть направлена, прежде всего, на всеобщее уважение и соблюдение прав человека. В этой связи необходимо обеспечивать права меньшинств и коренных народов. Считая, что все государства созданы с нарушением права на самоопределение, **Ю.А. Решетов** полагает, что эта проблема фактически не будет решена еще в ближайшие 20—30 лет.

Активными участниками мероприятия были также доцент Ереванского Государственного Университета **В.В. Кочарян**, автор книги "Самоопределение в международном праве", профессор **Г.М. Мелков** из МГЮА, профессор **А.Я. Капустин** из РУДН и другие.

В итоге большинство мнений сводилось к следующему. Право на самоопределение и отделение, как его неотъемлемый элемент, не утратили своего значения с завершением "колониальной эпохи" и относятся к главным принципам международного права, что должно быть неизменным. Несмотря на то, что самоопределение тормозит процесс интеграции, право на него должно быть закреплено не только в международных документах, но и в конституции каждого государства, что будет свидетельствовать о демократичности государственной власти и защите прав народа, проживающего на территории данного государства. Самоопределение должно идти только по демократическому пути.

Необходимо разработать и принять универсальный документ международного характера, содержащий понятие и определение терминов "народ", "самоопределение" и "отделение", основополагающие принципы процесса реализации права на самоопределение, вопрос признания отделившихся государств. Единогласие было в том, что третьи государства не имеют права вмешиваться в процесс реализации народом права на самоопределение. "Гуманитарная интервенция" критике не подлежит, в случае несоблюдения государством международно-правовых предписаний, международные организации имеют право вмешаться, но необходимости в создании посреднических органов нет. Каждое государство должно следовать этому международному пакту, но свои дальнейшие правила процедуры в области этого вопроса — это только прерогатива государства и его исключительная сфера деятельности. В целом весь процесс должен регулироваться нормами международного права.

Руководствуясь результатами двухдневной дискуссии, созданная рабочая группа разработала проект выводов и рекомендаций конференции. На третий, заключительный день этот проект был зачитан и принят с некоторыми исправлениями. Окончательный текст выводов и рекомендаций, после дополнительной отработки терминологии самими участниками конференции, публикуется ниже.

В целом конференция прошла успешно. Как заметил в заключительной речи ее председатель, профессор **А.Л. Колодкин**, "мы выполнили поставленную задачу, не пускались в бесконечные дискуссии неправового характера, обсуждали вопросы четко и логично, следовали принципу отшлифовки международно-правовой аргументации".

Выразив надежду на то, что все участники встретятся в сентябре этого года на конференции по проблемам Мирового океана, он поблагодарил всех за участие и объявил конференцию закрытой.

**А.В. Сендов,**
наш корр.

*Отчет поступил в редакцию в июле 2000 года.*

# Выводы и рекомендации конференции независимых экспертов-юристов стран — членов СНГ "Проблема самоопределения и отделения в современном международном праве"

**12—14 июля в Москве состоялась конференция независимых экспертов-юристов стран-членов СНГ "Проблема самоопределения и отделения в современном международном праве". Она явилась одной из нескольких региональных конференций по этой теме, проводимых по инициативе женевского Консорциума по мирному решению международных споров. Выводы и рекомендации конференции сводятся к следующему.**

## I

Конференция исходит из того, что принцип равноправия и самоопределения народов — один из основных принципов современного международного права, неразрывно с ними связан, должен толковаться в контексте остальных основных принципов и не может им противопоставляться.

Согласно указанному принципу, закрепленному в Уставе ООН, содержание которого раскрыто в ряде международных документов (Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам от 14 декабря 1960 г., Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 г., Венской декларации и Программе действий от 25 июня 1993 г. и др.):

а) каждый *народ* имеет право на самоопределение;

б) это право признается всеми государствами;

в) оно должно осуществляться путем свободного волеизъявления народа, без какого бы то ни было вмешательства извне;

г) оно предусматривает возможность выбора между

- так называемым внутренним самоопределением, т.е. получением статуса субъекта федерации, автономией и другими формами самоуправления в рамках существующего государства,
- отделением данного народа с созданием собственного государства,
- или отделением данного народа с вхождением его на тех или иных условиях в другое государство,

т.е. выбор политического статуса, в том числе и выбор формы государства (формы правления, государственного устройства, политического режима);

д) оно включает в себя также право свободно обеспечивать свое экономическое, социальное и культурное развитие.

## II

Конференция напоминает, что современное международное право не санкционирует и не поощряет какие-либо действия, которые вели бы к расчленению и к частичному или к полному нарушению территориальной целостности или политического единства государств, обладающих принципами равноправия и самоопределением народов. Отделение не является обязательным элементом реализации права на самоопределение. Оно не должно осуществляться вне рамок права на самоопределение. Национальные, этнические, языковые и религиозные меньшинства не имеют права на отделение.

Согласно толкованию, признанному в практике ООН и опирающемуся, в частности, на Декларацию 1970 г. и Венскую декларацию и Программу действий 1993 г., отделение допускается в следующих случаях:

а) если оно относится к народам территорий, подлежащих деколонизации (в настоящее время это положение утратило прежнее значение в связи с тем, что процесс деколонизации практически завершен);

б) если оно предусмотрено в конституции (или ином законе) соответствующего государства;

в) если территория, на которой проживает определенный народ, подверглась аннексии после 1945 г.;

г) если какие-либо народы проживают на территории государства, не соблюдающего в соотношении этих народов принцип равноправия и самоопределения народов и не обеспечивающего представительство всех слоев населения без какой бы то ни было дискриминации в органах государственной власти.

## III

Конференция считает, что приведенные выше положения дают возможность сформулировать следующие, вытекающие из них выводы:

1. Государство не должно прибегать к применению вооруженной силы, если вопрос о самоопределении ставится без нарушения конституционного порядка. Государство, однако, вправе прибегать к адекватному применению силы, включая применение вооруженной силы, если при постановке вопроса о самоопределении нарушается конституционный порядок и используется насилие.

2. При возникновении вопроса о самоопределении и реализации права на самоопределение в любом случае должны соблюдаться общепризнанные нормы в области прав человека.

3. В случае чрезвычайного положения или вооруженного конфликта международного или немеждународного характера возможны отступления от международных обязательств в области прав человека в пределах и в порядке, установленных конституцией государства и соответствующих нормам международного права.

4. Акции, направленные против терроризма и наемничества, используемых под предлогом борьбы за самоопределение, должны осуществляться в соответствии с законами государства и нормами международного права.

5. Государства, создаваемые в нарушение принципа равноправия и самоопределения народов, не должны признаваться в качестве субъектов международного права.

6. Без санкции Совета Безопасности ООН вооруженное вмешательство со стороны третьих государств в конфликт, связанный с борьбой за отделение вооруженным путем, недопустимо.

7. Государство вправе защищать свой суверенитет, территориальную целостность и политическое единство (в рамках своего конституционного порядка и с соблюдением своих международных обязательств) против любых противоправных действий, совершаемых под предлогом реализации права на самоопределение.

## IV

Конференция обращает внимание на то, что противоречивость норм современного международного права, относящихся, с одной стороны, к территориальной целостности государств и, с другой стороны, к праву на самоопределение, иногда преувеличивается. В целом эти нормы достаточно последовательны и образуют достаточно логичную и сбалансированную систему, однако, они зачастую рассредоточены по различным международным документам. Конференция считала бы в связи с этим целесообразным отразить их в одном документе, сделав это с учетом вышеприведенных выводов.

# Международная частноправовая практика юридической фирмы "ММЦП & К°"

## СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В НИДЕРЛАНДАХ ПО ИСКУ О ВЗЫСКАНИИ ДОЛГА С КРУПНОГО РОССИЙСКОГО БАНКА

Кризис августа 1998 г. создал весьма своеобразную ситуацию в экономике России. В условиях коллапса в банковском секторе некогда самые процветавшие из них оказались неспособными справиться с "волной" требований бегущих с рынка инвесторов. Неплатежеспособность заставала банки в самых различных ситуациях. Удивительно то, что разрушались наиболее крупные из них, вложившие свои активы благодаря нормативной стимуляции Банка России в государственные краткосрочные облигации (далее — ГКО). Тяжелое положение банков носило отчасти искусственный, отчасти закономерный характер. Банки сами пытались спасти свои активы, т.к. бремя кризиса и финансовой паники было возложено на них совершенно незаслуженно: вместо введения всеобъемлющего моратория на расчеты Правительство РФ ограничилось лишь наложением для резидентов ограничений по совершению валютных операций, связанных с движением капитала и мораторием на осуществление выплат по возврату финансовых кредитов, полученных от нерезидентов, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг, на выплаты по срочным валютным контрактам. Тем самым "волна" "внутренних" требований была направлена на, казалось бы, наиболее устойчивые российские предпринимательские структуры, допущенные к приобретению ГКО.

За такими событиями закономерно последовали споры и судебные процессы, в которых кредиторы российских банков стремились получить хотя бы часть своих активов. Этим определялись возникшие на ограниченный отрезок времени нестандартные предпринимательские условия и, если угодно, "новые правила игры", в которых было необходимо сделать все возможное для сохранения своего имущества и удержания своей позиции на рынке в качестве платежеспособного субъекта.

Предпринятые Правительством РФ в августе 1998 г. меры затронули, в основном, иностранные банки, которые были выведены за рамки ситуации и дожидались своих выплат в "хвосте" очереди, в то время как многие другие иностранные компании не ограничивались в правах и могли действовать наравне с российскими кредиторами. В таких условиях юристы, обслуживающие крупный бизнес, должны были проводить сложную и трудоемкую работу, особенно в

промежуток времени до возбуждения дела о банкротстве и отзыва лицензий у российских банков, используя любую нестандартность ситуации для получения, насколько это было возможно, эквивалентного удовлетворения по денежным требованиям своих клиентов. На этот период приходится ряд интересных случаев из практики международной юридической фирмы "ММЦП & К°". Некоторые иностранные клиенты (далее — "Клиенты") обратились к нам за советом и содействием в деле спасения их финансовых средств, переданных банкам, входившим в группу "СБС-Агро".

## ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Как известно, до кризиса августа 1998 г. банковские ставки в России, стране с более высокой нормой прибыли, были для Клиентов выгоднее по сравнению с банковскими ставками в других странах. При этом такой банк как "СБС-Агро", крупная кредитная организация с наиболее развитой филиальной сетью в России, предлагал иностранным лицам разместить их депозиты в его дочернем банке в Нидерландах (далее — "Дочерний банк" или "Ответчик"), все акции которого принадлежали самому банку "СБС-Агро" (далее — "СБС-Агро"). Средства, положенные на депозит, переводились в Россию, а высокий процент выплачивался вкладчикам Дочерним банком в Нидерландах. Таким образом, в сфере банковских услуг в Нидерландах Клиенты получали один из самых высоких процентов по вкладам, риск утраты которых, казалось бы, в государстве с развитыми европейскими стандартами правовой защиты и исполнения судебных решений был незначительным.

Во всем этом, однако, присутствовала одна тонкость: в договоре депозита (далее — "Договор") имелись так называемые залоговые оговорки о том, что права требования Клиентов к Дочернему банку о возврате средств закладываются ими как третьими лицами в обеспечение обязательств "СБС-Агро" перед Дочерним банком, возникающих в результате направления финансов Клиентов на счета "СБС-Агро" в России. В юридическом плане предполагалось, что Дочерний банк вместо того, чтобы взыскивать с "СБС-Агро" свою задолженность, мог удовлетвориться за счет заложенных требований Клиентов (ниже также именуемых "Истцы"). В результате такой операции в случае получения Дочерним банком удовлетворения за счет Клиентов имел место переход прав требования к "СБС-Агро" от Дочернего банка к Клиентам или, иными словами, суброгация[1]. Таким образом, структура взаимоотношений сторон была направлена на выбытие Дочернего банка из обязательств в случае, когда у "СБС-Агро" возникают денежные затруднения. Выгодная для обоих банков схема содержала юридический подвох для Клиентов, доверившихся надежности Дочернего банка, который на самом деле мог попытаться легко избежать ответственности за возврат вкладов. После кризиса августа 1998 г. стало понятно, что получить от "СБС-Агро" средства в размере 9 миллионов долларов США (предоставленные Дочернему банку Клиентами) у этого банка было мало шансов, т.к. "СБС-Агро" в принципе, вряд ли, был способен вернуть себе платежеспособность.

## АНАЛИЗ ДЕЛА И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ

В сложившейся ситуации несложно было понять, что с практической точки зрения судебного разбирательства требования Клиентов, обращенные к Дочернему банку, выглядели более перспективными, чем претензии о возврате депозитных средств, адресуемые "СБС-Агро" в Москве, т.к. последний находился в положении несостоятельности, которое закономерно должно было повлечь конкурсное производство. Требования Клиентов попадали в "пятую", общую очередь. В структуре отношений с "СБС-Агро" Клиенты должны были выступать в качестве кредиторов в результате имевшей место суброгации. При этом было очевидно, что, несмотря на ранее имевший место залог, Клиенты никак не могли

считаться залоговыми кредиторами, составляющими третью очередь требований. То обстоятельство, что Клиенты не имели прямых договорных отношений с "СБС-Агро", являлось далеко не благоприятным, а было чревато тем, что претензии кредиторов вообще могли бы быть не признаны в качестве "установленных требований" арбитражным управляющим. Кроме того, Клиентам необходимо было доказать, что Договор имел юридические последствия, что обращение взыскания на заложенные права требования действительно произошло, что суброгация, регулируемая правом Нидерландов, действительно имела место и т.д. Но даже если бы претензии Клиентов и включили в реестр требований, они с этого момента исчислялись и подлежали бы выплате в рублях, тогда как рублевый курс был тогда неустойчивым и имел неблагоприятные перспективы. Но и такой способ удовлетворения вовсе не гарантировал реальное возмещение понесенных Клиентами убытков. На самом деле Клиенты, скорее всего, могли претендовать только на пропорциональную часть тех выплат, которые, возможно, причитались бы всем кредиторам "пятой" очереди после удовлетворения имущественных претензий всех кредиторов предыдущих очередей. Иными словами, должно было произойти чудо, чтобы участие в процессе в Москве имело бы хоть какой-то более или менее приемлемый для Клиентов реальный результат.

Не таким безнадежным выглядело требование из Договора к Дочернему банку. В данном случае размер и основание долга, а также величина процентов являлись вполне определенными и устанавливаемыми. Кроме того, требования к Дочернему банку могли быть эффективно осуществлены в Нидерландах. В сложившейся ситуации, в соответствии с основным принципом подсудности споров судам по месту нахождения Ответчика, компетентным в отношении данного дела являлся суд Амстердама.

Однако, Клиенты могли бы претендовать на успех, только если бы удалось нейтрализовать неизбежное возражение Дочернего банка о том, что к моменту заявления иска он в силу реализации своего залогового права выбыл из правоотношений и не является ни должником перед Клиентами, ни кредитором по отношению к "СБС-Агро". Поэтому юристами международной юридической фирмы "ММЦП & К°" особенно тщательному анализу были подвергнуты текст Договора и обстоятельства его заключения и исполнения.

Проводимое исследование мыслилось, конечно, как сугубо предварительное и общее, основанное на презумпции схожести цивилистических принципов российского и нидерландского права, принадлежащих континентальной правовой семье, с пониманием, конечно, того, что банковская деятельность в развитых странах подвергается регулированию специальным законодательством, основанном, в том числе, на всестороннем учете обычаев и обыкновений банковской практики.

По мнению специалистов международной юридической фирмы "ММЦП & К°", залоговая конструкция в правоотношениях имела такие юридические недостатки, которые позволяли настаивать на ничтожности либо отсутствии заключения соглашения о залоге. Независимо от вышесказанного, перспективными выглядели и доводы о том, что Договор, на самом деле, не был исполнен в части, касающейся залога, ни залогодержателем (Дочерним банком), ни залогодателями (Клиентами). Следовательно, один из аргументов должен был состоять в том, что суброгация, переход прав требований от Дочернего банка к Клиентам, в правовом смысле не состоялись. Так, в соглашении о залоге как части Договора отсутствовала оценка предмета залога. Права требования на общую сумму в 9 миллионов долларов США с указанием на сроки и проценты представляли собой лишь описание предмета залога, в то время как его оценка не приводилась. Например, заложенные права требования на величину X обычно оцениваются стоимостью ниже X, т.к. в рыночных условиях принимаются во внимание сроки требования, его реализуемость, что зависит от личности долж-

ника, его репутации, платежеспособности, а также соотношения процентов с уровнем инфляции. По этой причине обычно имеет место оценка прав требования ниже их номинального размера.

Далее являлось важным отметить то, что отсутствовала ясность по поводу того, какую сумму после реализации залога в соответствии с его оценкой требовалось бы, например, вернуть залогодателям, т.е. Клиентам, или, наоборот, в какой части основное требование Дочернего банка к "СБС-Агро" являлось бы не покрытым. Все это могло свидетельствовать в пользу того, что соглашение о залоге юридических последствий не влекло.

Кроме того, анализ текста Договора позволял видеть еще один изъян во всей структуре отношений между Клиентами, Дочерним банком и "СБС-Агро". Так, основное обязательство, обеспечиваемое залогом, существовало между "СБС-Агро" как должником и Дочерним банком как кредитором, причем последний принадлежал первому на 100 %, а также подчинялся и был подотчетным ему. Таким образом, имелись также и некоторые признаки притворности сделки между "СБС-Агро" и Дочерним банком. При такой структуре взаимоотношений Клиенты могли утверждать, что они должны были сохранить права требования к самому Дочернему банку.

Представлялось также перспективным опровергать утверждения Дочернего банка о том, что действительно произошла перемена лиц в обязательстве и что суброгация на самом деле имела место. Прежде всего, Клиентам не было представлено никаких данных о том, что на права требования Клиентов как предмет залога было обращено взыскание, и что в результате залогодержатель — Дочерний банк — получил удовлетворение, равное размеру претензий к "СБС-Агро". В соответствии с регулированием залоговых отношений предмет залога должен был предлагаться для продажи третьим лицам, а не обращаться в собственность залогодержателя в результате его одностороннего волеизъявления. Если надлежащие процедуры не были осуществлены, появлялось основание говорить о том, что Клиенты тем более не утратили права требования к Дочернему банку.

Наконец, Договор, в соответствии с которыми Клиенты предоставили свои денежные средства Дочернему банку, представлял собой заполненный проформу самого Дочернего банка. Между тем, при неясности текста таких договоров присоединения или их двусмысленности они должны толковаться в пользу стороны, которой они предлагаются для подписания.

Все указанные выводы были сообщены в качестве результатов предварительного анализа постоянному партнеру "ММЦП & К°" в делах на территории Нидерландов, юридической фирме "Kennedy Van der Laan" из Амстердама. В дальнейшем они были положены в основу исковых требований Клиентов к Дочернему банку.

## ХОД РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА

Исковое заявление было подано в коммерческий суд Амстердама. В обеспечение требования на корреспондентский счет Дочернего банка в Центральном банке Нидерландов был наложен арест. В силу несложности обстоятельств дела и, *prima facie,* бесспорности претензий Истцов, суд назначил так называемое "ускоренное производство" *(summary proceeding),* в котором судебное решение выносится в короткие сроки, но носит такой характер, что любые новые сведения, представляемые ответчиком, могут привести к такой же оперативной его отмене, либо его изменению.

Уже через два дня представители Ответчика обратились в суд с двумя ходатайствами: об отмене ареста денежных средств, находящихся на корреспондентском свете, и о предоставлении Истцами (являвшимися в Нидерландах иностранными лицами) обеспечения возможных убытков Ответчика, которые

возникнут в результате судебного процесса против Дочернего банка с использованием юридически несостоятельных доводов и неправомерных претензий. Ответчик аргументировал неадекватность и несоразмерность такой меры, как арест средств на корреспондентском счете, характеру претензий Истцов. Ответчик настаивал на том, что такое блокирование денежных средств парализует всю его работу, в то время как существо дела сводится к требованиям лишь нескольких его клиентов. Возражения Ответчика были восприняты судом, и он отменил арест. Вместе с тем, суд отказал в удовлетворении второго ходатайства о принятии мер по обеспечению возмещения возможных убытков Дочернего банка. Суд мотивировал свой отказ тем, что после снятия ареста основной фактор возможности возникновения убытков устраняется.

Несколькими днями позже состоялось слушание по существу в рамках ускоренного судопроизводства. Сотрудники международной юридической фирмы "ММЦП & К°" в силу особенностей процессуального права Нидерландов не могли выступать представителями Истцов, но они являлись свидетелями многочасовых судебных прений и заседаний на голландском языке, с синхронным английским переводом, в которых представлялись и обсуждались их аргументы, положенные в основу исковых требований. Ответчика представляли лучшие адвокаты Нидерландов. Они отстаивали тезисы о ненадлежащем ответчике и о действительности соглашения о залоге. Адвокаты Ответчика утверждали, что залог прав требования Клиентов в обеспечение долга "СБС-Агро" перед Дочерним банком является обычным в данной сфере деловой практики. Далее адвокаты говорили об особенностях такого рода конструкций как минимально формализированных и оперативно исполняемых финансовых инструментов. В обоснование своей позиции адвокаты проводили параллели со срочными финансовыми сделками, заключаемыми, в том числе, посредством Интернета и электронных сообщений. Утверждалось, что кредитные организации, будучи заинтересованными в максимально эффективной и не стесненной циркуляции своих безналичных финансовых средств, в возможности переводить и зачислять деньги с максимальной скоростью и оперативностью внутри мировой банковской системы, сами создают правила проведения операций, свободные от каких-либо препон. Представители Ответчика заявили о том, что если бы права требования реализовывались посредством торгов или аукциона, сама суть операции имела бы небанковский характер. В свою очередь, представители Истцов возражали против использования подобных рассуждений, указывая на то, что спорный Договор создавал правоотношения отнюдь не между банками, а между Дочерним банком и Клиентами, и они должны регулироваться, в первую очередь, Гражданским кодексом Нидерландов.

Далее представителями Истцов было указано на то, что для того, чтобы исходить из существования устоявшегося порядка отношений в банковской практике, необходимо выявить существование обычая, его единообразное понимание, который не мог не быть указан в обзорах или пособиях по банковской практике. Вместе с тем, ничего подобного Ответчик в качестве доказательств не представил.

Адвокаты Ответчика утверждали о следующем: Истцы знали о характере сделки, а также не могли не видеть из текста Договора то, что в определенных случаях они должны были адресовать свои претензии "СБС-Агро" в Москве, и что, кроме того, в силу передачи прав требования в залог, их следует считать временно утратившими владение такими правами. Далее адвокаты Ответчиков заявляли, что прежде чем обращаться с требованиями о выплате долга, следует сначала получить эти требования назад, а этого Истцами сделано не было.

Юристы международной юридической фирмы "ММЦП & К°"совместно с адвокатами Истцов подготовили возражения на этот счет. В ответных доводах говорилось о том, что при передаче прав требования в залог о переходе прав,

даже временном, речь идти не может, т.к. в этом случае обязательства Дочернего банка прекратились бы ввиду его совпадения как должника и кредитора в одном лице. Далее, Истцы не подписывали никакие отдельные бумаги о непосредственной передаче прав требования, а Договор устанавливал лишь залоговое обременение таких прав. И, наконец, Гражданским кодексом Нидерландов установлено диспозитивное правило о том, что заложенное имущество остается у залогодателя, если иное не предусмотрено договором залога. Между тем, Договор иное не предусматривал.

Тем не менее, в итоге суд принял сторону Ответчика и отказал в удовлетворении исковых требований ввиду, как это было объявлено, существующего порядка деловых отношений в межбанковской практике, имевшего конкретные правовые последствия для третьих лиц, т.е. для Истцов, которые утратили права требования к Ответчику в результате залоговой суброгации.

Однако до завершения судебного заседания представители Истцов по рекомендации международной юридической фирмы "ММПЦ & К°" заявили ходатайство о привлечении "СБС-Агро" (далее также "новый Ответчик") в качестве второго ответчика и о наложении ареста в Нидерландах на принадлежащие ему акции Дочернего банка. По своей стоимости, связанной с доходностью целой кредитной организации в Нидерландах, эти акции являлись тем имуществом, за счет которого требования Клиентов могли бы быть удовлетворены в полном объеме и с максимальной эффективностью. Суд отложил рассмотрение первого ходатайства, однако немедленно распорядился об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на акции в обеспечение требования к новому Ответчику.

## ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВА. ВЫНЕСЕНИЕ РЕШЕНИЯ

Следующее заседание суда началось с объявления определения о прекращении производства в отношении Дочернего банка. Далее суд опросил Истцов относительно сведений о характере присоединения России к Гаагской конвенции 1954 г. по вопросам гражданского процесса, содержащей правила о вручении судебных документов лицам, находящимся за границей[2]. Сотрудники международной юридической фирмы "ММЦП & К°" и голландские адвокаты, представлявшие интересы Истцов, были готовы к обсуждению этой проблемы. Дело в том, что в сложившихся обстоятельствах, несмотря на действие в отношениях между Россией и Нидерландами указанной Конвенции, для Истца было выгодно и оправданно настаивать на достаточности самого быстрого и неформализованного способа вручения "СБС-Агро" уведомления о предъявлении к нему иска, ввиду чего представители Истцов настаивали на необходимости обычного почтового уведомления либо "СБС-Агро", либо его представителя в Нидерландах. Кроме того, суду были представлены, впрочем, без особой надежды на успех, доводы о том, что решение нидерландского суда все равно будет исполняться только в Голландии, а не в России, где оно, так или иначе, не будет признано, поскольку между Россией и Нидерландами отсутствует международный договор по вопросам исполнения частноправовых судебных решений, тогда как его наличие является обязательным условием признания и приведения в исполнение в России любых иностранных судебных решений согласно Указу Президиума ВС СССР 1988 г. "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей", продолжающего действовать в РФ. При всем при этом международная юридическая фирма "ММЦП & К°" и представители Истцов исходили из того, что настаивать, например, на допустимости прямого обращения суда Нидерландов к соответствующему суду в России с просьбой о вручении судебных документов было бы с точки зрения конечного результата бесперспективным. Российские суды в вопросах отношений с иностранными лицами руководствуются регулированием еще конца 40-хх годов об обязательности получения такого рода документов через Министерство иностранных дел и Министерство юстиции

(если иное не предусмотрено международным договором). По этой причине российский суд вряд ли стал бы реагировать на письменный документ, пришедший напрямую из иностранного суда.

Изучив Гаагскую конвенцию 1954 г. по вопросам гражданского процесса, судья отклонил указанные доводы представителей Истца и пришел к выводу о том, что уведомление Ответчика должно быть осуществлено через дипломатические каналы. В связи с длительностью данной процедуры суд в дальнейшем несколько раз откладывал рассмотрение дела.

Наконец, спустя более полугода вручение уведомления было произведено одним из межмуниципальных судов г. Москвы, а уведомление об этом было доставлено в суд Амстердама. Такие сроки объясняются не какими-то особыми причинами, а исключительно практикой российских министерств, где любая официальная корреспонденция такого рода месяцами лежит на столе клерка-исполнителя в никем не разбираемой кипе подобных бумаг, и совсем не потому, что исполнитель занят, загружен другими неотложными делами, а лишь по причине того, что это продиктовано традиционным порядком рассмотрения подобной корреспонденции.

Отвлекаясь от основной темы, укажем на то, что такое положение дел не только демонстрирует неуважение российских властей к зарубежному правосудию, поскольку речь здесь идет о совершении несложных технических действий, предписанных международным договором. Оно также совсем не способствует правовому обеспечению международных экономических связей российских субъектов, мешает интеграции России в международный рынок и, в конечном счете, вредит ее образу в глазах всего мира. Удивительно, что подобный анахронизм так и не был ликвидирован в законодательстве России за 10 лет реформ. Оставляя в стороне плохую работу министерств, можно упомянуть и о том, что Россия является одной из немногих стран, которые путем оговорки при присоединении к упомянутой Гаагской конвенции продолжает практиковать сложную, щадящую российских субъектов процедуру длительного уведомления, оставшуюся в наследие еще от СССР. Очевидно, что представители международного делового мира в наименьшей степени будут склонны иметь дело с российскими юридическими лицами, если известно, как трудно привлечь их к судебному процессу, территориально более удобному для иностранного партнера, случись спор, требующий судебного вмешательства. На это можно возразить то, что у иностранного лица всегда есть возможность обратиться в суд в России. Однако нельзя забывать о том, что в определенном ряде случаев иностранный суд также может иметь юрисдикцию над российским ответчиком, либо его активами, в том числе, например, в силу соглашения с таким ответчиком. Кроме того, только иностранный судебный процесс при определенных обстоятельствах может быть подходящим для деловых отношений сторон или способным эффективно воздействовать на нарушившую свои обязательства сторону и предоставить действенную защиту нуждающемуся в этом лицу, терпящему убытки.

Однако вернемся к предмету настоящей статьи. После получения судом Амстердама уведомления о вручении "СБС-Агро" судебных документов дело было решено этим судом в течение одного заседания. Представители нового Ответчика на слушании не присутствовали и никакие отзывы по делу не представили. В итоге судом было вынесено решение в пользу Клиентов о взыскании с "СБС-Агро" основной суммы долга, банковских процентов и процентов за просрочку платежа, всего на сумму около 10 миллионов долларов США. А поскольку имущество "СБС-Агро" в виде акций Дочернего банка находилось в Нидерландах, исполнить это решение для Клиентов труда не составило.

## ВЫВОД

Настоящее дело дает возможность всем увидеть значение международных средств правовой защиты, правильное использование которых в огромной степени зависит от опыта и связей в юридическом мире, от плодотворных отношений с профессионалами из других стран, которые являются не просто источником клиентуры для юридических фирм в России, но и средством постоянной квалифицированной поддержки в делах последних за рубежом.

**Ю.Э. Монастырский,**
кандидат юридических наук
партнер международной юридической фирмы "ММЦП & К°"

---

[1] В российском праве такая ситуация именуется "переходом прав к другому лицу на основании закона" (статья 387 ГК РФ), однако, термин "суброгация" в данном случае также вполне применим: "Суброгация означает занятие третьим лицом, которое уплатило долг, места кредитора, которому оно его уплатило, так что оно может осуществлять против должника все права, которые кредитор, не получив платежа, мог бы предъявить" (Black's Law Dictionary. — St. Paul, Minn., West Group, Sixth edition, 1990, p. 1427).

[2] Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1996, № 1.

*Статья поступила в редакцию в июле 2000 года.*

# ИСТОРИЯ ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ В РОССИИ ОДНОГО ИЗ РЕШЕНИЙ АРБИТРАЖНОГО ИНСТИТУТА ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ СТОКГОЛЬМА

Отечественное регулирование вопросов признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений насчитывает уже несколько десятков лет. Вместе с тем, серьезное его развитие началось только несколько лет назад. Соответственно, на этом пути российское право ожидает большое количество сложностей и проблем, разрешать которые призваны, в первую очередь, государственные суды.

В этой связи достаточно большой интерес вызывает история приведения в исполнение в России одного из решений Арбитражного Института Торговой Палаты Стокгольма (далее также именуемого "Арбитражный Суд"), демонстрирующая многие острые проблемы российского регулирования в этой сфере. Данная история демонстрирует, с какими неожиданностями могут столкнуться в России попытки добиться признания и приведения иностранных арбитражных решений в исполнение, причем в ситуациях, на первый взгляд, достаточно простых. Более того, она является наглядным примером того, какие сложные юридические вопросы возникают при признании и приведении таких решений в исполнение. Наконец, эта история является уникальной еще и в том плане, что все без исключения юрисдикционные органы, в ней участвовавшие, допустили достаточно серьезные правовые неточности.

Международная юридическая фирма "ММЦП & К°" в лице одного из партнеров принимала участие в этом деле, и ей удалось внести существенный вклад в благоприятный исход спора для стороны — крупного российского внешнеэкономического объединения, — требовавшей приведения в исполнение в России решения Арбитражного Суда.

Следует отметить, что приводимое ниже описание такого приведения в исполнение в одном из своих аспектов уже являлось предметом анализа автора настоящей статьи[1]. Однако вся эта история является настолько интересной и поучительной, что ей еще раз следует уделить внимание, причем в отношении уже иных аспектов, и внимание более тщательное. Соответственно, далее будут рассматриваться вопросы, ранее автором в предшествующей его статье не анализировавшиеся (впрочем, это не исключает того, что те или иные моменты из последней будут повторены ниже еще раз).

## 1. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

Решение Арбитражного Суда (в составе его членов была представлена и Россия), о котором пойдет речь ниже, было вынесено по следующему делу: 24 июня 1992 г. российское юридическое лицо и шведская компания заключили на территории России договор, названный "кредитное соглашение", согласно которому российскому юридическому лицу был предоставлен заем в валюте Швеции. В связи с нарушением заемщиком своих обязательств шведская компания в соответствии с арбитражной оговоркой в кредитном соглашении обратилась в Арбитражный Суд.

Возражая против требований истца, ответчик, в частности, утверждал, что при заключении кредитного соглашения было нарушено обязательное для него Постановление Совета Министров СССР № 122 от 14 февраля 1978 г. "О порядке подписания внешнеторговых сделок" (далее также именуемое "Постановление 1978 г.")[2]. Данное Постановление устанавливало особую процедуру оформления внешнеторговых сделок, совершаемых *"советскими организациями"*, в виде подписания их всегда двумя лицами, занимающими определенные должности в соответствующей организации. Следует отметить, что согласно статье 45 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. (действовавшей до 1 января 1995 г.) несоблюдение этого предписания влекло недействительность внешнеторговой сделки. При этом по смыслу этого Гражданского кодекса такая сделка являлась не оспоримой, а ничтожной. Постановление 1978 г. неоднократно применялось на практике Внешнеторговой арбитражной комиссией при ТПП СССР, и соответствующие сделки признавались недействительными[3].

Попутно следует отметить, что согласно российскому праву на территории России акты органов Союза ССР продолжают применяться, но только если их действие не приостановлено или если они не противоречат российскому законодательству, принятому позднее[4].

Формально Постановление 1978 г. в России не приостанавливалось и не отменялось. Однако ввиду отказа в России от монополии внешней торговли еще в 1991-1992 гг. в российском праве на уровне доктрины, а также в практике Арбитражного суда (затем переименованного в "Международный коммерческий арбитражный суд") при Торгово-промышленной палате РФ была сформулирована точка зрения, согласно которой указанное Постановление утратило силу как противоречащее последующему законодательству России (государственные суды, насколько известно автору, по этому поводу хранили и хранят молчание. Исключением является только позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ и мнение заместителя Председателя Верховного Суда РФ, описываемые ниже). Но при этом возникает вопрос: с какого момента действие Постановления 1978 г. прекратилось? Большинство специалистов в российском праве полагает, что норма этого Постановления об особом порядке подписания

утратила силу с 3 августа 1992 г., то есть с момента начала применения на территории России Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., которые уже не содержали специальное понятие *"порядок подписания внешнеторговой сделки"*, а ограничивались требованием соблюдения формы такой сделки[5].

Однако при этом следует учитывать, что до 1 января 1995 г. в России продолжала оставаться не отмененной часть 2 статьи 45 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г., указанное специальное понятие содержавшая[6]. На сегодняшний же день формально не является отмененной часть 2 статьи 565 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. (на которую ссылалась указанная статья 45), содержащая понятие *"порядок подписания внешнеторговых сделок"*[7]. Кроме того, в новом Гражданском кодексе РФ имеется статья 168 "Недействительность сделки, не соответствующей закону или иным правовым актам", применение которой, при условии признания Постановления 1978 г. действующим, может рассматриваться как влекущее недействительность внешнеэкономической сделки, подписанной одним лицом.

Ввиду всего этого вопрос о силе нормы о двух подписях мог и может рассматриваться как не до конца ясный.

## 2. РЕШЕНИЕ АРБИТРАЖНОГО СУДА

Отмеченные нюансы частично нашли отражение в решении Арбитражного Суда, который пришел, в частности, к следующим выводам (здесь и в других цитируемых ниже документах названия сторон заменены понятиями *"Истец"* и *"Ответчик"*, а вместо имени физического лица использовано буквенное обозначение с пояснением статуса этого лица):

*"В то время как Статьей 14 Кредитного Соглашения предусмотрено, что соглашение и его толкование регулируются шведским законодательством, вопрос о том, какое лицо или лица должны правомочно представлять Ответчика при заключении соглашения, в принципе, должен решаться на основе государственного законодательства этой компании, т.е. российского законодательства. В этом отношении Арбитражным Судом принимается во внимание то, что согласно советскому Постановлению от 14 февраля 1978 г., международные торговые контракты должны подписываться с советской стороны двумя лицами. Хотя мнения разделились относительно того, оставалось ли данное Постановление в силе после 3 августа 1992 г., даты вступления в России в силу Основных положений Гражданского Законодательства 1991 года, Арбитражный Суд считает, что до этой даты Постановление, возможно, являлось действующим российским законом. Следовательно, могут существовать серьезные сомнения по поводу юридической действительности соглашения, которое, как Кредитное Соглашение, было подписано до 3 августа 1992 г., если оно не отвечало требованиям Постановления.*

*Поскольку Кредитное Соглашение было подписано только одним лицом, отсюда следует, что по крайней мере сомнительно, что оно изначально являлось юридически обязательным к исполнению соглашением, причем эти сомнения существуют независимо от следующего вопроса касательно наличия у г-на X [лица, подписавшего соглашение от имени Ответчика] полномочий на подписание соглашения. Тем не менее, Арбитражный Суд не находит нужным занимать окончательную позицию по вопросу об изначальной действительности Кредитного Соглашения, поскольку существует ряд других обстоятельств, подтверждающих вывод о том, что стороны следует рассматривать как принявшие на себя обязательства, вытекающие из данного соглашения.*

*... Кредитное Соглашение долгое время признавалось обеими сторонами как инструмент, регулирующий их хозяйственные отношения. Обе стороны рассматривали данное соглашение как действующее между ними и действовали соответствующим образом. Генеральным директором Ответчика был подписан ряд документов,*

*имеющих отношение к исполнению Кредитного Соглашения, что имело место и после 3 августа 1992 года, т.е. в период, когда факт сохранения силы Постановлением от 14 февраля 1978 года, требующим подписания международных торговых договоров двумя лицами, был весьма сомнительным. Не существует и подтверждений того, что действительность Кредитного Соглашения когда-либо оспаривалась Ответчиком прежде, чем было начато арбитражное разбирательство. Напротив, в ряде документов, подписанных г-ном Y [генеральным директором Ответчика], признавалась задолженность компании по соглашению, допускался факт просрочек платежа и принимались планы дальнейшего исполнения соглашения. ...*

*Исходя из обстоятельств настоящего дела, когда взаимоотношения сторон в течение значительного периода времени действительно регулировались Кредитным Соглашением, и стороны регулярно совершали действия на этой основе, они должны рассматриваться как связанные данным соглашением, а Ответчик должен рассматриваться как непозволительно ссылающийся на формальные пробелы, которые могли иметь место в момент первоначального подписания данного соглашения"*[8].

В итоге в августе 1995 г. Арбитражным Судом было вынесено решение о взыскании с ответчика суммы долга и процентов в валюте Швеции.

### Анализ решения Арбитражного Суда

1. Безусловно, Арбитражный Суд, исходя из обстоятельств дела, правильно решил, что последующие действия сторон указывали на то, что они рассматривали себя связанными кредитным соглашением. Тем не менее, это вовсе не значило, что с точки зрения Постановления 1978 г. (и с точки зрения российского права, если данное Постановление рассматривать как его часть) такое кредитное соглашение было обязательно для сторон: для первых любое последующее поведение сторон никак не могли заменить собою особую процедуру подписания внешнеторговой сделки, ввиду чего для них кредитное соглашение продолжало являться ничтожным, какие бы действия стороны ни осуществляли.

**2.** Отвлекаясь от вопроса о праве, применимом к самому кредитному соглашению и к его форме, следует указать на то, что Арбитражный Суд данное обстоятельство в своем решении не учел. Между тем, коль скоро он признал, что

*"могут существовать серьезные сомнения по поводу юридической действительности соглашения, которое, как Кредитное Соглашение, было подписано до 3 августа 1992 г., если оно не отвечало требованиям Постановления"*,

коль скоро ему могла быть известна предшествующая практика применения Постановления в российском праве и коль скоро его решение должно было исполняться в России, он, как представляется, мог бы выдвинуть дополнительные соображения, обосновывающие действительность кредитного соглашения. Учитывая, что особая процедура подписания последнего сторонами осуществлена так и не была, такие соображения должны были состоять только в обосновании неприменимости к кредитному соглашению Постановления 1978 г. ввиду утраты последним силы уже на момент заключения такого соглашения (тем более, что, как будет показано ниже, соответствующие доводы, исходя из содержания российского права, имелись, и они были очень и очень весомы).

**3.** Однако, Арбитражный Суд предпочел иной путь: серьезно сомневаясь в изначальной действительности кредитного соглашения, он счел, что действия сторон, предпринятые после 3 августа 1992 г., свидетельствуют, тем не менее, о его силе. Данный вывод мог основываться только на том соображении, что после 3 августа 1992 г. Постановление 1978 г. силу утратило. Но даже и в этом плане Арбитражный Суд проявил недостаточную последовательность, указав в решении:

*"Генеральным директором Ответчика был подписан ряд документов, имеющих отношение к исполнению Кредитного Соглашения, что имело место и после 3 августа 1992 года, т.е. **в период, когда факт сохранения силы Постановлением от 14 февраля***

*1978 года, требующим подписания международных торговых договоров двумя лицами, был весьма сомнительным"* (выделение мое — М.А.).

Между тем, действительность кредитного соглашения не могла вызывать сомнений только в одном из двух случаев: либо если на момент его подписания Постановление 1978 г. уже не действовало, либо если последнее безусловно утратило силу после 3 августа 1992 г., когда стороны своими действиями продемонстрировали обязательность для них такого соглашения. Арбитражный Суд, не выбрав ни один из этих вариантов, предпочел третий, особенный подход, вряд ли, явившийся удачным.

## 3. ПЕРВОЕ РАССМОТРЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ ГОРОДСКИМ СУДОМ ВОПРОСА О ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ В РОССИИ РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА

Особенностью рассматриваемого дела было то, что третье российское лицо взяло на себя в полной мере ответственность перед шведской компанией за исполнение должником его обязательств и выдало ей гарантию (в действительности по своей природе являвшейся поручительством, если использовать термины Гражданского кодекса РФ). Поручитель исполнил свои обязательства перед шведской компанией частично. В октябре 1995 г. Арбитражным Институтом Торговой Палаты Стокгольма против него в пользу шведской компании было вынесено еще одно решение, причем на всю сумму задолженности поручителя.[9]

Шведская компания выдала поручителю в Дании документ, названный "суброгационная доверенность", согласно которому поручитель имел право от своего имени и в свою пользу требовать от должника исполнения решения Арбитражного Суда, и равным образом имел право обращаться в российские суды с требованием признать и привести это решение в исполнение в свою пользу.

В 1997 г. поручитель как взыскатель обратился в Санкт-Петербургский городской суд (по месту нахождения должника) с ходатайством о признании и приведении решения Арбитражного Суда в исполнение в России.

Должник против удовлетворения данного ходатайства возражал, ссылаясь на то, что:

1) суброгационный документ оформлен ненадлежащим образом, с нарушением шведского законодательства, поскольку удостоверен не в Швеции как месте вынесения решения, а в Дании;

2) к моменту выдачи суброгационного документа шведская компания правом требования принудительного исполнения решения Арбитражного Суда уже не обладала и не могла его кому-либо передать, поскольку сам взыскатель уже исполнил данное решение;

3) исполнение решения Арбитражного Суда будет противоречить публичному порядку Российской Федерации, поскольку Арбитражный Суд двумя различными решениями по одному и тому же обязательству произвел взыскание сначала с должника, а затем и с взыскателя как поручителя должника;

4) исполнение решения Арбитражного Суда будет противоречить публичному порядку Российской Федерации, поскольку оно было вынесено на основании ничтожного кредитного соглашения, заключенного в нарушение Постановления 1978 г.

2 апреля 1997 г. Санкт-Петербургский городской суд определил, в частности, следующее (здесь и далее в цитируемых текстах опущены ссылки на листы дела. Вместо точных дат в квадратных скобках дано указание на месяц. Наименование поручителя, который потребовал приведения решения Арбитражного Суда в исполнение в свою пользу, заменено понятием *"Взыскатель"*):

*"Выслушав стороны, исследовав материалы дела, суд считает ходатайство подлежащим частичному удовлетворению.*

*Доверенность на передачу прав Истца действительно оформлена в Дании... .*

*Однако, в настоящем судебном заседании Взыскателем представлен документ Управления патентов и регистрации, подтверждающий действительность вышеуказанной доверенности.*

*У суда также нет оснований сомневаться в правильности перевода суброгационной доверенности..., так как он надлежаще заверен... .*

*Вместе с тем, суд считает, что Истец мог передать Взыскателю свое право требования исполнения решения* [вынесенного в августе 1995 г.] *только в его неисполненной части.*

*Как видно из доверенности..., первоначального текста ходатайства, зачеркнутого представителями Взыскателя в настоящем судебном заседании...; банковских счетов... Взыскатель на 21.09.1995 г. выплатил Истцу... шведские кроны в счет погашения долга по решению* [вынесенному в августе 1995 г.].

*Довод представителей Взыскателя о том, что данная сумма уплачена по решению Стокгольмского Арбитражного суда* [вынесенному в октябре 1995г.]*(приобщено в настоящем заседании), суд считает неубедительным, поскольку последнее вынесено позднее вышеуказанной частичной оплаты долга.*

*Таким образом, суд считает, что решение* [вынесенное в августе 1995 г.] *подлежит принудительному исполнению только в его неисполненной части, то-есть за минусом... шведских крон.*

*Из содержания вышеприведенных решений Стокгольмского Арбитража видно, что по ним действительно произведено взыскание одного и того же долга: вначале с должника — Ответчика по решению* [вынесенному в августе 1995 г.], *а затем — с Взыскателя, как гаранта Ответчика, по решению* [вынесенному в октябре 1995 г.], *что подтверждается и сторонами в настоящем заседании.*

*Однако, суд считает, что в исполнении решения* [вынесенного в августе 1995 г.] *не может быть отказано по мотиву его противоречия публичному порядку Российской Федерации, поскольку оно вынесено и вступило в законную силу до возникновения коллизии шведского и российского права, которая образовалась только после вынесения решения* [в октябре 1995 г.].

*На основании изложенного, ст. V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, ратифицированной 10.08.1960 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21.06.1988 г. "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей"*

ОПРЕДЕЛИЛА....".

В итоге Санкт-Петербургский городской суд разрешил только частичное исполнение вынесенного в августе 1995 г. решения Арбитражного Суда, отказав во взыскании с должника той суммы, которая уже была ранее уплачена взыскателем шведской компании. При этом в резолютивной части своего определения Санкт-Петербургский городской суд использовал следующую формулировку: *"Разрешить на территории Российской Федерации принудительное исполнение решения Арбитражного Института Торговой Палаты г. Стокгольма, Швеции* [вынесенного в августе 1995 г.] *в части взыскания с Ответчика **в пользу Истца** основной суммы в размере... шведских крон с перечислением всех взысканных сумм **в пользу Взыскателя**"* (выделение мое — **М.А.**).

### Анализ определения Санкт-Петербургского городского суда

1. Как видно из текста определения Санкт-Петербургского городского суда, он отверг первое и третье из вышеуказанных возражений должника, никак не прореагировал на четвертое и согласился со вторым. В определении нельзя не заметить и стремление суда к очень неразвернутой оценке аргументов сторон и очень краткому изложению своей позиции.

Анализируя последнюю, можно утверждать, что если отклонение первого

возражения должника с формальной точки зрения вполне понятно и не требует отдельных пояснений, то игнорирование четвертого не является объяснимым.

**2.** Что же касается второго аргумента должника, то Санкт-Петербургский городской суд, основывая на нем свой отказ в признании и приведении в исполнение решения Арбитражного Суда в полном объеме, исходил, вероятно, из следующих ошибочных рассуждений: а) шведская компания и взыскатель заключили договор уступки требования в отношении права требовать на основании решения Арбитражного Суда взыскание с должника в полной мере; б) но обладала ли шведская компания таким правом?; в) нет, в полной мере она им не обладала: после того как она получила в частичное удовлетворение денежную сумму от взыскателя, у нее данное право сохранилось также только частично, а именно в сумме, не покрытой платежом взыскателя; г) соответственно, она не могла передать свое право требовать взыскания с должника в полной мере, а могла передать его только в упомянутой части.

Возможно, суд руководствовался и чем-то иным, но чем — установить из его определения невозможно.

**2.1.** Представляется, что с подобной цепочкой рассуждений согласиться нельзя. Прежде всего, следует признать, что шведская компания и взыскатель цессию не совершали.

На самом деле шведская компания и взыскатель исходили из того, что к взыскателю как поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора. Очевидно, что иначе и быть не может, исходя, по меньшей мере, из содержания российского материального права, с точки зрения российского суда должного быть применимым к отношениям шведской компании и поручителя в силу коллизионной нормы пункта 1 статьи 166 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.[10]. В самом деле, пункт 1 статьи 365 Гражданского кодекса РФ (в момент исполнения поручителем своих обязательств перед шведской компанией уже на них распространявшийся[11]) предусматривает: *"К поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству и права, принадлежавшие кредитору как залогодержателю, в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора"*. При этом согласно пункту 2 этой же статьи кредитор был обязан вручить поручителю документы, удостоверяющие требование к должнику, и передать права, обеспечивающие это требование (то есть речь не могла идти о договорной передаче прав требования к должнику). Возможно, что в действительности отношения шведской компании и поручителя регулировались не российским материальным правом, однако, в отсутствие информации об этом исходить из такого предположения не следует.

Однако, при всем при этом шведская компания и взыскатель для большей, вероятно, весомости требований последнего к должнику оформили еще и документ, который они не совсем удачно назвали доверенностью, пусть даже и суброгационной. Последнее обстоятельство могло создавать превратное впечатление о действительных отношениях сторон и могло ввести Санкт-Петербургский городской суд в заблуждение.[12]

**2.2.** Сказанное указывает на то, что взыскатель в действительности мог получить от должника ту бо́льшую сумму, которую он уплатил шведской компании, тогда как на оставшуюся меньшую сумму он права не имел. Однако, Санкт-Петербургский городской суд решил совершенно наоборот: он признал, что взыскатель имеет право получить от должника меньшую сумму, в то время как на бо́льшую он права не имеет. Само собой разумеется, что данный вывод был бы верен в отношении шведской компании, но никак не взыскателя. Столь причудливый результат стал возможным, вероятно, только в результате неправильной квалификации Санкт-Петербургским городским судом отношений шведской компании и взыскателя: ему не следовало считать, что первая передает

какие-либо права второму по собственной воле; ему следовало исходить из того, что такие права переходят ко второму как поручителю независимо от воли первой и только в силу факта исполнения обязательства за должника. Тем не менее, следует еще раз повторить, что взыскатель мог невольно ввести Санкт-Петербургский городской суд в заблуждение использованием доверенности и утверждениями о том, что право на взыскание было передано ему шведской компанией. Если бы это действительно было так, то Санкт-Петербургский городской суд был бы совершенно прав: получив удовлетворение от поручителя, шведская компания не могла не утратить права требования к должнику, и речь об их передаче в порядке цессии идти не могла.

**2.3.** В связи со сказанным следует отметить следующее очень важное обстоятельство: Санкт-Петербургский городской суд основное внимание уделил вопросу о формальной действительности суброгационного документа, а не вопросу о том, на каком сущностном основании взыскатель требует признать и привести в исполнение решение Арбитражного Суда. Если бы речь шла просто о том, что взыскатель действует от имени шведской компании и в ее интересах, то все было бы очень просто. Но на самом деле он действовал от своего имени и в собственных интересах, хотя и ссылаясь на документ шведской компании, неудачно названный доверенностью.

Соответственно, возникал вопрос: коль скоро права шведской компании как кредитора подтверждаются решением Арбитражного Суда, то в том случае, когда к взыскателю как поручителю, исполнившему кредитору за должника обязательства последнего, такие права требования переходят автоматически, должны ли они рассматриваться как носящие подтвержденный и неоспоримый характер, как могущие быть реализованными в России на основании иностранного в России решения Арбитражного Суда и при помощи специальной процедуры признания и приведения его в исполнение, или же они должны рассматриваться иначе, и для их принудительной реализации необходимо предъявление отдельного иска против должника? Иными словами, вставал вопрос: являются ли такие перешедшие к взыскателю права неразрывно связанными с решением Арбитражного Суда, и приобретает ли поручитель одновременно с правами требования к должнику статус, аналогичный статусу изначального кредитора (в части признания и приведения арбитражного решения в исполнение), в пользу которого такое решение вынесено или же нет?

Данная проблема в российском праве не разрешена ни на уровне законодательства, ни на уровне судебной практики. Насколько известно автору настоящей статьи, не рассматривалась она и в литературе.

Таким образом, у Санкт-Петербургского городского суда была возможность попытаться ответить на этот вопрос. Однако он ею не воспользовался. Это случилось, вероятно, все по той же причине: Санкт-Петербургский городской суд полагал, что взыскатель приобрел права требования к должнику в результате цессии. Возможно, именно этим объясняется то, что в своем определении Санкт-Петербургский городской суд разрешил исполнение решения Арбитражного Суда именно в пользу шведской компании, но с перечислением всех взыскиваемых сумм в пользу взыскателя.

**3.** Достаточно сложно оценить и реакцию Санкт-Петербургского городского суда на третье возражение должника о том, что исполнение решения Арбитражного Суда будет противоречить публичному порядку Российской Федерации, поскольку Арбитражный Суд двумя различными решениями по одному и тому же обязательству произвел взыскание сначала с должника, а затем и с взыскателя как поручителя должника. В своем определении Санкт-Петербургский городской суд указал:

*"Из содержания вышеприведенных решений Стокгольмского Арбитража видно, что по ним действительно произведено взыскание одного и того же долга: вначале*

*с должника — Ответчика по решению* [вынесенному в августе 1995 г.], *а затем — с Взыскателя, как гаранта Ответчика, по решению* [вынесенному в октябре 1995 г.], *что подтверждается и сторонами в настоящем заседании.*

*Однако, суд считает, что в исполнении решения* [вынесенного в августе 1995 г.] *не может быть отказано по мотиву его противоречия публичному порядку Российской Федерации, поскольку оно вынесено и вступило в законную силу до возникновения коллизии шведского и российского права, которая образовалась только после вынесения решения* [в октябре 1995 г.]*".*

Вероятно, Санкт-Петербургский городской суд по причине все той же неправильной квалификации отношений шведской компании и взыскателя счел, что, с точки зрения российского права, является недопустимым последовательное вынесение в пользу кредитора решений о взыскании долга как с должника, так и с поручителя (хотя это и не так: вынесение таких решений возможно. Другое дело, что невозможно одновременное исполнение того и другого[13]), тогда как с точки зрения шведского права такое вполне допустимо. Соответственно, суд, очевидно, имел в виду, что после "неправильного" вынесения второго решения против любого из последних указанных лиц, если только они являются российскими, между российским и шведским правом возникает противоречие, которое он назвал *"коллизией шведского и российского права"*. Далее, данное суждение можно понимать так, что наличие подобной *"коллизии"* ведет к тому, что исполнение второго решения на территории Российской Федерации противоречило бы публичному порядку последней. Но так как, по мнению Санкт-Петербургского городского суда, к моменту вступления в силу решения Арбитражного Суда *"коллизия шведского и российского права"* еще отсутствовала, то противоречие российскому публичному порядку не имелось и не имеется, ввиду чего такое решение может быть признано и приведено в исполнение.

По поводу данного мнения Санкт-Петербургского городского суда можно сказать лишь то, что оно ошибочно во всех своих аспектах: последовательное вынесение решения как против должника, так и против поручителя с точки зрения российского права является возможным; понятием *"коллизия законов"* традиционно обозначается несколько иное явление; исполнение на территории России второго решения как такового публичному порядку Российской Федерации не противоречило бы при условии, что первое решение не исполнено.

Соответственно, даже если бы решение Арбитражного Суда в пользу кредитора против должника было вынесено после того, как было вынесено решение в пользу кредитора против взыскателя как поручителя, то исполнение первого на территории Российской Федерации ее публичный порядок не нарушало бы, при условии, что второе решение в России не было исполнено. Ввиду этого Санкт-Петербургский городской суд совсем неправильно решил, что возможность исполнения в России решения Арбитражного Суда против должника зависит от того, было ли вынесено решение против поручителя или нет: такая возможность отсутствовала бы только тогда, когда второе решение было бы исполнено в России в пользу кредитора, причем на всю сумму долга. Тогда, действительно, можно было бы говорить о том, что повторное взыскание долга с должника противоречит публичному порядку Российской Федерации, в качестве одной из основ которого можно рассматривать принцип *Non bis in idem.*

**4.** Вызывает некоторое удивление ссылка Санкт-Петербургского городского суда на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей"[14]. Действительно, до вступления в силу Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-I "О международном коммерческом арбитраже" (основанного на типовом законе ЮНСИТРАЛ 1985 г.) этот Указ регулировал вопросы приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. Однако с 12 августа 1993 г., то есть с момента обретения силы упомянутым Законом, именно последний стал регули-

ровать вопросы признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений. Так, пункт 1 статьи 35 "Признание и приведение в исполнение арбитражного решения" этого Закона предусматривает: *"Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36"*. Соответственно, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI с 12 августа 1993 г. должен применяться в России только в части, не противоречащей Закону РФ "О международном коммерческом арбитраже". Между тем, отличия между двумя этими актами действительно значительны и даже концептуальны.

Так, Закон исходит из того, что *"Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным..."*. Соответственно, указываемые в статье 36 этого Закона обстоятельства являются не более чем основаниями, позволяющими достигать исключений из общего правила обязательности арбитражного решения.

Между тем, Указ исходит из того, что иностранное арбитражное решение обязательной силой не обладает и в задачу российского государственного суда входит ответ на вопрос о том, следует ли разрешить исполнение такого решения, придать ему исполнительную силу по соответствующему ходатайству заинтересованного лица или же не следует. Правда, при этом те обстоятельства, ввиду наличия которых суд вправе не разрешать исполнение, носят исчерпывающий характер.

Таким образом, Закон делает акцент на обязательности арбитражного решения, а Указ делает акцент на необходимости отсутствия оснований, препятствующих выдаче разрешения привести арбитражное решение в исполнение[15].

Из этого же вытекают и различия между Законом и Указом по поводу установления и доказывания обстоятельств, наличие которых исключает приведение арбитражного решения в исполнение: Закон возлагает бремя доказывания преимущественно на сторону, против которой направлено решение, а из Указа следует, что суд вправе устанавливать такие обстоятельства *ex officio*. Имеется и ряд других важных отличий Закона от Указа.

Между тем, Санкт-Петербургский городской суд почему-то ссылку на Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" не сделал.

**5.** Вызывает вопросы и использованная Санкт-Петербургским городским судом формулировка о том, что принудительное исполнение решения Арбитражного Суда в части взыскания с должника денежной суммы разрешается в пользу шведской компании, но с перечислением всех взысканных сумм в пользу взыскателя. Если ходатайство о признании и приведении в исполнение решения Арбитражного Суда было подано в Санкт-Петербургский городской суд взыскателем от своего имени и в своих интересах, то почему же исполнение этого решения было допущено в пользу именно шведской компании? Вероятно, это произошло опять-таки по причине уже упоминавшейся неправильной квалификации Санкт-Петербургским городским судом отношений такой компании и взыскателя.

**6.** Следует также отметить, что взыскатель, вероятно, не только невольно ввел в заблуждение Санкт-Петербургский городской суд по поводу своего статуса, но и сам до конца не разобрался в своих правах и тех проблемах, которые возникли на стадии исполнения решения Арбитражного Суда. Все еще могло осложняться обстоятельствами, указанными в девятой сноске к настоящей статье. Именно этим могут объясняться путаные объяснения взыскателя по поводу того, на каком основании он произвел платеж шведской фирме.

**7.** Наконец, и должник до конца не разобрался в своих правах и тех проблемах, которые возникли на стадии исполнения решения Арбитражного Суда. Очевидно, что он мог быть частично прав, утверждая, что к моменту выдачи

суброгационного документа шведская компания правом требования принудительного исполнения решения Арбитражного Суда уже не обладала (при условии, что последняя получила частичное удовлетворение от поручителя). В самом деле, в таком случае права требования перешли именно к последнему. Соответственно, пользуясь неопределенностью российского законодательства в данном вопросе, должник мог утверждать, что права, перешедшие к поручителю, не связаны с решением Арбитражного Суда и для их принудительного осуществления необходимо отдельное решение российского суда против него. Именно данный аргумент, а не какой-либо другой из вышеуказанных, мог бы оказаться со стороны должника наиболее сильным.

## 4. РАССМОТРЕНИЕ ВЕРХОВНЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВОПРОСА О ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ В РОССИИ РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА

Взыскатель не согласился с частичным приведением в исполнение решения Арбитражного Суда и обжаловал определение Санкт-Петербургского городского суда в Верховный Суд РФ. 22 мая 1997 г. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ по данному делу было вынесено определение, которым определение Санкт-Петербургского городского суда было полностью отменено, и дело было направлено на новое рассмотрение в тот же суд.

Судебная коллегия в своем определении указала, в частности:

*"Взыскатель обратился с ходатайством о принудительном исполнении указанного решения, сославшись на то, что Истец (Швеция) передал ему право требования принудительного исполнения данного решения."*

Представитель Ответчика возражал против удовлетворения ходатайства и пояснил, что доверенность оформлена ненадлежаще, с нарушением Шведского законодательства, поскольку удостоверена не в Швеции, а в Дании, ко времени выдачи доверенности Истец правом требования принудительного исполнения решения не обладал, поскольку Взыскатель исполнил данное решение, перечислив Истцу взыскиваемую сумму, а, кроме того, решение противоречит публичному порядку РФ.

*По делу постановлено указанное выше определение.*

*В частной жалобе Взыскателем ставится вопрос об отмене указанного определения в части отказа в удовлетворении ходатайства по тем основаниям, что суд, разрешая принудительное исполнение решения на территории РФ, удовлетворил ходатайство лишь частично, что противоречит действующему законодательству.*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ находит постановленное по делу определение подлежащим отмене в полном объеме.

*Суд проверял доводы Ответчика о том, что доверенность на передачу прав Истца оформлена в Дании, но обозрев представленный документ Управления патентов и регистрации..., подтверждающий действительность вышеуказанной доверенности, обоснованно пришел к выводу о том, что Взыскатель вправе был обратиться в суд с настоящим ходатайством.*

*Вместе с тем, разрешая на территории РФ принудительное исполнение указанного выше решения, суд пришел к выводу о том, что Истец мог передать Взыскателю право требования исполнения решения* [вынесенного в августе 1995 г.] *только в его неисполненной части.*

Между тем, с таким выводом суда согласиться нельзя.

*Действительно, из материалов дела видно, что Взыскатель на 21 сентября 1995 года выплатил Истцу... шведских крон в счет погашения долга.*

*При этом суд указал в решении, что довод Взыскателя о том, что эта сумма уплачена по решению Арбитражного института Торговой Палаты в г. Стокгольме*

[вынесенному в октябре 1995 г.], *считает неубедительным, поскольку это решение вынесено позднее частичного погашения долга.*

Однако, делая такой вывод, суд не учел, что при заключении Кредитного соглашения между Ответчиком и Истцом, Взыскатель являлся гарантом и безусловно гарантировал надлежащее выполнение всех обязательств заемщика (Ответчика) по этому Кредитному соглашению и по первому письменному требованию незамедлительно выплатить все суммы задолженности в соответствии с порядком и сроками, определенными соглашением, так если бы они являлись вместо заемщика главным должником... .

*Из материалов дела видно, что дело в отношении Взыскателя было передано Институтом на рассмотрение Арбитражного Суда [в январе 1995 г.], т.е. до вынесения решения [в августе 1995 г.], о чем Взыскателю было известно.*

*Поскольку заявитель выполнил свои обязательства перед Истцом, последний передал ему принадлежащее ей право требования исполнения Арбитражного решения и полной оплаты в соответствии с указанным решением, то он вправе был, в соответствии с действующим законодательством, ставить перед судом вопрос о принудительном исполнении Арбитражного решения в полном объеме.*

*В соответствии со ст. III Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных Арбитражных решений (ратифицированной СССР 24 августа 1960, правопреемником которого с 24 декабря 1991 года в полном объеме является Российская Федерация) каждое Договаривающееся государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений.*

*Поскольку суд пришел к выводу о том, что указанное выше Арбитражное решение подлежит принудительному исполнению на территории РФ, то в силу указанной Конвенции оно должно быть исполнено в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.*

*Вместе с тем, в силу п. 1 пп. b ст. V данной Конвенции, в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательство того, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречит публичному порядку этой страны.*

*В материалах дела имеется возражение на ходатайство от Ответчика..., где имеется ссылка на действующее Постановление Совета Министров СССР от 14 февраля 1978 года "О порядке подписания внешнеторговых сделок", в нарушение которого указанное выше Кредитное соглашение было подписано одним лицом, в чем усматривается нарушение публичного порядка. Этот документ не был предметом рассмотрения суда, хотя имеет существенное значение для данного дела.*

*Кроме того, в силу ст. 75 Конституции РФ денежной единицей в РФ является рубль, следовательно все расчеты между сторонами на территории РФ должны вестись в рублевом эквиваленте, в том числе и взыскиваемые по решению суммы".*

**Анализ определения Судебной коллегии**

В данном определении обращают на себя внимание несколько моментов.

**1.** Во-первых, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ правильно квалифицировала отношения шведской компании и взыскателя и, поправив Санкт-Петербургский городской суд, верно указала на то, что поручитель, осуществивший кредитору исполнение за основного должника, сам становится на место первоначального кредитора и может получить от должника все то, на что имел право такой кредитор. Однако, сделанные до этого вывода Судебной коллегией ссылки на формальную действительность все той же уже упоминавшейся доверенности, на вытекающее из нее право взыскателя обращаться в

российский суд за исполнением решения Арбитражного Суда, заставляют несколько усомниться либо в последовательности такой позиции Судебной коллегии, либо в ее четкости. В самом деле, выше уже указывалось, что цессия между шведской компанией и взыскателем, строго говоря, не была возможной. Следует предположить, что именно из этого и исходила Судебная коллегия, хотя употребленные ей формулировки не являлись точными.

**2.** Во-вторых, если считать, что Судебная коллегия отвергла возможность цессии между шведской компанией и взыскателем, тогда из ее определения вытекает достаточно важное для российского права заключение: в условиях, когда российский поручитель исполняет иностранному кредитору за российского должника обязательство последнего, и имеется вынесенное в пользу кредитора иностранное арбитражное решение, то права кредитора, переходящие к поручителю, можно рассматривать как носящие подтвержденный и неоспоримый характер, как могущие быть реализованными в России на основании такого иностранного арбитражного решения. Иными словами, поручитель не обязан предъявлять отдельный иск к должнику, но приобретает в отношениях с ним статус, аналогичный статусу первоначального кредитора, в пользу которого вынесено такое решение и на этом основании вправе добиваться взыскания долга с должника при помощи специальной процедуры признания и приведения этого решения в исполнение, даже если он в нем и не поименован как сторона, и в арбитражном разбирательстве он не участвовал. Иными словами, в данной ситуации поручитель приобретает права кредитора именно из вынесенного в пользу последнего иностранного арбитражного решения.

Таким образом, можно считать, что Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ заняла в данном вопросе определенную позицию, тогда как Санкт-Петербургский городской суд сделать это необходимым не счел.

**2.1.** Вместе с тем, нельзя не признать, что такая позиция была выражена Судебной коллегией более чем нечетко и некоторые сомнения по поводу того, действительно ли именно ее Судебная коллегия имела в виду, остаются. Так, использование последней слов "*Поскольку заявитель выполнил свои обязательства перед Истцом, последний передал ему принадлежащее ему право требования исполнения Арбитражного решения и полной оплаты в соответствии с указанным решением*" (выделение мое — **М.А.**) могут создать впечатление, что речь идет об уступке в пользу взыскателя прав требования шведской компании из решения Арбитражного Суда.

Ввиду этого нельзя исключать того, что Судебная коллегия в действительности указала на допустимость цессии прав из арбитражного решения и возможность для цессионария требовать признания и приведения такого решения в России в исполнение без необходимости предъявления отдельного иска к должнику. Следует отметить, что если это так, то заслуживает внимания следующее обстоятельство: подобный вывод был сделан до момента вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ "Об исполнительном производстве"[16], статья 32 "Правопреемство в исполнительном производстве" которого косвенно допускает возможность цессии в отношении прав из исполнительного документа (*"В случае выбытия одной из сторон (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга) судебный пристав-исполнитель обязан своим постановлением произвести замену этой стороны ее правопреемником, определенным в порядке, установленном федеральным законом. Для правопреемника все действия, совершенные до его вступления в исполнительное производство, обязательны в той мере, в какой они были бы обязательны для стороны, которую правопреемник заменил"*).

**2.2.** Однако, все-таки следует исходить из того, что вряд ли именно указанное в предыдущем абзаце имела в виду Судебная коллегия: иначе зачем она отменила определение Санкт-Петербургского городского суда и упомянула о гарантии

взыскателя? Представляется, что эти два последних момента говорят о том, что Судебная коллегия не могла не учитывать то, что шведская компания после получения удовлетворения от взыскателя как поручителя утратила свои права требования к должнику и, соответственно, ничего в порядке цессии передавать не могла[17].

Соответственно, далее автор будет исходить из того, что Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отвергла возможность цессии между шведской компанией и взыскателем.

**2.3.** Но является ли основательным мнение Судебной коллегии о том, что в условиях, когда российский поручитель исполняет иностранному кредитору за российского должника обязательство последнего, и имеется вынесенное в пользу кредитора иностранное арбитражное решение, то права кредитора, переходящие к поручителю, можно рассматривать как носящие подтвержденный и неоспоримый характер, как могущие быть реализованными в России на основании такого иностранного арбитражного решения? Представляется, что в современном российском праве содержатся некоторые положения, на которых данное мнение может основываться.

Так, учитывая, что получение поручителем прав к должнику является переходом прав на основании закона[18] и что статья 384 Гражданского кодекса РФ устанавливает: *"Если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права"*, можно утверждать, что последняя норма должна толковаться как имеющая в виду, в том числе, и такое качество получаемых поручителем прав, как их вытекающий из иностранного арбитражного решения подтвержденный и неоспоримый характер, допускающий то, что поручитель не обязан предъявлять отдельный иск к должнику, но приобретает в отношениях с ним статус, аналогичный статусу первоначального кредитора, в пользу которого вынесено подобное решение и на этом основании вправе добиваться принудительного взыскания долга с должника при помощи специальной процедуры признания и приведения этого решения в исполнение, даже если он в нем и не поименован как сторона и в арбитражном разбирательстве он не участвовал.

Кроме того, в пользу такого толкования косвенно свидетельствует Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июня 1997 г. № 1533/97 (в котором было признано, что на включенное в договор соглашение об избрании определенного арбитража для разрешения возможных споров между участниками этого договора в силу все той же статьи 384 Гражданского кодекса РФ распространяются правила о цессии[19]), а также уже упоминавшаяся статья 32 Федерального закона "Об исполнительном производстве".

Таким образом, оба вышеприведенных примера демонстрируют, что определенные субъективные права, вытекающие из таких имеющих в своей природе в той или иной степени процессуальные элементы институтов, как арбитражная оговорка и арбитражное решение, могут приобретаться при помощи гражданско-правовых средств, в частности, в результате перехода прав по сделке или на основании закона. Соответственно, все это указывает на возможность того, что в условиях, когда российский поручитель исполняет иностранному кредитору за российского должника обязательство последнего, и имеется вынесенное в пользу кредитора иностранное арбитражное решение, то права кредитора, переходящие к поручителю, можно рассматривать как носящие подтвержденный и неоспоримый характер, как могущие быть реализованными в России на основании такого иностранного арбитражного решения.

Следует особо отметить, что использованный в указанном выше Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 июня 1997 г. № 1533/97 критерий необходимости соблюдения и соотношения прав должника и лица,

получившего права, может быть успешно применен и в отношении рассматриваемой ситуации для обоснования возможности того, что поручитель может приобрести права кредитора именно из вынесенного в пользу последнего иностранного арбитражного решения. В самом деле, права должника в данном случае никак не ущемляются: ему должно быть все равно, кому платить. Равным образом и поручитель не пользуется в отношении должника какими-либо правами, которые отличались бы от прав к должнику первоначального кредитора.

**2.4.** Само собой разумеется, что подобный подход может вызывать и возражения. Так, против него могут свидетельствовать общие соображения о необходимости полного выяснения в ходе отдельного процесса содержания обязательств должника перед поручителем, доводы о процессуальной и строго формальной природе вынесенного решения, не допускающей замены указанной в нем стороны, а также сложившаяся во внутреннем российском обороте практика, при которой кредитор обращается к поручителю с отдельным иском даже тогда, когда его иск к основному должнику удовлетворен, а не требует исполнения вынесенного уже решения, полагая, что указанный в нем ответчик подлежит замене на поручителя[20], равно как и практика, при которой и поручитель обращается с отдельным иском к должнику[21].

Далее, можно указать и на то, что в отличие от Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в своем определении от 21 апреля 1997 г.[22] решила, что цессия не влечет автоматически перемену лиц в арбитражном соглашении. В частности, ей было указано: *"Однако даже если признать передачу прав по Соглашению об управлении правомочной, это не может быть распространено на арбитражное соглашение.*

*Исходя из принципа автономности арбитражного соглашения, согласно которому арбитражная оговорка, являющаяся частью контракта, должна рассматриваться в качестве автономного процессуального соглашения, независимого от остальных условий контракта, передача прав по арбитражному соглашению должна быть оформлена специально, письменным соглашением или путем заключения нового арбитражного соглашения...".* Очевидно, что такой подход является выражением иной позиции, согласно которой определенные субъективные права, вытекающие из таких имеющих в своей природе в той или иной степени процессуальные элементы институтов, как арбитражная оговорка и арбитражное решение, не могут приобретаться при помощи обычных гражданско-правовых средств, в частности, в результате перехода прав по сделке или на основании закона.

Наконец, вряд ли можно представить такую ситуацию, при которой во внутреннем российском частноправовом обороте поручитель сможет потребовать выдачи ему исполнительного листа против должника ввиду того, что решение против последнего в пользу кредитора уже было российским государственным судом вынесено и поручитель исполнил кредитору обязательства за должника.

Все эти аргументы действительно существенны, но Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ предпочла им иной подход (вместе с тем, автору настоящей статьи в свете действующего российского законодательства, его смысла и исходных начал более основательным представляется позиция, противоположная подходу Судебной коллегии). Не сомневаясь в праве последней на такой подход, в то же время следует подчеркнуть, что она могла бы, несомненно, обосновать его более аргументировано, учитывая, к тому же, что в данном случае речь шла о сложном вопросе взаимодействия материальных и процессуальных аспектов. Кроме того, это было бы тем более оправдано, если учесть молчание российского права по данному интересному вопросу и наблюдающееся различие между подходами к нему не только российских государственных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но различие между подходами Верховного Суда РФ и Московского городского суда.

**3.** Далее, Судебная коллегия допустила еще одну серьезную неточность: как следовало из материалов дела, взыскатель как поручитель по-прежнему являлся погасившим задолженность кредитору только частично. Соответственно, даже если он и мог требовать от должника уплаты денежной суммы именно на основании решения Арбитражного Суда, то очевидно, что это не могла быть вся сумма, в таком решении указанная. Возможно, взыскатель как поручитель успел уплатить шведской компании всю сумму задолженности и представил Судебной коллегии доказательства этого. Но тогда последняя могла бы данное обстоятельство отразить в своем определении, чтобы не допускать противоречия или, по меньшей мере, неясности. Если же взыскателем шведской компании была уплачена не вся сумма задолженности, то возникает вопрос: на каком основании в пользу первого было допущено взыскание с должника в полном объеме, учитывая, что в таком случае права к нему от кредитора перейти в полном объеме не могли. И тут мы подходим к еще одному важному выводу, сделанному Судебной коллегией, и к еще одной существенной неточности, ею же допущенной.

**4.** Итак, в-третьих, Судебная коллегия, учитывая довод взыскателя о недопустимости частичного исполнения иностранного арбитражного решения, сделала следующий очень важный вывод: она указала на то, что в силу Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.), иностранные арбитражные решения, коль скоро допустимость их исполнения в России признана, подлежат исполнению в ней в полном объеме, а не в частичном. Поскольку российское законодательство данный вопрос не регулирует, подобное указание является очень и очень ценным. Неточность же состоит в том, что Судебная коллегия не указала, представил ли ей взыскатель доказательства того, что он как поручитель уплатил шведской компании за должника всю сумму.

Если он это сделал, то тогда вывод Судебной коллегии о том, что иностранные арбитражные решения, коль скоро допустимость их исполнения в России признана, подлежат исполнению в ней в полном, а не в частичном объеме, согласуется с ее же выводом о том, что поручитель вправе добиваться взыскания долга с должника при помощи специальной процедуры признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения, даже если он в нем и не поименован как сторона, при условии, что такое решение было вынесено в пользу кредитора до того, как поручитель исполнил ему обязательства за должника. Однако если такие доказательства не были представлены, то следует признать, что первый вывод Судебной коллегии о том, что иностранные арбитражные решения, коль скоро допустимость их исполнения в России признана, подлежат исполнению в ней в полном объеме, не является логичным.

В самом деле, в ситуации, в которой поручитель исполнил кредитору обязательства за должника не в полном объеме, первый из отмеченных выводов (допустимость приведения в исполнение в полном объеме) сосуществовать со вторым (возможность реализации поручителем своих прав на основании арбитражного решения) не может. Если мы допускаем правильность первого, мы при одновременном согласии со вторым приходим к крайне несправедливому результату: в пользу взыскателя как поручителя могут быть взысканы суммы, на которые он никакого права не имеет, поскольку он сам не исполнил кредитору обязательства за должника в полной мере.

Если же мы допускаем правильность второго вывода, то мы должны отвергнуть первый: в самом деле, разве может поручитель, к которому перешла только часть прав первоначального кредитора, подтвержденных арбитражным решением, требовать признания и приведения такого решения в исполнения в свою пользу, зная, что оно должно быть автоматически признано исполнимым именно в полном объеме? Очевидно, что нет, и тогда для поручителя остается один путь:

он должен предъявлять самостоятельный иск к должнику в пределах тех сумм, которые он как поручитель уплатил кредитору. Таким образом, определение Судебной коллегии в данном деле окончательно все запутало.

В итоге автор настоящей статьи считает, что Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ сделала неправильные выводы, так что на самом деле приведение иностранного арбитражного решения в исполнение частично является возможным, а поручитель не может добиваться взыскания долга с должника при помощи специальной процедуры признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения, вынесенного в пользу кредитора до того, как поручитель исполнил ему обязательства за должника. Доводы в пользу такого мнения уже приводились выше.

**5.** В-четвертых, Судебная коллегия обратила внимание на валютный аспект рассматриваемого дела. Исходя из содержания норм валютного законодательства Российской Федерации, следует признать, что Судебная коллегия могла и должна была обратиться к этому вопросу, и что она правильно указала на то, что все расчеты между должником и взыскателем могут осуществляться только в российской валюте, исходя из рублевого эквивалента взыскиваемых сумм, причем независимо от того, что взыскатель как поручитель уплатил шведской компании иностранную валюту[23].

Правда, нельзя не заметить, что такое указание Судебной коллегии может рассматриваться как находящееся в противоречии с ее же указанием на то, что коль скоро допустимость исполнения иностранного арбитражного решения в России признана, то оно подлежит исполнению в ней в полном, а не в частичном объеме. И хотя по сути дела такое противоречие в действительности с точки зрения российского права отсутствует, было бы последовательнее, если бы Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ объяснила, в чем причины такого отсутствия.

**6.** В-пятых, Судебная коллегия допустила фактическую ошибку: вместо подпункта *b)* пункта 2 статьи V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.) она сослалась на подпункт *b)* пункта 1 этой же статьи. Но, более того, она неправильно воспроизвела подпункт *b)* пункта 2 статьи V, спутав два основания установления обстоятельств, препятствующих признанию и приведению в исполнение иностранного арбитражного решения, так что в итоге получилось нечто среднее между подпунктами *b)* пунктов 1 и 2 статьи V данной конвенции (подпункт *b)* такого пункта 1 предусматривает представление соответствующих доказательств стороной, против которой направлено решение, в то время как подпункт *b)* пункта 2 устанавливает для компетентной власти возможность по собственной инициативе определить, имеются ли такие обстоятельства)[24].

**7.** В-шестых, что самое главное, предпоследний абзац из процитированного отрывка определения Судебной коллегии (*"В материалах дела имеется возражение на ходатайство от Ответчика..., где имеется ссылка на действующее Постановление Совета Министров СССР от 14 февраля 1978 года "О порядке подписания внешнеторговых сделок", в нарушение которого указанное выше Кредитное соглашение было подписано одним лицом, в чем усматривается нарушение публичного порядка. Этот документ не был предметом рассмотрения суда, хотя имеет существенное значение для данного дела"*) можно понимать так, что Судебная коллегия рассматривала Постановление 1978 г. как действующее, причем даже и в 1997 г., и что при подписании кредитного соглашения оно не было соблюдено, в чем усматривается нарушение публичного порядка. Возможно, Судебная коллегия вовсе и не имела в виду то, на что сейчас было указано. Тем не менее, скупость использованных ею формулировок оставляет большое поле для усмотрения. Более того, содержание приводимого ниже ответа заместителя Председа-

теля Верховного Суда РФ позволяет считать, что имелось в виду все же именно это.

**8.** Имеется еще один достаточно существенный момент: Судебная коллегия указала на то, что нарушение публичного порядка усматривается ввиду подписания кредитного соглашения, в то время как речь должна была идти о противоречии публичному порядку ввиду признания и приведения решения Арбитражного Суда в исполнение. Очевидно, что это две различные вещи и известно, что и подпункт *b)* пункта 2 статьи V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.), и подпункт 2 пункта 1 статьи 36 Закона РФ "О международном коммерческом арбитраже"[25] в качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбитражного решения устанавливают противоречие публичному порядку именно таких признания и приведения в исполнение.

Направляя дело на новое рассмотрение, Судебной коллегии, по меньшей мере, следовало, например, пояснить, что ее указание на нарушение публичного порядка Российской Федерации следует понимать так, что Санкт-Петербургскому городскому суду необходимо выяснить, не повлечет ли признание и приведение решения Арбитражного Суда в исполнение нарушение публичного порядка Российской Федерации, учитывая, что подписание кредитного соглашения, на основании которого было вынесено данное решение, уже явилось его нарушением.

**9.** Наконец, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не обратила внимания на моменты, указанные выше в пунктах 4 и 5 анализа определения Санкт-Петербургского городского суда.

**10.** Что же касается должника, то он опять-таки не смог воспользоваться доступными ему средствами правовой защиты.

Во-первых, пользуясь допущенным Судебной коллегией противоречием в вопросе о соотношении проблемы исполнения в России иностранных арбитражных решений именно в полном, а не в частичном объеме, с проблемой права поручителя добиваться взыскания долга с должника при помощи специальной процедуры признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения (даже если он в нем и не поименован как сторона, но при условии, что такое решение было вынесено в пользу кредитора до того, как поручитель исполнил ему обязательства за должника), должник мог утверждать, что права, перешедшие к взыскателю как поручителю, не связаны с решением Арбитражного Суда и для их принудительного осуществления необходимо отдельное решение российского суда против него (тем более, что реалии российского права позволяли ему так утверждать).

Во-вторых, должник также мог заявить, что права, перешедшие к взыскателю как поручителю, не связаны с решением Арбитражного Суда и для их принудительного осуществления необходимо отдельное решение российского суда против него, так как именно этого требуют: **а)** соображения о необходимости полного выяснения в ходе отдельного процесса содержания обязательств должника перед поручителем; **б)** процессуальная и строго формальная природа вынесенного решения Арбитражного Суда, не допускающей замены указанной в нем стороны; **в)** сложившаяся во внутреннем российском обороте практика, при которой кредитор обращается к поручителю с отдельным иском даже тогда, когда его иск к основному должнику удовлетворен, а не требует исполнения вынесенного уже решения, полагая, что указанный в нем ответчик подлежит замене на поручителя, равно как и практика, при которой и поручитель обращается с отдельным иском к должнику.

В-третьих, должник мог утверждать, что права взыскателем как поручителем получены от кредитора в результате регресса, а не в порядке перехода прав на основании закона. Данный момент является весьма принципиальным: в случае с

регрессом можно утверждать, что между поручителем и должником возникает новое обязательство. *"От замены кредитора при цессии регрессное требование отличается тем, что происходит не только замена кредитора, но и возникает новое обязательство с самостоятельными требованиями"*[26]. Но если это так, то говорить о том, что взыскатель как поручитель мог получить от кредитора права, могущие быть реализованными на основании решения Арбитражного Суда, невозможно. Безусловно, такой аргумент с точки зрения статьи 387 Гражданского кодекса РФ не выдерживает критики, но с практической точки зрения он мог реально помочь должнику.

В-четвертых, если это позволяли обстоятельства дела, должник мог утверждать, что отношения шведской компании с взыскателем как поручителем регулировались не российским материальным правом, а каким-либо иностранным, согласно которому поручитель, исполнивший кредитору обязательства за должника, получает права от кредитора в порядке регресса, а не в порядке перехода прав на основании закона. Соответственно, как следует из вышеизложенного, это могло бы быть сильным аргументом в пользу того, что права, перешедшие к взыскателю как поручителю, не связаны с решением Арбитражного Суда и для их принудительного осуществления необходимо отдельное решение российского суда против должника.

## 5. РАССМОТРЕНИЕ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВОПРОСА О ПРИНЕСЕНИИ ПРОТЕСТА НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ

Взыскатель не согласился с проанализированным выше определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ и подал в Верховный суд РФ заявление с просьбой принести на него протест.

Заместитель Председателя Верховного Суда РФ отказался это сделать и в своем ответе на заявление взыскателя указал, в частности:

*"Сообщаю, что Ваша жалоба на определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.05.97 г. по делу по Вашему ходатайству о разрешении принудительного исполнения решения Арбитражного Института Торговой Палаты г. Стокгольма по иску Истца (Швеция) к Ответчику рассмотрена в Верховном Суде Российской Федерации в порядке надзора.*

*Определением судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 2.04.97 г. на территории Российской Федерации было разрешено принудительное исполнение решения Арбитражного Института Торговой Палаты г. Стокгольма (Швеция)* [вынесенного в августе 1995 г.] *в части взыскания с Ответчика в пользу Истца денежных сумм, в валюте Швеции.*

Согласно п. *1 п.п. б. ст. 5 Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных Арбитражных решений, ратифицированной СССР 24.08.60 г., правопреемником которого с 24.12.91 г. в полном объеме является Российская Федерация, в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательство того, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречит публичному порядку этой страны.*

*Кредитное соглашение, заключенное между Ответчиком и Истцом 24.06.92 г., в нарушение постановления Совета Министров СССР от 14.02.78 г. "О порядке подписания внешнеторговых сделок", действовавшего на тот период времени, было подписано одним лицом, что является нарушением публичного порядка.*

*Хотя данный документ имеет существенное значение для дела, он не был предметом рассмотрения суда.*

*Кроме того, в силу ст.75 Конституции РФ денежной единицей в РФ является*

*рубль, следовательно все расчеты между сторонами на территории РФ должны вестись в рублевом эквиваленте, в том числе и взыскиваемые по решению суммы.*

*Ссылка в жалобе на ст. 317 ГК РФ, в соответствии с которой при осуществлении расчетов на территории РФ возможно использование иностранной валюты, является несостоятельной, поскольку на момент заключения кредитного соглашения новый гражданский Кодекс еще не был принят.*

*При таких данных коллегия обоснованно отменила вышеназванное определение суда и дело направила на новое судебное рассмотрение.*

*Жалоба оставлена без удовлетворения".*

**Анализ ответа заместителя Председателя Верховного Суда РФ**

1. В этом ответе опять-таки обращает на себя внимание фактическая ошибка по поводу подпунктов *b)* пунктов 1 и 2 статьи V Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.).

Кроме того, неточность была и в указании на то, что Санкт-Петербургский городской суд разрешил исполнение решения Арбитражного Суда против должника в пользу шведской компании: хотя в определении Санкт-Петербургского городского суда это действительно было сказано, однако затем шло упоминание о том, что взыскиваемые суммы подлежат перечислению в пользу взыскателя.

Нельзя согласиться и с доводом третьего с конца абзаца в тексте ответа по поводу принятия нового Гражданского кодекса РФ: невозможность, по общему правилу, расчетов между резидентами России в иностранной валюте вытекает из отечественного валютного законодательства, и даже если бы новый Гражданский кодекс РФ действовал в момент заключения между шведской компанией и должником кредитного соглашения, это еще не значило бы, что такие расчеты возможны.

**2.** Заместитель Председателя Верховного Суда РФ также не обратил внимания на противоречие, допущенное Судебной коллегией в вопросе о соотношении проблемы исполнения в России иностранных арбитражных решений именно в полном, а не в частичном объеме, с проблемой права поручителя добиваться взыскания долга с должника при помощи специальной процедуры признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения (даже если он в нем и не поименован как сторона, но при условии, что такое решение было вынесено в пользу кредитора до того, как поручитель исполнил ему обязательства за должника).

**3.** Далее, заместитель Председателя Верховного Суда РФ еще более определенно высказался по поводу Постановления 1978 г. Он указал, что кредитное соглашение было подписано в нарушение Постановления 1978 г., и что это являлось нарушением публичного порядка. Правда, он ограничился указанием на то, что Постановление 1978 г. действовало в период заключения кредитного соглашения, в то время как позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ могла быть понята и так, что Постановление 1978 г. продолжало действовать в том числе и в 1997 г.

**4.** Кроме того, заместитель Председателя Верховного Суда РФ повторил еще одну ошибку Судебной коллегии, ограничившись указанием на то, что нарушение публичного порядка было совершено подписанием кредитного соглашения не в соответствии с Постановлением 1978 г. На самом же деле речь должна была идти о том, что противоречить публичному порядку должно признание и приведение решения Арбитражного Суда в исполнение.

**5.** Наконец, заместитель Председателя Верховного Суда РФ не обратил внимания на моменты, указанные выше в пунктах 4 и 5 анализа определения Санкт-Петербургского городского суда.

**6.** Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что заявление о принесе-

нии протеста на определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ было рассмотрено в Верховном Суде РФ формально.

## 6. ОЦЕНКА ПОЗИЦИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ДЕЙСТВИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ 1978 Г. И КАТЕГОРИИ "ПУБЛИЧНЫЙ ПОРЯДОК"

Даже если допустить, что подписание кредитного соглашения в нарушение Постановления 1978 г. повлекло противоречие публичному порядку Российской Федерации, это еще, по мнению автора настоящей статьи, не означало автоматически того, что признание и приведение решения Арбитражного Суда в исполнение имело бы результатом противоречие тому же самому публичному порядку[27].

Но были ли правы Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ и заместитель Председателя Верховного Суда РФ, считая, что кредитное соглашение было подписано в нарушение Постановления 1978 г., и могла ли Судебная коллегия в 1997 г. говорить о Постановлении 1978 г. как о действующем акте? Положительные ответы на эти вопросы могут иметь очень важные правовые и практические последствия и могут существенным образом повлиять на внешнеэкономические связи российских субъектов права: по меньшей мере, может быть поставлена под сомнение не только действительность подписанных ранее и действующих до сих пор сделок, но и более того, иностранные контрагенты российских субъектов всегда должны будут требовать от последних подписания внешнеэкономических сделок двумя лицами. Принимая во внимание часть 3 пункта 3 статьи 7 Закона РФ от 21 ноября 1996 г. № 129-ФЗ "О бухгалтерском учете"[28], предусматривающую, что *"Без подписи главного бухгалтера денежные и расчетные документы, финансовые и кредитные обязательства считаются недействительными и не должны приниматься к исполнению"*, можно допустить, что при таком подходе соответствующие внешнеэкономические сделки должны будут подписываться тремя лицами, а это уже граничит с абсурдом.

Автор настоящей статьи полагает, что и Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, и заместитель Председателя Верховного Суда РФ пришли к ошибочным выводам, а Постановление 1978 г. утратило силу задолго до подписания положенного в основу решения Арбитражного Суда кредитного соглашения, несмотря на то, что данное Постановление формально в России не приостанавливалось и не отменялось. Попутно можно заметить, что автор настоящей статьи не разделяет преобладающую в российской доктрине точку зрения, согласно которой Постановление 1978 г. утратило силу только с 3 августа 1992 г., то есть с момента начала применения на территории России Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., которые уже не содержали специальное понятие *"порядок подписания внешнеторговой сделки"*, а ограничивались требованием соблюдения формы такой сделки. Подробное опровержение такой точки зрения уже было осуществлено автором[29], ввиду чего повторять его не следует.

Прежде всего, необходимо оценить значение и смысл принятия Постановления 1978 г. Его основополагающий пункт 1 гласил: *"Установить, что:*

*внешнеторговые сделки, заключаемые советскими организациями, правомочными совершать внешнеторговые сделки, должны подписываться двумя лицами. Право подписи таких сделок имеют руководитель и заместители руководителя указанной организации, руководители фирм, входящих в состав этой организации, а также лица, уполномоченные доверенностями, подписанными руководителем организации единолично, если уставом (положением) организации не предусмотрено иное. ...*

*Имена и фамилии лиц, имеющих по должности право подписи внешнеторговых сделок, а также векселей и других денежных обязательств, публикуются в печатном*

*органе Министерства внешней торговли или в печатном органе министерства, государственного комитета или ведомства, в системе которого находится соответствующая организация".* Было бы глубокой ошибкой рассматривать данные нормы как простую формальность, созданную советским правом.

Если мы вспомним, какое значение придавалось в СССР принципу монополии советского государства на внешнюю торговлю[30], то оценить роль и смысл нормы Постановления 1978 г. о двух подписях можно в полной мере. Монополия внешней торговли являлась одним из фундаментов, на которых базировалась плановая экономика СССР. Следовательно, советское государство нуждалось в специальном механизме для идеального, с точки зрения советских подходов, функционирования этой монополии. Прежде всего, он состоял в наделении правом выхода на внешний рынок только небольшого числа организаций, обладающих, к тому же, что весьма существенно, специальной правоспособностью. *"В соответствии с выраженным в Конституции СССР принципом государственной монополии внешней торговли советское законодательство определяет круг тех советских организаций, которые пользуются правом совершения сделок по экспорту и импорту"*[31]. Но это являлось недостаточным: был необходим дополнительный механизм контроля над совершением внешнеторговых операций внутри таких обладающих специальной правоспособностью юридических лиц. Отсутствие подобного механизма могло бы быть для Советского государства весьма негативным: несмотря на декларируемую отдельную правосубъектность государственных организаций от государства, они составляли, по сути дела, с ним одно целое, и неконтролируемое совершение внешнеторговых сделок неуполномоченными лицами вполне могло привести к финансовой несостоятельности внешнеторговых объединений, а посредством этого создавалась бы угроза финансовой стабильности государства и особенно угроза валютным резервам, в которых СССР всегда испытывал недостаток.

Поэтому норма о двух подписях играла очень важную роль в механизме монополии внешней торговли в СССР: она являлась дополнительным инструментом контроля над совершением внешнеэкономических сделок внутри внешнеторговых объединений. Хотя эта норма и устанавливала, на первый взгляд, не более чем формальность, последняя носила глубокий смысл, играла значительнейшую роль и влекла существенные последствия: важны были не подписи сами по себе, а факт санкционирования сделки лицами, специально уполномоченными внешнеторговым объединением, которое, в свою очередь, было на это управомочено государством. Последнее посредством механизма нормы о двух подписях фактически санкционировало каждую внешнеторговую сделку. Ввиду всех этих факторов норма о двух подписях действительно не могла не иметь в СССР особого значения и не могла не характеризоваться особой императивностью. Учитывая значение и роль внешнеэкономических связей для СССР, можно сказать, что от ее соблюдения зависело не только идеальная работа механизма монополии внешней торговли, но через последнюю — и успешное функционирование всей плановой экономики.

Таким образом, норма о двух подписях являлась неразрывно связанной с советской монополией внешней торговли и социалистическим плановым хозяйством. В этом были ее основания существования, цели и смысл. Неудивительно, что она первоначально была законодательно закреплена в СССР в начале 30-х годов, в период изменения подходов к внешней торговле, государственная монополия на которую всегда была особым принципом советской власти, направленным на ее укрепление.

Очень важно отметить, что особой процедуре подписания внешнеторговых сделок Постановлением 1978 г. был придан характер публичной достоверности: фамилии и имена лиц, имеющих право подписывать внешнеторговые сделки, публиковались в общедоступных печатных органах, в частности, в специали-

зированном журнале "Внешняя торговля". По этой причине любые попытки неуполномоченного лица заключить внешнеторговую сделку и посредством ее обязать внешнеторговое объединение были обречены на неудачу: благодаря указанной публичной достоверности было невозможно утверждать, что иностранный контрагент не знал об отсутствии полномочий у лица, сделку совершившего.

Ввиду этого можно утверждать, что в СССР норма Постановления 1978 г. относилась к нормам "позитивного" публичного порядка. Именно этим объясняется, в частности, практика применения Постановления 1978 г. Внешнеторговой арбитражной комиссией при ТПП СССР, когда нарушавшие это Постановление сделки признавались недействительными.

Однако в 1991 г. монополия внешней торговли была отменена. Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 "О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР"[32], вступивший в силу с момента его подписания, установил: *"В целях стимулирования внешнеэкономической деятельности, стабилизации внутреннего рынка и привлечения иностранных инвестиций постановляю:*

*1. Разрешить всем зарегистрированным на территории РСФСР предприятиям и их объединениям независимо от форм собственности осуществление внешнеэкономической, в том числе и посреднической, деятельности без специальной регистрации".*

Весь глубокий смысл и значительнейшая роль нормы о двух подписях исчезли вместе с устранением монополии внешней торговли. Но нельзя считать, что устанавливаемое этой нормой требование наличия двух подписей продолжало сохранять силу, пусть даже и в качестве формальности. Вывод может быть только один: норма Постановления 1978 г. о двух подписях утратила все основания своего существования, отпали все преследуемые ею цели, и она стала для регулирования правового оборота ненужной. Более того, отмена в России монополии внешней торговли и начало перехода к рыночной экономике стали теми факторами, которые кардинально изменили смысл правового регулирования. В результате норма о двух подписях стала противоречить смыслу и сути нового российского законодательства. Следовательно, в соответствии с пунктом 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 "О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств"[33] эта норма перестала быть применимой на территории России как противоречащая новому российскому законодательству, его принципам и смыслу.

Очень характерно то, что при выдвижении утверждений о действии нормы Постановления 1978 г. о двух подписях (до 3 августа 1992 г. или после этой даты), почему-то совсем забывают объяснить, каким образом должна была соблюдаться другая норма Постановления 1978 г. о публичной достоверности данных о лицах, уполномоченных на подписание внешнеторговых сделок. Невозможно предположить, что последняя силу утратила, а норма о двух подписях — не утратила: они либо обе сохранили силу, либо обе утратили ее. Но после отмены монополии внешней торговли исполнять норму Постановления 1978 г. о публичной достоверности стало технически крайне сложно (если вообще возможно), а с правовой точки зрения просто бессмысленно, что еще раз доказывает утрату силы нормой о двух подписях. В противном случае и сегодня на любого субъекта внешнеэкономической деятельности следует возлагать ответственность за то, что он не опубликовал имена и фамилии лиц, имеющих по должности право подписания внешнеторговых сделок, в печатном органе соответствующего федерального ведомства (такая публикация технически очень сложна, но в принципе возможна, хотя и бессмысленна).

Кроме того, отказ от монополии внешней торговли стал одним из важнейших принципов экономики и права России, признавшей, что *Commercium jure gentium commune esse debit et non in monopolium et privatum paucorum quaestum convertendum*

(*По международному праву торговля должна быть всеобщей и не превращаться в монополию и источник частной прибыли для немногих*). Сегодня этот принцип необходимо отнести к основам правопорядка Российской Федерации, и по этой причине норму Постановления 1978 г. о двух подписях следует опять-таки считать противоречащей таким основам правопорядка, внутреннему публичному порядку Российской Федерации, поскольку она является орудием совершенно противоположного подхода.

Таким образом, поскольку норма Постановления 1978 г. о двух подписях утратила силу с 15 ноября 1991 г., с момента вступления в силу Указа Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 "О либерализации внешнеэкономической деятельности", то не может быть речи не только о нарушении публичного порядка Российской Федерации при наличии на внешнеэкономической сделке одной подписи со стороны российского лица, но и о простом нарушении законодательства России.

Соответственно, именно из этого могли бы исходить и Арбитражный Суд, и Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, и заместитель Председателя Верховного Суда РФ, а не ограничиваться соответственно сомнениями либо утверждениями по поводу продолжения действия Постановления 1978 г. в России.

## 7. ВТОРОЕ РАССМОТРЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИМ ГОРОДСКИМ СУДОМ ХОДАТАЙСТВА О ПРИЗНАНИИ И ПРИВЕДЕНИИ В ИСПОЛНЕНИЕ В РОССИИ РЕШЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДА

В октябре 1997 г. данное ходатайство было вновь рассмотрено Санкт-Петербургским городским судом. Как следовало из актов Верховного Суда РФ, одним из решающих должен был стать вопрос о том, будет ли являться противоречащим публичному порядку Российской Федерации признание и приведение решения Арбитражного Суда в исполнение. И действительно, в ходе судебного заседания должник настойчиво утверждал, что признание и приведение такого решения в исполнение повлечет нарушение данного публичного порядка. По большому счету, должнику ничего иного делать и не оставалось, учитывая, что Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже" очень благоприятно относится к признанию и приведению в исполнение иностранных арбитражных решений и для отказа в них устанавливает ограниченный перечень оснований, связанный преимущественно с формальными моментами арбитражного разбирательства, ввиду чего использование любого из таких оснований, кроме указания на противоречие публичному порядку, для должника являлось изначально бесперспективным, коль скоро процедурные аспекты вынесения решения Арбитражного Суда были соблюдены[34].

В свою очередь, для большей весомости своей позиции взыскатель представил в Санкт-Петербургский городской суд экспертное заключение международной юридической фирмы "ММЦП & К°". В нем был произведен детальный разбор ситуации и доказательно сделан вывод о том, что признание и приведение в исполнение решения Арбитражного Суда не будет противоречить публичному порядку Российской Федерации ввиду того, что Постановление 1978 г. утратило силу задолго до заключения кредитного соглашения между шведской компанией и должником, а именно с 15 ноября 1991 г., то есть с момента, когда вступил в силу Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 213 "О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР", отменивший в России монополию государства на внешнюю торговлю. Для этого в заключении была исследована правовая история происхождения Постановления 1978 г., его смысл и соотношение с последующим российским законодательством. Кроме того, в нем было продемонстрировано, к каким абсурдным правовым последст-

виям в России может привести признание Постановления 1978 г. действующим. Наконец, в нем указывалось, что в любом случае заключение сделки, нарушающей публичный порядок, не может автоматически означать, что исполнение вынесенного на основании этой сделки иностранного арбитражного решения повлечет противоречие этому же публичному порядку[35].

Данное экспертное заключение было Санкт-Петербургским городским судом принято во внимание. В итоге этот суд определил:

*"При новом рассмотрении дела представитель Ответчика возразил против удовлетворения ходатайства, ссылаясь на то, что спорное решение противоречит публичному порядку Российской Федерации, так как Кредитное Соглашение, являвшееся предметом рассмотрения Арбитражного Института Торговой Палаты г. Стокгольма было подписано одним лицом в нарушение Постановления Совета Министров СССР от 14 февраля 1978 года "О порядке подписания внешнеторговых сделок". Все остальные возражения, представленные ранее Ответчиком..., в данном судебном заседании представителем Ответчика были сняты.*

*Выслушав стороны, проверив материалы дела, нахожу ходатайство подлежащим удовлетворению в полном объеме.*

*В соответствии со ст. III Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных Арбитражных решений (ратифицированной СССР 24 августа 1960 года, правопреемником которого с 24 декабря 1991 года в полном объеме является Российская Федерация) каждое Договаривающееся государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений.*

*В соответствии с ч. 2 ст. V указанной Конвенции, в признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение решения найдет, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречит публичному порядку этой страны.*

*Из объяснений представителя Ответчика следует, что должник не оспаривает наличие указанного выше решения Арбитражного института Торговой Палаты г. Стокгольма и права Взыскателя требовать исполнения этого решения на основании доверенности на передачу прав Истца.*

*Доводы Ответчика о недействительности Кредитного Соглашения от 24.06 1992 года, подписанного со стороны должника одним лицом, были предметом рассмотрения Арбитражного Института Торговой Палаты г. Стокгольма, что нашло отражение в решении* [вынесенного в августе 1995 г.]. *При этом в арбитражном решении приведены исчерпывающие доводы о том, почему Арбитражный Институт счел данное Кредитное Соглашение действующим. При таких обстоятельствах суд не находит, что признание и приведение в исполнение этого решения противоречит публичному порядку Российской Федерации".*

Соответственно, Санкт-Петербургский городской суд разрешил исполнение решения Арбитражного Суда в полном объеме. Однако при этом в резолютивной части своего определения Санкт-Петербургский городской суд вновь указал: *"Разрешить на территории Российской Федерации принудительное исполнение решения Арбитражного Института Торговой Палаты г. Стокгольма, Швеции [вынесенного в августе 1995 г.] в части взыскания с Ответчика в пользу Истца основной суммы... шведских крон с перечислением всех взысканных сумм в пользу Взыскателя".*

### Анализ определения Санкт-Петербургского городского суда

1. Какие-либо дополнительные аргументы в пользу своей позиции, кроме указанных выше, Санкт-Петербургский городской суд не использовал. Вполне вероятно, что удовлетворяя ходатайство взыскателя, он мог учитывать доводы,

содержащиеся в представленном ему экспертном заключении международной юридической фирмы "ММЦП & К°". Однако, по какой-то причине он счел необходимым ограничиться указанием на то, что кредитное соглашение было признано Арбитражным Судом действительным, ввиду чего вопрос о нарушении Постановления 1978 г. и противоречии исполнения решения Арбитражного Суда публичному порядку Российской Федерации стоять уже не мог. Санкт-Петербургский городской суд уклонился от ответа на вопрос, действовало ли в момент заключения кредитного соглашения Постановление 1978 г., хотя он мог легко придти к негативному ответу. Фактически он занял позицию Арбитражного Суда, которая, как уже указывалось выше, вряд ли была удачной.

Равным образом Санкт-Петербургский городской суд предпочел не анализировать категорию "противоречие публичному порядку". Не исключено, что, придя по существу к правильному выводу, данный суд счел подобный анализ излишним или слишком затруднительным, хотя нельзя не признать, что от более развернутой аргументации в его определении российское право только выиграло бы.

**2.** Наконец, своим вторым определением Санкт-Петербургский городской суд показал, что он также не обратил внимания на противоречие, допущенное Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ в вопросе о соотношении проблемы исполнения в России иностранных арбитражных решений именно в полном, а не в частичном объеме, с проблемой права поручителя добиваться взыскания долга с основного должника при помощи специальной процедуры признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения (даже если он в нем и не поименован как сторона, но при условии, что такое решение было вынесено в пользу кредитора до того, как поручитель исполнил ему обязательства за должника). Об этом свидетельствует и формула резолютивной части его определения о том, что исполнение решения разрешается в пользу шведской компании, но с перечислением всех взыскиваемых сумм в пользу взыскателя. В итоге же вместо четкого ответа на вопрос вновь имели место неопределенность и двусмысленность.

**3.** Но зато Санкт-Петербургский городской суд в своем втором определении уже не использовал ссылки на Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-XI "О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей". Однако при этом не сослался и на Закон РФ "О международном коммерческом арбитраже", а ограничился упоминанием о Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.). Но при всем при этом он использовал терминологию Указа Президиума Верховного Совета СССР, говоря именно о разрешении принудительного исполнения решения Арбитражного Суда.

**4.** Можно также упомянуть и о том, что Санкт-Петербургский городской суд никак не учел указание Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ на то, что

*"в силу ст. 75 Конституции РФ денежной единицей в РФ является рубль, следовательно, все расчеты между сторонами на территории РФ должны вестись в рублевом эквиваленте, в том числе и взыскиваемые по решению суммы".*

Как уже говорилось, исходя из норм действующего валютного законодательства России, можно утверждать, что взыскатель действительно не мог получить от должника истребуемую сумму в валюте, но должен был получить эквивалент этой суммы в российских рублях. Возможно, Санкт-Петербургский городской суд не стал этот вопрос рассматривать потому, что должник соответствующее возражение снял, хотя представляется, что декларируемая российским государством валютная политика требовала от суда по собственной инициативе уделить данному аспекту особое внимание.

**5.** Наконец, нельзя не признать, что должник на данной стадии рассмотрения

дела не использовал те средства правовой защиты, которые ему предоставляли реалии российского права.

## 8. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Рассмотренная история демонстрирует, что в России уже на стадии признания и приведение иностранных арбитражных решений в исполнение можно столкнуться с довольно неожиданными сложностями.

Не стоит еще раз подробно указывать на технические (иногда достаточно серьезные) неточности, которые иногда допускаются российскими судами, как показывает проанализированное дело. Однако следует еще раз упомянуть о серьезных правовых ошибках и противоречиях, которые, как показывает это же дело, вполне могут быть допущены в таком сложном вопросе, как признание и приведение в исполнение иностранных решений (при этом не исключается, что их количество, по мере рассмотрения дела, может только увеличиваться). Вообще же говоря, что касается и неточностей, и ошибок, то рассмотренная история является достаточно уникальной как по их количеству, так и по их значимости.

Вместе с тем нельзя не отметить и то, что российские суды пытаются сформулировать ответы на вопросы, носящие весьма принципиальный характер. Об этом в рассмотренном деле свидетельствует позиция Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ о необходимости исполнения в России иностранных арбитражных решений именно в полном, а не в частичном объеме, равно как и допущение ею для поручителя возможности добиваться взыскания долга с основного должника при помощи специальной процедуры признания и приведения в исполнение иностранного арбитражного решения (даже если он в нем и не поименован как сторона, но при условии, что такое решение было вынесено в пользу первоначального кредитора до того, как поручитель исполнил ему обязательства за должника). Вполне понятно, что на этом пути российскими судами делаются только первые шаги, ввиду чего некоторые ошибки и возникновение противоречий неизбежны.

Что касается других сложностей, то одна из них состоит как в том, что должники толкуют понятие "противоречие публичному порядку" очень широко и пытаются использовать его в качестве основного возражения против признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений, так и в том, что подобная позиция должников нередко находит поддержку у судов, в том числе и вышестоящих. Объясняется это, прежде всего, тем, что в российском праве нет опыта применения данного понятия. Так, можно утверждать, что за всю историю существования СССР действующие в нем правоприменительные органы ни разу к нему не прибегали[36]... (по меньшей мере, какие-либо публикации советских судебных и иных решений или ссылки на них автору настоящей статьи не известны). Далее, этот институт очень слабо разработан и в доктрине отечественного права (сказанное следует воспринимать с поправкой на то, что до сих пор сохраняют значение написанные в начале века работы по данному вопросу Бруна М.И.[37]... и Пиленко А.А.[38]), а имеющиеся труды периода после 1917 г. устарели, обладают идеологической окраской либо несерьезны. Данные обстоятельства имеют следствием то, что суды иногда дают очень причудливое истолкование категории "противоречие публичному порядку" (как показывает и описанная история), а иногда неправильно используют ее (как следует из позиции Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ в рассмотренном деле). Впрочем, все вышесказанное указывает и на то, что данная категория, притягивая к себе основное внимание в тех случаях, когда о ней вообще не следует говорить, в действительности может отвлекать и стороны, и суд от других, действительно острых проблем конкретного спора и слабых позиций той или иной стороны. Соответственно, эту категорию вовсе не следует переоценивать или забывать ввиду нее об иных аспектах дела.

С другой стороны, сложность данной категории не следует недооценивать, особенно судам: если она и используется ими правильно, то одновременно нередко имеет место недостаточно большое внимание к ней (что опять-таки демонстрируется обстоятельствами рассмотренного дела).

Между тем, все еще больше осложняется запутанностью российского регулирования, зачастую противоречивого, формалистичного и содержащего многочисленные пробелы. Особым аспектом в этой проблеме является достаточно важный и острый вопрос о применимости старого советского права.

Кроме того, в последнее время в России складывается конкурирующая судебная юрисдикция в сфере признания и приведения в исполнение иностранных решений[39]. Как известно, в России споры с участием иностранных лиц могут разрешать как государственные арбитражные суды, так и суды общей юрисдикции. Однако при этом вопросы признания и приведения в исполнение иностранных решений по частноправовым вопросам рассматривали и рассматривают, исходя из содержания действующего законодательства, суды общей юрисдикции. Тем не менее, государственные арбитражные суды, получив в 1995 г. компетенцию рассматривать споры с участием иностранных лиц, теперь все чаще утверждают о наличии и у них компетенции решать вопросы признания и приведения в исполнение таких решений (правда, только по экономическим спорам) и, более того, уже начали использовать этот подход на практике. Соответственно, ввиду того, что в каждом из данных двух видов судов может иметься собственное понимание проблем такого признания и приведения в исполнение, выбор российского суда того или иного вида может стать определяющим в успешности попытки добиться признания и приведения в исполнение в России конкретного иностранного решения.

В результате, ввиду того, что российское право исповедует принцип благоприятного отношения к иностранным арбитражным решениям, категория "противоречие публичному порядку" в современной России является тем средством, к которому наиболее часто неправильно могут прибегать особенно должники (а иногда и суды) в стремлении обеспечить отказ в признании и приведении в исполнение таких решений в России: использование других устанавливаемых российским правом оснований для такого отказа является в преобладающем большинстве случаев бесперспективным. При этом весьма характерно и то, что, не зная, как обращаться с категорией "противоречие публичному порядку", или не желая показывать свое незнание, должники и некоторые суды нередко сложному и тонкому юридическому анализу могут предпочесть голословные утверждения о наличии подобного противоречия. В итоге кредиторам следует быть готовыми к тому, что вместо аргументов в судебных актах некоторых российских судов по поводу признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений они обнаружат только выводы. Но даже если там будут присутствовать и доводы, вряд ли они будут развернутыми, что всегда будет оставлять большие возможности для различной их интерпретации.

Именно отсутствие устоявшихся в практике и теории подходов в применении категории "противоречие публичному порядку" и отсутствие каких-либо всеми признанных критериев в его отношении обусловливают то, что у многих иностранных арбитражных решений при их признании и приведении в исполнение в России имеются все шансы столкнуться с аналогичными, или даже еще большими, трудностями, которые были описаны в настоящей статье. При этом, по большому счету, не всегда будет иметь значение, идет ли речь о сложном деле или же об относительно простом.

Единственным средством противодействия этому является тщательность и глубина анализа каждой конкретной ситуации в свете особенностей российского права, причем не только на этапе признания и приведения решения в исполнение,

но и на этапе его вынесения в форме выдвижения той или иной стороной требований к арбитрам четко ответить на определенные правовые вопросы. Так, нельзя исключать того, что позиция Арбитражного Суда, фактически отказавшегося занять ясную позицию в сложном и болезненном для международного частного права России вопросе о действии Постановления 1978 г. и сомневавшегося в наличии силы у этого Постановления как до, так и после 3 августа 1992 г., могла способствовать тому, что при решении вопроса о признании и приведении решения Арбитражного Суда в исполнение должник настойчиво выдвигал указание на несоответствие кредитного соглашения Постановлению 1978 г. и на вытекающее из этого противоречие признания и приведения в исполнение решения Арбитражного Суда публичному порядку Российской Федерации.

Нельзя не отметить, что в большинстве случаев залогом успеха признания и приведения решения в исполнение будет обращение кредитора к высококвалифицированным российским юристам.

В заключение следует упомянуть о том, что за последнее время было опубликовано уже три документа Верховного Суда РФ, в которых рассматривается понятие "противоречие публичному порядку", причем в двух из них применительно к решениям Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ[40].... При этом анализ данного понятия был осуществлен в таких документах, в отличие от того, как это было сделано в рассмотренном деле, правильно[41].... Соответственно, все это позволяет надеяться на то, что количество допускаемых в судебной практике ошибок в сфере признания и приведения в исполнение решений международного коммерческого арбитража будет неуклонно сокращаться.

**А.И. Муранов,**
партнер международной юридической фирмы "ММЦП & К°",
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
международного частного и гражданского права
МГИМО (Университета) МИД РФ,
подробнее об авторе см. в № 4 нашего журнала за 1999 год.

---

[1] *Муранов А.И.* Проблема порядка подписания внешнеэкономических сделок и публичный порядок Российской Федерации (по материалам одного из решений Верховного Суда России). — Московский журнал международного права, 1998, № 3.

[2] *Собрание постановлений Правительства Союза Советских Социалистических Республик,* 1978, № 6, ст. 35.

[3] См., например, примеры из книги: Практика Арбитражного суда, 1984—1986, часть XI. — М., ТПП СССР, секция права, 1989, с.3—4.

[4] Статья 4 Закона РСФСР от 24 октября 1990 г. "О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР" гласит: *"Акты органов СССР, изданные до принятия настоящего Закона, действуют на территории РСФСР, если они не приостановлены Верховным Советом РСФСР или Советом Министров РСФСР"* (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1990, № 21, ст. 237); пункт 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 "О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств" предусматривает: *"...установить, что на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению"* (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 51, ст. 1798).

[5] *Розенберг М.Г.* Контракт международной купли-продажи. Современная

практика заключения. Разрешение споров. — М., 1996, с. 38-40. *Розенберг М.Г.* Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. — М., 1996, с. 38-40.

[6] *"Несоблюдение формы внешнеторговых сделок и порядка их подписания (статья 565) влечет за собой недействительность сделки".*

[7] *"Форма внешнеторговых сделок, совершаемых советскими организациями, и порядок их подписания, независимо от места совершения этих сделок, определяются законодательством Союза ССР".*

[8] Здесь и в последующих цитируемых документах сохранены, как правило, язык, стиль, орфография и пунктуация оригиналов. При этом такие документы по возможности приводятся максимально полно, однако, с учетом целей настоящей статьи.

[9] Автор настоящей статьи отмечает, что из имеющихся у него документов не было до конца ясно, почему Арбитражный Суд вынес решение против поручителя на всю сумму долга в условиях, когда последний частично уже исполнил перед кредитором обязательства за должника. Вероятно, ситуация могла развиваться следующим образом: поручитель добровольно погасил часть задолженности должника, но затем было решено, что для обоснования в России такой выплаты ему не помешает иметь арбитражное решение. Соответственно, кредитор и поручитель могли договориться считать произведенный платеж никак с поручительством не связанным, ввиду чего арбитраж не мог не удовлетворить иск. Далее же по договоренности сторон истец мог отказаться от исполнения такого вынесенного в его пользу решения против поручителя.

[10] *"При отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве применяется право страны, где учреждена, имеет место жительства или основное место деятельности сторона, являющаяся:*

*...12) поручителем — в договоре поручительства;...".*

[11] Как известно, первая часть Гражданского кодекса РФ была введена в действие с 1 января 1995 г. Статья 5 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ "О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" предусматривает: *"По гражданским правоотношениям, возникшим до введения ее в действие, часть первая Кодекса применяется к тем правам и обязанностям, которые возникнут после введения ее в действие"* (Собрание законодательства Российской Федерации, 1994, № 32, ст. 3302). Между тем, взыскатель как поручитель произвел платеж шведской компании в сентября 1995 г.

[12] В частности, он мог решить, что взыскатель на основании доверенности действует как агент шведской компании, а коль скоро последняя уже получила определенную сумму, вторичное взыскание этой же суммы в ее пользу является недопустимым.

[13] Так, в Информационном письме Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 января 1998 г. № 28 "Обзор практики разрешения споров, связанных с применением арбитражными судами норм Гражданского кодекса Российской Федерации о поручительстве" говорится: *"**7. Если решение суда о взыскании соответствующих сумм с должника не исполнено, кредитор имеет право предъявить иск к поручителю.***

*Кредитор обратился в арбитражный суд с иском к должнику в связи с просрочкой возврата суммы займа.*

*Арбитражный суд иск удовлетворил и взыскал сумму займа и процентов, исчисленных в размере, определенном в договоре. Исполнительный лист был предъявлен кредитором к исполнению, но оплата произведена не была в связи с отсутствием средств на счете должника.*

*Исполнение обязательств должником было обеспечено договором поручительства. Не получив удовлетворения по исполнительному документу, кредитор обратился*

*с иском к поручителю, несущему солидарную ответственность с должником. Поручитель просил суд освободить его от ответственности, поскольку при наличии решения о взыскании долга с должника повторное взыскание повлечет неосновательное обогащение кредитора.*

*Арбитражный суд отклонил доводы поручителя и удовлетворил требования кредитора, представившего доказательства неполучения от должника платежа по выданному ранее исполнительному документу. В резолютивной части решения было указано, что поручитель отвечает солидарно с основным должником.*

*При этом суд исходил из того, что по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства в целом или в части. Обязательства должника могли считаться исполненными лишь при уплате долга кредитору, а не вынесении решения о его взыскании.*

*Согласно статье 323 Кодекса солидарные должники остаются обязанными до тех пор, пока обязательство не исполнено полностью.*

*Поскольку основное обязательство не было исполнено, кредитор был вправе на основании статьи 361 и пункта 2 статьи 363 Кодекса обратиться к поручителю с требованием об исполнении обязательства. При наличии доказательств, свидетельствующих о полной или частичной уплате долга основным должником, поручитель вправе ссылаться на эти обстоятельства в споре с кредитором (статья 364 Кодекса)"* (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1998, № 3).

[14] *Ведомости* Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1988, № 26, ст. 427.

[15] Соответственно, когда далее будет говорится о разрешении исполнения иностранного решения, это будет не словоупотреблением автора настоящей статьи, а использованием им слов других лиц и судов.

[16] *Российская* газета, 1997, 5 августа; Собрание законодательства Российской Федерации 1997, № 30, ст. 3591.

[17] Но даже если Судебная коллегия имела в виду все-таки указанное выше в пункте 2.1, то оно, тем не менее, обладает определенной ценностью для российского права и практики признания и приведения в исполнение в России иностранных арбитражных решений.

[18] Статья 387 Гражданского кодекса РФ предусматрвает: "*Права кредитора по обязательству переходят к другому лицу на основании закона и наступления указанных в нем обстоятельств:...*

*вследствие исполнения обязательства должника его поручителем или залогодателем, не являющимся должником по этому обязательству;...".* Стоит подчеркнуть, что в отечественной литературе даже в очень серьезных изданиях иногда можно встретить ошибочные указания на то, что поручитель приобретает права к должнику не в порядке перехода прав на основании закона, а в порядке регресса: *"Поручителю предоставлено право регресса к должнику, обязательство которого он выполнил"* (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный), расширенный, с использованием судебно-арбитражной практики / О.Н. Садиков (рук. авт. колл. и отв. ред.). — М., 1997, с. 617).

[19] *"Согласно статье 384 Гражданского кодекса Российской Федерации право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, если иное не предусмотрено законом или договором.*

*Анализ указанной нормы и заключенного между сторонами договора цессии, которым предусмотрена также уступка права на предъявление исков, позволяет сделать следующие выводы.*

*Предъявление иска в защиту нарушенных прав представляет собой одну из составных частей содержания права требования, перешедшего к новому кредитору.*

*Сохранение ранее установленного сторонами порядка разрешения споров не ущемляет прав цессионария и позволяет обеспечить надлежащую защиту интересов должника.*

*Учитывая это, обе инстанции арбитражного суда сделали обоснованный вывод о том, что к упоминаемым в статье 384 Гражданского кодекса Российской Федерации условиям, на которых права первоначального кредитора переходят к новому кредитору, может быть отнесено также условие об избрании определенного арбитража для разрешения возможных споров между участниками договора"* (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1997, № 9).

[20] См. выше сноску 13.

[21] Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 3 ноября 1998 г. № 4269/98 решил: *"Внешнеэкономическое объединение "Техмашимпорт" (далее — ВО "Техмашимпорт") обратилось в Арбитражный суд Московской области с иском к товариществу с ограниченной ответственностью "Катуар-Керамика" (далее — ТОО "Катуар-Керамика") о взыскании 560 929,19 доллара США, уплаченных истцом на основании гарантийного письма кредитору — Международному московскому банку (далее — ММБ) за заемщика (ответчика), а также 5 782 731 205 рублей 50 копеек процентов за пользование чужими денежными средствами за период с 01.01.95 по 10.01.97*

*До принятия решения стороны заключили мировое соглашение, по которому ответчик полностью признал исковые требования и обязался передать в собственность истцу часть оборудования стоимостью, эквивалентной сумме задолженности.*

*Определением от 13.02.97 суд утвердил мировое соглашение, установив, что оно не нарушает прав других лиц и в соответствии с требованиями статьи 121 и пункта 7 статьи 85 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации прекратил производство по делу.*

*В протесте заместителя Генерального прокурора Российской Федерации предлагается определение Арбитражного суда Московской области от 13.02.97 отменить, дело направить на новое рассмотрение, поскольку мировое соглашение ущемляет права и законные интересы ММБ.*

*Рассмотрев протест, Президиум не находит оснований для его удовлетворения.*

*Как следует из материалов дела, по кредитному соглашению от 01.07.93 Международный московский банк предоставил совместному предприятию "Катуар-Керамика" (впоследствии — ТОО "Катуар-Керамика") 2 100 000 долларов США для закупки итальянского оборудования с конечным сроком возврата кредита через 18 месяцев с даты его использования.*

*Требование о возврате остальной суммы долга по кредитному соглашению в соответствии с его условием предъявлено ММБ в Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации. Названное требование удовлетворено за счет ТОО "Катуар-Керамика", признанного правопреемником СП "Катуар-Керамика" (заемщик).*

*Таким образом, оба иска (настоящий и вышеуказанный) предъявлены по самостоятельным основаниям, и они не зависимы друг от друга. Кредитор и поручитель пользуются равными правами по отношению к должнику.*

*В соответствии с пунктом 1 статьи 365 Гражданского кодекса Российской Федерации к поручителю, исполнившему обязательство, переходят права кредитора по этому обязательству в том объеме, в котором поручитель удовлетворил требование кредитора. Поручитель также вправе требовать от должника уплаты процентов на сумму, выплаченную кредитору.*

*ВО "Техмашимпорт", предъявив настоящий иск, реализовал право поручителя, исполнившего обязательство, по своему усмотрению, как это установлено статьей 9 названного Кодекса"* (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1999, № 1)

[22] Не опубликовано.

[23] Данную позицию в 1998 г. поддержал и Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении от 3 ноября 1998 г. № 4269/98: *"Поскольку согласно пункту 1 статьи 317 Гражданского кодекса Российской Федерации денежные обязательства должны быть выражены в рублях, поручитель вправе требовать от должника уплаты процентов в рублях на сумму, выплаченную кредитору, несмотря на то, что основное обязательство исполнено в иностранной валюте"* (Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1999, № 1).

[24] Статья V этой Конвенции предусматривает: *"1. В признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательства того, что:*

*a) стороны в соглашении, указанном в статье II, были по применимому к ним закону, в какой-либо мере недееспособны или это соглашение недействительно по закону, которому стороны это соглашение подчинили, а при отсутствии такого указания — по закону страны, где решение было вынесено, или*

*b) сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве или по другим причинам не могла представить свои объяснения, или*

*c) указанное решение вынесено по спору, не предусмотренному или не подпадающему под условия арбитражного соглашения или арбитражной оговорки в договоре, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения или арбитражной оговорки в договоре, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением или оговоркой, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением или оговоркой, то та часть арбитражного решения, которая содержит постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением или арбитражной оговоркой в договоре, может быть признана и приведена в исполнение, или*

*d) состав арбитражного органа или арбитражный процесс не соответствовали соглашению сторон или, при отсутствии такового, не соответствовали закону той страны, где имел место арбитраж, или*

*e) решение еще не стало окончательным для сторон или было отменено или приостановлено исполнением компетентной властью страны, где оно было вынесено, или страны, закон которой применяется.*

*2. В признании и приведении в исполнение арбитражного решения может быть также отказано, если компетентная власть страны, в которой испрашивается признание и приведение в исполнение, найдет, что:*

*a) объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по законам этой страны, или*

*b) признание и приведение в исполнение этого решения противоречат публичному порядку этой страны"* (Ведомости Верховного Совета СССР, 1960, № 46, ст.421).

[25] *Российская газета*, 1993, 14 августа; Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 32. ст. 1240.

[26] *Комментарий* к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный), расширенный, с использованием судебно-арбитражной практики / О.Н. Садиков (рук. авт. колл. и отв. ред.). — М., 1997, с. 630.

[27] Более подробное обоснование данного тезиса см. в работе: *Муранов А.И.* Проблема порядка подписания внешнеэкономических сделок и публичный порядок Российской Федерации (по материалам одного из решений Верховного Суда России). — Московский журнал международного права, 1998, № 3, с. 93.

[28] *Российская газета*, 1996, 28 ноября.

[29] *Муранов А.И.* Проблема порядка подписания внешнеэкономических сделок и публичный порядок Российской Федерации (по материалам одного из решений

Верховного Суда России). — Московский журнал международного права, 1998, № 3.

[30] Достаточно вспомнить отношение В.И. Ленина к данному принципу и тот факт, что он был непосредственно закреплен в Конституции СССР (пункт 10 статьи 73).

[31] *Лунц Л.А.* Курс международного частного права. Особенная часть. — М., 1975, с. 49.

[32] *Российская* газета, 1991, 19 ноября; Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 47, ст.1612.

[33] *"...установить, что на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению"* (Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 51, ст.1798).

[34] Пункт 1 статьи 36 "Основания для отказа в признании или приведении в исполнение арбитражного решения" указанного Закона предусматривает: *"1. В признании или приведении в исполнение арбитражного решения, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, может быть отказано лишь:*

*1) по просьбе стороны, против которой оно направлено, если эта сторона представит компетентному суду, в котором испрашивается признание или приведение в исполнение, доказательства того, что:*

*одна из сторон в арбитражном соглашении, указанном в статье 7, была в какой-либо мере недееспособна; или это соглашение недействительно по закону, которому стороны его подчинили, а при отсутствии такого указания — по закону страны, где решение было вынесено; или*

*сторона, против которой вынесено решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве или по другим причинам не могла представить свои объяснения; или*

*решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением или не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения, с тем, однако, что если постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, могут быть отделены от тех, которые не охватываются таким соглашением, то та часть арбитражного решения, в которой содержатся постановления по вопросам, охватываемым арбитражным соглашением, может быть признана и приведена в исполнение; или*

*состав третейского суда или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон или в отсутствие такового не соответствовали закону той страны, где имел место арбитраж; или решение еще не стало обязательным для сторон, или было отменено, или его исполнение было приостановлено судом страны, в которой или в соответствии с законом которой оно было вынесено; либо*

*2) если суд найдет, что:*

*объект спора не может быть предметом арбитражного разбирательства по закону Российской Федерации; или*

*признание и приведение в исполнение этого арбитражного решения противоречат публичному порядку Российской Федерации".*

[35] Содержащиеся в этом заключении доводы были использованы в уже упоминавшейся статье автора "Проблема порядка подписания внешнеэкономических сделок и публичный порядок Российской Федерации (по материалам одного из решений Верховного Суда России)". — Московский журнал международного права, 1998, № 3.

[36] *"Следует отметить, что случаи применения оговорки о публичном порядке к внешнеторговым отношениям в нашей практике вообще не имели места..."* (*Богуславский М.М.* Международное частное право. — М., 1994, с. 95).

[37] *Брун М.И.* Публичный порядок в международном частном праве. — Петроград, 1916.

[38] *Пиленко А.А.* Очерки по систематике частного международного права. — СПб., 1911.

[39] Подробнее см. работу: Муранов А.И. Проблема определения суда, компетентного рассматривать вопрос о приведении в исполнение в Российской Федерации иностранных решений по коммерческим спорам. — Московский журнал международного права, 2000, № 1.

[40] Пункт 14 Обзора судебной практики Верховного суда РФ "Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам"(Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1998, № 9); Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 сентября 1998 г. "Вывод городского суда о противоречии решения Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации публичному порядку Российской Федерации признан неправильным" (Извлечение) (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1999, № 3); Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 2 июня 1999 г. "Определение суда о разрешении принудительного исполнения на территории Российской федерации решения Хозяйственного суда Латвии признано правильным" (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1999, № 11).

[41] Например, в Определении Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 сентября 1998 г. говорится, в частности: *"При рассмотрении дела городской суд признал, что решение МКАС при ТПП РФ противоречит публичному порядку Российской Федерации, поскольку не соответствует ее законодательству.*

*Однако, этот вывод основан на неверном толковании понятия "публичный порядок Российской Федерации", а также противоречит содержанию решения, в котором отсутствуют ссылки на нормы международного или иностранного права. Решение арбитражного суда основано на нормах российского гражданского законодательства, что вообще исключает возможность ссылки на нарушение публичного порядка, поскольку применение норм национального российского права не может трактоваться как нарушение публичного порядка Российской Федерации.*

*Содержание понятия "публичный порядок Российской Федерации" не совпадает с содержанием национального законодательства Российской Федерации. Поскольку законодательство Российской Федерации допускает применение норм иностранного государства (ст.28 Закона Российской Федерации "О международном коммерческом арбитраже"), наличие принципиального различия между российским законом и законом другого государства само по себе не может быть основанием для применения оговорки о публичном порядке. Такое применение этой оговорки означает отрицание применения в Российской Федерации права иностранного государства вообще.*

*Под "публичным порядком Российской Федерации" понимаются основы общественного строя Российского государства. Оговорка о публичном порядке возможна лишь в тех отдельных случаях, когда применение иностранного закона могло бы породить результат, недопустимый с точки зрения российского правосознания".*

*Статья поступила в редакцию в октябре 1999 года.*

# Информация

## ГЛАВНОЕ ОТКРЫТИЕ УХОДЯЩЕГО ВЕКА

В нашем журнале уже неоднократно публиковались статьи о возможной встрече человечества с Иным разумом и в связи с этим о необходимости создания каких-то основ Метаправа для возможного общения с ним (см. в частности, статьи вице-президента Ассоциации "Экология Непознанного" С.Э. Ермакова "Идея Метаправа и встречи с Иным Разумом", опубликованную в №2 журнала за 1999 год, и члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора М.И. Клеандрова "Еще раз об идее Метаправа в контексте предстоящей встречи с Иным Разумом", опубликованную в №2 журнала за 2000 год).

Нет, вероятно, не зря публиковались эти статьи. Проблема созрела, она существует. В распоряжение редакции поступил патент, — регистрационный № 000360, — выданный Международной регистрационной палатой информационно-интеллектуальной новизны (МРП ИИН). Патент на открытие, автором которого является известный ученый-философ, уфолог и инженер Владимир Георгиевич Ажажа.

Суть его открытия изложена в формуле новизны. В ней говорится: эмпирически и экспериментально установлено информационно-энергетическое мультипроявление на планете Земля и в околоземном пространстве и воздействие на людей, природу и технику Иного, чем человеческий, Разума, превосходящего по технологическим возможностям уровень развития человеческой цивилизации, проявляющего себя в так называемых НЛО (неопознанных летающих объектах) и связанных с ними феноменах, что доказывает, что Человечество во Вселенной не одиноко.

Краткое наименование открытия: **глобальное явление присутствия (посещения) и информационно-энергетического воздействия надчеловеческого по технологическим проявлениям разума на биосферу Земли, доказывающее, что человечество, как носитель Разума, во Вселенной не одиноко.**

С любезного согласия автора открытия мы приводим его подробное описание.

Остается добавить, что патент на свое открытие В.Г. Ажажа получил в торжественной обстановке 4 июля — в Международный день уфолога, хотя дата регистрации патента — 14 июня 2000 года.

День уфолога отмечается 4 июля потому, что именно в этот день в 1947 году неподалеку от американской военной базы в Рокуэлле потерпел крушение неопознанный летающий объект, в котором были обнаружены не подававшие никаких признаков движения "зеленые человечки". На эту тему уже снято несколько фильмов, а в Рокуэлле находится единственный в мире музей НЛО с экспонатами, сохраненными после его аварии. Музей процветает с коммерческой точки зрения.

***

## ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, КАК НОСИТЕЛЬ РАЗУМА, ВО ВСЕЛЕННОЙ НЕ ОДИНОКО.

**Установлено глобальное явление присутствия (посещения) и информационно-энергетического воздействия надчеловеческого по своим проявлениям Разума на биотехносферу Земли, доказывающее, что Человечество, как носитель Разума, во Вселенной не одиноко.**

Идея множественности обитаемых миров так же стара, как и человеческая культура. В наше время доминирует проблематика, относящаяся к связи с ВЦ (внеземными цивилизациями*).

Пожалуй, основной формулой для всей проблемы ВЦ является известное соотношение, получившее название "формула Дрейка", которую совершенствовали и другие ученые, в частности, в нашей стране Л.М. Гиндилис, И.И. Юзвишин и др. При этом существование ВЦ выводилось не из опыта, а из общих соображений, общей картины мира. Здесь, на уровне гипотетико-дедуктивных построений, при вакууме наблюдательных данных возникли просторы для спекуляций (М.Н. Харт, И.С. Шкловский, Л.В. Фесенкова и др.)

Поскольку единственным критерием истины является практика — в данном случае практика контакта — на основе указанных квазифундаментальных построений, не обладающих, к сожалению, необходимой степенью достоверности, была сформулирована проблема CETI, что буквально означает "связь с внеземным Разумом", хотя этот термин используют для обозначения всего круга проблем, относящихся к ВЦ. Эксперименты по межзвездной связи проводились неоднократно, начиная с проекта "Озма" (продолженного впоследствии как "Озма—II" и кончая поисками сигналов ультрафиолетовых лазеров, проводившихся с помощью спутника ОАО-3 ("Коперник"), но все они дали отрицательный результат.

Этот астросоциологический парадокс выразил Н.С. Кардашев: "Большая вероятность полной цивилизации Вселенной и отсутствие в настоящее время каких-либо наблюдаемых проявлений космической деятельности и разумных существ".

Тогда же выступили М.Н. Харт и И.С. Шкловский. Последний сформулировал два основных эмпирических факта:

а) "вся совокупность современных астрономических наблюдений, насколько можно сейчас судить, по-видимому, исключает существование где бы то ни было во Вселенной "космического чуда" (т.е. разумной космической деятельности — **В.А.**);

б) имеющиеся данные совокупности наук о Земле (включая биологические и гуманитарные) исключают возможность посещения или колонизации нашей планеты представителями каких бы то ни было внеземных цивилизаций". (см. И.С. Шкловский, "О возможной уникальности разумной жизни во вселенной", сб. "Астрономия, методология, мировоззрение", М., Наука, 1979).

Вывод Шкловского о том, что мы (человечество — **В.А.**) одиноки во Вселенной, имеющий исключительное научное и морально-этическое значение для каждого индивидуума и всего человечества, **не опровергнут и поныне.**

Итак, потерпел неудачу поиск ВЦ по ее позывным. Таков же результат поиска ВЦ по ее астрономическим характеристикам, в том числе, по так называемым технологическим отходам. Космос пока молчит, хотя молчание ВЦ вовсе не эквивалентно ее отсутствию. Остается возможность ее обнаружения с помощью прямого контакта — например, методами космонавтики.

Однако, прямой контакт был реализован по-другому — методами уфологоии, т.е. науки, занимающейся изучением неопознанных летающий объектов (НЛО). Уфология развилась не на фантазиях и гипотезах, а на фактах и их истолкованиях, не противоречащих методам науки. Проблема НЛО и сегодня отторгается многими, хотя издревле стала элементом культуры. В нашей стране монопольное влияние официальной науки на партийное и государственное руководство не позволило найти оптимальные пути познания нетрадиционных для науки явлений. Причина

---

*Термин некорректен, так как приводит к ситуации, при которой наука появляется раньше, чем обнаружен предмет ее изучения **(В.А.).**

этому — несоответствие наблюдаемых феноменов и их вероятной интерпретации общепринятой научной парадигме, а также психологическая инерция, свойственная ортодоксам. Отмежевание от проблемы НЛО негативно сказалось на прогрессе общества, затормозив развитие научно-познавательного аппарата.

Такая ситуация в условиях развившейся после 2-й Мировой войны инструментальной техники и "информационного взрыва", интенсифицировавшего процесс самопознания человечества, явилась причиной возникновения за рубежом и в нашей стране научно-общественных уфологических организаций. Автор с 1975 года является создателем и руководителем ряда таких коллективов: "Московская уфологическая комиссия, Секция "Ближний поиск ВЦ с помощью средств радиоэлектроники" при МП НТОРЭС (Московское правление Научно-технического общества радиоэлектроники и связи) им. А.С. Попова, Уфологическая комиссия "Союза научных и инженерных обществ СССР", Союзуфоцентр — впоследствии — Уфоцентр, Отделение "Уфология и биоэнергоинформатика" Международной Академии информатизации с дальнейшим его преобразованием в Академию информациологической и прикладной уфологии, Совместная российско-американская ассоциация по изучению атмосферных феноменов (содиректор), участвовал в полевых работах, проанализировал тысячи отечественных и зарубежных случаев встреч с НЛО, обсуждал результаты на региональных, республиканских и международных конференциях, опубликовал в России и за рубежом 16 книг и брошюр и свыше 200 статей по проблеме НЛО.

Кропотливое изучение эмпирического и экспериментального материала, полученного за 25 лет, его систематизация и обобщение позволяют заключить:

1. Объективно **установлено** массированное многофакторное уфогенное воздействие на биотехносферу Земли и ее главный компонент — человечество.

2. Для установления искусственной природы (техногенности) наблюдаемых НЛО в качестве критерия искусственности использовалось статистическое сравнение наблюдаемых инструментально и органолептически явлений с достигнутым человеческой цивилизацией уровнем космической технологии. **Выявлено,** что многие характеристики НЛО значительно выходят за определенные пределы ограничений, вытекающих из известных человечеству фундаментальных законов природы (безинерционный старт; повороты под прямым углом на скоростях, превышающих 2-ю космическую; проникновение без деформации сквозь различные среды: полиморфизм; манипуляции спектром и формой генерируемых лучей; дистанционное воздействие на психофизиологию человека и т.п.).

3. Для установления "разумности" наблюдаемых НЛО использовалось статистическое соотнесение наблюдаемых данных их деятельности с понятием "Разум", применяемым к человеку. Например, Разум — это способность логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания. Развивая эту формулировку можно полагать, что Разум — это способность собирать, абстрактно анализировать и использовать информацию для получения качественно новой информации об окружающем и самом себе, для совершенствования возможностей получения новой информации и для выработки адекватных, в том числе, сохраняющих реакций. При этом анализировались модели, полученные не только в показаниях анализирующих приборов или в виде совокупности чувственных ощущений, но и знаковые модели (типа пиктограмм — кругов на полях, знаков на плато Наска, Сальских знаков — цифр в небе и т.д.). Наблюдающим субъектом, как в п. 2, выступало разумное существо — человек или система "человек — машина", нивелирующая в значительной степени в сторону объективизации индивидуальные особенности анализирующего субъекта. Выявлено, что деятельность НЛО, безусловно, должна классифицироваться как разумная. Примерами могут быть:

- реакция на применение людьми военной техники (ответная атака на иранские самолеты в 1976 г.; избирательное разрушение радиолокационной станции под г. Самара в 1990 г.; поражение истребителей, летающих на перехват НЛО: США, 1948 г.; Куба, 1967 г. и т.д.);

- бесконтактная буксировка грузового поезда № 1702 весом 1560 тонн на расстояние около 50 км в Карелии в 1985 г., НЛО отделялся от поезда в районе станций, обходя их стороной;

- бесконтактная вертикальная буксировка военного вертолета США в 1973 г.;
- близкие контакты с прибывшими на борту НЛО квазичеловеческими существами, включая диалоги и массовые абдукции (кратковременные похищения людей для вивисекции с возвратом и памятью, заблокированной на эпизод похищения) и т.п. По этому поводу Уфоцентром и его филиалами обследованы тысячи людей — контактантов. Только в период с сентября 1990 г. по август 1991 г. в Уфоцентр обратилось более 500 контактантов.

4. Таким образом, проблему НЛО можно рассматривать как частный случай проблемы контактов между качественно отличными системами, "непохожими" цивилизациями.

Следует отметить, что для выполнения указанных исследований автором и его коллегами по Уфоцентру были созданы:

- компьютерный и фотографический банки данных, информационно-поисковая система (ИПС) "УФО", рубрикатор, машинный рубрикатор, справочно-информационный фонд;
- организована Российская уфологическая сеть быстрого реагирования (РУС), включающая 180 местных коллективов уфологов, объединенных под эгидой Уфологической ассоциации;
- установлен информационный обмен с десятками зарубежных корреспондентов;
- разработан ряд оригинальных уфометрических приборов (комплекс "Сталкер-УФО", фотокамеры "Вета-020 М", "Вега-033 М" и др.).

Результаты исследований докладывались на уфологических конференциях, освещались в научной периодике и в средствах массовой информации (СМИ).

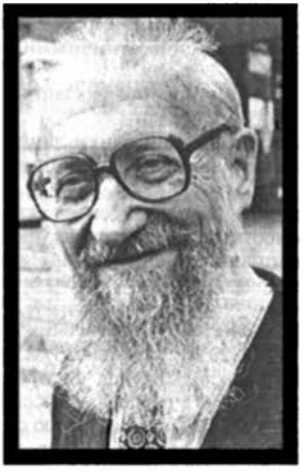
Автор в 1976 г. письменно докладывал ситуацию с НЛО Председателю Совета Министров СССР А.Н. Косыгину; в 1976—1977 г. по заказу Военно-морского флота выполнил научно-исследовательскую работу "Гидросферный аспект проблемы НЛО"; 18 июля 1994 г. выступил в Государственной Думе Российской Федерации с докладом "Уфология: экологический аспект"; а в 1994 г.; 1995 г. и 1997 г. — на Международных форумах информатизации.

5. Таким образом, эмпирически и экспериментально установлено информационно-энергетическое мультипроявление на планете Земля и в околоземном пространстве и воздействие на людей, природу и технику ИНОГО, чем человеческий, РАЗУМА, превосходящего по технологическим возможностям уровень развития человеческой цивилизации, проявляющего себя в так называемых НЛО (неопознанных летающих объектах) и связанных с ними феноменах, что доказывает, что **человечество, как носитель Разума, во Вселенной не одиноко.**

6. Факт посещения Земли пришельцами (или факт их постоянного здесь присутствия), т.е. открытие неединственности Разума во Вселенной и его сосуществования с человеческим, вряд ли сравнимы с чем-либо по своему значению. Подтверждена идея, может быть, самая величественная из когда-либо высказывавшихся человеком, которая окажет революционизирующее воздействие на самые основы наших представлений о происхождении и эволюции жизни и окружающего мира.

**Владимир Ажажа,**
Действительный член Международной
Академии информатизации и Российской Академии
Естественных Наук (РАЕН), доктор философских и кандидат
технических наук, профессор, Гранд-доктор философии, полный профессор,
лауреат премии им. Э.В. Евреинова и конкурса
"Элита информациологов мира",
кавалер ордена РАЕН "За заслуги в науке и экономике".

# Некролог



## ПОХЛЕБКИН ВИЛЬЯМ ВАСИЛЬЕВИЧ (1923—2000)

Это произошло 22 марта 2000 года.

Вильям Васильевич приехал домой в Подольск из Москвы, как это часто бывало, на последней электричке. Уже давно стемнело. Поднялся к себе на этаж. Остановился, прислушался. Он всегда так делал прежде, чем войти в квартиру. Вроде бы, тихо.

Быстро открыл замок и хотел по обыкновению проскользнуть в дверь. Вдруг сзади его обхватила какая-то рука и заткнула ему рот, чтоб не кричал. Кто-то втащил его в квартиру и здесь у самого порога всадил в его грудь отвертку. Полилась кровь. И новый удар отверткой в грудь.

Его о чем-то спрашивали. Он что-то говорил или кричал от боли. Таскали его по всей квартире, по всем трем комнатам, уставленным книгами, книгами, книгами. А из ран лилась кровь. Тысячи книг на стеллажах сделали эту квартиру труднопроходимой: она была похожа на книгохранилище какой-то научной библиотеки. Здесь были редчайшие фолианты, которые владелец привозил из своих походов по деревням российского Севера, много уникальных изданий этот книголюб закупил в московских магазинах раритетов: все букинисты столицы знали его в лицо и оставляли ему ценные издания, зная, что за них он готов отдать столько, сколько запросят. Но книги убийц-налетчиков не интересовали. Все тома, в том числе и бесценные, так и остались стоять на полках.

Тогда что? Деньги? Но вся округа знала, что у него денег нет. Когда он ходил на почту или по магазинам Подольска вид у него был самый затрапезный, его сравнивали с бомжем, настолько непритязательными и старыми, а зачастую и просто ветхими, были его пиджаки и брюки. Выходной костюм у него оставался один. В нем он и ездил на официальные встречи в Москву, да и то не всегда. Как-то

один из дипломатов через два дня после встречи с ним в посольстве увидел его в обшарпанном виде в метро. Вильям Васильевич приметил знакомого и хотел спрятаться за спинами других пассажиров, но дипломат приблизился и тихо произнес: "Не пытайтесь спрятаться, господин Похлебкин. Хоть Вы и удачно замаскировались, но я Вас все равно узнал." . . . Уже потом много дней спустя, когда нашли его тело, в кармане пиджака следователь обнаружил две сберегательных книжки, залитые спекшейся кровью. Вклады на них были совсем небольшими . . .

Тогда что? Коллекция орденов? Да, об этом во всю писала наша "желтая" пресса. Свои предположения в этом направлении высказывал даже один из следователей. Неправда все это! Не было у него никакой коллекции орденов. Во-первых, чтоб заводить такую коллекцию (не говоря уже о том, что это незаконно, а он был идеально законопослушным человеком), надо иметь огромные деньги. Да, он был крупным специалистом в области эмблематики и геральдики, писал на эти темы книги. Но мало кто знал, что он был к тому же и прекрасным художником-миниатюристом и умел спокойно рисовать-копировать любую медаль, любой орден из книги или из альбома. Да и зачем ему нужна была коллекция орденов? Она бы отнимала у него, какое-то время, которое ему так необходимо было для работы над очередной рукописью.

Во-вторых, его сын Август, проживший в этой квартире с отцом очень долго и знающий в ней каждый уголок, утверждает: "Нет, не было у папы никакой коллекции, да и не могло ее быть, не такой он по характеру человек". Того же мнения придерживается и дочь Гудрун, которая живет с семьей и работает в Тарту, но которая тоже не один год прожила в этой квартире в Подольске.

Что же в таком случае искали выродки-истязатели? Поскольку все полы в квартире залиты кровью, его таскали и пытали в каждой из комнат. Семь отверточных ран нанесли ему в грудь. И еще вертели отверткой в теле, вызывая новые страшные дикие приступы боли у полуживого старика. Он уже умер после удара отверткой в сердце. Его перетащили на кровать и там нанесли той же отверткой еще один удар — в висок, чтобы разбить череп, и ковырнуть в мозгу гениального ученого.

Так что же хотели найти бандиты? У Вильяма Васильевича было огромное число неопубликованных страниц книг, брошюр, статей. Все это было аккуратно сложено под его рабочим столом, в нишах квартиры, в углах комнат, на полу, прикрыто какой-то материей. Он как-то принес список своих неопубликованных работ в редакцию, его можно было сравнить по объему со списком опубликованных. И вот это все неопубликованное, страницы всех этих рукописей были разбросаны по всей квартире, покрывала с рукописей были сорваны, листки, хаотично валялись на полу . . .

Вот что, оказывается, искали киллеры. Им нужны были какие-то рукописи . . . Нашли они их или нет, не узнает теперь никто, потому что подробного списка всех рукописей не было и сейчас ни у кого нет . . .

Однако рукописи, судя по всему, оставались побочной целью, а главной изначальной все-таки была — покончить с ним самим.

Кому же мешал он тем, что жил, этот невысокого росточка человек, "кулинар и геральдист", как его окрестили бойкие щелкоперы из разных однодневных газетенок, которые гонятся только за сенсацией, наперегонки обставляя соперника, лишь бы ошеломить, удивить читателя очередной душераздирающей сенсацией?

Мы, его товарищи-однокашники, как и он, закончившие МГИМО в 1949 году, знали его на протяжении пятидесяти пяти лет, с тех пор, как он с фронта пришел в институт. Он был разносторонним ученым: историком, юристом, экономистом, а в целом Политиком-Международником, подлинным энциклопедистом наших дней. Все, о чем он писал, было глубоко обоснованным, осмысленным, снабженным многими фактами, подвергнуто серьезному анализу. А главной особенностью его творчества была та, что он стремился поделиться

своими знаниями. Встречался с людьми — говорил, рассказывал, убеждал; а дома — работал, обдумывал, писал, писал, писал . . . Жил без телевизора и радио, чтоб не мешали . . .

Он был ершистым автором, спорил до хрипоты с редакторами-неумехами, отстаивая каждую написанную букву, читал гранки и верстку обязательно уже после того, когда их обрабатывали корректоры. С ним было трудно работать, потому что он постоянно что-то правил, заменял или дописывал. Но зато получались шедевры. Зато ему присуждались, начиная с младых ногтей премии, причем весьма престижные — и от МИД СССР, и от ЦК ВЛКСМ, и от многих газет и журналов, — кончая в последние годы крупными международными вроде Ланге Черетто (в области алиментационной истории, Италия, 1993 г.) или Гуго Гроция (в области международного права, ООН—Голландия—Россия, 1999 г.). Зато он стал — единственным из многих тысяч выпускников МГИМО за более чем пятьдесят лет — Действительным членом Нью-Йоркской академии наук.

Он умел аргументировать и отстаивать свои взгляды. Это ему во многом помогало. Но, к сожалению, это же ему и мешало. Он никогда не мог усмирить свою научную гордыню и ради конъюнктурной однодневки поступиться исторической или юридической правдой. Поэтому и страдал. В советские времена случился такой период, когда ясновельможные паны из ЦК и из МИД запретили печатать его статьи на международные темы всем газетам, журналам, издательствам. Его сняли со всех работ. Но жить-то надо было. И вот тогда он начал писать о кулинарии и геральдике. Как и все, о чем писало его перо, у него получалось замечательно и это. Но свою международную тематику он не забросил. О внешней политике он писал в стол, так сказать, для будущих времен.

Однако, с тех пор он стал говорить друзьям, что за ним наблюдают, следят, кто-то приходит к нему в дом и роется в его рукописях. Приятели, к сожалению, воспринимали все это, как чудачества гения.

В последние годы он написал ряд острых научных статей, в которых отстаивал свои взгляды: о российском Крыме и о российском Севастополе, о грузино-абхазских отношениях, о том, как следует решать судьбу Чечни, о миротворческом процессе в Таджикистане, о проблемах русскоязычного населения в Прибалтике, о святыне России — мавзолее Ленина.

Слежка за ним возобновилась. Только теперь он говорил, что делают это, в основном, какие-то кавказцы. Мы призывали его к осторожности. Да и он сам это понимал.

И вот наступило 22 марта . . .

Его тело нашли только 13 апреля. Он жил один, и никто не решался попросить милицию взломать дверь. Его нашли в кровати в "полном парадном костюме", обезображенным и убийцей и временем (в те дни в Подмосковье стояла жара).

А подробности событий того дня мы воспроизводим по данным и предположениям судебно-медицинской экспертизы и следствия.

Мы не предрекаем выводы следствия, но мы базируемся на материалах, которые имеются в нашем распоряжении, в том числе и в распоряжении следствия.

Мы не воспроизводим в этом некрологе вехи его научной биографии, тем более, что читателям он хорошо знаком и по статьям и по научной биографии, которую можно прочитать в № 4 "Московского журнала международного права" за 1997 год.

Он многое еще мог бы сделать. Многое мог написать. Всегда бодрый, подтянутый, стройный, подвижный как ртуть и умеющий держать себя в форме, следящий за своим здоровьем, поговаривал: "Я собираюсь работать до ста лет". И мог бы . . .

Хочется надеяться, что это дикое преступление будет раскрыто и не останется "висяком" на совести наших правоохранительных органов и спецслужб.

**Группа товарищей — выпускников МГИМО 1949 года — того года, в который окончил институт и сам В.В. Похлебкин.**

## Москва, Головинское кладбище 24 апреля 2000 года

Здесь состоялись похороны Вильяма Васильевича Похлебкина. Множество людей.

Сюда пришли почти все, находящиеся в Москве, его товарищи-однокурсники, которые, как и он, поступали 55 лет назад в МГУ имени М.В. Ломоносова на международный факультет (вскоре он был преобразован в Институт международных отношений), прийдя с фронта или с производства, или на "отлично" окончив школу, или долгие месяцы отлежав в госпиталях, — шла Великая Отечественная война. На кладбище собрались и представители Государственной Думы, и МИД России, и МГИМО (У) МИД Российской Федерации (низкий поклон ректору этого Университета — Анатолию Васильевичу Торкунову, — он выделил средства на организацию похорон), и представители ряда издательств, где публиковались труды Вильяма Васильевича, и ученые-скандинависты, и студенты, которые увлеченно читают его книги, и много просто почитателей его талантов. Здесь же и родственники покойного.

Венки, цветы. Военный оркестр играет траурные мелодии. Музыка прерывается. Проходит здесь же на кладбище гражданская панихида.

*Гражданская панихида памяти Вильяма Васильевича Похлебкина проходила на Головинском кладбище. На нее собрались родственники и друзья покойного, представители МГИМО, издательств и средств массовой информации, где он публиковал свои работы, его многочисленные почитатели. Три года он провел на фронтах Великой Отечественной, и потому в последний путь его проводить прибыла рота армейского почетного караула и военный оркестр комендатуры Москвы — Министерства обороны России. На снимке можно также увидеть воинское Красное Знамя с траурной черной лентой.*

**Выступает главный редактор "Московского журнала международного права", профессор МГИМО (У) МИД России ПАРХИТЬКО Всеволод Петрович**

Дорогие друзья! Уважаемые родственники погибшего!

Сегодня мы прощаемся с Вильямом Васильевичем Похлебкиным. Он погиб трагически, как великомученик.

Его убили садисты, изуверы, нелюди. А средства массовой информации — телевидение и газеты — распространяют о нем после этого две огромных неправды.

Первая состоит в том, что его пытаются представить каким-то кулинаром и даже просто поваром. Да, он писал книги о кулинарии, и этим своим творчеством он был известен миллионам людей. Да, он прекрасно готовил, знал множество самых диковинных рецептов, умел удивить своими блюдами двести персон, как это было на приеме в Риме, или создать изысканный обед на двадцать приглашенных гурманов, как это случилось в том же Риме для членов итальянского правительства и жюри конкурса имени Ланге Черетто, международной премии которого он был удостоен. Да, он и в обыденной жизни готовил для друзей так, что пальчики оближешь . . .

Но не это являлось для него главным. Это было, как говорят, всего лишь хобби. А главным стало то, что он воспитал в себе великого ученого. Историка, скандинависта, юриста-международника, специалиста в области геральдики и эмблематики, политика, если хотите, с собственным видением развития событий. За это собственное видение он и пострадал еще в годы советской власти: ортодоксы-чиновники и бюрократы усмотрели в его работах "отклонение от генеральной линии" и запретили всем газетам и журналам, издательствам и другим средствам массовой информации публиковать что-либо политическое под его именем. И тогда он стал писать свои труды "в стол", "в ящик" в ожидании лучших времен.

Но жить-то надо было и тогда, надо было чем-то зарабатывать, чтобы существовать, а он умел это делать только своим пером. И вот в те тяжелые дни он пришел к кулинарии, стал публиковать свои кулинарные рецепты. А поскольку все, о чем он писал, у него получалось гениально, то и в этой области он сразу же добился феноменальных успехов, стал широко известен, а затем как бы по инерции занимался этим наряду со своей любимой историей, всю оставшуюся жизнь. После смерти газеты справедливо написали о нем "гений кулинарии", но это была лишь малая толика правды. В равной степени его можно было бы назвать "гений истории" или "гений права" за его труды в этих областях науки. Да и он сам в кругу ученых считал себя прежде всего историком-скандинавистом. В 1999 году мы готовили книгу "Птенцы гнезда МГИМО'ва", и там под портретами авторов стояли краткие определения их специализации. Он попросил поставить под его портретом емко и четко: "скандинавист".

Вторая огромная неправда, которую растрезвонили по свету щелкоперы-журналисты и неумехи-следователи, — это выдумки о его каких-то баснословных богатствах. Отсюда родилась и версия о бытовом убийстве с целью ограбления. О якобы украденной коллекции орденов и медалей. Ложь все это! Не было у него ни златых гор, ни дорогих коллекций. Жил он на нищенскую пенсию да на гонорары от своих публикаций. А если гонорар был приличным, то ходил он по букинистическим магазинам и скупал раритеты. Его знали все букинисты Москвы и при случае припасали то, что он искал. За нужную книгу он готов был выложить большую сумму. Потому и скопилась в течение многих десятилетий его домашняя библиотека в несколько десятков тысяч томов редких книг. Но убийцы ее не тронули, она их не интересовала. А ордена и медали он умело рисовал, поскольку сам обладал талантом рисовальщика. Но и эти рисунки убийц не интересовали.

Тогда что же? Им нужен был он, его нестандартный глубокий ум, проникающий в суть явлений. Его эрудиция обезоруживала оппонентов. Его ясные и хлесткие определения, убедительные аргументы, доскональные знания исторических фактов настолько серьезно воздействовали на читателя, что тот сразу же становился на точку зрения автора. Он был трибуном, научным авторитетом, нестандартные мысли, высказанные им, разделяли многие. Но не все. Недруги, чей авторитет он подрывал, ничего не могли ему противопоставить ни в научном, ни в политическом плане. Вот почему с ним хотели покончить. А врагов у него было немало. Среди них и те, кто возмущался его статьями об абхазах, как о независимом, гордом, самобытном народе, и те, кто ненавидел его за статьи о российском Крыме и российском Севастополе, и те, кто презирал его тонкий юридический анализ международно-правовых документов о мирном урегулировании в Таджикистане, и те, кто кривил губы в ухмылке, когда знакомился с его продуманными и простыми предложениями о налаживании отношений с новыми прибалтийскими государствами — бывшими республиками СССР, и те, кто открыто злобствовал по поводу его идей решения проблемы Чечни и всего Северо-Кавказского региона. Таким образом, мы в открытую заявляем, что его смерть — это политическое, заказное убийство.

Вильям Васильевич Похлебкин был великим человеком. Его имя станет в один ряд с такими знаменитыми историками России, как Татищев, Ключевский, Соловьев. Но они работали в прошлые века. Вильям Васильевич Похлебкин — это явление XX века.

Он родился и провел детство в Москве. Но в шестнадцать лет здесь же уже получил высшее образование: закончил факультет искусствоведения при Музее истории искусств. А потом были фронты Великой Отечественной войны. Сначала воевал в разведке, затем был переведен, как смышленый и грамотный красноармеец, в штаб дивизии. Рядовой служил на должности капитана. Он был одним из тех, кто своим письмом обратил внимание высшего руководства страны на то, что нужно беречь образованные кадры, делать на них ставку, сохранить их для будущего переустройства мира.

Наверно, по письмам таких, как Похлебкин, и было принято знаменитое решение Политбюро ЦК ВКП(б) и правительства о создании Института международных отношений и о пополнении рядов его студентов частично за счет отличников с неоконченным высшим образованием, отзывавшихся с фронтов Великой Отечественной. Именно так и самого Похлебкина отозвали с фронта.

Он стал блестящим студентом. Уже в институтские годы он писал такие работы, что его награждали за них и Министерство высшего образования и Министерство иностранных дел.

А затем жизнь — сплошное горение. Горение во имя науки. Бесконечная череда написанных им книг, статей, брошюр, детальных справочников. Он один издал огромный справочник "Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах". Этот труд вряд ли под силу большому коллективу ученых — какому-нибудь институту. Вильям Васильевич выполнил его один. И теперь большие коллективы могут писать исторические труды, черпая факты из этого справочника.

Заслуга Похлебкина состоит в том, что он по-новому заставил нас посмотреть на развитие отношений нашей страны с Финляндией, и тем самым способствовал укреплению дружеских связей с этой северной соседкой. Не зря и финская сторона высоко оценила этот его вклад: он стал единственным гражданином нашей страны, которого финское правительство наградило почетной медалью Кекконена.

Заслуга Похлебкина состоит в том, что он впервые систематизировал огромное число гербов и эмблем России, впервые выпустил большой справочник и в этой сфере историографии.

Заслуга Похлебкина состоит в том, что он впервые собрал воедино и систематизировал в стройный исторический ряд всех ханов Золотой Орды — той самой Орды, в которой отсутствовала письменность и даты по которой приходилось ему собирать либо по косвенным европейским источникам, либо по данным нумизматики — изучения монет в самых разных музеях, зачастую в глухих провинциальных городках нашей страны.

Заслуга Похлебкина состоит в том, что он своими трудами как глыба возвысился в нашей отечественной науке, возвысился настолько, что его заметили далеко за океаном, в Америке, где он сам никогда не бывал. И не только заметили, но и сделали — причем единственного в XX веке представителя гуманитарных наук нашей страны — действительным членом Нью-Йоркской академии наук.

Заслуги его перед наукой, перед Родиной можно перечислять долго. Их надо изучать и систематизировать. Мы уверены, что найдутся ученые-историки, которые будут делать это.

Но уже сейчас хочется сказать, что он никогда не отдыхал в общепринятом понимании этого слова. Он не ездил ни на курорты, ни в дома отдыха. Со студенческих лет он выработал правило — с наступлением лета брал в руки посох, вешал за плечи котомку и отправлялся в научный поход по деревенькам Севера нашей страны. И шагал по тропам, проселкам и большакам. Собирал предметы быта, утварь, иногда шкуры, а чаще всего книги. Старинные книги были его страстью.

Все мы остаемся в детях. В своих детях остался и наш друг Вильям Васильевич Похлебкин. Он дал им высшее образование. Они находятся здесь, среди нас и мы им выражаем самые глубокие соболезнования в связи с драматической гибелью их родителя. Его дочь — Гудрун, преподаватель Тартусского университета, ученый-антрополог, которая готовится защищать докторскую диссертацию. И сын Август, который учился в Московском полиграфическом институте и является редактором по специальности.

Хочется верить, что это злодейское убийство бессребреника, человека чистой души, гениального ученого будет раскрыто, что бандиты и негодяи не останутся безнаказанными, а правоохранительные органы выставят их на суд народный и на суд истории.

**Выступает представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации КОНСТАНТИНОВ Валерий Алексеевич**

Уважаемые родные и близкие Вильяма Васильевича, уважаемые коллеги!

Сегодня мы прощаемся с одним из выдающихся ученых нашего столетия — Вильямом Васильевичем Похлебкиным. Это был не только великий ученый, внесший огромный вклад в развитие отечественной и зарубежной науки, но и прекрасный практик, оказавший неоценимую помощь многочисленным международным, государственным и общественным организациям, а также гражданам. Особо хотелось бы отметить его существенную помощь нижней палате российского парламента — Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации. Подготовленные Вильямом Васильевичем Похлебкиным справки, заключения, записки и иные документы, а также его научные работы, выполненные на высочайшем уровне, распространялись среди депутатов Государственной Думы и сотрудников аппарата, что свидетельствовало о большой практической и государственной значимости его трудов.

Причем интерес к его работам был настолько высок, что все его статьи, появлявшиеся в "Московском журнале международного права" и в журнале "Международное право — International Law" размножались по числу депутатов в

*— В наших списках он значился как эксперт-энциклопедист, — заявил представитель Государственной Думы В.А. Константинов на гражданской панихиде, состоявшейся на кладбище.*

количестве 450 экземпляров и вкладывались в качестве обязательного документа в досье каждому депутату. В списках Государственной Думы Вильям Васильевич значился как эксперт-энциклопедист.

Достаточно привести такой весьма характерный пример: на основании его заключения о государственном гимне Российской Федерации Государственная Дума приняла в первом чтении законопроект, в соответствии с которым нашему Государству возвращалась музыка прежнего Гимна Советского Союза, автором которой является композитор Борис Анатольевич Александров.

Важно подчеркнуть, что вся жизнь и работа Вильяма Васильевича была направлена на укрепление могущества нашего государства, усиление его роли на международной арене и защиту национальных интересов Советского Союза и России.

К сожалению, в настоящее время далеко не всегда можно говорить об отстаивании такой патриотической позиции со стороны наших государственных органов.

Помимо всего вышесказанного Вильям Васильевич обладал очень высокими человеческими качествами, это был честнейший, умнейший и порядочнейший человек, общение с которым всегда оставляло приятное впечатление.

Мы постараемся приложить все усилия к тому, чтобы продолжить то великое дело, которое начал Вильям Васильевич Похлебкин. Память об этом выдающемся человеке навсегда останется в наших сердцах.

*— И российские, и зарубежные ученые говорят о нем, как о великом историке и политологе-скандинависте, — сказал В.Е. Можаев, многие годы работавший в МИД СССР и несколько лет пребывавший на посту советника в посольстве Советского Союза в Стокгольме.*

**Выступает МОЖАЕВ Всеволод Евгеньевич — от ученых-скандинавистов**

Уважаемые друзья, товарищи, родственники Вильяма Васильевича!

Мы прощаемся сегодня с действительно незаурядным человеком. Он был не только глубоким разносторонним ученым, но и прежде всего ученым-скандинавистом до мозга костей. Чем бы он ни занимался впоследствии в жизни, для нас, кто знал его все эти долгие годы, он останется в памяти как серьезнейший ученый-скандинавист. И российские, и зарубежные представители науки говорят о нем, как о великом историке и политологе-скандинависте.

И одновременно с этим его труды, вся его научная деятельность опровергают суждение о том, что если человек занимается какой-то узкой специализацией, то от этого страдает широта знаний. Наш Август — Вильям Васильевич на самом деле за что бы ни брался, за какую-либо отрасль знаний, ветвь науки, сферу практики, всегда все он делал основательно, как говорят, копал глубоко.

Сегодня я прочитал в "Независимой газете" о том, что президент Финляндии Кекконен считал книгу Вильяма Васильевича Похлебкина о нем, как о президенте страны, таким трудом, который был ему, как высшему государственному деятелю своей страны, больше всего по душе. До того, как я прочитал книгу

Похлебкина о Кекконене, у меня были личные контакты с президентом Финляндии, и я считал, что знаю о нем достаточно много, но по мере того, как я читал эту книгу, я открывал для себя все больше и больше нового. Этим и отличались его труды. За что бы он ни брался, что бы ни описывал, самым характерным для него была глубина проникновения в описываемый предмет. И еще — обязательно новый, своеобразный, оригинальный подход к любой теме, какой бы трудной она ни была.

Нам всем, его друзьям будет очень не хватать нашего дорогого Августа, как мы привыкли его звать со студенческих лет. Нам будет не хватать его в нашей науке — скандинавистике, во всех делах наших, в жизни, а делом своей жизни он, конечно, считал ее — свою родную скандинавистику.

Еще хотелось бы отметить одну важную черту его характера, — он был человеком очень добрым в личном плане, никогда никому в дружеском кругу не желал зла. Умел и часто приходил на помощь, если надо было что-то написать, отредактировать.

Сегодня я хотел бы выразить надежду, что тех выродков, которые убили этого замечательного человека, постигнет заслуженное возмездие. Очень надеюсь, что наша милиция, наконец, сможет найти этих злодеев, — другого слова, чтобы их назвать, я не подберу, да и не хочу подбирать.

Да, мы прощаемся сегодня с Вильямом Васильевичем. Но я хотел бы сказать, что мы никогда его не забудем, сколько будем жить, столько он и останется в наших сердцах. Пусть же прозвучит эта фраза, как торжественная клятва, в нынешний траурный день.

*Как о великом ученом и прекрасном авторе-публицисте, историке-международнике говорил о Вильяме Васильевиче Похлебкине генеральный директор издательства "Международные отношения" Б.П. Лихачев.*

**Выступает генеральный директор издательства "Международные отношения" ЛИХАЧЕВ Борис Петрович**

Говорить трудно над этим гробом. Тем более, что прекрасные и точные слова уже прозвучали. Могу только присоединиться к ним.

И от себя лично могу добавить, что 47 лет близкого знакомства, совместной работы с Вильямом Васильевичем дают мне основания сказать кое-что от себя. В этот печальный трагический день мы еще раз убеждаемся, что погиб совершенно незаурядный человек, в котором была самая главная составляющая. Не мои слова, они сказаны одним из наших друзей, но я полностью под ними подписываюсь: "Это был ученый, человек, который был бы ученым в любое время, в любую историческую эпоху, в любой стране".

Он был ученым, предельно далеким от какой-либо сухости; все, кто с ним сталкивался хоть однажды, прежде всего, запоминали этот огромный человеческий темперамент, это неравнодушие, которое было свойственно ему во всем — и в большом, и в малом.

Наше издательство гордится тем, что мы всегда имели самое тесное отношение к его публикациям. Здесь уже была упомянута моим другом Всеволодом Евгеньевичем Можаевым книга о Кекконене. Она была издана в нашем издательстве. Но перед ней была издана другая книга — книга, покрывающая многовековую историю российско-финляндских и советско-финляндских отношений. Я упоминаю ее не только потому, что она являет собой необычайно ценный научный труд. Меня заставляет вспомнить об этом прямая подсказка — упоминание о Кекконене.

В свое время, еще будучи президентом Финляндии, Урхо Калева Кекконен по какому-то случаю сказал, обращаясь с упреком к финским политикам и историкам, что в Финляндии нет книги, которая бы достойно и правильно отражала бы и выражала суть национальной истории Финляндии. Он добавил: "С одной оговоркой. Мы должны с печальной грустью для себя признать, что такая работа есть, и она сделана не финном, а русским, марксистским, — как он добавил с сожалением, — автором — Вильямом Похлебкиным".

Но этой книге повезло, и ее вот так отметили. А по существу каждая сделанная им работа заслуживает самых высоких и серьезных, если хотите, таких же отзывов.

Последнее, что он делал с нашим издательством — это многотомный, задуманный им справочник "Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах". Однако, к сожалению, он останется незаконченным. Это — не просто какая-то одна единовременная работа. Это — послание в будущее.

Если мы виноваты перед Вами, Вильям Васильевич, простите нас, простите!

*— Особенность его творчества состояла в том, что он был гениален во всем, за что брался писать. Так, его кулинарные рецепты знали миллионы читателей, — сказал главный редактор издательства "Центрполиграф" И.А. Лазарев.*

**Выступает главный редактор издательства "Центрполиграф" ЛАЗАРЕВ Игорь Анатольевич**

Дорогие друзья, коллеги, близкие и родные Вильяма Васильевича!

Издательство "Центрполиграф" с большой радостью дружило с Вильямом Васильевичем Похлебкиным в течение многих лет. Да, мы много лет знали его, но, наверное, не так много, как те близкие и коллеги, которые присутствуют здесь, но все-таки достаточно много.

За этот срок он стал также и для нас родным и близким человеком. Мы были всегда рады встречам с ним на книжных выставках или в нашем издательстве. Его гибель — невосполнимая потеря для всех нас.

Невозможно пока до конца осознать, что значит эта потеря для истории нашей страны. Особенность его творчества состояла в том, что он был гениален во всем, за что брался писать. Так, его кулинарные рецепты знали миллионы читателей.

Мы издавали его книги по кулинарному искусству. В том числе такие книги как "История водки", "Чай", "История русского кулинарного искусства" и многие другие.

Нет такого человека, нет никого, кто мог бы заменить его на этом поприще.

Вильям Васильевич оставил большое наследие своей стране, своим потомкам. Я имею в виду его литературное и научное наследие.

Мы помогли издать ему полную библиографию его работ небольшим тиражом. Весь последний год, он жаловался на здоровье и на то, что он доживает свои последние дни. Мы тогда ему говорили: "Вильям Васильевич, что вы! Да Вы полны энтузиазма, у Вас столько энергии, вы как кипящий котел, у вас все еще впереди". Мы задумали издать серию его книг по истории второй мировой войны. Книги по кулинарии "Дальневосточная кухня", "Скандинавская кухня" и "Американская кухня".

Все наше издательство, все наши друзья скорбят о Вильяме Васильевиче.

Вильям Васильевич, если мы виноваты перед Вами, простите нас, простите!

*— Великий патриот и честный труженик, у которого на первом месте всегда была правда истории, — так охарактеризовал своего друга и однокашника доктор исторических наук, профессор В.С. Кисляков.*

**Выступление доктора исторических наук КИСЛЯКОВА Вальтера Сергеевича — от имени сокурсников**

Трудно говорить, когда расстаешься с очень близким человеком, с которым мы, его сокурсники за 55 лет сжились.

Вильям, — а мы все звали его Август, он так больше любил, — Похлебкин принадлежит к тому героическому и трагическому поколению мужчин, которые родились в 1922 и 1923 году и которых после Великой Отечественной войны осталось-то всего два или три процента на всю оставшуюся жизнь.

А он, Вильям Васильевич, как бы был благодарен судьбе за это и работал во всю и за себя и за тех, которые не вернулись с фронтов. Он действительно был одержим работой.

Бытует мнение, что энциклопедичность человека существовала где-то в далеком XVIII веке. Однако Август был нашим, XX века, энциклопедистом. Он всегда всех поражал своими знаниями, эрудицией. Трудно сказать, чего он не знал. Думаю, что будущим биографам Августа Похлебкина, — а таковые непременно будут, — придется немало потрудиться, чтобы собрать все им написанное. А написано им было очень многое, особенно много неопубликованного.

Вот Борис Лихачев говорил, что он с ним давно работал. Но не так-то просто было пробиться к его рукописям. Возьмите, к примеру, "Историю Хорватии с древнейших времен", или же, например, такая же неопубликованная рукопись на полторы тысячи страниц "Внешняя политика Норвегии XX века".

Откуда у него все это? Научная одержимость, подвижничество, горение в работе — вот его характерные черты. И все это развивалось с детства.

Здесь наш сокурсник Володя Пархитько (я его по-свойски, без "по батюшке", называю) говорил, что в 16 лет он закончил институт, да не просто закончил. В прошлом году я пришел к Августу и гляжу, стоит у него бюст Вольтера. "Откуда это?" — спрашиваю. А он в ответ: "А я этот бюст получил вместе с грамотой об окончании института". И показал мне грамоту, где написано, что он был лучшим среди окончивших институт. Случилось это буквально накануне войны. В грамоте стояла дата "14 июня 1941 года".

Когда он пришел в МГИМО, то он тоже был не таким, как все. Студенты в летние каникулы обычно уезжали на отдых, поближе к солнышку, на юг. А наш дорогой Август отправлялся в глушь Севера России собирать редкие книги и всякие другие раритеты. Но не из меркантильных интересов, а для себя, чтобы сохранить для потомков и чтобы использовать в своих научных интересах.

В прошлом году он снова удивил и всех нас и научную общественность России своей потрясающей работой. Называлась она "Все ханы Золотой Орды". Мне он рассказывал, что добрался до книги одного малоизвестного австрийского историка, жившего в начале XIX века. Книга была более тысячи страниц, и написано все это было древним готическим шрифтом. Даже нынешние немцы не знают, как его читать. А Август мне рассказывал, как он с лупой рассматривал и читал этот мелкий шрифт. И все более тысячи страниц. Можете себе представить, каким был этот титанический труд!

О нем можно говорить еще много.

Вот здесь перед началом этой траурной церемонии мы обменялись разными идеями, как увековечить его память. И появилась мысль, а что если мы создадим книгу воспоминаний о нем? Пусть напишут о нем и сокурсники, и не только сокурсники. Все, кто может вспомнить что-то свое об этом замечательном уникальном человеке.

Август до конца дней своих оставался верен своим идеалам юности, идеалам марксизма, идеалам той фамилии, которую носил. Многие считали, особенно те, кто знакомился с его творчеством по кулинарным книгам, что это не его фамилия, а псевдоним. Да это псевдоним, ставший фамилией. Но не его псевдоним, а псевдоним его отца, подпольщика-революционера с дореволюционным партста-

жем. А настоящая фамилия отца — Михайлов. После революции отец оставил свой псевдоним как фамилию, а затем передал ее детям. Вместе с фамилией отца Август-Вильям сохранил и его идеалы.

В последнее время Август поднял свой голос в защиту нашей святыни — мавзолея Ленина. Он опубликовал на эту тему статью в "Московском журнале международного права", она была перепечатана из журнала в газете "Советская Россия". Он выдвигал веские доводы в защиту мавзолея, объяснял, почему эта национальная святыня России должна быть сохранена, и статья получила широкий резонанс по всей стране. Мавзолей удалось сохранить, но автор статьи не сумел сохранить себя! Печальный факт!

Пусть нам, хоть и слабым, но все же будет утешением, тот факт, что живут его тысячи, десятки тысяч книг, изданных на четырнадцати языках мира.

Сейчас мы хороним по-настоящему великого сына России. Но он не умрет не только в наших сердцах и в нашей памяти. Он и дальше будет жить в своих книгах. Начинается его вторая жизнь. Он — великий патриот и честный труженик, для которого на первом месте всегда был правда истории.

Недавно я прочитал трехтомник Вадима Коженова "Россия, XX век". Там в разделе о второй мировой войне, о которой, как мы знаем, написаны десятки тысяч книг, Коженов несколько раз использует книгу нашего дорогого Августа "Великая война и несостоявшийся мир".

Верно, что написанное им перейдет и в будущие поколения, его будут читать, и так он будет жить. Потому что только слову дано бессмертие.

Прости нас, дорогой Август, что мы не смогли сохранить тебя и прощай. Пусть будет тебе земля пухом!

*От имени МГИМО (У) МИД России слова скорби произнес президент Ассоциации выпускников Университета, Чрезвычайный и Полномочный Посол Р.А. Сергеев.*

**Выступление президента Ассоциации выпускников МГИМО, Чрезвычайного и Полномочного Посла России СЕРГЕЕВА Ростислава Александровича — от МГИМО (У) МИД РФ**

Уважаемые родные и близкие покойного, уважаемые сокурсники Вильяма Васильевича Похлебкина, уважаемые товарищи!

Сегодня мы прощаемся с человеком, одной из главных отличительных черт характера которого были его твердые убеждения. Эти убеждения он пронес через всю свою жизнь. И тогда, когда был разведчиком на фронте Великой Отечественной войны, и тогда, когда в стране началась капиталистическая перестройка. Своим идеалам он никогда не изменял. Именно это вызывало ненависть многих, которые знали о таланте Похлебкина. Именно это не могло успокоить тех, кто видел в нем своего противника.

Тогда, когда он написал статью об Абхазии, тогда, когда он написал статью о мавзолее Ленина, тогда, когда он написал статью о деятельности Сталина, и тогда, когда он писал о кухнях народов мира, о чае, о водке. Все это ставилось ему в вину. А главное — его популярность, его глубокие, несгибаемые убеждения. То, что отличало его, сейчас стало редким явлением.

Вильям Васильевич помнил очень хорошо свой институт, написал прекрасные воспоминания в книге "Птенцы гнезда МГИМО'ва". В этой книге он повторил все то, что думает о нашей истории, о Родине, о своей собственной судьбе.

Уважаемый Вильям Васильевич! Мы благодарим тебя за то, что ты был скромным и несгибаемым человеком. Мы будем помнить о тебе всю нашу жизнь и передадим эти воспоминания нашим детям.

Прощай, дорогой Вильям Васильевич Похлебкин!

*О прекрасном наследии для нынешних студентов, каким стали книги и статьи историка и юриста-международника В.В. Похлебкина, говорил президент Студенческого центра политических и экономических исследований МГИМО-Университета Сергей Налобин.*

**Выступает президент Студенческого центра политических и экономических исследований МГИМО—Университета НАЛОБИН Сергей Николаевич — от студентов-международников**

Уважаемый Вильям Васильевич!

В сердцах многих поколений студентов МГИМО навечно останутся Ваши труды, посвященные таким разнообразным и интересным темам. Наши предшественники и мы вместе с ними до сих пор взахлеб читаем Ваши книги, такие интересные, такие удивительные, такие живые и нескучные.

Вильям Васильевич, для многих поколений студентов МГИМО Вы были не только гигантским источником знаний, Вы были своего рода духовным наставником для нас и продолжаете оставаться и будете оставаться им многие и многие годы.

Мы, студенты МГИМО, никогда не забудем то, что Вы не только закончили наш институт, но и то, что Вы сделали, чтобы наше обучение в нем стало лучше и интереснее.

Мы всегда будем помнить о Вас, Вы навсегда останетесь в наших сердцах, и мы обещаем, что будем использовать знания, полученные из Ваших книг, на благо нашего государства.

Мы выражаем глубокое соболезнование родственникам и друзьям Вильяма Васильевича Похлебкина от имени студентов МГИМО.

Мы говорим о том, что никогда не забудем Вас, никогда не забудем Ваш вклад в науку и практику международных отношений и международного права. Мы сделаем все, чтобы увеличить этот вклад в дело укрепления нашего государства, нашей Родины, в дело изучения тех огромных пластов информации, которые еще не изучены, и сохранения этой информации.

Спасибо Вам, Вильям Васильевич!

*Траурная процессия направилась к месту захоронения.*

* * *

Друзья-сокурсники бережно подносят гроб к могиле. Вильям Васильевич Похлебкин будет покоиться в той же могиле, где свыше шестидесяти лет назад был похоронен его отец, а несколько позднее и его мать.

Гроб опускают в могилу. Над кладбищем звучит залп ружейного салюта роты почетного караула — так всегда до сих пор провожают в последний путь воинов — фронтовиков Великой Отечественной войны.

. . . А еще через несколько минут под звуки военного бравурного марша рота почетного караула, равняясь на свежую могилу и чеканя шаг по асфальту кладбищенской дорожки, отдает последнюю почесть великому сыну нашей страны — российскому энциклопедисту Вильяму Васильевичу Похлебкину.

*У великого ученого остались хорошие дети: Август — редактор по образованию и Гудрун (справа в темных очках) — антрополог, которая готовится к защите докторской диссертации.*

* * *

**Профессору Анатолию В. ТОРКУНОВУ, ректору Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.**

Дорогой Анатолий Васильевич.

С чувством глубочайшей скорби Международный Комитет Красного Креста узнал о трагической гибели Вильяма Васильевича Похлебкина, одного из самых знаменитых выпускников Вашего Института, эксперта по истории Скандинавии, блестящего ученого, действительного члена Нью-Йоркской Академии Наук.

Светлая память о Вильяме Похлебкине будет вечно жить в наших сердцах и в сердцах тех, кто знал его как великого Российского ученого, историка-международника и очень доброго человека.

Примите, пожалуйста, г-н Ректор, самые искренние соболезнования в этот скорбный день.

**ЛОРА ОЛСОН,** делегат, руководитель университетских и академических программ Московской региональной делегации Международного Комитета Красного Креста.

Москва, 27 апреля 2000 года.

* * *

## В редакцию "Московского журнала международного права"

Примите мои самые глубокие соболезнования по поводу трагической гибели великого ученого современности Вильяма Васильевича Похлебкина.

Он был совестью международного права. Никогда не боялся ни говорить, ни писать открытую правду. Никогда не приносил свою научную истину в жертву сиюминутным политическим интересам. Например, возьмите проблему Абхазии. И в устных беседах, и в своих статьях он выступал за ее независимость.

Он оставался настоящим ученым и этим отличался от конъюнктурного политика. Политик в жизни руководствуется злободневными соображениями, а ученый всегда выступает за рациональную линию, даже если она зачастую не совпадает со злобой дня. Разница состоит в том, что для ученого всегда важнее истина, принципиальность, и в конечном итоге он всегда оказывается прав. Хотя и случается, что для окружающих он иногда кажется неправым.

Наш погибший друг был именно таким настоящим ученым.

**ГЛЕБ СТАРУШЕНКО,**
член-корреспондент Российской Академии Наук,
лауреат Международной премии Гуго Гроция за 1997 год в номинации
"Заслуженный российский ветеран международного права".

* * *

**Свои соболезнования передал по телефону из Тюмени член-корреспондент Российской Академии Наук, лауреат Международной премии Гуго Гроция за 1998 год в номинации "Лучший в России юрист-международник" КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович. Он сказал:**

— Это большая потеря и для науки, и для нашего общества, и для нашей страны — России. Вильяма Васильевича Похлебкина знали везде — и в центре, и у нас, в Сибири. Мне довелось с ним увидеться всего лишь один раз, когда ему в 1999 году вручали международную премию имени Гуго Гроция. Открытый и непосредственный в общении, он по-простому хотел как-то сделать приметной нашу встречу и сказал, что готов подарить мне свою книгу об истории водки. Но так и не состоялась наше следующее свидание. Зато в ту, первую и единственную встречу, я имел возможность послушать его лекцию о времени Гуго Гроция. Его эрудиция, конечно, поражала. И я сейчас понимаю, что нам всем будет его не хватать.

*Могила В.В. Похлебкина на Головинском кладбище сразу после похорон.*

# ПРЕМИИ
# "МОСКОВСКОГО ЖУРНАЛА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА"
## за 2000 год

***Редколлегия нашего журнала решила наградить следующими премиями авторов лучших материалов за 2000 год:***

***Первая премия*** — **Тузмухамедову Б.Р.** (Москва) за многолетнее плодотворное сотрудничество с журналом и за статью "Правовые основы проведения операций по поддержанию мира в Содружестве независимых государств" (№ 2/2000/38).

***Вторая премия*** — **Лазареву М.И.** (Москва) за многолетнее плодотворное сотрудничество с журналом и за статьи о морской правоспособности и дееспособности государств (№ 2/2000/38 и № 3/2000/39).

***Третья премия*** — **Номоконовой Е.Н.** (Владивосток) за статью "Регулирование навигационной безопасности: комплексный подход" (№ 3/2000/39).

***Поощрительная премия*** — **Куликову А.В.** (Москва) за статью "Методы принятия решений в международных организациях и на международных конференциях" (№ 3/2000/39).

Редакция журнала объявляет, что этот конкурс, проходивший у нас на протяжении нескольких лет в XX веке, будет продолжен, начиная с 2001 года, и в наступающем XXI веке. С этой целью устанавливаются следующие премии: ***первая премия*** — *500 рублей;* ***вторая премия*** — *400 рублей;* ***третья премия*** — *350 рублей;* ***поощрительная премия*** *(начинающему автору) — 250 рублей.*

# ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В "МОСКОВСКОМ ЖУРНАЛЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА" В 2000 ГОДУ


*Пархитько В.П.* Обращение к читателю № 1

**События 1999 года в нашей науке**

Третья конференция мира
*Иваненко В.С.* (Санкт-Петербург). Санкт-Петербургский форум № 1
*Шатуновский-Бюрно С.В.* Международная встреча экспертов, посвященная столетию Первой международной конференции мира 1899 года № 1
"Птенцы гнезда МГИМО'ва" № 1
На вечере выпускников МГИМО 1949 года № 1

**Вопросы теории**

*Дурденевский В.Н.* Международные "исполнительные соглашения" президента США № 1
*Клеандров М.И.* (Тюмень). Какие международные суды нужны для СНГ? № 4
*Клименко Б.М.* Суверенитет правового государства № 3
*Косилкин С.В.* Институт гражданства Союза Беларуси и России — проблемы и перспективы № 3
*Манжосов А.А.* Международно-правовые аспекты регулирования политической ситуации № 4
*Молчанов С.Н.* (Екатеринбург). Об использовании понятий "культурные ценности" и "культурное наследие (достояние)" № 2
*Низамиев А.Ш.* (Казань). Международное право развития (основные черты и тенденции) № 2
*Номоконова Е.Н.* (Владивосток). Регулирование навигационной безопасности: комплексный подход № 3
Новая стратегическая концепция НАТО, военная акция альянса против СРЮ и международный правопорядок (Дискуссия на кафедре международного права МГИМО по докладу *В.А. Романова*) № 1
*Равкин В.Н.* Европейское сообщество как субъект международного права № 2
*Рассказов Л.П., Упоров И.В.* (Краснодар). Понятие и принципы ответственности в международном праве № 2

**Международное частное право**

*Аверков В.М.* Теоретические аспекты унификации № 3
*Бурьянов В.В., Епашинников А.С.* (Оренбург). Некоторые аспекты правового регулирования иностранных инвестиций в Российской Федерации и субъектах Российской Федерации (на примере Оренбургской области) № 3
*Калиниченко П.А.* О гражданстве Европейского Союза № 3
*Кристиан де Бри.* (Франция). Многостороннее соглашение по инвестициям появится снова № 4
*Лобода А.И.* Правило о навигационной ошибке в международном и национальном праве № 2

*Муранов А.И.* Интересное коллизионное решение Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ: применение того национального материального права, которое счел бы применимым иностранный арбитраж № 3
*Муранов А.И.* Некоторые проблемы признания и приведения в исполнение решений морской арбитражной комиссии при Торгово-Промышленной Палате Российской Федерации № 4
*Муранов А.И.* История официального опубликования в Российской Федерации Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 1980 г.) в связи с проблемой применения в России ее международных договоров № 3
*Ошенков А.Н.* Регулирование инвестиционных соглашений: проблемы отраслевой принадлежности и применимого права № 1
*Приезжая Н.В.* Оговорка о публичном порядке: применение в международном коммерческом арбитраже № 4

**Международная безопасность**

*Аманжолов Ж.М.* (Алматы). К вопросу о создании зоны, свободной от ядерного оружия в Центральной Азии № 4
*Беннис Филлис.* (США). Империя против ООН. Соединенные Штаты подрывают международное право № 4
*Золотухин Г.А.* Правовые источники участия вооруженных сил Российской Федерации в операциях по поддержанию мира в Содружестве независимых государств № 2
*Мелков Г.М.* Гуманитарное вмешательство (международно-правовые аспекты) № 3
*Пряхин В.Ф.* (Вена, ОБСЕ). Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и проблемы Центральной Азии № 2
*Романов В.А.* Международно-правовые аспекты обеспечения безопасности государств от военных посягательств с моря № 2
*Свинарев В.В.* Правовое положение российских военных баз за рубежом № 4
*Тузмухамедов Б.Р.* Правовые основы проведения операций по поддержанию мира в Содружестве независимых государств № 2
*Франческо, Томазо ди; Джакомо Скотти* (Италия). Шестьдесят лет "этнической чистки" № 2
*Шермилье-Джендро, Моник* (Франция). Право контролировать силу. Война на Балканах № 2

**Права человека**

*Колосова С.Ю.* Реализация принципа справедливости при защите социально уязвимых категорий населения в международном праве (на примере Конвенции о правах ребенка) № 1
*Лукьянцев Г.Е.* (Женева). Две защиты прав человека — два комиссара по правам человека № 2
*Рубина И.Е.* (Петрозаводск). Деятельность государств в области ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин № 4
*Рубина И.Е.* (Петрозаводск). Сотрудничество Северных стран по вопросам осуществления равноправия мужчин и женщин № 4

*Самович Ю.В.* (Кемерово). О соотношении российского законодательства в области защиты прав человека с основными международными стандартами № 3
*Соловьев О.Ф.* Революции и права человека (на взгляд масонов) № 3
*Федяшин В.П.* (Уфа). Профсоюзный комитет и институтский омбудсман: столкновение позиций или совместная работа по практической реализации прав и свобод человека № 2
*Яровая И.О.* (Волгоград). Российский институтский омбудсман грез и действительности № 3

**В аппарате уполномоченного по правам человека в Российской Федерации** № 1

**Международное гуманитарное право**

*Абашидзе А.Х.* Как в СНГ применяются нормы международного гуманитарного права № 3
*Алешин В.В.* Правовое положение интернированных лиц и их собственности № 2
*Де Кастро Альберто Гваделупе Фернандеш.* (Сан-Томе и Принсипи). Международно-правовая регламентация внутренних вооруженных конфликтов № 1
*Келлер Пьер,* вице-президент МККК. Имплементация международного гуманитарного права — задача первостепенной важности № 4
*Котляров И.И.* Деятельность командиров и юридических советников в свете требований международного гуманитарного права № 4
Национальные структуры по имплементации № 3
*Пархитько В.П.* Как Сталин отвадил меня от международного гуманитарного права № 2
*Рогожин С.* Социологический анализ норм международного гуманитарного права № 4

**Международно-правовые вопросы СНГ**

*Карапетян Л.М.* Государственно-национальные конфликты в регионах СНГ и международно-правовые основы их урегулирования № 2
*Симонян Г.В.* (Ереван). К вопросу о признании юрисдикции Экономического Суда СНГ государствами-членами Содружества № 4

**Международное и внутригосударственное право**

*Зимненко Б.Л.* Международное право и российское право: их соотношение № 3
*Зимненко Б.Л.* Согласование норм внутригосударственного и международного права в правовой системе России № 4

**Международное экономическое право**

*Шумилов В.М.* Некоторые вопросы теории и практики № 2

**Международное финансовое право**

*Смирнов П.С.* Актуальные вопросы участия России в системе международных валютно-финансовых организаций. Интервью взяли *Мижинский М.Ю.* и *Москвин Д.А.* № 3

**Международное уголовное право**

*Асатур А.А.* Развитие международного уголовного права и деятельность международных уголовных судов № 2

*Бирюков П.Н.* (Воронеж). Международно-правовые аспекты действия закона в пространстве № 1

*Бирюков П.Н.* (Воронеж). Российское законодательство о выдаче преступников: проблемы и перспективы № 4

**Консульское право**

*Ганюшкин Б.В.* Неприкосновенность личности работников консульских учреждений № 4

**Космическое право**

*Яковенко А.В.* Дистанционное зондирование Земли из космоса № 1

**Международное воздушное право**

*Категов А.С.* (Санкт-Петербург). Сфера федерального ведения и ведения субъектов Российской Федерации в области обслуживания воздушного движения № 3

**Морское право**

*Лазарев М.И.* Еще раз о морской правоспособности и дееспособности государств № 3

*Лазарев М.И.* Морская правоспособность и дееспособность государств № 2

*Малеев Ю.Н., Сокиркин В.А.* Арктические проливы как вид международных проливов sui generis № 4

**Международное ядерное право**

*Валеев Р.М.* (Казань). Международный контроль в международном ядерном праве № 2

*Корякин Ю.И.* Мирные ядерные станции как фактор военного сдерживания № 2

*Михайлов В.Н.* Ядерному оружию России — полвека № 4

*Молдцова Е.С.* Особенности регулирования безопасного для окружающей среды использования ядерной энергии № 4

*Пархитько В.П.* Современное состояние и будущее международного ядерного права (некоторые штрихи) № 3

**Международное семейное право**

*Рыжкова Е.А.* Основные направления развития законодательства Туниса о личном праве № 3

**Право религиозных конфессий**

*Борисов К.Г.* Понятие и содержание права религиозных конфессий и его международно-правовые основы № 4

**Вопросы территории**

*Барциц И.Н.* Кому принадлежит Северный полюс? № 2
*Константинов В.А.* Когда Соединенные Штаты прекратят унижать Россию? (размышления по поводу одного международного соглашения) № 1
Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств № 1

**Новая Европа**

*Богданова Н.Е.* Регулирование вопросов гражданства в рамках Совета Европы: тенденции и их нормативное закрепление № 1
*Горшкова С.А.* Интегрирование России в европейское правовое пространство (О выполнении Россией правовых обязательств перед Советом Европы) № 4
*Слугин А.А.* Эволюция отношений Россия (СССР) — Европейские Сообщества (ЕС) и подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС 1994 года № 4

**Экономическое и научно-техническое сотрудничество**

*Алексеев И.Ю.* Электронная торговля: правовые проблемы предпринимательской деятельности в Интернете № 4

**Международные организации**

*Куликов А.В.* Методы принятия решений в международных организациях и на международных конференциях № 3
*Лукьянцев Г.Е.* (Женева). К вопросу о членстве России в международных правозащитных институтах в связи с событиями на Северном Кавказе № 4

**Полемика**

*Клеандров М.И.* (Тюмень). Еще раз об идее Метаправа в контексте предстоящей встречи с Иным Разумом № 2
Подведем черту № 2

**Страницы истории**

*Анисимов Л.Н.* Мюнхенский сговор 1938 года и проблема европейской безопасности в канун XXI века № 1
*Красов С.И.* (Самара). Политические и гуманитарные аспекты куйбышевского периода деятельности Наркомата иностранных дел СССР (1941—1943 гг.) № 4
*Семьянова А.Ю.* (Казань). Российское государство и дипломатическое право. История и современность № 2
*Стародубцев Г.С.* Преподавание международного права на Русском Юридическом Факультете в Праге (1922—1933) № 3

**Хроника**

*Бойков Д.А., Москвин Д.А.* Новая форма благотворительности ООН № 2
*Вычугжанина А.А.* 450 лет Посольскому приказу (1539—1999) № 2

*Гасанбекова К.А.* ООН в XXI веке № 2
*Линников А.С.* Европейское право в России: международный семинар "Современные тенденции развития права Европейского Союза и российское юридическое образование" № 4
*Лукашук И.И.* 51-я сессия Комиссии международного права ООН № 3
*Мижинский М.Ю.* Батумская конференция: "Права человека и правовое государство" № 2
*Муранов А.И.* Об участии команды МГИМО (У) РФ во Всемирном студенческом конкурсе по международному коммерческому арбитражу имени В. Виса № 1
*Панферов А.В.* Горчаковские чтения — 2000 № 3
*Плавунова Юлия, Валяев Александр, Габдрахманов Артур, Лобач Юлия, Уманская Ирина, Шатурина Елена.* На слушаниях АнтиНАТО № 2
*Полтавцева Е.А., Антонова М.В.* Семинар о контрольных механизмах Европейского суда № 2
Посол Индии — гость МГИМО № 2
*Пуцык Н.Н., Шкулева Н.В.* Метаправо: миф или реальность? № 2
*Сеидов А.В.* Гуго Гроций знал: будущее — за международным правом! № 4
*Сеидов А.В.* Московская модель ООН 2000 — новый взгляд в новое тысячелетие! № 3
*Соколов Д.А.* "Умерла ли наука в России?" № 2

**Книжная полка**

*Абашидзе А.Х.* Добротный труд патриарха (Ушаков Н.А. "Международное право", учебник. — М.: Юность, 2000. — 304 с.) № 3
*Алешин В.В.* Безопасность — новые подходы. (Хлобустов О.М., Рыкунов В.И., Павленко С.З., Подуфалов В.Д. Права человека и интересы национальной безопасности. М.: Московская школа прав человека. 1999. — 181 с.) № 2
*Алешин В.В.* Новые подходы к праву международных договоров (Умарахунов И.М. Учебное пособие. Республика Узбекистан и международное договорное право. Издательство "Узбекистан". Ташкент. 1998. — 315 с.) № 1
*Алешин В.В.* Право в правоохранительных органах. (Рецензия на "Вестник Рязанского Института права и экономики МВД России") № 1
*Антонова М.В.* Норма — модель поведения?! (Рецензия на книгу Л.Х. Мингазова "Эффективность норм международного права", Казань, 1999) № 3
*Бойков Д.А.* Интеграция и право в Европе. (Рецензия на монографию А.Я. Капустина "Европейский союз: интеграция и право". — М., Изд-во РУДН, 2000, 436 с.) № 4
*Бутенко А.В.* Многостраничный труд о юриспруденции Нидерландов. (Рецензия на книгу "Голландская правовая культура". Издательство "Летат", Москва, 1998 г. Отв. ред. В.В. Бойцова, Л.В. Бойцова) № 4
*Вычугжанина А.А.* Кризис миротворчества ООН. (Морозов Г.И. "ООН на рубеже XXI века (кризис миротворчества ООН)") № 2
*Вычугжанина А.А.* Международное право в схемах. (Панов В.Н. Международное право. Учебные материалы. — М.: ИНФРА, 1997 г. — 192 с.) № 4
*Вычугжанина А.А.* Международное частное право в нашей жизни. (Костенко Н.И. Международное частное право. Курс лекций. — М.: Издательство МНЭПУ.— 2000. — 152 с.) № 4

*Ганюшкин Б.В.* Правовое регулирование деятельности консульской службы Республики Казахстан. (Мусинов А.А., Нурумов Д.И., Сарсембаев М.А. Консульское право и консульская служба. Учебник. Отв. редактор Сарсембаев М.А. — Алматы, "Данекор", 2000. — 364 с.) № 3

*Гасанбекова К.А.* Сотрудничество мытарей. (Рецензия на монографию П.Н. Бирюкова "Взаимодействие органов Федеральной налоговой полиции Российской Федерации с зарубежными правоохранительными органами при расследовании налоговых преступлений: правовые вопросы". — М. — 1999). № 3

*Ершов Ю.Г.* (Екатеринбург). Критика критике рознь. (Шерпаев В.И. Моральный дух российской армии. Министерство общего и профессионального образования РФ; Уральская государственная юридическая академия. — Екатеринбург, 1999. — 182 с.) № 3

*Лобанов С.А., Самодуров Д.И., Шаковец О.Н.* Гуманизация войны реальна. (Имплементация международного гуманитарного права: Анализ законодательства Республики Беларусь с точки зрения его соответствия положениям международного гуманитарного права. В.Ю. Калугин, Л.Э. Каменкова, Л.В. Павлова, Э.Г. Числов. Под ред. В.Ю. Калугина. — МН.: "Тесей", 1998. — 112 с.) № 3

*Малеев Ю.Н.* По каким правилам следует убивать (заметки на полях одной работы). (По поводу фолианта Эрика Давида "Принципы права вооруженных конфликтов". — Москва. — МККК. — 2000, 718 с.) № 4

*Моисеев Е.Г.* Нужное практическое пособие (К.А. Бекяшев, М.Е. Волосов. Международное публичное право. Практикум. — М.: "Проспект", 2000. — 240 с.) № 4

*Некрасов Д.А.* А судьи кто? (Рецензия на книгу Клеандрова М.И. "статус российского судьи". — Тюмень, 1999). № 3

*Некрасов Д.А.* Моральный дух . . . с "душком". (Рецензия на книгу В.И. Шерпаева "Моральный дух российской армии", Екатеринбург, 1999 г. — 182 с.) № 1

*Полтавцева Е.А.* Большой объем информации, но . . . для специалистов. (Рецензия на книгу Г.М. Тансыкбаевой "Международное гуманитарное право". Учебник для высших учебных заведений. — Ташкент. — "Эльдинур", — 1999. — 153 с.) № 4

*Пунга Л.* (Кишинев). Первый — на Украине. (Рецензия на учебник. Л.Д. Тимченко "Международное право", Харьков, "Консум", 1999, 528 с.) № 2

*Пуцык Н.Н.* Прогресс — космическому праву. (Рецензия на монографию Яковенко А.В. "Прогрессивное развитие международного космического права". — М., "Международные отношения". — МГИМО. — 168 с.) № 3

*Свинарев В.В.* Важное средство предупреждения военных преступлений. (С.А. Лобанов. "Международно-правовые аспекты уголовного судопроизводства по делам о военных преступлениях". — Москва, Изд-во "Транспорт" МПС России, 1999, 184 с.) № 2

*Сеидов А.В.* Национальный вопрос — это вопрос политики или права? (В.В. Кочарян. "Международное право и национальные меньшинства". — М. — 2000. — 152 с.) № 3

*Тиунов О.И.* Вопросы теории международного права и современность (Черниченко С.В. Теория международного права. Том II. Старые и новые теоретические проблемы. — М., 1999. — 531 с.) № 4

*Шкулева Н.В.* Миграция — проблема постсоветская. (Отв. ред. В.А. Тишков. Миграция и новые диаспоры в постсоветских государствах. — Институт этнологии и антропологии РАН, 1996 — 240 с.) № 4

*Юсубова У.* (Баку). Вклад в теорию международной защиты прав человека (Гусейнов Л.Г. Международные обязательства государств в области прав человека. — Баку. — 1998. — 188 с.) № 1

**Кто есть кто в нашей науке и практике**

*Абакаров Сулейман Абакарович* (Кисловодск) № 3
*Авдеев Александр Алексеевич* (Москва) № 3
*Алигба Людмила Валикоевна* (Сухум) № 3
*Бабаян Давид Клилович* (Степанакерт) № 3
*Валюх Виктор Николаевич* (Луцк) № 3
*Воронцов Юлий Михайлович* (Москва) № 4
*Гаджиева Нигяр Акиф кызы* (Баку) № 4
*Геворкян Карен Альбертович* (Ереван) № 4
*Дувалко Владимир Васильевич* (Ужгород) № 3
*Зинурова Раушания Ильшатовна* (Казань) № 3
*Ибаев Вафаддин Алам оглы* (Баку) № 3
*Иванов Дмитрий Владимирович* (Москва) № 2
*Иванов Игорь Сергеевич* (Москва) № 3
*Карцов Алексей Сергеевичм* (Санкт-Петербург) № 3
*Кахниашвили Автандил Григорьевич* (Тбилиси) № 3
*Кондрашев Юрий Анатольевич* (Владикавказ) № 3
*Константинов Виталий Алексеевич* (Москва) № 2
*Копыткова Наталья Васильевна* (Гомель) № 1
*Красов Сергей Иванович* (Самара) № 3
*Крашенинина Вера Геннадьевна* (Горно-Алтайск) № 3
*Кудряшов Сергей Михайлович* (Москва) № 2
*Куликов Александр Вадимович* (Москва) № 4
*Лысикова Елена Юрьевна* (Тамбов) № 3
*Магомедов Мурад Абдулаевич* (Махачкала) № 3
*Мирошниченко Оксана Петровна* (Киев) № 3
*Морозов Николай Александрович* (Владивосток) № 4
*Палеха Роман Робертович* (Белгород) № 3
*Паршичева Ирина Евгеньевна* (Симферополь) № 3
*Петренко Николай Иванович* (Москва) № 2
*Рубина Инна Евгеньевна* (Петрозаводск) № 3
*Русу Виталий Михайлович* (Бельцы) № 3
*Самаркина Елена Владимировна* (Оренбург) № 3
*Самович Юлия Владимировна* (Кемерово) № 3
*Сидорченко Виктор Федорович* (Санкт-Петербург) № 1
*Трубников Вячеслав Иванович* (Москва) № 4
*Хизриев Руслан Магометович* (Махачкала) № 3
*Цыпленкова Анна Вячеславовна* (Йошкар-ола) № 4
*Шатуновский-Бюрно Сергей Валерьевич* (Москва) № 1
*Шинкарёва Елена Юрьевна* (Архангельск) № 3

**Трибуна преподавателя и студента**

*Жердев К.А.* В добрый путь, "Аму-Дарья"! (Некоторые впечатления от знакомства с журналом "Аму-Дарья" — иранским изданием по изучению Центральной Азии и Кавказа? Год издания первый. № 1 и № 2, весна и лето 1999 года) № 3

*Кочарян В.В.* Мои восхищение, уважение и . . . замечания (О книге Р.М. Тимербаева "Россия и ядерное нераспространение". — М., "Наука", — 1999. — 383 с.) № 4

*Кочарян В.В.* На одном дыхании . . . (Рецензия-отклик на учебник "Международное право". Отв. ред. Колосов Ю.М. и Кривчикова Э.С., М. — 2000). № 3

*Мальгинов А.* "Дело Аугусто Пиночета" № 3

*Мижинский М.Ю.* Памятное столетие. (Рецензия на сборник "100-летие инициативы России: от Первой конференции мира 1899 г. к Третьей конференции мира 1999 г.". — СПб. — Санкт-Петербургский государственный университет. 1999, — 168 с.). № 2

Молодежь о международном ядерном праве: *Агаян Эрнест, Городков Владимир, Грибков Илья, Дегтярева Ольга, Есюнина Инесса, Кошляков Сергей, Налобин Сергей, Пойманова Юлия, Розова Екатерина, Титов Николай, Торлопова Ирина, Трусова Мария, Яценко Ирина* № 3

*Москвин Д.А.* Работа японских ученых. (Работа "Взгляд на СНГ: Специалисты по международному праву из России, Украины, Белоруссии и других стран о проблемах Содружества"). № 2

Почему я люблю международное право? Отвечают студенты: *Антонова Мария, Вычугжанина Анна, Гасанбекова Камила, Жердев Кирилл, Карева Екатерина, Кочарян Валерий, Михеева Юлия, Москвин Дмитрий, Панферов Алексей* № 3

*Пуцык Н.Н.* В повестке дня опять нефть. (Рецензия на книгу почетного профессора Католического университета в Лувэне (Бельгия) Романа Якемчука "Топливный потенциал Каспийского бассейна. Соперничество держав на Кавказе и в Центральной Азии".) № 2

*Соколова-Щербачева И.Г.* После первого курса мы стали настоящими студентами № 4

*Суворова Диана.* Нормативно-правовые акты по ядерному праву Украины. (Ядерне законодавство. Збірник нормативно-правових актів (станом на 1 січня 1998 р.). "Ін юре", Київ, 1998 р., 608 с.) № 4

**Письма в редакцию**

*Янковский О.И., Минчина М.Г.* (Ростов-на-Дону). Поговорим о космическом праве № 4

**Наши справки**

*Иванов Д.В.* Международный фонд "Стабильность и миграция" № 3

*Федотов К.Ю.* Независимая инспекционная комиссия Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Международной ассоциации развития (МАР) № 1

**Международная частноправовая практика юридической фирмы "ММЦП & К°"**

*Монастырский Ю.Э.* Судебный процесс в Нидерландах по иску о взыскании долга крупного российского банка № 4

*Муранов А.И.* История приведения в исполнение в России одного из решений арбитражного института торговой палаты Стокгольма № 4

*Муранов А.И.* Некоторые проблемы приведения в исполнение в Российской Федерации иностранных решений по коммерческим спорам № 1

*Муранов А.И.* Санкции российского права по отношению к физическим лицам-резидентам России за нарушение Российских правил в отношении счетов и вкладов таких лиц в иностранных банках и некоторые другие аспекты валютного законодательства России № 3

*Муранов А.И.* Собственность Российской Федерации, закрепленная за Центральным банком России и находящаяся за границей: некоторые нюансы российского законодательства о Центральном банке и об иммунитете государства и его собственности № 2

*Муранов А.И.* Статус физического лица как налогового резидента России в соотношении с его же статусом как зарегистрированного в России предпринимателя № 3

*Муранов А.И.* Толкование понятия "183 дня" в Российском налоговом праве (Определение статута налогового резидента Российской Федерации" № 1

*Степанов В.А.* Дело об иммунитете международной организации, рассмотрение в органах государственного арбитража в 1991 году № 2

**Документы**

Военная доктрина Российской Федерации. Вступительный комментарий *С.А. Лобанова* № 4

Выводы и рекомендации конференции независимых экспертов-юристов стран-членов СНГ "Проблема самоопределения и отделения в современном международном праве". Вступительная статья-отчет о конференции *А.В. Сеидова* № 4

Договор о создании Союзного государства. Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации Договора о создании Союзного государства № 3

*Карташкин В.А.* Позорное судилище. Президенту Латвии, госпоже Вайра Вике-Фрейберга, Республика Латвия, г. Рига. Заявление Государственной Думы в связи с вынесением Рижским окружным судом обвинительного приговора по делу В.М. Кононова как бывшего командира партизанского отряда, боровшегося с фашизмом в годы Второй мировой войны № 3

Кодекс ответственности и взаимодействия государств в области предотвращения и пресечения актов терроризма и их эвентуального искоренения (Основные положения). Вступительный комментарий *В.А. Романова* № 3

Конвенция о праве народов на самоопределение (проект). Вступительный комментарий *Ю.А. Решетова* № 3

Международный общественный трибунал по преступлениям НАТО в Югославии. Осудить агрессию! Вердикт, г. Ярославль, 14 декабря 1999 года № 2

Международный общественный трибунал по преступлениям НАТО в Югославии. Вердикт, г. Киев (Украина), 23 января 2000 года № 4

Международный общественный трибунал по преступлениям НАТО в Югославии. Вердикт, г. Белград (Югославия), 29 марта 2000 года № 4
*Мижинский М.Ю., Байков Д.А., Сеидов А.В., Соколов Д.А.* Два собрания в одном. Сессия Национального Комитета РФ по Десятилетию международного права и 43-е ежегодное собрание Российской Ассоциации международного права (РАМП) (31 января — 3 февраля 2000 г.). *Колосов Ю.М.* Договор об обычных вооруженных силах в Европе от 19 ноября 1990 г. и Соглашение о его адаптации от 19 ноября 1999 г. (тезисы доклада на собрании РАМП). № 3
Постановление Правительства Российской Федерации о принятии Правительством Российской Федерации решений о согласии на осуществление субъектами Российской Федерации международных и внешнеэкономических связей с органами государственной власти иностранных государств № 3
Развитие договорно-правовой базы отношений Российской Федерации с зарубежными странами в первой половине 1998 года: новые и традиционные партнеры. Новые документы о связях с Македонией, Норвегией, Намибией, Анголой, Италией, Люксембургом, США, Узбекистаном, Аргентиной. Вступительный комментарий *А.И. Лебедева* № 1
Соглашение между правительством Российской Федерации и Объединенным институтом ядерных исследований о местопребывании и об условиях деятельности Объединенного института ядерных исследований в Российской Федерации № 4
Устав общероссийской общественной организации "Союз юристов России". Вступительная статья-отчет об учредительной конференции *Е.А. Каревой* № 4

**Информация**

*Ажажа В.Г.* Человечество, как носитель Разума, во Вселенной не одиноко № 4
В Чечне пытаются расширить состав зарубежных наемников № 3
В 1999 г. открылся читальный зал Юридической научной библиотеки № 1
Главное открытие уходящего века № 4
Ратификация договора с Грузией отложена № 3

**Некрологи**

Барчукова Нина Сергеевна № 1
Вольский Виктор Вацлавович № 1
Деканозов Реджинальд Владимирович № 3
Зотиков Юрий Владимирович № 2
Любомудрова Валентина Владимировна № 2
Похлебкин Вильям Васильевич № 4
Пустогаров Владимир Васильевич № 1
Шибаева Елена Алексеевна № 1

* * *

Премии "Московского журнала международного права" за 2000 год № 4
Предметный указатель статей и материалов, опубликованных в "Московском журнале международного права" в 2000 году № 4

**МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

Лицензия серии ЛР № 010170 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 15 августа 2000 г. Формат 60×88 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,0. Уч.-изд. л. 35,2.
Тираж «плавающий». МЖМП—4/2000/40. Зак. № 597. Цена. 60 руб.

# *ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ*

## *НА ЖУРНАЛЫ ДЛЯ МЫСЛЯЩЕЙ ЭЛИТЫ!*

***(Подробности см. на стр. 293 этого номера журнала).***

**Вы можете подписаться на русское или английское издание нашего журнала и на журнал "Международное право — International law" по следующим адресам:**
**You may subscribe to the Russian or the English edition of our journal and to the journal "Международное право — International law" in the following offices:**

| | |
|---|---|
| LIBERIA EDEST — EDIZIONI ESTERE<br>VIA CAIROLI 12/4<br>16124 GENOVA — ITALIA | **Италия**<br>**Italy** |
| Kubon & Sagner<br>Buchexport—import GmbH<br>D-80328 Munchen | **Германия**<br>**Germany** |
| Slavica. Export-Import<br>ul.Batumi,m.21<br>02—760Warszawa<br>Poland | **Польша**<br>**Poland** |
| Prvni novinova společnost,a.s.<br>Hvozdanska 5—7<br>148 31 Praha 4<br>ČZECHIA | **Чехия**<br>**Czechia** |
| Pinkus GmbH<br>Munstergasse 12<br>CH-8001 Zurich 1<br>Switzerland | **Швейцария**<br>**Switzerland** |
| Victor Kamkin<br>Bookstore Inc.<br>4956 Boiling Brook Parkway<br>Rockville MD 20852,USA | **США**<br>**USA** |
| Panorama of Russia<br>PO Box 44-1658<br>Somerville,Massachusetts 02144,USA | **США**<br>**USA** |
| NAUKA LTD.<br>2-30-19,Minami-Ikebukuro,<br>Toshima-ku,Tokyo,171 Japan | **Япония**<br>**Japan** |
| **Во всех отделениях связи, а также** | **Россия**<br>**Russia** |
| НПО "ИНФОРМ-СИСТЕМА"<br>Россия,113447,Москва,<br>Севастопольский пр-т,11а<br>Тел. (095) 127-91-47; 129-61-84 | **(подписка оптовая, т.е. более 1 экз.)**<br>**(the wholesale subscription that is more than 1 copy)** |

Индекс подписки 70893
Подписка в Интернете: http: //www.akc.ru индекс А 70893

ISSN 0869-0049